НАСТОЯЩИЙ
КИБЕРПАНК
18+
ПЭТ КЭДИГАН
ИСКУСНИКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это мир, в котором новые технологии, даже не попав на улицы, порождают новые виды преступлений. Это мир, в котором компьютерные вирусы обретают личность. Мир, в котором сознание и окружающая среда слились до такой степени, что реальность постоянно переделывается, уничтожается и возрождается. А самые продвинутые демиурги нового времени – это Искусники, полулегальная группа хакеров и пиратов, которые берут образы из разума других людей и превращают их в то, что можно упаковать, продать и потребить. Все Искусники уже настолько подсели на виртуальную реальность, что многие навсегда уходят в искусственные миры, оставив свое тело. Но теперь в сети стало опасно, в ней появился странный вирус, обладающий подлинным разумом, который может обрушить любую систему и изуродовать человеческий мозг. Его создали Искусники, и теперь им придется остановить собственное творение.

- Пэт Кэдиган
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22

- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40

Пэт Кэдиган
Искусники

Pat Cadigan
SYNNERS
Печатается с разрешения автора и литературных агентств Mic Cheetham Agency и The Marsh Agency Ltd.

Перевод с английского: Лариса Михайлова
В оформлении обложки использована иллюстрация
Ольги Зиминой и Валерии Евдокимовой
Дизайн обложки: Валерия Евдокимова

Серия «Настоящий киберпанк»

Copyright © 1991 Pat Cadigan
© Лариса Михайлова, перевод, 2020
© Ольга Зимина, Валерия Евдокимова, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Глава 1

– Я скоро умру, – сказал Джоунз.

Статная тату-художница замерла, занеся иглу над незаконченным вторым лотосом на предплечье полупустого кадра в отключке, который сидел в кресле, свесив голову.

– Как, опять?

– Не смейся надо мной, Гатор. – Джоунз нервно провел костлявой рукой по поредевшим волосам.

– Разве ты слышишь смех? Тебе кажется, что я смеюсь? – Она поудобнее уселась на высоком табурете и подвинула руку с незаконченной татуировкой ближе к свету. Рисунок лотоса особенно сложен, к тому же необходимо было вписать его в уже имеющийся узор, а глаза девушки порядком утомились от ночных трудов. – Нет, я никогда не смеюсь над теми, кто так часто умирает. Знаешь, когда-нибудь ты доиграешься с адреналином, вся система откажет, и ты уже не очнешься. Может быть, это произойдет довольно скоро.

– Чем быстрее, тем лучше. – Джоунз повернулся к ней, отведя глаза от эскиза, пришпиленного к стене палатки: череп в рамочке из роз. – Кили ушел.

Гатор убрала иглу и промокнула наколку. Кожа у всех кадров на Мимозе отличалась поганым качеством, но создания это были смирные и служили надежным хранилищем данных – терпеливо дожидались на месте, где их оставляли, да и крали их редко, в отличие от других видов копий.

– А ты чего хотел? Думаешь, легко жить с человеком, который постоянно умирает? – В ее больших зеленых глазах явственно читался укор. – Лечиться тебе пора, Джоунз. Ведь ты подсел.

Горькая улыбка на лице Джоунза заставила Гатор быстро перевести глаза на свои лотосы.

– Джоунз и его наркотик. Конечно. Но мне уже все равно. И я ни о чем не жалею. Если б мне пришлось еще хоть на день застрять в той депрессии, я бы точно покончил с собой. Раз и навсегда.

– Не люблю говорить о том, что и так очевидно, но в данный момент ты в депрессии.

– Вот поэтому я скоро умру. А Кили не от меня ушел. Он вообще ушел.

Художница прервала работу еще раз, чтобы набрать чернил в иглу, держа безвольную руку кадра на колене.

– А что, есть разница?

– Он оставил записку.

Джоунз выудил бумажку из заднего кармана брюк, расправил ее и протянул девушке.

– Поднеси ближе к свету – у меня руки заняты.

Он так и сделал. Несколько мгновений, на протяжении которых девушка разглядывала записку, казалось, тянулись очень долго.

– Ну? – Не вытерпел он.

Гатор отодвинула его руку с запиской в сторону и вновь склонилась к татуировке.

– Помолчи минуту. Я думаю.

Снаружи донеслись оглушительные звуки – это уличные музыканты, игравшие всю ночь, снова принялись за работу. Взмахнув по-цыплячьи руками, Джоунз подскочил на месте, будто его ударили током.

– Вот дерьмо, как ты можешь думать в таком грохоте?

– Не слышу, что ты говоришь.

Кивая в такт музыке, она закончила лотос и положила иглу на поднос. Осталось вплести в узор еще один цветок – и можно будет отправить кадра обратно под пирс, откуда она его и взяла. Гатор распрямила спину, растирая поясницу.

– Если ты действительно собрался умереть, хотя бы помассируй мне шею напоследок.

Джоунз принялся разминать ей плечи. Музыка снаружи чуть поутихла, отдаляясь: видимо, ребята двинулись на гастроли по улицам. Удачи вам, и кликните на помощь, если вас заметут.

Тут в палатку ворвался высокий мужчина в плаще до самого пола, и Джоунз снова дернулся от неожиданности.

– Эй, полегче! – Гатор шлепком сбросила руку Джоунза с плеча. – Ты что, вулканец?

Даже если до Джоунза и дошел смысл упрека художницы, вдруг вспомнившей древний сериал [1], он не подал вида. Все его внимание было занято черными узорами, которые вились по белой ткани плаща и волнами перемещались по его поверхности, то неуловимо вырастая в размерах, то уменьшаясь.

– Впечатляет, – сказала Гатор, потирая место, где Джоунз надавил слишком сильно. – Кто пошил? Мандельброт?

Мужчина встал спиной и развернул плащ во всю ширину.

– Согласилась бы умереть за такой, да?

– Это вряд ли, – мрачно откликнулась Гатор. – А если ты ко мне, то ошибся адресом. Я не делаю тату-мультипликаций.

– Собственно, я тут кое-кого искал. – Он быстро придвинулся к кадру, все так же мешком сидевшему в кресле, и вгляделся ему в лицо. – Нет, не он. Ну и ладно.

Выпрямившись, он еще раз взмахнул плащом. Тот запульсировал муаровыми узорами.

– Если тебя интересует, мы направляемся в Фэрфакс.

– Фэрфакс – дыра.

– Мы устроим там достойную вечеринку. – Мужчина расплылся в предвкушении.

– Я в курсе, кто ты такой, – откликнулась она, будто в ответ на его слова. – Спасибо за приглашение, но, как видишь, я занята.

Он перевел взгляд с кадра на Джоунза, по-прежнему зачарованного плащом.

– Странный вы тут народ, на Мимозе.

– Не тебе бы говорить.

– В последний раз зову. Точно не поедешь? – Он слегка наклонился. – Поцелуешь на прощание?

– Пусть это останется твоей мечтой. – Улыбнулась она.

– Ладно. Я включу тебя в свое видео.

– Вальжан! – раздался крик снаружи. – Идешь?

– Бегу изо всех сил, – отозвался он и вылетел в окружении роя фракталов.

– Давай, массируй. Никто тебя пока не отпускал.

Джоунз послушно возобновил массаж. Уличные музыканты ушли, наступило относительное затишье. Только откуда-то издалека доносилась минорная импровизация на синтезаторе.

– Вот что я думаю, – помолчав еще немного, сказала девушка, – тебе нужно примириться с Создателем, хочешь ты этого или нет. Исповедаться по всей форме.

Джоунз резко хохотнул.

– Ну, конечно. И святой Дисмас [2] мне сразу поможет.

– Как знать.

– Я не из его паствы. Ему нет до меня дела.

– Теперь есть. Ты определенно попадаешь в его ведение как неизлечимо информированный. Дай-ка мне снова посмотреть записку Кили.

Джоунз передал ей бумажку, и, пока он прорабатывал пальцами шейные позвонки снизу до самого основания черепа, она всматривалась в текст.

– «Удиви, У-Ди-Ви» может означать только… В общем, ясно. «Разделить, накрыть, немного зеленых яиц сверху, и вперед. Бдии-бдии». Вот это «бдии-бдии» – особенно умиляет.

Джоунз снова рассмеялся.

– Да уж. Кили нужна помощь, а не мне. Это его чертово

«бдение». Я ведь говорил ему, что однажды он влипнет. И умолял его обратиться за помощью.

– К тем же, кто и тебе «помог»? Всадить себе имплантат какой-то богадельни, которой до тебя и дела нет, пока твоя страховая компания исправно платит?

Она сбросила его руки с плеч и направилась к портативному компьютеру в углу палатки. На экране вращалось изображение веточки плюща, позволяя рассмотреть ее со всех сторон. Гатор пробежала пальцами по клавиатуре. К веточке добавилось несколько листиков. Нажала какую-то клавишу, и экран разделился на две части – плющ отодвинулся вправо, а в левой половине появилось меню.

– Посмотрим, может, кто-нибудь что-то знает, – сказала она, коснувшись одной из строк меню мизинцем. – Съешь записку.

– Не хотелось бы умирать на полный желудок.

Гатор вздохнула, но отвечать не стала. Меню в левой части экрана сменилось надписью большими квадратными буквами: «Автоответчик Доктора Фиша». Одной рукой она набрала слово «татуировки».

В ответ высветилось: *«Ю/1 или Ди/1?»*

«Ю/1», – напечатала она и, подождав немного, нажала еще одну клавишу. Линия, разделяющая экран, пропала. Вращающаяся веточка застыла и медленно исчезла.

«*Доктор благодарит вас за посещение и напоминает, что необходимо правильно питаться, не переутомляться, регулярно проходить детокс и обязательно консультироваться с лечащим врачом, прежде чем приступать к новой программе упражнений*».

Экран очистился, Гатор потянулась за сигаретой.

– Никто ничего не знает, – сказала она. – Завтра еще раз выйду на автоответчик, и посмотрим…

За ее спиной послышался мягкий удар о землю. Джоунз лежал на утоптанном песке, мертвый. Девушка застонала.

– Ах, ты, дерьмо. Ты все-таки сделал это, никчемный мерзавец. Надо бы тебя просто выбросить на помойку. И я могла бы так поступить, но только ведь Кили о тебе заботился. Бог знает почему.

Она вновь повернулась к компьютеру и вызвала на экран узор с черепом в венке из роз. Любопытно, что Джоунз выбрал именно его. Это подтверждало ее теорию о том, что каждому человеку соответствует своя татуировка – по крайней мере, одна, – нанесенная или нет. Правда, в его состоянии вид черепа мог притягивать взгляд сильнее, но в ее коллекции были и другие узоры, гораздо откровеннее символизирующие смерть, на которые он не обратил ни малейшего внимания.

Снова разделив экран на две половины, Гатор открыла меню почты и загрузила узор с черепом и розами, сопроводив его коротким письмом:

В приложении – новый узор, который мы предлагаем вам как члену клуба «Татуировка месяца». Вы можете нанести его, когда вам будет удобно, но прежде чем нарушать целостность кожных покровов, не забудьте проконсультироваться с врачом.

Затем нажала ввод и стала ждать. Экран снова опустел, только в правом нижнем углу мигал небольшой квадратик. Шли минуты. Оставив буфер открытым, она подошла к кадру в кресле. Тот либо спал, либо перешел в бессознательное состояние. Перетащила его к входу и там оставила. Скоро придут мальчишки, собирающие мелочь на еду, можно будет заплатить им, чтобы они отволокли его обратно под пирс. Потом усадила на место кадра Джоунза и обнажила его левую руку.

Может, стоит украсить его тем черепом с розами, просто чтобы он себя лучше чувствовал, решила было она, но затем передумала. Если уж такой разборчивый, пусть платит. Гатор помнила Джоунза еще в те времена, когда он пытался взламывать видео, а потом просто болтался без дела, регулярно принимая наркотики сам и помогая их доставать другим. Единственная разница между ним и такими, как Вальжан, заключалась в том, что последний довольно долго ничего не употреблял и даже смог сколотить себе неплохую рок-группу. Или, может, она просто завидовала ему, потому что ей самой по роду работы приходилось всегда оставаться трезвой.

Компьютер тихо пикнул, девушка подошла к нему.

Еду. Слово мигнуло пару раз и исчезло. Снова вызвав узор плюща, она установила нужный размер и отправила его на печать. Маленький кубик принтера выплюнул полоску бумаги. Художница прижала ее к предплечью Джоунза и разгладила двумя пальцами. Минутой позже отклеила бумажку и всмотрелась в рисунок на бледной коже. Качество отменное. Она взялась за иглу.

Входное полотнище палатки откинулось и пропустило двоих мальчишек. Мрачного пятнадцатилетнего парня она уже знала, а его костлявого дружка видела впервые. От силы двенадцать. «Да, стареем», – подумалось ей.

– Отнесите его туда, откуда брали, – сказала она, указывая на лежащего на полу кадра. – Если не дотащите, то спрячьте где-нибудь по дороге и хорошо запомните место, чтобы мне смогли объяснить.

Старший из ребят кивнул.

– И сами не потеряйтесь, – продолжала Гатор, – потом нужно

будет перетащить вот этого. – Она слегка помахала рукой Джоунза, держа ее в своей, – к одной моей подруге.

Мальчишка шагнул ближе и подозрительно скосился на Джоунза. Его дружок стоял за спиной напарника и большими испуганными глазами смотрел то на Джоунза, то на нее.

– Похоже, мертвый, – выговорил старший.

– Он был мертв, а сейчас в коме.

– За это наколешь нам. – Указал он на узоры.

– Вы поможете мне по доброте душевной. – Засмеялась она. – О татуировках поговорим позже. Гораздо позже.

– Эй, не грузи меня. – Он воинственно выставил вперед нижнюю челюсть. – У меня уже есть две.

– Радость моя, ты можешь считать себя взрослым и крутым, но здесь последнее слово за мной.

Он окинул компьютер жадным взглядом. На экране снова медленно поворачивалась веточка плюща.

– Не сделаешь, значит?

– Разговор окончен.

Парень обиженно надулся.

– Тогда не расслабляйся. К тебе могут гости нагрянуть.

– Хакеры, которые ко мне залезут, могут ведь и на «Доктора» напороться. Так что просто верните этого кадра на место и будьте поблизости, тогда и поговорим. Только по-английски. Я вашего птичьего языка не знаю. И наркотиков у меня не просите. Я и раньше ничего вам не давала, верно?

– Вот он – нарк. – Подросток показал на Джоунза. Вместе ухватив кадра за ноги, мальчишки выволокли его из палатки.

«Да-а, детки», – подумала она и принялась за плющ. Ко времени прихода Розы татуировка была почти закончена.

Глава 2

Самое неприятное в ночном заседании суда – вгоняет в сон, в глаза хоть распорки ставь.

Сидя на задней скамье в переполненном зале, зажатая между каким-то юнцом, звавшимся то ли Кларенс, то ли Клоп, и безымянным парнем в ковбойских сапогах, Джина пыталась подсчитать неизбежные убытки. Заводилой она не была, поэтому участие в набеге потянет не больше, чем на пятьдесят; максимум – на сотню, если ко времени, когда подоспеет ее очередь, судью уже успеют довести до белого каления. Употребление алкоголя и наркотических веществ в публичном месте, неподобающее поведение, недонесение о готовящемся набеге, нарушение права владения, сопротивление аресту – все вместе, скажем, еще сто пятьдесят, с учетом позднего времени – возможно, двести. Хотя предъявлять ей обвинение в сопротивлении аресту было бы в высшей степени забавно. Она только пыталась скрыться, и, насколько помнила, никому не успела даже врезать, когда ее схватили. Да любой на ее месте припустил бы без оглядки, если бы за ним погнался целый батальон копов.

А, пошли они все, одним обвинением больше, одним меньше – какая разница? Штрафы съедят всю ее наличность, да еще с лихвой, значит, снова будет вычет из зарплаты, ну, да и черт с ним. Сейчас важно было поскорей выбраться отсюда, найти Марка и отвести его домой. Несчастный наркоман дал им увлечь его за собой, опять, а ей расплачиваться. Ее вообще бы тут не было, не отправься она на его поиски.

Взяли старт с побережья Манхэттен-Хермоза, которое подростки прозвали Мимозой – участка развалин, оставшихся после землетрясения, обиталища отверженных. Она была еще совсем девчонкой, когда шарахнуло, да и жила не в Лос-Анджелесе. Ребята, которые тусовались на Мимозе, тоже не помнили землетрясения. По их мнению, старый Манхэттенский пирс и пирс Хермоза с рыбацкой верфью на берегу всегда служили лишь укрытием для кадров. Вот часть из них, возможно, помнила времена до Большого Толчка. Хотя и не все, кто это утверждал.

Собственно, пирсы не должны были бы выдержать того толчка (хотя теперь поговаривали, что это вряд ли был Большой,

а скорее так, Полусредний Толчок). Однако, если не считать провалов на старой рыбацкой верфи, стояли пирсы пусть и не в лучшем виде, но крепко. Не то, что Марк.

Пережить землетрясение, а потом бедлам на грани тысячелетий – неплохая подготовка, чтобы потом основательно сосредоточиться на созерцании собственных ступней, сидя под пирсом и накачиваясь всяким зельем, ходившим на Мимозе в изобилии. Марк всегда был готовым кандидатом пристроиться тут на песочке, даже в прежние годы, когда еще не начали по-настоящему сказываться несчетные вечеринки с его участием. Порой она испытывала страшное искушение позволить ему безвозвратно скатиться вниз, в кроличью нору в собственном мозгу. Ведь, как известно, кто-то способен остановиться, а кто-то – нет.

Но она не могла бросить его на произвол судьбы. И даже неважно, есть шанс его спасти или уже нет – заставить себя отказаться от этих попыток она никак не могла. Поэтому и провела еще одну ночь на Мимозе, заглядывая в покосившиеся сараи и пристройки, под пирсы, искала среди собравшихся потусоваться, спугивая по дороге какие-то парочки, чтобы забрать его домой, засунуть под душ, протрезвить хоть немного и подготовить к первому дню работы в корпорации, до которого оставались сутки.

Кое-кто из завсегдатаев видел Марка в компании, направлявшейся в Фэрфакс. Накачавшегося под завязку, ясное дело. Хотя дурню были не по душе все эти набеги, но, видимо, кто-то – вроде Вальжана и его безбашенных дружков – запудрил ему мозги, пообещав незабываемое веселье. И кому понадобилась эта вылазка в развалины Фэрфакса?!

Джина домчалась до Фэрфакса, выжав все возможное из арендованной двухместной красной машинки городского сообщения. Величественные руины зала Пан Пасифик кишели народом – фанатами трэша и рока, вовсю торговал передвижной лоток наркотических «разносолов», а хакеры, рассевшись повсюду с ноутбуками, гоняли на них обводные программы, чтобы сбить с толку системы безопасности. Все как на любом незаконном сборище, наскоро устроенном в общественном месте, но Марк куда-то уже свалил, если вообще здесь появлялся. Не успела она напасть на новый след, как нагрянули копы и всех разогнали.

Поглощенная мрачными мыслями, она уже чуть было не задремала, когда вся масса народу, собравшаяся впереди нее, встала навстречу судье. Справа от Джины какой-то тип с видеокамерой перелез через два ряда, чтобы взять лучший ракурс.

– Что, еще одна подпольная клиника? – устало спросила судья, глянув на свой монитор.

– Три группы обвиняемых, ваша честь, – объяснил обвинитель. – Врачи, персонал и пациенты.

– В такой час? – Судья пожала плечами. – Хотя, конечно, врачи всегда к услугам пациентов. Ведь если бы вы не оперировали круглосуточно, кое-кто из пациентов мог бы и передумать. Лучше бы вам заниматься страховым подлогом где-нибудь в другом месте. Вроде Марса. Повторно задержанные есть?

– Мы к этому вскоре перейдем, ваша честь. – Поспешил вмешаться обвинитель, заметив, как несколько рук потянулось вверх.

Джина подалась вперед, усталость как рукой сняло. Обычно, чтобы пресечь страховой подлог, не устраивают рейд среди ночи. Монотонно стали зачитывать обвинения: сговор для совершения подлога, подлог, неоправданная процедура имплантации – обычные обвинения против клиники, которая под предлогом лечения депрессии, приступов эпилепсии и других нарушений мозговой деятельности имплантировала чипы пациентам. Подумаешь, очередная богадельня. Девушка опять начала клевать носом.

– …незаконное взаимодействие с машиной.

Глаза снова широко открылись. По залу суда прокатился шум, кто-то издал сдавленный смешок. Тип с видеокамерой перелез через ограждение, отделяющее места для зрителей, и теперь не спеша снимал всех обвиняемых.

– А что, господин обвинитель, подразумевается под «незаконным взаимодействием с машиной»? – спросила судья.

– У вас на экране должна вот-вот появиться нужная информация, ваша честь.

Судья ждала, все присутствующие тоже застыли в ожидании. Прошло около минуты, после чего судья с раздражением отвернулась от экрана.

– Пристав! Ступайте сейчас же вниз и сообщите, что у нас технические проблемы. Не надо звонить. Пойдите и доложите лично.

Сидевший рядом с Джиной не то Кларенс, не то Клоп громко и напоказ чихнул. Судья ударила молотком по столу.

– У нас тут есть эффективный способ лечения приступов веселья. Шесть месяцев за оскорбление суда кто-то может назвать старомодным снадобьем, но оно безотказно, да и направлять счет вашей страховой компании не потребуется. – Судья перевела гневный взгляд на обвинителя. – Вас неоднократно

предупреждали, чтобы вы не вводили данные свидетельских показаний и конфискованные материалы без должной процедуры очистки.

– Все процедуры были выполнены, ваша честь. Очевидно, они нуждаются в обновлении.

– Кто отвечал за хранение этих данных? – спросила судья и обвела группу обвиняемых строгим взглядом. Кто-то в середине робко поднял руку.

– Ваша честь. – Вмешалась адвокат, – персонал, отвечающий за хранение данных, не может привлекаться к ответственности за распространение вирусов. Согласно решению по делу «Валлио против Макдугала», Макдугал не был признан виновным в распространении заражения, которое уже могло иметь место.

Судья вздохнула.

– Тогда кому принадлежат эти данные?

– Ваша честь. – Еще быстрее внесла протест адвокат, – имя владельца данных не может быть оглашено без установления…

– Ясно, ясно. – Отмахнулась от ее слов судья. – Вирусы возникают сами по себе, проникают в сеть без участия человека, и никто никогда за это не несет ответственности.

– Ваша честь, даже если не затрагивать вопроса о самооговоре, в наши дни чрезвычайно сложно доказать, что любой рассматриваемый вирус не существовал уже в системе в консервированном виде, ожидая сигнала к началу действия…

– Я знакома с данной проблемой, благодарю вас, мисс Пэлем. Это ничуть не облегчает имеющуюся ситуацию.

– Прошу перерыва, ваша честь.

– Отклоняется.

– Но вирус…

– Советник Пэлем, – устало сказала судья, – человека вашего поколения данный факт может шокировать, но суды отнюдь не всегда были напичканы компьютерами, и заседания было не только возможно, но и вполне обычно проводить без сетевого подключения. Мы продолжим заседание, при необходимости обращаясь к бумажным копиям; именно для этого суд содержит судебных писарей и составителей сборников судебных решений. Я по-прежнему хочу знать, что означает обвинение в «незаконном взаимодействии с машиной», – обратилась она к обвинителю.

– Ваша честь, – не замедлил тот с ответом, – предъявленное обвинение осложнено обвинениями во взломе и проникновении, а также в промышленном шпионаже. Истец желает, чтобы слушания по данному делу проводились при закрытых дверях. Прошу разрешения очистить зал суда, ваша честь.

– А кто является истцом?

– Ваша честь, истец желает сохранить и эту информацию конфиденциальной. Временно.

– Отвечайте на вопрос, советник. Кто истец?

Джина внимательно огляделась вокруг, но в зале суда никого, кроме задержанных вместе с нею в Фэрфаксе, не было. Типа с видеокамерой пристав оттеснил обратно за ограждение.

– Прошу разрешения приблизиться к судейскому столу, ваша честь.

– Разрешаю. – Кивнула судья. – Но надеюсь, что у вас есть для этого веские основания.

Какое-то время они совещались, а обвиняемые из клиники переминались с ноги на ногу, молча, но полные тревоги. Парень с камерой присел на ограждение, с досадой глядя на объектив, который пристав заклеил специальной черной нашлепкой.

– Суд считает, что конфиденциальность послужит общественной пользе в данном деле, – коротко заявила судья. – Прежде чем мы очистим зал суда, кто еще ожидает очереди и по какому поводу?

Второй пристав отвел группу из клиники в сторону, а Джина вместе с Кларенсом или Клопом, отморозком-«ковбоем», грохочущим своими сапогами по полу, и прочими участниками вылазки предстали перед судьей. Та вскоре прервала зачитывание обвинений.

– Это все? Никаких предумышленных убийств, незаконных взаимодействий с машиной? Замечательно. Суд снимает с вас обвинения, – объявила она, на мгновение остановившись взглядом на Джине, – несмотря на то, что кое у кого тут приличный список задержаний. Так как нам не удалось установить зачинщиков, а кроме того, имеется улов поважнее, суд отпускает вас, в полной уверенности, что все вы сюда вернетесь, не завтра, так в обозримом будущем. Одной судимостью больше, одной меньше – для таких, как вы, это роли не играет. Все свободны, кроме тебя. – Указала она на горемыку в сапогах. – Проведешь ночь за решеткой, а утром побеседуем.

Джине пришлось прикусить щеку, чтобы удержать улыбку, но полностью ее скрыть не удалось. Судья покачала головой и подала знак очистить зал.

* * *

– Ну что, готова продолжить?

Подняв голову, Джина увидела над собой расплывшееся в улыбке лицо Кларенса-Клопа. Разве этот парень никогда не

устает? Что бы он ни употреблял, наверняка это более сильная штука, чем можно раздобыть у продавца «разносолов» во время вылазки.

– Я сваливаю отсюда, – ответила она, продолжая двигаться к выходу мимо него, не заботясь, заденет она его по дороге или нет. Но он затрусил вслед за ней по блестящему полу.

– Нет, правда, – вполголоса, почти шепотом продолжал он, – я знаю, где сейчас весело, еще один набег, только получше, чем тот, где нас свинтили.

– Не маячь перед глазами. – Она прибавила шаг, борясь с навалившейся усталостью.

– Эй, подожди…

Она быстро завернула за угол и уже собиралась врезать приставале, но кто-то врезался в нее саму, и девушка полетела на покрытый лаком пол. Повсюду разлетелись бумаги. Кто-то кинулся их собирать.

С трудом поднявшись и сев, Джина потерла скулу, а потом удивленно моргнула, увидев прямо перед собой сплошную стену деловых костюмов. Девушка перевела глаза выше.

– Гора Рашмор [3], ни дать ни взять, – сказала она. – Не далековато ли к западу в такое время года вас занесло?

Сверху на нее глядели трое мужчин и женщина. Атака Оживших Костюмов. Джина пожала плечами и, цепляясь за карманы ближайшего к ней, встала. Человек не сдвинулся с места и даже не переменился в лице. Собственно, это лицо было ей знакомо. Откуда – вспомнить не получалось, но ничего хорошего с ним связано не было. По его глазам было видно, что он узнал Джину и что она ему не нравится, совсем не нравится.

Ну и хрен с ним. Проведя рукой по своим дредам, она решила изобразить, будто вовсе лыка не вяжет. «Нужно перестать смотреть такие дикие сны», – пробормотала она себе под нос, протолкнулась прямо через середину сомкнутой группы и двинулась дальше.

Она благополучно добралась до первого этажа, Кларенс-Клоп больше на горизонте не показывался. На выходе какое-то неосознанное чувство заставило ее выйти не через центральную, а через боковую дверь справа. В результате она получила возможность наблюдать, будучи незамеченной, как из лимузина без опознавательных знаков, припаркованного у обочины, вылезают Холл Гален и Линдел Джослин. Парнишку, который вылез вслед за ними, она не знала. А вот следующим показался Видео-Марк.

Парнишка задержался на первой ступени лестницы, когда все, включая Марка, начали подниматься. Гален обернулся, чтобы

поторопить его, и Джина отступила к самой стене.

– Ну же, Кили, шевелись, – своим сочащимся лицемерием голосом, всегда напоминавшим Джине испорченного ребенка, сказал он. – Или ты думаешь, свидетеля обвинения вносят в зал суда на руках?

Джослин поднесла ко рту свою костлявую лапку и неслышно хихикнула. И эта ходячая смерть была хирургом клиники имплантации! Да любой при виде такой страхолюдины с имплантационным шприцем должен вскочить с операционного стола и бежать куда глаза глядят, если еще не совсем сдвинулся.

– Вы мне обещали вручить подписанный экземпляр договора, – сказал паренек. – Что-то я его не вижу.

Он был еще моложе, чем Джине показалось вначале – видимо, совсем недавно отметил совершеннолетие.

– Он там, наверху, у наших юристов.

Только ребенок способен поверить Галену, когда тот напускает на себя такой беззаботный тон. Фальшь в его словах была слишком очевидна. *«Беги, дуралей,* – подумала она, – *может быть, они от тебя этого не ожидают, считают, у тебя кишка тонка, и не позаботились отрезать пути к отступлению».*

– Вы говорили, что бумага будет у меня на руках, прежде чем я войду в зал суда, – продолжал настаивать парень, обороняя свои позиции. Но крепкой эту оборону назвать было нельзя, вот-вот он был готов позволить им затащить себя внутрь. Джине не хотелось наблюдать за этой сценой, но улизнуть незаметно ей бы не удалось.

– Ну конечно, Кили, – сказал Гален, причмокнув губами. Этот звук всегда вызывал в Джине сильнейшее желание вдарить ему по яйцам. – Мы обещали все оформить, но на это нужно какое-то время, ты же понимаешь, нельзя заставить принтер работать быстрее. Все путем.

Парень опустил глаза и снова что-то пробормотал о договоре.

Тогда Гален отбросил всякую видимость дружелюбия и спустился на несколько ступеней, ровно на столько, чтобы быть на дюйм выше своей жертвы.

– Там полный зал народу, а у судьи вот-вот лопнет терпение. Мы заходим. А ты поступай, как знаешь: явишься ты добровольно или тебя доставят силой – мне лично без разницы.

Марк громко зевнул, и Джине на мгновение показалось, что он смотрит прямо на нее, укрывшуюся в тени. Она напряглась, но его взгляд заскользил дальше. Джина привалилась к стене. Даже если он ее и заметил, то вряд ли смог вычленить ее образ из бесконечного видео, крутящегося у него в голове. Черт, да он, скорее всего, и сам не знал, где находится. *«Дай мне только до*

тебя добраться, поганец, – подумала Джина, – *дай только добраться – в кровь изобью, живого места не оставлю».*

Судя по его виду, живого места на нем и так почти не осталось: кожа да кости, каштановые волосы до плеч на манер Иисуса Христа безжизненно свисают, нос перебит, зеленые глаза выцвели, а когда говорит – как будто ворочает языком во рту тяжелые камни. Впрочем, Марк не отличался презентабельным видом, даже когда они только начали совместно заниматься видеобизнесом, – она, Марк и Ударник; остальные появлялись и исчезали, а они все забивали и забивали свои симуляции в видеоклипы рок-групп. В то время Ударник действительно был музыкантом, Марк блистал выдумкой, а не слонялся как опустевшая оболочка, будущий же воротила Холл Гален еще на горшок ходил. А Джослин, скорее всего, мучила маленьких хомячков.

И тут, будто шальная мысль Джины активизировала ее, Джослин зашевелилась и сделала несколько шагов в направлении Марка. «*Не трогай его, сучка,* – мысленно проговорила Джина, беззвучно шевеля губами, когда мертвенно-белая рука Джослин опустилась Марку на плечо. – *Убери свои лапы, дрянь, это мое мясо».*

Рука Джослин по-прежнему оставалась на плече Марка, будто она не желала, чтобы случайный порыв ветра унес его прочь. В его теперешнем состоянии хватило бы и легкого ветерка. Но где-то внутри по-прежнему крылась способность делать клипы убийственной силы. Хотя Джина вовсе не поэтому держалась за этого типа, данный аргумент неизменно приходил на помощь в ее споре с собой, когда других уже не оставалось.

Наверное, она не сможет отпустить его даже тогда, когда он совсем сдвинется, а он уже приближался к этому. Причем это осознавали все – она, Ударник, даже сам Марк где-то в глубине своего выгорающего сознания. И Галену тоже это было прекрасно известно. Так что же он делал здесь, на ночном заседании суда, в компании со старой развалиной Марком, почти съехавшим с катушек, с подростком, явно не горящим желанием играть роль свидетеля обвинения, и со скелетихой, специализирующейся на мозговых имплантатах – вот вопрос на засыпку.

Но еще более важный вопрос: какого хрена тут делал Марк, не обмолвившись ей даже словом об этом? Они всегда работали с Марком вместе. Целую вечность. С самого начала. И тогда, когда Гален выкупил у Ударника большую часть его компании по производству видео, и когда Гален продал «Ай-Трэкс» гигантской корпорации. И послезавтра, в свой первый день работы на эту корпорацию, они тоже должны быть вместе…

Догадка озарила ее в тот момент, когда паренек сдался и позволил Галену увлечь себя вверх по ступенькам. Не предвещающее ничего хорошего знакомое лицо в коридоре суда – это был Ривера, один из начальников средней руки в корпорации «Диверсификация». Он пару-тройку раз заезжал в «Ай-Трэкс», все вынюхивал, делая смотр последнему приобретению своих боссов. Ей удавалось каждый раз избежать встречи, но обманываться не приходилось. Ривере прекрасно было известно, кто она такая и что из себя представляет, поэтому пожелай он ее разыскать – без труда сделал бы это. Да любой бы разыскал. Наложенные судом вычеты на доходы привели бы прямехонько к ней.

«Удивила я все же этого гада», – подумала она. Но чувство удовлетворения быстро улетучилось. Крупные гады типа Риверы не любили, когда их удивляли. Придется ей за это расплатиться.

Или Марку. При виде того, как он скрывается в дверях, уже поднявшись по ступеням, по коже Джины побежали мурашки, даже дреды зашевелились. В голову вдруг пришла дикая мысль: прокрасться внутрь, затаиться и схватить его, когда он будет выходить, – но предугадать, сколько продлится заседание, было невозможно. Да и Ривера мог кого-нибудь отрядить на ее поиски. Лучше уж она подождет Марка у него дома.

В темноте наверху возникло какое-то движение, на мгновение показалось, что это посланцы Риверы уже ищут ее. Но тут она различила на фоне более густой тени очертания видеокамеры.

– Довольно любопытная сцена, верно? – сказал мужчина. – По крайней мере, она возбудила ваш интерес.

Он спустился на несколько ступенек.

– Удалось без проблем отлепить ту наклейку? – спросила она.

– Никого из этих людей не знаю, а вы?

– Неужто?

– Я первым спросил. – Хохотнул он. – Ладно, один черт. Кое-кого признал. Теперь ваша очередь.

– Кое-кого признала, – словно эхом отозвалась она.

– Хотелось бы узнать, в чем мы сходимся. – Он подошел еще ближе, стоя теперь всего лишь на одну ступеньку выше. – Может ли вас заинтересовать чашечка классного кофе?

Джина провела руками по лицу:

– В настоящий момент, приятель, ты не мог бы заинтересовать меня, если бы даже голышом залез в ванну с лимонным желе. На кого работаешь?

Мужчина заколебался, совершенно явственно решая, врать или нет. Марк считал, что крайнее утомление усиливает восприятие невербальных символов, почти как при телепатии. Если только удается не заснуть прежде, чем их заметишь.

– То здесь, то там подрабатываю…

– Понятно, на ниве желтой прессы.

Он издал смешок, даже в такой момент прозвучавший весьма сексуально.

– Подрабатываю там, где для моих материалов находится местечко. Не думаю, что придется особенно трудиться, чтобы найти подходящее местечко для сегодняшнего, вот только узнать бы побольше деталей.

Джина зевнула.

– Сомневаюсь, что этот материал тебе удастся пристроить. Скорее всего выяснится, что всем начхать на клиники-благодельни, что драматизма тут не больше, чем в заметках о покусанных собаками гражданах, и решительно никому, даже самой жадной до сенсаций желтой сети в самом хвосте списка твоих потенциальных покупателей, нет ни малейшего дела до этой истории.

– Ах, вот как. – Теперь без всяких смешков, совершенно бесстрастным голосом.

– А затем, – продолжала она, – причем довольно скоро, при попытке перекачать информацию ты вдруг обнаружишь, что вирус прошелся по твоим данным и, прожевав половину, перешел на камеру, которой дал сигнал самоликвидироваться. А может, не повезет настолько, что ты передашь этот вирус одному из своих драгоценных покупателей, и тот живо предъявит иск в суд, пока ты еще будешь соображать, что стряслось с камерой. Думаю, твою настойчивость при добывании информации вполне могут классифицировать как навязчивое состояние и вынести рекомендацию применить имплантотерапию. И очень скоро тебе станут безразличны любые новости. Нравится такая перспектива?

– Ты точно знаешь? – ровным голосом спросил он.

– Нет. – Джина снова зевнула. – Точно я знаю только то, что они налепили нашлепку на твою камеру и очистили зал суда. Твоя информация абсолютно незаконна, поэтому ты мигом окажешься за решеткой, если попытаешься ее продать. С остальной частью программы, может быть, повременят, пока не отсидишь срок до конца.

– Ты, похоже, неплохо осведомлена о таких вещах, – заметил он и наклонился ближе, желая, видимо, продолжения беседы.

– Ни фига я не знаю. Устала до смерти, в голове только одна мысль – добраться до дома и как следует выспаться перед работой.

– А ты на кого работаешь?

Джина махнула рукой в направлении опустевших ступеней.

– На них.

И, отвернувшись от настырного типа, стала спускаться, оставив его переваривать услышанное.

Она слишком устала, чтобы понять, удалось ли напугать его. В лучшем случае он, если и не сотрет все, будет сидеть тихо со своей информацией. В худшем – это ее не касалось. У самой забот невпроворот.

И она по-прежнему хотела надрать Марку его безнадежную задницу. Отлупить его от души.

Глава 3

В лос-анджелесском международном аэропорту все прошло так же гладко, как и в остальных пунктах пересадок: от Канзас-Сити до Солт-Лейк-Сити, от Солт-Лейк до Фриско, а оттуда самолетом местных авиалиний до Лос-Анджелеса. Словно эстафетный бег. Но только так можно было купить три билета на три разных имени (вернее, на два, в Сан-Франциско от нее не требовали документов, потому что рейс был местный), экономно пользуясь карточками на предъявителя, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания.

К инжектору инсулина на боку у Сэм вряд ли кому-то могло прийти в голову придраться. Один только раз его просветили на предмет подозрительных импульсов, а при посадке на местный самолетик охранник и вовсе не стал проверять, показав на свой: «Остается только молиться, чтобы побыстрее научились бороться с этой тканевой несовместимостью, верно, сестренка?». Охрану аэропортов интересовали взрывчатка и оружие, а не самодельное компьютерное оборудование. Да и вообще, устройство прежде действительно было инжектором инсулина – до того, как она поработала над ним.

Она не спеша шла по коридорам зоны прилета, позволяя толпе обтекать себя. Инжектор лежал в кармане мешковатых брюк в отключенном состоянии, неприметные солнечные очки висели на шее (эти очки вполне эффективно выполняли свою дополнительную функцию, проецируя изображение на сетчатку, в нерабочем же состоянии проекционный экран в левой линзе становился прозрачным). А чип-плейер лежал в дорожной сумке. И к нему тоже никто не проявил ни малейшего интереса, к тому же подобные устройства были гораздо шире распространены, чем крайне чувствительные диабетики, чей организм отторгал любые, даже специально выращенные, имплантаты. Но прояви охранники любопытство, из мини-наушников на них обрушилась бы стереолавина спид-трэша. Эта разновидность тяжелого рока вновь переживала возрождение, потому что подрастающее поколение обнаружило, что с ее помощью всех, кто старше двадцати пяти, легко заставить заткнуть уши и ретироваться. Сэм обожала спид-трэш. Ей было семнадцать.

В зоне выдачи багажа пришлось протискиваться сквозь

очередь людей, ожидавших, когда освободится одна из закрытых кабинок напротив багажного конвейера. Над кабинками жужжали и мигали эмблемы модема «Кэл-Пэк» – не самое вызывающее доверие зрелище, но никто из очереди не уходил. Сэм не переставала удивляться, до чего много народа пользуется общественными модемами «Кэл-Пэк». Из-за их широкой совместимости они были гораздо уязвимее для вирусов, сколько бы «вакцин» ни закачивали в систему. Половина этих антивирусных программ безнадежно устарела. А правительство и налогоплательщики (к каковым Сэм не относилась) вместо того, чтобы вкладывать средства в дальнейшие разработки и исследования, предпочли ужесточить наказание для вандалов. Как будто таким способом можно Шалтая-Болтая обратно собрать.

Она чуть задержалась у последней кабинки. На пластике по-прежнему было нацарапано кривыми печатными буквами: «Доктор Фиш наносит визиты». Чуть ниже появилась новая надпись: «Святой Дисмас, молись за нас».

У выхода к наземному транспорту собралась обычная группа зевак и вымогателей: несколько мелких торговцев, группки каких-то агитаторов, всучивавших свои листовки, и представители двух соперничающих местных клиник – мотивация вернется к вам, девушка, словно по волшебству, да-да, как по волшебству, диагностика проводится прямо на месте, в клинике, нет никакой необходимости в направлении, которое еще не всякий врач даст, потому что они не понимают, что целительная сила имплантатов принадлежит всем, буквально всем, кому необходима помощь.

– Жизнь теперь такая, что от нее тошно! – крикнул кто-то за ее спиной.

– От твоих слов мне делается тошно! – прокричал другой.

Сэм улыбнулась себе под нос. Ну и ну, карма сегодня тяжела.

* * *

На площадке аренды транспорта царил обычный хаос: опаздывающие на самолет создали затор, стремясь поскорее сдать машины, а пассажиры с приземлившихся рейсов пытались обратить на себя внимание служащих, которые уныло бродили без видимой цели между павильонами «Выдача» и «Прием» в центре площадки. «Добро пожаловать в Лос-Анджелес», – покорно подумала Сэм. За две недели в заповеднике у Макнаббов в Озарках ее порог чувствительности к бардаку заметно понизился.

Без особой надежды она встала в очередь к павильону «Выдача». Несомненно, к тому времени, когда она дойдет до окошка, служащий заявит, что остались только более вместительные модели автомобилей, но скидок они не предоставляют, следующий, пожалуйста. Однако она слишком устала от перелета, чтобы шагать до одной из стоянок отелей и садиться к частнику на челнок, где к тому же требовалось предъявить удостоверение личности для сканирования – а этого она всегда старалась избежать, пользуясь платежными чипами на предъявителя. Совсем ни к чему облегчать работу тем, кто захочет ее выследить.

Она выудила чип-плейер из сумки и надела наушники. Зазвучал убойный спид-трэш, совсем новая композиция, которую ей недавно скинул Кили, ничуть не пострадавшая после прогона через программу дешифровки. Вычлененную после дешифровки информацию Сэм смогла просмотреть прямо в самолете, ничем внешне не отличаясь от других скучающих подростков: с очками на глазах, погруженная в свою музыку. Никто не видел, что ткань потрепанной ветровки скрывала соединение плейера с инжектором, лежащим в кармане брюк, а под массой не поддающихся расческе волос совсем незаметно было, что шнур очков подключен к проводам, тянущимся к наушникам.

И сейчас она чувствовала сильное искушение подключить очки и снова взглянуть на данные Кили, но для этого еще будет время – если, конечно, она не умрет от старости, стоя в этой очереди за авто, которого ей, скорее всего, не достанется. Арендованные авто ей нравились ничуть не больше, чем прочим людям, испытывавшим к ним единодушную неприязнь, но иметь собственную машину в Лос-Анджелесе означало погрузиться в бюрократический кошмар: помимо безупречной истории вождения и уплаты приличной суммы за всевозможные разрешения, требовалось еще и возобновлять все бумажки каждые три месяца. В новом тысячелетии городские власти Лос-Анджелеса изобрели для решения транспортной проблемы массовую систему аренды, вылившуюся в сплошное недоразумение. На дорогах стали плодиться, как кролики, крошечные двухместные и одноместные авто, сделанные из самых дешевых материалов, со встроенным компьютером плохого качества. Компьютерная навигация помогала весьма относительно – система «ГридЛид» обычно отставала от реально складывавшейся ситуации минут на двадцать, то есть чаще всего извещала вас о пробке, когда вы уже прочно в ней сидели.

Сэм устало вздохнула. Ну вот, и часа не прошло, как она вернулась в Лос-Анджелес, а с таким трудом обретенного в

Озарках покоя как не бывало. Одиночество подействовало на нее благотворно – тонизирующе, как сказал бы отец. В последнее время жизнь превратилась в настоящее безумие, ее окружение из числа хакеров просто сбрендило на информации. Постоянное пиление дома и перепалки с отцом тоже не помогали чувствовать себя спокойнее. Да, старик Гейб и Кэтрин внесли свою лепту – собственно, больше Кэтрин, чем Гейб, надо отдать ему должное. Годы, прожитые вместе, привели к временному помутнению рассудка, чего еще можно было ожидать. Одного воспоминания о родителях хватило, чтобы внутри все затрепетало: *«Если не вырвусь отсюда, то умру»*.

Причин сбежать в глушь было хоть отбавляй, да и того, что она добыла хакерским путем в «Диверсификации», было достаточно, чтобы на время уехать из города. Она-то, конечно, уверяла себя, что истинная причина, единственная причина ее бегства крылась в последнем обстоятельстве. Иначе пришлось бы признаться самой себе, что, как ни крути, невозможность обрести материнскую любовь и уважение терзала ее, словно нож в сердце.

В заповеднике у Макнаббов не требовалось предъявлять документы, там не спрашивали удостоверений личности для сканирования и не задавали лишних вопросов. В палатке – почти никаких удобств, низкая плата, общая душевая и туалет. Если у нее возникало желание узнать новости, то в магазинчике, который держали хозяева, всегда можно было заказать распечатку «Твоего ежедневника» из инфолайна, надо было только не лениться каждый раз переустанавливать личные настройки. Иногда приходилось ждать, потому что принтеров было только два, а если не хотелось терять время – Лорен Макнабб откладывала распечатку для нее и вручала при следующем визите.

Но какой бы приятной ни была смена обстановки, Сэм прекрасно понимала, что это всего лишь временное затишье. Ее жизнь – в Лос-Анджелесе, о возвращении куда она уже начала подумывать, когда ей позвонил Кили.

Единственным техническим устройством, которым Макнаббы снабжали все палатки без исключения, был телефон, сами же они не принимали сообщений для постояльцев и не имели обыкновения вторгаться к ним с известиями о чрезвычайных происшествиях. Телефон на тумбочке у изголовья кровати смотрелся в палатке довольно забавно. Сэм не ожидала звонков, потому что никому не сообщала о своем теперешнем местонахождении. Если кто и мог его вычислить – то именно Кили.

Взвинченный, как обычно; его странные отношения с

помешанным на смерти Джоунзом тоже всегда действовали ей на нервы. Но на этот раз он не стал жаловаться на судьбу и на то, к чему идет Джоунз со своими имплантатами. Теперь он был взвинчен и испуган из-за попавшей в его руки информации. Способ ее добычи Кили предпочитал называть «бдением», как будто это звучало эффектнее, чем просто хакерство. Сэм подозревала, что он залез в «Диверсификацию». И зачем только она дала ему перед отъездом техническое описание своего модифицированного инжектора? Явная ошибка.

Собственно, модифицировала она всю систему до конца уже в Озарках, просто для практики, и чтобы убедиться, что в состоянии довести это дело до конца. И оказалось, не зря. Кили настаивал на переброске своей информации немедленно, а ноутбук она оставила у Розы.

Закончив пересылку, он попрощался и повесил трубку. Итак, скорее всего, его добыча тоже из «Диверсификации» – этой Джомолунгмы хакеров, где легче всего было попасться в ловушку. А на попавшихся они всегда подавали в суд. Кили же не мог удержаться от соперничества с нею, желая сравняться по числу удачных попыток. Она пыталась доказать ему бессмысленность этого соперничества: чем чаще станут они наведываться в «Диверсификацию», тем вернее их сцапают. Но у Кили всегда было больше изобретательности, чем здравого смысла.

Вероятно, она смогла бы убедить его, подумала Сэм, если бы открыла свою маленькую коммерческую тайну: ей удавалось обойти защиту благодаря тому, что на фирму трудился отец, поэтому она многому научилась, просто впитывая его манеру работы. Может, у Кили хватило бы рассудительности оставить свои попытки, а может, наоборот, он тогда совсем замучил бы ее, стараясь выудить какую-нибудь подсказку или намек. Как бы то ни было, Сэм ощущала какую-то болезненную ответственность за то, что с ним могло произойти. Как ни смешно. Собственно, поэтому и вернулась в Лос-Анджелес.

– …новое шоу, все оборудование бесплатно, совершенно бесплатно!

Голос, прорвавшийся сквозь грохот музыки в наушниках, показался знакомым. Она выключила плейер и оглянулась.

Молодому человеку в гимнастическом костюме, пробиравшемуся вдоль длиннющей очереди – от самого хвоста к началу – не повредило бы прибавить несколько килограммов, чтобы одежда не висела на нем мешком, и чтобы уравновесить водопад золотых кудрей, рассыпавшихся по костлявым плечам. Над его головой мерцала голографическая корона, то разгораясь ярче, то едва светясь, но он даже не пытался поправить настройку

поясного проектора; не заботился он и о том, чтобы придать своему лицу менее скучающее выражение. Сэм расплылась в улыбке. С их последней встречи прошло немало времени, но она узнала бы Борегарда в любом обличье.

– Бесплатные билеты! – выкрикивал он, держа листочки двумя пальцами и помахивая ими. – На просмотр волнующего нового шоу!

Он почти миновал ее, когда Сэм ухватила его за рукав и спросила:

– И как, многие попадаются на крючок?

Неузнавающе поначалу глянув на нее, молодой человек рассмеялся:

– Трахни меня на месте!

– Это тоже бесплатно?

Он вручил ей билет.

– С ним ты можешь убить час на просмотр новой серии фильма в видеошлеме, чтобы потом хвастаться перед знакомыми где-нибудь в Канзас-Сити. По поводу прочих услуг – обратись к моему агенту. Не успеешь понять, что происходит, как он обслужит по полной программе.

– Спасибо, Бо, с этим я, пожалуй, повременю. Когда меня трахают, я предпочитаю понимать, что происходит. – Она оглядела его с головы до пят. – Замечательный прикид. Ты похож на мимов, которые выступали на улицах в старину.

– А ты – на одну из бродяжек, которые в старину спали в обнимку с теплыми вентиляционными колодцами. Некоторые вещи никогда не меняются. Где ты пропадала?

Она неуверенно оглянулась по сторонам. Борегард всучил два билета мужчине, стоявшему за ней.

– Возьми, а за это подержишь ей место в очереди, ладно? На Голливудском бульваре перед «Китайским кинотеатром»[4] можешь легко загнать их за сотню. Это дефицит, в городе за ними все гоняются.

Мужчина с сомнением уставился на билеты, и Борегард добавил еще парочку.

– Хорошо, бери эти тоже, но больше не могу, приятель. У тебя в руках верные две сотни. Это в четыре раза больше, чем берут тут за прокат самой крутой тачки. Спасибо, ты настоящий джентльмен.

И он потащил смеющуюся Сэм в сторону от очереди.

– Это правда – то, что ты ему наболтал?

– Конечно, нет. Ведь билеты бесплатные. Чтобы их сбыть кому-нибудь, ему еще придется самому приплатить.

Сэм недоверчиво покачала головой.

– И как тебе удается выходить сухим из воды?

– Так же, как и тебе, милая. – Он игриво ткнул ее кулаком в подбородок. – Так где ты пропадала?

– В Озарках. Там очень красиво. А почему ты расхаживаешь с логотипом «Пара-Версал»?

Он бросил взгляд на изображение, все еще парящее над его головой.

– Для разнообразия мне повезло. Я получил роль в «Туннелях в пустоте».

Сэм посмотрела на билет.

– В этом самом шоу? И что это за штука?

– Небольшой отряд бесстрашных исследователей путешествует по вселенной, пользуясь черными дырами наподобие межгалактической подземки, и берет вас с собой на поиски захватывающих приключений, смеясь в лицо опасности и вопреки всем известным законам природы. Но что с того, все же это работа. Небольшую роль мне дали при условии, что я буду распространять контрамарки. – Увидев выражение лица Сэм, он забрал у нее билет. – Как я уже говорил, некоторые вещи никогда не меняются.

– Да уж. – Девушка покачала головой. – Видимо, это все, на что они способны. Межгалактическая подземка. Ну и бред! Они думают, люди совсем идиоты?

– Сама мне скажешь, если понаблюдаешь, как наш приятель будет пытаться сбыть свои билеты на Голливудском бульваре. «Диверсификация» приложила руку на финальной стадии создания фильма, вся реклама там только от их клиентов, а в настоящий момент на аукцион выставлено право производства одноименной игры. Множество картин стало прибыльным только за счет игр. И торговли виртуальными образами через сеть салонов «Стань кем хочешь».

При упоминании «Диверсификации» у Сэм что-то сжалось внутри.

– Прости, Бо, но я не понимаю, зачем ты тратишь на это время.

– Ну, конечно. Взламывать программы и скрываться от ищеек в какой-нибудь берлоге на Мимозе гораздо благороднее. – Он пожал плечами. – Я продал все свое железо Розе. Она найдет ему применение.

– И ты прежде находил ему неплохое применение, – без тени улыбки заметила она.

Борегард закатил глаза и преувеличенно громко вздохнул, отчего голографическая корона вздрогнула.

– Черт, может тебе просто, как остальным, перестать

общаться со мной, пока я, выражаясь их словами, «не брошу маяться фигней»?

– Бо, если бы ты постарался, то мог бы создавать фильмы. И не туфту, вроде этих «Туннелей в пустоте», а действительно хорошее кино. Знаешь, многие считают, что вирус «Доктор Фиш» – твоих рук дело. Тот, который вырвался.

– Значит, мы вдвоем вырвались. – Его лицо окаменело. – Теперь зацепиться труднее, чем когда-либо. Все студии стремятся полностью перейти на симуляцию, и что тогда будет? Они скажут: «Нам никто не нужен», понимаешь? Никто из людей.

– Вполне вероятно, что студии действительно переключатся на полную симуляцию, Бо, – сказала Сэм, стараясь говорить ровно, без раздражения в голосе. – Не прямо завтра, но скоро. Для тебя и всех прочих актеров – слишком скоро. И если не будешь сам делать фильмы – окажешься в тупике.

– Да не хочу я их *делать*. Я хочу в них *сниматься*. Если это не соответствует основной тенденции в области культуры – тогда спиши меня в утиль. По крайней мере, я не пристаю к людям и не советую, как им следует поступать и к чему стремиться.

– Туше, красавчик. – Сэм подняла руки. – Мир?

На мгновение смутившись, он коснулся ее пальцев.

– Перемирие. Я вовсе не для того вытаскивал тебя из очереди, чтобы подраться. Рад встрече, Сэм.

– Взаимно. – Она помолчала. – С кем-нибудь виделся в последнее время?

– Ха. С кем, к примеру?

– Ну, с Розой, Гатор. – Пожала она плечами. – С Кили.

Борегард покачал головой, его голографическая корона при этом задвигалась полукружиями из стороны в сторону.

– Я теперь ни с кем не вижусь. – Он с грустью провел пальцем по ее щеке и оглянулся. – Послушай, мне пора…

Сэм кивнула.

– Увидимся, Бо.

– Если мне повезет по-настоящему, может, и увидимся.

Он снова завел свой речитатив, а девушка вернулась в очередь, с извиняющейся улыбкой глянув на мужчину, все еще державшего в руке билеты на просмотр.

– Простите, – обратился он к ней, прежде чем Сэм успела надеть наушники. – Как вы думаете, я действительно могу что-то за них получить?

– Ну, может быть. То есть, конечно. Думаю, что-то получить вполне реально.

– Значит, это не обман?

Он выглядел невесело.

– Вам же дали их совершенно бесплатно, – холодно заметила она. – Обманутым вы будете, только если пойдете на просмотр. Добро пожаловать в Голливуд, мистер.

* * *

Еще через полчаса она сидела в авто, которое лишь с большой натяжкой можно было назвать двухместным. На второе кресло с трудом уместилась дорожная сумка, но в данный момент это было неважно. «ГридЛид», как водится, передавала картину движения с большим отставанием, поэтому она прочно засела в пробке на Сепульведе, где, по всей видимости, и была обречена провести остаток утра, проклиная себя за то, что не захватила радиоприемник. Иначе можно было бы поймать подсказку с какой-нибудь независимой станции, работающей вне аморфной массы инфолайна и черпающей сведения о пробках из телефонных сообщений от водителей. Она глянула на встроенную в панель управления трубку. Черт, она сама бы могла сейчас сообщить о ситуации на дороге, да только это наверняка уже не новость.

Фец бы посоветовал воспринять происходящее как неожиданную возможность отдохнуть. *«В Лос-Анджелесе пробки – способ, которым Природа пользуется, чтобы устроить людям передышку».* Но, с другой стороны, Фец рекомендовал ей и с родителями помириться, а это она не считала хорошей идеей.

Девушка вздохнула и глянула на экран навигатора. Карта исчезла, сменившись базовым сокращенным меню инфолайна. Славная старушка «ГридЛид»: что ж, люди, раз уж мы не смогли предупредить вас о пробке, то, пока вы в ней сидите, развлекайтесь бесплатно, за счет города.

Выбор был ограничен наиболее популярными разделами нескольких сетей, преимущественно в текстовом формате, иногда со звуком. Среди них она с некоторым удивлением обнаружила шоу «Звезды, загадочные кристаллы и ты» и «Дорогая миссис Не Вешай Нос» из «Общественной сети». Если вам не удастся предугадать, как будет развиваться ситуация на дорогах с помощью звезд и кристаллов, то, возможно, миссис Не Вешай Нос скрасит вам существование при скорости две мили в час.

Сэм нажала кнопку прокрутки на клавиатуре, расположенной между сидениями, и по экрану медленно поползли названия рубрик: «Бизнес: местный, региональный, общенациональный, международный», «Спорт», «Строительство Лунной базы», «Новости Пикадилло» – может, это? Тут встречались забавные

подробности из жизни звезд, откровенничавших перед публикой. «Криминальная хроника», «Мир медицины», «Рок Лос-Анджелеса, включая самые свежие (!) видеоклипы».

Немного воспрянув духом, девушка выбрала этот раздел. На дешевеньком экранчике изображения, конечно, видно не будет, но зато она послушает новые композиции и, может, найдет хорошие отрывки для шифрования. Шифровать информацию было забавно: пустите, детки, эту музычку от конца к началу – и услышите послание дьявола. Кили бы одобрил идею.

Хотя спид-трэш как таковой терпеть не мог.

В голове возникла не до конца оформившаяся мысль: Кили прислал ей данные, «упакованные» в спид-трэш, а сам его ненавидел. *«Если бы Господь действительно считал, что для спид-трэша есть место под солнцем, он создал бы меня глухим».*

Ну и что? Он хорошо знал, что ей спид-трэш нравится, поэтому, вероятно, и выбрал для передачи своей информации музыку, которая доставит ей удовольствие.

Она состроила гримасу. Что-то тут не так. Кили спешил. В его распоряжении была масса других подходящих музыкальных фрагментов, от «Бранденбургского концерта» до сочинений Эдгара Варезе, от которых Кили был без ума. И взять любой из них ему было проще, чем найти композицию в стиле спид-трэш. К тому же, новую композицию.

Она перешла в раздел «Новые поступления спид-трэша», нетерпеливо барабаня пальцами по рулю, пока «ГридЛид» обрабатывала ее запрос. *«Поистине, Век Скоростной Информации»*, – кисло подумала она.

Секунд через десять на экране появился список. На этот раз ей повезло: первая же позиция в списке оказалась искомой – «Спятившие механисты»[5] в исполнении группы «Скэттершот». Строка «производитель» заставила ее моргнуть от удивления: «Айеси/Ай-Трэкс», приоб. «Диверсификацией».

Значит, «Ай-Трэкс» приобретена «Диверсификацией»? С каких это пор? Почему *такая* новость прошла мимо нее? Она вернулась в общее меню «Рок Лос-Анджелеса» и выбрала раздел «Новости».

Ничего, кроме обычного набора сплетен об известных музыкантах и скандалов с их участием. «Главные новости индустрии» в подразделе «Рок-видео» пестрели сведениями об авторских правах, о том, какие художники заключали контракты с теми или иными компаниями, кто умер, а кто давно залег на дно и ничего не делал.

В подразделе «Рок-видео: приобретения» снова то же перечисление заключенных контрактов, ничего нового по сравнению с «Твоей ежедневной газетой», которую она читала в

Озарках.

Сэм отодвинула люк на крыше и высунулась наружу, осторожно встав на сидение. Кругом безбрежное море арендованных авто с редкими вкраплениями частных машин, и ни малейшего признака движения. Сэм снова опустилась на место за рулем и с отвращением прошипела сквозь зубы: «Ч-ч-ерт!»

– Ужасно, правда?

Водитель машины слева приветливо улыбнулся. Она согласно кивнула.

– Даже еще страшнее.

– Думаю, нам всем нужно подать в суд на «ГридЛид», чтобы они, наконец, отладили свою программу, – продолжал мужчина. – Или хотя бы обеспечили полный доступ к инфолайну. Я тут ничего не могу найти.

– И я тоже. – Сэм задумчиво на него посмотрела. – Скажите, вы случайно не следите за новостями рок-видео?

На его лице появилось извиняющееся и в то же время скучающее выражение.

– Нет, к сожалению. Я просматриваю разделы «Приходите на пробу» и «Ежедневное варьете», а прочее пусть себе катится в тартарары, если кого-то интересует мое мнение. – Он огляделся. – Сейчас я действительно этого желаю. Почему все эти люди не сидят дома, в кругу семьи?

– Простите! Эй! – Молоденькая женщина, ненамного старше нее, махала Сэм рукой из авто, стоявшего следом за тем, в котором сидел мужчина. – Я слежу за новостями рок-видео.

Во внешности женщины ничего, кроме длинных волос розового цвета, не выдавало трэшера, скорее она походила на поклонницу фолк-музыки, но Сэм сейчас выбирать не приходилось.

– Я только что прочитала в инфолайне странную вещь, – крикнула она, высунувшись из окна. – Там говорилось, что компания «Ай-Трэкс» приобретена «Диверсификацией». Вы что-нибудь об этом знаете?

Теперь уже та поглядела на Сэм удивленно.

– Нет, боже упаси. Это какие-то деловые новости. От них заснуть можно, такая скука.

– Да. Конечно, – вяло откликнулась Сэм, снова залезая в свою машину. Деловые новости. Господи, разумеется, где же еще и искать, черт подери. Пристыженная, она вернулась в главное меню и увидела, что там предлагалось познакомиться с бизнесом «местным, региональным, федеральным или международным». Никаких дополнительных указаний не было. Вполне естественно. Настоящие деловые люди не относились к целевой аудитории

«ГридЛид» – они бы уж нипочем не вляпались в такую пробку. Сидели бы себе в офисах и делали все через сеть или по электронной почте. Как ее мать. *«Забудь,* – сказала она себе. – *Хотя бы до тех пор, пока не доберешься до места, где возможностей будет больше».*

Еще через четверть часа, когда, продвинувшись на целых пятнадцать метров, машины опять замерли, она все-таки обнаружила крохотную заметку в разделе «Обзор рынков: наиболее активные игроки на Нью-Йоркской фондовой бирже». У строки «Диверсификация» в примечании открывалась сравнительная табличка с финансовыми показателями до приобретения «Ай-Трэкс» и после. Дата – две недели назад, никаких ссылок на продолжение темы.

С досадой Сэм откинулась на спинку сидения и потянулась, подняв руки над головой в открытый люк на крыше авто. По-прежнему неясно, что все это значит. *«Если информация не имеет смысла – это не информация»,* – как сказал бы Фец.

«Что-то ты сегодня слишком разговорился, Фец» – пробормотала она. И погрузилась в звуки спид-трэша, в то время как солнце поднималось все выше над горизонтом.

* * *

«ГридЛид» наконец сочла необходимым сообщить, что в полумиле от того места, где теперь находилась Сэм, произошла авария. К этому времени ряды машин продвигались вперед методичными толчками, проезжая полтора метра за каждый. Появилось несколько торговцев, предлагающих стоящим в пробке еду, но следом тут же материализовались полицейские. *«Регулировать движение как следует не могут,* – ехидно подумала Сэм, – *а стоит кому-то попытаться заработать – они тут как тут».* В животе у нее заурчало. Переместившиеся с места аварии копы разогнали торговцев, когда один из них как раз направлялся к ней.

Она планировала сразу из аэропорта направиться на Мимозу, но, если не перекусить где-нибудь по дороге, можно упасть в обморок. Ощущая дрожь в руках, девушка свернула на Артезию и ехала по ней, пока, наконец, не заметила закусочную, где в очереди было меньше пяти машин. В такие заведения она обычно даже не заглядывала, поскольку еда в них была ей совсем не по вкусу, но на этот раз повезло – в меню входили вегетарианские блюда.

Сэм едва дотянулась до большого экрана с меню и нажала на

квадратик рядом с надписью «Рис суши в гнезде из морских водорослей». Ее заказ высветился красными буквами в центре экрана, а через секунду там появилось восклицание: *Прекрасный выбор!* «Забавно», – подумала Сэм. Хотя, что еще могли они написать? «Неудачный выбор» или «Пользы не принесет»? Наверное, поедателей гамбургеров тут приветствовали словами: «Медленная смерть!»

Затем из списка напитков она выбрала «чашка кофе, с кофеином». Появившееся сообщение на этот раз не мигало: *Главный врач государственной службы здравоохранения предупреждает, что избыток кофеина может вызвать повреждение хромосом, головные боли, напряжение, беспокойство и нарушение координации движений. У беременных, особо чувствительных к определенным химическим веществам, он может привести к появлению врожденных дефектов плода. Рекомендуется воздержаться; проконсультируйтесь с лечащим врачом.*

Сэм даже застыла. Ну и ну, закусочная с претензиями, таких она еще не встречала. Наконец, она шлепнула ладонью по квадрату отмены, но было уже поздно. Не в силах дождаться, когда сможет, наконец, получить вожделенный кофе, чтобы выпить его одним глотком, она теперь не могла избавиться от подсознательного чувства вины, что заказала этот злокозненный напиток. Совсем нет жизни от всех этих заботливых предупреждений.

– Ничего себе меню у вас, – заметила она, высунувшись из люка и протягивая смятые долларовые бумажки продавцу, стоявшему в окошке выдачи.

– Да, надо пользоваться достижениями техники, – ответил он, без всякого интереса глянув на нее. Высокий, приятной наружности, со снежно-белыми волосами и ярко-зелеными контактными линзами. Скорее всего, актер, недавно приехавший в столицу кинематографа и в ожидании удачного расположения звезд подрабатывающий в закусочной. *«Только их неослабевающий приток, видимо, и поддерживает Старый Голливуд, не давая симуляционным технологиям поглотить его»*, – немного легкомысленно подумала Сэм. Если перестанут снимать картины с живыми актерами – кто будет работать в закусочных?

– Минутку придется подождать, – сказал он, протягивая девушке сдачу. – Только что открыли новую упаковку риса.

– Просто замечательно, что ваше заведение так заботится о покупателях. Особенное наслаждение мне доставила лекция о вреде кофеина.

– Проклятье! Джордж! – крикнул он кому-то внутри

помещения. – Снова этот чертов вирус!

Сэм громко рассмеялась. Конечно, и как она сразу не догадалась. Знаменитый Доктор Фиш, с визитом на дом и непрошеными советами. Все признаки вируса «Доктор Фиш» налицо: не оказывая разрушительного воздействия на систему, он просто выбрасывает свои предупреждения, занимая память и замедляя работу программ.

Рядом с молодым человеком в окошке появился продавец постарше, явно не из актерской братии.

– Если тебя не затруднит, Хармон, перестань оповещать весь мир о наших проблемах, ладно?

Молодой человек показал на Сэм.

– Девушка говорит, что получила сообщение о кофеине.

– Оно выглядело как предупреждение главного врача государственной службы здравоохранения, – отозвалась она, пожав плечами. – Я подумала, что так и надо.

Старший продавец смерил Сэм хмурым взглядом, будто в происшедшем была и ее вина.

– Чудесно. Мы никогда не избавимся от этой заразы. Стоит только поверить, что выкорчевали вирус до основания, как он вылезает еще из какой-нибудь щели.

– Это из-за способа воспроизводства, – сказала Сэм. – Чистка не может удалить данные, в которых содержится вирус в спящем виде. У вас герпес, а не холера.

На лице у него промелькнуло отвращение.

– Что вы сказали?

Сэм глянула на молодого, тот с трудом сдерживал смех.

– Если удастся устранить симптомы холеры, вы вылечите и саму болезнь. Но если залечить язвочки герпеса, инфекция не исчезнет, а останется дремать в нервных волокнах, пока что-нибудь не спровоцирует ее вновь.

– Спасибо вам большое, мисс доктор, весь день мечтал вас послушать.

– Вирус заразен, – не могла не добавить Сэм. – Его можно передать и в неактивном виде.

Авто позади засигналило.

– Сколько можно ждать? – спросила женщина, высовываясь из окна.

– Уже скоро, леди, – откликнулся пожилой продавец и наклонился к Сэм чуть ближе. – Похоже, вы в этом дока.

Девушка снова пожала плечами. Раз этот хмырь настолько отстал от сетевой жизни, что даже не слышал о Докторе Фише, она его просвещать не намерена.

– Если работаешь на компьютере, неплохо бы знать о нем

побольше.

– Я просто управляю этим заведением. Нанимаю и увольняю сотрудников. – При этих словах он искоса глянул на молодого. – Хотите, я вам отпущу бесплатно?

Сэм отодвинулась и оперлась на крышу авто локтями.

– В честь чего?

– Услуга за услугу. Вы ведь наверняка знаете, как с этим справиться. А мы сэкономим на вызове специалиста из сервис-центра.

– Вы и сами можете устранить неполадку, – сказала Сэм.

– Я? Да я ни шиша в компьютерах не смыслю!

– Знаете, где находится выключатель?

Пожилой кивнул.

– И?

– Щелкните им. И убьете вирус на месте. Что бы там ни говорили ваши мастера из сервис-центра, только так можно избавиться от вируса. Вырубить ток.

Мужчина закатил глаза.

– Это не пройдет. Меню находится в корпоративной локальной сети, чтобы следить за количеством заказов. У нас тут просто тупые терминалы. Стоит нам отключить питание – тут же объявятся аудитор с приставом и арестуют по подозрению в сокрытии доходов.

За его спиной молодой человек сжатой в кулак рукой изображал удары молотобойца: вверх-вниз, вверх-вниз. Сэм плотно сжала губы, чтобы не рассмеяться.

– Ладно, не хотите обедать бесплатно – ваше дело. Хотя вам бы это явно не помешало, причем не один раз.

– Вы предложили только один, – ровным голосом сказала Сэм, – а за ту цену, которую нужно выложить за визит специалиста, могли бы кормить меня целый год.

– Все, предложение отменяется. – Он втянул голову обратно в окно и повернулся к молодому, который занесенной рукой с деланным видом заскреб голову. – Пусть вирус остается и предупреждает людей о вреде кофеина – мне плевать. Нам все равно нужно увеличивать объем продаж травяного чая.

В ответ на ухмылку молодого продавца девушка покачала головой:

– Скорее всего, такой способ здесь вряд ли бы сработал. Вирус наверняка окопался в головном узле, поэтому при включении системы он снова будет тут как тут.

– Пока вирус не уничтожит что-нибудь, до него никому нет дела, – откликнулся он, пожимая костлявыми плечами. – Для этих ослов вирусы – вроде граффити на стенах.

Позади снова раздался гудок.

– Долго еще, я спрашиваю? – уже громче задала свой вопрос женщина за рулем.

– Мы почти закончили! – отозвалась Сэм.

Продавец протянул ей пакетик и высокую термокружку с кофе. Поблагодарив, она немного отъехала, уступая место раздраженной женщине, после чего разорвала пакетик и набросилась на еду. Рисовый шарик выкатился ей на колени и рассыпался. В руках осталась почти пустая оболочка из скрученных конусом водорослей. Сэм выругалась про себя и двинулась по Артезии в сторону Мимозы, одной рукой зачерпывая рис с колен и отправляя его в рот.

* * *

– Где Гатор? – спросила она у парнишки, которого застала в палатке. Ему, наверное, едва исполнилось пятнадцать, и лицом он был чистый херувим, только не расчесывающий густых темных волос, скатавшихся в дреды.

– На службе, – ответил он, подтягивая штаны, явно с медицинского склада, отчего выглядел малолетним бездомным хирургом.

– На какой такой службе?

– Просила передать, что пойдет молить бога, чтобы он тебя простил.

Сэм недоуменно моргнула.

– Я в аду, – наконец выговорила она. – Видимо, незаметно настал конец света, и я попала в ад.

Она потерла лоб рукой, пытаясь собраться с мыслями. Хорошо хоть парень говорил по-английски.

– Гатор действительно просила мне это передать?

Теперь мальчишка выглядел смущенным.

– Ну, вообще-то, она велела так говорить всем, кто зайдет сделать татуировку.

Сэм расхохоталась и, продолжая смеяться, плюхнулась в старое парикмахерское кресло, чем явно встревожила паренька.

– Эй, лучше не надо. Она пообещала убить меня, если кто-нибудь тут набезобразничает.

– Я не безобразничаю, а веселюсь. Понимаешь разницу? – ответила девушка и повернула кресло к столу. Принтер, как обычно, стоял в углу, но ноутбук Гатор забрала с собой. На службу. Скорее всего, в больницу для неизлечимо информированных Святого Дисмаса, только вот где она теперь

находится?

И тут Сэм вспомнила о бывшем инжекторе у себя в кармане.

– Эй. – Подросток следом за ней подошел к углу палатки. – Ей точно не понравилось бы, что ты тут возишься.

– Не вожусь, а подключаюсь, – сказала Сэм, раскручивая провода, аккуратно свернутые вокруг ножки стола. – Просто подключаюсь.

Она нашла нужный провод, вставила штекер в свой экс-инжектор, подсоединила очки и чип-плейер.

– Не бойся, парень, когда Гатор вернется, я не позволю ей убивать тебя… мучительнее, чем ты заслуживаешь.

Сэм уселась прямо на песок и надела очки. Экран в левой линзе засветился; в первые пару секунд изображение было расплывчатым, а потом экран подстроился под фокусное расстояние глаза. Тут ее похлопали по колену. Посмотрев поверх очков, она увидела паренька, который спросил:

– Эй, а ты знаешь, что у тебя вши?

– Это не вши, а рис суши. А теперь не отвлекай меня, я соединяюсь с сайтом «Помолись».

– До чего ж вы, тетки, религиозны, – проворчал подросток.

Несколько мгновений – и она уже просматривала меню «Общественной сети», пока, наконец, не нашла ссылку на больницу для неизлечимо информированных Святого Дисмаса. Не задерживаясь на доске объявлений, Сэм сразу вошла в конференцию. На экране появилось сообщение: *Вас неправильно информировали. На этой доске нет конференции. Если вы хотите помолиться – сделайте, пожалуйста, пожертвование. Если нет – пожалуйста, нажмите кнопку «Выход» и покиньте этот раздел.*

Пришлось опустить взгляд, чтобы, не снимая очков, набрать на мини-клавиатуре свой вопрос: «Идет ли служба?»

Чтобы попасть на службу – сделайте, пожалуйста, пожертвование.

Сэм послала схему модернизированного инжектора. После краткой паузы появилась надпись: «Теперь доктор вас примет».

Девушка нахмурилась. Доктор? Боже, разве теперь Святой Дисмас одаряет вирусом всех, кто вызывает подозрение? Она было вновь застучала по клавиатуре, но тут на экране засветилось новое сообщение: *Замечательно, что ты вернулась, Сэм! Отправляйся к Фецу, там все узнаешь,* – и резкое отключение, не просто возврат в главное меню, а выброс из сети.

Сэм сняла очки и потерла глаза. Фец. Конечно. Наверно, надо было сразу к нему ехать. Он знал все – или почти все. Может, он в курсе того, что случилось с Кили. Или как связано приобретение «Диверсификацией» компании по производству видео со схемой

нейрона головного мозга человека, закодированной Кили в музыке, которую он не выносил. Возможно, Фец знает. Ведь кто-то же должен.

Глава 4

Дом выглядел совершенно обычно, как и вся улица, поэтому Гейб точно знал – здесь что-то не так.

Марли подтолкнула его слева.

– Внутри он гораздо мрачнее, – не повышая голоса сказала она. – Коста рассказывал, что один парень с голодухи помер, а пути наружу так и не нашел.

Гейб покачал головой:

– А ты веришь всему, что Коста говорит?

– Этому – верю. Ведь он бывал там, а мы нет. – Она перевела глаза на Кариту, стоявшую справа от Гейба. У Кариты в руках был портативный видеопроектор, она слегка улыбалась и выглядела вполне уверенно. Гейб же был отнюдь не так уверен в успехе. Проектора лучшего, чем этот, найти за такое короткое время им бы не удалось, но уж очень мал он был. Под стать самой Карите. Косые лучи вечернего солнца, казалось, выбивали искры из черного ежика ее коротко стриженых волос. У Марли, напротив, топорщились буйной гривой кудри густо-медового отлива.

Будто прочитав его мысли, девушка собрала волосы и скрутила в пучок на затылке. И как они там держатся? Наверное, Марли не дает им распуститься усилием воли. Вполне может быть. Марли улыбнулась и обняла Гейба своей сильной рукой за плечи.

– Только не говори мне, что ты хочешь жить вечно.

Гейб поморщился. Сплошные мускулы – девушка была на добрых три дюйма выше него.

– Не сломай мне ключицу – она еще может мне пригодиться.

– Разве тебе не хочется, чтобы я тебя крепче обняла, вертун? – Марли его еще разок стиснула и отпустила.

– Все, чего мне сейчас хочется – пробраться внутрь, найти вашего друга и выйти невредимым.

– Нужно добраться до этой вирусной программы, – серьезно заметила Карита. – Мне не нравится, когда в клиниках копаются у людей в мозгах.

– А мне вообще клиники не нравятся, – сказала Марли. – Пошли. Устроим небольшой погром.

* * *

На звонок никто не отозвался. Карита взялась за ручку двери, раздалось жужжание.

– Вот паскудство, – воскликнула девушка, – она меня обожгла.

– Будем считать это началом боевых действий, – сказала Марли и вынула из кармана карточку. – Хорошо, что я захватила ключ Косты.

Гейб внимательно осмотрел дверную раму.

– Прекрасно, но куда тут его вставлять?

– Подожди, увидишь.

Марли дотянулась рукой до верха притолоки и протолкнула карточку внутрь. Когда та полностью исчезла, дверь распахнулась. Первой вошла Карита, держа проектор наготове. Потом Марли, втянувшая за собой Гейба. Он бросил взгляд назад и в щель закрывающейся двери успел заметить маленькую детскую фигурку с прощально поднятой рукой. Картина подняла в нем волну суеверного страха. Но Гейб тут же одернул себя. Скорее всего, клиника специально создала голографическую проекцию, чтобы запугать их.

Полутемная прихожая была заставлена старинной мебелью. Неживым холодным блеском сияли полированные поверхности. Марли потянула его за руку, и они последовали за Каритой вглубь дома.

У первого дверного проема Карита остановилась и сделала им знак рукой. Марли прижалась к стене, притиснув к ней заодно и Гейба. Где-то наверху послышались приглушенные шаги. Шаги пересекли комнату и стихли. Гейб ждал, что раздастся звук открываемой и закрываемой двери, но стояла мертвая тишина. Она словно давила на уши.

– Я знаю, что вы здесь, – вдруг раздался женский голос. Гейб подскочил на месте. Марли успокаивающе похлопала его по груди, но было заметно, что и она на взводе. – Поэтому можете зайти и представиться, как добропорядочные граждане, – продолжала женщина. – Если же вы грабители, то вскоре поймете, что представляете для нас куда большую ценность, чем наши богатства – для вас. Заходите же.

Карита резко повернулась и стала в дверях.

– Хорошо. Теперь ваши приятели. Оба. Их двое, как я полагаю. Один из них очень крупный.

Марли подошла к Карите и встала у двери, Гейб – рядом. В старомодной гостиной возле стола он увидел пожилую даму в длинном черном платье прямого покроя. Круглый стол был

уставлен склянками и открытыми коробочками с таблетками. Среди них – несколько блестящих металлических боксов наподобие тех, в которых стерилизуют инструменты.

Карита подняла свой проектор. Нижняя половина тела у дамы исчезла.

– Я так и думала, – сказала Карита и расширила луч, чтобы захватить им стол. Бутылочки и колбы тоже исчезли. – Типичное голографическое изображение. Дешевка. Они скрываются в глубине дома и ни за что не осмелились бы высунуться.

– Подождите, – сказал Гейб, глядя на стол. Голограмма женщины замерла с поднятой к воротнику-стойке рукой. Еще через мгновение передача прервалась, и изображение полностью исчезло. – Не все здесь проекция и видимость.

Он сделал осторожный шаг вперед, прежде чем Марли успела дернуть его к себе.

– Пол заминирован, – беззаботным тоном заметила Карита.

Гейб не спускал глаз с металлического бокса, который по-прежнему был на столе.

– Вы же хотели раздобыть программу. Бьюсь об заклад, она сидит в этих имплантатах.

– Подумай, вертун, – вмешалась Марли. – Зачем бы им оставлять на видном месте имплантаты?

– А может быть, это не *они* оставили. Возможно, это ваш друг подает знак.

Марли придвинулась ближе и крепко ухватила его за пояс. Даже трусы потянуло вверх.

– Черт, Марл, – шепнул он, – потише.

– Ты меня еще за это поблагодаришь, – шепотом ответила она.

Гейб осторожно оперся на стол одной рукой и потянулся другой к боксу. Вот он уже коснулся его… И сквозь расступившийся пол полетел вниз, увлекая за собой Марли.

Он скользил по какой-то длинной трубе со множеством изгибов и поворотов, плечи то и дело больно ударялись о ее стенки, а позади него летела Марли.

– Выставь руки-ноги в стороны! – крикнула она. – Постарайся остановиться!

После нескольких попыток ему удалось затормозить, расставив в стороны локти и колени.

– Ну как, Гейб? – раздался сверху голос Марли.

– Получилось, – отдышавшись, откликнулся он.

– Сможешь понемногу продвигаться наверх?

Гейб застонал.

– Нет, лучше уж сразу отращу крылья и взлечу. Это будет не

труднее.

Сверху заскрежетало, а потом на плечи ему легли руки Марли.

– А если ты будешь держаться за меня? – предложила она, в голосе чувствовалось напряжение.

– Ты же не можешь втащить наверх нас обоих.

– Пожалуй, нет, но я подумала, что будет легче, если ты уцепишься за меня.

– Кому легче?

– Не трать силы на спор, именно такого поворота они и не ожидают.

Кряхтя, он переместился чуть выше.

– Потому что это невозможно.

– Черт тебя подери, вертун, – застонала теперь Марли, – и зачем ты вообще в это ввязался?

– А что мне было делать? Вручить вам проектор и пожелать удачи?

Локоть соскользнул. Гейб попытался снова упереться в стенку, но слишком резко, так что сорвался окончательно и полетел вниз.

– Проклятье! – крикнула Марли и полетела вслед за ним.

Он приземлился на кучу пахнущих гнилью матрасов и успел откатиться в сторону, прежде чем сверху упала Марли.

– Вот что бывает, если не дать себе труда как следует представиться.

В паре метров от них у белой стены из бетонных блоков стояла та же женщина в черном платье. Медленно поднявшись на ноги, Гейб протянул руку Марли. Но она не спускала глаз с женщины.

– Не слишком ли груб трюк с проваливающимся полом? – спросила девушка.

– Зато эффективен. Целесообразная технология. – Улыбнулась женщина. – Получили то, что заслужили.

– Вертун, я не думаю, что эта мадам реальнее своего близнеца, – сказала Марли, делая шаг в ее сторону.

Изображение женщины вдруг стянулось в яркую красную точку.

– Ложись! – крикнула Марли.

Они распластались на полу, и вовремя – алый луч ударил точно в то место, где только что стояла Марли. Раздалось громкое шипение, от желоба запахло раскаленным металлом. Марли чуть приподняла голову и посмотрела на Гейба поверх матрасов.

– Они тут мастера по части световых эффектов.

Оглушенный и потрясенный, Гейб моргнул, переведя взгляд с

того места, где только что находился спроецированный образ женщины, на остывающий желоб.

– А я-то поверил официальным правительственным заверениям, что трансформация голограммы в лазерный силовой луч невозможна.

– Для правительства невозможна, – сказала Марли, озираясь. – Здешние хакеры проникли в файлы команды, которая работала над трансформацией, и подменили данные. – Девушка осторожно поднялась на ноги. – Черт, где мы, в товарном вагоне, что ли?

Комната действительно напоминала товарный вагон: удлиненная, без окон и дверей. Кроме раструба желоба, по которому они сюда попали, других отверстий не наблюдалось. Нагнувшись, Марли вырвала из матраса кусок грязно-желтой пенистой резины и бросила его в стену из бетонных блоков. Тот не отскочил, а прошел через них насквозь и исчез из вида.

– Вот и ответ на мой вопрос, – сказала девушка и двинулась к стене.

Гейб воскликнул:

– Постой! Что ты делаешь?

– Мы для них как на ладони, вертун, – сказала она. – А если они нас видят, то и я хочу видеть их.

И шагнула сквозь стену. Гейб поспешил за ней.

Вдоль белой стены протянулись длинные ряды кроватей, все они были заняты. Гейб ожидал нападения, но никто к ним не кинулся. Лежавшие на кроватях люди не шевелились и даже не разговаривали.

– Палата-тюрьма, – мрачно констатировала Марли.

– Почему тогда не видно санитаров или охранников? – прошептал Гейб в ответ.

– Они и не нужны, все встроено.

Марли подошла к ближайшей кровати и приподняла лежавшего там мужчину, ухватив за рубашку спереди. Тот безвольно повис с широко открытыми, ничего не видящими глазами. К макушке обритой наголо головы подходил толстый черный кабель, который фиксировали две небольшие клеммы.

– Боже, – сказал Гейб.

– Программы-вирусы здесь изготовляют просто попутно, – тем же мрачным тоном продолжала Марли, укладывая мужчину обратно. – Ты никогда не задумывался, откуда «Лаборатории Соломона» берут все свои наисвежайшие, полностью натуральные нейротрансмиттеры?

Он уставился на нее, не в силах произнести ни слова.

– И если ты считаешь, что это глубокая тайна, покрытая

мраком – то ошибаешься, – добавила Марли. – Все прекрасно об этом знают. Даже фирма, на которую ты работаешь, «Ди-Ви». Ты стряпаешь для них рекламные ролики, а руководители высшего звена регулярно получают положенные им дозы нейротрансмиттеров, обеспечивающих максимальную эффективность мозговой деятельности. Заберешься повыше – тоже будешь получать. – Она внимательно обвела взглядом палату. – Если Джимми тут, лучше всего просто выдернуть его кабель и, благословясь, делать отсюда ноги.

В другом конце комнаты показался силуэт мужчины.

– Эй! Вас тут быть не должно!

Он кинулся было прочь, но далеко не убежал – его вдруг пронзил новый алый луч.

В следующую минуту рядом с Гейбом материализовалась Карита, размахивающая проектором.

– Я тут кое-что усовершенствовала в твоем оборудовании. Надеюсь, ты ничего не имеешь против?

– Зачем ты спустилась за нами по желобу? – с недоверием в голосе спросил он.

– Уж этого-то они меньше всего ожидали, верно? – сказала она, подмигнув Гейбу. – Нашли здесь Джимми? Надеюсь, что нет.

– Еще не искали, – ответила Марли. – Идем, скорее.

Они торопливо шли между рядов, Карита сканировала кровати. Гейб не мог сдержать восхищения: обычный записывающий голографический проектор она превратила в целый набор портативных инструментов на все случаи жизни. Любые переделки железа давались ей безо всякого труда, совсем как Сэм.

При мысли о дочери Гейба захлестнуло чувство вины, но сейчас было совсем не время отвлекаться. Они достигли конца палаты, и теперь Марли подталкивала его вслед за Каритой в некое подобие лифта. Двери за ними закрылись. Марли все еще пыталась нашарить кнопки контрольной панели, когда пол под ногами накренился и выбросил всю компанию наружу через заднюю стенку.

– Вот тебе и на! – негромко воскликнула Карита.

Перед ними теперь была вовсе не очередная комната, а длинный темный проулок, заваленный мусором и разбитыми деталями неведомых машин.

– Должно быть, сюда ссылают все машины, которые плохо себя ведут, – заметила Марли. Она приняла боевую стойку, готовая дать отпор любому нападению.

– Можешь разрушить эту картинку и показать нам, где мы на самом деле находимся? – спросил Гейб Кариту.

– Все хуже, чем ты думаешь, – сказала Карита. Она включила проектор, и на грязной стене появился яркий круг света. В следующий момент там проступили четкие ядовито-зеленые буквы:

СЕЙЧАС 10.30 УТРА.

11.15 УТРА – СОВЕЩАНИЕ, НОВЫЕ ЗАДАНИЯ НА СЛЕДУЮЩИЙ МЕСЯЦ.

НАПОМИНАНИЕ! ЗАВТРА В 12.30 ОБЕД С МЭННИ РИВЕРОЙ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО РЕЧЬ ПОЙДЁТ О НОРМЕ ВЫРАБОТКИ.

ИСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ: 24 МИНУТЫ, УЧТЕНО КАК ВРЕМЯ РАБОТЫ НАД РЕКЛАМОЙ БРОНЕЖИЛЕТОВ ГИЛДИНГА.

ОТСОЕДИНИТЬСЯ: Д/Н?

Гейб застонал.

– Мерзкое напоминание, вертун, или я ошибаюсь? – спросила Марли, ухмыляясь.

– Да уж, – сквозь зубы ответил он. – Гораздо приятнее сражаться с воплощениями технократического зла, чем высиживать очередное совещание по поводу заданий на следующий месяц.

Карита ущипнула его за руку:

– Просто ответь, «Д» или «Н», двигаемся дальше или нет.

– Я к вам присоединюсь позже. – Пообещал он, вставая.

– «Д» или «Н»? – настаивала Карита.

– Да, черт побери, – устало выговорил он. – То есть, «Д». Но не отключайтесь. Пусть действие продолжается!

Проулок растворился в чернильной тьме.

* * *

После команды отсоединиться видеошлем автоматически расстегнулся. Гейб снял его, одновременно отключая контактные провода, идущие к нему от виртукостюма. Шлем был самой последней модели, намного легче прежнего, но Гейбу все равно иногда казалось, что у него на голове мусорный бак.

Какое-то время он постоял на симуляционной арене, восстанавливая ориентацию. К полудню все тело будет ломить от диких бросков, которые он сегодня здесь совершал. Будто мальчишка-переросток, возомнивший себя суперменом. Арена была немаленькой: пожалуй, самая большая в «Диверсификации». За пятнадцать лет она выросла до размеров баскетбольной площадки – шесть метров в высоту, со всем необходимым

оборудованием: бегущей дорожкой, лестничным маршем с меняющейся высотой ступенек, сборным помостом, модулями, заменяющими мебель, толстыми матами.

Помнится, он добрый час втискивал элементы конструкции помоста, со всеми его плоскостями и поверхностями, в грузовой лифт, а потом еще столько же собирал их в нужной последовательности для сцены с ловушкой и желобом. Теперь, глядя на голый скелет, без наложенной симуляции, он испытывал странное чувство стыда, хотя в комнате кроме него никого не было.

«В чем дело, вертун – в игрушечки играем?» – раздался в голове хрипловатый голос Марли.

Видеошлем лежал у него на коленях, словно огромный раскрытый молитвенник, в два раза больше его головы. Основная часть внутренней поверхности была занята экраном, плотно прилегавшим к глазам, наподобие маски аквалангиста, а вокруг располагалось множество лазерных мини-проекторов. Лучевое перекрытие намного превосходило показатели прежней модели. Можно было смотреть в любом направлении, и лучи, отражающиеся от роговицы глаз, мгновенно смещали картинку, которая разворачивалась так же плавно, как если бы он действительно озирался вокруг. Благодаря этому еще легче было погрузиться в симуляцию, чему он отдавался полностью, пока напоминание не заставило его вернуться в реальность.

Он отнес шлем к столу и положил там. Стационарный монитор показывал, что симуляция развивалась дальше без него. Впрочем, если бы он дал команду остановить все – Марли и Карита этого даже бы не почувствовали. Да у них и образа-то сейчас никакого не было – просто мерцающие точки в системе.

«И они навсегда такими останутся», – подумал он, неожиданно ощутив навалившуюся усталость, куда более сильную, чем должна была появиться после сегодняшней беготни. Мерцающие точки, фантазии, воображаемые друзья.

Ну, не совсем воображаемые. Их образы были основаны на внешности двух реальных женщин, которые затерялись в бесконечном потоке моделей, не сумев вызвать заметного всплеска зрительских рейтингов. Трудно сказать, почему. Лично его Марли и Карита поразили с первого взгляда, как только он случайно наткнулся на них в корпоративном хранилище файлов. Может быть, у создавшего их образы программиста выдался особо удачный денек, а может – наоборот, паршивый. Или, возможно, тот парень уже давно медленно сходил с ума, а в момент вызова симулякров Марли и Кариты его перегруженное сознание потеряло последние остатки целостности.

Когда Гейб запросил официальное разрешение на использование этих образов, выяснилось, что «Диверсификация» аннулировала их контракты. Но к тому времени он уже довольно интенсивно пользовался ими, а в глубине ящика стола хранил чипы с исходниками. Время от времени, когда рабочие копии слишком обрастали вариантами выбора, он настраивал их по оригиналам – списанным в утиль оригиналам, напомнил он себе. Даже дважды списанным, если считать женщин, на которых основывались образы, истинным оригиналом. Впрочем, он предпочитал так не думать. Самих этих женщин Гейб никогда прежде не встречал, да и не знал о них ничего, однако не сомневался, что стоит им прознать, что кто-то в компании «Диверсификация» уже два года развлекался их симулякрами, не платя за это ни шиша, – ему неминуемо пришлось бы ублажить их крупной суммой штрафа, а заодно потерять работу.

Боже, целых два года? Неужели? Как глупо. Словно он подросток, которому отказали, и который теперь утешается симуляцией в формате «стань кем хочешь». Поначалу он притворялся, что, активируя образы и вливая их в тот или иной сценарий, он просто разминается перед рабочим днем, разогревает свой творческий генератор. За пятнадцать лет безостановочного штампования рекламных клипов всех этих бронежилетов, медикаментов, клиник красоты, модулей инфолайна и «всеочищающих спреев» без дополнительной стимуляции можно было окончательно перегореть.

Даже исчерпав львиную долю имеющихся сценариев и пустившись в поиски новых поворотов в файлах «стань кем хочешь», он все еще уверял себя, что занимается этим исключительно с целью потренировать воображение. Однако период работы над каждым новым заданием становился все длиннее, а количество готовых роликов медленно, но верно уменьшалось, о чем бескомпромиссно свидетельствовал автоматический журнал статистики его системы. Он продолжал равномерно расписывать проведенное в симуляции время между всеми своими заданиями, оно неумолимо увеличивалось, и Мэнни начал поговаривать о том, что необходимо повысить производительность. Однако теперь Гейб не мог и дня обойтись без того, чтобы хоть час провести в обществе Марли и Кариты. Час? Да часа четыре, ведь там было так просто забыть о времени.

Он расстегнул молнию эластичного виртукостюма и начал стягивать его с себя. На коже отпечатались барочные завитки проводов и геометрические узоры там, где к телу прилегали сенсоры. У его костюма покрытие было вдвое обширнее, чем у большинства стандартных моделей, только самые дорогие могли

похвастать более полным. Лишь в области, хм, гениталий сенсоров не было. Полное покрытие применялось исключительно в костюмах сотрудников, шлифующих новинки Голливуда.

Гейб помассировал отметины. Наверное, в один прекрасный день они не исчезнут, а останутся навсегда, как татуировка, и после его смерти (или увольнения) «Диверсификация» снимет с него кожу и будет использовать в качестве образца для новых виртукостюмов.

«Великие люди сами оставляют свой след. На всех прочих следы остаются», – с этой мыслью он стянул верхнюю часть костюма и внимательно осмотрел себя. Известны случаи, когда у истерических личностей, которым представлялось, что их схватили, на коже проступали синяки, будто от сжавших плечо или руку пальцев. Даже без всяких виртукостюмов.

Левую руку в еще не снятой перчатке будто кто-то слегка пожал. Остаточные импульсы. Случается. Гейб торопливо снял костюм и переоделся в обычную одежду.

Его внимание привлек таймер в нижнем правом углу плоского экрана консоли. Где-то внутри компьютера, в альтернативной вселенной, Марли с Каритой отбивались от мрачных громил, вместо него им там помогал его компьютерный дубль. Исход был заранее известен, ведь он ввел своих персонажей в сценарий старого ужастика «Дом охотников за головами», который вскоре после выхода был переведен в формат «стань кем хочешь». На широком экране фильм прошел незамеченным, но зато в компьютерном варианте его ждал настоящий успех. Куда интереснее было попасть в приключения, чем за ними наблюдать. А после того, как волна интереса спала, он пополнил ряды файлов, о которых вспоминали лишь для того, чтобы позаимствовать там что-нибудь для рекламных роликов.

Гейб убеждал себя, что тоже обращался к сценарию исключительно ради злосчастной рекламы бронежилетов. Такое объяснение, несомненно, могло послужить оправданием во время ежеквартальной проверки производительности труда, приближавшейся столь же неумолимо, как и срок сдачи клипа, над которым он еще и не начинал работать. Ладно, сегодня же вечером он все прокрутит снова и пометит наиболее перспективные для монтажа сцены, если только Марли с Каритой не превысили предел допустимых изменений. Умные программки: они могли обучаться и частично изменять другие программы, с которыми входили в соприкосновение. У «Дома охотников за головами» был высокий коэффициент допустимой манипуляции, в конце даже можно было погибнуть или задать свободный выбор, когда неизвестно, останешься ли в финале в

живых.

Он попробовал представить, как подобное решение сыграло бы в рекламе: *Бронежилеты Гилдинга могут спасти вам жизнь – но всегда ли?*

Они там, у Гилдинга, просто лопнут от счастья.

Или стоит запустить симуляцию предстоящего обеда с Риверой и напустить на него Марли с Каритой. И вместо того, чтобы проходить через это самостоятельно, просто посмотреть потом, как все прошло. Он в точности знал, что скажет Ривера: «Грядет ежеквартальная проверка производительности, Гейб, и, как тебе прекрасно известно, для Команды Наверху все сводится к голым цифрам. То есть к реальному выходу продукции на единицу времени. Только это Команду Наверху и волнует». Командой Наверху в «Диверсификации» называли высшее руководство – видимо, ради того, чтобы чуть очеловечить и приблизить к остальным работникам.

10:40 – вежливо напомнили часы на консоли. Вместо того чтобы подниматься в маленькой одноместной кабине лифта, он зашагал по ступенькам, надеясь, что ходьба окажет благотворное воздействие на его мышцы. Уже наверху он почувствовал, что в бедро упирается какой-то предмет, лежащий в кармане брюк – забыл сдать охране ключ от грузового лифта. Ну и ладно. Захотят – пусть сами за ним приходят.

Гейб приложил пальцы к замку; тот выполнил команду не сразу – в активном состоянии программа симуляции отъедала некоторое количество памяти у всей прочей электроники в его «яме».

– Просто обожаю свою работу, – пробормотал он.

«И я тоже, вертун», – отозвался голос Кариты у него в голове.

Дверь открылась, и Гейб направился по коридору к лифтам.

Глава 5

– Сразу надо было ко мне ехать, Сэма-Са́ма, – добродушно укорил ее Фец.

Девушка пожала плечами.

– Наверное, с утра я приняла таблетку глупости.

Сидящая в кресле напротив Роза взяла из коробки второй сладкий пончик, после чего передала ее светловолосому пареньку, устроившемуся на диване. Адриан приходился Фецу внучатым племянником и совершенно неожиданно свалился сегодня утром ему на голову, прилетев из Сан-Диего. Прежде Фец ничего не рассказывал о своей семье – собственно, никто не знал, есть ли у него вообще родственники. Пареньку было четырнадцать лет, но выглядел он не старше двенадцати. Миндалевидные глаза смотрели как-то чудно́, несфокусированно, будто его только что ударили по голове. Стукнутый четырнадцатилетний подросток. Сэм подумала, что и сама выглядела не лучше, когда только получила самостоятельность. До этого долгожданного момента она страстно мечтала о свободе, но стоило ее обрести, как тут же накатил страх. Добро пожаловать во взрослый мир, детка.

– Ты сегодня что-нибудь ела? – спросил Фец.

– Немного перекусила, – ответила Сэм, подобрав прилипшую к штанине рисинку. Покатала ее в пальцах, а потом, не зная, куда деть, положила к себе в карман.

– Как всегда, водорослями и прочей травой? – осведомился Фец.

– Водорослями с рисом суши.

Фец картинно закатил глаза.

– Сейчас посмотрю, что у меня имеется в запасе. Может, удастся накормить тебя какой-нибудь настоящей едой. Не считая пончиков.

С этими словами Фец направился к своей кухоньке: в стенной нише располагались шкафчик со встроенной электроплитой, микроволновка и мини-холодильник. Сэм очень хорошо все тут знала. Именно здесь она научилась готовить.

– Ты ведь знаешь, как он относится к водорослям, – сказала Роза, вытирая с губ сахарную пудру.

– Да. Для Феца вся еда делится на четыре группы: мясо,

молочные продукты, овощи и пончики. – Сэм вздохнула и поудобнее устроилась в кресле. – Боже, как я устала. Эти таблетки глупости – сильнодействующее средство.

– Не знаю, не пробовала, – гордо сказала Роза, а потом подмигнула. Сэм негромко рассмеялась. Наверное, Роза и глупость – действительно понятия не совместимые. Эта ловкая и сообразительная женщина небольшого росточка к тому времени, когда Сэм повстречала ее в сети года три назад, уже успела достичь статуса матроны электронного подполья.

Примерно тогда же Сэм познакомилась с Фецем и прочей компанией – Кили, Гатор, бедным сбившимся с толку Борегардом, Кейзином и многими другими. Кое-кто из них пропал неизвестно куда, кого-то посадили, а иные скрывались, чтобы не угодить за решетку. Может, и Кили тоже.

– Знаешь, я была уверена, что ты зайдешь ко мне за своим ноутбуком, – сказала Роза. – Никак не могла поверить, что можно вот так, без него, куда-то уехать. Все равно что отправиться в кругосветное путешествие без багажа и в чем мать родила.

Адриан хихикнул и смущенно прикрыл рот ладонью. Роза повернулась к нему с ироничной улыбкой.

– Ничего, детка, под одеждой все мы голые.

Паренек снова хихикнул и отвернулся.

– Не мучайте Адриана, – сказал Фец со своей кухни. Микроволновка звякнула и отключилась. – Попробуйте вспомнить, какими вы были в его возрасте – робкими новоиспеченными гражданами без капли уверенности в себе.

– Если сможешь убедить меня, что я когда-то была такой юной, готова заплатить тебе сто тысяч долларов, – улыбнулась Роза.

– Вы только послушайте эту пожилую двадцатичетырехлетнюю даму. – Фец направился к ним с большой кружкой в руках. – Помнится, ты обещала заплатить мне сто тысяч долларов, если мне удастся доказать тебе, что ты когда-нибудь повзрослеешь.

С легким поклоном он вручил Сэм кружку и ложку:

– Фасолевый суп, за неимением зеленых яиц и ветчины.

– Хорошо, что этой гадости нет. – Сэм с подозрением рассматривала светло-коричневую массу с комочками. – Я же говорила, что поела.

– Водоросли с рисом – это не еда. Йод, конечно, необходим, но нужно поместить внутрь что-то еще, чтобы прилипло к ребрам, а то их без труда можно пересчитать.

– Значит, ты подглядывал, как я переодеваюсь, раз видел мои ребра?

От ее слов он слегка покраснел и заторопился сесть на диван рядом со своим внучатым племянником.

На вид Фецу было около шестидесяти – с облаком невесомых, напоминавших сахарную вату белоснежных волос и угольно-черными глазами, пару раз сломанным носом и улыбчивым ртом. Перечисленные черты могли напомнить Санта-Клауса, но Фец был совсем не толстым и, к тому же, безбородым. Впрочем, даже отрасти он бороду и стань значительно толще (хотя Сэм не могла его себе таким представить), сходства не прибавится: угловатые черты его лица были слишком резкими, а общее выражение, несмотря на улыбчивость, лишено безмятежности, как у человека постоянно настороже.

Поначалу Сэм было трудно примирить этот вид доброго дедушки с тем образом, который возник у нее в голове после сетевых разговоров: он представлялся ей много повидавшим мужчиной лет тридцати, с неотразимой привлекательностью отщепенца.

Теперь, оглядываясь назад, она думала, что должна была определить его возраст раньше. Осведомленность о событиях последних сорока лет, которую Фец демонстрировал в их многочасовых сетевых беседах, была настолько поразительна и детальна, что могла появиться лишь в результате личного опыта.

Сидя в старом мягком кресле и стараясь, исключительно из уважения к хозяину, проглотить побольше соленого супа, Сэм вспомнила свой первый визит в его однокомнатную квартирку в восточной части Голливуда. Ее привела Роза, а Фец, так же как и сегодня, пытался ее накормить, но она была слишком ошеломлена. Роза сама по себе была откровением. В сети ее звали Роза-Чероки – она и впрямь была чероки по имени Роза, – с массой черных кудрей, невозмутимым видом и сокрушительным рукопожатием. По всей видимости, ей было дано поручение вытащить девушку из ее комнатушки в Санта-Монике, где она пробавлялась случайными заработками на собственноручно собранном ноутбуке.

Мы следили за тобой, куколка. Ты хороший хакер.

Сэм тогда ощутила прилив смешанных чувств и напечатала: «Это ты, Старший Брат?»

Вовсе не Старший Брат. Скорее, родственники, о которых предпочитают не упоминать.

«Это про меня», – написала Сэм.

Все мы такие, куколка, – последовал ответ.

Да, так все и было. А потом Роза привела ее сюда, чтобы удивить встречей с Фецем, после чего она сама уже старалась почаще здесь появляться. Позже Сэм поняла, что он мало кому

позволял так часто себе докучать – только ей и Розе. Она могла бы вообще переехать к нему жить, если бы он ее постоянно не прогонял. Фец сразу сказал, что не собирается селить у себя «все восточное отделение Мимозы», и еще более решительно заявил, что в его планы не входит никого по-отечески опекать, хотя оба они прекрасно понимали, что она ждет от него вовсе не отеческой заботы.

Прежде всего, ее привлекали обширные технические познания Феца и привилегия пользоваться мощной компьютерной системой, стоявшей у него на столе. На вид эта конструкция была весьма неказиста, с разнокалиберными ускорителями и расширителями памяти. Со времени ее последнего визита конфигурация опять поменялась: добавился второй огромный плоский экран и пара объемистых корпусов, увеличивших объем памяти раза в четыре. Кроме того, к системе теперь был присоединен видеошлем, явно недавно отложенный в сторону. Странно – раньше Сэм не замечала за ним интереса к посещению Искусственной Реальности.

Система работала при выключенных экранах. Снова странность: Фец обычно следил за всеми процессами визуально.

– Значит, ты уезжала из города? С тобой невозможно было связаться, – сказал Фец.

– Она жила на природе, в Озарках, – ответила за нее Роза. – Я все пытаюсь представить, каково там. Это в Миссури, – уточнила она для Феца.

– Да, слышал о таком местечке, – безмятежно ответил он. – Кстати, сейчас в Миссури творятся любопытные вещи в области нанотехнологий. Не удивляйся, именно так. – Кивнул он Розе. – Но тебе, наверное, было в Озарках не до того. Между нами, мне всегда казалось, что жизнь на природе представляется тебе чем-то вроде ночевки на Мимозе, безо всякой там охоты или рыбалки.

– Я и не охотилась. А ловить рыбу попробовала всего один раз. Мне трудно кого-то убивать, – пожала она плечами. – Долгое время в моей жизни не было ничего, кроме хакерства, и я подумала, что неплохо бы съездить развеяться подальше от города.

Роза рассмеялась.

– И оставила у меня свое наворованное «железо». Просто фейерверк гениальных идей.

– Нет, с «железом» все в порядке. Проблемы могли возникнуть только с программами, но я забрала их с собой.

– И что ты там с ними делала? Носила в виде сережек?

– Нет, но это замечательная идея на будущее, когда мне понадобится что-нибудь зашифровать.

Роза посмотрела на нее исподлобья.

– Не так уж это и оригинально. А слово, которое тут больше подходит – замаскировать. Ты слишком погрузилась в компьютерный мир.

– Ну, пусть будет «замаскировать». – Она перевела взгляд на Феца. – Хотя бы у тебя есть вести от Кили?

Морщинки вокруг глаз у Феца пролегли глубже.

– По официальному заявлению, Кили числится среди пропавших без вести. В сети никаких следов, никто о нем ничего не знает, даже Джоунз.

– А где Джоунз?

– У меня, – откликнулась Роза. – Разумеется, *временно.* Он не придумал ничего лучшего, чем покончить с собой в палатке у Гатор, та позвонила и попросила меня забрать тело.

У Адриана отвисла челюсть.

– Ты держишь мертвеца у себя в квартире?

– Я же сказала, *на время.* Он временно умер. Скорее всего, сейчас Джоунз уже не мертв, просто находится в коме, а через несколько дней снова совершит самоубийство.

Паренек с сомнением посмотрел на Феца.

– У вас тут все по-другому. Там, откуда я приехал, умирают обычно раз и навсегда.

– А вот с навороченными имплантатами выходит не так, – грустно ответила Роза. – Наш друг Джоунз, вернее, друг нашего друга Кили, страдал от хронической депрессии с постоянными суицидальными мыслями и тому подобным. Электрошок ему не помог, поэтому он обратился в благодельню, где ему в мозг вживили имплантаты, дающие возможность убивать себя. Он вырубается на одну-две минуты, потом имплантаты подстегивают выделение адреналина, и Джоунз возвращается.

– Она ничего не выдумывает, – известил Фец племянника. – Сейчас действительно так поступают с депрессивными пациентами, которые не реагируют на все прочие виды лекарств.

– Что, впрочем, не совсем применимо к Джоунзу, – вмешалась Роза, – потому что он других и не пробовал, сразу разрешил торгашам из благодельни всадить ему эту дрянь. Теперь он пристрастился к смерти, как к наркотику, и ничего тут не поделаешь, пока его собственная гормональная система не пошлет его в ад. Тогда он умрет окончательно.

– Ну, так уж сразу и в ад, может, сначала в чистилище? – добродушно поправил Фец.

Адриан откинулся на спинку дивана, обхватив себя руками.

– А люди еще называют меня странным.

– Я бы донесла на ту чертову клинику, где с ним сотворили

такое, но на этой неделе их всех и без меня замели.

– Теперь Джоунзу совсем некуда податься, – сказала Сэм. – Ни клиники, ни Кили. Что ему делать?

– Умирать. Периодически, – Роза повернулась к Фецу. – Ну что, мне прогуляться, пока вы тут с Сэм посмотрите, что ей сбросил Кили, или как?

– Зачем? – сказал Фец. – Разве ты не умеешь хранить секреты?

Роза перекрестила себе сердце.

– Подождите секундочку, – сказала Сэм, многозначительно глядя на Адриана.

Тот снова хихикнул.

– Не беспокойтесь. Могила. Наверное, Фец еще не успел вам сказать, что я не умею читать.

– Не умеет читать по-английски, – уточнил Фец. – Впрочем, и на любом другом языке с алфавитом.

– Поэтому можете все спокойно выводить на экран, без звукового сопровождения, я точно ничего не прочту, – добавил Адриан.

– У него поражение мозговой структуры, – неловко начал объяснять Фец, – отсюда алексия. По различным причинам имплантаты не помогли решить проблему, но нам удалось найти обходной путь – он выучил классический китайский.

Брови Розы поползли вверх.

– Правда? Ты можешь читать по-китайски?

Паренек пожал плечами.

– Это не совсем чтение. Вернее, я не так это воспринимаю. Когда в мире примут двойной формат с параллельным обозначением на алфавите и в иероглифах – вот тогда для меня все будет просто. Или, может быть, я перееду жить в Китай.

– А почему бы не использовать голосовой интерфейс? – спросила Роза.

– По той же причине, по которой и ты им не пользуешься, – сказал Фец. – Слишком долго. Озвучивание текста занимает почти вдвое больше времени, чем чтение про себя. И к тому же, действует на нервы. Мы пропускали сообщения инфолайна через свою программу-переводчик специально для Адриана. Правду сказать, перевод в идеограммы придает всему очень своеобразный вид.

Сэм поставила кружку с недоеденным супом на пол.

– Интересно, что бы дала такая обработка материалов, присланных Кили. Это довольно странная штука. Там не очень много текста, – она снова глянула на Адриана. – Но я вовсе не хочу подвергать опасности ни в чем не повинного человека.

– Не беспокойся об Адриане, – твердо сказал Фец. – Ну, что

там у тебя?

– Я почти уверена, что Кили выудил это в «Диверсификации». Он не уточнял, но не могу представить, кто еще мог бы его так устрашить. По какой-то причине Кили упаковал данные в композицию спид-трэш группы, видео которой делала компания «Ай-Трэкс». И вот я случайно узнаю, что она недавно стала приобретением «Диверсификации». Мой родной отец горбатится на «Ди-Ви» с незапамятных времен, и они *никогда* не проявляли ни малейшего интереса к музыкальным видеоклипам. Помимо оборудования, они выпускают только рекламу, голливудские новинки, симуляции «развейся часок», открытки и прочую муру.

– Не говори ничего дурного об электронных открытках, – перебила ее Роза. – Если бы их не было, кое-кто из нас не общался бы с мамой даже на День матери. Черт, извини, – добавила она, виновато глядя на Сэм. – Я краем глаза тоже видела эту новость об «Ай-Трэкс», но не обратила на нее ни малейшего внимания. Ведь множество компаний не успевает подсуетиться в общей гонке. Может, если поискать в «Деловой сети», то выяснится, что у них упали прибыли или еще что-то в этом роде. Если только вообще в этой самой деловой сети можно вообще что-то понять.

– Я бы тоже не придала этому событию значения, – сказала Сэм, – но меня удивило одно обстоятельство: в новостях ничего не было, ни малейшего упоминания о нем. В Озарках обалденно красиво, но даже там есть инфолайн, и все же я не видела ни строчки о приобретении «Ай-Трэкс». Хотя это компания Хола Галена – вернее, *была* его, – а он созывает пресс-конференции по любому поводу, стоит ему хотя бы икнуть.

– Ну, может он решил, что икнул на этот раз не слишком громко. – Фец встал, подошел к столу и включил один из экранов. – Где ты нашла новость о поглощении, дорогая?

Девушка объяснила.

– Ну конечно, это маленькое сообщение погребено под грудой более важных для профессиональных бизнесменов новостей. Нужно особым образом настраивать параметры поиска, чтобы быстро найти его.

Фец жестом подозвал обеих девушек к столу. На экране появилось общее меню инфолайна. Фец прикоснулся мизинцем к строке «Деловая сеть», на экране развернулось меню, поделенное на шесть плотно заполненных разделов. У Сэм в глазах зарябило.

– Боже, ну и путаница!

– Бизнесмену разобраться в этом не сложнее, чем тебе – в программе на твоем любимом языке программирования, – заметил Фец, лукаво глянув на нее. – Они хорошо потрудились, чтобы настроить свою сетку для серьезных подписчиков:

проводили тесты по движениям глаз при различной ориентации материала и всякое такое. «Деловая сеть» – классика целевого вещания, в противовес широкому вещанию прежних времен. Отборная информация, ничего лишнего.

Он дотронулся до какого-то пункта в верхнем левом углу экрана. Вместо шести разделов теперь экран поделился на четыре части: в каждом квадрате по новому меню.

– А нет ли более быстрого способа, чем перелистывание меню? – спросила Роза.

– Как я говорил, можно соответствующим образом настроить параметры поиска. Однако если бы мы знали, что именно ищем, уже нашли бы, верно? – Он подмигнул Сэм и, пролистав еще несколько меню и страниц мелкого текста, наконец, остановился. – А вот и оно.

– Черт. – Роза прищурилась, вглядываясь. – Может, прогнать его через китайский переводчик?

– Чуть позже, – невозмутимо кивнул головой Фец. – Со временем язык всех групп общества видоизменяется, чтобы отражать специфику используемой этой группой информации. В глобальной деревне возникают новые околицы. Вернее, прежние, но с новыми названиями.

– Так исчезают знакомые районы, где живут люди и к которым они привыкли, – сказала Роза, по-прежнему глядя на экран с недовольной гримасой, – или появляются новые. С какой стороны посмотреть.

Фец пожал плечами.

– Люди постоянно ищут новые способы разделиться или объединиться. Разве обычному любителю трэш-рока не все равно, какое название будет значиться в титрах нового видеоклипа: «Ай-Трэкс», «Диверсификация» или что-нибудь еще? Поэтому в музыкальные новости деловой факт и не просочился. Все, кого интересуют новости бизнеса, уже давно подключились к «Деловой сети», а не к «Ля-ля», музыканты – абоненты «Идеального слуха», технари – «Обрыва цепи».

– А весь остальной мир может лететь в тартарары, – задумчиво проговорила Сэм.

Фец рассмеялся:

– Клянусь святым Георгием, она ухватила суть. Ладно, вернемся к делу: здесь говорится о том, что изначально рассматривалась возможность захвата «Диферсификацией» всех компаний Хола Галена, но в результате переговоров стороны сошлись на продаже одной только «Ай-Трэкс».

Роза указала на экран:

– Посмотрите на эту фразу – «стоимость ценных бумаг

изменилась при реорганизации со смыканием вокруг НДП». Что такое НДП?

– Независимое деловое предприятие, – рассеянно отозвался Фец. – Для всего свой термин, от значения которого зависит так много. А вот ссылка на «Новости медицины», раздел «Исследования: человек/мозг/нейрофизиология».

– Я и сама могу это прочитать, – сказала Роза, – но кто мне скажет, причем здесь медицина?

В нижней части экрана появилась рамочка, внутри которой замигала надпись: *У вас осталось 24 минуты свободного доступа.*

– Вонючки! – воскликнула Сэм, указывая на рамочку. Цифры там изменились на «23». – Лишь бы деньги содрать.

Роза пожала плечами, Фец тем временем коснулся указателя быстрого перехода, после чего выбрал из всплывшего меню ссылку на «Новости медицины».

– Могло быть и хуже. Они могли просто поднять все цены в сети.

Фец хмыкнул.

– Они и на это способны. Правда дешева, но информация дорогого стоит. Не помню, кто это сказал.

– Какой-то Винс[6], забыла фамилию, – сказала Сэм. – Погиб при террористическом взрыве, кажется. А я думала, ты считаешь, что вся информация должна быть бесплатной.

– Должна. Но не является таковой. Знание – сила. А сила развращает. Следовательно, Век Скоростной Информации, в который мы живем, – исключительно развращающий век.

– Не всегда ли так было? – спросила его Сэм.

Он одарил ее мечтательной улыбкой.

– Я думаю, сейчас мы приближаемся к неведомой прежде грани разврата, Сэма-Сама. Порой мне даже кажется, что мы подошли к самому порогу первородного греха.

Девушка не вполне поняла вложенный в эти слова смысл, но по спине у нее пробежал холодок.

– Что-то мне стало не по себе, – сказала она.

– Будто ты была в себе до этого, – пробормотала Роза, и Сэм укоризненно на нее посмотрела.

– В наши дни кроме богатства необходимо обладать особой сноровкой, чтобы выбрать из моря информации жизненно важную. Нужно знать точно, что искать и где. У любителей праздно просматривать все подряд нет шансов преуспеть. Особенно у тех, кому и с богатством не повезло. Как мне не хватает газеты!

– Разве ты не получаешь «Твой ежедневник»? – удивленно спросила Сэм. – Я получаю. Даже в Озарках его читала.

– *Фи.* Это вовсе не газета. Во времена моей молодости подобные вещи назывались обзором прессы. А «Твой ежедневник» даже нельзя назвать хорошим обзором. Просто набор броских заголовков и водянистой говорильни. Ага, наконец-то.

Фец остановил текст на экране и принялся читать.

– «Доктор Линдел Джослин исследовала пути проводимости в мозге». Рецепторы, рецепторы, снова рецепторы. – Он прокрутил еще несколько строк. – Вот. Хм. Она хирург, вживляет имплантаты. Исследования завершены при содействии группы компаний Хола Галена и фирмы «Ай-Трэкс», все действительные и будущие патенты являются полной собственностью корпорации «Диверсификация».

– Патенты? – переспросила Роза.

Фец покачал головой и стал просматривать новость дальше. Но вскоре выпрямился и потер руками поясницу.

– Ничего не понятно. Сплошные медицинские термины.

Роза рассмеялась.

– Запусти свою программу-переводчик и посмотри, что получится.

Сэм все еще изучала экран.

– Я так и не поняла, почему известие о поглощении компании по производству рок-видео связано перекрестной ссылкой с «Новостями медицины».

– Доктора Джослин субсидировала «Ай-Трэкс», – сказала Роза. – А теперь, по всей видимости, выделять средства на продолжение ее исследований будет «Диверсификация» – и она же получает все права. Правда, остается вопрос, ради чего «Ай-Трэкс» поддерживала научные изыскания Джослин. Чтобы уменьшить налоги?

Она толкнула Феца в бок.

– Вполне возможно, – ответил тот, сложив на груди свои жилистые руки. – Думаю, что могу пролить дополнительный свет на вопрос об этой медицинской ссылке. А Сэм, со своей стороны, уточнит некоторые детали.

Сэм удивленно уставилась на него.

– Я?

– У тебя только половина файла Кили, – сказал он. – Вторая половина у меня. Ты покажешь мне свою часть информации, а я тебе – свою. Возможно, вместе нам удастся получить что-то существенное.

Девушка хитро улыбнулась.

– Ты покажешь мне свою информацию, если я покажу мою? – Она засунула руку в правый карман джинсов, где у бедра лежал бывший инсулиновый инжектор. – Мои чипы несовместимы с

твоей системой. Не против воспользоваться моей?

Фец приподнял бровь.

– Ты хитроумно припрятала систему у себя на теле?

Вытащив инжектор из кармана, Сэм продемонстрировала его друзьям. Фец с нарастающим удивлением вглядывался в лежащий у нее на ладони аппарат.

– Насколько мне известно, ты не страдаешь диабетом, тем более в той форме, когда организм отторгает вводимые имплантаты поджелудочной железы. Весьма хитроумно.

Он, было, взял инжектор из руки Сэм, но заметил провода, идущие от него к ней под рубашку. – О боже, Сэм. Неужели ты действительно…

– Что такое? – спросила Роза. – Что тут происходит?

Сэм слегка приподняла рубашку. В самую мягкую складку ее живота входили две иглы, которыми заканчивались провода.

– Ты напрасно считал, что я слишком оторвалась от цивилизации, чтобы следить за новейшими направлениями в нанотехнологии, – сказала она Фецу с некоторой долей вызова. – Озарки оказались лучшим местом для того, чтобы довести до ума мое последнее приобретение. Мне удалось найти лабораторию, где в обмен на кое-какую черную работу я получила возможность доделать эту штуку.

– О, Господи! – Роза изобразила приступ тошноты. – Это полное уродство! Ты просто больная!

– Это как часы, работающие от картофелины, – уточнила Сэм.

– У тебя вместо головы картофелина, – мрачно отреагировал Фец. – А батарейки чем не подходят?

– Не отражают мою индивидуальность. Шучу, шучу. – Рассмеялась она, поймав его возмущенный взгляд. – Это просто альтернативный источник тока. Можно воспользоваться и батарейками, и переменным током из сети с адаптером, но, если батарейки сядут, а ток отключат – кранты. Этой системе никакое отключение не грозит. «Ди-Ви» запрятала ее описание в очень укромном месте. Отец наверняка не знает о ее существовании. Вероятно, эта разработка предназначалась для тех, кто работает в экстремальных условиях и предельной изоляции – в Антарктиде, на поверхности Луны.

– Для шпионажа тоже неплохо. – Поморщился Фец. – А чем ты пользуешься в качестве монитора?

Она надела солнечные очки.

– Надо только настроить фокусное расстояние под свои глаза. Изображение проецируется прямо на сетчатку. У тебя сильный астигматизм?

Фец тронул провод.

– Больно?

– Сначала немножко щипало, но потом я практически забыла о них.

– Потому что ты больная, – сказала Роза, отвернувшись, чтобы не видеть игл. – Эта технология *никогда* не станет популярной, никогда, никогда.

– Она права, – сказал Фец. – Мало кому придется по душе идея служить эдакой подушкой для иголок. Конечно, диабетики и некоторые другие люди, страдающие эндокринными расстройствами, вынуждены постоянно колоть себя, но вряд ли им это нравится. У кого-то в отделе разработок «Ди-Ви» определенно кровожадные склонности. – Он передал инжектор обратно Сэм. – А теперь дай мне свою запись. У меня есть адаптер.

Девушка вынула чип-плейер из сумки и протянула ему. Порывшись в паре ящиков стола, Фец отыскал моток тонкого кабеля. Один конец он воткнул в плейер, а другой подключил к своей системе.

Из мини-колонок раздался грохот трэш-рока. На лице Феца отразилось явное неудовольствие.

– Ты не говорила, что запись по-прежнему зашифрована.

– А как же иначе? Думаешь, мне хотелось испытывать судьбу, разгуливая с незащищенными ворованными данными? Так что тебе все же понадобится система Картофельной Головы, если, конечно, ты не хочешь ждать, пока одна из твоих программ раскусит код. Правда, процесс может занять несколько дней. Я сама снабдила Кили этим ключом шифрования, и он далеко не прост.

– Не больше нескольких часов, – высокомерно отозвался Фец и протянул руку. – Давай сюда. Только уж работать она будет на *моем* источнике энергии. У меня есть первоклассный автономный генератор, это я говорю на тот случай, если ты переживаешь насчет землетрясения – вдруг второй Большой Толчок произойдет как раз в тот момент, когда мы почти закончим дешифрование.

– Спасибо тебе, – сказала Роза слабым голосом, продолжая стоять к ним спиной. – Скажете, когда можно будет повернуться.

Фец нащупал гнездо адаптера на боковой стороне инжектора и еще одним кабелем подключил его к источнику питания своей системы. Когда Сэм убедилась, что тот переключился на новый источник, она вытянула иглы из своей плоти.

– Можешь поворачиваться, Роза, – сказала девушка.

– А теперь убери это, – строго приказал Фец, – и никогда больше не позируй так передо мной.

– Хорошо, папочка.

Он укоризненно на нее посмотрел. Сэм запустила программу-декодер, музыка оборвалась. На экране вместо сообщений инфолайна появилось изображение. Все молча стали его разглядывать.

– И что это такое, по-вашему? – спросила, наконец Сэм. – Схема корневой системы какого-то сада? А может, маленький такой одуванчик, лет тринадцати от роду? Или мы дожили до той поры, когда, наконец, создан искусственный нейрон? Единственное, что меня беспокоит – вот это. – Она указала на довольно широкую, полую внутри веточку, протянувшуюся вверх от бугристой кляксы треугольной формы в центре экрана. – Если вспомнить школьный курс нейрофизиологии…

– Вы в школе изучали нейрофизиологию? – удивленно перебила Роза.

– Курс для поступающих в колледж по биологическому профилю. Так или иначе, это должен быть либо аксон, являющийся проводником исходящего импульса, либо один из дендритов, по которым импульсы поступают в нейрон. Потому что вот это – кортикальный нейрон. Улавливаете?

Фец искоса поглядел на нее.

– Продолжайте, профессор Картофельная Голова.

– Хорошо. Дендриты выглядят как безлистные кроны деревьев в Новой Англии в ноябре, а для аксона эта веточка слишком толстая. – Она провела пальцем вдоль линии, ведущей вниз от треугольной кляксы. – Вот натуральный аксон, в правильном масштабе. А верхний больше всего напоминает мне шину…

– Канал, – сказала Роза. – Теперь все называют каналами.

Сэм пожала плечами.

– Пусть называют как угодно, мне все равно. Чего я никак не могу понять – зачем нейрону такая пристройка, если аксон и так выполняет свою функцию. А верхняя веточка действительно достаточно широка, чтобы выполнять роль настоящей шины – простите, канала – с двумя полосами движения, одна для входящего импульса, другая – для исходящего. – Она помолчала немного. – Думаю, Кили обнаружил, что кто-то в «Ди-Ви» создает усовершенствованную структуру коры головного мозга. По спецзаказу. Эта доктор Как Ее Там, упоминавшаяся в «Новостях медицины». Вполне тянет на патент, как считаешь, Фец? На этом принципе можно изготовить компьютеры нового поколения, после чего вся прочая техника безнадежно устареет. Странно только, что наша доктор Франкенштейн трудится над ним в такой конторе как «Ай-Трэкс». Хол Гален старался засунуть свои щупальца в самые различные сферы бизнеса, так что среди его предприятий можно было найти какое-нибудь более подходящее.

– Если только ему не требовался хороший повод, чтобы снизить налоги именно для «Ай-Трэкс», – сказала Роза. – Либо удобное место, где можно спрятать разработки до той поры, пока не придет время громко заявить о них. Если бы какой-нибудь любитель новинок видео взломал их систему и обнаружил там рабочие материалы доктора, то ничего бы в них не понял и оставил без внимания. Храните лучшее виски в бутылке с надписью «Ополаскиватель для рта».

– Да, но для снижения налогов исследования должны быть связаны с профилем предприятия, – возразила Сэм. – Я в налогах мало разбираюсь, но это даже мне известно.

– Значит, он схитрил. Или ты думаешь, что Хол Гален не способен солгать налоговому инспектору? – Роза пожала плечами. – Может быть, он назвал направление разработок «создание новых видеоформатов» или чем-нибудь еще в этом духе.

Улыбка совершенно исчезла с лица Феца, что в присутствии Сэм случалось с ним крайне редко.

– Роза, дорогая, именно так он их и назвал. Это есть в той части файла, которую прислал мне Кили. – С обеспокоенным видом он повернулся к Сэм. – Кили разделил информацию в расчете на то, что если кого-то из нас поймают, у второго окажется достаточно материала, чтобы поднять шум. Поступив так, он, не подозревая об этом, нас спас. Но попутно повредил часть данных.

Сэм непонимающе покачала головой.

– Я обнаружил остатки защитной программы-закладки, которая в спящем виде находится внутри файла и активизируется при его открытии, отправляя сигнал тревоги. При разделении данных Кили ее разрушил. Стоило ему направить файл целиком каждому из нас – мы бы уже оба были за решеткой или еще где похуже.

– Там, где сейчас Кили, – серьезно сказала Роза. – Правда, меня удивляет, почему он не обнаружил ее сам.

– Это была очень хитрая закладка. Почти хакерской работы. Я бы и сам такую не заметил, если б не остатки ее кода. Как бы то ни было, я вам сейчас покажу то, что получил, но не уверен, что нам удастся восстановить полную картину.

Он вынул коробочку из нижнего ящика стола и достал оттуда крошечный чип, не больше половины ногтя на мизинце Сэм.

Через несколько мгновений на экране засветилось трехмерное изображение человеческого мозга. Надпись внизу экрана гласила: *Нов. вфмт.*

– На мой взгляд, типичное медицинское порно, – сказала

Роза.

– Есть и другая картинка, накладывающая сверху, – сказал Фец, – но там разобрать что-либо еще сложнее.

Он нажал кнопку на консоли, и на первое изображение легло второе. Оно напоминало схему, на которой некоторые области мозга были специально помечены, однако подписи к ним представляли собой бессмысленный набор знаков.

– Ну как, профессор Картофельная Голова, есть идеи?

– Имплантаты, – сразу откликнулась Сэм. – Но жутко странные. Мне легче поверить, что «Ди-Ви» заинтересовалась рок-видео, нежели решила открыть клинику.

– Я тоже подумал об имплантатах, – сказал Фец, – но судя по тому, что мне известно об имплантации, мест вживления здесь слишком много, и все они недостаточно глубоко расположены.

Адриан стоял все это время у них за спиной и молча разглядывал картинку. Теперь же он наклонился вперед и заговорил, касаясь каждого помеченного участка мозга:

– Передние доли, височные доли, теменные доли, слуховая кора, зрительная кора. У меня поражена вот эта часть, – смущенно сказал он, хлопнув себя по затылку.

Фец нажал другую кнопку на консоли, изображение повернулось ненадолго левым профилем, а затем сменилось схемой мозга в разрезе.

Роза глянула на Адриана и заметила:

– Прямо как в ресторане: откуда вам отрезать?

Паренек, пожав плечами, откликнулся:

– Ребрышко, лопатку, грудку?

Наложилась следующая картинка с путаницей линий, начинающихся от продолговатого мозга и распространяющихся по коре без видимого порядка, будто кто-то уронил на изображение моток спутанной пряжи.

– Можешь убрать ее на секунду? – попросила Сэм, вглядываясь в экран.

Фец так и сделал. Она внимательно изучила предыдущее изображение и покачала головой.

– Верни обратно.

– Увидела что-нибудь?

– Я заметила кое-что любопытное в этой путанице и подумала, что оно изображено на исходной картинке, но ошиблась. Оказалось, на той, что накладывается сверху. Но разглядеть как следует из-под этого вороха спагетти мне никак не удается.

– А что это тебе напоминает? – спросил Фец.

– Ну, это немного напоминает ретикулярную формацию…

Роза всплеснула руками.

– Я ваш жаргон не понимаю. В конце концов, я хакер, а не нейрохирург. Можешь дальше продолжать в том же духе, я пошла.

– Там формируются сны, – сказала Сэм.

Роза замерла вполоборота, ее брови поползли вверх.

– А вот *это* интересно. Только давайте обойдемся без медицинских терминов.

– Или это та часть мозга, которая препятствует погружению в кому? – Сэм нахмурилась. – Черт, не могу вспомнить.

– Ну-у, только я начала вникать. – Роза плюхнулась на диван.

– Не переживай. Эти закорючки могли быть просто остатками несохранившейся информации. – Фец снова коснулся консоли, и на экране появилось изображение мозга сзади, с выделенной центральной частью. – Здесь один из немногих кусочков текста, которые можно прочитать, – указал он на надпись в левом нижнем углу экрана, – но он мне ни о чем не говорит. «Видео-Марк».

Сэм наклонилась поближе.

– Да как же, говорит, и вполне определенно. Он сообщает, чей это мозг. То есть перед нами информация личного медицинского характера. Вот дерьмо, не удивительно, что Кили слинял. Стоит им пронюхать, что он залез в медицинские данные – и его просто сотрут в порошок за это. – Она выпрямилась и снова обратилась к Фецу: – Ты ведь не следишь за новинками рок-видео?

– Стараюсь избегать этого удовольствия.

– Видео-Марк работает, точнее, работал, на «Ай-Трэкс». А теперь он, скорее всего, в «Ди-Ви». И либо они ему уже впаяли имплантаты, либо собираются это сделать.

– И что с того? – спросила Роза, поднимаясь с дивана. – У половины людей в мире теперь есть имплантаты. Может, он наркоман, или у него эмоциональное и психическое истощение. Меня бы это не удивило.

– Но тогда при чем тут этот нейрон? – спросила Сэм, переходя к другому экрану. – Какая между ними связь? И где Кили? Он сумел скрыться или его отправили в тюрьму?

– Все это очень хорошие вопросы, – сказал Фец. – Мы можем поискать информацию о Кили среди официальных записей судебных решений, а я пока предоставлю нашему «Доктору» возможность заняться копиями этих файлов.

Сэм удивленно воззрилась на него.

– Ты собираешься заразить данные Кили вирусом?

– Не совсем. Давай передохнем. Ты не доела свой суп.

И он повел ее к дивану, поэтому Сэм не увидела, как

изображение на обоих экранах исчезло будто само собой.

Глава 6

«Ложиться спать между заседанием суда и перелетом в Мексику было большой ошибкой», – подумал Мэнни. Он сел на самолет сонный и мрачный, чувствуя себя ничуть не лучше, чем если бы решил продержаться на стимуляторах всю ночь, – и прибыл в Мехико днем в таком же состоянии, так что все равно пришлось принимать стимуляторы.

Одна неприятность следовала за другой: сначала хакер, успевший загрузить файл, прежде чем система успела его обнаружить, и где – на чертовой благодельне; потом эта строптивая напыщенная кукла судья. И в довершение всего – столкновение с проклятой сучкой из «Ай-Трэкс», которая до той поры исправно уклонялась от встречи. Он раз пять приходил в здание «Ай-Трэкс» и ни разу с ней не пересекался, а стоило явиться в этот паршивый суд – она тут как тут.

В первый момент у него возникло опасение, что она может быть заодно с хакером. Тогда бы все пошло прахом. Но, как выяснилось, их одновременное появление в суде – простое совпадение. Вряд ли она накачалась до такой степени, что совсем его не признала, но о существе дела ей точно ничего не было известно. Теперь о хакере позаботились, братия из клиники надежно и, главное, надолго погрязла в судебном разбирательстве, а когда кто-то из них снова выползет на свет божий – это уже никакой роли играть не будет.

Сидя с полузакрытыми глазами на переднем сиденье большой удобной японской машины, Мэнни погрузился в себя, и ему, наконец, удалось собраться. Лишь раз за всю дорогу он пошевелился, чтобы отключить радио, когда водитель врубил вдруг какую-то развеселую мелодию мариачи[7]. За рулем сидел белокурый прыщавый парень, успевший за свою короткую жизнь употребить огромное количество мексиканской разновидности ЛСД. Но сегодня он был не под кайфом – Мэнни сам проверил.

Все равно, ко времени, когда нужно будет ехать обратно в Лос-Анджелес, парень почти не будет помнить ни эту поездку, ни своего пассажира, да и вообще ничего. Наркотик навсегда нарушал механизм переноса информации из кратковременной памяти в долговременную, именно поэтому Мэнни и одобрил кандидатуру такого водителя. К счастью, водить машину он

научился прежде, чем познал радость забвения.

Сам Мэнни тоже был бы не прочь позабыть несколько последних часов, как и неразлучную парочку, сидевшую на заднем сиденье автомобиля. Гален с Джослин служили сильным аргументом в пользу приема ЛСД. Гален принадлежал к разряду избалованных богачей, которым всегда было забавно посмотреть, на что может вынудить людей желание получить деньги. А Джослин – просто ужас ходячий, костлявая как смерть, со складом ума, намекавшим на скрытую страсть мучить беззащитных зверюшек ради развлечения.

Наверное, сейчас они держатся за руки. Они почти все время этим занимаются: перешептываются, держась за руки, и хихикают. В отчетах наблюдателей об их предыдущем визите в Мехико, когда происходило вживление, говорилось, что они не покидали своего номера, смотрели там видео, поглощали съедобный полиэфирный пластик и занимались сексом, вернее, рутинным совокуплением, исчерпывавшим, видимо, для них это понятие.

Смешно даже представить, как это могло выглядеть. Гален был небольшого роста, мальчишеского сложения, несколько обрюзгший, но не толстый, с упрямой квадратной головой и вечной, будто приклеенной, ухмылкой на лице. Джослин, помимо прочих качеств страхолюдины, отличалась еще и неестественной бледностью, будто никогда не выходила на дневной свет. Ее волосы имели желтоватый оттенок чего-то прокисшего, а огромные выпуклые глаза, казалось, постоянно собирались вылезти из орбит от изумления или отвращения. Худоба указывала на еще одну ее тайную страсть: видимо, изрыгание пищи в ее представлении было сродни сексуальному акту.

Что эти люди могли найти привлекательного друг в друге? Мэнни решил, что этой тайне не суждено быть раскрытой – да не очень-то и хотелось искать разгадку. После выкупа «Ай-Трэкс» и последующего развития событий им хватит средств на какое угодно видео и любое количество съедобных полиэфиров – лишь бы с глаз долой. Судя по их привычкам, на свежий воздух они вообще не выходят. Даже если их надолго запереть, они вряд ли это заметят.

– Здесь, – вдруг сказал водитель.

Мэнни встряхнулся и сел прямо. На фоне полупустынного пейзажа с редкими кустиками выросло, будто голограмма, готовая исчезнуть в любой момент, белое приземистое здание за противоураганным ограждением. Оно больше походило на склад, чем на больницу.

– Заезжай в ворота и жди нас перед входом, – сказал Мэнни

водителю. – Я позабочусь, чтобы тебе принесли что-нибудь освежиться.

Парень издал тихий смешок.

– Скажем, яблочный сок, – продолжал Мэнни, – но если предпочитаешь молоко – можно и его. Прочие напитки будут, когда вернемся в гостиницу.

Тот снова хихикнул и переключил коробку передач. Его уверенные движения мало согласовывались с умственным состоянием. Имплантаты бы ему помогли, по крайней мере, до некоторой степени. Скорее всего, страховки у него не было, что усложняло дело. Но он, как жертва обстоятельств, вполне мог вызвать сочувствие у социальных работников, которые принялись бы писать прошения, добиваться грантов, искать спонсоров. Однако парень предпочел оставаться в своем теперешнем состоянии, что, на взгляд Мэнни, подтверждало Всемирное Правило Номер Один: некоторым людям нравится беличье колесо. Это напомнило ему о…

Обернувшись, он посмотрел на заднее сиденье. Парочка крепко спала, голова Галена лежала у Джослин на груди. Мэнни протянул руку и грубо потряс обоих.

– Приехали.

Джослин встревоженно заморгала своими выпученными глазами. Гален неуклюже повернулся и, чтобы удержать равновесие, ухватился за ее блузку, открыв оголенный участок груди, который покрывала сетка тонких серебристых шрамов. Уж этого-то зрелища Мэнни жаждал меньше всего на свете.

– Ну что, вы проведете экскурсию? – сказал он, глядя на Галена.

– Да, да, конечно. – Тот мигнул, отпустил Джослин и сделал ей знак прикрыться. Женщина машинально одернула блузку, непонимающе глядя на Галена, будто видела его впервые и вообще не представляла, как здесь очутилась.

– Вы уверяли, что все уже готово, – сказал Мэнни.

Джослин медленно перевела взгляд с Галена на Риверу.

– Все действительно готово, – высоким невыразительным голосом произнесла она. – Абсолютно все, не хватает только голов.

– Их вы скоро получите, – ответил Мэнни и отвернулся. *«Голов ей не хватает,* – подумал он, – *Боже правый».*

– Абсолютно все, не хватает только голов, – повторила она слово в слово.

– Мэнни говорит, что мы их скоро получим, – успокаивающе сказал Гален.

– Сама знаю, – огрызнулась она. – Я слышала.

Мэнни набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Все нанятые «Диверсификацией» врачи имели большой практический опыт имплантации. Помощник главного хирурга Трэвис убеждал его, что они без труда обучатся разработанной Джослин методике: вживлять гнезда было не сложнее, чем наиболее распространенный тип лечебного имплантата. Что означало – Трэвис с легкостью сможет заменить Джослин, когда удастся устранить ее, возможно, с помощью ее же собственной процедуры. Надо будет поинтересоваться у Трэвиса, как лучше это проделать.

* * *

Охранник совершал проверку неторопливо, словно выполняя некий ритуал, что скорее раздражало, чем успокаивало. Подъехав к входу в здание и заглушив мотор, водитель спросил у Мэнни:

– Где мы?

Мэнни не ответил. Еще одна минута прошла в молчании. Дверь оставалась закрытой.

– У всех выходной, – с пустым смешком сказал Гален.

– *Нет,* – возразила с вызовом Джослин. – Персонал на месте.

Тут дверь, наконец, отворилась, и на пороге показался высокий рыжеволосый человек в белом стерильном одеянии хирурга. При виде Трэвиса Мэнни почувствовал, что напряжение отступило, и вышел поздороваться. Пожав протянутую руку, Трэвис повел его к входу, начав что-то говорить, но вдруг нахмурился, глядя за спину Риверы. Там Гален с Джослин безуспешно пытались освободиться от ремней безопасности. Мэнни вернулся к машине, чтобы им помочь.

– Ты должен ждать тут, – напомнил он парню за рулем. Впрочем, напоминание было излишним – на экране навигационного компьютера светилась надпись: ЖДАТЬ НА МЕСТЕ ДАЛЬНЕЙШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ.

– Учел, мучачо[8]. – На лице парня расплылась идиотская ухмылка. Мэнни не стал испепелять его взглядом, но отменил свое распоряжение принести водителю сок. А в конце дня, приняв наркотик, который дал ему Мэнни, парень испытал худшие галлюцинации в своей жизни, так и не поняв, почему – поскольку уже не помнил, где взял ЛСД.

* * *

На экране вокруг отрезка сплетенных нитей двигались, будто танцуя, два пузырька. Время от времени один из них зависал; потом, переместившись к концу цепочки, присоединялся к ней на короткое время – и двигался дальше, оставив после себя новый сегмент. Мэнни несколько минут понаблюдал за происходящим, а затем поднял глаза на Трэвиса:

– Что это будет?

– Женский контакт. Приемник, – отозвался Трэвис.

Мэнни не смог удержаться, чтобы не посмотреть на бродившую по небольшому залу Джослин. Гален хвостиком следовал за ней. Временами она что-то шептала ему на ухо.

– То есть та часть, которая остается в черепе.

– Верно. – Трэвис задумчиво почесал в затылке. – В конечном итоге получится полая трубочка всего в несколько молекул толщиной.

– Но живая.

– Да, из живой ткани. – Взгляд Трэвиса не отрывался от экрана. – Это первые в мире имплантаты полностью из живой ткани. Все применявшиеся в лечебных целях до этого имплантаты содержали электронику и потому являлись инородными телами в организме, хотя у большинства пациентов они приживались без проблем.

Мэнни вежливо хмыкнул.

– Данный контакт предназначен для зрительного центра. – Трэвис приложил ладонь к тому месту на затылке, которое только что чесал. – После внутричерепной инъекции она замечательно приживается и чувствует себя, так сказать, совсем как дома.

– Всего в несколько молекул толщиной. – Мэнни нахмурился. – Дело в том, что люди, которые первыми смогут испытать на себе преимущества новой технологии – по крайней мере, большинство из них, – с трудом попадут камушком в Большой Каньон, даже если будут долго прицеливаться. Как они справятся с задачей попасть в гнездо всего в несколько молекул шириной у себя на затылке?

Трэвис едва сдержал улыбку.

– Каждая область подключения на поверхности будет помечена небольшим бугорком, размером с прыщик. Понадобится лишь приложить проводник к этому бугорку. Он сам двинется навстречу гнезду-приемнику. Причем неважно, к какому из гнезд будет подведен какой проводник – встроенная программа согласует входящие и исходящие импульсы, а после отключения проводники автоматически отсоединятся, поэтому не существует опасности повреждения. Потребуется некоторая тренировка, но в принципе, вживив гнезда утром, клиенты смогут уже после обеда

свободно подсоединяться и отсоединяться по своему желанию. Теоретически.

– Умно придумано.

– Это все разработала доктор Джослин.

Оба посмотрели в ее направлении. Она стояла у шкафа со множеством ящичков и что-то говорила, помахивая мертвенно-белой рукой, на ушко Галену, который обнимал ее за тонкую талию.

– Поразительно. – Мэнни кивнул на ящички. – Что там?

– Пока практически ничего. Это морозильники для хранения готовых полимеров. Их необходимо хранить при минусовой температуре до самого вживления.

Трэвис провел Риверу в следующую комнату, с кафельным полом, всю белую и почти пустую, если не считать стола, на одном из концов которого был установлен ящик размером раза в два больше человеческой головы.

– Операционная, – сказал Трэвис. – Конечно, с началом работы здесь будут поддерживаться стерильные условия. – Он положил одну руку на ящик. – Это комбинированный аппарат для сканирования мозга и вживления гнезд. Потребовалось переделать совсем немного.

– Процедура болезненная? – спросил Мэнни.

– Само вживление? – На красном вытянутом лице лице Трэвиса мелькнула улыбка. – Нет. Приматы, с которыми работала доктор Джослин, демонстрировали несколько повышенную чувствительность в точках вживления и испытывали небольшой зуд, видимо, психосоматического свойства. У отдельных клиентов могут возникнуть незначительные реакции и легкий дискомфорт после имплантации, но все это сугубо индивидуально. Мозговые ткани сами по себе не испытывают боли.

– Любые опыты на приматах еще не дают гарантии, что на людях все пройдет нормально, – сказал Мэнни. – Даже тренажер-симуляция…

Трэвис поднял руку и громко позвал:

– Доктор Джослин! Не могли бы вы подойти, я хочу кое-что показать мистеру Ривере.

В дверях операционной показалась Джослин, по-прежнему в сопровождении Галена, обнимавшего ее за плечи. Она огляделась и издала странный смешок, будто ее поймали на чем-то недозволенном.

– Доктор Джослин, не будете возражать, если я попрошу вас лечь на стол и поместить вашу голову в сканер? – попросил Трэвис.

Джослин высвободилась из объятий Галена и, подпрыгнув,

уселась на столе. Трэвис отодвинул вверх переднюю панель сканера, женщина легла и расположилась таким образом, что ее голова полностью исчезла из вида, оказавшись внутри сканера. Трэвис взял небольшой пульт, его пальцы заплясали по кнопкам.

Позади Мэнни зажегся экран во всю стену, где засветилось зеленым трехмерное изображение человеческого мозга. Внутри проявилось сплетение черных линий, начинавшихся в разных местах и соединявшихся в невообразимую путаницу в центре.

– Доктор Джослин сама руководила вживлением гнезд себе, – мягко сказал Трэвис нахмурившемуся еще сильнее Ривере. Мэнни перевел взгляд с Тревиса обратно на дисплей. Команде Наверху не очень понравится, что Джослин бесплатно воспользовалась процедурой, которая теперь целиком и полностью находилась в собственности компании, пусть она и разработала ее. Что ж, можно будет использовать это обстоятельство для правового давления, если она вдруг заартачится.

– Черные линии, которые вы видите, – это пути прохождения импульсов, созданные вживленными имплантатами в мозгу. Их конфигурация будет немного отличаться у разных людей, поскольку строение мозга и организация мышления имеют индивидуальные особенности.

Мэнни снова посмотрел на Трэвиса. Тому новый метод нравился намного больше, чем обычные лечебные имплантаты. Значительно больше.

– Для достижения поставленной цели достаточно восьми гнезд, – продолжал Трэвис, – хотя впоследствии может выясниться, что некоторым индивидуумам необходимо их больше, а некоторым, возможно, и меньше. Попутно данная процедура делает прежние способы лечения всевозможных дисфункций совершенно устаревшими. Имплантат, полностью выращенный из живой ткани, способен стимулировать восстановление клеток мозга и замещение здоровыми клетками вышедших из строя.

– Вы ведь включили это обстоятельство в отчет для Американской медицинской ассоциации, а также Комиссии по контролю за пищевыми, лекарственными и программными продуктами? – сказал Мэнни.

Трэвис кивнул.

– Хотя, как вы понимаете, для них это не самая сильная сторона нашего продукта.

Мэнни хохотнул.

– Само собой. Завтра вечером на презентации для представителей комиссии в Топанге будут озвучены куда более сильные стороны.

Выражение лица у Трэвиса не изменилось.

– Проводящие пути от каждого гнезда оканчиваются, все без исключения, в лимбической системе, ответственной за наши основные эмоции – ярости, страха, удовольствия. В активном состоянии системы стимулы будут воздействовать на них непосредственно, на протяжении избранного времени. Скажем, потребитель включает какую-нибудь передачу – музыкальный видеоклип, художественный фильм, рекламу или телешоу – и испытывает эмоции на полную катушку. – Озарившая на мгновение лицо Трэвиса улыбка была удивительно солнечной. – Ваши пиарщики придумают, как использовать данное обстоятельство.

Мэнни кивнул, отчего-то почувствовав себя неловко.

– А вот тут. – При этих словах две области на экране стали ярче, – вживленные в височные доли гнезда усилят всю поступающую информацию. Важно с точки зрения интерактивности, ведь потребитель сможет самостоятельно участвовать в процессе формирования образов. Это свойство применимо в играх любой степени сложности. Ощущения будут весьма необычными. Мистического свойства, если хотите.

Мэнни вовсе не был уверен, что хочет этого.

– А манипуляция в области теменных долей. – На экране высветились две другие области, – создаст иллюзию движения. Не нужно больше будет физически двигаться в виртукостюмах, чтобы получить эффект ходьбы, бега, лазанья и так далее. Покупатели все прекрасно почувствуют безо всяких костюмов.

– Минуточку, – остановил его Мэнни. – Я считал, что нельзя стимулировать эти области, не вызывая соответствующих движений.

В глазах Трэвиса промелькнуло уважение, что понравилось Ривере. Значит, Трэвис усвоил подтекст: *не пытайся вешать мне лапшу на уши, я разбираюсь в предмете разговора.*

– Действительно, прежде, до изобретения доктором Джослин методики блокировки ощущений от выполнения физических действий, невозможно было добиться устойчивого результата. Частично используется подавление движений, происходящее в фазе быстрого сна, частично – так называемый эффект «фантомной конечности», когда человек продолжает ощущать палец, руку или ногу, которых лишился. В результате комбинации и обращения этих процессов, которым придается также некоторый дополнительный толчок, достигается желаемое. – Трэвис бросил взгляд на худое тело Джослин на столе. С головой, скрытой в ящике сканера, она походила на тощего обезглавленного цыпленка. – Она поразительно умна, –

сказал Трэвис таким тоном, будто и сам никак не мог в это поверить.

– Мы задействуем и передние доли, – продолжил он объяснение, – помещая по одному гнезду в каждом полушарии. Клиенты обнаружат, что им стало легче находить творческие решения. В дополнение ко всему прочему. По одному гнезду размещается в слуховой и зрительных зонах коры головного мозга. Для производства музыкальных видеоклипов ваши техники могут использовать только эти два гнезда, но эффект будет гораздо значительнее при задействовании всех. Тогда это будет уже не просто видео, а, скорее, сон-путешествие. Очень близкое к переживанию реального опыта. – На губах Трэвиса снова мелькнула его странноватая улыбка. – По сути, нам удалось… То есть, доктору Джослин удалось создать интерфейс для постижения опыта вне тела. Точнее сказать, переживания чувственного опыта без участия тела.

На это Мэнни не знал, что ответить. Трэвис аккуратно промокнул уголок своего рта безымянным пальцем и отключил экран.

– Вы можете встать, доктор Джослин. Спасибо.

Джослин, извиваясь, выползла из-под сканера и соскочила вниз, опираясь на руку Галена. Он же, гордо улыбаясь, сказал Мэнни:

– А на мой мозг не желаете взглянуть?

Мэнни посмотрел на Трэвиса.

– Тут ничего не должно было разворачиваться, пока «Диверсификация» не дала команду.

Трэвис чуть приподнял подбородок.

– Доктор Джослин здесь главный хирург. Это было ее решение.

– Расслабься, Мануэль, – с широким жестом сказал Гален. – Когда об этом станет известно всем, то, даже если совсем небольшой процент клиентов решит попробовать новую игрушку, попасть сюда станет сложнее, чем получить политическое убежище на Луне. К тому же неизвестно, несколько быстро удастся легализовать процедуру в Штатах, вне зависимости от количества подкармливаемых компанией членов Конгресса или Сената. Заметили выражение лица судьи, которая вела заседание вчера вечером?

– Сегодня утром, – сказала Джослин громким театральным шепотом. Она массировала Галену плечи, отчего спортивный костюм, и без того неважно сидевший на нем, еще больше съехал на сторону.

Небрежным жестом Гален похлопал ее по бедру.

– Когда я вошел в зал суда и понял, что этот чертов благодел уже модифицировал некоторые имплантаты своих психов, и что они замахнулись на установление прямого контакта с…

– С этим осложнением, по крайней мере, все улажено, – сказал Мэнни, изображая благожелательную улыбку. – Уверен, ни у кого из Команды Наверху не возникнет возражений против того, что вы оба уже прошли процедуру. Но с чисто формальной точки зрения, необходимо получить разрешение от нас, прежде чем…

– Да брось ты, *Мануэль,* – расхохотался Гален. – Это же игрушка *Линди.*

– Больше нет. Когда «Диверсификация» приняла управление «Ай-Трэкс», к компании перешли все права, торговые знаки и патенты, которыми «Ай-Трэкс» владела. Пусть ваш юрист ознакомит вас с соответствующим пунктом.

Гален снова расхохотался.

– Делов-то. Без нас «Диверсификации» ни черта бы не досталось, поэтому прибереги для кого-нибудь другого свое юридическое дерьмо, *Мануэль.* Я не позволю помыкать мной выскочке-латиносу, чья бабка пересекла границу, прячась в кузове пикапа под грудой стручков красного перца.

Спокойствие не покинуло Мэнни.

– Мое полное имя – Иммануэль Кастиль Ривера. Я веду свой род от конкистадоров, и ко времени, когда ваших предков выпустили после карантина с острова Эллис, мои жили тут уже много поколений. Это так, к слову. К счастью, на мое воспитание не повлияли дурные традиции испанских кварталов, с их бандитскими правилами мести за неэтичное упоминание национальной принадлежности, и я вовсе не считаю, что мои мужские качества пострадают, если я не убью обидчика. Но мне не нравятся проявления непрофессионализма, и в этом я единодушен с Командой Наверху.

– Значит, без обид? – В тоне и выражении лица Галена уже не было заметно вызова. – Я сделал несколько неправильных вложений капитала, «Ди-Ви» не замедлила воспользоваться моментом и осуществить захват. Совсем как конкистадоры, верно? – Он пожал плечами. – С «Ай-Трэксом» такое не впервые, да и чего париться? Теперь я буду сказочно богат – богаче, чем когда-либо, а начиная с завтрашнего дня мы можем спокойно позабыть друг о друге, если «Диверсификация» не станет нарушать график выплат, конечно.

Он прижался к стоявшей позади него Джослин, а та обняла его обеими руками и положила подбородок ему на плечо. При их разнице в росте это выглядело довольно комично.

– Если честно, не хотел бы я сейчас оказаться на вашем

месте, – продолжал Гален, в его голосе вновь появились самодовольные нотки. – Я по-прежнему уверен, что пройдет еще уйма времени, прежде чем общество перестанет смотреть на новый метод как на более быстрый и эффективный способ промывания мозгов, контроля над сознанием и так далее. Многие люди всерьез убеждены, что ни депрессивных, ни шизиков, ни страдающих мигренями, ни эпилептиков, нарколептиков и *любых* других лептиков нельзя снабжать маленькими кнопочками в голове, чтобы они могли себя вести как остальные люди. Мол, это порочная практика. Даже детей из пробирки кое-кто считает чудовищами. А что говорить об индюках из Американской медицинской ассоциации и чиновников из Комиссии по контролю за пищевыми, лекарственными и программными продуктами! Да они просто изойдут воплями оскорбленной невинности. Это будет всем головным болям боль, а я вовсе не хочу, чтобы у меня болела голова.

– А что вы скажете, доктор Джослин? – сказал Мэнни. – Что вы думаете по этому поводу?

Безжизненное выражение сменилось на лице Джослин напряженно-внимательным:

– Все уже вышло из-под контроля.

Мэнни издал вежливый смешок.

– Простите, что вы имели в виду?

– Увидите, – хихикнула она. – Может быть, когда сами ляжете на этот стол. Пойдем, Холли.

С этими словами она выскользнула из комнаты, таща за собой Галена.

Мэнни потряс головой.

– Иисус *рыдает*.

– Над участью Сиона, – продолжил его фразу Трэвис. – Отчасти она права. Насчет того, что все вышло из-под контроля. – Он прочистил горло и вернул на экран изображение мозга Джослин. – В наши дни и в нашей среде вживление в мозг имплантатов – рутинная процедура, сейчас уже нет нужды преодолевать многочисленные препятствия, описанные в учебниках по истории медицины. Но пока остаются неясными долговременные последствия. Даже нам самим. – Он кивнул на картинку мозга Джослин на экране. – Мы действительно почти не можем прогнозировать, как поведет себя этот орган, когда из него начнут качать информацию по прямому каналу. Мы лишь строим догадки, лишь часть которых может совпасть с действительностью. Если я правильно понял, врачу из э-э-э… благодельни уже удалось стимулировать исходящую реакцию через модифицированные имплантаты у одного из э-э-э…

пациентов. Полиция застала их за просмотром порнографии на экране.

– Неопровержимое доказательство ценности процедуры для индустрии развлечений, – сухо сказал Мэнни. – Хотя несколько банальное.

– Стоит задуматься и о менее банальных. Пока образы проецировались только на экран, а не транслировались с экрана напрямую другому реципиенту, – сказал Трэвис. – Мы установили, что передавать свой образ гораздо проще, чем принимать чужой. Но, по правде говоря, мы не имеем ясного представления обо всех последствиях ввода сигналов в мозг. Есть только разрозненные факты. К примеру, – он снова указал на экран, – височные доли. – Высвеченные области уменьшились в размере, цвет одного из участков в левом полушарии сменился на оранжевый. – Это срединная часть левой височной доли. Если управляющие эмоциями центры в данной области не активизируются в совершенно определенное время, стремительно будет нарастать паника. Возникшие ощущения будут неотличимы от сердечного приступа.

Он помолчал немного.

– Лицам, склонным к подобным реакциям, можно вводить дополнительные имплантаты, которые обеспечат своевременную активацию. Однако сходную реакцию можно вызвать и в нормальном мозге с помощью нейротрансмиттера-ингибитора, подавляющего своевременное срабатывание нейронов. А этот ингибитор может быть введен в действие поступившим извне сигналом. Это только один из примеров.

Несколько долгих мгновений они молча смотрели на экран.

– Думаю, я понял, что вы пытаетесь до меня донести, – наконец сказал Мэнни. – Только не знаю пока, как к этому относиться.

– Как бы вы к этому ни относились, – ответил Трэвис, – мир просто стал еще на толику зависимее. Перед вживлением составляется и сохраняется в особом файле подробная карта мозга человека. – Трэвис выключил экран. – Эти файлы, конечно, будут тщательно охраняться от лиц, не имеющих к ним права доступа.

– Вне всякого сомнения. – Мэнни почувствовал, что действие принятых стимуляторов заканчивается и на него накатывает усталость. Он посмотрел на часы. – Подготовьте подробный отчет и отправьте мне по электронной почте. Пометьте сообщение как секретное. Сегодня вечером я должен вернуться в Лос-Анджелес – там ждут неотложные дела. Прошлая ночь заставила меня поволноваться.

Взгляд Трэвиса остался невозмутимым.

– Вам прислать файл в трехмерном формате или в обычном?

– И в том, и в другом. Мне бы хотелось иметь что-то на руках, чтобы делать пометки в неофициальной обстановке, без дополнительного оборудования.

– А достаточно ли надежно защищена система «Диверсификации»?

– Теперь – да. У нас появился ручной хакер, который уже приступил к работе по обеспечению безопасности.

И он последовал за Трэвисом к выходу, в то время как проблемы перестраивались у него в голове по степени значимости.

Глава 7

– Аллилуйя! – как обычно с преувеличенным энтузиазмом приветствовала его Мелоди Круз. – Наступил следующий день! Кому-нибудь интересно, что это за день?

– Только не мне, – пробормотал Гейб, прошаркав к длиннющему дивану и плюхнувшись на него. Двадцати минут гидромассажа оказалось либо недостаточно, либо слишком много. Теперь ему хотелось одного: распластаться тут наподобие диванной подушки, и чтобы никто его не трогал.

– Так я и знала. Что ж, вот суровая правда: срок сдачи рекламного ролика для бронежилетов Гилдинга совсем на носу – так сказать, навис и вот-вот обрушится всей своей тяжестью.

Гейб застонал.

– Сообщи мне лучше что-нибудь, чего я не знаю.

– Дойдем и до этого. Но прежде напоминание: сегодня у тебя ланч с Мэнни Риверой. Это еще одна веская причина закончить ролик.

– Хорошо, хорошо, – сказал Гейб. – Зануда.

Он сел чуть прямее, но глаза отказывались полностью открыться.

– Твой почтовый ящик забился под завязку. Еще три сообщения – и придется доплачивать за превышение объема. Не стала бы обвинять провайдеров в вымогательстве, но если ты ничего не предпримешь, они переименуют свою почтовую систему в твою честь. Отделение Электронной Почты Габриэля Людовика, финансируемое исключительно им самим. Не хотела бы я, чтобы такая надпись красовалась на моем надгробии.

– Да уж. Что там?

– Наиболее полная коллекция спама во всем Лос-Анджелесе. Предложения настолько провальные, что просто удивительно, как они не самоуничтожаются.

– Есть ли что-нибудь от Кассандры? То бишь Сэм?

Ответ последовал моментально.

– Сегодня нет.

– Тогда сотри все.

– Ты уверен?

– Вполне. – Гейб зевнул. – Никакого желания возиться с почтой. У нас остался грейпфрутовый сок?

– Должен остаться, если только ты не прокрался посреди ночи на кухню и все не выпил.

Гейб со стоном поднялся с дивана. Голос Мелоди последовал за ним и на кухню, доносясь из динамиков на потолке.

– Перечислила деньги с твоего счета для уплаты очередного взноса за твою долю этой берлоги. Хочешь узнать остаток или пусть это будет сюрпризом?

– Люблю сюрпризы. – Гейб подставил стакан под кран контейнера с соком в холодильнике и кнопками выбрал: «Шесть унций, не подслащенный». От ледяного и терпкого сока заслезились глаза, и защипало в носу. Гейб прислонился к боку холодильника, крепко зажмурившись и прижав переносицу пальцами. Сон как рукой сняло, хотя усталость отступила не до конца.

– Собственно, это почти все, что касается твоего жалкого существования, – продолжал голос Мелоди. – Перейдем к мировым новостям. Малайзию по-прежнему бомбят – разумеется, благодаря налогам, которые ты платишь. Великобритания охвачена голодными бунтами, а у нас в городе цена батона хлеба, выпеченного для гурманов в ресторане «Гэтсби», сегодня утром была двадцать долларов. Заставляет задуматься, не так ли?

– Нет, – сказал Гейб. – Я ведь работаю в рекламном бизнесе, если помнишь.

– Бронежилеты Гилдинга. Сроки поджимают.

– Ладно, ладно, ты уже говорила.

Он наполнил стакан еще раз и вернулся в гостиную.

– Эй, но ты же сам произнес ключевое слово. Следи за своей речью, если не хочешь выслушивать рутинные упреки.

– На самом деле, хочу, – сказал Гейб, снова усаживаясь на диван. – Мне нужны напоминания, пока дело не будет доведено до конца.

На двух экранах инфолайна слева шли новости общего характера, а на верхнем правом – их краткая сводка, только более формальная, чем в изложении Мелоди Круз. На нижнем правом экране высвечивалось меню. Взяв пульт, Гейб включил новости популярной культуры.

– А вот и «Поп-Культ», – сказала Мелоди. – Что-нибудь конкретное или обычную смесь?

– Обычную, спасибо.

– Не за что благодарить, – и после короткой паузы, – да и некого. *Вообще-то.* Если бы я только знала, когда продавала свою персону для модулей инфолайна, чем в конечном итоге буду заниматься, то лучше бы перерезала себе вены.

– То же могу сказать о себе, – пробормотал Гейб, следя

взглядом за мелькающими строками, представляющих собой выжимку последних событий из сетей «ФолкНет», «Общественный взгляд» и «Как ведут себя люди», с небольшими дозами информации из «Деловой сети». Новости популярной культуры были сущим кладезем материала для рекламы, а сегодня утром Гейб как нельзя более нуждался в такой подпитке.

Между фрагментом о новых предпочтениях в утреннем меню и сюжетом о неожиданном скачке интереса к видеосалонам у людей с имплантатами он заметил сокращенный вариант одного из своих роликов, который делал для фармацевтической фирмы. За него он, помнится, даже был отмечен – так, не очень значительно, просто похвалой от Национального совета фармацевтов за добросовестность и высокую степень гражданской ответственности. Это было два года назад. Что в Век Скоростной Информации равнялось вечности.

Знаешь ведь, как обстоят дела, Гейб. А что ты сделал для нас за последнее время и когда ждать от тебя новых успехов?

«Заткнись, Мэнни», – подумал он.

– Мелоди!

– Звал?

– Зачитай мне краткий перечень новостей «Поп-Культа».

Может, хоть ее голос заглушит противные интонации Мэнни, зудящие у него в голове.

– Хорошо. Что у нас тут? Свеженький репортаж о том, что теперь предпочитают есть на завтрак, который ты уже видел, и какая-то мура о том, что люди с имплантатами толпятся у видеосалонов – это ты тоже знаешь. Идем дальше: надо же, всплеск популярности имплантатов для домашних питомцев. Никто больше не хочет приучать щенков к туалету. Теперь можно приобрести породистого спаниеля с родословной, который сам себя выгуливает. Или, к примеру, купить пуделя по кличке Врач и командовать: «Врач, к ноге!». И нечего стонать. Сколько ты поставишь против вероятности, что кличка Врач сегодня одно из самых популярных собачьих имен?

– Миллион миллиардов долларов, – сказал Гейб, качая головой.

– Ты проиграл и теперь принадлежишь мне. Наверное, это странно – быть собственностью модуля инфолайна. Я, пожалуй, перенастрою все параметры системы на кулинарное порно.

Гейб погрузился глубже в мягкие объятья диванных подушек, пока волны ее голоса омывали его сознание, перечисляя содержание недавно записанных файлов. Он купил отдельный интерактивный модуль Мелоди Круз и сам установил его, настроив на постоянный юмористический режим. Временами

юмор оказывался мрачноватым, а Кэтрин называла его ретроградом с пристрастием к беззаботным новостям. Похоже, Кэтрин не видела разницы между *беззаботным* и *смешным.*

С того места, где он сидел, дверь в кабинет Кэтрин была не видна, да и смотреть туда было незачем. Дверь эта постоянно была заперта, а специальный барьер белого шума надежно защищал от юмора Мелоди Круз чувства Кэтрин, когда та совершала на консоли за стенами кабинета свои сделки с недвижимостью. Герметически изолированная Кэтрин Мириджанян. Может, она спала и ела там же. Сам он последнее время жил в комнате для гостей, поэтому не мог сказать точно, пользуется ли она их общей спальней. И замечает ли, что он туда не заходит.

Как знать, если бы у них было больше детей, пусть хотя бы еще один ребенок… Он внутренне содрогнулся. Если учесть ситуацию с имеющейся дочерью, мысль абсурдная. Но все же, пока Сэм не подросла, в их отношениях с женой была самая лучшая пора. Продлись она дольше, возможно, они с Кэтрин научились бы ладить друг с другом.

Нет, все равно абсурд. Больше детей – шире круг людей, которых он мог бы разочаровать, а для Кэтрин это расширило бы круг лиц, которые могли бы расстроить ее.

Послышались легкие щелчки – это распечатывалась дверь кабинета Кэтрин, значит, она сейчас появится.

– Мелоди!

– Что, опять ты? То есть, чего тебе?

– Отправь мне все в офис. Там просмотрю.

– И резюме новостей тоже?

– Да. Замолкни. Но оставь инфолайн в режиме реального времени.

Он сидел в напряженной позе. Времени ускользнуть к себе в гостевую и подождать, пока Кэтрин не уйдет, уже не осталось. Может быть, она не обратит внимания, что инфолайн включен, и просто займется своими делами. Так бывало уже не раз.

В следующую минуту он пожалел о своих трусливых мыслях, как с ним всегда случалось при виде жены, пожалел обо всем, а в особенности о том, что их отношения бесповоротно испортились. Она относилась к тому типу женщин, чья внешность с возрастом становится только интереснее. Ближневосточные предки наградили ее крупными сильными чертами лица и шапкой густых волос, какую большинство людей могло обрести лишь в салонах красоты за большие деньги. Кожа имела глубокий медовый оттенок и сейчас выглядела немного темнее, чем в их последнюю встречу. Раз в месяц к ней кто-то приходил подкрасить-подвести,

хотя, по его мнению, и так было хорошо. Натуральный цвет лица Кэтрин ему всегда казался идеальным, и руки тоже: они были красивыми и ухоженными, с аккуратным неброским маникюром – никаких длинных кроваво-красных ногтей. При взгляде на ее руки он всегда вспоминал с грустью, что в ней есть то, что он никогда не переставал любить, только теперь непонятно было, как до этого дотянуться.

– Я еду показывать дом, – сказала она, встав у дальнего конца дивана.

Гейб непонимающе мигнул, а потом осознал, что она сообщает ему, куда собирается пойти. Он приглушил звуковое сопровождение инфолайна.

– Дом? Ты имеешь в виду часть дома в кондоминиуме?

Она покачала головой и поправила свой длинный пурпурный жилет с синеватым отливом.

– Отдельный дом. Владелец продает его вместе с участком.

Гейб изобразил улыбку.

– Причем даже не на Разломе Сан-Андреас? Это замечательно. Рад за тебя.

– Радоваться пока преждевременно, – несколько натянуто отозвалась она. – Сделка еще не завершена, но покупатели могут заплатить требуемую сумму.

Она снова провела руками по жилету, проверила, на месте ли платиновые запонки на рукавах блузки, стряхнула невидимую ворсинку с узких брюк.

– Ну что ж, тогда удачи. Надеюсь, все пройдет удачно.

Ее полные губы дернулись.

– Если сделка состоится, удача тут будет ни при чем.

Гейб покаянно кивнул.

– Да, конечно. Я совсем забыл.

Она стояла и смотрела на него без всякого выражения, а он вдруг вместо обычного сожаления, что они отдалились друг от друга, поймал себя на мысли: как вышло, что мы вообще были когда-то близки?

– Комиссионные за нее позволят мне тоже приобрести дом. Один подходящий скоро выставят на продажу. – Она медленно обвела гостиную взглядом, прежде чем снова посмотреть на него.

Нахмурившись, он тоже огляделся.

– И?

Она молчала.

– И что дальше? Ты хочешь сказать, что собираешься переехать в собственный дом? Так?

– Да, – она облизнула губы. – Я хочу переехать в собственный дом.

– Ладно. Достаточно было просто сказать… – тут он запнулся. Внезапно, будто ощущение волны, стремительно затопляющей его в виртукостюме, на него нахлынуло осознание. – Ты хочешь переехать в собственный дом. Не мы вместе, а только ты. Одна.

Благородные черты ее лица выразили нечто, напоминающее сожаление.

– Примерно это я и хотела сказать.

– Примерно? Не похоже на тебя. Ты никогда не полагаешься на случай и во всем любишь точность.

Она, как бы защищаясь, чуть выше подняла подбородок.

– Это нелегко сказать.

Он медленно выдохнул и откинулся на спинку дивана.

– Да. Я понимаю.

– Прежде это мог быть дом для нас обоих, – с неожиданной горячностью сказала она, опершись на боковой валик дивана. – Именно такую картину я рисовала в своем воображении. Если ты думаешь, что мне не больно с ней расставаться, значит, все обернулось к лучшему.

Казалось, грейпфрутовый сок прожигает дыру у него в желудке.

– Правда, Кэтрин? Скажи честно: тебе больно оттого, что это касается нас с тобой, или по той причине, что твои шансы на успех в Долине становятся тогда меньше ста процентов?

Теперь глаза ее сверкали от ярости.

– Пока я живу здесь, мои шансы равны нулю.

– И ты не можешь нас простить за это, верно? – Он покачал головой. – Мы с Сэм тебе все испортили.

– Кассандра – ребенок. А что ты можешь сказать себе в оправдание? – Она подошла ближе и села на соседнюю с ним диванную подушку, ровно посередине, и Гейбу подумалось, что работа с недвижимостью воспитала в ней глубинное чувство собственной территории. – Уже семь лет назад мы могли бы жить в собственном доме, если бы у тебя было, – в поисках подходящего слова она запнулась, – хоть *что-то.* Ты мог бы делать карьеру, а не топтаться на месте, и сейчас занимал бы хорошую должность. Я все надеялась, что ты очнешься и поймешь, что растрачиваешь силы зря. Тогда у нас был бы этот дом и, возможно, по-прежнему была бы дочь.

– У меня есть дочь, пусть даже она живет сейчас сама по себе, – резко возразил Гейб. – Она тебе не *дом,* не придает веса в обществе.

– Если бы тебе хватило ума повернуть свои заслуги на работе себе во благо, может быть, Кассандра и не стала бы бродягой, скитающейся по дырам, где обретается всякий преступный

сброд…

– Думаю, все, чего ей хотелось – чтобы ее принимали здесь такой, какая она есть. А мне эта чертова работа никогда не была нужна. Это ты настаивала, чтобы я туда нанялся, а потом пришлось продаться им со всеми потрохами, чтобы оплатить все те вещи, которые тебе было необходимо иметь.

– А чем ты собирался заниматься вместо этого? – Кэтрин негодующе рассмеялась. – Быть художником? Кому на свете нужен еще один художник, особенно если его зовут некто Габриэль Людовик? Ты предполагал, что я смогу всех обеспечить, пока ты предаешься своей музе? Но ты и талант свой растратил. Помнишь, ты собирался посвящать искусству часть времени, вечерами и по выходным? И я не возражала; напротив, я одобряла твое хобби.

– Это было не хобби! – сказал он.

Она снова рассмеялась, отмахнувшись рукой от его слов.

– Теперь ты можешь сколько угодно обманывать себя, но ничем другим это быть не могло. Только один из двух миллионов становится известным художником. Все прочие влачат жалкое существование, складируя свои работы в так называемых галереях, или делают низкопробное порно. И на *это* стоит тратить жизнь? В качестве хобби занятия искусством, вероятно, пошли бы тебе на пользу. Но… – Она развела руками и оглянулась вокруг, – что-то я не вижу тут ни голографических арок, ни экодизайна, не вижу ничегошеньки, что смахивало бы на декоративное искусство, потому что ты так ничего и не создал. Ты все сидел и жаловался на свою работу, пока твой тоскливый голос не стал мне противен. Вот почему я всегда возражала против твоего ухода с работы ради искусства. Даже если бы ты и был тем самым единственным из двух миллионов, я знала, что ты не способен ничего довести до конца.

– Это все работа, – сказал Гейб, вдруг захотев все объяснить Кэтрин, если уж она решила уйти от него. – Работа отнимала слишком много энергии, для собственных замыслов ее уже не оставалось.

– Нет, – твердо возразила она. – Просто ты недостаточно сильно хотел. Иначе бы ты собрался и добился желаемого. И никакие обстоятельства тебе бы не помешали. Боже, даже паралитики писали картины, держа кисть зубами, если не могли жить без этого…

– Послушай, мне лично ничего особенно, было не нужно, я мог бы довольствоваться меньшим…

– А я – нет. – Черная прядь выбилась из прически и легла ей на плечо, Кэтрин резко отбросила ее назад. – К тому же мы

должны были думать о дочери. Страсть к искусству была не у нее, не у меня, а у тебя. И это именно *ты,* а не *мы,* должен был найти выход. Причем с учетом тех потребностей, которые были у нас. Если в твои планы входило влачить голодное существование где-нибудь под пирсом, незачем было заводить семью.

– Но и без моего дохода…

Она резко выпрямилась, глядя на него будто с неприступной вершины.

– Я не собираюсь *никого* на себе везти. И ни от кого этого не жду. Тебе это прекрасно было известно перед женитьбой.

– Бедняжка Сэм, – вдруг сказал он.

Он посмотрела на него так, как будто он ее ударил.

– С Кассандрой что-то случилось?

Он попытался облечь свои чувства в слова, но безуспешно.

– Нет. Просто вырвалось. Ты от меня уходишь. Вопрос закрыт. Сказать по правде, не знаю, почему ты не ушла раньше. Может быть, до сегодняшнего дня ты просто не могла себе позволить переезд в собственный дом?

Она молчала, отведя взгляд. Гейб расхохотался.

– Боже, я попал в точку! Ты просто выжидала время, пока не накопится достаточно денег, чтобы внести залог за дом!

– Не залог, а полную стоимость, – тихо сказала она.

Его лицо застыло, лишившись всякого выражения.

– Черт. Да у тебя, значит, накопились *миллионы.*

– Потому что я этого по-настоящему хотела! – Теперь у нее был на удивление отчаянный вид, словно и она пыталась хотя бы в последний раз заставить его понять себя. – Я работала круглые сутки, невзирая на усталость, монотонность этого занятия и неподвижность рынка. Если не выявлялось никаких зацепок, я старалась создать их сама, практически из ничего. Вместо того чтобы сидеть и стенать, я постоянно следила за состоянием рынка, и если где-то проклевывался хотя бы намек на движение, я оказывалась там первой. Я вела базы данных по всем покупателям и продавцам, составляла графики, отражающие структуру их денежных трат и логику действий, знала, когда им захочется продать или купить раньше них самих, и была тут как тут, чтобы осуществить сделку.

Решительным плавным движением она встала, отряхнув брюки и жилет.

– Я не пыталась ни с кем подружиться. Не тратила ни энергии, ни рабочего времени на всяких придурков, желающих поплакать у меня на плече и пропитать своими слезами мое дорогое платье. Но позаботилась о том, чтобы ко мне не прилипло клеймо ни скандалистки, ни неудачницы.

– Чего не скажешь про меня, – констатировал он.

Она закатила глаза:

– Боже, ведь ты был так хорошо осведомлен о положении дел в «Диверсификации». Ты мог воспользоваться этим и обойти всех, а вместо этого принялся жаловаться на несправедливость, вставать в оппозицию, собирать других недовольных вокруг себя. Это помешало твоему продвижению. Вот чего мне так жаль, вот в чем проявилась твоя никчемность, вот почему я так зла на тебя. У тебя была *возможность*. Но ты сам от нее отказался. – Она скрестила руки на груди и слегка пожала плечами. – На твоем месте мне было бы стыдно.

В наступившей тишине до него донеслось бормотание инфолайна: «…не получается расслабиться – обращайтесь к нам. Не удается остановиться – предложим вам тормоза. Клиника «Коувз». Мы не сделаем ничего такого, чего бы вы не захотели сами, если бы только знали как. Мы – единственная клиника, вживляющая имплантаты в минеральной ванне. Клиника высшего класса по рейтингу Неврологического совета, подтвержденному Комиссией по контролю за пищевыми, лекарственными и программными продуктами».

Картинка овеваемого морским бризом пляжа на экране была слегка приукрашена, Гейб знал это. Ролик делала Ле Блан; она рассчитывала, что сможет пару дней провести на месте съемок, а «Диверсификация» вместо этого послала туда студентов и провела по разряду стажировки, обойдя тем самым необходимость платить по нормам профсоюза и лишив Ле Блан надежды на внеплановый отпуск.

– Тебе не удастся в одиночку выплачивать кредит за эту квартиру, – сказала Кэтрин. – Когда настанет срок, я сама подыщу тебе покупателя. У тебя останется приличная сумма, даже после вычета моей доли и моих комиссионных.

Не отрывая глаз от экранов инфолайна, он слышал, как она спокойно направилась к двери. При звуке открываемого дверного замка он вдруг встрепенулся:

– А ты поможешь мне подыскать что-нибудь доступное по цене?

– Я с доступным тебе диапазоном цен не работаю.

Хорошо хоть не хлопнула дверью. На экране шла сводка покупательских предпочтений, адаптированная для широкой аудитории, не привыкшей к жаргону «Деловой сети». По всей видимости, в этом был какой-то смысл, но до Гейба он сейчас не доходил. Впрочем, информация все равно записывалась в буфер, который он сможет потом просмотреть, если появится на то причина.

«Сэм будет рада», – пришло ему в голову, когда та снова обрела способность мыслить. Ну, может, не совсем рада. Скорее, ей так будет легче. А может, в ее теперешнем эмансипированном состоянии, отношения между родителями ей уже безразличны. Если бы они расстались три или четыре года назад, это имело бы для нее значение. Даже два года. Тогда она всего год как стала совершеннолетней и ушла от них – он мог бы убедить ее переселиться к нему, пойти учиться в колледж, найти себе законную работу в сфере программирования или видеосимуляций. У нее к этому настоящий талант…

О, да. Устроиться на законную работу в какую-нибудь компанию, вроде «Диверсификации», и превратиться в еще одного корпоративного раба. Если бы она хотела, чтобы дух непокорства вытравили из нее, она могла с таким же успехом остаться дома и позволить Кэтрин сделать это.

Конечно, я вернусь, папа. Стоит тебе только привести мне хоть одну убедительную причину, объясняющую, почему ты сам давно отсюда не свалил.

Что он мог ей на это ответить? «Ну, Сэм, если бы ты оказалась на моем месте…»? Для нее это было бы равносильно словам «Ты еще мала, многого не понимаешь», а их она слышала уже не раз. Прежде он и сам многого не понимал. Когда они с Кэтрин поженились, он был почти ровесником теперешней Сэм. Он даже не задумывался о некоем запасном плане на случай, если все пойдет не так, как ему хотелось. В голове просто не укладывалось, что может наступить время, когда мечты рухнут, любовь угаснет, а вместо занятий искусством он будет развлекаться с краденными симулякрами, убивая на это рабочее время. Так он теперь влачит свои дни, и будет влачить дальше, пока не подохнет – скорее всего, от скуки.

– Первое предупреждение, – раздался вдруг голос Мелоди, и Гейб от неожиданности даже подскочил.

– Что случилось?

– Ты еще можешь успеть на работу, если выедешь сию минуту. На ближайшем пункте можно арендовать авто. Зарезервировать для тебя?

– Да, конечно, – сказал он. *Да, конечно,* поехать на работу, почему бы и нет? Там его ждал ланч с Мэнни, но теперь ему сам черт не страшен – ведь если с утра пораньше от тебя уходит жена, может ли что-нибудь испортить этот день еще больше?

Надо будет записать эту фразу в модуль Мелоди Круз. Или лучше Марли. Да, Марли; фраза получилась неплохая и гораздо больше подходила ей, нежели ему.

Глава 8

«Когда Джина узнает, – подумал Марк, – она мне всыплет по первое число». Даже за меньшие прегрешения в прошлом ему здорово влетало.

Вчерашние события разворачивались слишком быстро. Вчерашние? Нет, Господи, уже позавчерашние. Все в голове смешалось и перепуталось. Ведь столько всего случилось за одну ночь. Но он определенно попал не на ту вечеринку.

Сначала была Мимоза, где всегда что-нибудь происходит. Публика самая пестрая, хакеры и рок-музыканты, блестящие глаза подростков и потухшие лица кадров, повсюду разный люд: на песке пляжей и тротуарах, в заброшенных зданиях и временных пристройках, под пирсами. Ребятишки-хакеры ни секунды без дела не сидели, запускали своих «наездников»[9], обводные циклы и прочие хитрые программы. Ноутбуки у них помигивали; музыканты отрывались; одна молоденькая девица, до своего совершеннолетия, вполне вероятно, бывшая пай-девочкой, загружала изображения с камеры на хакерский ноутбук и тут же создавала симуляцию, а в экзоскелете прыгал ее приятель, переживающий все спецэффекты, и время от времени перебрасывался с ней репликами – вот если бы у них был настоящий виртукостюм, вышло бы куда лучше. Кадры же взирали на происходящее как на видео – по сути, так для них и было.

Еще Вальжан с его плащом. Помнится, он придумал этот плащ для одного из клипов группы «Канадейтайм», и Вальжан возжелал иметь такой же в жизни. Штуковина сосала энергию почище Дракулы, весила чуть ли не тонну со всеми своими встроенными солнечными батареями, а Вальжан носил ее не снимая по восемнадцать-двадцать часов в сутки. Итак, Вальжан с плащом, красавчик Эклстоун и Морей, самозабвенно импровизирующая с ребятами, как она делала еще до той поры, когда «Канадейтайм» переключилась на видео. Все было здорово, можно было хоть целую ночь слушать, как Морей и ребята играют, но кому-то пришло в голову отправиться в набег, а так как трезвых среди них уже не было, то всем это показалось неплохой идеей. Собственно, и ему тоже.

Марк еще помнил, как втиснулся с какими-то людьми в авто.

Удобством такой способ перемещения не отличался. Когда-то у него была *настоящая* машина, но давно, до того, как он поселился здесь, в Лос-Анджелесе, в великой Калифорнии. Кажется, об этом он пытался рассказать попутчикам по дороге в Фэрфакс. А может, только думал, что пытался. Иногда из-за музыки было трудно провести различие между мыслями и реальностью. Но режиссер у него в голове распорядился: пусть она все время звучит, причем громко.

Выгрузились в одичавшем старом парке Гилмор, точнее, среди его останков. Вероятно, в один прекрасный день кто-нибудь решит вложить деньги в восстановление разрушенного после Большого Толчка парка. А пока, в свете времянок на фонарных столбах, окружающая местность напоминала Марс, – вернее, то, как выглядел бы Марс, изгаженный землянами. От этого зрелища он слегка приуныл, но тележка торговца «разносолами» *(«Что вы, мистер полицейский, какие наркотики? Только соления, ничего другого.»)* и разговор с пташкой в ярко-розовой маске фламинго с торчащими вверх перьями его развеселили.

Ребята-хакеры запускали программы-обманки – *до такой степени легко, что даже противно: обходишь датчики тревоги системы безопасности и скармливаешь ей любую дребедень; проще простого, я сама это делала* – а он старательно делал вид, что ему интересно ее слушать. Так искренне она возмущалась; искренняя и такая юная. До безобразия похоже на его собственную жизнь: обойти датчики и скормить системе любые данные, какие только пожелаешь. Однако то ли веселье с самого начала стухло, то ли просто не успело разгуляться, но на душе у него вскоре стало безрадостно. Так, без причины. Он решил слинять, пока Вальжан не успел его обнаружить и уговорить остаться.

Подобные набеги его никогда особенно не привлекали. Веселье на скорость: сколько успеешь накуролесить, пока не явятся копы. Хотя один раз, посреди перекрытой для движения автострады, было действительно здорово, будто восстанавливалась некая справедливость, будто они забирали назад часть времени, потраченного в пробках. Не жаль было даже платить потом штраф.

Значит, после Фэрфакса… Да, просто ехал себе в темноте и думал, что хорошо бы сейчас попасть домой, голову в шлем, надраться и забыться в стране видеообразов. Но тут назойливо зазвонил телефон. И вот уже вытаскивают из машины. *Не волнуйся, мы сдадим авто за тебя, но ты в обязательном порядке должен поехать вместе с нами.*

В обязательном. В совершенно-долбано-обязательном. Это

был Ривера. Стоило Ривере показаться на горизонте, Джина всегда исчезала, ведь Ривера приезжал в сопровождении Галена, который вызывал у Джины только одно желание – пристукнуть его и помочиться на его могилу.

Он и сам не испытывал к этому типу, продавшему «Ай-Трэкс» с потрохами, никаких теплых чувств, хотя тот и выдал ему причитавшуюся долю. «Ай-Трэкс» была детищем Ударника – так Марк всегда считал, даже после того, как Ударник вынужден был по решению суда передать основную часть активов компании Галену. Никакого Галена и в помине не было, когда Ударник начинал дело. «Ай-Трэкс Видео».

А *он* там был. С самого первого дня, когда Ударник продал старый экскурсионный автобус на металлолом. Туризм заглох, а видеобизнес шел в гору. Появились тысячи компаний по производству видео, но «Ай-Трэкс» отличалась от них, и в этом была заслуга Ударника. Они не просто делали деньги. Вот с Галеном все изменилось.

Какие клипы они вначале ваяли! Видео не было в новинку, но его качество улучшалось день ото дня, все эти виртукостюмы и вирту-разэтакая-реальность, да что там говорить – теперь ты мог быть музыкой. Как-то один затейник смикшировал симуляцию Великого Бога Элвиса с мастерами рокабилли новых поколений, которые в жизни друг с другом не могли встречаться; и была еще одна отличная вариация на эту тему – Шелковый Латино из две тысячи второго года схлестнулся с Шаманом Джимом Моррисоном из шестидесятых годов двадцатого века. Круче этого ему видеть ничего не приходилось.

Правда, он для Ударника придумывал образы и похлеще, и у того были тогда силы и желание все это воплощать в жизнь – свою музыку и его образы, – но потом пришлось отдать компанию в руки Галена. И Ударник сдался, накрыл свой синтезатор чехлом и превратил в простой офисный стол, заделался бизнесменом. Даже не пытался сопротивляться.

Если бы был какой-то смысл брыкаться, старина, я бы на месте не сидел. Но время живых музыкантов прошло. Большинство новичков вообще не считают нужным выступать в клубах. А теперь и я пальцем не пошевельну. Мне уже не нужен этот синтезатор. Вместо него – вы. Ты, Джина и остальные, вы делаете синтез звуков и картинки, и в результате получается то, что все страстно жаждут услышать и увидеть. Вы – истинные инструменты искусного синтеза.

Это его рассмешило: *«Может, я и поддаюсь на многие искусы, но я не инструмент. Если уж играть словами, то я – искусник».*

С тех пор это прозвище к нему и пристало, как пристает

всякая дрянь. А Гален начал понемногу от них избавляться: сначала ушел Герштейн, за ним Влад, потом была уволена Ким, затем демонстративно и со скандалом покинула «Ай-Трэкс» Джолин. В итоге их осталось только трое, как в самом начале – он, Ударник и Джина. И вот где они теперь.

По правде говоря, где они теперь, было неясно. А в особенности, где находится он сам. В «Диверсификации»? Точно, в одной из спален пентхауса. Ему разрешили тут провести ночь, он должен явиться на работу утром – какого дня? – а потом мог свободно отправляться домой. Его не арестовали. Арестовали хакера.

Все это он помнил довольно смутно, в том числе и историю с хакером, который занимал соседнюю спальню. Он был не с Мимозы, в этом Марк был точно уверен.

Скорее всего, этот хакер проник в систему «Диверсификации» и поживился информацией о том, чем занимались Гален с Джослин, к чему они хотели привлечь его, Марка. Только отчего-то неотвязно преследовало чувство – Ривера знал парня, причем очень неплохо. Гален с Джослин этого не замечали, но их нужно было хорошенько встряхнуть, чтобы они на что-то, кроме себя, обратили внимание. А он все время ловил взгляды, которыми Ривера обменивался с парнишкой, и был почти уверен, что это не игра воображения, хотя разум все чаще играл с ним злые шутки, особенно в период работы над очередным видео, чем он теперь занимался постоянно. Работа с видео его «далеко заведет», по словам Джины. Но, черт побери, как еще он мог бы видеть картинки и правильно отображать их?

В голове явственно всплыла сцена: полицейский рейд на … какую-то клинику? Да, точно, на благодельню. Господи, а они еще его считали тронутым. У него, по крайней мере, не было никаких долбаных имплантатов, от которых плющит без всяких наркотиков. Это неправильно, это дико и совершенно неестественно, именно так.

И сделка, которую ему навязал Гален, тоже была неестественной. От этой мысли стало совсем неуютно. Но отказаться он был не в силах. Именно этого ему и хотелось. Не превратится ли он тогда в очередного выродка? Нет, это совсем другое, не надо будет нажимать никаких кнопок для стимуляции мозга, просто он получит возможность выпустить образы наружу из своей головы в точности такими, какими он их видел, а потом включить в видео, чтобы и остальные могли их увидеть без искажений. Конечно, здесь совершенно другой случай, ничего общего с тем, чем занимаются благодельни.

Пока он сидел в лимузине и наблюдал, как копы заталкивают

этих, из благодельни, в свой фургон, ему вдруг захотелось, чтобы операция уже осталась позади. В голове крутился один из старых мотивчиков Ударника, параллельно шли картинки, и лучше этого видео представить себе было трудно, оно заводило до такой степени, что на мгновение ему показалось, что Ударник сидит рядом. Но его не было.

Что же происходило после рейда? Ривера и его люди выдернули хакера из общей кучи задержанных, затолкали в лимузин, и они куда-то поехали. Краткий визит в дом к какой-то шишке. Скорее всего, в районе Бель-Эр, столько ворот с охранниками пришлось проехать. А может, были одни ворота, просто они многократно повторились в его сознании, потому что там в этот момент звучала музыка, внутренний режиссер следовал за изобразительным рядом и так микшировал отрывки, что сам Ударник уписался бы от восторга. То есть, конечно, прежний Ударник.

Об этом доме в Бель-Эр запомнилось немного – только то, что телефоны все время звонили. Там было не меньше двух дюжин телефонных линий, а мониторов и терминалов и того больше. Информация била ключом, того и гляди попадет по голове. Хакер, похоже, был на взводе, будто боялся, что пострадает именно его голова.

А может, он боялся Риверы. К тому времени не оставалось никаких сомнений, что Ривера его знал, и парнишка глядел на него так, будто тот зажал чеку гранаты зубами и вот-вот выдернет. Все они что-то втолковывали парню, давили и уничтожали его своими голосами. Он словно попал под пулеметную очередь: я-та-та-та-та-тат, бац, бац, бац, я-та-та-та-та-тат, бац, бац, бац! Захотелось даже крикнуть: «Ложись!». Только вот Ривера начисто был лишен чувства юмора и не понял бы шутки, урод.

Так шло довольно долго, пока парень не произнес волшебных слов: *свидетель обвинения.* Но удивительнее всего, что после этого выражение лица Риверы прояснилось, и Марка осенило: парень думал, что Ривера решит все его проблемы, а на самом деле сам только что вытащил его из какой-то ямы, даже не заметив.

После чего парню подсунули кипу документов, на которые требовалось поставить отпечатки пальцев, и вдобавок подвели к устройству для сканирования сетчатки глаза. Поговорили еще немного, снова кому-то звонили, а потом, когда, казалось бы, все закончилось, и пора была двигаться по домам, они поехали на ночное заседание суда. Никак не верилось, что это всерьез, пока не подъехали к входу и не начали подниматься по ступенькам.

Тут паренек опять заартачился. Хотел увидеть какую-то

бумагу? Он это плохо помнил. А потом, в зале суда…

Перед дверями зала заседаний его вдруг обуяло страшное предчувствие. Вот войдет он сейчас, а там – Джина, которую замели во время набега или за дебоширство в нетрезвом состоянии. Он встретится с ней глазами, она увидит его вместе с Галеном и Джослин и испепелит на месте. Ядерный взрыв, все плавится.

А когда узнает, на какую сделку он пошел – и ядерный взрыв побледнеет перед Армагеддоном, который она ему устроит. *Иисус наконец явился на Землю, но только по твою душу, засранец!*

Но они ведь пообещали, что устроят это и для Джины, прежде чем откроют процедуру для всех. Она поедет с ним, оба получат новые способности, и это будет хорошо. Хотя Джина не на шутку рассвирепеет, когда выяснит, что он многое скрывал, и просто из принципа живого места на нем не оставит. За двадцать лет, проведенных вместе, они ничего друг от друга не утаивали. Да и нечего было утаивать. Ему и в голову не приходило, что у него могут появиться секреты. До сих пор.

Извини, Джина.

Интересно, хватит ли у него сил выдавить из себя хотя бы эти два слова, прежде чем она испепелит его?

В соответствии с обещаниями, жизнь действительно изменилась, отчего наутро на душе было грустнее обычного.

Нет, наутро уже следующего дня. Куда же девался целый день? О боже, конечно – его ускоренным темпом чистили от токсинов. Ривера отвел его к врачу в… Нет, врач сама пришла сюда, в пентхаус, и дала ему свой пурген. Конечно, называла она это иначе, но суть от этого не меняется. Ему случалось уже испытывать это незабываемое удовольствие. Выворачивает долго и старательно, и если не отнимает пару-другую лет жизни в действительности, то по всем ощущениям так оно и есть. А «Диверсификация» в лице Риверы стоит за прилавком: «Вот вам жизнь покруче, но покороче». *Ars longa, vita,* черт ее подери, *brevis.* [10]

Да пошло оно все. Он просто будет тут лежать и наблюдать за картинками, проплывающими у него в голове. Видео, бесконечно крутившееся там, как раз подходило к той точке, с которой он начинал различать его яснее, или же он сам спускался туда, где все происходило… Неважно. Главное – видеть.

Озеро, снова озеро с каменистыми берегами. Во всех его видео теперь присутствовал хотя бы краешек этого озера. Почему? Таким вопросом он не задавался. Картинки просто текли через него. Он – медиум…

…*искусник*…

…ну, ладно, пусть искусник, теперь слово казалось привычным, а не хромой выдумкой Ударника, желавшего выделиться. Могло быть и хуже, Ударник мог вытащить на свет этот старый избитый термин «*кибер*-как-его-там», уже вылетело из головы, но это и неважно, потому что он теперь стоял на берегу озера, усыпанного миллионами круглых, обкатанных волнами голышей: будто множество гладких яиц, в каждом из которых – тайна, которая раскроется, стоит только взять камень в руки.

Будь осторожен.

Едва слышный шепот вплетался в музыку, но был ли он ее частью или доносился из другого уголка сознания, понять было невозможно.

Он явственно почувствовал под босыми ногами твердую гальку, когда, пошатываясь, двинулся дальше по берегу. Солнце стояло высоко, его лучи ярко и требовательно падали на воду.

Будь осторожен.

Он задержался, стоя на одной ноге, а солнце все требовало от озера, чтобы то выпустило что-то из себя…

Камни вывернулись у него из-под ноги, и он потерял равновесие. Небо и земля закачались и закрутились тоже, сопровождая его падение под требовательным взглядом солнца.

Вода легким поцелуем коснулась руки, и пальцы сомкнулись вокруг камня.

Будь осторожен. Ты можешь метнуть этот камень?

Он поднес камень ближе к глазам. Костяная белизна испещрена тонкими серебристо-серыми прожилками и точками. Поверхность чуть сместилась перед глазами, требовательный луч высек из нее ослепительную искру.

Зеркальная поверхность озера колыхнулась, и от едва заметной волны отразилась другая искорка, снова ослепившая его на мгновение. Или он по-прежнему глядел на камень, а может – на камень и на озеро сразу?

Рисунок поверхности камня снова изменился: будто расступилась какая-то дымка, зыбкая вуаль, и теперь он смотрел *внутрь* камня и приближался взглядом к сокрытой там тайне…

По озеру опять прошла рябь; вспышки, теперь более яркие, обожгли глаза, горячими иглами вошли в мозг, как безжалостные копья света, о Боже, если камень именно это скрывал, он хочет выбраться, уйти подальше, скорее уйти, уйти прочь…

Будь… осторожен…

И вот он вырвался, и теперь парил, совсем невесомый, менее материальный, чем промежутки между снами, будто все, чем он был, сконцентрировалось в одной единственной чистейшей мысли.

Именно так и должно быть, и никак иначе, этого он хотел всю свою жизнь.

Костяная белизна была кроватью; теперь Марк видел себя лежащим на ней, и этот образ стремительно уменьшался, отдалялся, будто он смотрел в перевернутый телескоп.

Стоп.

Движение прекратилось, и он почувствовал, что ждет чего-то.

Рябь на озере потревожила воздух, его потоки расступились; парнишка в соседней комнате беспокойно ворочался в постели, запутавшись в своих простынях и проблемах.

«Джоунз», – произнес парень. Вслух? Кажется, они о многом болтали, когда остались тут вдвоем. Джоунз. Джоунз был мертв. Нет, Джоунз *не был мертв.* То есть был мертв, но не всегда. Только иногда. Джоунз Шредингера. Что это за шредингеров Джоунз? Странное занятие – засовывать кошек в ящики с наполненной ядовитым газом склянкой[11]. Правда, не страннее, чем шредингерово видео, которое никак не получалось сделать правильно, поэтому он возвращался к нему снова и снова, зная, что оно не оставит его в покое, пока не будет закончено – а Ударник этого не понимал, потому и пришлось пойти на сделку с Галеном и Джослин. А может, все это из-за шредингерова члена, который тоже временами заставлял его страдать. Если присмотреться, наш мир до безобразия шредингеров.

Камень по-прежнему лежал в руке – ровная, шероховатая поверхность обволакивала его самого, в то время как пальцы смыкались вокруг нее, но тело при этом находилось далеко внизу, распластавшись на кровати, как снятый экзоскелет. На кровати, которая дрейфовала по поверхности озера, а волны ряби рассыпали вокруг ослепительные искры света, – тайный мир внутри камня, и ничем не отмечен путь назад, домой…

На каменистом берегу кто-то стоял спиной к нему, а теперь начал поворачиваться – это происходило медленно, как смена времен года или движение Луны по небосводу. Он боялся увидеть, какое лицо окажется у незнакомца на этот раз, какое лицо глянет на него из темноты, какое лицо, лицо…

Джина. По телу пробежала дрожь облегчения. На этот раз – Джина. Он будто впервые за долгое-долгое время ясно различил ее лицо, словно все эти годы смотрел на нее сквозь слои тумана или вуали. За двадцать лет может накопиться немало слоев. Он почти позабыл, насколько прекрасна была она для него.

Цвет кожи у нее был замечательный от природы, без всяких подцветок и подкрасок, хотя точно такой же в салонах красоты именовался «Железное дерево». Она не любила выставлять себя напоказ, просто не считала нужным, предпочитая заниматься

другими делами. Дреды особой заботы не требовали – они рассыпались по ее плечам и спине уверенными и в то же время изящными прядями. Сильные черты лица, выразительные глаза. Другой такой во всем мире нет, а теперь она выглядела еще лучше, чем двадцать лет назад, когда впервые явилась к ним с ноутбуком, самодельной симуляцией и неукротимым желанием делать видео. Тогда ей никак не могло быть больше шестнадцати, от силы – семнадцать, но точного возраста он не знал. За все эти годы он так ни разу и не спросил: *«Эй, а сколько тебе, собственно, лет?»*

А вот она знала его возраст. Он видел это по ее лицу, которое сейчас поворачивалось к свету, ее взгляд скользил по нему, и она знала, сколько ему лет, знала и о другом… Точно знала.

На ее лице он прочел и то, чего не заметил, когда стоял на ступеньках здания суда. Пока Гален и Джослин танцевали вокруг паренька (они-то уж точно не знали), пытаясь вовлечь его в ритм этого танца и затянуть свою ловчую петлю намертво, он увидел, не отдавая себе в этом отчета, тень, затаившуюся в еще более глубокой тени и наблюдавшую за ним. Слабая искорка света отразилась тогда в ее глазах. И вот теперь перед ним был этот отблеск, и он чувствовал, как дыхание Джины колеблет озерную воду.

Джина, прости меня.

Она отворачивалась от него. Он снова увидел себя распростертым на меняющей свой рисунок поверхности кровати и понял, что пора возвращаться. Если только удастся сделать это.

Именно эту часть видео Шредингера никогда не получалось передать точно. Раньше он всегда возвращался, но вот как раз сейчас мог и не вернуться.

Будь осторожен.

Балансируя на одной ноге, можно упасть в любую сторону…

Марк лежал на полу лицом вниз, прижавшись щекой к ковру, а перед глазами гасли отблески искр. Пальцы левой руки скрючены, будто в них зажат невидимый камень приличных размеров.

Чертовы каменные бредни, подумал он, опираясь на кровать, чтобы подняться. Наверное, приснился какой-то кошмар, вот он и свалился на пол. И еще голова раскалывается после этого долбаного пургена. Боже, если они попытаются еще раз его накачать этой гадостью, он тут же снимется с места, и поминай как звали: будет шагать и шагать, через горы, моря и целые океаны, даже если они посулят ему подарить тайну всей Вселенной в долбаном шоколаде, все равно – больше никакого пургена, и точка.

Одежда лежала комом в широком, слишком мягком кресле. Он медленно начал натягивать на себя все, стараясь разгладить мятые вещи и попутно решить, не стоит ли сменить нижнее белье. Работа в «Диверсификации» подразумевала трезвость и деловой стиль. Кабы не великий проект Джослин, никто бы ни его, ни Джину на пушечный выстрел сюда не подпустил.

Воспоминание о Джине нанесло ему почти физически ощутимый удар. Он стоял в этот момент на одной ноге, пытаясь попасть другой в штанину. Покачнувшись, он на мгновение снова увидел каменистый берег озера в бархатистой поверхности ковролина и рухнул на кровать.

Там он и лежал некоторое время, сраженный удивлением. Она действительно была там, а его слишком зашкалило, чтобы сознательно распознать ее, но мозг зарегистрировал ее образ, чтобы показать ему позже, на каменистом берегу.

Сев, он второй ногой спихнул полуодетые джинсы на пол, смял в комок и бросил обратно на кресло. «Опять все не так», – пробормотал он себе под нос. Теперь приходится быть вдвойне осторожным и не делать ошибок, потому что стоило расслабиться – и он опять оказывался на берегу, усеянном галькой, а чтобы выбраться назад, могло потребоваться немало времени. И теперь это было иначе, чем когда он просто смотрел свое шредингерово видео, потому что…

Но почему, он и сам не мог объяснить. Может, потому что лучше прыгнуть самому, а не дожидаться, когда тебя столкнут. Лучше сгореть, чем тихо угаснуть.

В этом, видимо, и заключается причина его возвращений на то озеро. Один из потайных миров, в который открывались пути с каменистых берегов, мог стать для него выходом, но и сделка с Галеном и Джослин тоже была выходом, причем более определенным. По крайней мере, так уверял его Ударник при заключении сделки.

Возможно, лучше сгореть, чем угаснуть, Марк, но еще лучше не делать ни того, ни другого. А ведь ты чувствуешь, что гореть осталось недолго. Правда?

«Да, твоя правда, старина, и до чего же тактично с твоей стороны об этом напоминать! Мне, наверное, тоже стоит напомнить, что ты к моему состоянию руку приложил больше, чем кто-либо другой. Слишком рано ты сдался; когда ты в последний раз и навсегда закрыл свой синтезатор, я услышал, как захлопнулась надо мной крышка гроба».

– Уф, – сказал он вслух и выдохнул, что можно было принять за насмешку над собой. Вытянулся во весь рост, лежа на полу лицом вниз, потом осторожно поднялся и подошел к креслу, где

валялись брюки. На этот раз он не выбился из ритма музыки, игравшей у него в голове, поэтому одеться удалось без проблем.

* * *

Роскошная, со вкусом обставленная гостиная была пуста. На мониторе в простенке между окнами мигало его имя. Пришлось, правда, дождаться, пока режиссер у него в голове подберет что-нибудь подходящее под ритм этого мигания, а потом уже подойти ближе и нажать на клавиатуре, встроенной в столешницу, кнопку вывода сообщений.

Спасибо за помощь в суде, – появилось на мониторе. – *С юридической точки зрения твое личное появление не было обязательным, но оно сделало нашу позицию неуязвимой. Надеюсь, ты неплохо отдохнул. Нажми кнопку печати, чтобы получить план здания и помещений, которые могут тебе понадобиться. Если стоять лицом к монитору, то левый коридор ведет к лифту. Мэнни Ривера.*

* * *

Так, значит? Угостили его пургеном, а о завтраке не позаботились? Вот козлы.

Он как раз собирался взять лист с распечатанным планом, когда почувствовал какое-то движение воздуха.

В дверях стоял паренек-хакер, в одних плавках неопределенного цвета, которые давно миновали стадию пригодности для носки. Родственная душа, даже если бы он и не произнес, словно пароль:

– Видео-Марк.

Тот пожал плечами.

– Я видел много твоих работ. И всегда хотел узнать, как тебя зовут по-настоящему.

Марк хмыкнул.

– Да кому это на хрен надо. Никто уже не помнит, да я и сам давно позабыл.

Тут он немного лукавил: хотя кое-что из того, что он в последнее время принимал, имело странные побочные эффекты, но свое настоящее имя он еще мог вспомнить, если бы попытался. Впрочем, такая попытка не вписывалась в текущую звуковую дорожку.

– Угу, ладно, – отозвался паренек и уставился куда-то на

ковер примерно посередине между собой и Марком.

– Послушай, парень… – Марк сделал шаг в его сторону, но остановился. Чем тут поможешь. Парень назвал пароль, и это связало их воедино. Марк покачал головой. – Ты бы знал, парень, до чего шредингеров этот чертов мир.

После чего засунул план здания в карман рубашки и направился к лифту.

Глава 9

– И вот теперь, – сказала Диншо, запуская руку в свою густую, цвета червонного золота, шевелюру, – когда все, казалось бы, одобрено и готово к выпуску, заявляется этот Мэнни и говорит: «Необходимо кое-что доработать».

Вещала Диншо, чуть повысив голос, чтобы перекрыть обычный для комнаты отдыха гул и донести свое возмущение до небольшой кучки не слишком внимательных слушателей, собравшихся за круглым столом. Сходная картина наблюдалась и за остальными столами, где сидели сотрудники отдела рекламы и развлечений.

Гейб старался для приличия сделать вид, что внимательно слушает Диншо, так как сидел прямо перед ней. Все утро он выслеживал охотников за головами в Новом Орлеане вместе с Марли и Каритой, и теперь испытывал странную смесь возбуждения и усталости. Девушки методом случайного выбора пошли по сценарию вуду, в результате чего Гейба чуть не распяли на кипарисе. Выглядело это не особенно правдоподобно, но возбуждение наросло по-настоящему. Почти. Во всяком случае, оно казалось более реальным, чем хрипловатые жалобы Диншо.

Сидевшая напротив него Ле Блан все время поглядывала на шестиэкранный инфолайн у Гейба за спиной и краем уха прислушивалась к звуковому сопровождению каналов, которые переключала на пульте в центре стола: «Сфера развлечений», «Дорогая миссис Не Вешай Нос» и шоу «Звезды, Загадочные кристаллы и ты». Рядом с ней Шуэт методично отламывал кусочки каких-то сухариков, аккуратно помещал их в рот, после чего тщательно пережевывал своими рельефными, выставочного качества челюстями ровно отмеренное число раз. Силквуд, сидевший по другую сторону от Ле Блан, тоже следил за инфолайном, и на его широком открытом лице явственно рисовалось то нетерпение, то желание что-нибудь съесть. Ле Блан подначивала его:

– Как дела с диетой? Может, переключить на кулинарное порно?

– Нет, спасибо, – поджав губы, отказался он. – Вес стабильно снижается. Чувствую себя прекрасно. А кулинарное порно я вообще не смотрю с тех пор, как получил свои кнопки.

– Значит, ты так их называешь? – полюбопытствовала Ле Блан.

– Кнопки, отключающие стремление переедать. Тебе это кажется ненормальным?

– Да нет, это же твои имплантаты. То есть, извини, кнопки, – ответила Ле Блан, исподтишка улыбнувшись Гейбу.

– …концепция, костюмы, мельчайшие детали – все полностью продумано, – продолжала Диншо. – *Но.* Мэнни заявляет, что, по мнению клиента, я *не уделяю внимания стилевым тонкостям,* а героиня *не воспринимается* как высокая стройная модель, покоряющая мир, будто это, дословно, «рядовая покупательница готового платья».

Гейб автоматически кивнул, выражая сочувствие, а Ле Блан даже возмущенно фыркнула.

– А ты советовала Мэнни обкатать программу на контрольном зрителе из «Текс-Тоунз»? Только, кажется, это мужчина, да?

– Вот именно, – сказала Диншо. – В «Текс-Тоунз» свыше девятисот сотрудниц, и они не смогли выделить для просмотра ни одной, ни единственной. Вместо этого мы получаем, наверное, самого пузатого из их старых пердунов, с трудом запихиваем его в виртукостюм, напяливаем на него шлем и включаем симуляцию с напутствием: «Сэр, теперь вы – роскошная женщина, так что вперед, Зик».

– Нет, вы только посмотрите, – сказала Ле Блан, указывая на один из экранов инфолайна. – Дамиен Сплейдер собирается вести ток-шоу прямо из тюрьмы. Сначала он получает пожизненный срок, а потом ему устраивают персональное шоу. Только этого нам не хватало: очередного порно-шоу. Тюремного порно. А вам известно, что шестьдесят восемь процентов всех новых программ в инфолайне – какая-нибудь разновидность порно?

– Откуда такая цифра? – спросил Шуэт. – Из новостного порно?

Ле Блан посмотрела на него в упор:

– Из желтой прессы – им виднее.

– Но кого может привлекать тюремное порно? Кого может завести вид тюремных камер?

– А кого может завести вид пищи? – мрачно спросил Силквуд.

– Ты уверен, что твои имплантаты работают? – спросила Ле Блан.

– О да, я просто вспоминаю о своих прошлых дурных наклонностях, – ответил Силквуд, не сводя глаз с пустой обертки, лежавшей перед Шуэтом.

– После чего Мэнни начинает мне читать лекцию, –

продолжала Диншо, – о том, что по-настоящему продуманная симуляция способна преодолеть любые барьеры и различия и убедить женщину, что она – отец семейства, а мужчину – что он сексуальная высокооплачиваемая модель, демонстрирующая новую коллекцию одежды. Если же такая цель не достигается, значит, симуляция недостаточно *живо* и *неправдоподобно* сделана.

– А как дела с парным клипом? – спросила Ле Блан. – Или они из соображений экономии, как «Кикерз, обувь для бездорожья», решили срезать эти расходы? Надеюсь, мне больше в жизни не выпадет такого счастья – делать что-либо для «Кикерз».

– Над ним трудится Эмбой, по шаблону, снятому с моего. Программа автоматически выберет вариант для мужчины, причем для обычного монитора его вариант задан по умолчанию. А значит, теперь я не могу независимо от него изменить свой шаблон.

– Можешь, – отозвался Силквуд. – Нужно просто перебросить новый шаблон Эмбою.

– Ну да, конечно. Стоит мне это сделать, он тут же побежит в офис к Мэнни. И там поднимет бучу, мол, как ему уложиться в поставленные сроки, когда эта кошмарная Эмили Диншо постоянно меняет условия. После чего Мэнни вызовет меня и прочитает еще одну лекцию о том, что он вовсе не требовал полной переделки, а просто просил добавить больше чувства.

– Пусть на себе опробует твой ролик, – предложила Ле Блан.

– Без виртукостюма он ничего не почувствует. Да и с ним вряд ли.

– Вот чего нам не хватало! – Ле Блан расхохоталась. – Внутрикорпоративное порно «Диверсификации». Верно? Мы могли бы рассказывать перед камерой всякие жуткие истории, чтобы народ знал, через какие муки мы проходим, творя для них рекламу, которую они с жадностью поглощают. Прости, – добавила она для Силквуда, – не хотела обидеть.

– Ты специально прибегла к такому выражению, – сказал Силквуд, глядя на нее свысока. – Мои кнопки работают, все в порядке.

– А какой-нибудь дельный совет Мэнни дал? – спросил Шуэт.

– Да уж, Мэнни просто кладезь дельных советов…

Раздумывая, не взять ли еще кофе, Гейб глянул через комнату на автоматы с напитками. Там стоял костлявый тип, взявшийся непонятно откуда – словно спецэффект, внедренный в жизнеподобную симуляцию, – и шарил по карманам джинсов. Его давно не стриженные каштановые волосы неопрятно разметались

по плечам, на которых болталась рубашка, некогда бывшая желтой, или, наоборот, пожелтевшая от времени. Джинсы настолько износились, что едва не просвечивали, а ботинки явно готовы были развалиться. Когда мужчина повернулся, Гейб заметил на его рубашке бирку службы безопасности, такую же, как у него самого. Значит, эта личность работает в компании, а не просто забрела сюда по ошибке, каким-то образом не подняв тревоги.

– Что это такое? – тихо спросил Шуэт. – И как это попало сюда, к нам?

По всей комнате разговоры начали стихать, по мере того, как и остальные замечали незнакомца.

– Ну, вижу, к нам присоединяются новые сотрудники отдела развлечений.

Никто не обернулся посмотреть на Клуни, который подошел к центральному столу и теперь стоял за одним из пустовавших стульев, ожидая, что его пригласят сесть. Гейб явственно ощутил, что все присутствующие не прочь побыстрее избавиться от Клуни.

– Он носит громкое имя Видео-Марк, – непреклонно продолжал Клуни, – и он…

– Это и есть Видео-Марк? – сказала Диншо, не обращая внимания на стоящего рядом с ней Клуни. – Ну и ну. Он будто явился из собственного рок-видео.

– Рок-видео? – Поднял бровь Силквуд.

– Мои дети жить без него не могут. – Скривилась Диншо. – Но этот парень действительно делает интересные вещи. Даже когда крадет идеи у самого себя.

– Неужели ты смотришь рок-видео? – Ле Блан с деланным ужасом поднесла руку к горлу. – Эмили Диншо – любительница рока? Я в шоке.

– Полная лабуда, – заявил Силквуд. – Хуже всего порно, вместе взятого. Не понимаю, зачем нам лезть в сферу музыкального видео? Наша компания прекрасно существовала и без этого.

Человек у автоматов по-прежнему похлопывал себя по карманам странно ритмичными движениями, не замечая всеобщего внимания.

– Это большие деньги, – внушительно сказал Клуни. Диншо повернула голову ровно настолько, чтобы бросить в его сторону недоверчиво-презрительный взгляд. – Действительно большие, если обладать возможностями распространения и продвижения, какие есть у нас. Это…

– Может быть, на корпоративном уровне это *действительно большие* деньги, – сказала Диншо, все еще не глядя на Клуни, – но

на сугубо индивидуальном, похоже, не приносит особых доходов. У парня нет даже мелочи на кофе.

– Я дам ему взаймы, – услышал Гейб себя как бы со стороны и встал как раз в тот момент, когда Клуни отодвинул стул и сел, так и не дождавшись приглашения.

– Быстро сообразил, Людовик, – сказала ему вслед Ле Блан.

– Видеоигры развивают скорость реакции, – отозвался он, тут же пожалев об этом. Клуни, скорее всего, донесет Мэнни. Всеобщая уверенность в том, что Клуни добровольно взял на себя роль доносчика, оставалась секретом только для самого Клуни. Тем не менее, открытая неприязнь со стороны сотрудников его не задевала. То ли он считал ее проявлением зависти к его частым прибавкам зарплаты, то ли просто был толстокож. «Почему люди такие странные?» – подумал Гейб и тронул Видео-Марка за плечо.

Тот медленно повернулся, будто находился под водой, его выцветшие зеленые глаза сфокусировались на лице Гейба не сразу.

– Чем я могу вам помочь? – Он сделал ударение на втором и четвертом словах, поэтому прозвучало: «Чем я могу вам помочь?». Что, как подумал Гейб позже, было не так уж и нелогично.

– Э-э-э… Мне показалось, что вам… Э-э-э… Поменять для машины нужно.

Произнеся это, Гейб намеренно пожал плечами; он чувствовал на себе взгляды всех присутствующих.

Улыбка, осветившая лицо Видео-Марка, была неожиданно открытой и солнечной.

– Хорошо сказано. А как ты догадался?

Гейбу показалось, что его подбросило на какой-то колдобине.

– Простите?

– Всю жизнь только и слышу: «Поменять для машины». Каждый раз, когда появляется новая машина, приходится все менять. – Он наклонился чуть ближе, и Гейб уловил смесь нескольких ароматов, не похожих на одеколон. – Они подумают, что я тут перед тобой разоткровенничался, хотя не знаю, кто ты такой. – Он на мгновение задумался. – Или знаю?

Гейб быстро сунул ему в руку мелочь.

– Вот, немного кофе вам не помешает.

Голова Видео-Марка медленно качнулась вверх-вниз.

– Боже, правда теперь звучит только из сточной канавы. Ну и карма сегодня, хоть ножом режь. – Он скормил автомату все монеты, которые ему дал Гейб. – И так каждый раз, когда приходит время перемен ради машин. – Через некоторое время он взял наполнившийся стаканчик и поднял его в честь Гейба. – И чем значительнее перемены, тем меньше понимаешь, что

происходит. Верно?

– Не стану с вами спорить, – сказал Гейб, отступая на шаг.

Собеседник подмигнул ему.

– Прав на сто процентов.

С ощущением полного сумбура в голове Гейб повернулся, чтобы пойти назад.

* * *

Видимо, он шагнул прямо под ее кулак и добавил к силе удара собственный импульс, думал он позже. Но в тот момент он лишь увидел перед глазами сноп цветных искр, а еще через секунду испытал такую дикую боль, что удара собственного тела о покрытый ковром пол уже почти не почувствовал.

Когда зрение вернулось, он обнаружил кольцо склоненных к нему лиц сослуживцев. Щеку вновь прошила невыносимая боль. Закрыв глаза, Гейб подождал, пока она утихнет, но безрезультатно. Будто его подвергали пытке, будто все тревоги и враждебность, скопившиеся в комнате, сконцентрировались на этом маленьком участке его лица. И он снова потерял сознание, успев уловить чей-то крик:

– Отодвиньтесь, отодвиньтесь! Ему нужен воздух, черт побери!

Через некоторое время он услышал слегка гнусавый голос Диншо, которая очень серьезно кому-то выговаривала:

– Вас за это могут уволить. Вас за это могут даже арестовать.

Перед внутренним взором появилось саркастически улыбающееся лицо Марли: *«Неужели ты не дашь сдачи, вертун? Ты не мог натворить за сегодняшний день ничего, что заслуживало бы такого обращения».*

– Чушь, – произнес незнакомый голос, низкий и раздраженный. – Я только что вышла на работу. На этой неделе никто меня не уволит.

«Так с ними и надо», – подумал Гейб. Он вообразил, что теперь к нему наклонилась Карита и ее пальцы осторожно сжали его руку: *«Как ты, вертун, жив?»*.

– Ответь мне, Гейб! Ты в порядке? – Руку сжали сильнее, и он открыл глаза.

Над ним склонилась Ле Блан.

– Не двигайся. Врач сейчас придет. Ты упал навзничь и, по-моему, даже отрубился на несколько мгновений. Ты терял сознание, можешь вспомнить?

Он встретил этот град слов молча, и только моргал, чувствуя

себя обманутым.

– Какого черта! Если он и терял сознание, разве он это помнит? – спросил тот же низкий голос.

Из-за спины Ле Блан высунулся Клуни.

– Гейб, ты знаешь, где находишься?

Гейб застонал:

– Я тут.

– Никто не ответил бы лучше, – произнес тот же голос откуда-то слева. – Поставьте его на ноги, он сможет выдержать еще один раунд.

Гейб попытался сесть, Ле Блан по-прежнему держала его за предплечье. Отстранив ее руку, он огляделся. Он сидел на полу, окруженный буквально всеми, кроме того тронутого парня, Видео-Марка, который жаждал перемен ради машин. Испарился без следа. Гейб осторожно дотронулся до щеки.

– Может быть в тех местах, откуда вы явились, – сказала Диншо, свирепо глядя на кого-то, – это и в порядке вещей, но *здесь* мы не бьем людей по физиономиям. – Тут она бросила взгляд на Клуни. – Обычно.

– Я не собиралась его бить. – Тон этого голоса переменился. Взгляд Гейба наконец сфокусировался на незнакомой коренастой женщине в неописуемом одеянии, в котором смешались все городские стили, от этно до уличных хулиганов. Она что, спала в одежде? Наверное, это была бурная ночь. Неудивительно, что он вырубился: даже ее дреды выглядели угрожающе.

Двери комнаты отдыха с легким шелестом раздвинулись. Странно, что он не слышал звука открывающихся дверей, когда эта женщина вошла, чтобы двинуть его в лицо. Что он, собственно говоря, ей сделал, и почему никто его об этом не спросил?

– Что случилось? – Врач стала на колени перед Гейбом, взяла за подбородок и заглянула в глаза.

– Вот эта *личность* его ударила, – сказала Диншо, указывая на виновницу происшествия. – Просто подошла к нему и врезала.

Врач обернулась и посмотрела на женщину, которая стояла, прислонясь к кофейному автомату, со сложенными на груди руками. Несчастный кофейный автомат, подумал Гейб, ощутив вдруг абсурдное желание рассмеяться.

– Это был несчастный случай, – сказала она. – Он шагнул на линию огня.

– Правда? – Изобразила удивление врач. Лампочка светила прямо в глаза, и Гейб сощурился. – Можете открыть рот?

Он немного приоткрыл губы, пока пальцы врача ощупывали нижнюю челюсть. Незнакомая женщина придвинулась поближе, стараясь заглянуть ей через плечо, и Гейбу показалось, что

сочувствие смягчило черты ее лица. Сама же она была так крепко сбита, что без труда вынесла бы подобный удар.

– Ни смещения, ни перелома не вижу, – сказала врач, – но лучше все же сделать снимок, чтобы исключить вероятность трещины. Я дам вам какое-нибудь обезболивающее. Это так сразу не пройдет.

Клуни многозначительно прочистил горло.

– Гейб, как думаешь, ты сможешь работать после того, как тебе введут обезболивающее?

Гейб хотел бросить на него уничтожающий взгляд, но доктор все еще крепко держала его за подбородок.

– Только местное, Клуни, – сказала она, – наклею пластырь. Не беспокойся, никто не собирается выводить из строя ценных работников.

– Quel fromage,[12] – сказала незнакомка.

Врач снова обернулась к ней:

– Вы только что сказали: «Что за сыр»?

– Пусть так.

Входные двери снова с шелестом раскрылись, впустив Мэнни Риверу, чуть запыхавшегося и помятого. Он приостановился в дверях, и те не успели закрыться до конца.

– Так вот где сегодня все происходит, – сказал он с притворным добродушием. «Невероятно правдоподобная симуляция эмоций», – подумал Гейб, подавляя желание расхохотаться. Мэнни медленно обвел всех взглядом, будто запоминая лица собравшихся, прежде чем остановить его на Гейбе, все еще сидевшем на полу рядом с врачом, которая держала его за подбородок. Показное дружелюбие улетучилось, брови Мэнни поползли вверх.

– Значит, тут кто-то физически пострадал? – спросил он.

– Разумеется, физически – чтобы это понять, достаточно посмотреть на него. – Незнакомка свирепо глянула на Риверу, словно хотела уложить на месте и его тоже. Толпа вокруг Гейба быстро рассосалась, все сразу вспомнили о каких-то срочных делах. Мэнни вышел из дверного проема, освобожденные двери закрылись и тут же снова распахнулись, пропуская покидающих комнату сотрудников. Только незнакомка и врач не двинулись с места.

– Приятно, наконец, познакомиться, – сказал Мэнни женщине, когда комната почти опустела. – Вас никогда не было на месте, когда я приезжал в «Ай-Трэкс».

– Да? – Та наклонила голову на бок. – А ты кто, Чанг или Ривера?

Врач поднялась на ноги.

– Прежде всего спуститесь вниз и сделайте снимок, – велела она Гейбу. – А потом зайдите за обезболивающим пластырем.

Она снова неодобрительно взглянула на женщину и неторопливо прошествовала мимо Мэнни к выходу.

Чувствуя себя посмешищем, Гейб подтянулся к ближайшему стулу, хотел было сесть, передумал и остался стоять, соображая, можно ли выйти из комнаты, избежав дальнейших разговоров с Мэнни. Но отчего-то показалось несправедливым оставлять незнакомку, кем бы она ни была, противостоять Мэнни в одиночку. Пусть даже она и врезала ему.

Мэнни повернул лицо, на котором улыбка странно сочеталась с недоуменно нахмуренными бровями, к Гейбу:

– Так что с тобой случилось?

– Я ударился лицом, – сказал Гейб, с трудом ворочая опухшей челюстью. Фраза прозвучала как «я ужарифся лифом».

– О. – Мэнни наморщил лоб, выражая сочувствие. – Но наша договоренность о ланче остается в силе?

– Ефе бы, – быстро откликнулся Гейб, кивнув.

– Вот и славно. – Мэнни еще раз искоса глянул на женщину и вышел; половинки дверей четко и послушно раздвинулись перед ним и задвинулись позади, будто понимая свой служебный долг.

Не совсем представляя, что теперь делать, Гейб попытался улыбнуться женщине не пострадавшей половиной рта, показывая, что не держит зла, и надеясь услышать что-нибудь вроде «Извините, что ударила вас», или «Можете высказать все, что обо мне думаете», или хотя бы «Очень больно?».

Вместо этого она повернулась к ближайшему автомату с прохладительными напитками, натолкала в него монет и врезала по одной из кнопок тем же кулаком, что и ему в челюсть. С грохотом выкатившаяся банка почти полностью скрылась в ладони женщины. Крупные у нее руки. И без длинных красных когтей.

Затем она взглянула на него так, словно была удивлена, что он еще здесь.

– Какого хрена ты не смотрел, куда идешь?

И, не дожидаясь ответа, вышла из комнаты отдыха в левую половинку двери, едва дав ей время открыться, да еще и подтолкнула, словно та двигалась слишком медленно.

Глава 10

Он знал, что все попытки позвонить, как и покинуть помещение, обречены на неудачу. Но все равно нужно попытаться. Все его действия автоматически записывались, и Ривера не преминет что-нибудь сказать по этому поводу. Уж кто-кто, а этот тип именно такого поведения от него и ждал. Последний сюрприз в виде двойной пересылки информации, который он устроил Ривере, теперь вряд ли удастся повторить.

Кили устроился на диване поудобнее, подложив подушки под колени и под голову. Матрац корпоративного образца был мягче того, к которому он привык. Да и все прочие удобства тоже: даже одежда со свежим ароматом, оставленная для него, была мягкая, как фланелевая пеленка для новорожденного. Мягкое царство, если не считать сверхжестких ограничений на звонки.

Если бы удалось немного сосредоточиться, он бы наверняка нашел обходной путь, но ключевым словом тут было именно «сосредоточиться», вернее, «сосредоточенность». Этим качеством он больше не обладал. Мозг был странным образом затуманен. Окружающее воспринималось вполне четко, и голова работала неплохо, но вот воля исчезла начисто.

Хотя, если поразмыслить, тайны тут никакой не было. Ривера лично следил, чтобы его в этом уютном стойле вовремя поили и кормили, после того как Кили своими руками установил сторожевую программу. Скорее всего, воздействие веществ, поступавших в его кровь с пищей, водой или с тем и другим одновременно, выветрится как раз к тому времени, когда настанет пора полностью перестраивать систему безопасности компании, ради чего, по словам Риверы, он тут находился. Помимо всего прочего. Да, Ривера многого от него ждал. Вот только удивительно, почему компания до сих пор не обзавелась ручным хакером.

Ведь в этом случае им не пришлось бы платить за взлом системы «Ай-Трэкс».

Кили бросил взгляд на девятиэкранный инфолайн. Сменяющиеся там программы проходили мимо его сознания. Время от времени, когда что-то вдруг казалось интересным, он брал пульт и прибавлял звук, но следить за происходящим на экране было слишком утомительно. Он вяло гадал о том, что

Ривера ему скормил. Какой-нибудь слабый наркотик? Или разновидность торазина? Что бы это ни было, весьма хитрая штука. Размышлять можно было сколько угодно, хоть сочинять в уме целые программы, но когда он хотел выполнить любое действие сложнее нажатия кнопки, в системе происходил сбой. Недостаточно оперативной памяти, подумал он с горьким удивлением. Или же слишком большой ее объем уходит на рутинные операции.

Джоунз на его месте, наверное, уже несколько раз бы умер. Пытаясь справиться с ситуацией. Все жертвы насилия, проходящие потом курс психотерапии, знают, что не так важно, что с тобой произошло, а то, как ты с этим *справился.* Спасибо, брат, вот уж помощь так помощь.

Не то чтобы он сам претендовал на приз за находчивость. И даже не знал, что было глупее: пытаться теперь обвести Риверу вокруг пальца или связываться с ним с самого начала.

А ведь он давно зарекся иметь дело с промышленным шпионажем, более того, множество раз отклонял предложения других хищников из числа руководителей среднего звена, желавших таким образом протиснуться вперед в своей корпоративной стае. Но Ривера его заинтересовал. Может быть, потому что захотелось острых ощущений, а может, чтобы доказать Джоунзу, что хакерские «бдения» могут приносить не только моральное удовлетворение, но и материальную пользу. Решил выпендриться перед этим умирающим. И вот куда его это завело. Влип.

Он перевернулся набок, и его обдало свежим ароматом рубашки. Каким-то образом он вывел на верхний средний экран очередную серию «Двадцати пяти самых жутких авиакатастроф». Отвратительное зрелище. Надо будет переключить, как только удастся собраться с мыслями и решить, что выбрать вместо него. Сегодня явно не лучший день для принятия решений. Да и вообще, в этой области у него особых удач не наблюдается: начиная с согласия взломать систему «Хол Гален Энтерпрайзиз» для Риверы, все его решения пагубно сказывались на карьерном росте. Если так можно выразиться.

Может, знай он с самого начала, что Ривера из «Ди-Ви», зарядил бы ему добрую порцию вируса вместо того, чтобы добросовестно выполнять его задание. Но тот умело скрывал свое подлинное лицо, действуя через анонимный электронный почтовый ящик. И тот же ящик они потом использовали для передачи добытой у Хола Галена информации.

Добывать ее было нелегко, но достаточно безопасно, потому что запрос посылался по запутанной цепочке через множество

узлов. Если бы в компании Хола Галена что-нибудь заподозрили, то отрубились бы одновременно все узлы, обезвредив даже самую быструю программу по заморозке отслеженных данных. Конечно, предполагалось, что доступ к передаваемым таким образом данным имеет только Ривера с его анонимным почтовым ящиком. Так этот Ривера считал. Однако, не нарушая буквы их договора, Кили поставил все же на канал передачи программку для перехвата и копирования данных. Если Ривера действительно полагал, что нанятый им охотник не поинтересуется добычей, то заслуживал участи быть обворованным, чего, откровенно говоря, Кили с самого начала и хотелось.

В конце концов, этот тип был самым натуральным вором, зажравшимся корпоративным вором, не способным даже самостоятельно делать свою грязную работу, – и поверив другому вору, он облажался. В то время как сам он, уныло подумал Кили, отчего-то решил, что Ривера пойдет не на любую подлость. Поверил, что не все его слова – чистая ложь. *«Меня интересует финансовая документация; хочется понять, насколько крепко фирма стоит на ногах и за какую сумму можно будет ее выкупить».* Неплохая легенда, в силу своей типичности. Хотя есть вероятность, что Ривера не врал, а действительно рассчитывал получить только такую информацию.

В таком случае вся эта бодяга с гнездами выплыла для Риверы совершенно неожиданно, поэтому он так расщедрился поначалу. В электронных банковских пунктах Кили ждали чипы на предъявителя, средства с которых он радостно тратил направо и налево, а сам ждал, пока Ривера закроет свой анонимный почтовый ящик и тем самым активизирует программу, которая перешлет информацию прямехонько к нему.

И она поступила, сразу за последним сообщением Риверы с обещанной премией за проделанную работу. Этой премией оказалось описание наносистемы Сэм.

Когда он дешифровал данные и увидел, какую симпатичную машинку можно сделать на основе старого инсулинового или эндокринного инжектора, его чуть удар от ярости не хватил. До глубины души он ненавидел «Диверсификацию» – за то, что они крадут у хакеров их находки, а потом упаковывают их в привлекательную для падкой на все новое публики форму и загоняют втридорога. Как, например, программу «Додж-М»[13], которую какой-нибудь бизнесмен мог поставить на свой почтовый ящик, и тогда внешнему наблюдателю не было видно, просмотрены письма или нет, даже если он их уже открывал. Обычный обводной цикл, только упрощенный настолько, что умеет работать исключительно с почтовой системой, и названный

«специализированным», чтобы народ счел идиотскую урезанную версию умной программой.

А когда пришла копия данных, его зашкалило окончательно. Гнезда, долбаные гнезда для прямого подключения к мозгу – вот что он поднес Ривере на тарелочке в обмен на технические данные, давно полученные от Сэм абсолютно бесплатно. Ривера уже несколько недель осваивал это золотое дно, в то время как он пребывал в заблуждении, что имеет дело с обычным финансовым аналитиком, для которого предел мечтаний – выкрасть чужой баланс.

После чего он вдруг подумал: возможно, «Диверсификация» выложила описание этой наносистемы в качестве приманки, и после ее закачки сработает программа-закладка, которая передаст в «Ди-Ви» координаты хакера. А значит, над Сэм нависла серьезная угроза.

Быстрый поиск через «Автоответчик Доктора Фиша» обнаружил ее в Озарках. Он понятия не имел, как Доктор Фиш это делает, да и не было времени выяснять. Однако, по всей видимости, она находилась в безопасности. Гораздо большей, чем он сам.

Закладка в скопированных файлах сработала тогда, когда он направил их целиком в клинику – уже после того, как поделил другую копию пополам перед отсылкой Сэм и Фецу. Выходка с клиникой получилась совершенно спонтанно. Просто пришло в голову, что хорошо бы дать «Ди-Ви» отведать их собственное снадобье: пусть какая-то дешевая благодельня обскачет их, модифицировав свои имплантаты в гнезда.

А если гнезда выйдут на свет не из стерильной лаборатории респектабельной корпорации, а из стен такой благодельни, правительство мигом их запретит. И у «Диверсификации» не останется шансов извлечь хоть какую-нибудь выгоду. Да, Ривера, жаль, что так неудачно все сложилось.

Припомнить, что его заставило поделить файлы между Сэм и Фецем, он не мог – как не мог и точно предсказать, что они будут делать, соединив их после встречи. Но ему показалось, что это хорошая идея. Страховка на случай, если его план не сработает.

Он сидел за своим ноутбуком, радуясь совершенной мести, когда ворвались копы и отвезли его к Ривере, ради новой сделки. Уже совсем другого рода.

Ты выступишь свидетелем обвинения против клиники, в таком случае тебя не станут преследовать за то, что ты проник в систему «Диверсификации» и нарушил конфиденциальность медицинских документов. Как тебе предложение?

Объяснять дальше Ривере не потребовалось: ящик, куда Кили

переслал информацию, был анонимным, а «Ай-Трэкс» корпорация выманила у Хола Галена еще несколько недель назад, поэтому крайним оказался именно он, Кили. Но если он выступит свидетелем обвинения в деле против клиники, тамошние врачи больше и заикнуться не посмеют о гнездах, пока корпорация сама не сочтет возможным выбросить на рынок это новое заманчивое предложение. А по существующему закону о свидетеле обвинения он был обязан какое-то время работать на жертву – то бишь «Диверсификацию» – в обмен на снятие с него обвинения в умышленном тяжком преступлении. Арест в корпоративном пентхаусе не был распространенной практикой, но, как он понял, юристы «Ди-Ви» смогли убедить судью. Если бы к делу не были приобщены медицинские данные Видео-Марка, скорее всего, удалось бы с помощью общественного защитника отделаться штрафом за правонарушение без отягчающих обстоятельств. Но попавшись на хищении чужой медицинской информации, можно было смело прощаться со всеми надеждами на снисхождение. Даже другие хакеры в таких случаях уже не пожалеют. Слишком многие пострадали оттого, что их собственные медицинские данные использовали против них несколько лет назад, когда гулял ретровирус.

Единственной маленькой радостью было увидеть крайнюю степень беспокойства на лице Риверы, когда тот осознал, что проект, ради которого была построена специальная клиника в Мексике, спокойно развивался в захудалой благодельне без всяких удобств, большого жалования и, главное, без Мэнни Риверы во главе. Его собственное начальство в корпорации прознает об этом не сразу, но рано или поздно кто-нибудь возьмет на заметку. Когда же такое случится – конечно, на его, Кили, судьбу это уже никак не повлияет, но зато он сможет утешаться мыслью, что направил Ривере ответную закладку, иного, но не менее опасного свойства.

Он снова посмотрел на телефон. Возможно, это лишь иллюзия, но решимости и уверенности в себе, кажется, чуть прибавилось. Надо еще отдохнуть – глядишь и удастся приступить к конкретной задаче по обходу запрета на исходящие звонки.

Или случится чудо, вернется Видео-Марк, подопытная свинка номер один, и согласится отправить сообщение на волю. До сих пор даже такая простая мысль не приходила в его отупевшую голову. Не то чтобы Видео-Марк выглядел бодрее него, но он хотя бы не ограничен в передвижениях. По крайней мере, пока. Черт, стратегией «Диверсификации» нельзя не восхититься. Протолкнуть на рынок чудо-имплантаты, пользуясь спросом на

виртуальную реальность рок-видео в Штатах – гениальный шаг. Тогда и взяток чиновникам из Американской медицинской ассоциации и Комиссии по контролю над пищевыми, лекарственными и программными продуктами, а также политикам удастся избежать, и многочисленные видиоты сами будут требовать, чтобы им поскорее вставили эти гнезда. Да они просто ломиться за ними будут.

Правду сказать, он тоже бы ломанулся. И ничуть не с меньшим рвением, чем будут это делать все прочие, когда узнают о новой технологии. Ему просто не нравилось, что рулить станет «Диверсификация». Хотелось вырвать руль из их рук и выбросить все в общий доступ.

И ведь почти удалось. Он сохранит теплое воспоминание об этой попытке, покуда сможет его хранить. Почему-то возникла уверенность, что к тому моменту, когда он получит возможность увидеть что-нибудь за пределами этого пентхауза, все из головы улетучится.

Кили снова бросил взгляд на телефон. Еще немного, и он точно соберется с силами. Тут его ноздрей достиг свежий аромат рубашки, которой его снабдила корпорация, и Кили задремал.

Глава 11

Теперь ясно, почему это помещение называлось ямой. Все кругом мягкое, даже стены. В дальнем конце комнаты порядком всякого спортинвентаря, хватит оборудовать личный тренажерный зал: бегущая дорожка, шагоступы для имитации подъема по лестнице, набор блоков с ручками различной формы, помост, сборные секции для платформ и штабеля модулей, из которых можно было бы собрать интерьер получше, чем у нее в квартире. С потолка свисала сбруя, оснащенная джойстиком на случай, если ей вдруг вздумается полетать. Похоже, они тут действительно все предусмотрели, Ударник не врал, а если чего не хватало, достаточно было просто спуститься вниз, на склад.

Здешняя система тоже была навороченной. Со стационарным плоским монитором и видеошлемом в комплекте с виртукостюмом последней модели. С квадрофонической аудиосистемой и удобной полукруглой клавиатурой. Памяти – завались, хоть две дюжины программ загружай, оперативка даже не напряжется. Телефон встроен в блок управления комнаты, куда входит также скан-замок, который, возможно, и запрограммирован на отпечаток ее большого пальца, но уж лучше оставить на всякий случай дверь открытой. Что-то не хотелось проверять, а перспектива остаться тут запертой совершенно не вдохновляла.

Она оглянулась на открытую дверь, словно Марк мог в любой момент сунуть в комнату голову и предложить: «Ну что, сыграем?» – и, как в старые добрые времена, они бы устроили видеодуэль. *А вот запусти-ка мою программку, любовничек. Сможешь лучше?*

Нет, сегодня не появится. Живо испарился, когда она вырубила того корпоративного перца – олух шагнул между ними, неверно выбрав момент, а сдержать свой удар она уже не могла. Бог знает, *что* тот клоун подумал. Ее раздражение требовало выхода, поэтому, свалив его с ног, она испытала какое-то удовлетворение, но уже в следующий момент оно исчезло. Этот тип выглядел еще более потерянным, чем Марк, если такое вообще возможно.

Хотя все было закономерно: только она хотела призвать Марка к ответу, как тот куда-то ускользал. И так всю жизнь. У

каждого из них была и своя жизнь, но время от времени их жизненные сферы пересекались, и образовывалась общая территория. Порой ей казалось, что каждый сантиметр этой общей территории ей известен лучше, чем собственное сознание, а иногда, что лишь сам Марк мог там разобраться. А в такие дни, как вот сегодня, ни он, ни она не способны были понять, где верх, где низ, и как выбраться из создавшейся ситуации.

Марк всегда был не совсем от мира сего. К тому времени, когда она только ступила в область профессионального видео, Джина помнила большинство работ, выпущенных им в наш мир, в мельчайших деталях. Он уже был Видео-Марком, хотя точнее было бы назвать его Видящим Марком. Образы поступали к нему по тайному трубопроводу из некоей страны грез, где музыка и визуальные картины порождали друг друга, искусно сочетаясь в синэстетическом буйстве.

Искусник. Вот-вот. Сочиненное Ударником к случаю словечко, где виртуозность сочеталась с порочной страстью к технике. И если видения являлись из мира хай-тек без перерыва, то первым среди таких искусников, первородным, был Марк. Порой, когда он смотрел на нее, просто смотрел, то, казалось, ему приходилось вычленять ее фигуру из какого-то общего вычурно-барочного фона, наложенного его сознанием на картину мира вокруг. И тогда ее начинали мучить вопросы: сколько еще так может продолжаться, сколько еще осталось до критического порога в его перенасыщенном зрительными образами мозгу, и что произойдет, когда этот момент настанет?

Двадцать с лишним лет назад все эти вопросы относились к области отдаленного и довольно туманного будущего, раздумьями о котором они себя не утруждали. Марк тогда еще не сжигал себя, а на нее не свалился дикий долг величиной с целую территорию Канады по милости проклятого папаши, выставившего ее из дому на бостонские улицы, едва ей сравнялось четырнадцать, – который потом, не имея страховки, так долго не мог умереть в больнице, что теперь, разыскав ее по суду, администрация той больницы впаяла ей выплатить весь долг целиком.

Дела у Ударника тогда уже пошли под уклон, но пока не очень заметно. И сам Ударник еще был достаточно молод, чтобы чувствовать себя бессмертным, по крайней мере, когда был в ударе. Казалось: *«Вау, если мы чуть не притормозим – точно помрем, не успев состариться»,* да только вот вышло иначе. Никто из них не собирался ни умирать, ни стариться, – ни, черт возьми, даже взрослеть.

Она оглядела яму. Вот это определенно место для взрослых.

Может, все они состарились, или умерли и отправились в видеоад. Либо с ними произошло и то и другое. Причем не обязательно в прямой последовательности.

Кто-то стоял в дверном проеме. Ударник.

У представительного мужчины в сером костюме не осталось почти никаких признаков диковатого, с бешеной энергией бившего во все свои тарелки и барабаны Ударника, каким она его встретила, ступив в новые для себя видео-края. Прямое каре зачесано назад, среди каштановых прядей серебрится седина. Это, конечно же, для вящей корпоративной импозантности. Большинство из его теперешнего круга общения не помнит, как он выглядел во время выступлений – *настоящих* выступлений, ведь группы тогда постоянно давали концерты, а видео служило лишь рекламой новых студийных записей и живых шоу, не став еще самоценным.

А для тех, кто все же помнил, вся корпоративная серость в мире не могла поглотить его. *Да что вы, ребята, этот парень наносил на себя больше краски, чем пошло на всю Сикстинскую капеллу, и по сию пору держит мировой рекорд по прицельной рвоте из окна туристического автобуса.*

Но стоило только глянуть на него теперь, и уже не оставалось никаких сомнений, что вечеринка определенно закончилась, причем уже довольно давно. Сплошной деловой подход, вековые традиции.

Знал ли он о дурацком представлении на ночном заседании суда с Марком в главной роли? Вряд ли. Но что-то он должен был знать и мог объяснить, как вышло, что Марк оказался на стороне Галена, его страхолюдины и Риверы. Наверное. По словам Ударника, он в «Диверсификации» занимал положение, примерно соответствующее посту Риверы. *«Вот так, ребята, я по-прежнему буду вашим боссом, только на работу нужно будет являться, почистив зубы и умывшись».*

Да, вот так. За двадцать с лишком лет слово «босс» впервые было упомянуто в разговоре – никогда прежде, даже когда они ваяли видео вшестером, прежде чем пришел Гален и начал выкидывать ребят одного за другим, никто ни в обычной, ни в ругательной речи так его не называл. Хотя только полностью тупой и бесчувственный не знал, кто в «Ай-Трэкс» был по-настоящему главным.

– Роскошно, а? – сказал он. – Можно войти?

Джина сложила руки на груди.

– Конечно. Лети сюда.

Он двинулся к небольшому подъемнику.

– Я же сказала, лети.

Ударник остановился и поглядел на Джину.

– Ну же, прыгай. Или я тебя опять затащу наверх и сама столкну вниз.

Он облокотился о перила.

– Слушай, давай лучше я спущусь обычным способом, а ты мне потом врежешь. Я даже не стану уворачиваться.

Губы у Джины сами собой растянулись в улыбке.

– Слышал уже, да?

– Ты, как обычно, произвела неизгладимое впечатление. – Он ступил на платформу подъемника, нажал на кнопку и поехал вниз. – Мэнни Ривера сказал, если ты станешь вовсе неуправляемой, всегда можно посадить тебя на химический поводок.

– Дерьмо куриное. Ни хрена он такого не говорил.

– Я твой начальник. И именно я должен разбираться с проступками подчиненных.

Подъемник со стуком остановился, и Ударник ступил на пол. Пятьдесят с хвостиком лет сейчас явственно читались в его внешности: расплывшаяся фигура, обвисшие щеки на вытянутом лице. Мелькнуло желание взъерошить ему волосы, но на них было столько лака – вдруг еще сломаешь.

– Начальник, значит. Дожили. – Она села и положила ноги на консоль. – Что у них тут, какая-нибудь система штрафов? Пять минусов – и мне не положена премия на Рождество?

– Перестань, – спокойно сказал он, присаживаясь на дальний от нее край стола. – Мне хотелось оказаться в «Ди-Ви» ничуть не больше твоего.

– Угу, и ты совершенно не контролировал ситуацию, верно? – Она развела руками. – Ты должен был получить жирненький кусочек в виде своей доли «Ай-Трэкс», поэтому, если тебе здесь не нравится, ты можешь спокойно уйти. В отличие от некоторых.

– И куда я пойду? – Лицо Ударника оставалось бесстрастным. – Чтобы основать новую компанию, у меня по нынешним меркам денег не хватит, а даже если бы и хватило, то откуда взять художников? Все наши группы связаны контрактом с «Диверсификацией». Остается только на Мимозу отправиться, искать молодых талантов по клубам и убеждать тамошних мальчишек и девчонок: «Айда со мной, ребята, я уже старый, я знаю, что делать». – Он вздохнул. – Все вышло дерьмово. Отрабатывай пока те деньги, которые тут получаешь. Может, удастся выплатить за отца раньше, чем доживешь до моих лет.

– Если бы не Марк, я бы ушла, – сказала Джина. – Пусть сажают в долговую тюрьму, все равно. Если бы не Марк. – Она махнула рукой в сторону ямы. – Сколько, думаешь, он протянет в

таком месте?

Лицо Ударника странно оживилось, будто внутри у него поднялась какая-то тяжелая заслонка.

– Вероятно, дольше, чем ты думаешь.

– Ну, конечно, рассказывай. Я уже развесила уши. Видишь, какие большие, – сказала она, оттопыривая их в стороны.

– Черт, а сколько, ты думаешь, он вообще мог протянуть? – раздраженно воскликнул Ударник. – Ты же видела, что он выдавал последнее время: одно и то же, вариации на темы своих же прошлых работ, снова и снова. Разве не помнишь, нам приходилось переделывать почти все его хреновое видео у него за спиной? – Ударник наклонился ближе. – А вот он ничего не помнит. Не имеет никакого представления о том, что происходит. Большую часть времени он даже не знает, где находится и как туда попал. О нем необходимо заботиться.

– И «Диверсификация» готова проявить о нем истинно материнскую заботу.

– У них есть способ помочь ему.

Джина раскрыла рот от удивления.

– Черт, что ты с ним сделал, сдал его под имплантаты? Собираешься превратить его в такой же корпоративный овощ ходячий, как тот, кого я сегодня приземлила в кафетерии? Заставить его выдавать качественный продукт? Да ведь ты его друг, он жил для тебя, выдавал свои видения ради тебя, а ты бросил музыку и его вместе с ней. – Она встала и схватила его за накрахмаленную белоснежную рубашку. – Сейчас я тебе задам взбучку, которую приберегала для Марка.

Ударник с усилием отстранил ее руки, но не отпустил.

– Хулиганка Джина в своем репертуаре, всегда ищет, кому бы врезать. Я еще могу понять, почему ты хочешь врезать мне, а вот чем Марк провинился?

Глянув на него, она безрадостно расхохоталась.

– Я так и думала. Ты понять не в состоянии.

– Что?

Выражение его лица не изменилось, но руки на ее запястьях сжались сильнее.

– Позавчера ночью Марк выступал в суде. С Чудо-Мальчиком Галеном, Франкенштейнихой Джослин и Мэнни Гадом Риверой. Слова «свидетель обвинения» что-нибудь для тебя значат?

Ударник выглядел озадаченным.

– Марк выступал свидетелем обвинения?

– Нет, эту роль играл неизвестный, – ответила она с сарказмом, отступая на шаг и выскальзывая из его рук. – Но Марк был одним из главных действующих лиц. Я думала, ты тоже.

Теперь вижу – ошибалась. Наверное, тебе пора поговорить с Риверой о дальнейшей карьере, чтобы не остаться в стороне. Разве не об этом вы, крутые начальники, постоянно разговариваете за своими ланчами?

Теперь он явно встревожился.

– Марк в суде… с Галеном, Джослин и Риверой…

– Дело было крупное. Из зала вывели всех посторонних. Незаконное сношение с машиной.

Ударник весь подобрался. Но Джина только пожала плечами.

– Может, они застали Джослин за тем, как она насиловала газонокосилку? Это уж ты сам выясняй, сынок, – она чуть помолчала. – Ты понимаешь, о чем речь?

– Немного, – медленно ответил он. – Как мне кажется.

Она снова ухватила его за рубашку, теперь почти за ворот.

– Тогда в самый раз бы и мне объяснить, что тут происходит.

Он покачал головой, снова отстраняя ее руки.

– Сначала я должен сам убедиться. Я поговорю с Риверой.

Он начал вставать, но Джина схватила его за ремень брюк и усадила обратно.

– Пошел этот Ривера к чертовой матери, ты должен объяснить все *мне*!

– Джина, да повзрослеешь ты когда-нибудь, наконец? Где ты сейчас находишься, в очередном набеге? Мы потеряли «Ай-Трэкс», все кончено! Корпорации захватывают мир, в этом нет моей вины! Последние двадцать пять лет Марк был под кайфом, а теперь за это расплачивается. Ничто не остается неизменным, Джина, ничто не работает вечно. Если мне это не нравится – дело плохо. Если тебе не нравится – тоже плохо.

Она мрачно на него уставилась.

– Я только хочу понять, что именно мне не нравится. И насколько дело плохо.

Ударник поджал губы.

– Просто делай видео. Делай видео и надейся на лучшее.

И встал на платформу подъемника спиной к Джине.

* * *

Она посидела некоторое время, ни о чем не думая, в своей просторной яме. В прежнее время, в «Ай-Трэкс», они все бы отдали, чтобы заполучить такую. Или Ударник отдал бы. Но на самом-то деле, не имело особого значения, где делать видео. Они работали в переоборудованном помещении склада, только что не сидели друг на друге, особенно когда к ним приезжали рок-

группы. Вальжан с его плащом или та безумная группа «Литтл Кейрз», возрождавшая музыку в стиле скиффл[14] – большинство их клипов делал Влад, обычно качая одного из своих семерых детишек на коленке, пока все просматривали предварительную версию на плоском экране. Гален уволил Влада одним из первых, и музыканты «Литтл Кейрз» отказались от дальнейшего сотрудничества с «Ай-Трэкс» в знак солидарности. Влад снял для них еще один клип, а когда это видео прошло незамеченным, они окончательно канули в безвестность.

Потом настала очередь Ким, когда та устала слушать заявления Галена, что они со страшной скоростью теряют деньги; потом хлопнула дверью Джолин. Ким куда-то исчезла, а Джолин осталась в городе и продолжала работать самостоятельно, берясь за любые заказы. Последним Гален уволил Герштейна, того самого Герштейна, который снимал новости с таким упоением, будто ловил от этого настоящий кайф. И тогда они остались втроем, как в самом начале, но только принадлежали теперь кому-то еще. Гален разгородил склад и сдал большую часть площади в аренду. Так продолжалось еще год, прежде чем наступил настоящий конец.

Странно, но иногда она не могла вспомнить, на что это было похоже. Как если бы этих лет не было вовсе. Если бы не Марк – только так можно было отмерить пройденный путь.

Делай видео и надейся на лучшее.

Ну, конечно. Делай видео. То есть, так, как *им* надо. Она снова оглядела яму. Здесь можно снимать рекламу, всякие игровые ролики, или самой играть в стильные игры, но рок-н-роллом тут и не пахнет. Господи. Мы даже рок-н-ролл умудрились упаковать в симпатичную чистенькую коробочку и превратить в бизнес; пусть все превратится в бизнес, может, и она тогда сойдет с ума в этой своей симпатичной чистенькой коробочке.

Да повзрослеешь ты когда-нибудь, наконец?

Тут, может быть, Ударник и прав, но в остальном она не собирается с ним соглашаться, по крайней мере, до тех пор, пока не выяснит все до конца. Если уж сдаваться, нужно точно знать – кому. И она вправе так поступить, Марк должен понять это лучше прочих.

Делай видео и надейся на лучшее. Ну что, сыграем? Сможешь лучше, любовничек? Не сегодня.

* * *

Едва она вышла в коридор, как дверь напротив распахнулась, и Джина столкнулась нос к носу с перцем, которого сбила с ног утром. Он застыл на месте, словно ожидая от нее нового удара. А может, наоборот, хотел вызвать ее на драку, отыграться. По его виду – не похоже, но точно никогда не скажешь. Предложить, что ли, ему дать сдачи?

А, может, наоборот, уложить его снова, чтоб не пялился.

– Что-то надо?

Он молча покачал головой. Лицо его довольно сильно распухло, а на щеке красовалось три или четыре квадратика пластыря телесного цвета.

– Ты в курсе, что от этой дряни можно закосеть? – спросила она.

Он непонимающе заморгал, а Джина постучала себя пальцем по щеке.

– Вещества накапливаются в кровеносной системе, и ты улетаешь. Будь осторожен, глупость тоже накапливается.

Теперь вот задумался, наверное, пытается сообразить, закосел или нет. Нелегко жить, если в этом не разбираешься.

– Погоди! – крикнул он ей вслед.

Джина повернулась к нему без всякого интереса.

– Да?

– Я вот думал… – Он прошел немного по коридору в ее направлении и прикоснулся к своему пострадавшему лицу. – Я все думал, за что вы меня ударили.

– По ошибке, ясно? Стоял на дороге.

– Ясно. – Он пожал плечами. – Но тогда почему вы хотели ударить того, другого? И зачем вообще кого-то бить?

– Тебе так важно узнать?

– Я подумал, что если уж мне не суждено получить извинения, то, может быть, я заслужил объяснение?

Джина рассмеялась.

– А не слишком ли многого ты хочешь? Что ж, парень, продолжай в том же духе. Кто знает, глядишь, и упадет твой бутерброд маслом вверх.

У него был такой вид, будто он понял. Черт, может и понял. Джина направилась к лифтам.

Глава 12

– В том, что ты хороший работник, – сказал Мэнни, положив ладонь на крышку подноса с едой, стоящего перед ним на столе, – никто не сомневается. И никогда не сомневался. Ты делаешь очень хорошую рекламу; проблема только в том, что ты делаешь ее недостаточно.

Сидевший напротив него Гейб уперся взглядом в крышку своего подноса. Когда Мэнни говорил, есть было не положено. Вначале Мэнни должен был изложить причины, побудившие его омрачить свой обеденный час беседой с подчиненным. Ле Блан однажды предложила превратить ланч с Риверой в олимпийский вид спорта: *«Своего рода биатлон: сначала проверяется, какую степень мучений ты способен вынести, а потом – сколько пищи удастся поглотить в его присутствии, прежде чем тебя вырвет. Верно? Без этого нам ни за что не прожить, верно?»*

Гейбу пришлось прижать палец к поврежденной щеке, чтобы удержаться от совершенно неуместного в данных обстоятельствах смеха. *Будь осторожен, глупость тоже накапливается.* Он попробовал сесть поудобнее и нечаянно прижал щеку еще больнее.

– Достаточно войти в статистические файлы – любой сразу увидит, что на те задания, которые ты все же сдаешь, у тебя уходит слишком много времени.

Мэнни уставился на него не мигая, в ожидании ответа.

– Я постараюсь набрать темп, – удалось выговорить Гейбу, губы едва шевелились. Собственный голос звучал странно, словно издалека или так, как бывает, когда говоришь за своего персонажа в формате «стань кем хочешь».

– Гейб. Одного старания недостаточно. – Медленно, с деланной укоризной покачал головой Мэнни.

«Переигрывает, как плохой актер в пошлом фарсе», – подумал Гейб; ситуация казалась все менее реальной. Только вот боль в щеке запульсировала с новой силой.

– Тебе просто придется сделать это до конца квартала, прежде чем итоговые цифры будут направлены Команде Наверху. Причем, практически можно гарантировать, когда они сопоставят время, потраченное на выполнение заданий, с количеством завершенных работ, то сразу заговорят о необходимости полной

персональной проверки. Сюда входят все материалы в памяти системы, на чипах и других носителях. Им надо будет предъявить все без исключения, они подвергнут проверке на обоснованность все до единого заказы и запросы, сделанные тобой за последние два года. Придется отчитаться как о завершенных проектах, так и о фрагментах, буквально обо всем.

Мэнни немного помолчал, давая собеседнику переварить сказанное, но Гейб теперь мог думать только о запахе пищи, источаемом стоящим перед ним подносом. Просто желудок выворачивает. Он вынул еще один пластырь из кармана рубашки и прилепил к щеке. Через несколько мгновений пульсирующая боль чуть улеглась, зато запах пищи показался еще более тошнотворным. «Наверное, из-за жира, на котором это жарилось», – возникла непроизвольная мысль. *Будь осторожен, глупость тоже накапливается.*

– И если ты надеешься все «потерять», то советую тебе передумать. – Мэнни наклонился вперед, опираясь на расставленные по обеим сторонам подноса локти. – С учетом твоей низкой производительности пустые закрома будут выглядеть весьма подозрительно. Может зародиться подозрение, что ты втайне занимался каким-то посторонним проектом. Думаю, не стоит говорить о том, что случится, если они решат, что ты использовал оборудование корпорации в личных целях. – Серьезное выражение лица Мэнни вдруг переменилось. – Все ли у тебя в порядке в личной жизни?

Гейб поморщился. Что он может ответить? *«Если по порядку, то сегодня утром от меня ушла жена, а когда я явился на работу, меня одним ударом свалила с ног совершенно незнакомая женщина. Теперь на меня оказали наркотическое действие обезболивающие, которые не должны были так подействовать, и в результате я слегка поглупел. Или вас интересует что-то еще?»*

Тут до него дошло, что молчание после вопроса Мэнни несколько затянулось, и он ответил, пожав плечами:

– У всех есть проблемы.

– Да, конечно, – сказал Мэнни. – Но не думаю, что тебе понравится работать в условиях персональной проверки. Каждая минута будет отслеживаться. Даже на стадии первых набросков они постоянно будут следить за тобой в режиме онлайн. Большинство людей не способны заниматься творческой работой в таком режиме, а Команда Наверху еще будет ждать от тебя повышения производительности труда. Пойми, они не берут в расчет психологию творческой личности. Поэтому на плечи самой этой творческой личности ложится обязанность приспосабливать свои индивидуальные особенности под требования работы, чтобы

сохранить в себе достаточно творческого импульса для игры по их правилам.

Игры. На поверхность сознания всплыл «Дом охотников за головами», отвлекая и без того рассеянное внимание. Вероятно, стараясь заглушить боль, он использовал слишком много этих пластырей. Именно от этого и предостерегала та женщина, которая его ударила. Слегка поглупел? Да, она была права, глупость действительно накапливается. Как сказала бы Марли: *«Слегка поглупел, вертун? По мне – так об тебя явно обломали здоровенную дубинку глупости».*

По удивленному взгляду Мэнни он понял, что улыбается. И поспешно скривил улыбку в болезненную гримасу, притронувшись к щеке.

– Клуни сказал, что тебя ударила Джина Айеси. Это так? – спросил Мэнни, положив ладонь на крышку подноса.

– По недоразумению, – сказал Гейб. – Все вышло по глупому недоразумению.

– Понятно, – сказал Мэнни, покручивая пальцами ручку на крышке подноса. – Но я надеюсь, ты со всей серьезностью отнесешься к моим словам, Гейб? Мне бы совсем не хотелось, чтобы один из наших лучших сотрудников, так долго проработавший в компании, попал в затруднительное положение.

Тут он замолк. Гейб ждал чего-то вроде совета обратиться в медчасть и проконсультироваться, не стоит ли ему подумать об имплантатах для усиления внимания. Но вместо этого Мэнни поднял, наконец, крышку подноса, чем сигнализировал начало собственно трапезы.

Гейб последовал его примеру и застыл, сидя со своей онемевшей распухшей челюстью и тупо глядя на свиную отбивную с картофельным пюре, кукурузой на початке и аккуратной горкой нарезанных соломкой сельдерея и моркови.

– А, – сказал Мэнни. – Прямо с кухни для руководства. Диета «Открой пищу заново» – единственная еда, в которую по-настоящему можно, так сказать, вонзить зубы.

Он одарил Гейба сердечной улыбкой, взял нож и вилку и принялся отрезать себе кусочек отбивной.

* * *

Громилы, поджидавшие в темном проулке – если это был действительно проулок, – выскочили оттуда, как свирепые машины с единственным заданием – *убивать*. Программа руководила его ответными действиями. Так он, по крайней мере,

не испортит записанных па в общей хореографии; виртукостюм тоже старался компенсировать его вялость. Но и здесь была заметна некоторая ограниченность вариантов.

Может быть, подумал он, наблюдая, как Карите удалось сразить часть нападавших парализующими выстрелами из ее переделанной камеры, все дело в обезболивании, поэтому иллюзия присутствия нарушается. Он слишком хорошо чувствовал, как сенсоры играют на его нервных окончаниях, подергивают и пощипывают, имитируя получение и нанесение ударов, хотя последних, конечно, насчитывалось больше. Программа не была настроена на мазохизм.

«Ну и ладно», – промелькнуло в голове в тот момент, когда его кулак попал прямо в лоб сумеречной фигуре. За прошедшие пару часов он приноровился действовать чуть лучше. Лицо по-прежнему пульсировало под видеошлемом, но ощущение это словно находилось от него на некотором расстоянии, и боли почти не чувствовалось; во всяком случае, она ощущалась гораздо меньше, чем та резкая волна, которую сенсоры пустили после удара от костяшек пальцев вверх по руке. Должен же ты тоже что-то ощущать при ударах, в конце концов, хотя программа и делает из тебя этакого крутого парня – после самого сногсшибательного удара можно сразу встряхнуться и двинуться дальше. Как Марли: краем глаза он заметил, как ее кулак врезался громиле в солнечное сплетение, отчего тот согнулся, а она смогла добавить ему коленом в лицо. Громила свалился, но в тот же миг сбоку кинулся другой, пытаясь впечатать Марли в стенку. На секунду оба упали, но уже в следующее мгновение и этот нападающий полетел назад, размахивая руками. Гейб ступил ему навстречу и вырубил ударом карате по шее – вышло неплохо.

Марли отсалютовала этому подвигу, но тут же на ее лице отразилась тревога. Прежде чем она успела крикнуть, он уже шагнул вправо и быстро скрутил убийцу, собиравшегося напасть на него сзади. После чего обернулся, чтобы посмотреть, как дела у Кариты.

Она потешно старалась вырвать свою камеру у бандита. Тот высоко поднял руки с трофеем, и пока девушка пыталась ударить его в пах, он, пританцовывая, пятился от нее. Гейб хотел помочь, но успел сделать только один шаг, как мимо него пронеслась Марли. Она налетела на громилу сбоку, и все повалились на землю; обе девушки оказались сверху. Гейб сделал еще один шаг в их направлении и огляделся.

Проулок снова опустел, там валялся только какой-то мусор. Виртукостюм послушно воспроизвел ощущение холодного ветерка и мурашек по коже. Он посмотрел вглубь полутемного

прохода, стараясь разглядеть, не скрывается ли там еще один нападающий. Точно он сказать не мог – действовал сценарий случайного выбора. Потом осторожно повернулся в сторону Марли с Каритой, которые продолжали молотить бандита, и тут вдруг остро ощутил чье-то присутствие: совсем рядом, у своего левого локтя. Ну конечно, еще один, из серии «только думаешь, что уже все, и получаешь кулаком в морду». Гейб весь подобрался, лицо уже заранее пронзила боль. Сенсоры видеошлема имели более ограниченный диапазон воздействия по сравнению с виртукостюмом, но вряд ли он вытерпит теперь даже слабую имитацию удара в лицо.

Он резко обернулся, выбросив вперед сжатую в кулак руку – и встретил пустоту. С поднятыми вверх кулаками, готовый обрушить их на любого врага, он повернулся в другую сторону, но и там никого не оказалось, хотя ощущение чужого присутствия не ослабло. Челюсть болезненно пульсировала в ожидании удара.

– Наконец-то мы одни, – сказала Марли, посмотрев сначала вправо, потом влево. Место, где они с Каритой только что молотили бандита, тоже опустело.

– Голограмма, только более ощутимая, – уверенно сказала Карита, отряхиваясь. Она подняла камеру и внимательно осмотрела, не пострадала ли. – Воздействие прямо на мозг. Наверно, просканировав нашу сетчатку при входе, на основе анализа полученных длин волн они составили код, дающий прямой вход в подсознание.

– Ненавижу, – сказала Марли. – Просто ненавижу, когда они используют твой собственный мозг против тебя таким образом. Если бы у нас хватило смекалки пройти это место с закрытыми глазами, никто бы нас и пальцем не тронул, но стоит увидеть хотя бы одного, иллюзия фиксируется, после этого закрывать глаза уже бесполезно – приходится драться.

– Сама ходи по темным переулкам с закрытыми глазами, если хочешь, – сказала Карита. – Они наверняка приготовили нам еще что-нибудь посущественнее.

– Вполне возможно, – сказала Марли, потирая костяшки пальцев, – но я терпеть не могу доставлять им удовольствие, нанося себе травмы, да еще освобождая их от необходимости биться с нами.

– Хочешь честной драки – иди в бокс. – Карита двинулась дальше по проулку, Марли – за ней, махнув Гейбу идти следом.

Он быстро оглянулся, и тут обнаружил его: странное пятно размером с десятицентовую монетку, на самой границе бокового зрения. «Наверное, сбой в программе», – с раздражением подумал он.

– Эй, вертун! – позвала Марли откуда-то из темноты впереди. – Идешь? Или ждешь, пока за тобой явится дежурная медсестра, отведет тебя в палату и уложит на койку?

Дефект переместился, обогнул Гейба и остановился справа от него. Гейб успел повернуться к нему, чтобы заметить, как пятно быстро уменьшилось, будто двигалось по проулку за Марли и Каритой. Всю правую сторону лица, от нижней челюсти до виска, пронзила острая боль. Он дернулся и машинально потянулся рукой к щеке. Рука натолкнулась на внешнюю поверхность видеошлема, отчего иллюзия разрушилась совершенно.

– Ох… Встретимся позже, – крикнул он девушкам вслед. – Отсоединиться.

* * *

Он уже собирался положить сохраненную программу в сейф под столом, когда ему вдруг пришло в голову проверить статус безопасности системы.

Все было в норме, не зарегистрировано никакого вторжения, что, впрочем, ничего не значило. В компьютерный век практически все знали, что программы взлома регулярно преодолевают любые сторожевые ухищрения. Но Гейб все же решил, что это воображение играет с ним дурные шутки. Слишком накачан химией, чтобы сконцентрироваться на программе, от каждой тени шарахается. Будто Мэнни способен за ним так шпионить. Так хачить могла из всех, кого он знал, только Сэм. Или кто-то из ее друзей.

Но все-таки в программе *был* кто-то чужой. Эта мысль его не оставляла, и он наклонился ближе к консоли, пытаясь собраться и побороть боль, которая отказывалась отступать. Но ничего разумного в голову не приходило. Ни Мэнни, ни кто бы то ни было другой не мог следить за ним без официального разрешения корпорации на применение программы персональной проверки. А без такой специальной программы в систему проникнуть было невозможно. По крайней мере, так предполагалось, официально – для охраны секретности работы каждого сотрудника, а на самом деле – чтобы предотвратить хакерскую деятельность внутри компании.

И все же в программе кто-то *был*, настаивало его сознание. Разумно или нет такое предположение, кто-то или что-то там было. Может быть, взлом совершил какой-то посторонний хакер, и, не обнаружив на консоли Гейба ничего особенно интересного, двинулся изучать систему «Диверсификации» дальше.

Перед внутренним взором вновь появилось то пятно, быстро уменьшающееся вслед за Марли и Каритой. Не тускнеющее или стягивающееся в точку, а удаляющееся. Вдогонку за девушками. Будто они его интересовали намного больше него. Но на этот раз он не оставил программу развиваться дальше без его участия; если пятно обозначало вторгшегося чужака, значит и чужака из нее выбросило по окончании сеанса.

Он вызвал на монитор стандартный бланк заявления о нарушении безопасности, начал его заполнять, но остановился. Если он сообщит о своих подозрениях, то придется приложить копию симуляции, в которую он играл. И вот это-то Мэнни очень заинтересует.

Застонав, он откинулся на спинку стула. Проще застрелиться и больше не мучиться, так решатся все проблемы.

Черт. Допустим, это хакер. Хакер далеко не уйдет, система безопасности «Диверсификации» либо выбросит его наружу, либо прицепит сигнальный маячок, чтобы выследить и арестовать. В любом случае, его это не касается. Даже если этот хакер что-нибудь у него и взял – что ценного он мог нарыть? «Дом охотников за головами» вполне доступен, даже коллекционеров вряд ли заинтересует, а никакой более секретной информацией он не обладал.

Забудь, сказал он себе; странная штука, но ничего она не сделала, и бог с ней. Может, и не повторится больше никогда. Он приклеил еще один пластырь на лицо, а потом другой, но, в конце концов, заполнил бланк отпуска по болезни и отправил его в медчасть. Раз уж он никуда не в состоянии продвинуться, лучше пойти домой и тут не отсвечивать.

Будь осторожен, глупость тоже накапливается.

* * *

Будь осторожен…

Продвигаясь понемногу вперед в своем арендованном авто, он провел рукой по лицу и нахмурился, когда перед ним предстал образ Джины Айеси.

…глупость тоже накапливается.

Если это означало додуматься выехать на улицу Ла Сиенега в пять часов вечера, то она была совершенно права. Господи, когда город признает себя пораженным, выкинет на помойку «Гридлид» и проложит новые линии связи, лучше защищенные и более быстрые? На верхней части экрана навигатора до сих пор светился отрывок незаконно просочившегося через все фильтры

«Гридлид» сообщения: *Почему бы вам не припарковать эту игрушку и не прогуляться? Доктор считает, что вы недостаточно гуля…*

Тот самый Доктор Фиш. Один из героев Сэм. Он покачал головой. Восхищение Сэм всякими изгоями понять было трудно, если вы не встречались с Кэтрин. С такими правильными людьми как Кэтрин шанс встретить неправильных был равен нулю, отчего они казались на порядок лучше.

Он повозился с экраном, продвигаясь понемногу в направлении автострады. При такой скорости он, скорее всего, доберется домой как обычно, к вечеру, даже если скоростные автомагистрали не будут забиты. Надо было остаться на кушетке в медчасти до конца рабочего дня, переждать час пик. Там он мог бы погрузиться в симуляцию, покидая игру лишь ненадолго для принятия обезболивающего, и время прошло бы незаметно. Может быть, когда этих лекарств накопилось бы в его системе достаточно, он даже набрался бы, наконец, сил доделать эту отвратительную рекламу. Бронежилеты защитят вас от всего, кроме – чего? Пробок на дорогах? Хакеров?

Бортовой навигатор пискнул, уведомляя его, что можно проехать по бульвару Олимпик, если он хочет попасть на автостраду Сан-Диего. Гейб включил звук и прослушал то же сообщение, сердечно произнесенное мужским голосом, который затем начал советовать всем участникам движения объезжать Ла Сиенега стороной.

У него ушло десять минут, чтобы перестроиться на нужную для поворота полосу. На перекрестке с Олимпик коп на скутере поворачивал все движение на эту улицу. По замыслу создателей, «Гридлид» должна была освободить полицейских от большей части работы по регулировке движения; Гейб отчетливо прочитал отвращение на лице копа, указавшего ему поворот жезлом.

Он доехал почти до южной границы Вествуда, когда движение вновь застопорилось, а еще через пятнадцать минут «Гридлид» выдала объявление, что из-за высокой насыщенности движения на Олимпик образовалась пробка, поэтому лучше оставаться на бульваре Ла Сиенега, где пробка рассосалась, или попробовать двигаться по бульвару Венеция.

Пригнувшись, Гейб посмотрел сквозь поцарапанный пластик вверх, на небо, ожидая увидеть кружащий там вертолет. Но там ничего не было, даже роскошных воздушных лимузинов, движущихся к Топанге или Малибу. Голос «Гридлид» начал повторять предупреждение о пробке на Олимпик, и Гейб его отключил. Все это было слишком похоже на историю его жизни, и ему меньше всего хотелось, чтобы «Гридлид» тыкала его в этот

факт носом.

* * *

Поблизости от зданий студии «XX век Фокс» все встало мертво. «Гридлид», казалось, извиняющимся голосом сообщила, что на пересечении с Сепульведой столкновение с участием многих транспортных средств, будто это произошло по ее вине. Хотя, если принять во внимание стечение обстоятельств, может, так оно и было.

И вот теперь Гейб сидел, шмыгая носом, в дешевом арендованном авто и разглядывал старые здания. Их разбили на отдельные помещения и стали сдавать в аренду художникам под мастерские после того, как студия «XX век Фокс» отчаялась привлечь к себе больший интерес названием, измененным на «XXI век Фокс». Возможно, им стоило переименоваться в «Фокс» плюс что-нибудь более долгоиграющее. Гейб застал эти места, когда они уже использовались только как мастерские; краткий период в самом начале своей незадавшейся карьеры в «Диверсификации» и еще более неудачного брака, он тут провел несколько счастливых часов, деля мастерскую с другой начинающей художницей. Покинув студию, он потерял всякие следы Консуэлы, но с удивлением увидел, что на указателе при входе она все еще числилась в списке арендаторов.

Когда колонны машин двинулись дальше, он импульсивно повернул руль и заехал на парковку перед домом. Судя по указателю, Консуэла переехала в более просторную мастерскую, что означало, у нее все в порядке, пусть ее имя особенно и не гремело. Правду сказать, специально он за ее творчеством не следил. Более того, отказавшись от мастерской, Гейб вполне сознательно избегал любых новостей из мира искусства.

Консуэла занимала теперь одну из верхних комнат в самом большом здании. К своему удивлению, Гейб не заметил ни сигнализации, ни охранников у входа. Нужно было просто зайти внутрь, подняться по лестнице и нажать на маленькую светящуюся панель рядом с дверью. У панели он помедлил. Там, вместо обычной надписи «Позвони и войди» красовалось «Заходи, если отважишься».

«Должно быть, Консуэла чувствует себя довольно уверенно», – подумал он, на мгновение усомнившись в своей решимости. Но все же нажал на панель, после чего дверь бесшумно распахнулась.

Он шагнул внутрь и очутился в подводном царстве.

Со дна поднимались длинные узкие ленты водорослей,

окрашенных в неоново-яркие цвета; они медленно колыхались и освещали полутьму вокруг себя холодным свечением. Гейб подождал, пока дверь захлопнется, и сделал следующий шаг. Ступня ощутила под светлым податливым песком океанского дна более плотный, обычный пол, но внешне иллюзия была полной. Значит, Консуэла достигла настоящего успеха и дела у нее шли не просто хорошо, а *очень* хорошо, раз она могла позволить себе проектор, дающий такое качество – только у очень больших и богатых корпораций типа «Диверсификации» были подобные.

На вершину камня, доходившего Гейбу до пояса, вскарабкался светящийся осьминог пурпурного цвета и уставился на него, грациозно шевеля щупальцами; из сумрака сверху выплыла большая шипастая рыба и приблизилась с величественностью дирижабля.

– Что тебе нужно? – спросила его рыба женским контральто с едва заметным акцентом, который он, оказывается, еще помнил.

– Привет, Консуэла, – отозвался он. – Это я, Гейб Людовик.

Рыба вильнула хвостом и умчалась прочь в облаке сверкающих пузырьков. Гейб спокойно ждал: Консуэла всегда была склонна к причудам. Может, в этом и крылась разница между ним и художниками, достигавшими настоящего успеха: в степени причудливости, необычности. Его показатели в этом отношении всегда были довольно средними.

Вода замерцала и перед ним по широкой дуге наверх проплыла серебристая акула, ее мускулистое тело влажно поблескивало. В челюстях акула сжимала смятые розы.

– Мы едва знали друг друга, – сказала акула голосом Консуэлы.

– А ты выплыла, – сказал он, следя за акулой, сжимающей над ним свои круги.

– Мне иногда хотелось узнать, что с тобой сталось. – Акула ринулась прямо на него и перед самым лицом отвернула наверх. Одна из роз опустилась у его ног. – Подними ее.

Гейб присел и сомкнул пальцы вокруг иллюзии стебля. Шип от розы исчез в подушечке большого пальца. Он поднял руку, роза поднялась вместе с ней, как если бы он действительно держал ее.

– Здорово у тебя выходит, Кон.

– Это еще что. – Смятые лепестки раскрылись, и внутри Гейб увидел женское лицо. – Смотри, что дальше будет.

Из того места, где шип вонзился в палец, заструилась кровь. Безболезненные раны. «Не лучше бескровной боли», – подумал он с некоторым отвращением, ойкнув.

Лицо с благородными чертами лица в центре розы не

выглядело самодовольным, у Консуэлы всегда хватало внутреннего достоинства, чтобы не опускаться до этого.

– Не ожидала увидеть тебя снова. Так что же, черт побери, с тобой произошло на самом деле?

– Не знаю, – ответил он. – Всякое.

– И разное? – Улыбка придала ее лицу напористости. Она и раньше была напористой. Что-то его всегда немного пугало в Консуэле, вот как сейчас, когда нереальный шип заставил течь нереальную кровь из его пальца. Все, что она делала, было направлено только на ее работу, в чем она мало отличалась от Кэтрин; может, именно это его в ней и пугало. Только Кэтрин целеустремленность вывела на многомиллионные сделки с недвижимостью, а Консуэлу…

Гейб поднялся на ноги и двинулся дальше, осматриваясь. Потолок исчезал в сумраке наверху, там сейчас проплывала стайка рыбок, которые согласно выделывали фигуры какого-то танца с резкими поворотами, на короткое время оставляя за собой угловатый светящийся след. Пурпурный осьминог по-прежнему нежился на скале, наблюдая за Гейбом таким осмысленным взглядом, что тому даже стало неловко. Одно из длинных щупалец поднялось и поманило его к себе. Гейб медленно подошел к скале; атмосфера подводного царства затягивала его. Причем нельзя сказать, что это было неприятно.

– Значит, ты сдался, так? – сказал осьминог.

Гейб пожал плечами, положив розу на ладонь. Трудно было поддерживать иллюзию, что он держит цветок, не глядя на него.

– Может быть, я просто трезво оценил свои способности. Реально, так сказать, – он обвел жестом все вокруг. – Такое свыше моих сил. Хотя, чтобы клепать рекламу, подобного мастерства и не требуется.

– Чушь. Потребовалось бы, если все делать как надо. Они прекрасно клюют, если долгое время делать все как следует.

– У меня никогда не было твоего напора, Кон.

– Был, просто ты никогда не включал мотор на полную мощность. Сам знаешь. – Осьминог мигнул и свернул на минутку щупальца, показав поблескивавшие на нижней части присоски. – А почему надумал сейчас прийти?

– Оказался в этих краях и решил заглянуть.

– Застрял в пробке на Олимпик?

Он рассмеялся.

– Каким чудом тебе удалось собрать такую среду?

– Понемножку, Гейб. На это ушли годы.

– Но разве нельзя работать с обычным видеошлемом?

– Недостаточно объема. В целом мире не хватает объема.

Кабы не так – к чему творить новые миры, вроде этого?

Мимо него проплыл скат, размахивая хлыстоподобным хвостом, а за скатом потянулась колышущаяся масса медуз всевозможных цветов и размеров. Гейб инстинктивно пригнулся, когда одна из них задела его плечо своим длинным щупальцем. Колючки на конце высекли сноп искр. Еще одно изобретение Консуэлы.

– А ты собираешься выложить это в сеть? – спросил он.

– Все *и так* в сети, кто постарается, может отыскать.

– Как ты живешь? То есть, что ты делаешь за деньги?

– Сплю с благотворителями.

– То есть?

Она от всей души расхохоталась, грудным смехом оперной дивы.

– Послушай, все не так плохо. Ведь все мы любим искусство. – Она снова рассмеялась. – Помнишь, как мы делили мастерскую там, внизу? Конечно, помнишь, раз пришел сюда. Хотя тогда ты очень редко здесь задерживался.

– Расходы, – сказал он. – Никак не мог заработать достаточно, чтобы оплатить хотя бы половину мастерской, где я бы просто сидел, уставившись в пространство. – Он снова огляделся и покачал головой. – Кэтрин была права.

– Она от тебя еще не ушла?

Гейб ошарашено поглядел на осьминога и кивнул.

– Как раз сегодня.

– Надумаешь в следующий раз спать с кем-нибудь, выбери мецената.

Он резко втянул воздух, а потом медленно выдохнул.

– Это был чувствительный укол, Кон.

– Так и задумывалось. Послушай, те меценаты, с которыми я сплю, никогда меня не видят. То есть *настоящую* меня. Они даже не знают, как я по-настоящему выгляжу, да им, собственно, все равно. Приходя сюда, они ступают в тот мир, который хотят увидеть, а уж дальше – моя забота. Видеошлема было бы недостаточно. Хотя все мои благотворители пользуются виртукостюмами. Вот за счет этого я и существую. – Осьминог подмигнул. – Вовсе не так уж плохо. Они ведь просто люди. Обычные люди. А ты сейчас задерживаешь одного из них.

– Извини, – сказал он, отступая от скалы. – Я сейчас уйду.

– Не извиняйся. Лучше приходи еще.

Теперь он рассмеялся.

– Не думаю, что ты теперь нуждаешься в товарище по искусству для выплаты аренды, Кон.

– Но, может быть, тебе просто захочется поднять себе

настроение.

Голос теперь доносился из розы. Гейб повернул цветок, чтобы заглянуть в его чашечку. Оттуда на него глянуло спокойное и мудрое лицо Консуэлы.

– Я не могу выступить благотворителем, – неловко ответил он. Прежде он не замечал у Консуэлы ни малейшего к себе интереса. От ее слов ему стало немного не по себе, но они возбудили его любопытство.

– Ты мог бы выступить объектом благотворительности. Или как это там называется.

Гейб выронил розу и направился к двери.

– Я не могу, Консуэла. Просто. – Он пожал плечами, – это не для меня.

– Стой.

Гейб замер, держась за ручку двери.

– Не хочешь приходить сюда, иди хоть *куда-нибудь*. Понимаешь? Двигайся куда-нибудь.

Он молча кивнул и ринулся прочь, захлопнув дверь за собой сильнее, чем следовало, и почти бегом добрался до своего прокатного авто на стоянке.

Чтобы выехать на Олимпик, пришлось обогнуть большую частную машину – возможно, она как раз принадлежала благодетелю Консуэлы, приход которого он задержал.

– Двигайся куда-нибудь, – бормотал он, вписываясь по чуть-чуть в медленно ползущий по Олимпик поток машин. – Куда-нибудь. Само собой, Кон. Если пробка когда-нибудь рассосется, полечу прямиком на Луну.

Глава 13

– Да? – откликнулся Мэнни, вытянувшись, как по команде.

Одетая по-деловому женщина, сидевшая на диване в набитой до отказа людьми гостиной, поднялась со своего места. Она была членом палаты представителей от одного из западных штатов, но Мэнни не мог вспомнить сейчас, какого именно.

– Думаю, вы ожидали этого вопроса, поэтому я его сейчас задам, чтобы быстрее с ним покончить. – Она озарила всех профессиональной блистательной улыбкой. – Мне представляется, что данной процедурой, как вы ее называете, весьма легко злоупотребить. Какие меры предосторожности вами предусмотрены?

Мэнни одарил ее в ответ не менее блистательной улыбкой.

– Надеюсь, вы извините меня, но ответ на этот вопрос лежит, так сказать, в сфере юридической.

Все в комнате рассмеялись.

– Именно так, – сказала представитель, сложив руки на груди. – Поэтому, вероятно стоит переформулировать вопрос. Зачем настаивать на легализации процедуры, которой столь легко злоупотребить? И почему вы считаете, что американскому народу вообще захочется, с учетом подобной опасности, связываться с ней?

– Я верю, что люди имеют право на выбор, – незамедлительно ответил Мэнни, что снова вызвало одобрительный смех. – Мы не просим, чтобы процедура законодательно была объявлена обязательной – только допустимой. Когда имплантаты впервые стали доступны для терапевтического применения при эпилепсии, маниакально-депрессивном психозе, аутизме и прочих неврологических нарушениях, многие, как я припоминаю, выражали опасения, что в данной сфере возможны злоупотребления. Как мы все теперь знаем, случаи злоумышленного использования встречаются. В Америке, да и во всем мире, нет ни одного крупного города, где не было бы нескольких клиник-благоделен, которые снабжают безответственных граждан «кнопками» для достижения нирваны и имплантируют свои выключатели просто слабохарактерным людям. Тем не менее, не думаю, что кто-либо лишит страдающего маниакально-депрессивным психозом возможности нормально

жить и эффективно работать без лекарств, которые действуют лишь кратковременно или имеют нежелательные побочные эффекты. Не думаю также, что вы откажете во втором шансе получившему травму мозга в дорожной катастрофе…

Он продолжал в том же духе, видя, что Мириш из Команды Наверху улыбается и благосклонно кивает ему. Мириш, Великий Серый Босс, с серебрящимися сединой волосами и подобранном им в тон серебристом костюме. Миришу казалось, что Ривере не под силу выступить перед собранием сенаторов, членов палаты представителей Конгресса и других шишек. Но это оказался настоящий звездный час Мэнни.

Неизвестно, удовлетворил ли женщину-представителя его ответ, но выслушав еще несколько сотен слов из его уст, она села на место без дальнейших вопросов.

В левой стороне комнаты пожилой мужчина с заросшим бакенбардами лицом поднял не допускающим возражения жестом палец и встал, не дожидаясь приглашения.

– Допустим, мы легализуем вашу процедуру. Но вы ведь не предлагаете ее проводить на *детях школьного возраста*?

Мэнни слегка наклонил голову.

– Кажется, я уже упоминал, что, за исключением случаев органических повреждений, аутизма, склонности к припадкам или дислексии, процедура предназначена только для лиц, достигших полного физического развития.

Мэнни обвел взглядом комнату и кивнул элегантной чернокожей даме, прежде чем мужчина с бакенбардами успел сказать что-либо еще.

– Вы упомянули свободу выбора, – сказала она. – Однако, всем нам известно, что эта свобода зачастую иллюзорна. Вы сообщили нам, что прямой ввод в мозг даст более яркие образы, чем способен воспроизвести даже видеошлем. Не таится ли здесь опасность того, что людям будут в буквальном смысле вкладывать в голову некие идеи, *программировать* их?

– Именно это я и пыталась уточнить! – воскликнула первая женщина. – Мне кажется, что возможность злоупотребления данной процедурой способна перевесить ее положительные качества.

Теперь все воззрились на него выжидающе, Мириш перестал улыбаться. *А теперь смотрите, ваша Серость.*

– Вполне возможно, – медленно проговорил Мэнни, – но исследования доктора Джослин выявили ряд весьма интересных фактов, касающихся сигналов, поступающих в мозг и исходящих из него. Гораздо легче получить исходящий сигнал, чем что-либо послать в мозг. Иными словами, гораздо проще выразить то, что у

тебя внутри, чем научиться чему-либо – это хорошо известно любому из вас, у кого есть дети.

Снова одобрительный вежливый смех. Лицо Мириша тоже потеплело.

– На самом деле, доктор Джослин изучала возможность применения гнезд в целях мгновенного обучения – чтобы люди в мгновение ока становились врачами, к примеру, или же адвокатами. Мгновенными политиками… – Снова смех. – Мгновенными архитекторами, нейрохирургами и так далее. Но, похоже, люди учатся в процессе деятельности. Такой скороспелый нейрохирург, к примеру, все равно не смог бы оперировать – у него не было бы опыта. Доктор Джослин специально подчеркнула, что через гнезда невозможно обрести опыт. Кроме этого, возникает проблема передающей среды. Выходящий сигнал конкретного мозга человека можно записать и сохранить на различных носителях информации, применяемых в настоящее время. «Вкладывать людям в голову некие идеи» можно было бы, скорее всего, только напрямую соединив два мозга через гнезда.

Женщина встревожилась еще больше.

– А это осуществимо? – спросила она.

– В настоящее время – нет, – сказал он. – Возможно, стоит сделать оговорку в законе против подобного применения в будущем.

Неуверенный смех. Прямо перед ним поднялась с места пожилая женщина восточного вида.

– Почему вы решили инициировать свой великий прорыв, как вы его называете, применив свою процедуру как более эффективное средство для производства рок-видео?

Все зааплодировали, а громче всех пожилой джентльмен из заднего ряда, который крикнул: «Хороший вопрос!». Мэнни оглянулся на бар, где молча стоял со стаканом в руке Ударник, и подождал, пока все не замолчат. Лицо Мириша окаменело. «Погоди, – подумал Мэнни, – я еще обойду тебя в Команде Наверху».

– Нас интересует не столько более эффективное производство рок-видео, сколько конкретный человек, занимающийся этим. В профессиональных кругах он известен как Видео-Марк, и у него, по сообщению доктора Джослин, гипертрофирована зрительная зона коры головного мозга – то есть чрезмерно развита, до такой степени, что ему не составит никакого труда проецировать вовне любые образы, возникающие у него в мозгу. У нас есть также другой возможный кандидат, хотя о его мозге известно меньше. Возможно, позднее нам удастся найти человека, обладающего более возвышенной профессией, но в настоящее время

представляется предпочтительным не искать таланты, а работать с тем, кого мы уже обнаружили, – тут Мэнни вставил небольшой смешок. – Что же до рок-видео – это его сфера профессиональной деятельности. Видео-Марк – доброволец, если это кого-то интересует, что является дополнительным очком в его пользу. Вероятно, мы могли бы отыскать другого человека в иной области, обладающего еще более выраженными способностями к визуализации, но нет никакой гарантии, что он согласился бы добровольно принять участие в нашей работе.

Тур вопросов длился еще минут двадцать, после чего Мириш поднялся и объявил, что пора закончить презентацию, иначе совсем не останется времени на развлечения. Эти слова снискали самые бурные аплодисменты. «Обещай что угодно, лишь бы в конце вечеринка была», – подумал Мэнни, с облегчением уступая место ведущего Миришу. Усталость подкатила еще до начала тура вопросов и ответов, но это вряд ли кто заметил. Железный самоконтроль не подвел его и на этот раз.

Хотя он чуть не потерял его, к своему неудовольствию увидев сегодня в одном из кресел вертолета на крыше здания «Диверсификации» Ударника. Но перелет был быстрым, а Ударник не проявил желания беседовать, так же, как и он сам.

Теперь этот Ударник стоял у стойки бара и мрачно на него глядел. Ударник. Ну разве подобное имя подходит мужчине пятидесяти с лишним лет? Одного этого уже достаточно, чтобы понять, что за типы вся эта шайка из «Ай-Трэкс». Этот вот хотя бы ведет себя прилично. Но стоит ему что-то выкинуть, Команда Наверху тут же возложит всю ответственность на Мэнни, и все выгоды, завоеванные инициативой по приобретению «Ай-Трэкс», пойдут коту под хвост.

«Наверное, они догадываются, как мне это удалось», – думал Мэнни, наблюдая за Деспре, младшим партнером Команды Наверху, который обхаживал Бэль Кирни из Комиссии по контролю над пищевыми, лекарственными и программными продуктами. Никто ни о чем не спрашивал, когда он представил им отчет об исследованиях Джослин вместе с информацией о финансовом состоянии Хола Галена, а также планом приобретения «Ай-Трэкс» путем ложной угрозы захвата «Диверсификацией» компании «Хол Гален Энтерпрайзиз» целиком. Изобретенные Джослин гнезда не вполне соответствовали прежнему направлению специализации «Диверсификации», но об этом также никто не проронил ни звука. Шанс есть шанс, и даже такой легковес как Мириш, сейчас оглянувшийся, чтобы улыбнуться Деспре и Кирни, – и тот понимал, что дело крупное.

В самом худшем случае презентация даст Команде Наверху повод потусоваться с выдающимися людьми, а более выигрышного варианта для них и, соответственно, для собственной карьеры Мэнни, вряд ли мог бы придумать. Если честно, у него большая часть этих так называемых «выдающихся» особого уважения не вызвала: они напомнили ему служащих «Диверсификации» довольно распространенного типа. Кроме того, ему представлялось важным, что довольно у многих из них были имплантаты, о чем он вежливо умолчал в своем вступительном слове. Все утверждали, что имплантаты помогали концентрации внимания и укрепляли память, но Мэнни подозревал, что среди гостей находилось несколько страдающих маниакально-депрессивным психозом на «поводке», пара-тройка шизофреников и один настоящий социопат на ингибиторах.

Только одна женщина из палаты представителей открыто признала, что имплантаты помогали ей против эпилепсии, вызванной нарушениями в височной доле. Но среди присутствующих сегодня ее не было. Сочли, что столь прямодушный человек, скорее всего, не купится на фирменную показную щедрость «Диверсификации».

А когда речь заходила о щедрости, Команда Наверху была абсолютно непоколебима. Любители попировать на халяву не получали ничего, все прочие должны были уточнить свои пожелания. Никто обычно не возражал, такие правила всех устраивали.

Он принял от бармена бокал с напитком и держал его как реквизит, даже не пригубив. Скоро надо будет принять стабилизирующую дозу стимулятора, на котором он сегодня сидел весь день. Если точнее, с самого возвращения из Мехико. Возня с хитроумным хакером сбила ему весь график, пришлось возмещать время, потраченное на подготовку сегодняшней презентации, за счет ночного сна. Повышение деловой эффективности химическим путем.

Деспре подошел к бармену за добавкой, учтиво кивнув Мэнни. С Кирни теперь беседовал Мириш, но по виду Деспре было ясно, что ему не понравилось, когда его оттеснили. Этот выскочка, скорее всего, даже не знал, что Мириш и Кирни вместе учились в Гарварде. Университетские связи были по-прежнему в ходу. «Даже такие старомодные», – подумал он, окинув взглядом костюм Кирни. Интересно, когда портной сжалится над ней и вернет воротники ее пиджакам? Очевидно, блюстители закона из Комиссии по пищевым, лекарственным и программным продуктам не особенно следят за модой. Настолько их интересуют всякие отклонения.

Мэнни удивился ходу собственных мыслей и отнес его к побочным эффектам стимулятора. Передоз, как выражаются те, кто постоянно на них сидит. Если придется посидеть на них еще немного – глядишь и сам заделаешься таким же, а прохождение процедуры детоксикации отнюдь не благотворно скажется на его дальнейшей карьере. Команде Наверху лучше не показывать своих слабых сторон.

Подрулил Тим Чанг и пустил свой стакан по стойке к бармену, желая получить новую порцию приторного ликера, который поглощал чуть ли не литрами. Чанг лучезарно улыбнулся Мэнни. Он занимал примерно равное с ним положение в отделе развлечений, осуществляя надзор за сотрудниками, шлифующими новые голливудские фильмы. Формально рок-видео должно было попасть под юрисдикцию Чанга, но тот был достаточно сообразителен, чтобы понять – после того, как «Диверсификация» обнародует процедуру, проект будет развиваться под новой шапкой, большой шапкой, которой, скорее всего, наградят Риверу. Чанг тоже был легковесом, но, по крайней мере, достаточно разумным, чтобы подчиниться неизбежному. А каждому растущему руководителю необходим хороший осведомитель.

– …образование – конек сенатора, – говорил Чанг.

Высокая женщина в смокинге и с копной рыжевато-золотистых волос подошла к Чангу и взяла его под руку.

– Я – всецело за образование, – сказала она. – Особенно когда узнаешь столько нового и интересного, как сегодня.

– Рэйна! – воскликнул Чанг, просто источая восхищение. – Я так рад, что ты смогла прийти. Мэнни, ты помнишь Рэйну Коппертуэйт из «Пара-Версал»?

Женщина крепко пожала Ривере руку, глянув прямо в глаза. Мэнни подумал, что смокинг делает ее похожей на бармена, но все же улыбнулся Коппертуэйт в ответ. Он не помнил, приглашали ли кого-то с киностудий – стоит такой информации просочиться раньше времени, профсоюзы тут же поднимут шум, хотя Старый Голливуд явно доживал последние дни. Все больше территории в кинобизнесе захватывали симуляции, благодаря чему прибыли таких как Коппертуэйт только росли. Если дело когда-нибудь дойдет до производства не только антуража и спецэффектов, но и абсолютно всех персонажей для всех фильмов, Голливуд так тряхнет, что и Большой Толчок покажется обычной икотой. А по виду Коппертуэйт можно было с уверенностью сказать, что она всячески будет к этому стремиться.

В самом начале презентации он упомянул о такой возможности, не развивая свою мысль дальше; прямой интерфейс

с мозгом, несомненно, делал ее осуществимее. Стоит внимательно следить за развитием событий, иначе – кто знает, Рэйна Коппертуэйт и ей подобные могут решить, что им выгоднее самим развивать у себя новые методики, вместо того чтобы передавать фильмы для окончательной отделки фирмам вроде «Диверсификации». Вполне могут. И вообще, такое применение методики может оказаться для человека, стремящегося к росту, куда более многообещающим, чем старая корпоративная игра, и более прибыльным и перспективным, чем контролировать тут таких ничтожеств, как Гейб Людовик, и терпеть лесть присосок вроде Бергена Клуни.

Они обменялись парой любезностей, потом Коппертуэйт потащила Чанга знакомить ее с кем-то еще. К бару подошел Мириш взять еще один напиток и выразить Мэнни благодарность за успешно выполненную задачу.

– А о старом сенаторе Большие Баки не беспокойся, – добавил Мириш, прежде чем вернуться к своему занятию по окучиванию гостей. – Фразочка о детях школьного возраста – чисто кодовая, означающая «дай-дай-дай-дай».

«Ну, это уж не моя забота», – подумал Мэнни, понимающе улыбнувшись в ответ. Мириш отчалил, чтобы тут же заговорить с очередным элегантно одетым сенатором, и Мэнни прислонился к стойке бара, вдруг почувствовав, что его энергия полностью иссякла. Явно опоздал принять стабилизатор.

Он было нащупал в кармане ингалятор, когда бокал вдруг выскользнул из его пальцев и упал на ковер, картинно расплескавшись во все стороны. От неожиданности он даже не сообразил, что предпринять, и стоял столбом, пока материализовавшаяся словно ниоткуда обслуга занималась уборкой. В мгновение ока все было убрано, и только тогда он заметил, что руки у него дрожат. Быстро оглядевшись, он убедился, что на это маленькое происшествие никто не обратил внимания. Успокоенный, Мэнни направился в туалет.

– Мистер Ривера.

От движущейся голограммы олимпийского гимнаста к нему шагнул высокий мужчина. Мэнни встретил его вежливой улыбкой; туалет все равно пока был занят. Мужчина взял Риверу за руку и энергично ее потряс.

– Поздравляю с весьма успешной, просто зачаровывающей презентацией.

– Я рад, что вам понравилось.

– Этого я не говорил. Я назвал ее зачаровывающей. – Лицо мужчины выражало оживление, но глаза оставались холодно-внимательными. – Вы ведь меня не знаете, не так ли?

Мэнни страстно захотелось прислониться к стене или хотя бы опереться о спинку стула.

– Простите. Если мы и встречались, я как-то не при…

– Только мельком и довольно давно. Это мне следовало бы извиниться. Эдвард Таммеус. Сенатор от штата Мичиган. – Он отошел на шаг назад, достал из кармана трубку и небольшой мешочек. – Повторюсь: своей презентацией вы всех просто зачаровали. Ну и жуткую же штучку вы придумали.

Мэнни затаил дыхание.

– Вот как. Интересно, что же такого жуткого вы увидели в средстве мгновенного излечения нарушений работы мозга? – Стоило ему произнести эти слова, как он тут же пожалел, что они прозвучали оборонительно. С такого рода людьми оборонительная позиция никогда ни к чему хорошему не приводила.

– Не станете же вы убеждать меня, мистер Ривера, что предприняли свои усилия исключительно ради того, чтобы помочь несчастным детишкам, страдающим дислексией?

«Да он просто смеется надо мной!» – подумал Мэнни с яростью. Но буквально через секунду вновь овладел собой. Нет, сенатор смеялся не над ним, его сарказм был адресован вовсе не его персоне. Мишенью была Команда Наверху, компания в целом, а Мэнни был выбран как нечто, символизирующее их вместе взятых.

– Собственно, у проекта существует целый ряд коммерческих аспектов, – сказал Мэнни. – Я бы сформулировал текущие задачи так: оживление рынка рок-видео послужит основой финансирования проектов с более благородными задачами.

– Большинству лиц с расстройствами можно оказать помощь уже сейчас, через имплантацию, – сказал сенатор, стряхивая лишний табак в кисет и пряча его в карман.

– А гнезда способны помочь им всем, – сказал Мэнни.

– Почему вы в этом так уверены?

– Обоснование этого вопроса относится уже сугубо к научно-практической части, а все наши лучшие специалисты в настоящее время находятся в Мексике, где оборудован новый центр. – Мэнни слегка пожал плечами. – Они смогли бы объяснить лучше меня…

– Я бы хотел с ними побеседовать. – Сенатор глянул на него поверх пламени зажигалки.

Мэнни чувствовал, что дрожь от кончиков пальцев ползет вверх по рукам. Еще чуть-чуть – и он сорвется. Если сенатор задержит его еще на несколько минут, придется принимать большую дозу и не спать следующую ночь.

– Да, я именно *прошу* вас организовать мне встречу, –

добавил сенатор, будто Мэнни ему что-то ответил.

– Конечно, – быстро откликнулся Мэнни. – Сообщите, когда вам будет удобно…

– Вам позвонят из моего офиса. Жуткую, жуткую штучку вы придумали, и я хочу разузнать о ней все, что смогу.

Он выдохнул облачко голубоватого дыма, которое поднялось над его головой. Кругом распространился медовый аромат.

– Понятно, – сказал Мэнни. – Это вам необходимо, чтобы голосовать на основе полной информации.

– О, я уже решил, как буду голосовать. – Сенатор заглянул в чашечку трубки и снова затянулся. – Тут вам нечего беспокоиться, я проголосую за легализацию процедуры, хотя, скорее всего, все пройдет и не совсем гладко. Да, штучка жуткая, пожалуй, самая кошмарная за последнее время. Возможно, сатанинская. Если бы я думал, что способен остановить распространение, я бы проголосовал против.

«Безумцы повсюду, – подумал Мэнни. – Интересно, что он такое курит?». А вслух сказал:

– Простите, сенатор, но боюсь, что не понял вас. Вы за легализацию, но остановили бы распространение, если бы смогли?

– Именно так. Что тут непонятного?

Мэнни опустил глаза, изобразив на лице немного виноватую улыбку.

– День сегодня у меня был слишком длинный, наверное, усталость дает о себе знать.

– Понимаете, мистер Ривера, все уже вышло из-под контроля. – Сенатор направил трубку в его сторону; конец чубука влажно поблескивал. – Дело сделано, и никто не волен это отменить. Как в начале атомного века. Нельзя запихнуть все обратно в ящик и пообещать Пандоре прийти попозже, когда мы созреем, так сказать… – Сенатор пожал плечами, – в *моральном* отношении, как принято было говорить прежде. Поэтому, если уж нельзя изменить непоправимое, то лучше поставить его под более четкий контроль.

Все уже вышло из-под контроля. Эта мысль будто озвучилась гнусавым голоском Джослин. Мэнни моргнул. Неужели сенатор действительно использовал выражение «в моральном отношении»?

– Именно это я и собираюсь говорить своим более норовистым коллегам, по крайней мере, – продолжал сенатор. – Не удивлюсь, если этот аргумент склонит их в вашу пользу. Чудная идея: отложить использование до достижения моральной зрелости, не правда ли? – Он рассмеялся. – У всех делаются такие

лица, когда я употребляю это слово – *мораль*. У него на редкость плохой имидж, в основном благодаря деятельности ряда групп, что за последние несколько десятков лет пытались всеми правдами и неправдами продавить угодные им решения. – Он еще раз затянулся и помолчал немного, задержав дым в легких. – Но конфессия, к которой я принадлежал с самого детства, воспитала меня на таких принципах: не пользоваться ничем, пока не обретешь достаточно четкой моральной ответственности. Это казалось чертовски верной идеей. Но позже выяснилось, что, с точки зрения церкви, нашей ответственности хватает лишь на самые примитивные вещи.

Мэнни сжал челюсти, чтобы не зевнуть, и поглядел на дверь, ведущую в туалет. Все еще закрыта. Видимо, не он один тут крутится на заемном запасе энергии.

– Очевидно, полезнее было бы оказаться достаточно, гм – аморальным, чтобы манипулировать самому, вместо того чтобы дозволять манипулировать собой. – Сенатор достал инструмент для прочистки трубки и поковырял им в чашечке. – Значит, «Диверсификация» обеспечит транспорт, проживание и прочее необходимое?

Мэнни кивнул. Все они по-разному выражали свои просьбы. Некоторым это не очень легко давалось, другие всячески старались показать, что ими движут наилучшие мотивы, самые логичные доводы и искреннее желание разобраться получше в происходящем. По мнению Мэнни, однако, конверт с деньгами всегда одинаков – вне зависимости, кому он дается, сенатору или хакеру. Но если кому-то нужны были ритуалы, он с готовностью их выполнял.

Дверь туалета открылась и оттуда вышла, покачиваясь на высоких каблуках, одна из представительниц Комиссии, на лице которой читалось явное облегчение. Мэнни слегка поклонился сенатору.

– Простите.

Он еле сдержался, чтобы не ринуться в туалетную комнату бегом и не захлопнуть, а только прикрыть за собой дверь. Пять минут он возился с ингалятором и еще пять приходил в себя, готовясь к следующему раунду.

Снаружи его поджидал Ударник.

Глава 14

Предполагалось, что ей бы уже пора обвыкнуться.

Предполагалось, что она должна была принять к сведению все сказанное Ударником, оставить Марка в покое, делать видео и надеяться на лучшее. Надеяться на лучшее. Болтовня хренова. Пообщаться с Ударником больше не удавалось: он постоянно был недоступен, совещался с Риверой при закрытых дверях, был занят, занят и снова занят, а Марку она не могла задать никаких вопросов, потому что его опять куда-то увезли.

Сама виновата. Не стоило откровенничать с Ударником. Он тут же пошел к Ривере, и по мановению корпоративной волшебной палочки единственный человек, который мог бы ответить на все ее вопросы, исчез.

Но она все равно искала Марка, на тот случай, если он специально избегал встречи с ней, чтобы не получить взбучку. За последние несколько лет поиски Марка стали для нее образом жизни. Собственно, ничего больше она толком не умела – только искать Марка и делать видео, хотя и видео почему-то в его отсутствие делать становилось труднее.

«Да гори оно все синим пламенем», – думала она, бродя по бульварам, по клубам, хотя бы раз за вечер заезжая на Мимозу и всматриваясь в толпы тусовщиков. На кой ей это сдалось, пусть Марк сам подойдет и поведает, что, по его мнению, ей следует знать. За двадцать лет она имела право, в конце концов, просто устать. Но, думая так, она все равно продолжала поиски.

– Не, не видала его, – сказала маленькая барабанщица группы «Шею в петлю», пристукивая палочками по столу. Вечер был ничем не выдающимся в долгой череде таких же в безымянном голливудском барчике, старавшемся продержаться за счет живой музыки на фоне видеостены. На крошечном танцевальном пятачке – не протолкнуться от девиц, всяческих позеров и видиотов, испытавших вдруг импульсивное желание оторваться от экрана и куда-то выбраться; парочка ребят с мини-видеокамерами стремились отснять материал, чтобы потом кустарно смонтировать его на каком-нибудь самопальном железе. А после с жадностью созерцать свое творение на одном из общественных каналов, которые почти никто не смотрит.

Маленькую барабанщицу звали Флавия Нечто. Одевалась она

как пещерная женщина с талонов на льготную покупку продуктов и никуда без своих палочек не ходила. Будто сами собой, они отбили целую серию различных ритмов, нимало не сбиваясь на звучавший со сцены. Все мелодии «Шею в петлю» строились на задаваемом барабанщицей ритме.

– Когда снимешь нас снова? – спросила Флавия. – Приезжай к нам, снимать видео на нашей территории. Пусть на это уйдет сколько угодно времени, но давай договоримся – ты с нами работаешь, о'кей?

– А я думала, вы договорились с Марком, – сказала Джина, отпивая большой глоток из стоящей перед ней бутылки «Страны лотоса». Стоило поставить бутылку, как Флавия побарабанила и по ней, а потом еще раз – словно наслаждаясь извлекаемым звуком. Можно подумать, она что-то слышала за грохотом трэша.

– Я ж говорила, что не видела его. Не могу сниматься на видео с человеком-невидимкой. – Флавия с несколько преувеличенной энергией мотнула головой, причем ее палочки ни на секунду не останавливались. Не так давно Флавия уложила Марка в постель, с собой и со всеми своими палочками. Джина это помнила, и Флавия помнила, а вот Марк – нет.

Паренек в какой-то рвани и пластиковой накидке кинулся вниз на толпу танцующих – приемчик с бородой. Хриплоголосый вокалист группы еще и дал ему сзади пинка. Паренек рывками погрузился в толпу танцующих и вновь был выброшен на поверхность, после чего задергался там как разозленный кенгуру. На лбу юнца красовался отпечаток чьего-то каблука.

– Нарождающийся новый искусник, – пробормотала Джина про себя.

Флавия постучала палочкой прямо перед ней:

– Хочешь искусства – искушай смело. Не помню, кто это сказал. Какой-то Винс, что вроде погиб при нападении террористов в Малайзии.

Джина покачала головой.

– Нет, кто-то другой. И умер он, скорее всего, как собака.

Группа закончила свое выступление на апофеозе крика и не без уговоров покинула сцену, а на экране продолжало крутиться видео. Одна из работ Марка. Сознательно решив накачаться, Джина прикончила свою бутылку «Страны лотоса», глядя на небольшой изогнутый экран. Текстура галечного берега озера проступала идеально даже в этом формате.

– Камни, – Флавия скривилась. – Это уже было. Хорошо бы он перестал на них зацикливаться и изобразил что-нибудь другое.

– Добейся принятия нового закона.

Направление движения берегом озера на экране медленно

изменилось, изображение сфокусировалось на гладком красновато-золотистом камушке и толчками стало приближаться: сначала сделалась заметной зернистая поверхность камня, а затем какие-то нечитаемые символы, которые слились в ее сознании с узорами, порождаемыми галлюциногеном «Страны лотоса». Символы метаморфировали, и теперь на экране медленно закувыркались очертания земли, видимой с неба, и облаков, будто забили огромные крылья.

* * *

Группа «Канадейтайм» выдернула ее с гастролей на развалинах южной части Беверли-Хиллз до того, как туда прибыли копы. Вальжан тоже заявил, что не знает, где находится Марк, но помнит ли она, чтобы тот пропустил хоть одну из его вечеринок?

Да кучу, сказала она ему в ответ.

Ну, тогда самые большие, самые громкие?

Да тоже кучу. Но она все же дала им увлечь себя, просто потому что делать в тот вечер особенно было нечего, а о Вальжане было известно, что он иногда извлекал Марка откуда-то из своих многочисленных спален.

Вечеринка не тянула на «одну из самых громких», по ее мнению, но Вальжан, тем не менее, отрядил целую группу операторов снимать все целиком. А глянец наведет позже какой-нибудь поденщик, она этим заниматься не станет; делать клипы для его группы – пожалуйста, но приукрашивать для каналов светской жизни его хреновые вечеринки – нет уж, увольте. Множество людей жадно ловят отблески того мира, куда им никакими усилиями не прорваться. «А правда состоит в том, – подумала она, наблюдая за девицей, приклеившейся к окуляру своей камеры и следующей по пятам за выбранным объектом съемки, словно хищница за добычей, – что никто из нас на такую вечеринку не попадет, и жить так не будет, и вообще ничего этого не существует; реален только инфолайн».

У Вальжана было по экрану для всех порноканалов; эти экраны размещались на одной стене: кулинарное порно накладывалось на медицинское, рядом – катастрофы, секс, военное, техно-фантазийное и еще какое-то порно, определить тематику которого она уже не могла. Вполне вероятно, что и никто не мог; эти каналы окончательно вытеснили из себя все, что не было напоказ и на продажу. Мета-порно? Порно-порно?

Не знаю, что это такое, но меня заводит, остальное неважно.

– А что, собственно, плохого в долбаном порно? – сказал Квилмар. Он принадлежал к разряду самых стойких марафонцев индустрии развлечений. Столько раз сбрасывал по паре лет со своего истинного возраста, что, если все подсчитать, то свой первый сингл он записал в возрасте девяти или даже восьми с половиной лет, а омолаживался и подтягивал кожу до такой степени, что поклонники шутили по поводу его ямочки на подбородке – мол, раньше она была пупком. «Верно, Ударник не так уж был и неправ», – подумала Джина. А Квилмар продолжал разглагольствовать:

– Порно и есть хренов секрет всей долбаной жизни, сестренка. Если что-то нельзя поиметь, и оно не танцует – съешь или выкинь к чертям собачьим. Именно так и устроена эта долбаная вселенная, а я – *венец* этой трахательно-танцевально-пищевой цепочки жизни.

После чего он попытался прижать ее в углу длинной узкой вальжановой кухни, но слегка промахнулся и облапил холодильник, с которым Джина его и оставила. Пусть-ка попытается теперь его выбросить.

– Талант совсем вытесняет кое у кого мозги, – сказала Джолин, на вид только чуть старше нее, но мудрее, полная чувства собственного достоинства. – Черт, ведь это твои слова, *ты* мне так говорила, когда я тебе в первый раз помогала дотащить вырубившегося Марка до дома. Как он теперь переносит корпоративное существование?

Когда она не смогла ответить, Джолин отвела ее на верхний этаж, где Вальжан хранил секретные запасы кислорода, и дала ей немного подышать через маску.

«Наверное, о состоянии наших дел она догадалась по тому, кто мне помогает искать Марка, и по степени, до которой я накачалась», – подумала Джин. Старый добрый O2 помог. Скорее всего, в чистый кислород было подмешано что-то еще. Потом они сидели вдвоем с Джолин на крыше под навесом, держась за руки, и поглядывали в каньон улицы, разверзшийся внизу. Сидели молча, только иногда обмениваясь парой слов. Они и так понимали друг друга.

– Я тут работенкой обзавелась, – сообщила Джолин через некоторое время. Голова Джолин лежала у Джины на плече. Та была завзятой гетеросексуалкой, но Джолин, по ее собственному выражению, любила «оставлять возможность для выбора». И ей было приятно сидеть с подругой, которая спокойно принимала ее желание ласки, вне зависимости от степени свободы ее выбора – неколебимого или свободно склоняющегося по воле преобладающего ветра. – У независимых постановщиков они вне

закона, но хотят легализовать свой бизнес. А все оттого, что так вскорости выгоднее будет. Все прослышали, что в «Ди-Ви» намечается что-то крупное, и готовы проникнуть туда всеми правдами и неправдами. А ты уже там.

– Да, я по уши там завязла.

– Двигай, – вдруг с напором сказала Джолин. – Двигай оттуда. Что они с тобой могут сделать – засадить в долговую тюрьму?

Джина кивнула.

– Формулировка «пренебрежение к суду» тебе что-нибудь говорит? – Она подтянула колени к себе и уперлась в них подбородком. – По обвинению в неуважении к суду вполне можно весь остаток жизни провести за решеткой. Помереть там от старости всего лишь за то, что ответила на вопрос судьи «Нет, на хрен».

– Тебя что-то занесло, девушка. Потерялась совсем.

Джина рассмеялась.

– О, нет. На самом деле, меня как раз отыскали. В том-то и закавыка, меня отыскали и собираются держать на этом крючке. А Марка так хорошо отыскали, что он потерялся навсегда.

* * *

ТЫ – *!

Множество фильмов с тобой в главной роли!

В наличии:

«Рейд на Буэнос-Айрес», «Выпад», «Любовь убивает», «История Бадди Холли»[15] (третий и ЛУЧШИЙ ИЗ ВСЕХ римейк).

И еще 1000 названий, заходи и ИЩИ СЕБЯ!!!

Плюс полный каталог рок-видео!

(Можно взять с собой).

* * *

Она прочитала объявление до конца, а потом вернулась к озадачившей ее первой строчке. Ты – звезда? Она уже слишком закосела или наоборот, недостаточно?

Ты – звезданутый.

Джина кивнула. Точно. Может, в этом заключен тайный код жизни. Ты – звезданутый. Любовь убивает. Третий и лучший из всех римейк.

Плюс полный каталог рок-видео. Сюда попадают умирать все

старые рок-видео, ее собственные, Марка и всех прочих, в салоны «стань кем хочешь» или на канал инфолайна «стань кем хочешь» – для тех, кто мог себе позволить закачивать тонны информации.

Квилмар не совсем правильно выразился. Если что-то нельзя поиметь, и оно не танцует, съешь его, стань им или выкинь на помойку.

Женщина с вплетенными в волосы моточками старинной кинопленки и дугами светящегося серебристого майлара вместо бровей стояла в проеме с завесой из бусин и пыталась заманить к себе в салон похожего на кролика молодого человека во взятом напрокат бронежилете.

– Кто угодно может пообещать сделать тебя звездой, но только мы делаем это по-настоящему, что ты на это скажешь? Кем хочешь стать?

Ниточки майлара у нее на лице танцевали вверх-вниз, бусины занавески постукивали друг о друга, пофыркивал, шуршал и потрескивал поток движения на бульваре.

– Ну, давай, дорогуша, ведь это так просто. Кем хочешь стать? Бадди Холли? Или налетчиком на Буэнос-Айрес, прикончить кого-нибудь и остаться безнаказанным? – Она подтянула повыше рукава своего грязноватого кимоно и взяла его за обе руки. – Давай, парнишка, поделись. Я – голливудская тетушка, которая заварит тебе кофе или что там ты еще привык пить, выслушает все, чем ты захочешь поделиться. И никто нас не поторопит. Только скажи, кем хочешь стать.

Парень как-то воровато оглянулся, будто опасался, что его застукают.

– А виртукостюмы с полным покрытием у вас есть? Совсем полным?

– Дорогуша, откуда ты такой взялся? Конечно, есть, с самым что ни на есть полным, полнее не бывает. Ни одна складочка не будет позабыта, только скажи, кем хочешь стать.

Тот снова оглянулся и тут заметил стоявшую возле объявления Джину. Женщина чуть нахмурила брови, хотя с ее майларом изобразить это было не так легко.

– А эта что, с тобой? – спросила она.

– Н-нет, – довольно неуверенно отозвался «дорогуша». Джина чуть не рассмеялась. Да, она точно могла сказать, кем бы *ему* хотелось стать. Кем угодно, только чтобы был не из его Кулвер-Сити, Инглвуда или другой какой дыры, где он прозябает в трехкомнатной квартирке с подпиской на двухэкранный инфолайн и не знает, куда себя деть, пересмотрев все сериалы, фильмы в обычном и видеоформате. Ему обрыдли чужие вечеринки на экране с высоким разрешением, и он никак не

может взять в толк, отчего не видит этой жизни вокруг себя на улице, или почему все никак не удается обрести виртукостюм с полным покрытием.

Когда хозяйка заведения втянула его таки за свою занавеску, на лице парня боролись два выражения: вызов обстоятельствам и смущение. Бусины закачались, шумно постукивая друг о друга, затем из-за них снова высунулась голова хозяйки.

– А ты, побродяжка, иди гуляй по другой стороне улицы.

Джина показала ей рога и пошла дальше, теперь уже открыто смеясь.

– Чего смешного, побродяжка?

Это ее спросила уже настоящая побродяжка, девица с зелеными волосами, обернутая красным мешком для мусора, на котором несколько раз крупными буквами повторялась надпись «Токсичные отбросы», та же надпись красовалась в виде татуировки у девицы на лбу.

– Радуюсь, что умею танцевать, – сказала Джина.

* * *

В «Лесной лужайке» танцевали все, вне зависимости от того, умели они это делать или нет. Музыка гремела так громко, что копы, должно быть, уснули летаргическим сном, раз не реагировали на то, что здесь творилось. Типичный набег, но Марка не было и тут. Прижав ее к гробнице Либераче[16], какой-то шибздик по имени Декстер с ноутбуком пытался уверить ее, что стоит целого оркестра, а сбоку знакомый тип с камерой старательно делал вид, что не пытается ее снять.

Впрочем, сегодня он был вполне ничего. Подумав так, она услышала в голове собственный сексуальный смешок, – да какого черта, в конце концов, она тоже могла сделать вид, что представления не имеет, что ему от нее нужно, на какое-то время. И все же это было бы только очередное временное пристанище, не более того. Как чужая квартира, где есть все, чего ни пожелаешь, и ничего своего.

– Что новенького? – спросил он, подрулив ближе.

– То есть, о чем шумят?

– Можно и так. Как пожелаешь, – вполне искренне согласился тот.

Она глянула на шибздика, который ожидал решения своей участи.

– Пошел-ка ты, – сказала Джина ему, после чего он гордо удалился, не желая показывать, что ущемлен.

– Вот, значит, как ты попадаешь на ночные заседания суда: специально забираешься в такие местечки, откуда копы наверняка подбросят? – спросила она.

Он улыбнулся, глянув вниз на склон, где разворачивалось основное веселье. Торговля на лотке «солений» шла вовсю; музыканты уже свернули свои синтезаторы и укатили, звуки теперь рвались только из динамиков, но собравшаяся компания отплясывала столь же лихо и под фанеру. Среди группы самых буйных, стремящихся оторваться по полной, пока не подоспели копы, усердно потел давешний то ли Кларенс, то ли Клоп.

– У меня есть кое-что интересное для тебя, – через некоторое время сообщил тип с камерой.

– Ага, если расскажу тебе то, что мне известно, – сказала Джина. – Не суетись, я все равно ни фига не знаю.

Он смерил ее долгим оценивающим взглядом и пожал плечами.

– А если бы знала – сказала бы?

– Я что тебе – «Новости дня» или «На волне поп-культа»?

– Скорее «Дорогая миссис Не Вешай Нос».

Она ухмыльнулась:

– Трах-тибидох.

– Я бы не возражал.

Марк ей как-то сказал: «Стоит им произнести эти слова – считай, они твои. Можешь крутить ими как хочешь». Как он ею; вот только она Марку никогда таких слов не говорила, ни разу.

Помолчали, потом он пожал плечами.

– Взгляни. – Он выставил режим просмотра и передал камеру Джине. Глядя в окуляр, она увидела Марка, сидевшего на пляже: руки упираются сзади в песок, мечтательный взгляд устремлен в небо. – Я снял это утром. Если судить по его состоянию, он, скорее всего, по-прежнему там, с места не сдвинулся.

Джина вернула камеру.

– Спасибо.

На его лице промелькнуло удивление.

– Мне показалось, что ты ищешь именно его. Я кое-что о тебе разузнал. И о нем тоже. Собственно говоря, пытаясь выяснить что-либо об одном из вас, невозможно не зацепить другого. Кстати, просвети, как человек вообще может называться «Ай-и-си»?

– Ай-*е*-си, – поправила она. – Проще, чем ты себе представляешь.

С этими словами она соскочила вниз с последнего места успокоения Либераче и пошла прочь.

– Эй, хочешь подброшу? – крикнул он ей вслед. Джина обернулась и пристально посмотрела на него. – То есть, на

Мимозу. Тебе не стоит садиться за руль.

– А придется, – ухмыльнулась она. – Слишком накачалась, чтобы идти.

Три широких шага – он нагнал ее и довел до ворот. Чувствуя его руку на своей, она знала, что он не будет настаивать, но согласен на любое ее предложение. Секс, наркотики, рок-н-ролл, – конечно, дорогуша, все сразу или в определенной последовательности?

Черт, да она ему в матери годится, если предположить, что она начала еще девчонкой. Почти девчонкой. Ну и что? Она не шла на поводу у моды и не старалась скрыть, что скоро ей стукнет сорок.

Да, собственно, может, дело было вовсе не в ней, а в нем, и только в нем. Извечное журналистское цыганское любопытство. Коготок увязнет – всей птичке пропасть.

Нет. На Мимозе ждал Марк, а меблированных комнат позади было уже слишком много.

* * *

Туда она подоспела как раз вовремя, чтобы заметить наклонившегося над Марком Ударника – вид встревоженный, напомаженные волосы растрепались. Не обращая внимания на свой внешний вид, босс стоял прямо на песке рядом с Марком на коленях – тот теперь лежал навзничь, вглядываясь в таинства ночного неба.

– Сбежал от меня, – сказал Ударник. – Я все старался держать его трезвым. Раз уж ты здесь, помоги мне.

Взгляд Марка медленно скользнул по ней и остановился на лице Джины. «Почему всегда так выходит? – мысленно спросила она у него. – Где ты теперь и что ты там делаешь, когда туда попадаешь? Что я в тебе нашла и почему меня до сих пор к тебе тянет? Не только же из-за музыки или видео».

– Перемена ради машин, – отчетливо сказал Марк.

Ударник подхватил его с одной стороны, она – с другой, после чего удалось поставить Марка на ноги. Цыган-журналист снимал все на видео. Да черт с ним, должен же он получить хоть что-то.

* * *

Они отвезли Марка к Ударнику домой и уложили спать на

кушетке. Впрочем, он и без того уже то ли спал, то ли был без сознания – не разберешь.

– Меня просили держать его трезвым, – сказал Ударник, стягивая с Марка ботинки, – поэтому я сказал ему, что ты зла на него до смерти, и он может пока пожить у меня.

– Сказала бы я тебе «пошел ты на…», но не испытываю столь дружеских чувств.

– Не хотелось упускать его из виду, чтобы он во что-нибудь не вляпался. Ривера уж разок угостил его суперпургеном, повторение было бы излишним.

Джина поморщилась.

– Господи, почему бы им не почистить его железным ершиком? Ведь после их чистки он мог просто не выжить.

Ударник устало кивнул.

– Да. Но, понимаешь, я узнал уже только потом. И вообще, много еще всякого дерьма потом выплыло. – Он подошел к Джине и внимательно посмотрел ей в глаза. – Будешь продолжать в том же духе, Ривера и тебя угостит своим пургеном.

– Что у вас тут такого великого происходит, ради чего Ривере может понадобиться прочистить *меня*?

Ударник молча направился мимо нее в кухонный уголок.

– Что тут у вас происходит, спрашиваю? – крикнула она ему вслед. – Куда я угодила, почему меня собираются тут вывернуть наизнанку, а я даже не знаю, чего ради?

Ударник выглянул из-за перегородки.

– Хочешь кофе?

Под устремленным на него в упор взглядом он отвел глаза.

– Может, мне стоило дать тебе самой позаботиться о нем.

Голова снова исчезла за перегородкой, послышалось звяканье – он возился с кофейником. Надо же, этот сукин сын и вправду затеялся там с кофе. Джина подошла к кухоньке и встала там, сложив руки на груди. Кофеварка на кухонной стойке шипела и пузырилась, пока кипяток просачивался через сеточку и пакет с кофе в кофейник. Напитки из серии «Открой пищу заново». Умереть не встать.

– В твоей первой собственной квартире, тогда, в Бостоне, была настоящая кухня, со столом и стульями, – сказала она. – Я помню.

– Это была не первая моя квартира. Я сменил уже несколько ко времени нашей первой встречи. Но во всех были настоящие кухни, это верно.

Он вгляделся Джине в лицо.

– Это выпивка так действует, или ты уже утомилась, что такая спокойная?

– Может, старею. – Она потерла глаза тыльной стороной кисти. – Что из того. Ну как, будешь теперь рассказывать, какое потом дерьмо выплыло?

– Не могу. Пока.

– А почему, черт тебя дери?

– Потому что это не мои секреты, все ясно?

– Нет, не все, с чего бы мне все стало ясно?

Ударник провел рукой по своим полуприглаженным волосам, поморщился.

– Господи, сколько же лет прошло? Неужели ты думаешь, что я позволю кому-то теперь причинить ему вред?

– Галену нет до него никакого дела. Ривере тоже. А для проклятущей Джослин, наверное, и Дахау[17] сошел бы за *курорт*.

– Дело не в этом, – с укором сказал Ударник. – Что бы ты себе ни думала, дело в другом.

– Благодарю за прозрачный намек. – Она стянула с себя рубаху. – А кофе никакого я не хочу.

И направилась в спальню, сбрасывая по дороге одежду.

– Джина!

Она остановилась в дверях и оглянулась.

– Тебе бы лучше появиться завтра на работе. Уже три дня тебя там не было. А видео надо делать.

– Поцелуй меня сам знаешь куда, – пробормотала она. Раздевшись до майки и трусов, она улеглась на кровать Ударника. Через некоторое время и он лег рядом. Старо как мир: жизнь – переменчивая штука, поэтому важно хорошо выспаться. Проснувшись через несколько часов, она обнаружила, что Марк снова исчез.

Глава 15

В маленькой Розиной квартирке они постоянно спотыкались о лежащее на полу тело Джоунза, но спрятать его или хотя бы передвинуть было решительно некуда. «Человеческие тела под ногами – как мы достигли такой вершины цивилизации?» – подумала Сэм.

– Мне надо держаться от него подальше, – сказала Сэм Розе. – Я просто боюсь, что начну пинать это тело и не смогу остановиться, пока от него не останется кровавое месиво.

– Как несправедлива жизнь, – заметила Роза. – Тебе дорог Кили, а он эту кучу мусора любит.

– Кили для меня как брат, которого у меня никогда не было, – коротко ответила Сэм.

Но, что ни говори, здорово оказаться снова среди своих. Роза делилась с ней перепадавшими заказами – в основном трудоемкой работой по калибровке автоматических реестровых программ, изготовлению калек с программы «Додж-М», которая работала быстрее и надежнее фирменного обводного цикла «Ди-Ви» и вдобавок была в несколько раз дешевле, а также шифрованием данных для заказчиков, избегавших вопросов относительно причин, почему им вдруг такая услуга понадобилась. Вырученного хватало на жизнь. К тому же, здорово было снова подключиться к сети, спрашивать у «Автоответчика Доктора Фиша», не нарыл ли кто чего-нибудь интересненького за последние несколько часов, наблюдать, какие новые психи появились в киберпространстве, а какие из старых окончательно сдвинулись. Можно забежать к Фецу – узнать, не раскусил ли он, наконец, послание Кили.

Но Фецу, похоже, лучше удавалась программа перевода на китайский для Адриана. Самой-то ей казалось, как и Розе, что «Говорящий текст» не так уж и плох. Она порой и сама пользовалась этой опцией, когда хотела иллюзии общения. Но Фец был непоколебим в своем решении обеспечить мальчика возможностью читать; впрочем, и тот был не прочь научиться. Ну и ладно – ее это не касается. Пока, по крайней мере.

Правда, до возвращения из озаркского похода ей бы и в голову не могло прийти, что ее может как-то коснуться состояние Джоунза.

* * *

– Как он может так существовать? – спрашивала Сэм. – Каким образом его организм выдерживает это? У него, должно быть, все внутри уже разрушилось.

– А черт его знает, – мрачно ответила Роза, сжимая руль тесного авто обеими руками. Потом поглядела на экран навигатора, прикрученный к панели управления, и вдруг резко повернула вправо.

– Он не постоянно в коме, просто много спит. Обычным сном. Люди, страдающие депрессией, часто так делают: спят, как будто скоро кто-то запретит им это, и они стараются выспаться про запас. Но сегодня ночью он даже вставал.

– Правда? Должно быть, я сама спала мертвым сном.

Роза снова резко вывернула руль – теперь влево, и Сэм кинуло об дверцу.

– Прости. «ГридЛид» предупреждает о пробке, попробуем объехать. – Она обогнула гладкий вытянутый корпус туристического автобуса, явно сбившегося с маршрута, и вклинилась в промежуток между ним и старомодным лимузином, едва не задев его бампер. – Свинские транжиры! Кого они хотят тут поразить? Да, он встал ночью, выпил все молоко, проверил свою почту, немного побродил и снова улегся. Я бы встала, но сама была очень сонная. Думаю, он ожил уже довольно давно.

– Не знаю, по мне так мертвее не бывает, – возразила Сэм. – Ему бы только косу в руки – от смерти не отличишь.

Роза вдавила педаль тормоза в пол и с досадой хлопнула рукой по рулю.

– Проклятье, все же вляпались. Пробка. – И, щелкнув по дисплею, добавила: – У-у, гридлидина проклятущая.

Сэм высунулась в окно.

– Пробка небольшая. Минут через десять выедем.

– Кого ты успокаиваешь? Никак не меньше двадцати тут прокантуемся. Чертова «ГридЛид» так нашпигована вирусами, что они когда-нибудь начнут ею заправлять. Кстати, кто знает, может тогда она заработает более эффективно. – Роза выставила локоть в окно и легла щекой на свой кулак. – Разбуди, когда рассосется.

– Погоди, не спи. Давай я тебя развлеку. Послушай, а что еще известно о той программе, через которую Фец прогоняет файлы Кили?

– Только то, что я уже говорила. – Роза вздохнула и провела пальцем по баранке. – Это своего рода гипер-утилита, встроенная в систему искусственного интеллекта.

– С определенными свойствами вирусов, напоминающими

действие «Доктора Фиша»?

– Именно.

– Ты и вправду хочешь уморить меня такими россказнями, пока я не стану мертвее Джоунза?

Роза устало посмотрела на нее.

– Понимаешь, у меня был забот полон рот с добыванием в сети всех этих заданий, которые нас кормят и позволяют платить вымогательскую цену за жилье, которую принято называть арендной платой, в промежутках проверяя, не совсем ли окоченел наш домашний мертвяк и не значится ли Кили в списках уклоняющихся от задержания или задержанных, а мы – в списке его разыскиваемых сообщников. Хочешь правду – вот, как на духу: не знаю *я*, *что* это за хрень. Не знаю, где Фец ее раздобыл, и как она работает. Это программа. Типа вируса. И искусственный интеллект. Назови, как хочешь – мятной пастилкой, взбитыми сливками. Величайшим изобретением всех времен и народов с тех пор, как выучились зубную пасту нарезать тонкими ломтиками.

Сэм пожала плечами.

– Господи, просто скажи, что ты по этому поводу думаешь.

– Что, так вот сразу и выдать? Прости, я на взводе. Видала я и как людей упекали за решетку, и как они скрывались, чтобы их не заловили, сама пару раз линяла, когда выдавали ордер на мой арест, поэтому не собираюсь ждать, когда топор обрушится на мою шею.

– Но мы ведь еще не знаем в точности…

– А я знаю, – твердо сказала Роза. – Если бы Кили не сцапали, мы бы от него весточку уже получили, и Джоунз бы не загромождал нам пол. Если они так плотно прикрыли крышку, что я даже не могу отыскать его имя в официальных регистрационных списках правонарушителей, нас с тобой уж точно ожидает такая черная дыра, откуда выбраться будет трудненько.

– Значит, сидеть тише воды, ниже травы, – сказала Сэм.

– Вот-вот, будь я проклята.

Тут машины, наконец, сдвинулись с места, и девушки устремились в Восточный Голливуд.

* * *

Феца они застали на пороге, когда тот с Адрианом выходил из дома.

– Идем к врачу, – объяснил Фец. – Для Адриана крайне важно

регулярно консультироваться у невролога. Как для несовершеннолетнего с нарушениями деятельности головного мозга, каким он числится.

– Под такую категорию подпадает большинство хакеров в городе и почти все на Мимозе, – сказала Роза. – Без обид, – добавила она и бросила Фецу карточку-ключ от своего арендованного авто. – Возьми. А то там снова на стоянке очередь выстроилась.

Но тот бросил карточку ей обратно.

– Я не вожу машину.

– Это я знаю, – ответила Роза и посмотрела на Адриана.

– Несовершеннолетний с нарушениями деятельности головного мозга, – печально сказал тот. – Поэтому прав нет.

– Хорошо, я вас отвезу, – сказала Роза. – И не спорьте. Если соберетесь ехать на автобусе, то по возвращении как раз можно будет праздновать наступление адриановой гражданской зрелости. Но в авто четверым не поместиться.

Фец передал полоску ключа от входной двери Сэм.

– Затеешь хачить Пентагон – не оставляй следов.

Она открыла дверь и плюхнулась в комнате на диван. Это ж надо, ему удается ускользать всякий раз, когда ей необходимо срочно что-то выяснить об этой программе. «Со свойствами вируса» – что это могло означать? И почему на обработку данных Кили ушло уже несколько дней?

С другой стороны, замечательно было оказаться одной в квартире. В последний раз она оставалась наедине с собой в Озарках – оказывается, ей не хватало именно уединения.

Кэтрин, постоянно порицавшая ее за что-нибудь, никогда не укоряла за стремление побыть одной. По характеру Кэтрин была куда нелюдимее, и Сэм всегда недоумевала, как матери вообще пришло в голову выйти замуж. А уж за такого как Гейб – вообще непостижимо.

Не то чтобы отец был душа нараспашку. Он часами торчал один на своей отвратительной работе, которую сам не переваривал. Может, правда, дело было в этой самой его работе…

К черту. Когда у тебя в запасе не больше двух часов, ни к чему заводить старую шарманку и портить все дело. Помнится, она оставила у Феца в столе пару чипов с набросками новых игр. Можно пока побаловаться, пособирать их дальше.

Но стоило ей потянуться к кнопке питания, как вдруг один из экранов включился сам собой.

ЗАПРОШЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПОСТУПИЛА

(ДОКТОР ПРИНИМАЕТ)

Сэм медленно села, не дотрагиваясь больше до консоли, и стала ждать продолжения.

* * *

На экране бушевала гроза в полном, не сдерживаемом никем великолепии на просторе канзасской прерии с ее распахнутыми горизонтами. Почти никаких прикрас, только добавлено чуть больше контраста клонящимся травам и клубящимся облакам. И, пожалуй, молнии немного другие. Бьют сериями, для вящего эффекта. Пожалуй, лучшая из всех виденных им пейзажных последовательностей, поэтому Гейб и решил вставить ее в игру, хотя и не был уверен, хорошо ли она впишется в сценарий «Охотников за головами». Но программа позволяла добавлять антураж, поэтому, устав от духоты и болотной сырости сюжета вуду, он решительно вставил понравившийся отрывок. Пока программного конфликта не наблюдалось, но даже если возникнет, всегда можно изъять добавленные сцены.

Странное искажение, с того самого эпизода во Французском квартале возникавшее перед ним то тут, то там, теперь пропало. Гейб внимательно разглядывал амбар, где они с Марли и Каритой укрылись от дождя, ожидая обнаружить где-нибудь темное пятно, но, по всей видимости, дело было в каком-то дефекте изначального видеоряда игры «Охотники за головами». Сразу отлегло от сердца: он-то уже опасался, что слишком перегрузил систему введением Марли и Кариты.

Коротко проворчал гром и вдруг обрушился оглушительным ударом, потрясшим весь амбар.

– Вот это да, просто *prima*, – сказала Марли с поста наблюдения, выбранного ею у одного из распахнутых окон. Холодный ветер отбрасывал гриву ее волос назад, девушка с наслаждением наклонилась ему навстречу, прислонив оружие к брикету сена, на котором сидела. – Приличные грозы в Мексиканском заливе редко встречаются. Ураганы – регулярно, а вот гроз маловато. По крайней мере, таких шикарных.

Гейб присел рядом с ней на брикет сена. Вдали было видно, как хлещут на ветру ветви большого дерева.

– Эй, – позвала Карита с сеновала. – Наверху чисто и сухо. Можем провести здесь ночь.

– Вы действительно собираетесь здесь так надолго

задержаться? – изо всех сил крикнул ей Гейб, чтобы его услышали на фоне громовых раскатов.

Карита спустилась к ним по приставной лестнице, ружье было закинуто за спину, а камера болталась на локте.

– Если не хочешь снаружи искать встречи с теми, кто с удовольствием похоронит нас в этих полях. Не соблюдая осторожность, мы живенько станем тут удобрением для озимой пшеницы.

– Сюда они не осмелятся сунуться, – уверенно заявила Марли. – Слишком открытая местность. Их издалека будет видно, как на ладони. А в такую погоду никто не осмелится поднимать в воздух вертолеты. Эй, привет. – Она поднесла руку к лицу, и Гейб увидел, что на тыльной стороне кисти у нее уселся, уцепившись передними лапками за костяшку большого пальца, огромный кузнечик изумрудно-зеленого цвета. Снова раскат грома и ослепительно-белая вспышка молнии, отразившаяся в блестящих, отливающих медью глазах кузнечика.

– Вот это я считаю настоящей страстью, – сказала Карита, становясь на колени на соседний брикет сена. Гейб улыбнулся про себя: виртукостюм без покрытия генитальной области заставлял и его считать гром и молнии вершиной страсти.

Следующий раскат не затихал долго. Амбар снова содрогнулся, а дерево на фоне колышущегося травяного моря, казалось, вытянуло все свои ветви вверх, и прямо в него ударила короткая мощная молния. Посыпались искры, Гейбу на мгновение показалось, что дерево взорвалось, но ствол остался стоять. Карита принялась поглаживать ему плечи легкими, но уверенными движениями.

Марли положила руку на грубо оструганный подоконник, не прогоняя кузнечика. «Странные глаза у него, – подумал Гейб. – Слишком блестящие для настоящего кузнечика. Интересно, он входит в дополнительный движущийся антураж или просто наложен сверху? На предварительном сканировании его точно не было». Выпуклые линзы глаз кузнечика отражали, с некоторым искажением, их лица – Марли, его собственное и Кариты.

Марли повернула голову и посмотрела на Гейба. Молнии теперь вспыхивали беззвучно – и снаружи, и отражением в выпуклых двойных зеркалах глаз кузнечика.

– Что ты там видишь? – спросила она.

– Ту жизнь, которой мне не жить, – ответил он. Собственные слова прозвучали странно. Даже непонятно, что могло его побудить произнести их. Гейба вдруг потянуло ко сну, разбираться дальше расхотелось. Карита продолжала массировать его плечи, кузнечик – смотреть своими странными глазами.

Снаружи полил дождь, и в его шуме потонули все прочие звуки. Даже голос Марли стал почти неразличим, хотя Гейб понимал, что она продолжает задавать какие-то вопросы, уточняя, что он имел в виду, и даже отвечал ей, хотя в сознании ничего не регистрировалось, будто это происходило во сне. Все казалось неважным.

Прошло какое-то время, и он осознал, что дождь прекратился, а он по-прежнему сидит у окна, теперь уже один.

– Марли? Карита?

Те высунули улыбающиеся физиономии с сеновала.

– Иди к нам, вертун, – сказала Марли, поманив его пальцем. На тыльной стороне кисти виднелось изумрудно-зеленое пятно. Раздавила того кузнечика? Или это сбой в программе, отправившей свое порождение восвояси?

Усилием воли он отмахнулся от этих мыслей и начал взбираться по лесенке наверх.

* * *

Когда Ривера похлопал его по плечу, он дернулся. Но тот, казалось, и не заметил, настолько был поглощен стараниями соблюсти точно отмеренную ширину улыбки. «Будто повелитель, которому не подобает выказывать эмоции перед слугами», – подумал Кили с горечью. У него было до того дерьмово на душе – хуже не бывает. *Эй ты, парень, ты-ты, с членом в руке*, поприветствуй зрителей программы «Новости со всего мира», вы будете гвоздем этого часа – ты и твой член.

Но поделать он тут ничего не мог. Тут главный был Ривера, а если начальнику вдруг вздумалось подсмотреть за одним из своих подчиненных, то кто он, собственно, такой, чтобы возражать? Да и кто бы ему поверил?

– Мне нужно две копии этой записи, – жизнерадостно потребовал Ривера, придвигая свой стул ближе к консоли.

Кили послушно задал повторное копирование и поднялся со своего места.

– Не возражаете, если я пойду отолью?

На тебя, поганец этакий.

Мэнни мотнул головой в сторону двери.

– Надеюсь, ты уже успел разведать, где туалет.

– Да, конечно.

Я бы, правда, предпочел сходить в другой, на противоположной стороне улицы, если не возражаешь. Ах, ты против? Жаль, не выгорело.

Если тому перцу, за которым он сейчас подсматривал, приходится работать на Риверу чуть не каждый божий день, немудрено, что он норовит забыться со своими воображаемыми друзьями. Господи Иисусе.

Дверь в туалет запиралась. А вот окон там не было. Он мог тут справить нужду или покончить с собой. По желанию. Узнаваемая картинка?

Первая онлайн-встреча с исправительным комитетом должна состояться через месяц. Ну, предположим, даже решится он им сообщить, что «Диверсификация» заставляет его шпионить за сотрудниками, взламывать их персональные системы и следить за ходом работы?

Попытайся-попытайся. Если он хотя бы еще лично перед ними отчитывался, то, может, и сумел бы довести дело до суда. Но «Ди-Ви» не выпустит такую информацию отсюда, не допустит, чтобы он обвинил Риверу даже на словах – они просто отключат канал на полуслове, извинятся за «технические проблемы» и восстановят связь минут через двадцать, когда он уже будет идиотски улыбаться в пропитанной наркотиком одежде, черт бы ее подрал.

Чего суетиться? Через месяц это уже станет неважно. Вовсю заработает заведение в Мексике, да и в Штатах недалеко будет уже до легализации всей процедуры. «Диверсификация», похоже, куда более вездесуща, чем даже Доктор Фиш.

Кили понюхал воротничок рубашки. Предательского запаха свежести давно не ощущалось – ну да, иначе как бы он смог проникать в систему…

«Теперь снова можно в нее проникнуть», – мелькнуло у него в голове. Найти еще какой-нибудь периферийный элемент, войти с тем перцем в контакт и выдать ему всю историю, без утайки, а потом попросить позвонить…

Кому? Сэм? Фецу? *Джоунзу*? Что они могут предпринять? Только сами попадутся. Может, просто дать этому перцу понять, что за ним следят – эй, ты, с членом в руке! Он вернулся в гостиную, где Ривера веселился, снова пустив запись. Чересчур, причем, веселился – может, боссов своих Ривера и мог обмануть, но ему было ясно видно, что тот уже не первый день сидит на стимуляторах. Трудится во имя осуществления своего большого проекта. А может, Ривера вообще считал, что паранойя не вредит продвижению по службе.

Ривера остановил действие на экране и откинулся на спинку стула, барабаня пальцами по бедру.

– Можешь ли ты каким-либо образом без него активировать игровые эпизоды? Хочу проверить, во что еще он играл.

С языка чуть было не сорвалось: «Да, все они в энергозависимой памяти его персональной системы», но Кили вовремя спохватился.

– Нет, к сожалению. Может, кто-то другой бы и смог, но ваша система безопасности стянута крепче, чем крысиная задница. Проникнуть мне удается только через базу данных, которую он добавил к симуляции, да и тут надо быть предельно точным, не допуская задержки и на долю секунды. Чтобы подгадать свой вход на момент до приема дополнительного антуража основной программой. Как было с этой грозой. Потому что до включения в симуляцию подобные элементы технически не являются ее частью. Они находятся в доступной и другим сотрудникам области хранения.

Ривера задумчиво кивнул.

– Значит, прочие сотрудники тоже могут это сделать.

– Если умеют. Это не так легко осуществить, даже зная нужные команды. Не каждый может стать хакером.

Кили тут же стало стыдно за невольно прозвучавшую в его словах гордость. В данный момент гордиться ему было абсолютно нечем.

– А как насчет энергозависимой памяти персональных систем? – спросил Ривера. – Ведь она является лишь частью общей области хранения данных.

Кили охватил гнев.

– А не являются ли такие действия слегка противоправными?

Улыбка, которой Ривера его одарил, выглядела на удивление добродушной.

– Если у тебя вдруг возникло желание порассуждать о законности, мы можем аннулировать твой контракт, и тогда сколько угодно обсуждай эти проблемы с настоящим судьей в настоящем суде.

– А что, если я возьму и сообщу там о том, чем вы тут занимаетесь?

– Ну, если твоим словам не обнаружится никакого подтверждения, тебя осудят за лжесвидетельство. Думаю, нетрудно будет найти другого хакера, – Ривера немного помолчал. – Собственно, это неплохая идея. Хакеры пытаются вломиться к нам постоянно. Обычно мы не отслеживаем тех, которым это не удается, иначе не вылезали бы из судов. Но, видимо, стоит захватить еще одного.

– Давайте, давайте. – Энергично закивал Кили. – Только не откладывайте надолго. Будет шанс показать вам, ублюдкам, что *два* хакера могут сделать с вашей системой.

Ривера расхохотался, откинув голову назад.

– Ну, теперь самое время исполнить гимн рабочей солидарности, никак не меньше! – Он показал на застывшее на экране изображение кузнечика. – Если хочешь знать, ты отличаешься от этого джентльмена только одним – некоторыми, так сказать, анатомическими особенностями. Но хотя у тебя, в отличие от него, есть яйца, мы тебя крепко за них держим.

– А что вы собираетесь сделать с ним, с человеком, за которым мы следили? Тоже подключить с помощью своего штепсельно-гнездового устройства? Или ему это не светит?

– Наши планы насчет него тебя совершенно не касаются. Продолжай наблюдать, вот и все, – сказал Ривера, поднимаясь с места. – Мне нужно решить еще много других вопросов, прежде чем я займусь нашим общим знакомым. Впрочем, он никуда не денется. – Ривера взял со сверкающего полировкой длинного стола для совещаний, занимавшего середину комнаты, свой кейс. – Перегони мне еще две копии на чипы. Нет, лучше три. Они должны быть готовы к моему приходу завтра утром; другие записи, которые удастся получить к тому времени, тоже сохрани в трех экземплярах. В кухонном уголке есть все необходимое, чтобы приготовить ужин. Все каналы инфолайна к твоим услугам. Боюсь только, сильнодействующих препаратов здесь нет…

– А что, прачечная бастует? – спросил Кили.

– … но если сумеешь раскусить код замка в баре, можешь налакаться коньяка лучшей марки, которую потребляет Команда Наверху. Выпивка хорошего качества не должна вызывать слишком тяжелого похмелья.

После ухода Риверы Кили снова сел за консоль и повторно включил запись, разделив экран пополам, чтобы параллельно с действием видеть скрипты. Если бы удалось найти способ активнее манипулировать дополнительными элементами, возможно, получилось бы не только перемещать имеющуюся информацию, но и добавлять новую для ведения диалога. Все, что его стараниями женщина говорила загипнотизированному перцу, было взято из чаще всего употреблявшихся в игре диалогов, но и тогда он едва не испортил все своими манипуляциями с кузнечиком. Если бы только доктор Фиш мог наведаться сюда с визитом. Однако, если бы этот дом впустил доктора, то и его самого, скорее всего, не зажали бы в такие тиски.

Игровая программа была достаточно сложна, намного изощреннее, чем он считал возможным увидеть в «Диверсификации», но если бы только удалось заставить ее принять вводимые им элементы без завала, тогда могло выйти нечто большее, чем просто втиснуть туда скопированные фантазии самого перца. Можно будет поговорить. Эй, ты, с

членом в руке. Можно будет его предупредить.

Глава 16

Аранжировку одного из хитов Ударника под названием «Кого ты любишь?» делал Тео. Сугубо на синтезаторе, конечно. Он бы в сумерках не отличил гитару от любовницы. Если предположить, что таковая у него была. Но надо отдать ему должное: при всех синтезаторских ухищрениях ему удалось сохранить присущий вещи надрыв, словно сорок семь миль продираешься через колючую проволоку с коброй на шее.

Протолкавшись через танцующих на пятачке к показавшейся знакомой фигуре – голова скачет вверх-вниз – кладешь ему руку на плечо, чтобы он обернулся и не ускользнул на этот раз.

Кого ты любишь?

Куколка, скажи-ка еще раз – я что-то не расслышал.

Прости, обозналась, хотя и этот вполне ничего, в другой раз даже можно было бы тут задержаться, представив на минуту, что это все же он. Вместо этого выбираешься обратным ходом наружу, где воздух еще не остыл от дневной жары. Кто-то, стоя на обочине, отбивает ритм палочками на крыше брошенного лимузина.

Кого ты любишь?

Куколка, спроси еще разок, видать, не слышала того, что видел я.

(Мерзкий мост, все вниз и вниз, каждый шаг с грохотом отдается в голове, когда же он кончится? Но надо двигаться дальше).

У заведения «Стань кем хочешь» вдруг замечаешь его: стоит к тебе спиной и разговаривает с женщиной в серебристом кимоно, чьи волосы пламенеют адским огнем, а та постепенно затягивает его внутрь, за занавеску из колючей проволоки, с которой еще капает кровь предыдущей жертвы. Успеваешь схватить его за руку, и тут он оборачивается.

Кого ты любишь?

Что, куколка, ты все ко мне с этим вопросом? Верно, ослышалась вначале.

Даже если это и был он, теперь это другой, хотя выглядит неплохо, даже жаль отпускать его за этот занавес. Он явно не знает, что его там ждет, можно бы его спасти, пусть на время, но все же он – не тот.

(Снова мост, зловещий стук преследует до самого его конца, а там та же личность барабанит, только теперь по золотым мусорным бакам. Золотой мусор не перестает быть мусором. Вперед).

Кого ты любишь?

О, куколка, еще бы не хотеть тебе узнать?

Сегодня они все выбрались из-под пирса, все до единого, специально поджидали – знают, за кем ты сюда пришла, но они явились за тобой. Руки их соскальзывают, не могут уцепиться, ты бежишь еще слишком быстро, но когда-то придется сбавить ход, им надо просто подождать. Потом начинаешь вглядываться в лица: слава Богу, не он, и этот, и этот тоже, тоже не он, но вон там, впереди, наверху…

И тут прямо перед тобой взрывается огненный шар, и все вдруг становится другим, будто попала в совсем иные края.

Если двигаться быстро, не сбавляя шага, пламя не обожжет, по крайней мере – это. Да и вообще, что ты собиралась тогда предпринять? Некуда тебе было деться, у тебя – свои обстоятельства, у него – свои. Получила то, что и должна была, и, черт возьми, этого у тебя не отнять, оно не источилось временем, не иссякло в ожидании того, что могло произойти, но не случилось. И это лучше, чем у многих, когда светильник перестает даже коптить и едва-едва теплится.

Кого…

Хотели бы они тебя сцапать, но теперь расступаются, как воды Красного моря, одна за другой протянутые руки исчезают в темноте.

Кого ты…

Он напрягается, лежа на песке, хочет подняться, но вязкий песок тянет его назад.

Кого ты лю…

Вперед не дает пройти преграда из чужих рук. Прорваться можно, но только если действительно, по-настоящему этого хочешь. Вопрос только в том,

Кого ты любишь?

И хочешь ли по-прежнему?

Кого ты любишь?

И хочешь ли по-прежнему?

Кого ты любишь?

Скажи мне, куколка, сама,

Кого ты…

И хочешь ли…

…ты любишь?

…по-прежнему?

Он поднимается на ноги, когда ты подбегаешь к нему.

Кого ты по-прежнему хочешь любить?

Его. Но, знаешь, и все остальные хотели того же.

Смех затихает в темноте.

* * *

Тео снял видеошлем и посмотрел на нее, медленно вдохнув и выдохнув.

– Опасный ты человек, Джина.

Джина подняла плоский экран, на котором просматривала запись.

– То есть, тебе понравилось?

Он зарылся пятерней в подстриженную лопатой оранжевую бороду («Цвета жженой охры, а никакую не оранжевую. Не называй ее оранжевой. Я платил за жженую охру, а не за долбаный оранжевый цвет»), глаза уставились куда-то вдаль.

– Может, это доведет кого-нибудь до смерти, и нас всех привлекут за подстрекательство, но… – Он пожал плечами и начал стягивать виртукостюм. – Сними это с меня, пока я совсем в нем не задохнулся.

Джина быстро стянула с него костюм, бросила в руки одежду и стояла, повернувшись к Тео спиной, пока тот одевался.

– Чего это ты? – игриво спросил он. – Ведь я, бывало, чуть ли не каждый день нагишом расхаживал по «Ай-Трэкс».

– Уже кушала это на обед, – пробормотала она.

– Что-то рановато для обеда.

– Значит, на завтрак.

– Но завтракала ты наверняка не здесь.

Она задала консоли копировать видео Тео и отправила одну из копий в очередь на выпуск. Заметно было, как оно несколько раз по дороге задерживалось, прежде чем действительно достичь позиции выпуска: каждая затычка по дороге должна была просмотреть и одобрить, включая Риверу. Пусть пожует чуток, посмотрим, как это будет сочетаться с его привычной диетой из рекламных клипов.

– Слышала, что я сказал? Ты тут не завтракала.

Да нет.

– Напугало меня твое видео.

Нахмурившись, она поглядела на него через плечо.

– Видео твое, – повторил он, натягивая жилет поверх рубашки. – До смерти напугало.

– Тебя все пугает, Тео. Такой трусливой задницы еще

поискать.

Он подошел ближе и ухмыльнулся.

– Хочешь проверить, удастся ли тебе внушить этой заднице настоящий страх Божий?

Джина подняла голову, чтобы посмотреть Тео в глаза. Ему сравнялось двадцать шесть, по виду – заправский фермерский сын, даже со своей глупой оранжевой бородой. А вот Ударник застал его как-то в ретро-клубе, когда он исполнял свои импровизации на ностальгические темы, да она и сама его там видела. Шлепнув Тео ниже поясницы, Джина сказала:

– Возьми номерок и жди своей очереди. У меня затор из видео «на выданье» – не хуже, чем у «ГридЛид».

Стоило вытолкать Тео, как буквально через несколько минут кто-то позвонил в дверь. Джина нажала на кнопку, и в дверях материализовался Вальжан со своим бесконечно-переменчивым плащом.

– Все, буквально все интересуются, – сказал он.

Нет, нету у меня для тебя записи падения с высоты, не-ту.

Рядом с Вальжаном возникла Морей с клавиатурой в футляре на плетеном ремешке через плечо. А Эклстоун уже нажимал кнопку лифта.

– Миленькое местечко, – сказал он. Эклстоун щеголял в белых широких брюках и длинном пиджаке по моде сороковых годов двадцатого века. Правда, такой костюм не особенно сочетался с туго завитыми кудрями синего цвета, спадающими на спину.

Вальжан картинно оседлал перила лестницы и скатился вниз.

– Вот так. – Раскланялся он.

Если так уж надо, прыгай сам.

Он заметил привязанную к потолку сбрую для полетов.

– С такой амуницией, возможно, я бы и смог.

– Зачем тебе еще одно падение? В каждом из шести последних видео они и так были.

– Типа знаковый элемент, – сказала Морей, с трудом спускаясь по лестнице в своем обтягивающем красном платье. Волосы прилизаны назад и прочно закреплены лаком.

По плащу Вальжана тесными рядами маршировали зигзаги.

– Видишь? – спросил он, медленно поворачиваясь с поднятыми руками. Зигзаги на сгибах чуть закруглились. – Все встроено в плащ. Последний выпуск видео. Ребятишки с Мимозы перевели его для меня в графический вариант.

– Черт, у меня глаза ведет от этих зигзагов.

– Так и задумано. Позарез нужно падение.

Джина подтянула к себе сбрую с потолка и надела

виртукостюм, но падала то ли недостаточно долго, то ли недостаточно быстро. Так или иначе, никаких эмоциональных всплесков зарегистрировать не удалось. Даже когда она заставила Вальжана столкнуть ее с перил ограждения.

* * *

Они снова зашли в дом, на этот раз все трое в броне Гилдинга. Бронежилет не слишком помог Гейбу смягчить удар при падении из желоба, зато Марли приняла удар лазера без малейшего следа ожога. Может, это не особенно соответствовало действительности, но Гилдингу и не требовалась натуралистичность. Гейб специально достаточно долго выдерживал луч Кариты, направленный ему в грудь.

– С тобой все в порядке, вертун? – спросила она, внимательно осматривая его. – Нельзя ли было устроить это как-то иначе, не превращая меня в тупого громилу?

Эта реплика заставила его дернуться сильнее, чем сам выстрел. Программа снова его переиграла.

– Все только ради общей идеи, – прошептал он. – Не волнуйся, я тебя уберу из финальной версии.

Они прошли через палату, затем псевдо-лифт вывалил их в проулок.

– Судя по всему, мы действительно вышли из здания наружу, – сказала Карита, глядя на подсвеченную шкалу, которая была встроена в камеру сзади.

Марли огляделась вокруг.

– Что-то слишком быстро стемнело.

Пригибаясь, она двинулась вперед. Гейб – за ней. И тут из сгустившегося наверху сумрака спрыгнула чья-то тень. В воздухе разнесся запах машинного масла и пота, хотя запахов он, вроде бы, не заказывал.

Сильные руки охватили его сзади за пояс и попытались оторвать от земли. Броня зарделась, что-то зашкворчало и кольцо рук разжалось. Почти сразу же налетел следующий нападающий; заметив блеснувший нож, Гейб откинулся на спину. Нож отскочил от брони и выпал из руки бандита. Карита сбила нападавшего с ног, со всего размаху ударив своей камерой по голове, а Гейб, поднявшись, кинулся на выручку Марли, которая отбивалась от двоих. Одного он вырубил ударом по шее. Материал бронежилета, среагировав на приложенное усилие, стал жестче и передал импульс мышцам, отчего удар вышел сильнее. Гейб поморщился, волна боли прокатилась по руке до подмышки.

Датчики сегодня на удивление отзывчивы. Марли уже успела справиться со вторым. Гейб подумал, что она сбила его ударом кулака, но тут заметил в ее руке нож.

Она вытерла лезвие об руку и показала ему пятна.

– Надеюсь, смоются?

Он уставился на нож. Выглядел тот как-то странно, но в тусклом свете трудно было понять, что не так. Может быть, странность заключалась в том, что он вообще оказался у нее в руке, подумалось Гейбу, программа Марли никогда прежде не наносила ударов ножом.

– Вроде, все, – сказала Карита довольным голосом. – Если только ты не собираешься дожидаться следующих.

Нож в руке Марли засиял и изменил форму. Она никак на это не отреагировала.

– Пауза! – крикнул Гейб и перешел на предыдущий уровень, где он мог наблюдать за переулком через видеошлем, не участвуя непосредственно в симуляции.

– Отчет о состоянии, – сказал он.

На нижней трети экрана высветились первые пять цифровых строк. Все выглядело нормально.

– Прокрутить дальше. – В ответ на команду выплыли следующие пять строчек. Вплоть до двадцатой строки ничего необычного, дальше начиналось перечисление предметов из банка данных, которыми он пользовался. Нож описывали как положительные, так и отрицательные значения.

– Выделить нож, крупным планом.

Одну половину экрана заняло изображение ножа, цифры на второй описывали его размеры, внешний вид, массу и материал. Последняя цифра была отрицательной. В ноже была дырка. Своего рода окно или дверь. Кто-то за ним следил.

На одно безумное мгновение ему подумалось, что это Сэм – если уж кто и мог так решительно взломать его систему, то это она. Но Сэм бы дала ему знать, она не стала бы скрываться. Ведь так?

Он вернулся в симуляцию. По-прежнему с ножом в руке, Марли начала что-то говорить.

– Положи нож, – сказал он ей. – Положи его на землю и отойди.

– Не могу, вертун, – ответила она. Стоявшая рядом с Гейбом Карита подняла к нему лицо и покачала головой.

– Нужно, Марли. Я сам проверю, что это за нож, только, пожалуйста, положи его, пока он чего-нибудь с тобой не сотворил.

– Уже сотворил.

Марли протянула ему свою руку, и на его глазах пальцы погрузились в ручку ножа, а лезвие, все еще острое и зловещее, переменило фактуру с симуляции металла на симулированную плоть.

* * *

С мрачным удовлетворением Кили подумал, что этот ход был вполне достоин Доктора Фиша.

Перец совсем раскис, ударился в панику, и не удивительно, вряд ли его стоит за это винить. Пальцы Кили замерли над клавиатурой, пока он думал, что ввести. Классная программа – этот перец, может, даже сам не представлял, насколько классная. Быстрая реакция, великолепное управление, – на каждые десять центов дает пять сдачи, как сказала бы Сэм.

Внизу экрана мигала подсказка программы. Кили бросил взгляд на показатели физического состояния в правом верхнем углу: перец начал понемногу приходить в норму. *Ну, держись, сейчас дальше поедем, дорогуша.* Кили бы хотелось увидеть своего «поднадзорного», но точка зрения женщины давала только двухмерную графику. Здесь могло бы быть ваше имя. Кили ввел новые инструкции в программу и нетерпеливо ждал, пока она их интегрирует. Прошел, как ему показалось, целый час, прежде чем женщина заговорила. Кили прибавил громкость.

– Вертун, сожалею, что приходится тебе это говорить, но нас взломали.

– Это Мэнни? – спросил он. – Или кто-то повыше него?

Программа перехватила инициативу, прежде чем Кили успел ввести свои данные.

– Индивидуальный код отсутствует. С уверенностью можно только сказать, что это кто-то изнутри компании, но, судя по сопоставлению способа проникновения с информацией из банков данных, это не официальный аудитор. Официальные протоколы не использовались.

Пальцы Кили заплясали по клавиатуре.

А, ясно. Глазок из кладовки.

Лицо женщины теряло выразительность. Симуляция не выдерживала программной перегрузки. Кили дал программе команду перевести место доступа на часы-календарь. Таким образом он получит лучший обзор всей симуляции целиком, но в случае быстрой реакции перца рискует оказаться отрезанным. Несколько секунд черного экрана, и вот он уже смотрит на переулок вниз со стены.

Здесь, наверху, – напечатал Кили, сожалея об отсутствии голосового ввода. В верхней части экрана появилась строка состояния, подтверждающая успешность передачи и факт появления слов на стене, там, где обычно светились цифры часов и календаря. Женщина выронила нож, что, должно быть, снова перепугало перца.

– Что случилось, Марли? – спросил он.

Та без слов указала на стену. Не просто классная программа, но к тому же услужливая, подумал Кили, и набрал с максимально возможной скоростью:

Теперь, когда я завладел твоим вниманием, пункт первый: я на твоей стороне.

Строка состояния мигнула, подтверждая передачу. Кили подождал, пока слова полностью проступят.

Пункт второй: эта программа – просто улет.

– Сэм? – сказал перец. – Это ты?

У Кили внутри все оборвалось.

Откуда вы знаете о Сэм? – напечатал он.

– Скажи мне, кто ты и чего хочешь. – Последовал ответ с небольшой задержкой, – и я отвечу, откуда знаю о Сэм.

Забарабанив по клавишам, Кили ощутил, что клавиатура вдруг на секунду отключилась. Показатели состояния программы внизу экрана быстро менялись и перестраивались. Он должен был это предвидеть: никто не предусматривал подобный тип коммуникации через часы с календарем. Вполне вероятно, программа сочла это сбоем. Он изменил свой код доступа и ввел эту цепочку цифр в параметры часов-календаря. Это позволит ему продержаться тут чуть дольше, пока программа не распознает его уловку и не предпримет следующую попытку избавиться от вторжения. Нужно было действовать быстро.

Времени болтать нет. Я – пойманный хакер, теперь работаю на «Ди-Ви». Ты тоже попался.

Строка состояния утвердительно мигнула, но почти сразу выдала сообщение об ошибке. Кили подал команду вывести на дисплей переданное сообщение.

Времени болтать нет. Я – пойманный хакер, теперь работаю на Ди20@2_2{{#@&/>.

– Господи, в самый нужный момент, – пробормотал Кили. Он вызвал из памяти календаря все содержавшиеся там сообщения и вывел их в другом окне.

Подожди, – напечатал он. – *Помехи.* При этом он быстро просматривал сообщения, выделяя и копируя оттуда слова в то, которое собирался отправить, стремясь сохранить максимум связности. Календарь должен спокойнее реагировать на

содержимое собственной памяти.

– Эй? – забеспокоился перец. – Ты еще здесь?

Кили послал сигнал подтверждения, продолжая лихорадочно вытаскивать подходящие слова из бегущих снизу вверх строк.

– Угроза прерывания работы программы, – спокойным голосом сказала высокая женщина. – Завершить работу, перезагрузить, проигнорировать?

– Проигнорировать! – крикнул перец. – Эй? Ты еще на связи?

– Ты уверен, вертун? Команда «проигнорировать» может привести к частичному или полному обвалу системы. Пожалуйста, ответь да или нет.

Да или нет. Кили недоуменно посмотрел на симуляцию, потом понял: конечно же «да» или «нет». *О-очень* услужливая программа. Надо было действовать через женщину, пусть даже все закончилось бы полным сбоем. Перец наверняка запасся копиями…

Ну вот. Сообщение готово. Кили поставил его в очередь на отправку и отослал.

Строка состояния было мигнула «ОК», но замерла. Кили успел бросить последний взгляд на проулок, прежде чем программа выкинула его прочь и изображение исчезло.

В следующее мгновение, однако, вновь загорелась строка состояния, теперь полностью подтвердив передачу. Просто для проверки он набрал команду на повторный показ, не особенно надеясь что-либо получить в ответ. Краткая задержка – и слепленное им сообщение выскочило на экран:

До конца < месяц; Ривера отметка тебя встреча; планирующий новая программа; бежать Служащие бежать.

Он откинулся на кресле и громко выдохнул. Будь у него побольше времени, он бы составил сообщение получше, но если перец был не глупее своей программы, то последнюю фразу должен понять совершенно однозначно.

Глава 17

Шатер, будто перенесенный из арабских сказок «Тысяча и одной ночи» – с горой обшитых кисточками подушек и небрежно разбросанными персидскими коврами, – был выполнен безупречно. Ни одной непроработанной детали. Надев видеошлем, первые минут двадцать Сэм постоянно бросала взгляды то вправо, то влево, пытаясь заметить дырки. Но их не было, ни единой; за приподнятым пологом входа даже можно было разглядеть горы, круглившиеся темной зеленью, больше, правда, смахивающие на Поконос[18], чем на Ближний Восток. Их контуры слегка размывала искрящаяся дымка, слишком насыщенная влагой, чтобы назвать ее туманом, и слишком невесомая, чтобы счесть дождем.

На создание настолько убедительно детализированной симуляции нужно было потратить уйму времени. Или быть поистине одержимым. Сэм никак не могла решить, что сказать симулированной личности, сидевшей напротив нее: «Поздравляю» или «Очнись».

Выглядела эта симулированная личность, скорее всего, воплощением своих сокровенных стремлений. Внешность приятная, андрогинная: длинные темные волосы, классические черты лица, янтарные глаза столь светлого оттенка, что они, казалось, светились сами собой, очень смуглая кожа. Такого сочетания ни в одной модельной библиотеке, ни в каком салоне «Стань кем хочешь» не сыщется. Но он – по непонятной причине Сэм все же воспринимала данную личность как мужчину, – видимо, провел немало часов, смешивая цвета и проверяя их сочетания. Даже элегантные шелковые одежды были выполнены по-особому. Что ж, его старания не пропали даром: на нее незнакомец произвел сильное впечатление.

Но если подумать, хакер такого класса не стал бы ничего делать без определенной толики выдумки, безыскусно. И это было немного смешно, потому что звали незнакомца, по его признанию, Артом[19]. (Вот почему «он» – имя мужское. Как и Сэм? Тут она снова засомневалась.) Своего имени она ему не назвала, даже выдуманного, поэтому и требовать у него дополнительной информации было бесполезно. Единственное, что ей удалось узнать с той минуты, когда она согласилась надеть

видеошлем, – это как у него получился финт с монитором Феца.

Хотя ради этого пришлось потрудиться: ему хотелось сначала поболтать, хотелось шуток, хотелось из ее уст услышать последние новости из мира хакеров, которые, впрочем, он знал гораздо лучше и полнее нее. Только после этого он раскололся.

– Перепаяли просто кое-что, – сказал он, наконец. – Я снабдил Феца схемой и программой управления мониторами. Теперь я смогу самостоятельно включать любой из них, когда нужно будет что-либо сообщить ему, не дожидаясь, пока он войдет в систему.

– Очень мудро, – сказала она, хотя этой похвалы было явно недостаточно: такое осуществить на практике было практически невозможно. – А почему бы тебе просто не позвонить ему по телефону?

– Позвонить по телефону, говоришь? – На гладком лбу появилась морщинка, демонстрировавшая раздумье. Казалось, он пробует данную идею на вкус, будто она предложила некий экзотический и даже несколько неприличный вариант. Такое выражение лица неуловимым образом придало ему снова сходство с женщиной, и Сэм опять пришла в некоторое замешательство.

– Ты что, не доверяешь телефонной линии? Или ты далеко отсюда? – Тут ей подумалось: а вдруг он парализован и не может говорить? – Ну, то есть, если это по какой-то причине трудно сделать…

Сэм поморщилась. Хорошо хоть он не мог видеть выражения ее лица.

Однако Арт широко улыбнулся.

– Можешь не кривиться, все нормально. Наверное, теперь я бы и смог это сделать. Вот Фец обрадуется, когда услышит меня по телефону. А где, собственно, тут телефон?

Он замер на несколько мгновений, потом от его фигуры отделился полупрозрачный двойник и направился куда-то мимо нее. Сэм проследила за ним взглядом, изображение на экране переместилось, как если бы она поворачивала голову вслед двойнику. На мгновение произошла пространственная дезориентация – будто глаза сами по себе сдвинулись куда-то к уху. К этой особенности видеошлемов Сэм никак не могла привыкнуть. Сзади, за не до конца задвинутой занавеской из набивного индийского муслина, виднелась другая комната.

Девушка снова повернулась к Арту.

– Ты еще здесь?

– Несомненно. – Снова улыбка от уха до уха. – Мне свойственна безупречная способность выполнять одновременно

несколько задач.

– Ты всегда тратишь так много сил на внешние эффекты или только специально для меня?

– Ну, мне нравится верить, что таким образом я достигаю самовыражения. Собственно, ради этого и существует *искусство*.

Он подмигнул ей.

– Не собираюсь восторженно стонать в ответ. Это тебя только подбодрит.

– Но ведь всем разумным существам для счастья требуется одобрение. Разве ты с этим не согласна, Сэма-Сама?

Прозвище, данное ей Фецем, в его устах неприятно поразило ее.

– Э-э… Прошу прощения?

– Твоя техника очень узнаваема, – сказал он. – Я проанализировал некоторые твои игровые симуляции до последней мелочи. Стоит тебе сесть за клавиатуру – сразу ясно, что это ты, по манере набора символов, временны́м интервалам между ними, – он пожал плечами. – Я могу спокойно отличить тебя от Розы, Феца, Кили. В общем, от кого угодно.

Сэм стало совсем не по себе.

– В это мне поверить как-то трудно.

Он снова пожал плечами.

– Но ведь я узнал тебя, верно? Хотя ты себя и не назвала.

Она чуть помедлила с ответом.

– Просто угадал. Или узнал мой голос.

– А разве ты со мной раньше разговаривала?

Сэм с трудом подавила желание прервать соединение с ним. (Да, с ним, подумала она, это определенно мужчина.) Она неловко повернулась в кресле, видеошлем вдруг показался очень тяжелым.

– А ведь тебе нравится играть с другими людьми, верно?

– Прости. – У него был такой невинный вид и такое искреннее выражение сожаления на лице, что она едва не забыла, что видит перед собой симулированный образ, а не человека. – Но я действительно могу четко различать вас. Например, я знаю, что данные, продемонстрированные мне Фецем, были зашифрованы Кили и дешифрованы тобой.

Без шлема у Сэм точно бы волосы стали дыбом.

– Фец продемонстрировал тебе их?

– О, да. Недостающую информацию не удалось до конца восстановить. Закладка специально так устроена, что ее функцией является «разрушить и уведомить», и разрушила она все со вкусом. Кстати, Кили не обнаружил ее именно потому, что она была *встроена* в данные. Но, мне кажется, я все же восстановил

достаточно.

Сэм помрачнела. Фец говорил, что данные обрабатывает особая программа. Зачем он скрывал, что привлек к делу еще кого-то? От мысли, что Фец ей солгал, стало совсем не по себе.

– Ты мне об этом расскажешь? – осторожно спросила она. – Или это только для Феца?

Наклонив голову, он с любопытством посмотрел на нее.

– Почему это только для него? Ведь Кили послал гнезда тебе.

– Что?

– Гнезда. Описание гнезд. – Он подтянул к себе большую белую подушку, поставил себе на колено, и потянул за кисточку. На выпуклом узоре проступил ровный темный прямоугольник. Прикоснувшись к одной из его сторон, Арт вызвал на него, как на обычный монитор, схему, присланную ей в Озарки Кили. На лице Арта расплылась довольная улыбка. – У меня в симуляции нет ничего лишнего, все, что ты видишь, тут не только для украшения, но и полностью функционально.

– Угу, – слабым голосом откликнулась Сэм. Боже, как он это делает? Должно быть, либо инвалид, у которого масса свободного времени, либо безнадежно одержимый человек.

Арт коснулся другой стороны прямоугольника, и там появилось изображение мозга Видео-Марка, которое ей показывал Фец.

– Ты не заметила, когда расшифровывала, что там восемь комплектов данных, а не один?

Сэм моргнула.

– Я заметила большое количество избыточных данных, но подумала, что это предосторожность для предотвращения ошибок при передаче.

– Действительно, легко было пойти по такому пути. Комплект, собственно, один, пока два отдельных фрагмента не соединяются вместе.

Изображение мозга передвинулось в центр экрана, в то время как другой рисунок, изображающий, по мнению Сэм, нейрон, уменьшился в размере и переместился в верхнюю часть экрана. В следующий момент там вместо одного их уже было восемь: изображение мозга увеличилось, а восемь размножившихся картинок нейронов устремились к выделенным участкам коры.

Тут изображение мигнуло и погасло, как бывает при плохом соединении частей кинофильма.

– Это одно из мест с недостающими данными, – сказал Арт. – Скоро восстановится. Вот, появилось.

Вновь изображение мозга, теперь с целой сетью красных ниточек, исходящих от восьми выделенных участков, куда прежде

устремились нейроны.

– Я была права. Это имплантаты, – сказала Сэм скорее себе, чем Арту. – Но зачем корпорации вроде «Ди-Ви» заниматься терапевтическими имплантатами?

Арт поднял палец.

– Не имплантатами. Я же говорил, *гнездами*. Это именно гнезда, которые специально предназначены для приема некоего устройства ввода…

Он прикоснулся к выделенной области на правой передней доле. Там открылось окно, на увеличенном изображении – подробная графическая схема гнезда. В тот самый канал, который, по замечанию Сэм, был слишком широк для аксона, теперь было вставлено какое-то устройство.

– Всплывающих окон с объяснениями нет, – сказал Арт. – Боюсь, они полностью утрачены.

– Но зачем это все нужно? – спросила Сэм. – Может, они либо собираются это сделать, или уже сделали с Видео-Марком…

– Ну, для начала они планируют выпускать рок-видео, – небрежно заметил Арт. – Я мог бы продемонстрировать тебе некоторые параметры участка зрительной коры его головного мозга, они довольно любопытны. Очевидно, у него существует особенно сильная связь между зрительной корой и центром визуализации, визуального представления. Чтобы понять это точнее, тебе надо было бы быть нейрохирургом, но, поверь, это весьма необычный мозг. Есть тут и проблемные области, в чем-то слабее, чем у обычного человека. Мозг определенным образом разгружает их, предохраняя от перенапряжения. Предпринимающие эту операцию, должно быть, верят, что этот мозг будет и дальше так себя вести…

– А о какого рода опасностях ты говоришь?

– Я не специалист. Может случиться инсульт или аневризма. – Он замолк в задумчивости. – Если мне придется обрести врачебный опыт в этой области, стоит получить доступ к нескольким новым базам данных.

Сэм не слушала.

– Подожди. Значит, ты говоришь, что этого парня, Видео-Марка, в любой момент может хватить удар? А эти гнезда должны предотвратить такую возможность?

– Нет, они вовсе не для этого. В данных содержится информация о том, что применялись препараты для предотвращения инсульта. Гнезда – интерфейс. – Лучезарно улыбнулся Арт. – Я думал, это очевидно. Прямой интерфейс для соединения с искусственными нейросетями. С компьютерами.

Сэм недоверчиво хмыкнула.

– Черт, все же этого добились. Наконец добились! Я тоже такие хочу! – она осеклась. – Боже, что я такое говорю? Ведь это «Ди-Ви», и вовсе ни к чему, чтобы они делали дырки в моей голове.

– Собственно, их разработала доктор Линдел Джослин, пока работала на «Ай-Трэкс», – мягко заметил Арт. – «Диверсификация» поглотила «Ай-Трэкс» как раз вовремя, чтобы завладеть патентом.

«А Кили как-то прознал об этом, – подумала Сэм. Наверное, хачил, лазил по системе, а выловил самую серьезную штуковину со времен транзисторов, после чего его самого выловили и куда-то упрятали. Что он собирался сделать с этими данными? Или, что еще важнее, чего он ожидал от нее с Фецем теперь? Конечно, они смогли бы запустить эту информацию в открытый доступ таким образом, чтобы ее не отследили, но чего им удастся достичь? Разве что немного подпортят «Ди-Ви» праздник. Но патент-то все равно у «Ди-Ви»…

Неожиданно снова появился фантомный двойник Арта, он вышел откуда-то слева с небольшим телефоном в руке. Арт опять на мгновение застыл, позволив фантому слиться с собой.

– Хорошо, теперь у нас есть телефон. – Он раскрыл трубку и осмотрел ее. – Будет немного сложновато, но справимся. Я как-то об этом не подумал. Конечно, теперь я и сам умею больше, чем раньше.

До ее плеча кто-то дотронулся, Сэм дернулась. Арт встревожено наклонился вперед, отчего снова стал похож на женщину.

– Что-то случилось? Твои жизненные показатели резко подскочили.

– Они вернулись, я думаю. Фец с Розой и… – Она закрыла рот.

– Хорошо! Тогда я ему сейчас сразу и позвоню. Только ничего не говори, ладно? Пусть это будет сюрпризом. – Глаза его просто сияли.

– Развлекайся, – сказала она покорно. – А что дальше с данными Кили?

– Я записал все в его систему. И для тебя тоже сделал копию. А теперь отвлеки его, пока я соображу, как набрать номер.

Сэм было запротестовала, но экран потемнел, потому что Арт отключился. Она тоже дала команду на отсоединение и сняла шлем.

Рядом с ней стоял Фец, который с любопытством спросил:

– Без дела не сидишь?

– Нет, – сказала она. – Тут заходил поболтать твой приятель

Арт с программой, – показала она на монитор-мольберт. – Забавный трюк с включением. Перепугал меня чуть не до смерти.

– А-а, я должен буду рассказать об этом вам всем, но чуть позже, это довольно длинная история.

Фец двинулся было в сторону, но Сэм удержала его за руку.

– Арт восстановил данные.

Почему ты не сказал мне, что привлек к делу еще кого-то? – задала она ему немой вопрос.

– А ты мне собираешься об этом поведать, или это ваша общая с ним тайна? – спросил он.

– Пусть лучше Арт тебе расскажет. В уюте своего *шатра*.

– Да, там у него все немного чересчур, не так ли? Арт любит внешние эффекты. Копия есть?

Сэм кивнула, и он включил монитор-мольберт. Вызвав список файлов, Фец коснулся стрелочки в нижней части экрана для перехода на следующую страницу.

– Есть, – сказал он, когда наверху экрана появилась надпись: *Новые файлы: 12 часов*. Там значились три позиции. Стоило ему выбрать первую, как зазвонил телефон.

– Ответь, пожалуйста, Роза, – попросил он, пододвигая кресло ближе к экрану.

Роза взяла трубку телефона, стоявшего на столе.

– Да? Угу. – Протянула она трубку Фецу. – Тебя.

Не отрываясь от экрана, где отображались данные, он спросил:

– Кто это? Они могут оставить сообщение?

– Это Арт, – сказала она.

Фец нахмурился.

– Какой Арт?

Сэм рассмеялась:

– Он еще спрашивает, какой Арт.

Фец бросил на нее укоризненный взгляд.

– Какой Арт? – спросила Роза в трубку. Брови ее поползли вверх. – Арт Фиш.

Фец резко отодвинул кресло от стола и посмотрел сначала на Розу, потом на Сэм.

– Вы что, сговорились, решили надо мной подшутить?

Сэм едва слышала его слова.

– Арт *Фиш?* Он называет себя Арт Фиш?

– Собственно, удобнее говорить Арти Фиш[20], – сказал Адриан, выходя из кухонного уголка с большим куском мацы.

– Адриан, – оборвал его Фец.

Тот пожал плечами.

– Да ладно, ты же им сам собирался рассказать.

– Фец, ты будешь разговаривать с этим человеком или нет? – сказала Роза, все еще державшая трубку.

Фец взял трубку из ее рук.

– Алло, – осторожно сказал он. А потом долго слушал, ничего не говоря.

Адриан подошел к столу, держа в одной руке мацу, а другую подставив снизу, чтобы крошки падали в ладонь.

– Я знаю, он собирался вам рассказать, когда закончится обработка данных.

– Что рассказать? – спросила Роза.

Фец закрыл трубку рукой и сидел в полнейшей отключке.

– Звонил Арт Фиш, – в его голосе звучало удивление. – Ведь я ему говорил, что нас не будет дома какое-то время. Он не должен был появляться.

– Только вы ушли, он и появился, – сказала Сэм. – Может быть, он думал, что еще вас застанет. А не скажешь, все-таки, – она поставила локоть на стол и оперлась на него, – почему он называет себя Фиш? Не говоря уже о том, кто он такой, и вообще – он это или она, а к тому же почему, сказав, что данные Кили обрабатывает программа, ты на самом деле дал их кому-то… – Тут она остановилась, и посмотрела на Адриана. – *Арти Фиш?*

Адриан хихикнул.

– Клево, правда?

– Арти Фиш? – обиженно спросила она Феца. – Ведь это не тот самый…

Тут и до Розы дошло.

– Что ж, это должно было когда-то случиться. Но, господи, назваться Арт Фиш? Что плохого в старых добрых именах? Например, Франкенштейн?

* * *

– Собственно, – сказал Фец, откинувшись в кресле и положив ноги на кофейный столик, – мы все его сотворили, все вместе.

Сэм лежала на диване, рядом с Розой, свернувшись калачиком и сплетя пальцы. В голове у нее крутилось откровение Феца, свыкнуться с которым, казалось, никогда не удастся.

– Сеть с самого начала была достаточно сложной системой, – говорил Фец с отрешенным видом. – Я склонен предположить, что начало изменениям положила консолидация многих функций во всем нам известный инфолайн. Но, скорее всего, ничего бы не произошло, если бы входящая информация не превысила, так сказать, критическую массу.

– В смысле? – спросила Роза.

– В смысле вирусов, программ с «прицепом», всплывающих окон, которые втискивались повсюду, где было для них свободное место. И хакеров, которые изыскивали любую возможность для сжатия информации и уменьшения объема программ. Эти хакеры создавали такую возможность там, где ее до этого не было: используя виртуальные пространства между битами информации, затем – пространства между *этими* пространствами, а потом и между *ними*.

– Между двумя точками всегда лежит еще одна точка, – сказала Роза. – Это факт из элементарной геометрии. Даже я его усвоила, хотя и ненавидела геометрию. И еще мне нравился один парадокс. Чей-то там, не помню названия, доказывающий, что движение вперед невозможно. Вроде, ляг, расслабься, ведь все равно двигаться некуда.

Фец улыбнулся.

– Из этой же области – фракталы. Возьмите прямую и сложите ее пополам. Потом каждую половинку тоже пополам. Все получившиеся сегменты – еще раз пополам, и так до бесконечности. В результате можно получить фантастические снежинки и барочные морские пейзажи…

– …и великолепные узоры-пейсли, – пробормотал Адриан.

– …а если опуститься на несколько уровней во фрактал, то обнаружишь, что там воспроизводится общий узор всего фрактала. То есть меньший фрактал, стоящий дальше от того фрактала, который ты рассматриваешь, содержит всю информацию о большем фрактале. Миры внутри других миров.

Роза рассмеялась.

– Разговор приближается к порогу моего понимания. Я хакер, а не философ.

Фец повернулся и посмотрел на нее.

– Подходящее слово – порог. Все то, что мы привнесли в сеть, стало причиной превышения некоего порога. После чего должен был наступить хаос, но этого не произошло. Или все же произошло, но не в том смысле, какой обычно вкладывают в это понятие, потому что сеть продолжала находить место всем нашим запросам и требованиям, ведь она была создана с целью размещения информации. А когда она достигла предела насыщения, у нее было два выбора – рухнуть или продолжать размещать информацию дальше, приспособиться. Она сделала и то и другое. Первой стадией было преодолеть катастрофический барьер. Второй – восстановление, а так как сеть запрограммирована на приспособление и размещение, она и пошла по этому пути. Но единственным способом

приспособления было преодоление предела. Установление нового предела, а при достижении его – вновь преодоление катастрофического барьера, восстановление, стремление к новому пределу. И так далее.

– До бесконечности, – без выражения сказала Сэм. – Как фрактал, только растущий снизу вверх, а не сверху вниз. Порожденный хаосом.

– Конечно, никаких пауз в этом процессе не было, – продолжал Фец. – Информация постоянно поступала, что создавало массу возмущений. Но хаос – лишь иной тип порядка, поэтому теперь мы имеем просто другую сеть, сильно отличающуюся от изначальной. Мы ее разбудили.

Роза выдохнула.

– А кто появился первым – Арт Фиш или Доктор Фиш?

– Трудно сказать. Одна из программ искусственного интеллекта называлась «Арт Фиш», – сказал Фец. – Существовал также прототип вакцины с рабочим названием «Доктор Вирусов». Так получилась теперешняя инкарнация – Доктор Арт Фиш, ДВ.

Взгляд Сэм переместился на компьютерную систему на столе.

– И теперь он тут?

– Не думаю, что он размещается в каком-то определенном месте, – сказал Фец. – Он во всех сетях, но ядро программы, если к нему вообще применим такой термин, скорее всего, сосредоточено в «Автоответчике Доктора Фиша».

– А что это за программа?

Фец посмотрел куда-то мимо нее вдаль, задумчиво сощурившись.

– Наверное, можно назвать ее вирусом, хотя это и не совсем точно. Это не отдельно взятый вирус, а скорее несколько, плюс множество частей от ряда других вирусов. Кроме того, во многом это уже вовсе не вирус. Я хочу сказать, уф… Ну ладно, попробую. Каждый раз, когда в инфолайне открывается новый вход, при этом первом соприкосновении с Артом он «заражается». Причем нет ни одной части сети *вне* Арта. Арт везде, но его *внимание* – нет, если вы понимаете, что я имею в виду.

Роза покачала головой.

– Ты имеешь в виду сеть Лос-Анджелеса, штата, всего континента или… – она нахмурилась. – Всего мира?

Фец кивнул.

– Тогда должны быть и другие люди, которым это известно, – сказала Сэм. – Не можем же мы быть единственными, кто знает, что в сети кто-то… проснулся.

– Люди видят только то, что хотят видеть. – Пожал плечами Фец. – Вполне возможно, что знает кто-нибудь еще – у нас в

стране или где-то в другой части света. Но пока никто не обмолвился об этом ни словом.

– Ты тоже ничего не говорил, – выдвинула обвинение Сэм.

Он широко улыбнулся.

– Ну, я вообще не особенно разговорчив, Сэма-Сама.

– Точно, – хмыкнула она.

– Есть, по крайней мере, еще один человек, который разделяет наше знание о Докторе Фише и выполняет функцию хранителя и архивариуса бесконечно изменяющихся файлов Арта. В закодированной форме, конечно, – сказал Фец. – Я уверен, есть и другие. Просто статистически обязаны быть. Но они должны были специально искать его. Вы ведь знаете, как люди пользуются сетью. Для большинства это просто удобство, наподобие автомобиля, телефона или холодильника. А у некоторых такого удобства нет, вот и все.

– Значит, ты специально искал, – задумчиво сказала Сэм.

Фец кивнул.

Она подалась вперед.

– Почему?

Он улыбнулся.

– Мне показалось это естественным. Ну как, теперь покажешь мне восстановленные Артом данные?

– Может быть, стоит сначала провести тест Тьюринга[21]?

– О, Арт разумен, – уверенно сказал Фец. – В этом нет никаких сомнений. Вопрос в том, человеческий ли у него разум?

– Возник из катастрофы и хаоса, – сказала Роза. – По-моему, вполне по-человечески.

Глава 18

Волынить оказалось на удивление легко, – может оттого, что даже врать особенно не пришлось. Защита системы у перца была лучше, чем все, с которыми Кили сталкивался раньше. Хотя и ее можно было пробить. Ничего непробиваемого не бывает. Первые два дня после контакта он просто выжидал, и Ривера его не торопил. Да и что он, собственно, мог предпринять?

Но в это утро Кили, похоже, получил ответ на данный вопрос. Едва проснувшись, он ощутил какое-то отупение, все реакции были замедлены, словно они всю ночь надирались с Джоунзом на Мимозе. «Вот сукин сын», – вяло подумал он. Вроде одежда, которую прислал ему Ривера, ничем особенным не пахла, но на всякий случай Кили решил остаться нагишом. Ривера мог распылить что-то в воздухе, чтобы притупить обоняние – и зачем он, дурак, сказал, что догадался об обработке одежды?

«Даже когда ничего не употребляю, все равно туплю», – мрачно подумал Кили, садясь за терминал. Потянулся было к клавиатуре, но тут накатила совершенно непреодолимая волна усталости.

– Вот дерьмо, – пробормотал он, опуская голову на руки.

– Мне нужно несколько копий загруженного материала и всего, что ты выловил еще, – раздался сзади голос Риверы.

Хорошо хоть рефлексы у него теперь настолько притупились, что он даже не дернулся и не доставил Ривере хотя бы этого удовольствия. Кили оглянулся через плечо.

– Не слышал, как ты вошел. У меня есть только копии того первоначального материала, – сказал он, протягивая пластиковый закрывающийся пакетик с двумя чипами. – Пока больше показать нечего.

Подойдя к столу, Ривера взял пакетик и при виде наготы Кили чуть приподнял бровь.

– А к концу дня будет? – задал он вопрос своим не допускающим возражений тоном управляющего. Будто обращался с одним из своих кабальных подчиненных. Наподобие того перца.

– Зависит от того. – Кили широко зевнул, даже не пытаясь прикрыться, – когда здесь этот конец наступает.

– Скажем, часам к пяти или около того.

Кили пожал плечами.

– Часам примерно к трем я войду в систему. Может быть, удастся быстро скопировать содержимое буфера. Качество при этом будет неважное, причем я не могу гарантировать, что таким образом удастся получить что-либо целиком…

– Так ты можешь сделать это или нет?

– Не знаю, – раздраженно сказал Кили. – Да. Может быть. Я действительно не знаю. Если вы перестанете тут ходить и все вынюхивать, может быть, мне удастся подключиться в нужный момент.

Казалось, Ривера разглядывает его с недосягаемой высоты.

– В последние несколько дней никто тебя не трогал. Возможно, тебе требуется помощь.

– Так значит, сегодня ночью это вы мне так *помогли*? – резко сказал Кили. – Лучше бы вы меня поскорее из этого состояния вывели, а то вот придете сюда часам к пяти, а на кресле вместо меня останется только кучка дерьма.

– Ты просишь врачебного вмешательства? – вежливо спросил Ривера.

– Мне кажется, ваше долбаное *врачебное вмешательство* уже произошло. – От ярости он начал просыпаться. Это было здорово. – Думается, лучше бы начать выводить из меня эту гадость, прежде чем подоспеет время предстать перед исправительным комитетом, если не хочешь объясняться перед ними дольше меня.

– Комитет отменил обычный физический осмотр, учитывая выдающиеся успехи «Диверсификации» по работе с совершившими тяжелые правонарушения и направленными на исправление преступниками, – жизнерадостно сообщил Ривера. – Есть еще какие-нибудь вопросы? Хорошо. Продолжай наблюдать за Людовиком…

– За кем?

– За тем, кем наблюдаешь, нашим сотрудником. Подключись, добудь все, что сможешь, и сними три копии. Я вернусь, чтобы их забрать, около пяти. Запомнишь?

Кили почувствовал себя так, словно из него выпустили весь воздух. Надо было догадаться, что они подкупят исправительный комитет. Они могут подкупить кого угодно. Он снова зевнул.

– Ни за что не забуду.

– Сделаешь – дальше можешь отдыхать. Посмотри инфолайн, выпей коньяка. Но будь готов к отъезду.

От его слов Кили стало не по себе.

– О? Повезете меня в Мексику на каникулы? – медленно спросил он.

– Я еще не решил окончательно, – сказал Ривера. – Сейчас

или через месяц – особой разницы нет. Впрочем, тебя это не должно заботить. Просто приготовься. – Он кивнул на консоль. – В данный момент Людовик должен быть в сети. Советую сейчас же попытаться подключиться и добыть как можно больше. У меня сегодня вечером важная встреча, и мне понадобится этот материал.

Кили облокотился на стол и медленно начал вводить необходимые для проникновения в программу перца комбинации, пока не услышал, как дверь за Риверой затворилась. Тогда он снова откинулся на спинку кресла и принялся соображать. Узнать, что Кили проникал в программу, но ничего не загрузил, Ривера мог без труда: достаточно заглянуть в записывающий все его действия «черный ящик». Но, по-видимому, времени по своей занятости на это он еще не нашел, поэтому пока хорошие ребята на какое-то время в безопасности.

Черт, да может, перец сейчас вовсе и не в сети. Может, отмеченная активность его системы – всего лишь следы уборки перед тем, как сделать отсюда ноги. Только вот Ривера слишком уж уверенно заявил: «В данный момент Людовик должен быть в сети».

Людовик. Отец Сэм, Гейб. Больше некому. Черт. Почему она не сказала, что у нее в «Ди-Ви» работает отец? Знай он об этом, – может, предложил бы ей сработать на пару, вместо того чтобы лезть в пасть дракона в одиночку. Хотя Сэм, скорее всего, отказалась бы, и, как ни крути, он все равно приземлился бы тут. И думать об этом теперь ни к чему.

Но оставался вопрос: что Людовик делал сейчас? Просто ждал, пока топор Риверы опустится ему на шею? Кили попытался вспомнить, что Сэм рассказывала ему о своих родителях. Она с ними не ладила, это он знал точно, но, вроде, больше с матерью, чем с отцом.

Кили откинулся в кресле, положив одну руку на клавиатуру. Жаль, что этот перец не хакер. Будь он хакером, мог бы раздобыть вирус, может даже «Доктора Фиша», тогда бы Кили послал его Ривере, а тот передал вирус дальше тем шишкам, задницы которых вылизывал. Ну да ладно, он и сам справится. «Фиша», правда, у него нет, но кое-что собственного изготовления в закромах найдется…

Нет, таким образом он лишь немного оттянет неизбежную кару или даже усугубит положение. Ривера, конечно, предъявит вирус исправительному комитету, и тогда придется чистить Ривере ботинки еще пару десятков лет. Кили вздохнул и продолжил процедуру проникновения в систему Гейба.

Через пару часов он туда проник и продержался тридцать

минут, прежде чем система его снова выбросила. Он отсоединился и сделал три копии, как и велел Ривера. А потом запустил просмотр.

Ривера обделается. В запись попало примерно пятнадцать минут программы перца – скорее всего, из энергозависимой памяти, которую он забыл стереть. Остальное – сплошь реклама: завершенные ролики, наброски, первоначальные сценарии, списки реквизита. Один из клипов – о бронежилетах – ему даже понравился: парень идет по опасному кварталу, где в него стреляют, бросают ножи, стремятся побить, но ему все как с гуся вода; потом он добирается до своего офиса, садится за компьютер и на экране загорается надпись: «Тебя взломали! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!». Парень поворачивается лицом к зрителям и говорит: «Вот от этого бронежилеты Гилдинга не могут вас защитить». В кадр входит женщина, наклоняется к нему, целует в губы, выходит; парень глядит ей вслед и добавляет: «И от этого тоже».

«Ну, спасибо, перец, – подумал Кили, – но зачем ты сидел и ваял рекламу, вместо того чтобы делать отсюда ноги?»

Что бы ни хотел предпринять Ривера, какие бы планы ни строил, Кили был уверен, что демонстрация рекламы в эти планы не входила. Поэтому Ривера будет выглядеть полным идиотом перед теми, на кого собирался произвести впечатление. Кили одобрительно похлопал монитор по боку.

– Трудно поверить, что это самый сильный ход в твоей позиции, приятель, но, если это так, поздравляю. Поздравляю.

После чего поковылял в душ.

* * *

– Там что-то пришло по местному инфолайну, – сказал Фец, бросив взгляд на экран.

– Я сейчас прочитаю, – сказал Адриан, придвигаясь к другому экрану. – Позволь мне попрактиковаться в китайском. – Он вызвал программу перевода, откинулся и стал ждать, пока на экране появятся иероглифы. – Так я буду чувствовать себя полезным членом общества.

Сэм беззвучно рассмеялась. Хорошо хоть кто-то чувствовал себя полезным членом общества. Последние несколько дней все провели за изучением данных Кили, не занимаясь больше практически ничем. Сэм не сиделось на месте. Ей хотелось что-нибудь предпринять, рассказать кому-нибудь, но Роза с Фецем твердо стояли на том, что говорить пока рано. Источник такой информации было бы слишком легко проследить, если Кили

раскололся, а им пришлось предположить, что это так. Может быть, не по своей воле. Сэм не хотелось думать об этом; она понимала, что друзья, скорее всего, правы, но все равно чувствовала себя погано. Ведь Кили послал им свою информацию с определенной целью.

– О, черт, – сказал Адриан. Что-то в его голосе насторожило Сэм, внутри возник противный холодок.

– В чем дело? – спросила Роза, привстав на кушетке. Она там работала лежа с распечаткой какой-то программы.

– Роза, тебя с Джоунзом и, возможно, Сэм, разыскивает полиция для допроса.

– Да что ты говоришь такое!

Роза бросила на пол свою распечатку и за несколько шагов оказалась возле парнишки. Фец тоже придвинул свое кресло поближе к Адриану.

– А за что? – Холод теперь вымораживал все внутри. Сэм хотелось встать с кресла и присоединиться к остальным у экрана, но ноги были как ватные. За все три года самостоятельной жизни лично ее полиция еще не разыскивала. – Что ты имел в виду, когда сказал «и, возможно, Сэм»? – спросила она жалким голосом.

Фец разделил экран горизонтально пополам, переместив перевод для Адриана на нижнюю половину. Через минуту он заговорил:

– Выдвинутое обвинение не уточняется. Это просто список разыскиваемых подозреваемых лиц. Скорее всего, они проверяют выявленных сообщников Кили. Здесь перечислены многие, но без настоящих имен, одни прозвища: Гатор, Кейзин, Капитан Джасм, Роза-Чероки, Джоунз и Фазан Сэм.

– Какая-какая Сэм?

Он произнес слово по буквам.

– По-китайски это скорее обозначает дичь, на которую охотятся, – пробормотал Адриан.

– Вот и все. Пора менять адрес, – сказала Роза. – Лучше быстренько смотаюсь домой, заберу свои вещички и своего покойничка.

– Я поеду с тобой, – неуверенно предложила Сэм.

– Думаю, будет лучше, если вы обе останетесь здесь, – сказал Фец, посмотрев сначала на Розу, потом на Сэм.

– Понимаю, – устало кивнула Роза. – Барахло – дело наживное, если бы только не наш покойничек. Если я его там брошу, он и впрямь покойником станет. Стоит им обнаружить его бездыханное тело, вполне могут решить, что одна из нас его убила, чтобы он не проболтался. Это ли не цукат в мармеладе?

Фец вздохнул.

– А как твои заказчики? Не заявят на тебя?

– Как знать? – развела Роза руками. – Если меня уже поджидают, я сразу дерну оттуда, а потом оставлю вам весточку на «Автоответчике». Если же нет – сразу сюда вместе с Джоунзом.

– Меняй авто по дороге! – крикнул ей Фец вдогонку.

– Надо же, Фазан Сэм. – Девушка покачала головой. – Может быть, это все же не я? Ведь в переводе Адриана…

Фец тоже покачал головой.

– Нет, фазан – явно дичь, на которую охотятся.

Передвинувшись обратно к своему экрану, Фец просмотрел все сообщение до конца.

– Но Кили же не мог нас выдать? – спросила Сэм.

– По своей воле – нет. Возможно, под действием наркотиков.

– Но полиция не имеет права прибегать к таким мерам, разве не так?

– Никто и не утверждает, что это сделала полиция. Он мог находиться в больнице, – Фец немного помолчал. – Если Кили знает твое настоящее имя, «Фазан» может быть нечетко произнесенной версией этого имени.

Сэм попыталась представить, как имя «Кассандра» могло трансформироваться в «Фазан». Это казалось маловероятным, но порой происходят вещи и постраннее, размышляла она, глядя на монитор…

– Черт, – дошло тут до нее. – Это *не* Фазан Сэм. Это Фез-энд-Сэм. Фец и Сэм.

Фец так побелел, что девушка испугалась – вдруг он сейчас потеряет сознание?

– О, господи. Сегодня поистине день, когда что ни новость – то подарок. – Он собирался сказать что-то еще, но тут вернулся взглядом к сообщению внизу экрана. – О, господи. Арт говорил, что собирается отправить эту информацию тебе электронной почтой?

– Нет! – Сэм вскочила с места и подбежала к нему. – То есть… – она пыталась припомнить. – В нашем разговоре он заметил, что приготовил копию и для меня, но мне и в голову не пришло… О, Иисусе, зачем он только сделал это?

Она перешла ко второму экрану. Адриан уступил ей кресло.

– Я все уничтожу отсюда. Пошлю команду стереть весь ящик.

– Не надо! – остановил ее Фец. – Не выходи в сеть. Стереть содержимое ящика ты сможешь только под своим именем, а сейчас будут отслеживаться все варианты имени Фазан Сэм. Включая старого доброго дядю Сэма.

Сэм со стоном откинулась на спинку кресла.

– В любом случае, я не смогу зайти под своим именем.

Совсем забыла: вся моя почта сейчас переадресуется Розе, а ее пароля я не знаю. Придется послать ей сообщение, чтобы она немедленно очистила ящик.

– Адриан может предупредить, – сказал Фец.

Она удивленно посмотрела на подростка.

– Как? По-китайски?

– Я могу печатать и даже писать, – сказал Адриан, когда они с Сэм снова менялись местами. – Поражение не затронуло эти умения. Только вам придется диктовать, потому что прочитать я все равно не смогу.

Сэм наблюдала, как легко его пальцы пляшут над клавиатурой, пока Фец диктовал сообщение для Розы.

– Теперь, – сказал Фец после того, как Адриан нажал кнопку «Отправить», – остается только надеяться, что ей повезет и на дорогах не будет сильных заторов.

Еще через час Роза позвонила и сказала, что Джоунза в квартире не оказалось, ноутбук Сэм пропал, а ящик электронной почты пуст.

* * *

Официально установленное время перерыва еще не пришло, поэтому помещение столовой находилось полностью в его распоряжении. Сама идея этих дозволенных в определенное время перерывов всегда его коробила. Да и вообще, что Мэнни мог ему такого сделать, застань он его тут в неположенное время? Вложить записку о дисциплинарном нарушении в его личное дело? Мысль о том, что когда-то его страшили какие-то записки, фиксировавшие дисциплинарные нарушения, теперь только безмерно смешила Гейба.

По сравнению с прошлой неделей, он не боялся теперь совершенно ничего. Его охватило странное состояние какого-то оцепенения, испытанного им один раз в эпизоде «Охотников за головами» – в дельте Миссисипи, когда, по горло в холодной воде, он ждал, что его вот-вот отыщут вудуисты и распнут на кипарисе.

Вначале, прочитав последнее послание хакера, Гейб собирался переписать все на чипы и смыться. С Марли и Каритой тогда пришлось бы на время, считай, распрощаться, потому что возможности домашней системы позволяли играть только в стандартные игры. Но их бы он все же спас.

Однако, преодолев первоначальный шок – *Ривера отметка тебя встреча* – передумал. Засечь его встречи – с Марли и

Каритой, он полагал – Ривера мог, лишь заставив хакера взломать его систему, что, согласно установленным внутри «Диверсификации» порядкам, было непозволительным вмешательством. Это означало, – Мэнни ничегошеньки с добытой информацией не мог предпринять. Если вздумает донести на Гейба Команде Наверху, неминуемо придется объяснять, откуда у него эта ценная информация. Гейба, скорее всего, все же уволили бы, но и Мэнни тогда грозило бы увольнение. Даже если Ривера действовал с благословения Команды Наверху, Гейбу достаточно будет написать жалобу в трудовую комиссию, и руководство компании спокойно пожертвует Риверой, дабы избежать скандала.

Патовая ситуация – по крайней мере, до тех пор, пока Мэнни не сообразит, как действовать дальше. Работая быстрее, чем когда-либо в своей жизни, Гейб выгрузил из системы все, относившееся к Марли с Каритой, и заполнил ее рекламой. Если Мэнни заставил взломать ее ради персонального аудита, пусть смотрят. Они не найдут ничего, кроме сценариев, набросков, завершенных работ, списков реквизита. Если даже у них и были какие-то подозрения, Мэнни все равно будет выглядеть полным идиотом.

Самым поразительным в его плане, подумал Гейб, невидяще уставившись на экраны инфолайна на стене, оказалось то, что он его выполнил до конца. Он действительно набил систему новыми клипами и сценками с рекламой бронежилетов, медикаментов, одежды – всем тем, что накопилось у него в очереди на производство. Будто превратился в какой-то автомат, штампующий ролики один за другим, не задумываясь даже, выйдет у него что-нибудь или нет, просто делал – и все. Надо, вот и делал. Выходит, не так уж он и перегорел, как ему казалось. Либо так, либо именно ощущения опасности ему и не хватало, чтобы заглохший было мотор творчества снова набрал обороты.

Он клепал рекламу, ожидая развития событий, какой-нибудь писульки от Мэнни во внутренней почте компании, приглашающей его зайти к нему в кабинет, или появления самого Мэнни у дверей его «ямы». Но ничего не происходило. Мэнни нигде было не видать.

Может, Мэнни на самом деле ничего и не знал? Может, хакеру удалось каким-то образом все прикрыть? Такую вероятность тоже нельзя исключить, думал Гейб, раз он успел после предупреждения хакера вовремя очистить систему от улик непрофильной деятельности. В таком случае, со временем, ему, скорее всего, удастся снова загрузить Марли с Каритой, тогда он будет действовать осмотрительнее и постарается поддерживать

производительность поровнее, если получится. И не придется лишаться всего так резко. Оставаться ни с чем.

К счастью, они с Кэтрин все эти дни не виделись, с тех самых пор, как она объявила, что уходит от него. Стоило ей только глянуть на него – сразу бы раскусила, что его беспокоит что-то еще, кроме распада их брака. Но у них в кондоминиуме все вернулось к видимости нормы: она сидела, запечатавшись в своем кабинете, а он, как обычно, на цыпочках входил в гостевую спальню и устраивался там, а потом так же незаметно выходил. Очевидно, ее дом пока не выставили на продажу. Скорее всего, она уведомит его, когда придет пора съезжать, поэтому неплохо бы заняться поисками квартиры, но если уж он не дал Мэнни себя затоптать, то и Кэтрин не стоит этого позволять.

За спиной послышался шелест раздвинувшейся двери.

– А, вот ты где!

Голос Ле Блан заставил его вздрогнуть и залить холодным кофе брюки.

– Прости, – сказала Ле Блан, смущенно рассмеявшись. – Я не знала, что средства масс-медиа повергают тебя в транс. А что ты тут делаешь один, когда все наверху на этой дури Мириша смотрят шоу?

Он только моргнул в ответ, промокая пятно салфеткой.

– Дури Мириша?

– Ну, на этой дурацкой платформе на двадцатом этаже. – Взяв из диспенсера на столе еще одну салфетку, она подала ее Гейбу.

– А что там за шоу?

– Своего рода шоу. Та женщина заявила, что собирается прыгнуть вниз.

Гейб потряс головой.

– Какая женщина?

– Та самая, которая тебя ударила. Сидит на ограждении и говорит, что прыгнет. Я подумала, тебе стоит посмотреть.

– Она собирается покончить с собой?

– Да, она не вынесла этих стен. Собственно, она там сидит в амуниции с такими длинными эластичными шнурами. Думаю, это какой-то трюк… – Ле Блан вытащила его из кресла. – Пойдем, ты должен увидеть это своими глазами, иначе не поверишь.

* * *

«Надо же, собрались, как на праздник», – подумала Джина, глядя на людей, толпившихся на платформе. Двое охранников старались оттеснить их подальше, а какой-то прыщ по имени

Клуни бегал туда-сюда, изображая из себя главного. Охранники спорили между собой: вызывать ли им подкрепление или доказать свою эффективность, справившись без посторонней помощи. «Боже, избави нас от охранников, стремящихся что-то доказать», – подумала она. Неподалеку от нее, облокотившись на ограждение, стоял Вальжан и нетерпеливо притоптывал, в то время как плотно вписанные один в другой узоры на его плаще свирепо свивались и развивались. Казалось, она слышит его мысли, настолько явственно они были написаны у него на лице: «Ты будешь наконец прыгать или подождешь, пока побольше публики соберется?».

Она проверила все застежки на своей сбруе, убедилась, что эластичные шнуры крепко привязаны к каменному парапету, туже затянула на голове обруч с миникамерой. В качель эту «Канадейтайм» с ее «знаковым элементом». В прошлый раз ей пришлось прыгать «солдатиком» с крыши старого склада «Ай-Трэкс», причем Вальжан еще жаловался, что падение вышло недостаточно длительным. На этот раз длительности ему хватит. Шнуры растянутся минимум на пятнадцать этажей.

– Вы должны закрыть все выходы, убрать отсюда всех этих людей и развернуть серьезную спасательную операцию! – орал Клуни на одного из охранников. Внезапный порыв ветра залепил ему рот широким отложным воротником рубашки. Охранник отодвинул этого паяца в сторону.

– Мэм, прошу вас, пожалуйста, слезьте с парапета и немедленно вернитесь в здание! – крикнул ей охранник. – Не заставляйте нас вызывать сюда вашего начальника.

– У-у, начальник долбаный, я прямо дрожу от страха, нашли, чем испугать, – пробормотала она себе под нос, глядя на Западный Голливуд и горы Санта-Моники. Будто они ни словом об этом Ривере даже не обмолвятся, если она их послушает и тихо слезет. Как она и говорила Ударнику, когда они перешли в «Ди-Ви»: работаешь на большую корпорацию – жди, что тебе постоянно будут всякую лапшу на уши вешать.

А во что, собственно, она верила, и намного ли это лучше той лапши… Разве, если просверлить Марку голову в восьми местах, это позволит подзарядить его батарейки? А если она сделает это вслед за ним, мир вокруг станет как новенький?

Если согласишься – завтра же вместе с Марком полетишь. В Мехико. А если нет – они найдут способ избавиться от тебя, Джина. Я знаю это совершенно точно.

Давай, перегибайся вниз, пока они еще просят вежливо.

Он хочет, чтобы ты поехала вместе с ним. Но если откажешься, он все равно поедет, потому что это уже вопрос

решенный. Ривера не хотел, чтобы я тебе оставлял много времени на раздумья, чтобы ты не пыталась отговорить Марка.

На платформе показался тот тип, которого она на днях звезданула. Вид у него какой-то ошарашенный, – наверное, он всегда такой, подумалось ей.

Если поедешь с ним – он, скорее всего, выдюжит. Это его последний шанс не спечься окончательно, но если ты поедешь с ним, сомнений нет. Из-за того, что вы значите друг для друга, даже если сами того не понимаете.

Во что же еще она верила, и что из этого глупо, а что нет? Она долго барабанила в дверь Марка, но его в «яме» не было. Потерялся где-то в своей видеосфере, в тупосфере.

Кто же и найдет его, Джина, если не ты?

За эти слова она чуть не вмазала Ударнику. За них и еще за то, что ничего не говорил ей до тех пор, пока не стало уже поздно что-либо предпринимать. Но в этом она Ударнику не признается, хотя он стоял и ждал, не признается ни за что. Пусть вот сам проползет на коленях через сорок семь миль колючей проволоки. Она снова оглянулась на толпу, собравшуюся на платформе, взгляд на секунду задержался на побитом типе. А вот Ударник еще сюда не выполз. И Марка тоже не видно.

Вальжан выпрямился и перебросил полу своего плаща через плечо. По материалу на большой скорости проносились изображения облаков. Чего она ждала? Ей нужно совершить это тупое падение. Запечатлеть его у себя в сознании, чтобы после того, как ей пробуравят голову, оно полилось из дырок как прекрасный сон, и тогда никакая видеокамера, привязанная ко лбу, ей уже не понадобится. Она встала на парапет, удерживая равновесие и не обращая никакого внимания на охранников, которые снова принялись на нее кричать.

– Подождите!

Побитый тип отделился от толпы и направился к ней. Выглядел он так, словно его вот-вот вырвет. Она уперла руки в боки.

– Что тебе?

Он застенчиво оглянулся.

– Э-э… послушайте, а вы уверены, что знаете, что вы делаете? В яме ведь есть сбруя для полетов…

Забавно, похоже, он действительно волновался за нее. Неожиданно у нее в голове родилась задорная идея.

– Как насчет того, чтобы сквитаться?

Его аж перекосило.

– Что?

– За тот раз, когда я тебе вмазала.

– Ты просто хочешь привлечь к себе внимание! – разорялся прыщ Клуни, даже пальцем ей погрозил. В ответ она выставила ему другой палец.

– Так хочешь сквитаться или нет? Я ведь все равно полечу, только либо сама прыгну, либо ты меня столкнешь.

Тип просто позеленел от страха.

Тогда она махнула рукой. Когда просишь, никто тебя не столкнет. Да и вообще идиотская была идея. Повернувшись к типу спиной, она глубоко вздохнула и специально посмотрела вниз, чтобы сильнее закружилась голова. Платформа выступала достаточно далеко, так что ее не размажет по зданию. Очень предусмотрительно со стороны конструкторов и строителей. «Интересно, зачем вообще соорудили эту платформу?» – подумала она и шагнула вниз.

После того, как ее подбросило на шнурах в третий раз, Джина решила – какого черта. Она поедет.

* * *

Поднявшийся бедлам увенчался появлением Мэнни и человека постарше из той компании, Ударника. Гейбу не особенно хотелось видеться с Мэнни, но не хотелось и уходить, пока охранники не вытянули женщину назад через парапет. Она, похоже, была в полном порядке – по крайней мере, не хуже, чем всегда. Незнакомец в странном плаще все пытался обойти Клуни, который все отталкивал его, повторяя, что посторонним сюда вход воспрещен. Гейбу стало даже интересно, – что, Клуни себе думал, он может в этой ситуации предпринять? Все прочие толклись вокруг, бурно обсуждая увиденное, но в голосах их Гейбу слышалась странная похотливость. Для них это было самое возбуждающее зрелище с тех пор, как кинозвезды из очень популярного, хотя и идиотского фильма «Безумие любви», посещавшие «Диверсификацию» во время своего паблисити-тура, вдруг затеяли самую вульгарную драку. Тогда безумие любви, теперь – безумие рок-видео.

Мэнни заметил его почти сразу и дружелюбно кивнул. Недоумевая, что бы это значило, Гейб кивнул в ответ, а потом отступил в проход, ведущий к лифтам, в то время как Мэнни напустился на Джину Айеси.

Она несколько раз показала на Ударника, потом вниз и помахала кулаком под носом у Риверы – может, собиралась врезать и ему тоже, подумал Гейб, с радостью представив, как Мэнни летит на пол с расквашенным носом. Но тут она резко

повернулась ко всем спиной и принялась снимать сбрую. Мэнни с Ударником тоже отвернулись от нее и пошли к лифтам. Гейб попытался сделаться невидимым, но Мэнни остановился перед ним.

– Как челюсть?

Гейб моргнул.

– Что, простите?

– Челюсть. – Мэнни похлопал себя по щеке. – Лучше?

– Прекрасно, – выдавил из себя Гейб и кивнул. – Э-э, спасибо.

– Рад слышать, – сказал Мэнни и вошел в лифт, Ударник за ним. Гейб проследил за ними глазами. После их убытия люди массово повалили на выход. Гейб проскользнул обратно против движения толпы туда, где Джина Айеси упаковывала сбрую под суровыми взорами охранников.

– Представление окончено, – говорила она им. – Не знаю, зачем вы тут торчите. Боитесь, что я украду эту чертову платформу, на которой стою?

Человек в плаще презрительно оттолкнул Клуни.

– Скажи им, Джина.

– Мы проэскортируем вас обратно, до вашей рабочей зоны, – изрек один из охранников. – Где вам надлежит оставаться. А этот этаж закрыт для вас, вам не следует больше появляться здесь.

Она смерила обоих взглядом.

– То есть, если я правильно поняла, вы *меня* отсюда прогоняете.

– Просто следуйте за нами, мэм. – Охранник протянул руку, чтобы взять ее за плечо, но она шлепнула по ней.

– Я отведу ее, – вдруг предложил Гейб. – И провожу до ее ямы.

Охранник с яростью уставился на него.

– Ты был с ней заодно.

– Нет, не был, – возразила Джина. – Прочь с глаз моих. Я разрешаю ему эскортировать меня.

Охранники повернулись к человеку в плаще.

– Сэр, мы должны проэскортировать вас из здания.

– Вот-вот, проэскортируйте его, – сказала Джина. – Вы двое вполне могли бы открыть эскорт-службу. Возможно, это у вас вышло бы лучше, охранники вы, прямо скажем, дерьмовые.

Те повели человека в плаще к лифтовому холлу, где еще было многолюдно, она посмеялась немного, а потом окликнула:

– Эй, Вэл, ты осознал, что я записала твое долбаное падение?

– Надеюсь, хорошо записала, – крикнул он в ответ, пока охранники проталкивались с ним сквозь толпу.

Джина стянула полоску с камерой и потерла лоб.

– Не откажешься подождать, пока эти столпы общества уедут, прежде чем эскортировать меня? Раз уж сталкивать отказался.

– А ты бы упала маслом вверх? – спросил Гейб к собственному удивлению.

Она улыбнулась в ответ. Ну и улыбка у нее, подумал Гейб. Она его очаровала, хотя и непонятно почему. Джина бросила ему камеру, которую он поймал с ловкостью, какую редко демонстрировал за пределами симуляции.

– Пойдем, – сказала она. – Можешь со мной немного прогуляться.

Глава 19

– Черт, нет, – сказала Гатор. – Учитывая, как он тут выключился, не думаю, что ему хватит духу притащить сюда свою дохлую задницу снова. – Она закончила протирать иглу и положила ее на поднос. – Особенно после моей проповеди. Не говоря уже о татуировке.

– Не думаю, что он вообще ее заметил, – мрачно откликнулась Роза.

– Ну, она, по крайней мере, безобидна, – сказала Гатор. – Ни в какое сравнение не идет с тем, что он вытащил из твоего почтового ящика, это уж точно, – она бросила на Розу скептический взгляд. – Неужели ты никогда не просматриваешь и не удаляешь старую почту?

– Последнее время было не до того, – сказала Роза. – Кроме того, я ее настроила так, чтобы письма автоматически сохранялись в офлайновой папке. Вряд ли он додумался туда заглянуть.

Сэм поднялась от ноутбука Гатор.

– Итак, он нигде не всплывал. Ни с данными, ни без.

– Он и не сумел бы. Джоунз ведь не хакер, – сказала Гатор. Подойдя к Сэм, она вызвала на экран веточку плюща. – Я его пометила этим рисунком. Могу разослать копию всем членам клуба «Татуировка месяца», куда входит практически вся конгрегация Святого Диза, но мне казалось, что вы хотели его обнаружить прежде других. Он не хакер, но разбирается что почем и знает, что может получить неплохие деньги за то, что урвал у тебя.

– Если он не на Мимозе, то я просто ума не приложу, где его искать, – с отчаянием сказала Сэм.

Гатор нахмурилась.

– Ну, я не утверждаю, что его нет на Мимозе. Только сказала, что его тут, у меня в палатке, не было. Вполне возможно, что он где-то здесь неподалеку укрывается. Может, вы даже мимо него проходили, да не заметили.

– Великолепно, – сказала Роза. – Какие еще будут гениальные идеи?

– Сколько угодно, – великодушно пообещала Гатор. – К примеру, узнайте, когда и где состоится очередной набег. Готова

ручаться, что Джоунз будет в центре событий и попытается сбыть свою добычу кому-нибудь из хакеров.

– Почему ты так уверена в этом? – спросила Сэм.

– До знакомства с Кили Джоунз в набегах пропадал безвылазно. Постоянно там болтался, рассчитывая, что его заловят вместе с какой-нибудь знаменитостью, чтобы таким образом и его изображение попало в инфолайн. Или надеясь вместе со знаменитостью избежать поимки, а потом надраться у нее в доме.

– Нам туда ехать рискованно, – с сомнением в голосе сказала Сэм, – ведь наши имена в «горячей десятке». Если нас заметут во время набега, мы можем исчезнуть, как Кили.

– Вовремя смойтесь, – сказала Гатор.

– Спасибо за совет, – раздраженно бросила Роза.

Гатор улыбнулась и склонилась над своим ноутбуком.

– Могу снабдить вас документами, которые выдержат проверку, даже если вас заметут, и вы проскочите любой суд не хуже арбузных семечек. В данных обстоятельствах это большее, на что я способна. Диз попросил меня дождаться здесь Феца.

– Святой Дисмас? – спросила Сэм.

– Известный некоторым как мой личный врач, – ответила Гатор.

– Ты с ним говорила?

Из принтера одна за другой вылезли две полоски бумаги. Гатор передала их девушкам.

– Он присылает мне узоры для татуировок.

Сэм хотелось подробнее расспросить Гатор об этом, но Роза уже тянула ее из палатки.

– Пойдем, нам надо разузнать про следующий набег. Если повезет, выловим Джоунза еще до того, как он туда отправится.

– Я бы на вашем месте не ехала туда вместе с остальными, – сказала Гатор. – Просто выясните, где все будет происходить, и езжайте сами.

– Погоди, – Сэм остановилась у входа в палатку. – А как же ты? Ведь и твое имя в «горячей десятке».

Гатор широко улыбнулась.

– О, меня они уже обнаружили. В морге Санта-Моники. Мой личный врач установил факт моей смерти и выписал свидетельство пару часов назад. Не одному же Джоунзу умирать.

* * *

Существо было восьми футов ростом и напоминало

одновременно самурая – а точнее, то, как обычно самурай изображался в видео, – привидение-вуду и какую-то фантастическую машину, и выполнено было в высоком разрешении. Оно двигалось по небольшому кругу в центре комнаты, выписывая движения сложного стилизованного танца, странным образом напомнив Гейбу семафор. Он, раскрыв рот, следил за существом, а сам сидел на полу, скрестив ноги и прислонившись к дивану; на колене у него стоял стакан с каким-то напитком. Он находился в чьей-то гостиной – огромной, бесконечной гостиной, среди пестрого сборища людей, которые ели, пили, входили и выходили, глядели на множество экранов, занимавших все стены, осторожно обходя это странное существо в центре комнаты.

Его сюда привела Джина, после того как пригласила прогуляться с ней по завершении буйной сцены с падением на платформе. Нет, не пригласила, а дозволила. Джина никого не просила.

Он отхлебнул еще глоток напитка – казалось, он пьет его уже несколько дней. На вкус это напоминало какой-то травяной настой с добавлением специй, но определенно пьянило. Бокал дала ему Джина. И, кажется, велела выпить, даже не спрашивая, хочется ли ему. А вот теперь он не помнил, как оказался в этой огромной, бесконечной гостиной.

Его поле зрения пересек тип в безумном плаще. Теперь Гейба неудержимо притягивали бесконечно переменчивые узоры на ткани плаща. Будь он в состоянии, то поднялся бы, подошел к этому человеку и поблагодарил за то, что он облачился в столь непостижимо чудесную вещь.

Раздумывая, не осуществить ли свое намерение, он краем глаза заметил какое-то движение. Обернулся посмотреть, но никого не увидел. Странно: он мог бы поклясться, что вернулось то самое искажение, странное темное пятно, которое следовало за ним в «Охотниках за головами».

Эта мысль формировалась медленно, но постепенно выплывала на поверхность его вязкого сознания. Нет, тут не может быть никакого искажения, потому что он сейчас не в симуляции. Хотя чувствовал себя точь-в-точь как в ней. И голоса Марли с Каритой звучали у него в голове так же ясно, как из динамиков шлема. Слов он не мог разобрать, но это было не столь уж и важно. Программа будет развиваться дальше, а Марли с Каритой о нем позаботятся. В конце концов, у Кариты была камера, и она могла точно определить, реальность перед ним или голограмма.

– Да, голограмма, – сказал чей-то голос поблизости. – На те

деньги, которые Вальжан тратит на голограммы, можно было бы содержать целый новый канал инфолайна. По крайней мере, часть дня.

Существо в центре комнаты вдруг вытянулось и превратилось в столб пламени.

– Ложись! – крикнул Гейб и закрыл голову руками, ожидая взрыва и волны жара. Когда ничего не произошло, он опустил руки и огляделся вокруг. Несколько человек глядели на него с удивлением. Столб огня по-прежнему пламенел в центре комнаты.

Кто-то легко постучал его по голове.

– Думаю, это ваше. – Обернувшись, он увидел, что какая-то женщина протягивает ему пустой бокал. На шелковистом лифе ее платья растекалась мокрая клякса. У женщины на лице отражалась смесь веселья и досады, совсем как у Марли. – Знаешь, если не уверен, что можешь справиться с «Лотосом», лучше к нему не притрагиваться.

– Снято, – сказал новый женский голос. Повернувшись в другую сторону, Гейб увидел девушку небольшого роста с камерой в руке. Не Кариту. Конечно, ее и не должно здесь быть, подумал он, совсем запутавшись. – Это будет очень эффектно, – продолжала та. – Мы специально плеснем еще, вот так, веером. Будет выглядеть, словно он бросает в вас алмазы. Публика просто завизжит от восторга. – Она посмотрела сверху вниз на Гейба. – Не помню, чтобы вы нам подписывали разрешение на видео-права. Не забудьте подписать перед уходом, или мне придется выдумывать какую-нибудь замену.

– Так *это* видео? – спросил Гейб, окончательно запутавшись.

– За это мне тут и платят.

Женщина продолжала что-то говорить, но он перестал обращать на нее внимание, с трудом поднялся на ноги и обвел взглядом комнату. Если это видео, то Марли с Каритой должны быть где-то поблизости. Он их отыщет, и они вместе пойдут выслеживать охотников за головами.

Он двинулся дальше, озираясь. Лица подплывали к нему ближе, а потом отплывали, покачиваясь, будто раскрашенные воздушные шарики на волнах.

– …посылаю своему агенту фрагменты этих съемок, – бубнил чей-то голос поблизости, – а он все твердит, чтобы я держался подальше от живого видео на таких вечеринках. Не понимаю, почему. Лично я считаю, если камера тебя любит – то любит, никуда от этого не денешься. Меня она любит, поэтому я заслуживаю самых лучших ролей.

Ответа Гейб не услышал, а может, его и не последовало. Тем

временем он очутился перед стеной, заполненной множеством экранов, причем все они демонстрировали совершенно различные последовательности образов. Взгляд его заметался между ними, стремясь уловить суть происходящего, накатила волна дурноты.

Тут чья-то рука крепко ухватила его за локоть.

– Вот эта картинка представляет интерес, если вы знаток техно-фантазийного порно. – Теплые пальцы повернули его голову чуть вниз и влево. Перед глазами возникла странная машина золотистого цвета, из ее центра на гибких кронштейнах поднимались два блестящих конуса. Вершина одного конуса двигалась вправо-влево между светящимися знаками, нанесенными на бесконечную ленту из прозрачного материала, поступающую из невидимого источника; вершина второго была погружена в голову женщины, неподвижно сидящей в кресле рядом с машиной.

– Охотники за головами, – прошептал Гейб.

– Почти угадали, но настоящее название – «Потребность знать», – произнес тот же голос ему прямо в ухо. – Истинный приговор современной системе распыления информации. Вам дозволяется знать только то, что вам необходимо знать по мнению царей мира информации. Они называют это «маркетинговыми исследованиями», «эффективным использованием ресурсов» и «борьбой с непроизводительными расходами», но это все та же старая тактика, которую они с успехом применяют уже не первое столетие: получше запутать – пусть их плутают в темноте. Нужно быть этаким сверх-разносторонним человеком ренессансного типа, чтобы понять, что на самом деле происходит. Вы не согласны?

Гейб не мог отвести глаз от образа на экране. Кошмар почище того, что они видели в палате.

– В какой палате?

Значит, он говорит вслух, причем уже не первый раз за сегодняшний вечер.

– Где они просверливают людям головы и качают из них нейротрансмиттеры.

После некоторого молчания голос ответил:

– Должно быть, вы действительно смотрели много техно-фантазийного порно. Мне сразу это стало ясно, с первого взгляда.

Он повернулся, чтобы посмотреть на обладателя голоса. Лица было не разглядеть за преградой из струящихся наподобие вуалей узоров, но это точно не были ни Карита, ни Марли.

– Простите, – сказал он. – Мне надо найти кое-кого.

Дом горел. Нет, это он *сам* горел. Нет, он стоял в столбе огня. Совершенно о нем позабыл. В замешательстве Гейб попытался

выйти из него, но тот двигался вместе с ним, словно завладев его существом. Поглощен огненным столбом; да, программа сегодня определенно глючит. Он попытался разглядеть что-либо за языками пламени. Группка людей, собравшихся возле еще одной машины, аплодировала ему. Гейб отвернулся от них и двинулся мелкими шажками по кругу, стараясь понять, где находится. Вот стена с экранами, наверное, он пришел с той стороны, – нет, вот другая такая же стена, тогда, наверное, оттуда. Люди все еще аплодировали. Вдруг языки пламени разошлись, и он остался стоять за пределами огненного столба. Женщина в расстегнутом пальто типа шинели с бахромой на плечах что-то переключила в машине и потом укоризненно покачала головой.

– Парень, если будешь просто бродить тут, пошатываясь, и не изобразишь ничего поинтереснее, я не смогу использовать тебя.

– Простите, – сказал он. – Мне надо найти кое-кого.

Группа людей исчезла из его поля зрения, а взгляд двинулся вперед, за угол, по длинному коридору. Длинному? Нет, это просто искажение из-за спецэффектов. Из дверного проема выглянула птичья голова робота и несколько секунд разглядывала его, затем из-за нее показалось человеческое лицо и быстро дернулось влево – мол, проходи. Камера, понял он, еще одна камера. Значит, это одно из тех видео вроде «Большого званого вечера», которые выпускает развлекательный канал, подумал он: симулированные вечеринки, частные клубы и бары. Или передача типа «Момент отпуска». Тут он осознал, что все вокруг погружено в музыку, неистовый, бешеный ритм, который побуждал его забыть обо всем и расслабиться, расслабиться до конца.

На самом верху винтовой лестницы он вдруг заметил копну волос цвета темного меда.

– Марли? – спросил он. И принялся проталкиваться меж теплых тел, оттирая их к перилам. Его преследовал словесный град, и, хотя слова отскакивали, площадки следующего этажа он все же достиг, порядком устав.

Еще один коридор; Гейб двинулся по нему, открывая каждую дверь. Некоторые комнаты полны народа, другие – почти пусты, но Марли нигде не было. И вот, наконец, осталась одна комната. Последняя. Дверь полуоткрыта, но он отчего-то замешкался перед ней, хотел было постучать, а потом просто толкнул дверь ногой.

На него обрушилась музыка, волны самых разнообразных звуков. Гейб уперся обеими руками в дверной проем, чтобы не упасть. Через некоторое время в глазах у него прояснилось, и он увидел, что кровать в комнате стоит на боку у стены. Видимо, чтобы освободить место для музыкантов. И для мужчины,

который стоял на коленях посреди комнаты у маленького костерка, стараясь изящными движениями тонких пальцев распалить его сильнее.

Чуть в отдалении, спиной к нему, опершись на локоть, лежала Карита и глядела на огонь. Испустив вздох облегчения, Гейб опустился на пол рядом с ней.

– Я знал, что найду тебя, – сказал он, прислонившись к стене головой и закрыв глаза.

– Черт, что с тобой случилось? – За накатывающими волнами музыки ее голос звучал странно, как-то грубее.

– Когда? – спросил он. Ему хотелось посмотреть на нее, обнять, но голова вдруг страшно отяжелела, веки стало невозможно разлепить. Сейчас, сейчас он их откроет, ведь какой смысл смотреть видео с закрытыми глазами?

– Ладно, проехали. Ты что, доливал? Сколько порций ты выпил?

Ему удалось чуть разлепить веки. Голос Кариты звучал очень необычно, как будто кто-то вмешивался в программу. Хакер. Тот самый хакер, заявлявший, что он на его стороне, на самом деле сотворил что-то с его программой. Гейб попытался приподнять голову. Мужчина в центре комнаты жег какой-то музыкальный инструмент, понял он, электрическую гитару прошлого века, поливал ее чем-то, потом подносил спичку. А кто-то еще спрашивал, достаточно ли у него опыта.

– Вопрос не в этом, – сказал Гейб. – Вопрос в том, кто *действительно* на твоей стороне. Любой может так заявить, но… но… – Мысль неожиданно иссякла, будто кто-то открыл затычку, и она вытекла, как вода из трубы.

– «В чем не находишь кайфа, в том нет смысла»[22], верно? Это ты хотел сказать?

Он повернулся к ней и ощупью взял за запястье.

– Я хотел сказать, что нас обнаружили. Поэтому надо уходить. Где Марли?

– Обнаружили? Обнаружили что-то тайное, связанное с тобой?

Раздался резкий хрипловатый смех, так непохожий на смех Кариты, и в то же время отчего-то не противоречащий ее образу. Через путаницу мыслей и видений что-то пыталось достучаться до его сознания – может, напоминание календаря, подающего почти неслышные сигналы? Но никаких сообщений перед ним не появилось.

– Это был Мэнни, – наконец выдавил он из себя. – Это он обнаружил. Правда, не совсем законным образом, и я не знаю, что он собирается предпринять.

– Мэнни? Ты имеешь в виду Риверу? – Снова раскат смеха. – У этого типа вообще все не совсем законно. Я бы могла многое тебе о нем порассказать.

– Ты? – спросил Гейб, совершенно растерявшись.

– Если захочу, что мне помешает?

Мужчина по-прежнему жег свою гитару. Или жег заново. По его фигуре пробежала рябь, и Гейб понял, что видит перед собой голографическую запись, причем очень старую.

– Сейчас все равно не время для рассказов, – сказал он, помолчав. – Я прикрылся, как смог. Теперь он найдет только рекламу, ничего больше, но нам придется довольно надолго расстаться.

Он снова замолк, сплетя свои пальцы с ее. Как все реалистично – можно было ощутить, что ее ладонь вспотела, даже почувствовать фактуру пальцев, тепло кожи. Гейб попытался вспомнить, когда выпустили такие новые виртукостюмы с усовершенствованными сенсорами. Раньше ощущения никогда не были столь живыми – только достаточно достоверными, а сознание дополняло их недостающими штрихами, руководствуясь визуальными образами. Обычно так и происходило, если ты отдавался на волю воображения. Собственно, без этого по-настоящему хорошего видео не получалось, даже рекламы…

Еще через некоторое время он понял, что снова говорит вслух, не осознавая этого. И уставился на языки пламени, лизавшие гитару.

– Я дала тебе две порции «Страны лотоса», напитка с небольшим галлюциногенным эффектом, просто чтобы ты перестал выглядеть таким зажатым и напряженным. Не знаю, сколько еще в тебя влили там, внизу, но, похоже, сильнее ты в жизни не накачивался.

Нахмурившись, он повернулся к девушке и вздрогнул. Это была не Карита.

– Ты хоть помнишь, что с тобой происходило с того момента, как ты сюда зашел? – спросила его Джина. Немного подождала, потом ответила сама. – Не думаю.

«Внимание, – раздался голос Марли у него в голове. – *Это не симуляция».*

– Поздновато предупреждать меня об этом, – пробормотал он.

– Поздновато? – Джина безрадостно рассмеялась. – Да позднее, верно, и не бывает. – Глаза ее зияли двумя черными провалами, и Гейб понял, что Джина приняла еще большую дозу, чем он. – Теперь стало намного проще работать со звуком и видеорядом, поэтому теперь очень мало чего осталось реального. Мы изобрели более быстрый и верный способ *реально* получать

нереальный опыт. Не понимаешь, о чем я говорю, да?

– Я даже не понимаю, о чем *сам* говорю, – честно признался он.

– Ладно, главное не опускаться ниже из той тупосферы, куда мы залетели. – В дверь просунулась видеокамера, медленно обвела всю комнату, снимая общий план, и снова исчезла. – Вот, видишь, – продолжила Джина. – У Вальжана договоренность – не со мной, – что все его вечеринки записываются и потом транслируются. Тут даже в туалет нельзя сходить, укрывшись от долбаных зрителей. И потом все это распространяется на чипах «Богатые и известные». Публика где-нибудь в Канзасе покупает их, вставляет в свои консоли с плоскими мониторами или видеошлемами – если такая штука у них в Канзасе водится, – и оказываются в самой гуще вечеринок, на которые в действительности у них нет ни малейшего шанса попасть. А знаешь, откуда ноги растут? Откуда взялась такая идея?

Гейб покачал головой. Что бы это ни было, отчего его так вело, теперь выдыхалось из организма, между пиками отмечались теперь явные провалы. Желудок словно жгло каленым железом.

– Когда-то существовали такие телешоу с танцующими ребятами, еще в древности, когда экраны были только необъемные и вообще даже черно-белые, когда на телевидении работало всего две-три компании на двух-трех каналах, которые можно было поймать в любом городе. Звучал какой-нибудь новый хит, ребята танцевали, а солист или группа делали вид, что исполняют эту песню, шевеля губами. Перед камерами было не больше сотни людей, но зато миллионы по всей стране танцевали вместе с ними, воображая, что они тоже находятся там.

– Угу, – вежливо согласился Гейб. Он попробовал представить себе картину, о которой она рассказывала, но смысла пока не улавливал.

– Позже музыка начала за что-то бороться, – продолжила она рассказ немного более спокойным тоном. – Идеи проникали в музыку, а музыка воплощала собою идеи. При выпуске новых альбомов исполнители заявляли: «Мой альбом направлен против того-то», – или: «Мой альбом – в поддержку того-то». Потом кому-то из исполнителей даже пришла светлая мысль на свои сверхприбыли кормить голодных. Ты, может, этого уже и не помнишь. Сейчас никто больше так не делает. Теперь они снимают голодных на видео и называют это то ли «нищее порно», то ли «трущобное порно», точно не помню. И вот, значит, у них выходили альбомы, которыми они боролись и за то, и за это, но в конечном итоге все они боролись друг против друга за место в старом добром хит-параде. Десятое место с особой отметкой,

четвертое место… На самом деле все им было по барабану, совершенно по барабану. К примеру, говорили о некоем «мире во всем мире», а как устроен мир – даже себе не представляли, ни чуточки, витали себе где-то. Желали спасать этих проклятых китов, а сами даже не жили в реальном проклятом мире.

Она убрала дреды назад со своего высокого гладкого лба, таким резким и решительным движением запустив в них пятерню, что Гейб со страхом подумал: сейчас оторвет.

– Конечно, нельзя винить только их. Безумия вокруг всего этого хватало, даже еще до расстрела на стадионе во время концерта группы «Бегемот». Ты помнишь, или это было еще до тебя?

Гейб попытался вспомнить, но Джина уже махнула рукой.

– Неважно, возраст, собственно, тут ни при чем, это все забойно заснято на видео, нужно только настроиться на порно-канал катастроф. И увидишь, как похожий на Иисуса юнец в камуфляже одним движением руки лишает жизни тысячу ребятишек, и почувствуешь себя так, как будто ты был *там*. Хотя и прежде хватало психов с ружьями и ножами, у которых вместо мозгов плескалось дерьмо, как у того типа, застрелившего Леннона.

– Ленина? – озадаченно спросил Гейб.

– Собственно, с таким же успехом он мог застрелить собственный телевизор. Но, знаешь, все жалели певца. Помню, бабка рассказывала, что все жутко расстраивались, и даже через пятнадцать лет после смерти из его записей все еще делали фильмы, только отношение переменилось: вначале его хотели видеть, не желая верить в смерть, а потом уже неважно было, что с ним на самом деле произошло, главное, что можно было смотреть фильмы. Так сварганили симуляцию, долбаную *симуляцию* этого человека, даже начали устраивать симулированные интервью и получать симулированные ответы на симулированные вопросы, пока наследники не воспротивились и не запретили такую практику. – Она остановила на нем вопрошающий взгляд. – Ты понимаешь хоть единое слово из того, что я тебе говорю?

Гейб крепко задумался.

– Ну, насколько мне известно, права переходят в общий доступ через сто пятьдесят лет после смерти, если нет наследников. Но с наследниками временной предел уже другой, и требуется разрешение…

– Мне хочется, чтобы мы что-то значили в жизни, – сказала она. – Чтобы чертова музыка что-то значила, и люди тоже. Совершенно не желаю, чтобы рок-н-ролльное порно соседствовало

с медицинским, военным, оружейным и кухонным порно – черт, со *всем* этим проклятым, долбаным видеопорно. – Она махнула рукой на голографическую проекцию; гитара снова горела. – Они позаботились зафиксировать его, чтобы продлить *его* жизнь. Им невдомек, что он и без того жил бы вечно, потому что песня рождалась в нем, шла от сердца, от настоящего чувства, поэтому и была истинной, настоящей. Мне хочется, чтобы музыка шла у людей изнутри, из самого их долбаного существа, чтобы она заставляла их чувствовать себя живыми, а не очередной группкой дергающихся дебилов на видео с высоким разрешением!

Она обхватила руками колени. Гейб коснулся ее плеча, желая предложить какую-то помощь и не имея ни малейшего представления, чем он может помочь.

– Вот почему я собираюсь сделать это, – сказала она после небольшой паузы.

– Что сделать? – спросил он.

– Перемену ради машин.

Он потер скулу в том месте, где она ударила его – теперь казалось, сотню лет назад.

Неожиданно она шлепнула его по ноге.

– И тут появляешься ты. – Она поднялась и протянула ему руку. – Пойдем. Прогуляемся чуток.

Он с опаской поглядел на протянутую руку.

– Не бойся, не буду тебя больше бить. То был несчастный случай, сколько еще раз повторять.

– Не в этом дело, – медленно проговорил он, не отрывая взгляда от ее руки. – А это… будет дальняя прогулка?

– Дальше ты никогда в жизни не забирался. – Схватив его за шиворот, она подняла его на ноги.

* * *

Из пронизанной цветными вспышками темноты выплыл знак – на простой белой плоскости красной светящейся краской, без голограмм и прочих выкрутасов, было написано: «Обрезки (2 напитка минимум)». Гейб остановился как вкопанный и уставился на надпись. Она ничего ему не говорила, но почему-то вдруг возникла перед глазами, выделившись из сумятицы прочих образов.

Джина взяла его за руку.

– Только не говори, что имеешь тайную страсть и к медицинскому порно.

– О, если вы один раз наблюдали, как делают трахеотомию –

вы видели их все, – скучным голосом проговорил он, пока Джина тянула его дальше. Субстанция, которую он выпил, похоже, восстановила себя в правах в его организме, или кто-то ему добавил – этого он не мог вспомнить, – но теперь он шагал через сад стилизованных, возможно, искусственных деревьев, чьи ветви напоминали кристаллическую решетку или зигзаги молний. Вроде, было такое местечко на юге, где делали что-то чудное с деревьями, отчего листва у них становилась похожей на кружево. Большая туристская достопримечательность.

При этом улица выглядела как длинный темный туннель, и земли под ногами видно не было, поэтому он мог на каждом шагу угодить в какую-нибудь зияющую яму. Но, судя по поведению Джины, та была уверена, что под ногами твердая земля.

Тут он понял, что действительно находится в длинном темном туннеле, поднимается по нему наверх, пригибая голову, потому что потолок нависает очень низко. А Джина все тянет его за собой, и он думает – она была права, это действительно самая дальняя прогулка в его жизни, – как вдруг они попадают прямо во взрыв света и звуков.

Джина обнимает его обеими руками сзади и ведет в таком положении дальше сквозь хаос. Навстречу, прямо в лицо, плывет прозрачный шар величиной с арбуз, отворачивая вверх в последний момент. Гейб останавливается и смотрит ему вслед; на боку у воздушного шара из маленьких светящихся точек складываются слова: ЕЩЁ НАРКОТИКОВ. Он смеется и прислоняется к Джине, накрывая ее руки своими. «Нет, думаю, уже хватит», – бормочет он себе под нос. Джина тоже что-то говорит, но не ему. Это неважно – он наслаждается ощущением обнимающих его рук. Он уже успел забыть, до чего приятно ощущать это по-настоящему, а не в виртукостюме.

«Все твое тело – сплошной виртукостюм», – произнес голос Кариты у него в голове.

Тогда, значит, мозг – это видеошлем, сонно продолжил он эту мысль и осмотрелся. На сцене в дальнем конце комнаты какая-то женщина, державшая в руках странное устройство, напоминавшее уродливую помесь лопаты и клавиатуры, что-то кричала во всю мочь своих легких. Время от времени она грохала широкой частью своего инструмента о сцену. После третьего раза он заметил, что из места удара сыпятся искры.

Да, его тело было виртукостюмом, мозг – видеошлемом, но вот программа, похоже, совсем заглючила.

ЕЩЁ НАРКОТИКОВ.

* * *

Он сразу понял, что она барабанщица, но какое-то время ушло на осознание того, что ее фамилия была *Нечто*. Золотистый оттенок ее кожи был гораздо более желтым, чем у Кэтрин, но ей шло. На ней это было Нечто. Шуточки Гейба насчет Нечто ее не особенно впечатлили, но она, по крайней мере, не стала бить его своими палочками. Вместо этого она измывалась с их помощью над столом.

Может, и ему стоило раздобыть себе какие-нибудь палочки, подумал Гейб. Тогда можно было бы поупражняться в офисе Мэнни. Бинг-бэнг-бэп, флип-флип-тэп. Барабанщица свои из рук не выпускала, поэтому он стучал по столу пальцами, пытаясь врубиться в выбиваемый ею ритм. Немного погодя она сказала ему, что у него неплохо получается, поэтому, если он хочет заняться музыкой, она согласилась бы ему помочь. Но тут Джина подняла его с места за шкирку, и он мог только наблюдать, как расстояние между ним и столом начало увеличиваться. Палочки выбили прощальный ритм, после чего пространство между ним и ею заполнила сверкающая толпа. Значит, он покидал это место.

* * *

Так он все удалялся и удалялся, в памяти задержалось смутное воспоминание о воздушном шаре, намного более четкое – о желто-золотистой женщине с танцующими палочками, а потом о кирпичной стене с ползающими по ней змеями… А, может, это был кирпичный пол? Или кирпичный потолок? Но вот они вышли на свежий воздух. Кто-то говорил: «Виртуальная реальность – очень широкое понятие. Включает в себя множество самых различных вещей. *Огромное* множество».

Поле зрения снова прояснилось, и теперь он смотрел на монитор компьютера, разделенный пополам; на обеих половинках снизу вверх с разной скоростью перемещались почти одинаковые наборы цифр.

Тот же голос продолжал:

– Справа – показатели, характеризующие зону при обычных условиях, когда там никого нет. А слева – реальные показатели, которые мы перехватываем с датчиков охранных систем…

У него в голове раздался голос Марли: *«Попытайся сказать это в пять раз быстрее».* Нет, не ее голос, а его собственный, решил он. Почему-то ему вдруг расхотелось отказываться от своих мыслей и приписывать их выдуманным личностям. Сейчас вовсе ни к чему отделять части себя, рядить их в маски и костюмы, чтобы они составляли ему компанию…

– … временно размещается с целью создать внешнюю симуляцию в точке входа в систему безопасности, где мы изменяем показатели на те, которые характеризуют пустое помещение. Вот, видите, это атмосферное давление, скорость ветра… Со звуком и визуальной сферой немного сложнее, потому что требуется вставить свои данные между тем, что видят и слышат камеры и тем, что они сообщают системе. Поэтому мы гоняем внешнюю симуляцию по кругу. Это и есть обводной цикл. Нужно только внимательно следить, чтобы ничего не сместилось…

Он снова потерял нить происходящего, куда-то поплыл, хотя не был уверен, что движется физически в пространстве. Впрочем, он все-таки двигался. Световые и цветовые пятна перемещались через большие вместилища темноты, что не помогало сориентироваться.

– Да, всех нас бросает на этих волнах, как пробки, – разогнувшись от синтезатора, сказал какой-то парнишка. – Я прекрасно чувствую звуки гитар. Самые разные. И мне никто больше не нужен. Послушай меня, и ты поклянешься, что играют четыре-пять человек…

Кто-то перебил его. Тогда он протянул Гейбу руку и тот пожал ее.

– Запомни меня, – сказал он, тряся Гейба за руку. – Меня зовут Декстер, и я – целая компания в одном теле. Клянусь, это так. Скажи ей, пожалуйста. Скажешь?

Гейб ошеломленно кивнул и двинулся дальше. Целая компания в одном теле. Он мог это понять. Даже очень. Просто вытаскивай их по одному из этой компании и делай из них отдельные личности, хорошие и плохие, а потом помещай в симуляцию, и тогда не придется больше быть одному…

До конца < месяц.

Память ударила его, будто кулаком в лицо. Теперь он очень хорошо себе представлял, каково человеку, которого так бьют, и если когда-нибудь придется программировать виртукостюм с покрытием для лица на ощущение короткого удара кулаком в морду – он готов. Надо будет, подумал он, получить еще удар в живот, потом встроить *это* в какую-нибудь рекламу и убедить Мэнни протестировать ее в виртукостюме. Вот будет старине Мэнни сюрприз, не заставит ли он его призадуматься? Травмы это ему не нанесет, просто будет неприятно. Ведь воздействию подвергнутся всего лишь нервные окончания в коже.

Но ему необходим чувственный опыт, чтобы запрограммировать виртукостюм без ошибки. Подмена тут совершенно не годилась. Мэнни терпеть не мог

сфальсифицированный материал, сразу распознавал неестественность ощущений.

Он положил руки на живот. Руки Джины давно перестали его обнимать, и ему хотелось, чтобы они вернулись. Мимо него прошествовали два абсурдно длинных розовых пера, росших из маски фламинго, которая проплыла мимо, оставив за собой горячий розовый шлейф. Потом до него донеслись звуки музыки, играло множество гитар.

Он, вроде, шел куда-то, ноги двигались, но эти ощущения были приглушены, будто шел он в хорошем виртукостюме с пониженным тактильным порогом. Цветовые волны расступились, теперь перед ним расстилалась равнина с сотнями странных бугров или холмиков. Они возвышались над поверхностью земли (пахло сыростью и травой, поэтому он решил, что это земля) упорядоченными рядами. *Строем*, подумал он. Византийский сад был ему намного милее. Сад остался далеко позади, но если удастся вернуть объятия Джины, кто знает, может, и тот сад тоже вернется? Даже если ради этого придется вытерпеть от нее удар в живот – пусть, ради этого – можно.

– Джина! – робко позвал он.

Из темноты за холмиками донеслись обрывки разговора.

– …да я просто в ярости, придурок!

– Именно ярость придает рок-н-роллу величие.

– Когда это меня для тебя не было на месте?

– Ну, – бормотал про себя Гейб, аккуратно проходя между двумя холмиками, – все зависит от того, где это «место» и что я делал в это время.

– …двадцать *лет* я с тобой, знаешь, *каково*?

Вот это был голос Джины, его он никогда не забудет и узнает из миллионов. Стоило ему услышать ее в первый раз, как он понял, что никогда не забудет этот голос, и вовсе не потому, что она его вырубила. Фактурный голос, который можно было не только услышать, но и пощупать. Он продолжал звучать в его ушах всю ночь, и до этой минуты он даже не понимал, насколько успел соскучиться по ее голосу.

– Джина, – снова позвал он, устремившись вперед. И обо что-то ударился бедром. Протянул руку и неожиданно ощутил холод камня. Один из этих холмиков.

– Все не так просто, – отвечал другой голос. Не такой фактурный – наоборот, он, казалось, удалялся и затихал. – Я хотел тебе рассказать. Это как веревка, по которой можно выбраться из ямы.

Гейб наткнулся на очередной бугор и стал его огибать.

– Красиво сказано, но не имеет ничего общего с реальностью.

Вот теперь ты угодил в настоящую яму.

– Я просто вырубаюсь и гасну. Иногда уже сквозь меня можно на просвет глядеть.

– Уж я-то тебя действительно насквозь вижу.

Темнота вокруг потеряла непроницаемость. Гейб мог теперь различить деревья, старые добрые деревья, а вдали на траве лежали большие белые круги света. Теперь он двигался боком, используя холодные каменные бугры в качестве опоры и переходя от одного к другому. Если ему удастся встать таким образом, чтобы голоса оказались между ним и этим белым светом вдалеке, то он сможет определить, где находится Джина и с кем она разговаривает.

– …наверное, мы должны были больше друг о друге заботиться.

– Я ли о тебе не заботилась, поганец ты этакий?

– Но когда дело доходило до момента, когда стоило сделать что-то друг для друга, мы обычно занимались совсем иным делом, ваяли видео.

– Двадцать лет ты кормил меня всякой чепухой, и вот, значит, впервые предъявил *такую* претензию. А я не хочу справлять поминки по этим двадцати годам и разбираться, правильно мы вели себя или нет. То, что было хорошего, у нас сейчас и есть. Может, это вовсе и немного, черт с ним, но мне это важно. Свою-то жизнь я от тебя не прятала.

Теперь Гейб мог различить, что в тех далеких кругах света движутся люди; что-то в их движениях заставило его подумать: они охотятся друг за другом. Охотятся под музыку.

– Слушай, у тебя голова настроена на видео, и у меня тоже. Чем же, по-твоему, нам надо было заниматься – трогательно заботиться друг о друге на работе? И завтра, Господи, конечно, я буду завтра. *Буду*. Скажи, только честно, когда меня для тебя не было рядом?

Два темных силуэта вдруг заслонили от него тех людей в кругах света. Силуэт Джины он узнал мгновенно. Второй тоже был смутно знаком, но откуда – вспомнить не удавалось.

– Джина, – окликнул Гейб, когда она двинулась к тому, второму.

– Что? – резко спросила она.

– Джина! – повторил он радостным голосом и шагнул вперед. – Ударь меня в…

Тут что-то двинуло его как раз на уровне пояса, и Гейб полетел вверх тормашками. Правая щека впечаталась в холодный камень, в голове сверкнула разноцветная вспышка. Он даже не успел осознать, что потерял опору под ногами, когда его

садануло в спину, едва не вышибив дух. И лавина цветовых волн погребла его под собой.

* * *

Белый свет обжег глаза и вонзился в мозг. Гейб тут же зажмурился. Оглушительный шум пульсировал в ушах, через некоторое время сквозь звуки музыки стали прорываться чьи-то голоса. Что-то было плотно прижато к его щеке. Пластырь, подумал он. Если удастся пошевелить рукой, то из кармана можно будет достать еще два, или три, даже четыре пластыря…

Кто-то держал его за руку. Гейб с трудом повернул голову, ощущая, что давление на щеке чуть ослабло, и снова открыл глаза.

Перед ним проступило лицо Сэм, очертания которого то расплывались, то становились отчетливее. Щеки ее чуть запали, а широко расставленные серьезные глаза делали ее юное и испуганное лицо более взрослым. Непослушные черные волосы немного отросли и стали чуть мягче. Она ухватилась за его руку, словно желала вытянуть на берег из омута. *Всех нас бросает на этих волнах, как пробки.*

– Вот, значит, как, – сказал он, осторожно вздохнул. Спину пронзила резкая боль, сменившаяся затем тупой, ноющей. – И когда же ты вернулась в город?

Сэм на секунду отвела глаза.

– Думаю, с тобой все будет в порядке, раз ты узнал меня.

К Сэм сзади подошла незнакомая молодая женщина и положила ей руку на плечо.

– А вот о нас с тобой я вряд ли это могу сказать, куколка.

– Знаю, Роза. Еще минутку – и пойдем. А где Джоунз? Не потеряй его снова. – Она глянула вверх, Гейб последовал за ней взглядом и увидел парня с тусклыми волосами невротика, обрамлявшими вытянутое худое лицо.

– Вот так и стой там, где стоишь, – сказала Сэм парню, после чего вновь обратилась к нему. – Гейб, я не могу с тобой остаться, не знаю, что ты тут делал и что с тобой стряслось…

– Я же тебе сказала, он споткнулся о чертово надгробие, – раздался совсем рядом голос Джины. Она, оказывается, прижимала что-то к его щеке, а голова его покоилась у нее на коленях. Протянув руку, он нащупал ее пальцы и скомканную тряпочку. Джина вытянула свою руку из-под его, вложив ему в пальцы тряпичный тампон. Мельком Гейб заметил что-то красное.

– … уезжаю, – говорила Сэм. – И на этот раз надолго.

Пожалуйста, не пытайся меня разыскивать.

– Ты всегда куда-то уезжаешь, – покорно отозвался он. – Вот если бы ты осталось – это было бы новостью.

Сэм пожала плечами.

– Я собиралась дать тебе весточку позже, когда все уляжется… – Стоявшая позади нее женщина предупреждающе ткнула ее в бок, Сэм оглянулась на нее. – Господи, Роза, он же там работает. Должна сказать, Гейб, никак не ожидала обнаружить тебя в набеге в Форест Лон. – Наклонившись, она положила ему что-то в карман брюк. – Если что-то произойдет такое, ну, не знаю, и тебе понадобится мне сообщить, можешь попытаться выйти на меня через человека, чье имя я написала на бумажке.

Он недоверчиво рассмеялся слабым голосом.

– А мы не перепутали роли?

– Где *ты* находишься, я знаю. – Она отпустила его руку и встала, скользнув взглядом по Джине. – Ну, папочка, ты даешь.

Сэм пошла прочь вместе с женщиной и парнем. Он попытался сесть и окликнуть дочь, но боль в щеке и боль в спине вновь пригвоздила его к месту.

Джина подсунула ему под голову вместо подушки свою сложенную куртку и встала рядом на колени, сложив руки на груди.

– Это была моя дочь, – сказал он, все еще удивляясь, что Сэм назвала его «папочкой».

– Она мне так и сказала.

– Но я не успел ей сказать, – печально добавил он.

– Что сказать? Что тебя «засекли»?

– Ее мать от меня уходит. Она бы хотела об этом услышать.

Он отнял от лица тампон и посмотрел на него, не осознавая до конца, что тот красный от его крови. Джина снова прижала его руку с тампоном к щеке.

– Мне ты тоже как-то об этом не упомянул, – тихо сказала она. – Все больше о другом говорил. Значит, из-за этого ты хотел, чтобы я тебя ударила в живот, потому что ее мать уходит от тебя?

Гейб свободной рукой отыскал ее руку.

– Нет. Когда от тебя с утра уходит жена, насколько хуже может обернуться этот день? Я хотел этого, потому что…

Потому что думал, что вот-вот потеряет работу, и хотел оставить Мэнни на память подарочек? Вот уж, действительно, страшная месть. Оставить ему на память симулированный удар за потерю своих симулированных подружек и выдуманной тайной жизни, за потерю симулированной работы? Но если уж к тому шло, лучше тогда по-настоящему врезать ему под дых.

Эта мысль вызвала такое удовольствие, что оно почти

заглушило боль. Изъять действия из области порно и превратить во что-то реальное. Предпринять хоть что-нибудь на самом деле. Черт, второго такого шанса может и не представиться…

Взгляд Джины переместился вправо. Этот сдвинутый малый, Видео-Марк, наклонился над ним с тем же отсутствующим выражением, как и в тот день, когда Гейб впервые его повстречал.

– Иди домой, собирай вещи, – сказала ему Джина. – Я *буду*. Как всегда, черт тебя дери.

Видео-Марк выпрямился и направился куда-то, держа руки в карманах. У Гейба в голове вдруг возникла дикая мысль, что он видит этого человека в последний раз. А Джину?

– Ты тоже куда-то уезжаешь? – спросил он. – С ним?

– Это длинная история. – Она зевнула. – Ты протрезвел?

– Мне больно.

– Когда трезвый, так всегда и бывает, насколько я помню.

Он покрепче ухватился за ее руку.

– А куда вы едете?

– Боже, ты ведь ничего не знаешь, верно? А вот дочь твоя знает. Старушка Сэм, она о многом знает.

– О чем ты?

Душа у него затрепетала от какого-то предчувствия, но он попытался внушить себе, что страх – лишь последствие выпитого и болевого шока.

– Это тоже длинная история. С дочерью все будет в порядке. А вот тебя еще надо привести в порядок. Хотя бы зашить эту рану. Здорово ты себе щеку раскроил.

– Да, – сказал он. – Верно.

Она оценивающе посмотрела на него.

– Черт, может и стоит тебе сейчас рассказать. Пока ты еще немного под кайфом и не впадешь в панику.

Она как раз добралась в своем рассказе до мексиканской поездки, когда появилась полиция.

Глава 20

Мозг не чувствует боли.

Кто это сказал – Фрэнк Синатра или Ударник? Джим Моррисон или Видео-Марк? Моцарт или «Канадейтайм»? «Оркестр Живого Серпа» … или тот странный рыжеволосый доктор?

Ее сознание беспокойно ворочалось, будто спящий великан, не желающий просыпаться из-за страха, что сон превратится в явь, в реальность. Реалистичные сны.

Поедем со мной.

Когда это меня для тебя не было на месте?

Долгая пауза, во время которой можно было успеть прожить свой земной срок и умереть. Ее точка наблюдения медленно поплыла влево, и взгляд остановился на собственном лице Джины. Но отчего-то это не встревожило ее, наверное, потому что наблюдала не только она. В сознании ощущался привкус Марка, именно привкус, – не присутствие, не физическое давление, а едва уловимый, присущий только ему вкус.

До слуха донесся рев взлетающего вертикально суборбитального рейса, но неясно, приглушенно. Взгляд же по-прежнему концентрировался на ее собственном лице. «Плоховато выгляжу, осунулась», – подумала она.

– Не думал, что ты поедешь.

Голос Марка, обращенный к ней. Джина заметила, что взгляд чуть сдвинулся, проявляя больше внимания к нему – или, вернее, к новой совместной точке наблюдения.

– Вот, поехала же, – увидела она как сказали губы. *– Снова отдалась во власть Вселенской скорби и слова на букву «с».*

Его замешательство она ощутила, как легкий металлический привкус.

– Что означает «слово на букву с»?

– Когда продолжаешь верить, хотя уже не чувствуешь полета – самой веры. Держишься, когда уже даже совершенно не за что. Продолжаешь двигаться, несмотря ни на что.

Картинка угасла, оставив ее в темноте. С запозданием Джина отметила, что голова болит, причем в нескольких местах, но это ощущение тут же исчезло, стоило только подумать о боли. В голове зазвучал чей-то голос:

ВНИМАНИЕ, ДЖИНА.

– Да слушаю, – пробормотала она, – и вовсе не к чему кричать.

ПРОСТИ, НО ТЫ СКОРО ПРИВЫКНЕШЬ. СОБЕРИСЬ, ПОЖАЛУЙСТА.

Это мы уже проходили.

ПОЖАЛУЙСТА, СДЕЛАЙ ЯЩИК.

– Какой? – спросила она.

НЕБОЛЬШОЙ КУБ. ПОЖАЛУЙСТА, ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ НЕБОЛЬШОЙ КУБ.

Последовала краткая пауза, во время которой, похоже, шло обсуждение в соседней комнате, откуда голосов было не разобрать. ПОЖАЛУЙСТА, ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ НЕБОЛЬШОЙ КУБ.

Она послушалась, и прямо перед собой в темноте увидела небольшой кубик. Кто-то зааплодировал. Ушами она этого не услышала, но каким-то образом почувствовала.

А ТЕПЕРЬ ЕЩЁ ОДИН, – потребовал голос, отдававший пластиком и металлом на вкус. Она снова послушалась, затем последовали новые команды, постепенно усложняясь, пока вся темнота не заполнилась без остатка, а Джина все добавляла и добавляла новые образы.

* * *

– Теперь мы дадим тебе послушать музыку, Джина. Не противься ей, просто следуй за звуками, как будто делаешь видео на эту музыку. Хорошо?

Видео?

Сначала ты видишь видео…

– Хорошо?

Видео —

Потом одеваешься в это видео…

– Хорошо?

Видео…

Потом ешь это видео…

– Следуй за ней. Пусть она вызовет образы. Хорошо?

Видео.

Потом ты… *становишься…*

И заиграла музыка, не слишком резкая, четкие и ритмичные аккорды. Старая песня, которую она слышала совсем недавно, или тысячу лет назад, там, на кладбище. Живая музыка, помнишь? Ничто не сравнится с живой музыкой, совсем ничего.

Мимо, кружась, словно дервиш, пронесся Ударник, –

омоложенный бизнесмен, побывавший у первоклассного пластического хирурга. А следом за ним – целая толпа танцующих в темноте, являющих собой чудесные узоры на ночном небе.

Затем они превратились в полосы и пятна разных цветов на черном фоне, которые соединялись и разлетались в стороны, уносились ввысь, заполняя собой весь небесный купол. Поток разноцветных искорок слетел ей на ладонь, Джина собрала их и кинула обратно, где они сложились в новые узоры. И вновь в руке собрались все цвета, она опять подбросила их вверх, и еще, и еще раз, пока темноты совсем не осталось.

Потом на востоке возникли новые краски, наперекор теням наступающей ночи небо перерезали золотые туннели. Она чуть отступила, желая увидеть всю картину целиком, но вдруг ощутила, что падает назад и никак не может остановиться. Так она падала и падала, пока музыка совсем не затихла вдали.

* * *

Возникшая из ниоткуда рука подхватила ее. Марк. Она крепко ухватилась за эту руку, не собираясь ее выпускать.

В рассеянном свете, сочащемся с покрытого облаками неба, по озерной глади пробежала рябь. Переведя взгляд вниз, Джина увидела, как волны мягко лижут камушки на берегу.

Она повернула голову в этом сереньком свете и почувствовала прохладное дуновение на лице. Марк выглядел получше и помоложе, на губах его затаилась хитроватая усмешка, будто он знал кое-что такое, чего не хотел ей до конца открывать. Он повернул ее лицом в другую сторону и повел вдоль берега озера.

– Что мы тут делаем? – спросила она, споткнувшись. Ее никогда не тянуло к загородной жизни. И сейчас она то и дело оскальзывалась на прибрежной гальке.

– Отдыхаем. – Голос его теперь звучал ровнее, мелодичнее. – Отдыхаем в потайном местечке.

Он продолжал что-то говорить, но она не столько слышала его голос, сколько чувствовала. Поначалу это было приятное чувство, удовольствие быть с ним, подобного которому она никогда прежде не испытывала.

Ощущение близости усилилось; вспоминая об этом позже, она поняла, что, даже уцепившись за его руку, все же стремилась отдалиться. И вдруг рука выскользнула из ее пальцев, и Джина зашагала дальше одна, без спешки, но довольно быстро.

Потом наступила долгая пауза – а может, и не долгая, трудно было судить, потому что ощущение времени куда-то пропало, – после которой она словно бы очнулась ото сна, больше похожего на кому.

* * *

ПРИВЕТ, МАРК.

Ему хотелось заерзать от удовольствия. Без этого голоса тут было так одиноко. Неясно, правда, где это – *тут*.

ХОТЕЛОСЬ БЫ, ЧТОБЫ ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ НАС ЕЩЁ КАРТИНОК. ЕСЛИ НЕ ВОЗРАЖАЕШЬ.

Да с чего бы ему возражать? Ведь он только и мог делать, что картинки, разве они этого до сих пор не поняли?

НО НА ЭТОТ РАЗ МЫ БЫ ХОТЕЛИ, ЧТОБЫ ТЫ РАССКАЗАЛ НАМ, ОТКУДА ОНИ БЕРУТСЯ.

Он улыбнулся про себя. Ну и зануды. А откуда, им кажется, они могут браться? Берутся – и ладно. Господи, он и сам не мог зачастую разобраться, откуда.

НУ ЖЕ, МАРК, ТЫ ВЕДЬ НАВЕРНЯКА МОЖЕШЬ РАССКАЗАТЬ ХОТЯ БЫ О НЕКОТОРЫХ.

Скользя вдоль чего-то/ничего/чего бы то ни было, он никак не мог взять в толк, почему их заботят такие пустяки. Совершеннейшие пустяки. Да и вообще, кто мог знать наверняка? Картинки просто возникали и проистекали. Как жизнь, которая возникает и проистекает. Разве в жизни, когда видишь что-то, пристаешь к людям с расспросами, откуда это взялось? Не парьтесь. Вокруг – чертов шредингеров мир, так чего же вы хотите?

ЛАДНО. ДАВАЙ ПОПЫТАЕМСЯ. ЭТО ВОСПОМИНАНИЯ?

Стоит о чем-то раз подумать, и оно становится воспоминанием. Не знали?

Тут он почувствовал, что они отступились. В конце концов, свои картинки они получали, а он их все равно делал – для них ли, нет ли – под музыку, которая все играла у него в голове без остановки. Даже тут, в этом чем-то/ничем/чем бы то ни было, внутренний режиссер не останавливался ни на минуту. И, слава Богу.

* * *

Проснулась она с ощущением, будто проспала несколько

дней кряду.

Полутемная комнатка без окон была немногим просторнее платяного шкафа, но вполне удобной: все встроено, все в пределах досягаемости и вставать ни за чем нет особой необходимости. Так, по крайней мере, казалось. Но она все же слезла с кровати и сделала несколько шажков посреди комнаты, потирая поясницу. Матрац на кровати был слишком уж мягок.

Потом она вдруг застыла и принялась ощупывать голову. За исключением нескольких выбритых участков, где, кстати, волосы уже начали снова отрастать, никакой разницы она не почувствовала. Даже дреды на месте. Все та же старушка Джина. Та же ста…

ВНИМАНИЕ, ДЖИНА.

Она взглянула наверх, не уверенная, действительно ли слышит этот голос или ей померещилось.

ПОЖАЛУЙСТА, СКОНЦЕНТРИРУЙСЯ И ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ ЯЩИК.

Она сжимала голову руками, пока не удостоверилась, что слова пришли из памяти. Гребаная память, черт ее дери, живее не бывает. Чувствуя дрожь в ногах, она присела обратно на кровать, и тут всплыло новое воспоминание.

Под ней мягкая плоскость; плоскость мягко начинает скользить, потолок ползет назад; голова Джины задвигается в ящик; краткое ожидание – и голову жалят сразу несколько игл, они проникают глубоко, очень глубоко, движутся все дальше и дальше внутрь, и вдруг все растворяется в ощущении холода; доносится бормотание голосов, говорящих, что идет разметка участков, что мозг не чувствует боли, мозг не чувствует боли, мозг вообще ничего не чувствует…

Но ее мозг что-то все же чувствует.

Что-то чуждое, что вошло внутрь, и еще, и…

Быстро промелькнула череда картинок. Джина снова ощупала голову, но по-прежнему не могла ощутить никакой разницы. Только слегка выступающие над поверхностью кожи бугорки отмечали месторасположение гнезд. *Хорошенький же у меня был видок с проводами в башке. Уродливая сестричка Медузы Горгоны.*

Марк.

Встав, она дернула ручку двери, ожидая, что та будет заперта и что придется все тут разнести, чтобы завыла сигнализация. Но дверь легко распахнулась в длинный коридор. Далеко впереди в какой-то нише горела лампа.

Джина помедлила. Как, никакой охраны – простите, медсестер-надзирательниц? Она проследила взглядом светящуюся полоску на потолке. Свет был приглушен – то ли на

ночь, то ли ради нее с Марком, чтобы им было комфортнее приходить в себя после долгого сна, – но полоска нигде не прерывалась. Черт, вряд ли они воткнули свои гляделки туда, где их сразу было бы заметно. Но, с другой стороны, кого они собирались одурачить? Неужто думали, она действительно поверит, что после этой поганой операции на мозге никто за ней не будет наблюдать?

Черт с ними. *Поглядите-ка на это бродячее рок-н-ролльное чудо-юдо.*

Возле кухоньки, устроенной в нише, за столом сидел Марк и ел нечто непонятное из пластмассовой миски. Она без слов, движением головы, указала на миску.

Марк поднял повыше ложку, с которой что-то капало.

– Понятия не имею, что это за хрень, но, считается, она должна ускорять нервные импульсы в синапсах. Подкормка для мозгов. Чуть рыбой отдает.

Она закатала рукава своего не то спортивного костюма, не то пижамы белого цвета. Марк был облачен в такой же костюм, отчего они выглядели парочкой детей-переростков, пробравшихся тайком на кухню, пока взрослые спят.

– Ты этого хотел? – спросила она.

Голова его чуть дернулась.

– Скажем так: не могу утверждать, что я этого *не* хотел.

Джина подошла сзади и положила руки ему на плечи. Хрупкие и костлявые, как всегда. Она вдруг вспомнила лежащего на земле Гейба Людовика. Лицо окровавлено, глаза недоуменно распахнуты – образ четкий и яркий, всплывший неведомо откуда, словно вложенная в сознание картинка.

Марк накрыл ее руку своей, их пальцы сплелись.

– Я знаю, что мне хочется сейчас сделать.

Она застыла. Он повернулся к ней лицом. Совсем неплохо выглядит. Давно уже она его не видела таким – будто сбросившим, наконец, непосильный груз. Может, это оттого, что теперь ему не о чем больше беспокоиться. Просто воткни провод в голову, и по нему потечет «эссенция Видео-Марка». Видео-водопровод.

Он встал и обнял ее. Всегда трудно было преодолеть этот порог. Они не любили лизаться, у них все выходило по-другому. Но она все эти двадцать с лишком лет не особенно задумывалась, как еще все могло бы сложиться.

Хотя однажды… Погрузившись в совместное безумие на три-четыре-пять лет, в одну ночь они сошлись не так, как всегда. Не в первый и не в последний раз, но определенно по-иному. Может, как раз настал такой момент прояснения, или попытки что-то

выяснить. Он тянулся к ней, она – к нему, и на краткий миг они прорвались друг к другу. Может, именно в ту ночь и родилось пространство совпадения, которое и стало их жизнью.

И будто специально для того, чтобы подчеркнуть это, чтобы не осталось никаких сомнений, что они оба понимают все правильно, он поставил ту музыку, обычное аудио, очень старую вещь парня по имени Дилан. «Хочу тебя». Очень старую и очень сильную, даже, пожалуй, слишком сильную для них обоих. Она помнит, как не могла шевельнуться, слова вымолвить, могла только слушать, в то время как какая-то частичка ее с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться прежним смехом и не разрушить очарование – эй, кексик, давай просто погадаем о наших судьбах на внутренностях поп-культуры. Но другая часть ее, бóльшая, возобладала и выдержала все так, как надо, не дала расхохотаться. Потому что, если самой не признавать и не высказывать правды о себе, всегда найдется кому за тебя высказаться, причем гораздо громче.

Может даже, в ту ночь в комнате накопилось слишком много правды. Что-то серьезное готово было случиться, но ночь кончилась, и больше им никогда не удавалось настроиться на верный лад.

Теперь, впервые за долгое время, она позволила себе прильнуть к нему, положив голову ему на жесткую, костлявую грудь, и обняв за талию. В сознании одна за другой, без слов и без особого порядка, всплывали разные сценки из прошлого: вот Марк склоняется над экраном, его преждевременно состарившееся лицо освещено мелькающими на экране кадрами предварительного, еще не отредактированного варианта клипа, на которым он тогда работал; вот Ударник неподвижно сидит за своим зачехленным синтезатором, а Марк стоит напротив во время какого-то неприятного разговора; вот Марк на ступенях суда; опять Ударник, теперь уже пытается убедить ее; озеро с каменистыми берегами…

Тут она поняла, будто прочла в сердцевине сложенного из бумаги цветка тайную надпись: возле такого озера Марк вырос у себя в Новой Англии. Она видела сцены с озером и раньше, но никогда по-настоящему там не была. Где бы на самом деле ни находилось это *там*.

Джина сосредоточилась, стараясь ощутить разницу между прежними и теперешними ощущениями.

– И это хорошо, – вдруг сказал он низким непринужденным голосом; ей стало не по себе, будто Марк прочел ее мысли, и все же она не могла заставить себя пошевелиться и хотя бы взглянуть ему в лицо. – То есть, собственно, я не знаю, хорошо ли это,

правильно или нет, но все же *хорошо*. Я для этого и родился, и хоть делал долбаное видео всю жизнь, толком этого не понимал. Вот так когда-нибудь войдешь в комнату и с удивлением уставишься на комочек плоти, склонившийся к голой консоли, и не поймешь – где заканчивается плоть, а где начинаются чипы и проводящие контуры. Они словно сплавятся воедино, часть консоли будет наполовину живая, а часть плоти – омертвелая, и все это буду я. Все – я.

Джина ничего не ответила. Только крепче прижала Марка к себе.

– Не знаю, этого ли я хочу, – добавил он, – но таким я, скорее всего, стану, этого от меня ждут. – Он помолчал. – Прости, мне жаль.

– Чего тебе жаль? – ровным голосом спросила Джина. – Если меня, то ты направил свою жалость совершенно не по адресу. – Она почувствовала, как его тело чуть напряглось под ее руками. Подавив улыбку, она оторвала голову от его груди, чтобы посмотреть в лицо. – Это тебе всегда нужно было за что-то уцепиться, ты всегда ждал, чтобы тебе бросили веревку и вытащили из омута. – Губы ее дернулись. – А вот меня всегда привлекала в первую очередь музыка.

Глаза его блеснули.

– Хочешь послушать сейчас музыку? Той, что играет в моей голове, хватит на всю ночь. А у меня в комнате – оборудование. Провода и монитор. Остальное – в нас самих.

Держа друг друга за талию, они направились туда и вместе принялись рассматривать систему, а Джина подспудно все ждала, что вот-вот кто-то ворвется в комнату и заявит, что сейчас этого делать нельзя.

Но никто не появился, и вот уже Марк лежит на узкой кушетке, а она рассматривает пучок тонких проводов, которые надо приложить к точкам ввода, четко выделяющимся и пока не успевшим зарасти волосами. Как и у нее.

После соединения первого проводника на мониторе появилось трехмерное изображение головы Марка с янтарно светящейся точкой ввода. При каждом следующем соединении число янтарных точек увеличивалось, будто зажигались звезды нового рукотворного созвездия. «Что-то ты сегодня до ушей переполнена поэзией, детка», – подумала она, переведя взгляд с монитора на лицо Марка: он лежал с закрытыми глазами, на губах – легкая улыбка, а из головы змеились тонкие провода. Ей вдруг захотелось наклониться к нему и поцеловать. Впервые за много-много месяцев. *И, возможно, в последний раз.*

Она какое-то время размышляла об этом, глядя на

изображение мозга Марка на экране и рассеянно потирая ладони пустых рук. *Вот лежит человек двадцать первого века, а, может, люди в двадцать первом веке не целуются. Типа, им больше это не нужно.* В голове промелькнул образ озера и исчез. *Да, здесь у нас есть кое-что более длительного действия, чем поцелуй.*

Но ведь он подключен к машине, разве не так?

Она провела рукой по губам, будто стирая с них что-то, хотя этого не требовалось. Мимолетно возникшее желание уже пропало. Ну и ладно. Не особенно здорово кого-то целовать, когда он занимается любовью не с тобой.

Его рука зашарила в полутьме, ища ее. Она коснулась пальцев Марка. Тот ухватился за них, но Джина высвободила свою руку.

– Думаю, мне нужны для этого обе руки, – сказала она, хотя неизвестно, слышал ли он ее теперь. – Но ты знаешь, что я тут.

Рука Марка вернулась к нему на живот и там осталась спокойно лежать, глаз он не открыл.

Картинка на экране дернулась и сменилась нечетким изображением, в котором можно было угадать озеро под облачным небом в сумерках. В отдалении шли двое, но разглядеть их как следует не удалось, – все исчезло, и экран стал просто белым.

Возникла музыка, и от неожиданности Джина рассмеялась. Очень старая вещь, надо же – Лу Рид, «Детка с Кони-Айленд»; только они вдвоем, наверно, и узнали бы эту мелодию. Да, режиссер определенно сегодня настроился на ностальгическую волну.

Однако появился на экране вовсе не Кони-Айленд, сдвинутое местечко, где она бывала, но сегодняшний режиссер – нет. Вместо этого возникла видимая с низко расположенной точки зрения картинка ковра с большим увеличением; очень медленно картинка начала смещаться, замирая на секунду на сброшенной на пол рубашке, на ботинке, выпавшей из кармана мелочи. Затем в поле зрения попала не застеленная, смятая постель, и взгляд так же медленно, под музыку, заскользил по направлению к фигуре под простынями.

Джина заставила себя не отводить глаз, следя за тем, как проступают под складками очертания лежащего человека. Внезапное переключение – множество оборванных людей, собравшихся ночью на парковке, – после чего вновь заскользили складки простыней.

Джина сглотнула и потерла ладони, когда точка зрения сместилась вбок, и обнаружилось, что на постели лежат двое. Взгляд двинулся вдоль очертаний второй фигуры, затем снова –

врезка ночной парковки, где теперь можно было различить лица людей, их невообразимые одеяния, резкие движения, похожие на танцевальные; потом опять кровать и лицо спящего Марка. Но теперь на нем не было умиротворения – изможденное, оно напоминало застывшую маску, немногим отличавшуюся от выражения ушедших туда, откуда уже нет возврата.

Невыносимо долго перемещался взгляд с лица Марка на ее собственное, задержавшись по пути на черноте дредов, контрастно оттенявшей бледность его лица, затем прорисовал контраст с ее темно-коричневой кожей и дал убедиться, что оба глаза у нее закрыты, но беспокойно движутся под веками.

Снова врезка сцены набега на парковке, теперь с поверхности земли: там какая-то буйная блондинка с развевающимися в пышных волосах разноцветными перьями манила их за собой в самую гущу танцующих. Потом к женщине присоединился широко улыбавшийся молодой парень с дредами до самого пояса и поднятыми на лоб откидными стеклами солнечных очков.

Опять кровать: теперь взгляд сосредоточился на соприкасающихся головах Марка и Джины, потом сместился на его лицо и показал, что и его глаза под веками двигаются. И снова ее лицо.

Врезка: центр огромной толпы людей, и точка наблюдения колеблется, притягиваемая яркими прожекторами. Поднявшись к ним, она начинает вращаться, все быстрее и быстрее, временами выхватывая из толпы отдельные лица, пока все вокруг не сливается в одну пеструю полосу, а взгляд не переключается резко снова на кровать.

Вниз по ее плечу и руке, укрытым простыней, и вдруг – тротуар Голливудского бульвара под жарящим солнцем, мимо проплывают вывески салонов «Стань кем хочешь» и видеосалонов; короткая остановка перед Китайским кинотеатром, где прохожие старательно примеряются к отпечаткам ступней на тротуаре и позируют перед фотокамерами. В кадр влетает молоденькая девушка в красном пакете для мусора, на котором красуются надписи крупными буквами: ОПАСНЫЕ ОТБРОСЫ, она машет кулаками и яростно шевелит губами. Взгляд отворачивается от нее, будто смотрящий человек уклоняется от ударов; еще несколько бродяг собрались посмотреть на потеху; количество любопытных лиц растет, растет, и одновременно они отдаляются, превращаясь в береговую гальку. Взгляд переносится вверх, к бело-серому небу, где в тенях облаков угадываются складки и изгибы простыней; постепенно все цвета растворяются в белизне, и музыка затихает.

На экране вновь появилось изображение мозга Марка с

янтарными огоньками.

– Все, я закончил, – ясно произнес голос Марка в динамиках. – Вытащи провода, хорошо?

Он уже подал команду на отсоединение. Джина наклонилась и убрала провода от головы Марка. На какое-то время показалось, что он больше не двинется. Но Марк глубоко вздохнул и сел, широко улыбаясь ей.

– Ну как, вполне внятно, верно?

– Великолепно, – отозвалась она. – Если кому-нибудь интересно старье – я имею в виду и мелодию, и персонажей.

– Предполагается, как говорил Ударник, что мы будем слушать музыку современных групп, брать у них всякие их образы и картинки и компоновать, как нам вздумается. – Он поднял брови и подвигал ими. – Понимаешь, теперь мы *настоящие* синтезаторы. Настоящие искусники.

Джина молча посмотрела на него. На ее губах застыл вопрос: «Хочешь это обсудить?», – но она так ничего и не сказала.

– Хочешь попробовать? – спросил он.

– Здесь только один комплект оборудования.

– Мы принесем еще один. Из твоей комнаты.

– Там ничего такого не было, когда я проснулась.

– Думаю, сейчас есть. – Его взгляд был прям и ясен.

– Да? Тогда можно соединить их вместе.

– Правда? – Глаза его засияли. – Ты, правда, этого хочешь?

– Нет. – Сказав это, она прикусила щеку, чтобы не выдать свое вранье.

Марк подтянул колени к себе и обнял их руками.

– Как ты думаешь, почему они разрешили нам улизнуть и сделать это?

– А почему ты считаешь, что мы куда-то улизнули? – Она глянула на потемневший экран монитора. – Думаю, они за всем этим замечательно наблюдали.

Еще не договорив, она поняла, что именно так и было: они наверняка наблюдали, подслушивали и подглядывали, как принято после операций на мозге. Просто не афишировали данное обстоятельство. И, наклонившись к самому его лицу, тихо добавила:

– Так что с экспериментами лучше немного повременить.

Погладив ее по щеке, Марк притянул Джину к себе, на узкую кушетку.

Сначала она даже не поняла, что он делает и сознает ли, что делает. А потом уже сама помогала ему снять трико, одновременно срывая одежду с себя. Его нетерпение удивило Джину еще больше, чем ее собственное. Действительно, как два

подростка, украдкой спешащие воспользоваться кратким мигом, когда им удалось остаться наедине.

Тело и сознание Джины охватило мощное теплое чувство взаимного узнавания – казалось, они знают друг в друге все, причем никогда вообще и не жили отдельно друг от друга.

* * *

Мэнни просмотрел новое видео, если его можно было так назвать, два раза подряд, не обращая внимания на беспрестанную болтовню Трэвиса, то комментировавшего удивительную ясность и реалистичность изображения, то несшего еще какую-то чушь. Неспособность Трэвиса установить полную систему наблюдения в комнатах по-прежнему его злила.

А видео действительно было замечательным, как Трэвис и говорил. Оставалось только надеяться, что по возвращении в Штаты удастся направить способности этого полуперегоревшего кадра в нужное русло.

Глава 21

На одном из множества экранов, встроенных в стены офиса Рэйны Коппертуэйт, какая-то актриса с копной черных волос скрестила руки на груди с недовольным видом:

– Неужели нельзя заменить их, скажем, парочкой восточноевропейских овчарок?

– И не мечтай, – отрезала Рэйна Коппертуэйт. – А теперь иди и умри. Но на этот раз изобрази нечто похожее на смерть, а не на серию оргазмов. – Она стукнула по консоли, отключив звук, и устало вздохнула. – Ей прекрасно известно, что ее героиня замерзает в снегах, окруженная волками, которые вот-вот съедят ее, но также ей известно, что эти чувства будут добавлены позже, во время доводки. И чего стараться? А моя обязанность во время съемок – следить, чтобы они играли именно то, что требуется, а не то, чего бы им в данный момент хотелось.

Она широким жестом показала на прочие экраны, где отражалось множество других фильмов на разных стадиях готовности, и ослепила его своей фирменной улыбкой в миллион ватт. Гейб заморгал.

– Мне действительно страшно понравилось то, что ты сделал. Видела я немного, но чувствую, что с этими твоими женщинами у тебя беспроигрышная комбинация. Сколько времени понадобится, чтобы расширить все до формата полнометражного фильма?

Гейб сглотнул.

– Не знаю. Видите ли, я, собственно, не работал с ними в этом направлении. То есть с программой.

– Нет-нет, именно с ними, – поправила его Рэйна. – Слушай, вовсе ни к чему притворяться передо мной – я знаю, что для тебя они настоящие. Я ведь говорила, что понимаю творческих людей. – Ее улыбка слегка потускнела. – Просто расскажи, *как* ты работаешь.

Он искоса глянул на Мэнни. Тайное стало явным, ничего не надо было скрывать, но говорить в присутствии Мэнни ему все же было неловко.

– Ну, я просто загружаю программы, потом подключаю ген-сч…

– Гений Сче? – Коппертуэйт поморгала своими подведенными глазищами.

– Э-э, ген-эс-че. Генератор случайных чисел. Он, э-э, случайным образом выбирает ситуации и реплики из всей совокупности вариантов…

– Но ты добиваешься вполне конкретного результата?

Гейб переменил положение в своем слишком удобном кресле, задев ногой стол Рэйны. Мэнни снова нахмурился.

– Даже тогда я всегда стараюсь оставить место для какого-то случайного элемента. Чтобы происходящее больше было похоже на реальные события. Если вы понимаете, что я имею в виду.

– Разумеется, понимаю. – Коппертуэйт не отводила от него своей белозубой улыбки, словно пригвождая к месту. – А сценарий не играет совершенно никакой роли?

Гейб открыл было рот, чтобы ответить, но тут она вдруг резко выпрямилась.

– А может, и так, – проговорила Рэйна, задумчиво глядя на Гейба. – Может, именно тут я упускаю самое главное, может, тут и кроется секрет, благодаря которому твое творение очаровало меня – и очарует всю страну. Гений Сче. *Гений Сче.* Как в жизни. Нельзя точно, в деталях, узнать, что именно с тобой произойдет. – Она потерла свои длинные тонкие пальцы. – Хорошо, как насчет того, чтобы определить, где это будет происходить и с чего начнется? И все. Самое основное. Скажем, ну… – Она скривилась, изображая мучительные размышления.

Мэнни пнул его, почти незаметно, но больно.

– Путешествие на цеппелине вокруг света, – выпалил Гейб. Это было первое, что пришло ему в голову. ЕЩЁ НАРКОТИКОВ.

Коппертуэйт хлопнула ладонью по столу.

– Последний цеппелин! Гениально! Вот что гиганты прошлого называли «идеями высокого полета».

– Хм, знаете, не думаю, что это относилось и к последнему цеппелину, – вежливо заметил Гейб.

– Что ж, тем хуже для него. – Легкомысленно отмахнулась она. – Идея слишком хороша, чтобы от нее отказываться. Вы станете экипажем последнего цеппелина. Или пассажирами. Или они будут командой, а ты – пассажиром, или наоборот. Как захочешь, совершенно на твое усмотрение, – сказала Рэйна, указывая на него пальчиком. – Даю тебе полную творческую свободу. Нужно будет лишь время от времени приходить и рассказывать мне, что получается. Я *обожаю* беседовать с художниками, ведь вы – настоящий венец творения, я действительно так считаю, и когда я беседую с художниками, то чувствую себя по-настоящему живой. Живее, чем лучшие из выпущенных нами фильмов, а это немало значит, уверяю вас обоих, ибо видеошлем – мой лучший друг. Мне хочется

подружиться и с тобой, чтобы, когда ты будешь приходить ко мне, просто сидеть тут и болтать, гонять, так сказать, кхм, тараканов, трепаться о том, что тебе нравится делать. Если ты понимаешь, о чем я, а ты, кажется, понимаешь.

– Конечно, понимает, – сердечно произнес Мэнни, повернув к нему лицо, с которого изливалось выражение нежности и любви. Гейбу показалось, что страшнее он ничего не видел.

– Это – выигрыш крупного калибра, говорю это от глубины сердца. Или нужно теперь говорить – мозга? – Коппертуэйт встала и протянула ему через стол руку. Гейб протянул навстречу свою, и Рэйна энергично ее пожала. – Это будет поистине… крупное дело. И прибыльное. Мы собираемся дать людям то, что им по-настоящему необходимо, а именно в этом и состоит, по моему глубокому убеждению, наивысшее предназначение развлекательного бизнеса. Пища для человеческих душ, поддержка для одиноких… Знаете, вряд ли кто-то еще так близко к сердцу принимает переживания одиноких людей, как мы с вами, вряд ли кто-то вообще представляет, насколько велико их число. А я представляю – по тем письмам от поклонников, которые мы получаем. И вот теперь ты. – Она снова направила в сторону Гейба свой палец, – мой друг, дашь им всем стимул жить дальше. Позже мы добавим в сюжет еще парочку мужчин.

Взгляд ее скользнул по стене с экранами, улыбка мгновенно выключилась. Рэйна вновь ткнула пальцем в консоль.

– Прости, но чем, по-твоему, ты сейчас занимаешься?

– Меня *едят. Волки*, – ответила актриса, но в этот момент Мэнни вытолкал Гейба из кабинета Коппертуэйт.

* * *

– Что ж, – сказал Мэнни, усаживаясь в противоположном от него углу просторного заднего сиденья лимузина, – все хорошо, что хорошо кончается. Особенно, когда оно удачно приземляется в Голливуде, верно?

Гейбу удалось выдавить из себя какой-то звук, смахивающий на согласие. Мэнни ни на волос не отклонялся от версии, что эпизод с Марли и Каритой необъяснимым образом был скопирован из энергозависимой памяти и прикрепился к одной из готовых реклам. Оба они прекрасно знали, что это дерьмовая выдумка, но Мэнни за последние три недели бесчисленное количество раз излагал именно такую историю. С тех самых пор, как выложил ее ошарашенному Гейбу у себя в офисе, когда того выпустили после ночного заседания суда.

В то утро любая ложь шла как по маслу; Мэнни не мог бы выбрать более удачного момента. Гейб был совершенно измочален, чтобы пытаться противостоять навязываемой Риверой версии событий, к тому же он был абсолютно уверен, что тот позаботился обзавестись свидетелями в подтверждение своих слов. Поэтому просто сидел и слушал, теребя полупрозрачную штрафную квитанцию, выданную ему кассиром суда. Документ все еще хранился у него и был похож скорее на какой-то сертификат: *Настоящим свидетельствуется, что нижеподписавшийся совершил официально зарегистрированное правонарушение.* Сувенир на память о самой долгой прогулке в его жизни, или, по крайней мере, о тех ее фрагментах, которые он помнил.

Впрочем, лучше всего он помнил, как Джина ждала на ступенях суда Марка, заметенного копами вместе с прочими участниками набега. Сам Гейб стоял на тротуаре под светлеющим небом со своей квитанцией в руке и брошюркой для побитых супругов, врученной ему в камере предварительного содержания врачом, которая накладывала скобки ему на щеку, и смотрел на ждущую Марка Джину.

Ему так хотелось подойти к ней. Но это была дорога подлиннее вчерашней прогулки, через поля и овраги, по заминированной тропинке, сквозь всю колючую проволоку, которой она окружила себя. Причем не в симуляции. Все, что он ощутил бы на этом пути, было бы настоящим.

Было бы. Пока он пытался отсортировать «кабы» от «если», вышел Марк, и все возможности выбора оказались исчерпаны.

Потом он отправился на работу, где потерял Марли с Каритой, а потом получил их обратно, великодушно возвращенных Риверой, который припас для него еще одну небольшую новость. На самом деле эта новость должна была его поразить, но он уже слышал о ней от Джины. И все же перед Мэнни он постарался изобразить удивление, тем более что Мэнни поведал: именно гнезда спасли его, Гейба, задницу. Восемь дырок в голове спасли его задницу, потому что вся эта придумка с Марли и Каритой оказалась чертовски привлекательна: именно такого продукта проекту с гнездами и не хватало. Экспресс-друзья!

«Экспресс, понимаешь, друзья, черт его дери, – подумал он с Джининой интонацией. – Господи, как я до этого докатился?».

– … проводим последнюю серию испытаний на наших людях в Мексике, – жизнерадостно продолжал Мэнни. – Если все пройдет удачно, а у нас нет оснований думать иначе, то их выпишут на этой неделе. Я поеду туда, чтобы лично за всем

проследить. Было бы большим упущением с моей стороны не удостовериться на все сто процентов, что на месте все готово для приема нашей следующей звезды. – Мэнни одарил его довольной улыбкой. – Знаешь, я рад, что все так повернулось. Я беспокоился на твой счет, но все разрешается наилучшим образом. Я и не подозревал, что у тебя такие способности. Настоящий талант. А то, что он открылся как раз в тот момент, когда мы запускаем новую программу, уже истинное чудо.

Чудо. Последнее слово отдавалось в голове Гейба, невидяще уставившегося в тонированное стекло лимузина. До сих пор ему казалось, что чудеса происходят лишь в искусственной, виртуальной реальности.

* * *

– Какого такого святого? – спросила Карита.

Гейб помедлил немного. Он выпалил это имя, не думая, хотя, если задуматься, оно оставалось таким же абсурдным, как и в тот первый раз, когда он прочел его на бумажке, написанным рукой Сэм.

– Больница Святого Дисмаса для Неизлечимо Информированных, – повторил он и глянул поверх бетонной стены на цеппелин, привязанный в дальней части летного поля.

– Не поднимай голову, вертун, – сказала Карита, глядя на камеру сбоку. У камеры с тех пор, как Гейб тут был в последний раз, появился экранчик. Он привык, что программа занимается самоусовершенствованием, но этот экранчик был элементом более высокого порядка, чем представлялось возможным. – Вокруг что-то затевается. Я поставила защиту, но она не выдержит, если будешь высовываться. Поле нарушится.

– Святой Дисмас был добрым вором, – прошептала Марли. Он обернулся и удивленно воззрился на нее. Лежащая рядом с ним на животе девушка подняла на Гейба горящие лихорадочным блеском глаза. Он был уже готов запросить информацию о состоянии программы, когда Марли вдруг продолжила:

– Хотя большинство считает, что это лишь одна из многих досок объявлений для обсуждения политических, культурных и психологических подвижек в обществе, на самом деле Святой Дисмас – хранилище информации деликатного свойства, а также краденой. Для доступа туда всегда надо что-то предложить взамен. – Марли подмигнула.

– Откуда ты это знаешь? – спросил Гейб.

– Мы много чего знаем, – сказала Карита, все еще изучая

изображение на боковом экранчике камеры. – Как раз теперь они собираются закрыть ангар. Минут через десять там никого не останется, все разойдутся по домам, ужинать. – Девушка искоса глянула на Гейба. – Хорошенько подумай, вертун, нужен ли тебе этот цеппелин, потому что стоит нам туда двинуться, и пути назад уже не будет.

– Я до сих пор не могу понять, *зачем* тебе нужен этот проклятый цеппелин? – добавила Марли, ткнув его в бок.

– Это самый последний, – сказал он. – Кто-то должен поднять его в небо, крутануть и посмотреть, на что он способен в открытом небе.

– Крутануть – не особенно подходящее слово, – заявила Карита. – Название «Гинденбург»[23] тебе о чем-нибудь говорит?

Гейб вздохнул, начиная жалеть, что не взял свежие копии программ.

– «Гинденбург» не имеет никакого отношения к тому сюжету, который мы должны развивать. Давайте сотрем упоминание о нем, как и все упоминания о Святом Дисмасе, хорошо?

– Ладно, никаких упоминаний о том, что Святой Дисмас крадет «Гинденбург», – согласилась Карита. – Но если бы ты спросил меня – чего ты не сделал, хотя и должен был, – то я бы сказала, что преследовать охотников за головами на-а-много полезнее, чем воровать цеппелины.

Гейб моргнул.

– Сотри это тоже. Состояние!

Ничто в отчете не свидетельствовало о том, что к нему снова проник хакер, или об обращении программы к внешнему материалу помимо загруженного. Он вернулся в симуляцию.

– Возобновить.

Марли потянула его за рукав.

– Ты действительно хочешь, чтобы мы отправились за этим цеппелином и оставили всех охотников за головами бегать на свободе?

– Повторяю последний раз, – сказал Гейб, – мы не в «Охотниках за головами». Не можем мы этим заниматься, потому что «Дом охотников за головами» не относится к продукции «Пара-Версал».

– Тут их все равно хватает, я ведь тебе уже говорила, вертун.

Он застонал.

– Просто украдите вместе со мной этот цеппелин, а потом я обещаю отправиться с вами за охотниками. Ладно?

– Вот это уже лучше, – одобрила Карита. – Пять минут. Надеюсь, ты бегаешь не хуже кролика.

* * *

Он довел события до того момента, когда цеппелин уже пора было поднимать в небо, и тогда остановил симуляцию. Потребовалось слишком много усилий, чтобы двигать сюжет в нужном направлении. Может, все-таки стоило бросить все и начать заново со свежими копиями, не содержащими материала об охотниках за головами. Программы не были бы так хорошо отлажены и интерактивны, но все равно взаимодействовать с ними было бы легче, чем с нынешними версиями.

«Нет, на самом деле тебе не хочется нас бросать, вертун, – раздался вдруг голос Кариты у него в голове, – потому что мы – *твои лучшие друзья, и ты будешь по-настоящему нуждаться в нас после того, как тебе установят эти гнезда».*

Значит, он по-прежнему рядит собственные мысли в чужое платье и называет это общением. Но не до полного самозабвения, чтобы не отдавать себе отчета в том, что делает.

«Поэтому-то ты и не хочешь нас менять, вертун. Ведь потом, получив гнезда, различить тебе нас будет труднее. Значительно труднее».

Он раздумывал об этом целыми днями, и неделями, до тех самых пор, пока ему не вживили эти гнезда. И сделали это не в Мексике, а прямо в медицинском отделении «Ди-Ви».

Глава 22

Перемена ради машин. Как за ней все ломанулись, всеми правдами и неправдами стараясь побыстрее получить доступ к процедуре.

Самое начало, когда новость была объявлена, и разгар ажиотажа она не застала, но и по ее возвращении из Мексики шум еще не совсем улегся. Специальные демонстрации для средств массовой информации, для рок-групп, организаций граждан «За лучшее будущее», Национального комитета клиник имплантации, «Марша матерей за умственное здоровье» и «Анонимных пациентов». А может, для «Национального марша комитетов пациентов анонимных психлечебниц», кто их разберет. Отличить пациентов от матерей и прочего народа было сложно, да и вообще мир вокруг, говорят, сильно переменился.

Встречайте новый мир. Неотличим от прежнего.

Не совсем как в том старом припеве, но это было неважно, потому что не совсем верно по своей сути. Это Ударник мог притвориться, что так и есть. Его работа, по большому счету, не изменилась. Слушать музыку, делать картинки.

Только повысилось качество. Теперь ты не просто слушала музыку, ты ею становилась, и образы формировались на экране сознания по мере того, как ты вглядывалась в них. Стоило только подумать – и опля! – оно уже тут как тут, а при первом желании что-то изменить перемена происходила мгновенно, будто все произрастало из нее как живое. Она быстро позабыла, как работала прежде, на что это было похоже. Процесс теперь казался таким естественным – выпускать сны и мечты из темноты на дневной свет, где их могли увидеть все. Стоило один раз сделать это, как хотелось делать без остановки, причем, чем чаще, тем легче это давалось.

Впервые она до конца поняла существо дара Марка – то, что происходило за его закрытыми глазами все эти годы. Перемена ради машин? Нет, черт, это машины изменились ради него, а он просто продолжал делать то же, что и прежде.

Правда, получалось не у всех. Странно, но не все могли перемениться и примениться к машинам. Так, Эклстоун куда-то исчез с горизонта «Канадейтайм», а вот Вальжан с Морей подключились и вовсю теперь играли рок по сети.

– Хочешь кое-что послушать? – спросил ее как-то Вальжан в студии на крыше своего дома. – Хочешь по-настоящему услышать кое-что?

Несколько быстрых глотков кислорода из маски, посверкивания и помигивания плаща, а Морей, казалось, готова была просто из шкуры лезть вон, лишь бы скорее начать. И они сыграли, с первой до последней ноты, а у нее в мозгу рождались картинки, как и следовало ожидать. Только вот к машине она была не подключена, отчего образы кипели у нее внутри, как в лихорадке, ища пути выйти наружу, напирая, – и уже стало казаться, что голова вот-вот разлетится.

Вальжан с Морей остановились, и у нее перед глазами, наконец, прояснилось. И только тогда она заметила, что синтезатор Вальжана так и оставался все это время зачехленным, и Морей тоже не прикоснулась к клавиатуре – оба играли только силой своего воображения; а сама она уже вылетела из их дома и неслась по Топанге, стремясь быстрее добраться до своей машины. Перемена ради машин. Все переменилось ради них.

* * *

«Ты – звезданутый» исчезло, теперь на этом месте красовалось новое заведение, заявляющее, что продает сны.

** НОВЕЙШИЕ ГНЁЗДА**

ИМЕЮТСЯ МОДУЛИ ДЛЯ

ПЛОСКОГО ЭКРАНА ** ВИДЕОШЛЕМОВ**

!!! СКОРО – СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ ГНЁЗД!!!

СЛЕДИТЕ ЗА НОВЫМИ ПОДРОБНОСТЯМИ

Быстро сориентировались. Открылись новые клиники, куда выстроились натуральные очереди. Причем неважно, были ли в этом заведении по продаже снов настоящие сны, или только вчерашние чипы из салонов «Стань кем хочешь». Уже появилось специальное оборудование и то, что на нем смотреть, настоящие товары бок о бок с поддельными. Не потребовалось практически никакого времени на приспособление к духу новой технологии.

Она задержалась напротив Китайского кинотеатра. СКОРО – ПОСЛЕДНИЙ ЦЕППЕЛИН! – бросалась в глаза перекинувшаяся аркой над входом голографическая надпись. СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВОДСТВО «ПАРА-ВЕРСАЛ» И «ДИВЕРСИФИКАЦИИ»! Голограмма мигнула, сменившись следующей надписью: ПРИКЛЮЧЕНИЯ, РОДИВШИЕСЯ В НЕДРАХ СОЗНАНИЯ – ТОЛЬКО ДЛЯ ВАС! ВЫ ПОВЕРИТЕ, ЧТО НАХОДИТЕСЬ ТАМ… – и следующей – …ПОТОМУ ЧТО ВЫ ТАМ ОКАЖЕТЕСЬ!!!

Старый добрый Голливуд. Начнем с обычного плоского экрана, а потом будем двигаться все глубже внутрь. Покажем им все в мега-ультра-формате. *Хотели бы оказаться внутри? Теперь можете! Пристегните ремни!*

– Ни к чему бояться!

Тип вырос у нее под боком, будто сгустившись из душного шумного воздуха на бульваре, костлявый парень в грязно-сером спортивном костюме, вероятно бывшем некогда серебристого цвета. Рука его сунула прямо ей под нос голубой сверкающий квадратик.

– С этой штукой ты не будешь бояться никого, никогда, нигде и вообще ниоткуда!

– Да я и так никого не боюсь, – ответила она и двинулась было дальше.

– А хочешь бояться? – Схватив ее за руку, он теперь сунул ей под нос желтую таблетку. – Это я тоже могу устроить. Чистый концентрированный кошмар. Да бери обе – примешь разом, и твои нервы будут играть на поле небожителей!

Джина вырвалась.

– Эй, а как насчет путешествия в свою личную страну, где кроме тебя – никого? Найти путь к себе? – крикнул он вслед. – Гребаные гнезда спустили торговлю наркотиками в сточную канаву.

Как, уже? Можно было ожидать. Большинство не замедлило пойти на перемену ради машин. Скоро, очень скоро все будет происходить со скоростью мысли, прежде чем случится на самом деле, и сама надобность случаться отпадет сама собой. Ведь ты просто будешь думать, что что-то случилось, но разницы, если оно и произойдет на самом деле, никто не почувствует.

Прогуляемся чуток.

Пристегните ремни.

* * *

«Белая молния» в керамическом кувшинчике. Она не особенно усиливала зрительное восприятие, но если тебя шарахнет «Молнией», пропуск в «Страну лотосов» уже не требуется. *З-з-з-з-т!* Надеюсь, вам нравится барбекю с хрустящей корочкой?

Под ритм громкой музыки она без посторонней помощи успешно понижала уровень «Белой молнии» у себя в кувшинчике довольно долго. Обычного повода это делать у нее сегодня не было: она доподлинно знала, где находится Марк, и теперь всегда

будет знать, где его найти.

«Но старые привычки отмирают с трудом», – подумала Джина, а мозг ее, хотя и переживший удар «Белой молнии», лишь замедлил физические движения; сознание же полнилось картинками, которые выстраивались в очередь в ожидании команды своей хозяйки на прием и передачу.

Волны музыки захлестывали ее: спид-трэш, круз-метал, бэнг-рок, хард-кор-соул. Словно она вернулась в один из тех бостонских баров из прошлого, где собиралась вовсе не избранная публика – «Бостон моей крошки», «Харборвиль», «Клоун Кэти», – из тех дней, когда без затей надирались обычным спиртным и играли всю ночь для публики, а о том, что надо бы поесть, и не вспоминали, так и играли без крошки во рту.

Палочки барабанили по столу, временами дотягиваясь и до ее кувшинчика. Малышка Флавия, как всегда, выпустила их говорить за себя, и они старались, как могли. Сквозь пелену перед глазами от «Белой молнии» Джина вглядывалась ей в лицо. *Пристегните ремни.*

Остальные музыканты «Шеи в петлю» отделились от других столиков и от пульсирующей массы на танцплощадке, где паренек с вытатуированным на лбу отпечатком каблука сейчас снова забирался на сцену, и подошли к ним. Флавия заговорила, но дробь ее палочек уже выразила все достаточно ясно. *Пристегните ремни. Прогуляемся чуток.*

– Потому что теперь мы должны ухватить суть, – добавила Флавия. – Ты это можешь. И мы можем.

Бас-гитарист «Шеи в петлю» Клаудио поднял ее на руки и понес. Без всякого труда, ему и раньше приходилось это делать, и не раз. Играть он тоже умел, без дураков, пальцы у него были просто волшебные. Настоящее волшебство, в настоящих пальцах.

А теперь немного послушайте бродячих музыкантов, пожалуйста.

Студия группы «Шею в петлю» располагалась в подвале одного из домов на окраинах разрушенного Фэрфакса, где цены на недвижимость резко упали, словно их с наркобизнесом спустили в один унитаз. «Объемистый же это, должно быть, унитаз, судя по тому, сколько всего на свете туда спускают: то одно, то другое», – подумалось Джине.

Но вот гитару, настоящий «Фендер», ребятки никуда не спустили. Доркас надел ее на себя жестом, каким надевают бриллиантовое колье. Доркас был крупный чернокожий мужчина, и достаточно пожил на этом свете, чтобы понимать настоящую цену «Фендеру». Том – помельче него, жилистый и подвижный, вырос на Мимозе и других восточных и северных окраинах

города, и любой, кто захотел бы назвать его клавишным ловчилой, нарвался бы, потому что он относился к своему инструменту тоже без дураков.

Флавия с палочками в руке наклонилась к ней и улыбнулась. Не сердится на ту ночь, миллион лет назад, когда Джина вытащила отсюда кое-кого за шкирку.

– Дополнительный ящик стоил нам уйму денег, сейчас за ними просто давка. Все хотят заполучить их. Сделай так, чтобы не пришлось об этом жалеть.

Кто-то дал ей еще один кувшинчик, прежде чем подсоединить к голове проводники.

* * *

Она быстро полетела вниз, и падение вышло более длинным, чем любое из тех, которые она изображала и снимала для Вальжана. Помнится, Клаудио стирал раз для Вальжана показания часов. Обругав его при этом обманщиком и ловчилой.

Теперь все было без подлога. Музыка – настоящая, она будто освещала голову ей изнутри, но слышалась извне. Барабанные палочки били по металлу, стеклу, дереву, и каждый удар высекал искры у нее в голове.

Джина чувствовала и улыбку Флавии, – растянутые губы и тепло от нее, а зубы слегка прикусили нижнюю губу и при каждом ударе прижимают ее чуть сильнее.

Волшебные пальцы Клаудио ведут басовую партию. Как они были вместе, она едва может вспомнить, слишком много тогда выпила, больше, чем сейчас. Но и тогда они не были столь близки, как сегодня, когда он забрался прямо внутрь, в ее шкуру.

Искры превратились в молнии, белые и цветные, и каждая вспышка освещала то башни, то минареты, монолиты и обелиски. Джина улыбнулась про себя: чего Клаудио не доставало в нюансах, он компенсировал жаром исполнения.

Вступил Доркас с первым гитарным аккордом, который потряс весь мир, и теперь понеслись все вместе, по таинственным путям, пролагаемым для ночного поезда-призрака клавишной мелодией Тома.

Пристегните ремни. Она отдалась движению. Только это она и могла сделать, ничто иное было ей не под силу: они неслись все вместе, отступить, шагнуть в сторону никто не мог.

Буду ждать тебя там.

Мужчина, в чьих глазах отражается совсем другой мир, но все же реальный, созданный из света и звуков.

Буду ждать тебя там.

Мужчина, реальный, настоящий, он идет домой, путь его далек и лежит по полоске земли, когда-то выходившей к океану, а она бежит по мосту, подгоняемая грызущей и рычащей тоской по нему, но чем больше усилий прилагает, чем сильнее напрягается, тем большее расстояние их разделяет.

Буду ждать тебя там.

Мужчина в комнате, переменившийся для машин, теперь не реальный, и незнакомец, реальный, на каменистом берегу озера под затянутым серой пеленой облаков небом, медленно оборачивающийся к ней. Но тут музыка расколола небо, и Джина исчезла.

Стонущие аккорды «Фендера» задели сохранившиеся в ее мозгу трезвые участки, однако времени сообразить, что она делает, не было, потому что музыка толкала ее дальше, – бежать, задыхаясь, по длинной дороге, к которой склонялись росшие вдоль нее деревья; они тянули к ней пальцы своих ветвей, стремились схватить, но, дотянувшись, проходили насквозь, будто были из тумана, и она снова исчезла.

Снова исчезла… Исчезла на всю ночь, одну из тех бесконечных ночей, когда ни к чему на небе искать солнце, ведь, черт возьми, оно тебе и вправду совсем ни к чему.

Пристегните…

Бесконечная ночь; плоть к плоти, не в меблированных комнатах, а в пристанище, где можно пожить подольше. Она повернулась и попыталась бежать, но ночь настигла и бросила ее навзничь.

Хорошо, признай, пусть, на этот раз. Чтобы отпустила.

А теперь – прочь, лечу; неудержимо, как метеор, лечу и заживо горю. Горит воздух, а потом все небо вспыхивает огнем, – так что ж, если уж горит, пусть все сгорит дотла и родится из пламени снова.

Из пламени, вверх, вверх, и через край.

* * *

Флавия, наклонившись над Джиной, обтирала ей лицо чем-то мягким.

– Вот это *мы* называем настоящим видео, – сказала она серьезно. – Если твои боссы способны принимать искусство только почищенным щеткой с мылом, мы готовы уйти, причем дверью хлопнем громко, и тебя можем забрать с собой. Что «Ди-Ви» способна противопоставить тому, что мы только что

сотворили? Да ни фига.

У Джины не было сил даже кивнуть. Одежда насквозь промокла от пота. Флавия снова поднесла кувшинчик к ее губам, напиток ожег горло. Пламя… Джина приподнялась на локте и ухитрилась повернуть голову, лежа на матрасе. Провода висели возле консоли, вполне безобидные теперь. А Том как раз отсоединял свои и посмотрел на нее, тяжело дыша.

– Что мы только что сотворили? – хрипло спросила она.

Флавия широко улыбнулась, отчего ее черты ее золотистого лица заострились и приобрели агрессивное выражение.

– Мы сделали видео по-новому. *По-настоящему.* К чему вообще эти долбаные гнезда, если не делать настоящее видео? – Она оглянулась куда-то себе через плечо. – Мы закончили. Теперь он может подойти к ней.

Джина снова откинулась на матрас, закрыв рукой глаза. Боже, зачем пускать к ней кого-то сейчас, когда она в таком виде? Послышались шаги по полу подвала и замерли возле нее, а в ней вдруг зажглась надежда, новым ярким пламенем: вдруг он настолько переменился ради машин, что теперь пришел и отыскал ее сам, переменив обычный ход вещей? Она сделала глубокий вдох и отняла руку от глаз.

И впрямь увидела его рядом с собой – живого и, может, более реального, чем прежде.

– А как, черт побери, ты меня отыскал? – спросила она.

– Это было нелегко, – сказал Гейб.

* * *

Лучше он себя уже давно не чувствовал. Да какое там «лучше». Он чувствовал себя великолепно. Просто фантастически великолепно. Нереально.

Фантастически нереальным.

Видео-Марк. Вот она – правда, полная правда и ничего кроме правды.

Он потерял всякую связь с тем мясом, которое держало его в тюрьме почти пятьдесят лет, и испытывал сейчас величайшее облегчение, освободившись от этого груза, сравнимое по величине со всем его существом. Существом. А вот его подлинное внутреннее существо, его личность, постоянно росли, расширялись и обретали величие.

Ощущение огромного пространства, где можно развернуться, было, наверное, под стать тому, что возникает у ребенка, рождающегося на свет после девяти месяцев в тесноте

материнского лона. По крайней мере, для него это было так. Кратковременная родовая травма, а потом – гуляй и веселись!

Сколько же лет он провел в аду, заключенным в тисках из мяса? И все те годы напивался, отрывался до безумия в трэше, бэнге, и так до тех пор, пока уже с трудом вообще мог стоять на ногах, не ведая, что достаточно было просто просверлить несколько дырочек в черепе и вырваться из тюрьмы этого прилипчивого мяса.

А… куда?

В собственный контекст. Это все понемногу доходило до него, по чуть-чуть каждый раз, как он садился на провод. Так он для себя называл подключение – сесть на провод.

Время между подключениями растягивалось в скучные промежутки, лишенные всяческих событий, которое надо было пережидать, прежде чем удавалось снова сесть на провод и стать на толику более великим. И провода, эти проводники, подключающие его к машине, только шли ему на пользу, он с каждым разом проникал чуть дальше, устраиваясь в новом контексте. Будто возвращался домой.

Он перестал отсоединяться на время, нужное, чтобы сходить в туалет – к чему, ведь длины проводов хватало. Правда, на коридор ее не хватало, поэтому Марк обрадовался, когда ему разрешили воспользоваться внутренней службой доставки, которая стала доставлять ему пищу на рабочее место, как и шишкам из Команды Наверху, когда кому-то из них приходилось работать сверхурочно. На время приема пищи он теперь тоже не отсоединялся, это занимало всего несколько минут.

А принимая это во внимание, особого смысла отсоединяться и идти к себе в квартиру спать, тоже не было. Яма была просторная, тут сосредотачивалось все необходимое, а звукорежиссер в голове не останавливал музыку ни на минуту.

Он знал, что однажды настанет миг, когда он попытается вернуться обратно в тюрьму своего мяса, но она окажется слишком тесной для него, и он не сможет втиснуться обратно. Когда-то он думал, что у него в мозгу этакая кроличья нора, отнорок бесконечности без всяких границ, по которому он мог лететь, куда заблагорассудится. Может, он сам себе пудрил мозги. Или та нора, при всей своей глубине и ширине, все же имела предел. Или же сужалась понемногу каждый раз, когда он садился на провод, выходя из тюрьмы своего мяса, потому что очень скоро никакая нора ему больше не будет нужна совсем. Как и сам мозг, и все остальное теплое мясо.

* * *

Удачнее решения, чем сесть на провод, он еще в жизни не принимал. В таком виде его мобильность и поле зрения не ограничивало практически ничто. «Ди-Ви» была нашпигована разнообразными системами наблюдения, это он уже знал. И видел камеры, еще когда ходил повсюду ногами. Но куда больше камер, как выяснилось, он не замечал. В прежней инкарнации такое открытие могло привести его в негодование. Но теперь он просто радовался, что у него столько глаз.

Чтобы их закрыть, он погружал взгляд внутрь себя, хотя мог по-прежнему фиксировать происходящее через объективы и записывать в память для последующего просмотра. Кэши для хранения информации можно было пристроить где угодно – в системе была масса неиспользованных резервов. Возможность обнаружения дополнительной информации Марк минимизировал, создавая как можно больше уровней вложенности, формируя для каждой из ссылок по два, три, четыре референта, или даже больше, если хорошенько поискать подходящий участок.

Сев на провод, он мало-помалу научился это делать, путем смены угла зрения. Постепенно он понял, как можно изменить хранение не только своей информации, но и реорганизовать хранение и передачу всей информации корпорации, чтобы она занимала малую часть теперешнего объема. Модели в виде узоров приходили к нему вместе с музыкой, узоры превращались в образы, в сны и видео, которых те, снаружи, все еще от него требовали. Хотя делать их ему становилось все менее интересно. У него в голове был свой звукорежиссер, и картинки тоже его собственные, а теперь появилось и достаточно места, чтобы увидеть их так, как он всегда хотел увидеть.

Хотелось усовершенствовать систему, чтобы она лучше отвечала его целям. Можно было подождать до ночи, когда нагрузка на систему минимальна, и его вмешательства никто не заметит. Утром, придя на работу, все увидят, что их система стала изящнее, удобнее для пользования. Но тогда прежнее железо окажется слишком неуклюжим, операционные системы, установленные на них, без модернизации станут сбоить, а он полностью зависел от слаженной работы этих компонентов, чтобы без помех перемещаться там, где сейчас находился. Для него стало теперь очевидным, что система в целом и железо отличаются друг от друга не меньше, чем сознание и орган из плоти – мозг.

* * *

Вначале ему казалось, что Джина сможет и в системе быть с ним вместе, существовать для него, как она делала это во множестве других мест. Там, в Мексике, она вроде даже поняла это, и не просто потому, что они теперь оба знали, каково находиться в системе, а из-за их отношений во внешнем мире, во плоти.

Он вспоминал те ощущения с удовольствием. Давно они не были с Джиной вместе, он даже забыл, как хорошо им бывало, по-настоящему хорошо вдвоем. А теперь, если он хотел это вспомнить, достаточно было обратиться к ощущениям, хранящимся в памяти, и он вновь погружался в блаженство. И в одиночество.

Полное одиночество. Практически невозможно было удостовериться, что оба партнера переживали одно и то же. Он как-то позабыл это свойство соития, когда невозможно было с уверенностью сказать, что намерения, ожидания обоих сливаются в той же мере, что и их тела.

Для него их соединение означало прощание с телом, но теперь, заново переживая ощущения той ночи, он понял, что для нее оно означало нечто совершенно другое. Нет, с ее стороны прощания не было. Понять, как можно до такой степени цепляться за неуклюжую, тяжелую плоть, познав свободу сознания, он не мог. Но, с другой стороны, она многое воспринимала по-другому. Он видел это в ее клипах. Вполне вероятно, что ее система обречена оставаться внутри нее самой и никогда не сможет распространиться вовне; может, для нее не существовало иного способа не затеряться.

Так или иначе, вывод оставался прежним: она не пойдет с ним дальше по его пути.

Вероятно, она не смогла бы, даже если захотела, рассуждал он, ощущая, как его сознание в системе сочетает живое и неживое. Может, ты способен увеличиться многократно в размерах, но это не уменьшает твоего одиночества.

* * *

Она заставила его отвезти ее к Марку домой. Здание было старым и благородно-обветшалым, без лифтов. Взбираясь вслед за Джиной по ступенькам, Гейб скользил взглядом по граффити, покрывавшим стены лестничной клетки. «У тебя гнездо – у меня вилка». «Свободу хакерам!» «США – прочь из Малайзии!» (Давненько написано). И вездесущее заявление: «Доктор Фиш наносит визиты на дом!». Внизу цветным мелком приписано: «А

дома наносят ему ответный визит?». Прочие надписи были менее изобретательны.

На первой площадке сидела по-турецки девочка лет двенадцати, с ноутбуком на коленях. Она проводила их подозрительным взглядом. Гейб никак не мог отвести от нее глаз, хоть это и было неприлично. Одежда довольно чистая и не бедная – джинсы почти совсем не вытерлись, – но в глазах слишком хорошо знакомый голодный блеск. Еще через пару лет она получит право жить независимо и растворится в этом городе, либо, найдя себе пристанище среди хакеров, – это в лучшем случае, – либо прибившись к какому-нибудь сброду в Фэрфаксе или на Мимозе, но родители ее по-любому больше никогда не увидят. Да, черт возьми, может, и не захотят видеть.

Он ощутил такой прилив чувства вины, будто самолично завел Сэм в центр Лос-Анджелеса и бросил ее там на произвол судьбы. Ему нужно было бороться за нее, продолжал укорять он себя, бороться с Кэтрин, системой образования, с самим собой, наконец, если на то пошло, – со всем, что гнало Сэм из дома. А он вместо того просто позволил ей уйти.

Джине пришлось смочить кодовую полоску ключа слюной, иначе дверь не открывалась. Из квартиры напротив доносилась музыка, быстрая и трэшевая – такая всегда казалась Гейбу музыкой для психопатов. Он нервно огляделся, но лестничная площадка была пуста.

Внутри было темно и душно, воздух так застоялся, словно квартиру не открывали уже много дней. Джина зажгла свет. Возле дивана валялись две бутылки «Страны лотоса», сброшенная одежда. В порядке тут содержался только развлекательный аудио-видео-центр у стены, подсоединенный к инфолайну. Огромный экран был пуст, лишь в нижнем правом углу мигали циферки, показывающие, что в настоящий момент шла загрузка из инфолайна.

– Располагайся, будь как дома, – тусклым голосом сказала Джина, направляясь в спальню. Едва заглянув туда, она тут же вышла, на несколько секунд задержалась у холодильника и затем тяжело опустилась на диван, протянув Гейбу бутылку «Страны лотоса». Он с сомнением поглядел на бутылку.

– Не думаю, что мне стоит это пить.

– Не выпьешь – так пропадет.

Он осторожно присел на край дивана неподалеку от Джины. Она уже что-то приняла, и немало, как теперь стало видно.

– Понимаешь, у меня почему-то родилась дикая, глупая, безнадежно глупая надежда, что я смогу застать его здесь. Зайду – а он тут. – Она откинула голову на спинку дивана. – Вырвался из

всей этой заварухи и вернулся. Это уже в запредельной тупосфере, как считаешь? Думать, что если отправиться на поиски, удастся все же его отыскать. – Джина повернула голову в его сторону, не отрывая затылка от спинки дивана. – Ну? В запредельной тупосфере или нет?

Что бы она ни приняла, это, судя по запаху, было убойной силы. Он уже собирался спросить, не принести ли ей чего-нибудь, когда она показала на пульт, лежащий на ковре у его ног.

– Давай глянем, что показывает этот поганый инфолайн. Может, найдем причину жить дальше.

Он в нерешительности поднял пульт и нажал на кнопку. На экране появился список загруженных файлов – судя по названиям, все это были музыкальные видеоклипы.

– Пропусти это дерьмо, – велела Джина. – Крути дальше. Колесо пущено, оно крутится, выигрывают все.

Он нажал кнопку сканирования каналов. Экран разделился на четыре части: включился общий новостной канал с ведущей в реальном времени в верхней левой четверти, списком главных новостей рядом с ней, текущей новостью в нижней четверти под ведущей и меню прочих каналов, заданных в стартовых установках – в правой нижней четверти, где также располагались команды «Стоп», «Назад», «Выбор», «В начало меню» и «Выход».

Через минуту произошел автоматический переход на следующий канал. Уверенные черты упитанного лица последней миссис Не Вешай Нос сменили лицо ведущей вверху слева; рядом расположилось описание проблемы, которую она разбирала в данный момент, а ниже – отклики аудитории.

«…примите как данность, что в отношениях с лицом, находящимся в заключении, у вас могут возникнуть трудности с взаимопониманием. Многие вещи воспринимаются очень по-разному в зависимости от того, по какую сторону тюремной стены вы находитесь. В свою очередь, все те заключенные, что, судя по почте, которую я от вас получаю, сейчас смотрят нашу передачу, должны принять тот факт, что при вступлении в отношения с кем-либо на свободе от вас могут ожидать того, к чему вы не готовы. Если вы не собираетесь завязать со своим преступным прошлым, то слушать нас вовсе ни к чему. Для тех же из вас, кто действительно хочет раз и навсегда от него избавиться, особую важность приобретают связи с людьми, которые понимают ваши проблемы и нравы, к которым вы привыкли, без чего вряд ли удастся чего-то достичь, если вы отпущены под честное слово и все контакты с другими правонарушителями для вас исключены…»

– Воистину, родная культура взывает ко мне, – сказала

Джина. Следующее переключение – на «Маленькие слабости». Гейб сделал звук тише. – Ну что, ощущаешь себя выигравшим?

Гейб пожал плечами.

– Что значит «выигравшим»?

Он внимательнее оглядел непрезентабельную квартиру. Легендарный Видео-Марк жил в условиях, даже не приближавшимся к видео-стандартам.

– Не знаю, что мне интереснее, – вдруг нарушила паузу Джина, – как ты меня нашел или почему решил это сделать.

– Я просто прошел по всем местам, куда ты меня водила и которые я мог припомнить, – ответил он. – Кто-то сказал, что видел тебя в кафе на бульваре. А там, когда я туда добрался, сказали, что ты ушла с этими, с «Шеей в петлю». По справочнику я установил адрес студии группы.

– Это ответ на первый вопрос.

Он снова пожал плечами.

– Прости, я не подготовился. Знал бы, что придется давать подробный отчет, позаботился бы о том, чтобы составить план и набросать сценарий.

Джина от души расхохоталась. Он сидел с неоткупоренной бутылкой «Страны лотоса» в руках, чувствуя себя совсем не в своей тарелке.

– Слушай, – произнес он через некоторое время, – не так уж это было и смешно.

Она вытерла глаза тыльной стороной кисти.

– Иисусе, все мы тебя куда-то гоняем, верно? И Ривера, и «Пара-Версал», и даже я.

Инфолайн теперь показывал рекламу нового квартала частных домовладений в районе Канога-Парк, голосовое сопровождение выпрыгнуло на него словно из засады: «… выложенные кафелем ванные комнаты, просторные комнаты, кухни, спроектированные удобно и функционально». Камера прошлась вдоль узкой кухоньки, которая была на самом деле вдвое короче, чем казалась на экране, и показывала теперь прилегающую комнату, спланированную почти как два отдельных помещения. «Самый изысканный выбор в Канога-Парк – Резиденция-Парк. За подробностями, онлайн-турами и для организации осмотров обращайтесь к Кэтрин Мириджанян».

При виде величественного лица, появившегося на экране, Гейб дернулся.

– Моя жена, – сказал он. – У нее такое свойство: всегда появляться не вовремя.

– Вот эта? Та самая, которая от тебя уходит?

– Уже ушла. Окончательно. Теперь я жду, что она вот-вот

продаст кондоминиум, где я сейчас живу.

– А где ты тогда собираешься жить?

Гейб пожал плечами.

– Найду, наверно, что-нибудь.

Джина, сощурившись, вгляделась в экран.

– Она не похожа на тебя.

– Нет, мы не смогли достичь той стадии в браке, когда супруги начинают походить друг на друга.

– Я не это имела в виду. По ее виду никак не скажешь, что она может быть твоей женой, такая вообще не для тебя.

– Знаю.

Лицо Кэтрин отображалось еще пару секунд, затем по нему пробежала рябь, и оно исчезло, сменившись каким-то непонятным эпизодом из сериала под названием «Легкая рука», высветившимся в левом нижнем углу. В голове Гейба сформировалось вялая удивленная мысль: когда успели исчезнуть линии, разделявшие экран на четыре части? Вот так всегда: стоит на мгновение отвернуться, и тут же что-то происходит.

– Думаю, я всегда надеялся, что когда-нибудь она все же станет похожа на мою жену. Теперь даже не знаю, почему.

– До чего мне такие разговоры обрыдли. – Джина зевнула.

– Это же *ты* начала. – Голос Гейба зазвенел от возмущения. – Ты просто балаган на колесах, ясно? Сколько я тебя знаю, ты только и делаешь, что бьешь людей, накачиваешься всякой дрянью и гоняешься за парнем, который большую часть времени не может сообразить, на какой планете находится.

Она опустила глаза.

– Еще я делаю видео.

– Этим ты сегодня занималась сегодня вечером? С теми людьми, из группы «Шею в петлю»?

– А ты что-нибудь видел? – спросила Джина, по-прежнему не поднимая глаз.

– Я все видел. К тебе они меня не подпустили, но я все видел и знаю, что происходило.

Она кивнула.

– Да. Это было хорошо. Произошел синтез, будто сам собою, как будто так и надо, и это было хорошо.

Он поставил бутылку на пол и выпалил, не думая:

– Ты и с Марком собираешься этим заниматься?

Она взглянула на него, явно шокированная вопросом.

– Марк не музыкант, он искусник другого рода. Почему я должна с ним этим заниматься?

Гейбу захотелось прикусить себе язык. Он придвинулся к ней чуть ближе.

– Когда я увидел, что вы подсоединены все вместе, я подумал… – Вдруг все слова улетучились, и он не знал, что дальше сказать, будто вдруг ступил с твердой почвы в пустоту. ЕЩЁ НАРКОТИКОВ. Гейб потряс головой. – Неважно. Прости, забудь.

– А что ты собираешься делать? – спросила она.

– Когда?

– Когда тоже будешь на проводе. Когда будешь там бродить один по своему кондоминиуму в ожидании, пока пол не выдернут у тебя из-под ног.

Он только снова помотал головой. Вот теперь было пора уходить, он ждал, пока ноги не поднимут его с дивана и не вынесут за порог. Но он так долго бегал в симуляциях, что забыл, как это делается в реальной жизни, в реальном времени, забыл, что если тут совершить ошибку, программа безопасности не подключится, не подхватит и не скорректирует за него развитие событий.

– Что ж. – Вздохнула Джина. – Где ляжешь: на диване или на кровати? Я спала и тут, и там, одинаково паршиво.

– Нет, лучше пойду домой. – Он начал подниматься.

– Плохая идея, – возразила она, потянув его назад. – Местные головорезы не дадут тебе добраться и до авто. И наутро я увижу снятую с тебя окровавленную кожу на стене у входа в дом.

Он вдруг почувствовал, что слишком устал, чтобы спорить. Пусть ляжет, уснет, тогда он тихонько выскользнет отсюда и поедет домой.

– Я выбираю диван.

– Выключи свет, когда устроишься.

Она встала и направилась в спальню.

Он сидел, уставившись на экран, где цикл сканирования вернулся к «Общим новостям». Ведущим теперь был молодой парень, на вид лет шестнадцати, блондин скандинавского типа. Радостным голосом он что-то вещал насчет гнезд. Конечно, о чем еще и говорить. Если бы о гнездах не упомянули больше получаса кряду, это бы стало новостью само по себе. Странно, что миссис Не Вешай Нос не давала советов тем, кто ими обзавелся. *Что ж, дорогие мои, смешанные отношения – между теми, у кого есть гнезда, и у кого их нет – всегда несут в себе зерна возможных проблем, как всем нам известно. Не в меньшей мере, чем в случаях, когда гнезда есть у обоих партнеров, и когда их у обоих нет. Лучше уж завести отношения с заключенным или вообще позабыть об этом.*

– Ты что, не слышал меня, тупица? Ведь ты не слушаешь, что я говорю. А если не слушал, то, конечно, не слышал. Я прихожу в

бешенство, имея дело с такими, как ты.

Гейб заморгал, глядя на экран. Лицо ведущего, прежде сиявшее улыбкой, теперь искажала гримаса отвращения и ярости.

– Все вы там, у себя на диванах, на кроватях, на своих унитазах, в ваших роскошных вонючих обиталищах, включаете экраны не для того, чтобы *слушать*. Вы просто позволяете тем, кто там появляется, болтать, и эта болтовня отскакивает от ушей, для вас это белый шум, который помогает вам чувствовать себя не такими отупевшими, пустыми, как солома, людьми, которыми вы на самом деле являетесь. Но приготовьтесь, все вы, нули без палочки, потому что скоро…

Изображение на экране пропало. Ползли секунды, потом появилась заставка в виде красивого закатного пейзажа на берегу Тихого океана.

– Возникли некоторые технические неполадки, – произнес спокойный, хорошо поставленный голос. – Через несколько минут вещание будет восстановлено в полном объеме. Если вы загружали информацию с данного канала, настоятельно рекомендуем вам провести диагностику и лечение, а также воздержаться от дальнейшей загрузки до тех пор, пока не будет подтверждено отсутствие вирусов в вашей системе. Напоминаем зрителям, что во всех случаях, когда источником заражения является инфолайн, программы диагностики и обезвреживания вирусов доступны бесплатно. Более полную информацию вы можете получить из своего руководства по работе с программами на каналах.

Гейб рассмеялся от удивления. Давненько ничего подобного не случалось в инфолайне. Интересно, кто этот отважный ковбой, осмелившийся запустить вирус? Вполне возможно, один из друзей Сэм.

Он выключил инфолайн и теперь сидел в тишине, не зная, что предпринять. Когда даже инфолайн оскорбляет и бросает тебя, вот тогда и познаешь, что такое настоящее одиночество.

Голос у него в голове. Чей-то, а может, и его собственный. *«Эй, вертун, ты – настоящая задница».*

– Да, – пробормотал он себе под нос, – но я стараюсь перестать ею быть.

Он поднялся и пошел в спальню.

Джина сидела на краю разобранной постели в майке и трусиках, спиной к нему, будто забыв, что собиралась делать. Он хотел окликнуть ее, но голос застрял в горле. Тут она обернулась и заметила, что Гейб стоит в дверях, уперевшись в косяки так, будто пытается раздвинуть их в стороны.

Она поднялась с кровати с каким-то странным выражением

лица. Но не несчастным, определенно не несчастным. Может быть, оно и не походило на то, с каким Джина ждала Марка на ступенях суда, но ведь и того он не мог разглядеть, потому что тогда она была к нему спиной. Если пока он смог вызвать у нее хотя бы это *не несчастное* выражение, то и сам он уже не несчастен, пронеслось у него в голове. Гейб открыл было рот, чтобы заговорить, но голос по-прежнему отказывался звучать, и тогда он протянул руки к Джине и пошел к ней навстречу. Они встретились на полпути к постели, а потом упали на нее в нетерпеливом сплетении рук и ног.

– Будто первый порт во время шторма, когда больше некуда деваться, – сказала она через несколько первых судорожных мгновений хриплым, задыхающимся голосом. – Тебя это волнует?

Он что-то хмыкнул.

– Меня тоже нет.

Глава 23

Память будто раскрылась, и Джина теперь не вспоминала свое падение, а вновь переживала его.

Чувство равновесия почти отказало, ветер не давал вздохнуть; она неслась вниз, словно управляемый снаряд, вперед ногами, которые должны были удариться о тротуар, а весь мир летел смазанным пятном вверх…

С последней нотой изображение исчезло. Господи Иисусе, вот уж действительно – упасть и не встать. Знаковый элемент вам подавай? На этот раз и Вальжан перепугается, год расти не будет.

«Что-то я натренировалась на падениях, – подумала Джина. – И со зданий, и в постель».

«Наверх», – скомандовала она. И сразу перед ней застыло самое начало видео. Она промотала вперед несколько кадров, пока не добралась до начала падения, а потом поставила в нескольких его точках метки, возвращающие к моменту перед тем, как она шагнула в пустоту – на мгновение ока или, лучше сказать, мысли? На мгновение приоткрывающееся будущее. А потом само начало падения зациклила: шаг вниз – обратно, снова шаг вниз – обратно – снова шаг вниз – обратно – снова шаг вниз…

Очень жутко. *Тебе ничего это не напоминает?* Она почувствовала, что улыбается. Если бы все пошло чуть-чуть по-другому, она, наверное, выкинула бы его прочь из спальни, спальни Марка. А вместо этого запрыгнула в проходящий скорый и больше не оглядывалась. Возможно, именно оттого, что это он пришел к ней, она и не могла потянуться к нему сама. Не могла, по крайней мере, до той минуты, пока скорый поезд, тронувшийся с места, разбуженный Клаудио, Флавией, Доркасом и Томом, не набрал ход при виде кинувшегося к ней Гейба.

С Марком все складывалось само собой, никто ни к кому не приходил первым, просто словно бы наступала подходящая погода, когда должен был пойти дождь, или мокрый снег, – или ничего не происходило. Давно к ней никто не приближался так, как Людовик, а она – и подавно. С Марком в этом отношении было легче. Просто будь рядом, дождись подходящих условий, без всякой спешки и тревог, и если такие условия складывались, то складывались, а если нет – то нет. Не нравится? Иди, жалуйся на небо, с которого идет дождь, если хочешь.

Но все вышло по-другому. И теперь придется с этим разбираться. Знай она, что так выйдет, может, попросила бы себе еще времени на раздумье.

Чушь. Все-то ты знала. Специально подстроила. Определенным образом все расставила и ждала – сообразит или нет. На что это похоже: на открытую рану или открытое окно? Он увидел окно и, недолго думая, забрался внутрь, причем именно на такой поворот, признайся, ты и рассчитывала. Сама себе купила билет и проложила маршрут, поэтому нечего теперь притворяться, что ты ни при чем.

Давненько она не заскакивала на ходу в проходящий скорый. Такое под стать совсем молодым и полным сил. А вот побываешь под колесами пару-другую раз, протащит тебя по всем шпалам, и усвоишь, что силенок уже не достает. Если мозгов хватит, конечно.

А вот Гейб Людовик вряд ли вообще когда в жизни запрыгивал в такой поезд. Когда добрых пятнадцать лет женатой жизни идут под откос, хочется намного большего, чем просто секса. И страстное это желание пронизывало все его существо, пульсировало в каждом прикосновении, в жаре тела, удивившем их обоих. Этого жара и неутолимого желания хватило почти на всю ночь, он ни на секунду не сомкнул глаз, а когда затихало его тело, он принимался говорить без умолку, то лихорадочно бормоча, то рассказывая более спокойно. Наверное, такая ночь должна была бы свести их раньше, прежде чем она поехала в Мексику с Марком.

А он ждал. Пока она вернется. Вероятно, он и сам того не понимал, но Джина-то понимала. Теперь.

Лицо Гейба стояло у нее перед глазами, чуть колеблясь, будто ожидая, когда она запишет изображение на чип. Но она усилием воли отогнала этот образ и вновь сосредоточилась на своем видео.

* * *

Джина снова шла по призрачной улице, где вдоль обочины стояли брошенные ржавые машины, когда вдруг почувствовала, что за ней наблюдают. Это не было частью видео, потому что она прекрасно помнила: такого тут быть не должно. Джина остановила действие и внимательно осмотрела замершую улицу. Высокие здания с выбитыми окнами в наступающих сумерках стояли совершенно заброшенные и пустые. Улица глядела на нее разбитыми фарами искореженного лимузина. Теперь ясно, откуда

взялся этот образ: из съемок в университетском городке первого января далекого теперь двухтысячного года. Только без мертвых тел.

И тут эти тела появились – едва прикрытые лохмотьями одежды призраки на капоте автомобиля, наполовину свесившиеся из окна справа, из задней двери и дальше по всей улице, будто надоевшие и брошенные куклы. Ее точка наблюдения рванулась ближе к ним, и – самое поганое – она теперь уже не могла с уверенностью сказать, как эти тела тут оказались, она ли вызвала их образ из памяти, или…

…*прогуляемся чуток…*

В голове мелькнула, не успев оформиться, какая-то догадка. Джина двинулась дальше, следуя за музыкой и визуальным рядом, до самого момента падения. А там – цикл повторов, каждый возврат на секунду дольше предыдущего, и, наконец, падение как огромное облегчение.

Но в тот последний краткий миг, когда она зависла над пропастью в начавшемся падении, невидимый наблюдатель ворвался в ее сознание, перестав таиться, и ринулся вниз вместе с ней.

В ужас стремительного падения вплелось понимание – и оттого еще больший ужас: они падали вместе, и, хотя его здесь быть никак не могло, странным образом присутствие его казалось уместным.

Когда она очнулась на ковре возле дивана, ее била дрожь.

* * *

Через оптику видеошлема, лежавшего на консоли, он наблюдал, как Джина спустилась на подъемнике и широким шагом направилась через всю «яму» к нему. Как всегда, готовая порубить его на куски. Пусть; он даже специально вложил ей в руки здоровенный топор, как у пожарников, красный, со зловеще посверкивающим широким лезвием. Жуть. Он записал изображение на будущее – пригодится.

До чего же здорово, лицо – открытая книга, даже страницы переворачивать не нужно. Вот заметила его свернувшееся клубочком на ковре тело и нахмурилась, недоумевая, каким образом он ее впустил, потом лицо прояснилось, а губы раздраженно поджались. Мысли читаются без труда, почти так же ясно, как в тот раз, когда ему удалось прокрасться в ее видео. Несказанное удовольствие толкало на повторение, и хотя некоторая неловкость заставила его на какой-то миг усомниться,

вправе ли он был так поступать, желание повторить попытку только укрепилось, хотя и не по одной этой причине. Вот только Джина пришла специально, чтобы пресечь такие поползновения.

Отдавать команды системе теперь было для него совершенно естественно, не сложнее, чем дышать.

– Собственно, я здесь, – раздался его голос из динамика на консоли. Джина рывком подняла голову, стремясь обнаружить источник звука, и Марк сохранил запись этого движения, попутно обработав, сгустив выражение лица до чистого изумления.

Подойдя ближе к консоли, Джина принялась ее осматривать. Пару раз скользнула взглядом по видеошлему, прежде чем тот привлек ее внимание. Когда его «выносной глаз» закачался у Джины в руках, Марк ощутил головокружение.

– Полегче, не так быстро, – сказал он.

Она проследила глазами, куда тянутся провода от шлема: к системе, а от нее – к голове лежащего на полу Марка.

– Сам придумал? – спросила она, положив видеошлем на место.

– Изнутри это нетрудно. Вся консоль умещается запросто и еще место остается. И множество прочих вещей стали теперь проще простого. Посмотри на монитор.

Там он продемонстрировал, как Джина направляется к нему с топором в руке.

– Довольно чисто, – заметила она. – Никаких лишних деталей и помех, хорошее разрешение. Ну-ка, вставай, мне нужно тебе кое-что сказать.

– Почему бы тогда тебе не присоединиться ко мне?

Она перевела взгляд с монитора на свернувшееся калачиком на полу тело, этот кусочек мяса, потом обратно, свирепо сверкнув глазами.

– Я хочу знать, как тебе удалось проделать со мной свой фокус.

– Если что-то подключено к сети – значит, я могу туда проникнуть. Как я это сделал, Джина? Спроси лучше, как бы я мог этого не сделать. Именно для этого я и был предназначен. Вспомни, я ведь всегда тебе так говорил, даже когда куда сильнее теперешнего зависел от этого мяса.

Джина стояла над ним, глядя на змеящиеся из его головы провода.

– Больше этого не делай, – спокойно произнесла она. – Никогда без спроса не вламывайся ко мне.

Марк впитал в себя звук ее слов, которые он воспринял своими обостренными чувствами, записав высоту и тембр ее голоса, особенности произношения, движения губ, и отправил все

это в файл «Джина».

– Я испугал тебя. Но для меня это был просто визит, вроде того, как ты сейчас ко мне зашла в комнату. Я просто не отсоединился.

Она глянула на динамик.

– Понимаю, голос мой теперь звучит иначе, – сказал он, после чего ее внимание снова переключилось на съежившийся на полу кусочек мяса. Она по-прежнему собиралась обращаться к нему, а не напрямую к глазу камеры. – Мне сейчас намного лучше. И становится все лучше с каждым часом. Это тело отягощало меня.

– На твоем месте я бы не говорила о нем в прошедшем времени. Думаешь, ты долго так протянешь?

Он вывел свои жизненные показатели на экран, для нее.

– Каждый раз, подключаясь, я учился замедлять метаболизм еще чуть-чуть. Приспосабливался, притирался, как любой механизм. Перемена ради машин.

Она встала на колени рядом с лежащим на полу телом, Марк наклонил камеру, чтобы лучше видеть ее. Она нерешительно взяла тело за руку и чуть сжала. После чего посмотрела на консоль.

– Ты же чувствуешь разницу, правда, Джина? Теперь меня там почти нет. Я поддерживаю существование этой оболочки, но она пуста. Знаю, что ты не можешь с этим согласиться, но для меня все так и есть.

Она отпустила его руку и поднялась с колен, упрямо качая головой.

– Нередко после бурной ночи ты бывал и в худшей форме. Думаешь, для меня в новинку наблюдать, как ты без сознания валяешься на полу?

После этих слов она резко повернулась и направилась к подъемнику.

Марк повернул ей вслед объектив камеры.

– Джина.

Та остановилась, вполоборота.

– Что?

– Я ведь говорил, что нахожусь теперь здесь. Разве нет?

Подбородок Джины чуть опустился, будто она кивнула. Но после этого она тут же вышла за дверь.

Тогда он вернул объектив в прежнее положение и полностью погрузился внутрь себя.

* * *

Он бежал по летному полю к цеппелину вслед за Каритой. То ли расстояние было обманчивым, то ли его точка наблюдения снова рассинхронизировалась с происходящим. Он все никак не мог скоординироваться как следует. Интересно, как бы Джина поступила в подобном случае? Он бы спросил прошлой ночью, но только вот возможности не представилось. Правду сказать, и мысль такая ему тогда в голову не пришла. Теперь он ощущал только, как сильно колотится сердце, будто хочет окончательно выпрыгнуть из груди, причем не только от симуляции бега, хотя и ноги бежали, и руки активно работали на отмашку.

Вдруг цеппелин осветился изнутри, и замигала четкая надпись: БОЛЬШЕ НАРКОТИКОВ. Гейб застыл на месте и уставился на буквы, не веря собственным глазам. Забавная складывается ситуация. Марли остановилась на лесенке, ведущей в гондолу, а Карита высунулась из дверного проема, пытаясь разглядеть, из-за чего задержка.

– Про-сти-те. Что, собственно, вы тут такое творите?

Он обернулся. Через летное поле к ним шагала Рейна Коппертуэйт с решительным и в то же время озабоченным выражением лица. Боже, он снова отвлекся.

– Значит, в центре всего – любовь, – изрекла Коппертуэйт. Ветерок шевелил ее туго завитые локоны, один из завитков коснулся губ. Она с раздражением отбросила его в сторону. – Любовь и секс, но, конечно, ничего двусмысленного и никакого притворства. Ты – воплощение фантазий, ты должен являть собой предмет желаний для обеих девушек, которые не против делиться между собой. Неплохо. Вышло бы даже лучше, если б удалось ввести в сюжет еще нескольких девиц. Может, все-таки пора подняться в этот цеппелин и заняться делом?

Гейб оглянулся через плечо на Марли с Каритой. Те пожали плечами.

– Давай, залезай, вертун, – сказала Марли и побежала к лесенке, ведущей в гондолу. Гейб последовал за ней, но застыл у самого входа. Карита снова высунулась и спросила:

– Ну, а теперь в чем дело?

– Совершенно не представляю, как выглядит гондола внутри.

– Вызови что-нибудь из базы данных. – С этими словами она ухватила его за шиворот и рывком втянула внутрь.

Прямо в спальню Марка, где он теперь и стоял, глядя на Джину, раскинувшуюся на измятых простынях. Пораженный, он перевел глаза на Марли, но та развела руками и отступила на пару шагов.

– Я тут ни при чем. Сам сотворил – сам и разбирайся.

– Аналогично, – поддержала Карита, придвигаясь ближе к

Марли. Позади них появилась дверь, за которой они и исчезли. Пока дверь закрывалась, Гейбу показалось, что он успел разглядеть приборы пилотской кабины.

Джина не просыпалась. Войдя в спальню, Гейб осторожно присел на краешек кровати. Джина пошевелилась.

Вначале всегда кажется, что дела пойдут на лад. Надеешься, веришь в самоотдачу…

Еще одно слово на букву «с»! – презрительно оборвала она.

То есть?

Ничуть не лучше, чем прочие ругательства на эту букву. Неотвязное, как проклятие, слово «самоотдача». Стоит поддаться – и ты вляпался, оно поймало тебя в сети Вселенской Скорби.

Для меня это было больше, чем слово. Не просто сотрясание воздуха. На самоотдаче можно долго продержаться… год за годом. Даже когда кажется, что не стоит больше стараться, все равно держишься, пока в один прекрасный день все не кончается. Больше нечего отдавать, источник иссяк, остался лишь призрак.

Правда? Вроде улыбки Чеширского кота. В один прекрасный день только и остается, что эта улыбка. Но как ни крути – один черт. В итоге мы остаемся при этом слове на букву «с», которое некуда приложить. Разве нет?

Последний Цеппелин. *Далеко ходить не надо – скоро прямо у вас в голове!*

Джина снова пошевелилась. Губы тронула улыбка. Улыбался ли кто-нибудь во сне из-за него прежде? Неизвестно. Да и сейчас точно сказать нельзя, потому что темно.

Пока не начало светать, Гейб не испытывал особого беспокойства. Но едва занялось утро, его вдруг обуяла странная мысль, что темнота каким-то образом защищала, создавала зону безопасности, своего рода обводной цикл, а дневной свет теперь все нарушит. Тогда он отчаянно потянулся к Джине, а в ней, наверно, пробудился сходный страх. И они уже не могли оторваться друг от друга, сплелись так тесно и жарко, что – Боже – если что-то и могло их защитить от безжалостности света, то это их объятия, их слияние воедино.

Может, это сработало. Когда утихла дрожь, они увидели, что кругом стоит уже день, но чары не разрушились. Поднявшись с постели, они продолжали ласкать друг друга, теперь без лихорадочности дорвавшихся друг до друга подростков, а легко… Будто так и должно было всегда быть. Чуточка сексуальной магии действительно способна сотворить чудо, даже в случайном порту, куда прибило бурей.

В проходящем скором.

Что?

В проходящем скором. Обычно ночью. Неважно, Людовик. Теперь ты знаешь, на что это похоже.

Пол комнаты под ногами заколебался: цеппелин поднимался в воздух, и тут Гейб почувствовал приближение некоей сущности – новой, такой же самостоятельной личности, как и он сам. Он обернулся ей навстречу.

И увидел свое лицо в зеркале ванной комнаты в медицинском отделении. Он наклонил голову к правому плечу, потом к левому. Выглядит как обычно, тут они не наврали. Та же старая башка, только теперь в ней пробуравили восемь дырок, предназначенных для восьми проводов, да еще снабдили коротеньким меню для управления образами. «Наверх». «Вперед». «Назад». «Застыть на месте». «Возобновить». «Закончить». «Сохранить». «Выйти».

При выполнении каждой из команд образы последовательно монтировались: Карита, ЕЩЁ НАРКОТИКОВ, разговор Рейны Коппертуэйт с ним – она на мгновение застыла на месте, потом показала на цеппелин, спальня Марка, Джина, Марли с Каритой закрывают за собой дверь в пилотскую кабину. Вот Джина пошевелилась, и снова ощущение чужого присутствия, только намного сильнее и определеннее, его собственное лицо в зеркале ванной комнаты, понимание, что вся эта мешанина записана на чип, и, наконец, высоко над его «ямой» – потолок, куда он уставился, моргая и пытаясь понять, сможет ли когда-нибудь выстроить все так, как нужно.

«Отсоединиться», – отдал он мысленную команду. Откуда-то из глубины сознания пришло подтверждение – на уровне ощущения, которое он попытался описать для себя, но без особого успеха. *Безуспешность* определяла, похоже, всю его теперешнюю ситуацию. Он осторожно отсоединил провода от головы. При этом он ничего не чувствовал, как и обещали, никакой боли, но слишком уж это все походило на ритуал вуду. Когда в куклу втыкают длинные иголки, а потом вытаскивают их наружу. Может, это сравнение ему пришло в голову потому, что не хотелось вспоминать ту палату в «Охотниках за головами». Иначе пришлось бы признать, что все-таки он попался.

Гейб потряс головой, будто пытаясь побороть головокружение, которого на самом деле не испытывал. Это, собственно, было самой примечательной чертой нового интерфейса: никакой опустошенности, никакой головной боли, как после похмелья, что нередко случалось с прежней системой. Ни переутомления глаз, ни мышечной усталости, вообще никакого перенапряжения.

Хотя, по здравому размышлению, после бессонной ночи голова у него должна была кружиться, но не отдыха он жаждал –

и тогда, и теперь.

Проклятое слово на букву «с», Людовик. Оно требует от нас больше решимости, чем порой удается наскрести. Потому что хуже нет, когда вроде и грифель в карандаше не стерся, а писать некому.

Вспомнив ее слова, Гейб рассмеялся. Голос Джины звучал у него в голове на удивление ясно. Гнезда дали ему эту четкость – каждая мысль проходила на его мысленном экране зримо и ясно, будто на мониторе с высоким разрешением. Казалось, протяни руку – и дотронешься.

Однако гнезда не способны были прибавить ему власти над ходом мыслей. Никакого напряжения, но и показать особенно нечего. Сосредоточиться надолго, чтобы выдать последовательный и законченный кусок, никак не удавалось.

Он встал, выгрузил чип из консоли, подержал его немного на указательном пальце, а потом вставил в слот на переформатирование. Мэнни ввели имплантаты четыре дня назад, это означало, что его продержат в медицинском отделении еще не меньше трех, то есть у него в запасе три дня, чтобы выдать полнометражный вариант приключений с цеппелином для «Пара-Версал». Но пока не удавалось записать и пяти минут связного диалога без полного разброда сознания. Может, удастся отвлечь Коппертуэйт на очередное обсуждение сюжета. *Конечно, заходи потрепаться, будем* гонять, так сказать, кхм, тараканов. *Обожаю разговаривать с творческими людьми. Прошу прощения. Что ты тут такое творишь?* Если найдет в себе силы вынести подобное.

Его взгляд остановился на виртукостюме, аккуратно сложенном на полке над столом, сверху лежал видеошлем. Со старой доброй системой и старыми чипами он бы куда быстрее управился. За какие-нибудь две недели. А потом уже прогнал бы сделанное через новый интерфейс – правда, есть вероятность, что все разлетится этаким видео-конфетти уже через две минуты, если учесть теперешнее отсутствие у него всяческой способности сосредоточиться. Потом можно сбросить материал Мэнни в очередь на просмотр и ждать, когда тот до него доберется. Уж этого момента он не пропустит – вопль ярости будет слышен через любые стены. Или же Мэнни решит подглядеть за ним через какой-нибудь «глазок»…

А может, уже так и сделал.

Вспомнилось ощущение чужого присутствия – резкое, словно удар по голове. Сомнений нет. То же самое он испытывал во время упражнений по визуализации на следующий день после операции, будто кто-то наваливался на него или толкал.

Возможно, тот хакер. Но разве он не попытался бы заговорить

с ним?

Гейб запустил руку в волосы. Нет, нельзя думать о хакере, иначе он попадет на чип вместе с прочими посторонними образами. Наверно, нужно обратиться к медикам и спросить, нет ли у них программы для отсечения посторонних мыслей.

Он заметил, что зарывается пальцами в волосы все глубже, будто хочет докопаться до главной причины всех своих забот и вырвать ее с корнем. Гейб обвел глазами виртукостюм с шлемом, консоль, свернутые на ней провода, всю «яму», и вдруг ощутил себя запечатанным здесь, как в душном ящике. Ударив по клавише открывания двери на консоли, он побежал к лесенке, ведущей на верхнюю площадку.

Судя по индикатору у двери напротив, Джина была у себя в «яме». Гейб медленно подошел к двери и поднес руку к кнопке звонка. А вдруг он своим появлением нарушит что-нибудь, может, она сейчас вся в своей музыке и видео, пытается заставить эти образы быть чем-то, делать что-то для нее там, неведомо где? Или, наоборот, ей хочется увидеть его не меньше, чем ему?

Гейб надавил кнопку. Через мгновение дверь бесшумно распахнулась. Он снова помедлил, соображая, что сказать, но тут дверь начала закрываться. Гейб рванулся внутрь, задев грудью косяк и оторвав при этом пуговицу.

Раздалось тихое гудение лифта, который она послала ему навстречу. Джина сидела, положив ноги на стол, и глядела на один из плоских мониторов консоли, будто не видя Гейба. Тот спустился и теперь ждал, когда она оторвется от экрана и переключит внимание на него. Неожиданно лифт двинулся вверх, пришлось соскочить.

– Господи. – Выдохнул Гейб.

– Прости. Мне показалось, что ты передумал. – Ее голос звучал отстраненно, как-то неестественно. Только сейчас Гейб заметил в гуще дредов тонкие провода. Значит, она подключена к машине. Он шагнул назад, к лестнице.

– Ну же, ты что, боишься, я укушу? – Она медленно повернулась к нему, взгляд не сразу сфокусировался на лице Гейба, будто ей очень не просто было выделить его из окружающей среды.

Гейб неуверенно подошел ближе.

– Что ты делаешь?

– Слежу за волной, которую гонит мой мозг. – Она показала пальцем на экран.

Три извивающиеся вверх-вниз линии ничего ему не говорили. Неожиданно они остановили свой бег и двинулись по экрану в обратную сторону, пока не достигли нескольких зазубренных

пиков среди прочих фигур с более-менее повторяющимся рисунком.

– Тут я открывала дверь, закрывала ее, посылала подъемник вверх первый, а потом второй раз. Это если тебе интересно. – Линии дернулись, экран на мгновение очистился, но уже в следующий миг он увидел там себя стоящим перед входной дверью. – В принципе, можно всем отсюда управлять, если знаешь как. – Экран снова очистился. – Отсоединиться, – скомандовала она.

Пока Джина отсоединяла провода от головы и укладывала их, он старательно отводил глаза.

– Чудно́, правда? Просто захотелось проверить – получится или нет. У тебя тоже выйдет, если захочешь.

Она зевнула, покрутила головой и, слегка помассировав шею, выжидающе посмотрела на него.

Слова опять куда-то улетучились. Как в дурном сне. С этими проклятыми гнездами в голове он мог спроецировать вовне любое представление, любую мысль, а вот сказать теперь женщине, с которой только что провел ночь, зачем пришел, был не в состоянии.

Джина кивнула.

– Слушай, все в норме. Все как есть. Поэтому не суетись и занимайся пока тем, чем тут положено. Ты ведь заполучил контракт с «Пара-Версал» и волен, согласно ему, осуществлять полный художественный контроль. Тебе повезло больше, чем прочим, поэтому, считай, твой бутерброд упал на этот раз маслом вверх. Можешь даже выкупить у бывшей жены ее часть в кондоминиуме и никуда не съезжать. А если удача продержится, кто знает, глядишь – вместо этого заведения совсем перейдешь в «Пара-Версал».

Он моргнул.

– Зачем?

Джина рассмеялась.

– Господи, неужто ты думаешь, что теперь, когда появился этот чертов прямой интерфейс с мозгом, студиям типа «Пара-Версал» по-прежнему будут нужны такие конторы как «Ди-Ви»? «Ди-Ви» им теперь совершенно ни к чему, хотя они этого еще пока толком не осознали. Когда же до них дойдет, они живо обзаведутся собственным оборудованием. Наймут писателей, которые будут день и ночь клепать фильмы у себя в голове, и снимать больше ничего не придется.

– А как же гильдии и профсоюзы?

– Им каюк. Они могут разве только добиться, чтобы обстановку выдумывал и представлял профессиональный

декоратор-дизайнер, костюмы – художник по костюмам, сюжет и персонажей – сценарист, а новый искусник будет сливать все это воедино и визуализировать окончательно. В результате все перекочует туда. – Выставив большой палец, она махнула рукой в сторону консоли. – А теперь греби отсюда на свою галеру. А мне пора на свою.

С этими словами она отвернулась от него и принялась один за другим подсоединять провода к своим гнездам. Гейб вышел.

* * *

Он довольно уютно устроился на безопасном расстоянии, где его трудно было обнаружить, когда почувствовал, как Джина заговорила.

Ну же, ты что, боишься, я укушу? Он без труда вычленил ее слова из окружающего шума и сохранил на будущее. Она не переставала думать о нем, пока разминалась за консолью. Вроде как в детстве: «Смотри, мамочка, я могу без рук!» Но это занятие не захватило ее без остатка. Хотя она почти ухватила суть и, если бы попробовала продвинуться чуть дальше, то почти наверняка не останавливалась бы до конца. Правда, хорошо ли это было бы для нее – неизвестно, потому что одно он уже понял. И дело было не только в разнице между ними: ему хотелось подобраться ближе туда, где находились образы, а ей – приблизить эти образы к себе. Нет, теперь он знал наверняка. От нее самой он не мог получить подтверждения своей догадки, зато *тот*, другой, был переполнен ею. Людовик был переполнен ею.

Что ты делаешь? Боже, да она должна была носом уже учуять. А он проворонил. Со всем своим арсеналом новых возможностей он уже давным-давно обязан был их вычислить, построить графики их перемещений наперед, с учетом известных ему или интерполируемых свойств. И тогда бы оказался готов к тому, что теперь узнал. Хотя бы немного. Новость стояла колом в горле, никак не удавалось ее проглотить.

В принципе, можно всем отсюда управлять, если знаешь как. Вокруг этих слов множество шума, не совсем ясной информации, частично относящейся к нему самому, частично к Людовику. Но Джина сама не представляла до конца их смысла, не понимала, до чего была права.

Чудно́, правда?

Только если не обладаешь всей полнотой фактов, любовь моя. Но с их учетом – ничего чудно́го. Он украдкой заглянул к ней в депо визуальных образов. Н-да. Людовик действительно ее

обаял, хочется ей это признавать или нет.

Отсоединиться.

Черт. Он устремился вперед, поспешно ища на ее консоли что-нибудь подходящее для передачи хотя бы звука, но, чтобы найти способ подслушивать через железо без подключенной к нему Джины, требовалось время. Пора отступить, оставив часть себя решать эту задачу.

Он прокрутил снова то, что записал. Сложные многофакторные графики и деревья решений тут излишни. Невооруженным глазом видно, к чему все идет, если только не вмешается непредсказуемый фактор, каковой всегда была Джина, еще способная принять его сторону, если задумается над его переменой ради машин.

Отпусти ее. Придется. При-дет-ся.

Если только здесь ее не будет для него, ничего не поделаешь. Собственно, и думать тут нечего. Тут думать нечего, ха-ха. Но тогда, черт побери, даже легче полностью отдаться тому, ради чего он был рожден. Ведь пока он специально сдерживался, старался не разрастаться сверх меры, чтобы возврат в прежнюю плоть еще был возможен. Иначе, стоит перейти определенную границу, и пути назад не будет. Прежняя оболочка была слишком дефектна, изношена и утомлена, чтобы вмещать его теперь.

Значит, пора закрыть за собой дверь. Что он теряет? Только мясо, которого, он уже знал, ему было не жаль. Не жаль теперь. И *не будет* потом. Даже если тому комочку плоти и будет недоставать его.

Тот посылал слабые сигналы, наподобие бессмысленных, предписанных инстинктом призывов у животных: возвращайся в родное гнездо, малышка Шеба[24]. Первородный искусник или нет, но одно право рождения не делало происходящее естественным. Не то чтобы его когда бы то ни было принимали за естественного человека, но вот теперь он тут стоял и вилял, так сказать, этим хвостом из ставшей ненужной плоти. Если б можно было отдать команду «Отсоединиться» изнутри, он ни секунды бы не медлил. Покеда, тело, пиши письма, если найдешь себе другую работенку.

Но получить отсюда доступ к управлению было никак нельзя. Система принимает команды только от его плоти, а это жалкое мясо его отпускать не собиралось. Оно там, в «яме», мнило себя чем-то большим и неизмеримо более прекрасным, чем на самом деле являлось, а при рассоединении сей сладкий сон тут же прервался бы.

Если бы удалось убедить кого-нибудь – Джину – прийти сюда и просто выдернуть провода из его черепа. Но она ни за что этого

не сделает. Он мог сколько угодно умолять, ныть, упрашивать, пытаясь объяснить, что лежащее здесь на полу тело – немногим лучше кучи мусора. Куда там. *Это мое мясо.* Неплохая фразочка, откуда-то из давних воспоминаний. Но почему его, а не Людовика?

Это мое мясо.

Нет, любовь моя, и никогда твоим не было. Если бы ты согласилась немного со мной прогуляться, я бы рассказал тебе, как все было на самом деле.

В своем обновленном и усиленном состоянии он, тем не менее, не свободен от бесплодных несбыточных мечтаний.

Он заглянул в область хранения данных Людовика и подобрал там еще кое-какие крохи, отметив, что его присутствие зарегистрировано, но не идентифицировано. Надо быть осторожнее. Стоит надавить чуть сильнее, и столкнешься с этим типом нос к носу, и тогда утаить что-либо будет трудно.

Но перед ним устоять будет куда проще, чем перед Джиной. Господи, отпустить ее, когда она могла делать такое видео, как для «Канадейтайм», было жутко трудно. Он не смог удержаться и ринулся тогда вниз вместе с ней, хотя знал, что тем самым выдал себя. Но тешил себя надеждой: когда Джина поймет, что теперь необязательно падать в одиночку, она переменится к нему. Но, может, ей хотелось именно лететь вниз *самой*.

Он вдруг пожалел, что не сделал копию видео для себя. Дистанционно он почувствовал, что она снова подключилась, но не двинулся навстречу, не желая вновь погружаться в мешанину мыслей о Людовике. Однако теперь можно было проверить по основному регистру, как она поступила с последним видео.

Оно находилось в очереди на просмотр в зоне Мэнни Риверы. Тот, к счастью, пока к делам не приступил, приходя в себя после процедуры вживления гнезд. Только подумать: Мэнни Ривера онлайн. Вот дерьмо, придется специально от него экранироваться.

Тут всплыло непрошенное воспоминание о хакере в пентхаузе – теперь, когда область ассоциаций захватывала все больше и больше, трудно было предсказать, куда они его заведут, – интересно, там ли еще этот паренек. Скорее всего, там, поскольку оттуда поступали какие-то команды. Нужно обязательно заглянуть к нему и поприветствовать, после нескольких просмотров видео Джины. Заглянуть и напомнить, что мир до безобразия шредингеров, когда ты из мяса и костей. Тому это не помешает.

* * *

Управляемые компьютерной системой колесики сложного механизма под названием «Диверсификация Инкорпорейтед» продолжали слаженно крутиться, несмотря на все изменения во внешнем мире. Она уже работала с искусственным интеллектом прежде, и хотя система отметила, что новое присутствие внутри нее отличается от прежнего, у нее не было оснований обращать на это внимание. Новых инструкций о процедурах распределения элементов бизнес-цепочки не поступало. Энергия посылалась в необходимых количествах в различные части занимаемого здания, телефонные звонки и электронная почта доносились до получателей, незаконно вторгающиеся в систему нарушители блокировались.

Не упускала система и мелочей. Так, она отметила, что у Мэнни Риверы в очереди на просмотр позиций меньше обычного и находятся они там дольше, но просто зафиксировала данный факт в памяти, не более того. На случай замедления активности существовала довольно простая инструкция: поддерживать функциональное состояние и ожидать дальнейших инструкций. Если бы здание вдруг опустело и простояло так пятьдесят лет, то по возвращении менеджеров по-прежнему ожидала очередь готовых видео, выстроившихся на просмотр – конечно, при условии непрерывного энергопитания (что не так уж и невозможно).

Но вдруг система получила команду доставить одну из позиций на просмотр вне очереди. Это было допустимо при наличии дополнительных команд, – которые тоже поступили, правда, с некоторой задержкой. Однако системе это было безразлично. Она выделила запрашиваемую единицу – «Джина Айеси/ Канадейтайм музыкальное рок-видео», – доставила в обычную область просмотра и заново пронумеровала оставшиеся. Затем стала ждать дальнейших команд.

Отосланная на просмотр позиция вернулась. Система проверила ее на наличие дополнительных инструкций или помет, возвращающих видео обратно в очередь к еще не просмотренным работам – ничего не было. Согласно установленной процедуре, это могло означать только одно: следовало исключить единицу из очереди и отправить на выход, помеченный как «Выпуск в свет».

«Выпуск» тоже представлял собой часть системы, но действующую по иному протоколу. В отличие от очереди на просмотр, «Выпуск» сортировал поступающие единицы в соответствии с их дальнейшим предназначением. Голливудские картины направлялись на соответствующие киностудии, реклама – на соответствующие рекламные студии, социально ориентированные объявления – в рассылку по электронной почте,

а готовые ролики последней, новейшей категории – рок-видео – в развлекательную сеть, предварительно дублируясь для архивов звукозаписывающих компаний, для исполнителей, а также для внутреннего архива с пометой, которая означала, что протокол распределения соблюден.

По завершении данной задачи система отметила, что в очереди на просмотр произошло нечто непредусмотренное: уже выпущенная единица оставила там свою точную копию. Создание копии помимо предусмотренного протоколом дублирования для архивных целей, безусловно, указывало на наличие вируса. Копия не содержала никаких свидетельств того, что появилась из-за неопытности оператора, постигающего порядок действий по ходу дела, и что была создана изнутри, а не привнесена снаружи, да и сама ситуация не предусматривалась ни в каких инструкциях. Системе было только известно, что следует незамедлительно провести антивирусную обработку.

Копия была изолирована, обезврежена сложной последовательностью команд, направленных на нейтрализацию механизма воспроизводства, и разобрана.

Операция завершилась успешно. Система занималась удалением остатков файла и размещением сообщения об успешно проведенной стерилизации, когда среди теперь безвредной разрозненной информации обнаружила инструкции самой себе. Они касались вызова одной из единиц на просмотр вне очереди. У системы не было команд разбирать предписания себе, поэтому она вернула инструкцию в ту ячейку, где она до этого функционировала.

После чего система вернулась в начальный режим, обнаружила инструкцию на вызов единицы на просмотр вне очереди из теперь перенумерованной последовательности и выполнила ее. Цикл повторился, инструкция обнаружилась вновь, система выполнила ее снова, и снова, и снова.

Вскоре и область просмотра, и область, предусмотренная для использования при ее переполнении, заполнились без остатка, так как не были предназначены для хранения большого числа готовых единиц. На этот случай существовала еще одна инструкция, опять-таки очень простая: отправлять избыточные единицы обратно в очередь на просмотр. Возвращающиеся же туда материалы система отправила, не обнаружив дополнительных помет и повинуясь основной команде, на выпуск.

Система считала эти инструкции полными и неизменными. На самом же деле, они были изменены, причем не в процессе борьбы с предполагаемым вирусом, а гораздо раньше, совершенно не предусмотренным протоколом, незаконным образом Мэнни

Риверой собственной персоной. Система этого не помнила. Потому что сведения о процессе модификации были им стерты.

Сама модификация была совсем небольшой, причем не он первый среди перегруженных рутиной управляющих пошел на это. Мэнни научил его предшественник, объяснивший так же, как не попасться. Всего-навсего надо было отменить требование демонстрации маркера, обозначающего, что работа просмотрена и готова к выпуску. Вместо этого система получила указания любую единицу, возвращающуюся в очередь на просмотр без маркера, отправлять прямо на выпуск.

Мэнни нашел модификацию настолько эффективной, что мог начисто забыть о ней и попасться на незаконном изменении программы уже давно, но он заблаговременно пометил в календаре напоминание восстанавливать первоначальную процедуру перед ежеквартальной проверкой. Перед своей операцией по вживлению гнезд он не успел до конца решить задачу, как сделать так, чтобы календарь автоматически вызывал программу восстановления отсутствующей команды, а потом снова возвращал все в удобное Мэнни состояние.

Система работала, повинуясь командам, и все, что находилось в очереди на просмотр до определенной позиции, отправлялось на просмотр, а затем на выпуск, с положенной записью названий файлов и перенумерованием единиц в очереди.

Прошло довольно много времени, прежде чем система обнаружила новую копию переведенного на просмотр файла, но при попытке применить антивирусную обработку эта копия среагировала совершенно иначе.

Глава 24

Ощущение падения был столь реальным, что Сэм всем телом, от корней волос до кончиков пальцев, почувствовала его. Земля ринулась ей навстречу, из далекого неясного пятна выросла до угрожающих размеров смертоносной плоскости, – и все залила чернота. В этой черной пустоте вибрировала последняя низкая нота мощного аккорда, проникая в самую глубину ее существа, будто вновь собирая разлетевшиеся осколки.

Звук затих, в наступившей тишине Арт заговорил:

– И это у них теперь называется рок-н-роллом.

У Сэм перед глазами проступили очертания интерьера его шатра.

– Иисусе, – выдохнула она.

– Причем это только изображение на экране, – продолжал Арт. – Будь у тебя гнезда, ты бы получила еще кое-что в придачу.

– Ага, – сказала Сэм. – Скорее всего, сердечный приступ.

– Нет, не совсем. Тоже видео, но доступное только через гнезда. Оно упаковано плотнее, замкнуто на себя. Могу дать взглянуть одним глазком, если хочешь.

– Не уверена, что способна вынести вообще что бы то ни было вдобавок. – Сэм была не в состоянии унять внутреннюю дрожь.

Арт водрузил на колено большую подушку и предложил:

– Можешь посмотреть на моем экране. Так сказать, видео внутри видео, как тебе?

Неожиданно перед ней расстелилось озеро с усыпанными галькой берегами. Взгляд двинулся ближе к берегу и сфокусировался на продолговатом боку одного из голышей. Казалось там, на мелкозернистой поверхности, что-то движется, – но тут картинка исчезла. Арт отбросил подушку прочь.

– Это все, что я могу тебе показать, – сказал он несколько извиняющимся тоном. – Остальное в изображение перевести нельзя.

– Перевести откуда? – спросила Сэм.

Он пожал плечами. Теперь Арт выглядел менее андрогинно, по крайней мере, когда она разговаривала с ним.

– Из общей картины. Тут что-то творится, но я не представляю, как тебе это объяснить.

У Сэм внутри все похолодело.

– А Фецу ты об этом говорил?

– Пока только тебе. Не мог определить, что это такое. – Он помолчал, на лице появилось озабоченное выражение. – Думаю, это может быть еще один я.

– То есть другая часть тебя?

– Да, или кто-то похожий на меня. Здесь, в этой области системы, происходят странные процессы, но локализовать их я не могу. Только чувствую, что они происходят.

Сэм немного подумала.

– Ты можешь так ощущать присутствие других людей с гнездами. То есть, другие интеллекты… или сознания… в контакте с системой.

Она поморщилась: слово «сознания» отдавало оккультной белибердой, которой обильно уснащались все передачи шоу «Звезды, кристаллы и ты».

– Нет, – возразил Арт. – Чтобы почувствовать их, мне пришлось бы взломать их точки доступа, или, по-вашему, консоли. Гнездолюди входят в контакт с ними, а не непосредственно с сетью. Как и все прочее на консолях, они ограничены рамками своего железа.

– Конечно, кто бы спорил, – пробормотала Сэм. *Гнездолюди*. Это словечко напомнило ей другое, нередко употреблявшееся Фецем: «стручколюди»[25]. Стручколюди с гнездами, через которые поступает информация, пока они мутируют в своих коконах…

Она прогнала эту мысль.

– Если ты так говоришь, значит, так и есть. У тебя намного больше информации на этот счет.

– А хочешь получить больше информации? Я могу собрать специально для тебя.

– Нет, спасибо. С меня пока хватает.

– Да, я вижу, – торжественно сказал Арт. – Когда лучи заглядывают тебе в глаза, становится заметно, как ты встревожена.

– Они не заглядывают мне в глаза, – довольно сухо ответила Сэм, – а отражаются от роговицы. Ты уже совсем должен быть докой, чтобы понять что-либо по роговице моих глаз.

– Я хорошо тебя изучил, – невозмутимо продолжал Арт. – Знаю только тебе свойственную манеру работать на клавиатуре, движения твоих глаз. И эти движения говорят мне очень о многом.

– Вот как. Напомни мне, пожалуйста, в следующий раз, чтобы я смотрела прямо перед собой. – Она вздохнула. – Меня теперь многое тревожит. Наверное, быть в бегах – не в моей природе.

Увидимся позже, ладно?

Экран почернел, и она сняла шлем с головы. Позади нее в палатке Гатор с Фецем изучали что-то на ноутбуке татуировщицы. Видеошлем блокировал звук их голосов от нее, а ее – от них, несмотря на то, что все сидели совсем невдалеке друг от друга в одной комнате. Если, конечно, можно назвать палатку комнатой. Вроде спальни.

Спальные мешки, как и всегда днем, были скатаны и куда-то убраны, поэтому трудно было представить, как они тут размещались в развернутом состоянии. Сэм полагала, что они стелились бок о бок, но дальше картинке развиваться не давала. Да и это была всего лишь догадка; она не могла ничего знать наверняка – ведь без нее тут прошло несколько недель, – а спрашивать не стала.

Гатор оглянулась и улыбнулась:

– Как там доктор?

Сэм пожала плечами.

– Показал мне одно из новых видео. Довольно странное.

– Еще бы, – откликнулся Фец, не отрывая взгляда от экрана. Там вращался сложный рисунок – новая татуировка Гатор. Многогранник в окружении вытянутых каплеобразных «огурцов», как на индийских набивных тканях.

– Я возвращаюсь к Святому Дисмасу. Увидимся позже, – сказала Сэм и выскользнула из палатки, не желая на этот раз выслушивать обычных заботливых напутствий Феца быть осторожнее на улице.

На Мимозе сегодня было прохладнее, чем обычно. Весточка октября, как выразилась Роза, напоминание о том, что лето кончается. Уже теперь на Мимозе было народа куда меньше обычного, люди искали приюта потеплее или снялись с места и отправились по делам куда-то еще. Оставшиеся слишком смахивали на кадров – задубелые, почти совсем отчаявшиеся. Чтобы постоянно тут жить, нужно было уже совсем ничего не ждать от внешнего мира, чего Сэм о себе сказать не могла.

И если бы они с Розой по счастливой случайности не нашли пристанища в развалинах то ли старой гостиницы, то ли ресторана – теперь трудно было разобрать – вряд ли бы она задержалась тут так надолго. Неизвестно, правда, насколько именно, потому что за исключением регулярных визитов к Арту и общей осведомленности о том, что происходило в сети, она не следила за ходом времени. Одна неделя сливалась с другой в странной неподвижности (или стагнации, с горечью подумала она), когда дни были почти неотличимы друг от друга. Вот и лето почти кончилось, а ничего так и не прояснилось. Они по-

прежнему значились в списках разыскиваемых (по-видимому, согласно особому распоряжению), а местонахождение Кили оставалось тайной. Процедура вживления гнезд была успешно легализована, и непохоже, чтобы мир от этого заметно изменился, разве что большинство имплантационных клиник переоборудовались преимущественно под эту операцию или добавили ее в список предлагаемых процедур.

Сэм прошла мимо бывшего киоска, где пара подростков забавлялась с графикой – дельфины и экзотические птицы – на переделанных мониторах. Разрешение великолепное, но по внешнему виду их аппаратуры можно было подумать, что ее сюда доставили прямиком из ада, настолько все было перекручено и перемонтировано.

– Эй, – окликнули ее. – Я тебя знаю.

Сэм шутливо отдала честь. Худенькая девушка жестом позвала ее подойти поближе.

– Бабахаешь ВР? – спросила она. Паренек рядом немного ниже ее ростом – наверно, брат, подумала Сэм. И неопределенно пожала плечами.

– Вот, попробуй, тут сразу и видишь, и будто там находишься. – Девушка постучала по монитору, стоявшему на прилавке перед ней. На экране проявлялся фантастически пестрый, неоново-сияющий попугай. – Летай, как орлица.

– Летай, как попугай, – поправила Сэм, которую это позабавило. Летай, как попугай, при этом воображая себя совсем другой птицей. Что ж, пока никаких законов, запрещающих что бы то ни было в Виртуальной Реальности, не выдумали.

– Вырастили из яйца, – продолжала девица. – Трансформируй себе и верь.

Словечко «верь» прочно вошло в лексикон обитателей Мимозы и употреблялось ими по поводу и без повода. По-видимому, это должно было что-то означать, но усталость мешала Сэм тянуть нить рассуждений дальше.

– Потом поверю, – сказала она и двинулась дальше, помахав на прощание рукой. Чуть справа от нее впереди двое кадров вели территориальный спор за право лежать именно на данном пятачке под пирсом Хермоза. Одна обветренная личность пыталась вытащить другую из-под пирса за ногу, на что в ответ была засыпана песком и поносима глухим уханьем.

– Так проходит слава мирской собственности, – пробормотала Сэм. Она уже почти добралась до полуразвалившегося здания, где обитала вместе с Розой и группой других хакеров, которые объединенными хотя и не очень скоординированными усилиями сумели дополнительно укрепить стены этого пристанища.

Наиболее привлекательной чертой здания была сохранившаяся крыша и почти постоянный источник электропитания, подкрепляемый аккумуляторами солнечной батареи. Крыша во многих местах была пробита, залатана подручным материалом и, конечно, протекала, но что за беда – здесь, на Мимозе, это заменяло уют родного дома. Хоть плачь, только вот все слезы она выплакала давно, еще в первую проведенную здесь неделю.

На месте входной двери зиял проем с неровными краями, прикрытый перекошенными гаражными воротами, возле которых все несли по очереди добровольное дежурство. Сейчас на вахте стоял, вернее, сидел Перси, лениво ковыряясь в каком-то блоке своим доморощенным инструментом (м-да, доморощенным без дома, ну ладно), в то время как другой блок держал в зубах. Для своих пятнадцати лет он был крупным подростком, густые черные волосы подрезал только тогда, когда те начинали цеплять железо, над которым он постоянно корпел, на верхней губе пробивался темный пушок. Сэм сначала считала его чикано, но Гатор объяснила, что он наполовину филиппинец. С железом он творил чудеса, причем был намного компетентнее и увереннее, чем Сэм в том же возрасте. Целых два года назад, напомнила она себе. Нет, уже почти три, в октябре ей исполнится восемнадцать.

Восемнадцатилетие на Мимозе. «Готовы ли мы к этому? – пробормотала она себе под нос. – Вряд ли».

Тут Перси поднял голову, заметил ее и махнул рукой, приглашая зайти. Чего это он – куда же еще ей идти?

– Век беспроводной коммуникации, – сказал Перси, демонстрируя ей свое творение. Глаза Сэм расширились от удивления.

– Если эта штука работает не хуже, чем смотрится, я тебе заплачу, чтобы ты мне такую же изготовил. А лучше объясни, что тут к чему. – Она взяла в руки плату размером меньше ладони, поблескивающую серебристыми бугорками приемников.

– Бабахаешь в железе, здорово. – Перси расплылся в улыбке и отвел ее руку с протянутой ему платой обратно. – Твоя. Верь, не сомневайся.

Дружелюбная улыбка Перси вызвала у нее чувство неловкости.

– Это, конечно, очень мило с твоей стороны, Перс, но…

– Просто поверь и забудь. Хочешь забабахать что-нибудь новенькое?

Он вскочил с места и гаркнул:

– *Рщ!*

Из-за кучи досок и прочего хлама показалась голова паренька чуть постарше.

– Что, прямо сейчас?

– Прямо и сразу, – подтвердил Перси, мотнув головой в сторону ворот. Парень занял его место. – Пойдем.

Сэм пошла вслед за ним, чуть задержавшись по дороге взглянуть на свое обиталище. Большая часть ее пожитков хранилась под досками пола, сверху на них были навалены разные обломки прежней роскоши, натащенные ею из окрестных домов. В обломках тут недостатка не ощущалось. Раньше эта комната, видимо, служила столовой, в ней до сих пор валялись остатки столов и стульев. Культура на рубеже веков была, пожалуй, даже расточительнее той, на периферии которой Сэм теперь обреталась.

Стены между комнатами первого этажа почти все обрушились, а от второго вообще осталось только несколько балок. Кто-то из наиболее отчаянных местных жильцов забрался на них и подвесил там абстрактную скульптуру из железяк, служивших некогда частями техники и домашнего обихода, – подумать только, кто-то потратил в свое время массу времени и сил на дизайн интерьера, который землетрясение в мгновение ока превратило в кучу мусора.

В глубине здания располагалось просторное помещение, прежде служившее комнатой для собраний или танцевальным залом. По общему согласию здесь никто не жил, это помещение теперь использовалось как склад и мастерская. Именно тут Сэм, наконец, встретила неуловимого Капитана Джасм, долговязую темнокожую японку неопределенного возраста – лет двадцати? Или тридцати? Вряд ли старше. Она постоянно возилась с экзоскелетами. Сначала Сэм думала, что она использует их вместо виртукостюмов, но Джасм, по-видимому, виртукостюмы вообще не интересовали, по крайней мере, для решения ее конкретных задач. Те заключались в основном в перенесении замысловатых рисунков движения в компьютерные программы. На один из экзоскелетов, являвший собой четырехметровую громадину отдаленно человекообразной формы, Джасм свалила все свое временно не используемое оборудование. Зловещее создание, будто незаконченный робот. Вполне можно представить, как он задвигается и примется крушить все вокруг наподобие франкенштейнова монстра эпохи высоких технологий.

В настоящий момент он был отодвинут в сторону вместе с кучей прочего оборудования Джасм, чтобы очистить место для огромной металлической конструкции, на которой были закреплены шестнадцать мониторов. У Сэм буквально отвалилась челюсть. Девушка повернулась за объяснениями к Перси.

– Посмотрим маленько телевизор? – Он явно наслаждался

произведенным впечатлением.

Она заметила Розу, которая возилась с камерой на треножнике чуть в отдалении от телестены.

– Давай я, – предложил Перси, направляясь к ней. Роза подняла голову и с улыбкой наблюдала, пока тот проверял провода, ведущие от камеры. Они тянулись к раме с мониторами.

– Ну, как тебе? – спросила Роза. – Шестнадцать мониторов, все без времени ожидания.

– Откуда они? – поинтересовалась Сэм.

Роза пожала плечами.

– Отовсюду понемножку.

– Столько телевизоров. Как в допотопном кино, – сказала Сэм. – Сорок, пятьдесят лет назад, желая показать сцены сверкающего будущего, повсюду, где только могли, вставляли телеэкраны. Как если бы будущее только тем и отличалось, что там будет больше телевизоров.

– Собственно, так и вышло, – отозвалась Роза.

– Вот. – Перси отошел от камеры. – Теперь бабахни.

Роза включила камеру. Мониторы мигнули и показали чье-то нечеткое изображение – по-видимому, Сэм рядом с Розой.

– Все равно паршиво, Перс, – сказала Роза.

– Бабахни, говорю, – повторил он.

– Все и так включено. – Роза нахмурилась.

Он покачал головой, протянул руку и стукнул кулаком по пластиковому кожуху камеры. Изображение дернулось, застыло, а потом прояснилось.

– Превосходно, – раздался голос Арта из динамика где-то в верхней части телестены. – Эй, не надо смотреть на экраны, смотрите в камеру, чтобы я мог вас видеть.

Перси вклинился между девушками, обняв их за плечи.

– Мы втроем клево смотримся?

Арт фыркнул.

– Нет. Хочешь – приставай к Розе. А Сэм я первый заметил.

Сэм закатила глаза. Надо же, первый настоящий, скорее всего разумный ИИ – позер. Наверное, должно пройти какое-то время, чтобы удалось соединить в сознании воспоминание о недавней беседе с Артом и его теперешнюю ипостась.

Перси прижал их к себе сильнее.

– Жаль делиться, верь – не верь.

Сэм кивнула, немного устало, и высвободилась из его объятий.

– Слышали мы такое.

Изображение на экранах в нижнем ряду пропало и сменилось программами четырех различных каналов инфолайна.

– Видишь, – сказал Перси. – Это все не липа. Можешь подключиться к любому каналу, какому хочешь. Хоть к миллиарду.

На оставшихся двенадцати мониторах выражение лица Сэм выглядело утрированно ехидным:

– И узел распухнет так, что не заметить нас уже будет нельзя. Не кажется ли тебе излишним извещать весь мир о нашем местопребывании, когда мы вроде старались его скрывать?

– Вот дерьмо, но ведь можно подключиться. В принципе, – сердито буркнул Перси. – Пропускная способность – главное. Это вещь. А так никогда не знаешь, что подцепишь из этой сети.

– В точку, – радостно согласился Арт. Теперь на мониторах восседало обложенное подушками его изображение с ноутбуком на коленях, но интерьер совершенно изменился: вместо шатра на экране было помещение, не сильно отличающееся от развалин гостиницы. Это Арт Фиш демонстрирует свою общечеловеческую солидарность, подумала Сэм. Но сейчас он гораздо сильнее погружен в человеческие переживания и опыт, чем она.

Сэм вздохнула.

– Я согласна, что нам нужна хорошая пропускная способность. Но ведь мы не можем смотреть миллиард каналов сразу. Или даже шестнадцать одновременно.

– Я могу, – самодовольно заявил Арт.

– Рада за тебя. – Сэм огляделась по сторонам. – Разве не рациональнее было бы рассредоточить мониторы вокруг? Тогда расширился бы доступ к ним, и, к тому же, исчезла бы угроза потерять их все разом, если вдруг обвалится крыша.

Перси наморщил нос.

– Тогда не будет выглядеть так шикарно.

– Ах, конечно. – Сэм глянула на него искоса. – Совсем забыла.

Хотя она должна была признать: выглядела установка действительно внушительно. Сделана явно напоказ, но кого тут они собираются так впечатлять – друг друга? Им это ни к чему. Скорее, все ради Арта. За те несколько недель на Мимозе, что прошли с момента первого знакомства, присутствие Арта стимулировало хакеров, перевело их в состояние демонстративного рвения; отец рассказывал, что служащие «Диверсификации» так стараются выказать свою занятость перед тамошними управляющими. Будто Арт был неким суперхакером, на которого все они стремились произвести наилучшее впечатление.

– Эй, говорите погромче, – попросил Арт, приставив ладонь к уху. – Аудиоканал у меня дешевенький. Может, убедите Перси поковыряться с микрофонами.

– Не-а, – отрезал Перси в камеру. – Так пока поживи. Трону – еще все вырубится.

– Ну, можно же подкрутить кое-какие настройки. Дай мне схему начинки, я соображу.

– Нет у меня в наличии схемы, – сказал Перси. Неожиданный переход с разговорно-мимозного на нормальный язык всех шокировал. – Это все кручено-перекручено из разных схем. Мне тогда придется каждый блок вынимать, прогонять через сканер, а потом снова вставлять на место. С такой работой сто лет не расплеваться. Придется тебе обойтись тем, что есть, пока мы не раздобудем чего-нибудь получше. – Он посмотрел на Розу и Сэм, которые все еще глядели на него с удивлением. – Просто хотел, чтоб вы знали, что я тоже по-вашему говорить могу, если захочу. – Он сделал шаг назад и снова посмотрел в камеру. – Эй, у тебя теперь разрешение и звук на выходе в норме, чего тебе еще? Два из трех, так что спи-отдыхай.

Арт напустил на себя обиженный вид.

– Попробовал бы ты спать-отдыхать, Джим-сынок, когда у тебя в ушах все время треск стоит.

– Джим-сынок? – переспросила Роза.

Перси пустился в пространные объяснения, теперь густо пересыпанные жаргонными словечками. Сэм скоро перестала следить за перепалкой. Можно провести добрую половину дня, препираясь с Артом, если тот не настроен соглашаться.

Она пробралась к себе в «спальню», умостившуюся между грудами переломанного паркета и обвалившейся штукатурки, и хлопнулась на узкий матрас, выторгованный ею у старьевщика во владениях крутых ямайских ребят. Здесь все же было спокойнее, чем в двухместной палатке, которую они с Розой каждую ночь ставили, а потом снова разбирали и таскали весь день на горбу вместе с прочим скарбом. Но вся история с теле-стеной погрузила Сэм в печальные размышления. Слишком уж эта установка вышла постоянная, будто они обречены были поселиться тут навеки, включая Арта.

Рука наткнулась на лежащий в кармане переделанный инжектор. В суматохе этой скитальческой полуподпольной жизни она почти позабыла о нем. Да и вообще теперь мало что для нее существовало, целыми днями она бродила наполовину в отключке. Почти как Джоунз, который в основном лежал себе в темном углу, по шестнадцать часов кряду. «Слишком часто и слишком надолго умирал, – предположила Гатор. – Вот его тело теперь и защищается, как может, – держит хозяина, так сказать, в состоянии оффлайн». Что ж, теория ничем не хуже прочих, по мнению Сэм.

Правду сказать, она была готова перевести Джоунза в его излюбленное состояние уже навечно, когда они с Розой, наконец, отыскали эту личность на Форест Лон и обнаружили, что он почти уже впарил Розин ноутбук мальцу, гонявшему на машине свою обводную программу. К счастью, Розе этот паренек оказался знаком, и его без труда удалось уговорить отказаться от покупки краденого товара у личности, которая значилась в розыске. Убедить Джоунза последовать за ними было значительно труднее, но если бы тот не упирался, она ни за что бы не увидела отца, низринутого на землю подле гробницы Либераче, и Джину Айеси вместе с Видео-Марком в качестве сестры и брата милосердия.

Да, чтобы увидеть Гейба там, во время набега, стоило красться во тьме ночной мимо полицейских. Роза потом здорово ее отчитала за то, что она дала отцу клочок бумаги с именем Святого Дисмаса. Но властям было известно только одно заведение с таким названием – захиревшая бесплатная столовая в Уотсе[26], основанная в свое время свихнувшейся на Иисусе технофобкой с горящими глазами и липкими пальцами. Так ее рисовала людская молва. Но, кто знает, может, та на самом деле тоже была хакером, чье имя намертво застряло в списке разыскиваемых лиц? Одного осознания, что тебя разыскивают, и Сэм было бы достаточно, чтобы захотеть укрыться в каком-нибудь монастыре – если бы она уже не поняла на своем скудном опыте, что не выносит общежития, даже такого безалаберного, как здесь, на городском дне.

Но все, конечно, могло сложиться куда хуже. Они с Розой могли до сих пор скитаться с палаткой, а Джоунз – стоять приткнутым в углу сортира у Гатор; в первую же ночь в этих краях она могла лишиться намного большего, чем просто ботинок; всех их вместе могли замести во время набега, и тогда сваранганенные Гатор документы вряд ли выдержали бы проверку. Вместо этого теперь у них в полуразвалившейся гостинице была эта супер-пупер-телестена, плюс хоть и самодельная, но мощная система, распределенная между всеми обитателями, которая, пожалуй, превосходила возможности той, что осталась в квартире Феца. Тот сумел тогда захватить к Гатор только небольшую часть оборудования. Вроде видеошлема, который собрала для него Сэм.

Теперь она вынула из кармана бывший инжектор и стала крутить его в руках. За время пребывания в данном полуразвалившемся убежище Сэм предоставила в общее пользование кое-что из своих придумок – и программы, и железо, – но это отдавать не хотелось. Достаточно уже раскрытых технических характеристик.

Конечно, без подходящих условий для сборки даже со всеми

спецификациями ничего бы не вышло. Поставщики в Озарках, с которыми она вышла на связь, попались очень сговорчивые: в обмен за настройку антивирусной защиты их системы они не только позволили ей выбрать детали из своего обширного каталога, но и дали воспользоваться собственным оборудованием для белковой сборки в чистой, хорошо освещенной мастерской. Уже когда начинка обрела нужную конфигурацию, Сэм смогла довести инжектор до полностью рабочего состояния у себя в палатке. Типичная хакерская игрушка для личного пользования – когда не хочется ждать полгода-год, а может, даже пару лет, пока «Диверсификация» выставит на продажу подобное устройство и начнет качать себе прибыль. Всегда интересно попробовать слизнуть кое-что, поднапрячься и сделать лучше. А то, кто знает, когда еще эти машинки станут доступны?

Теперь вот самое время и место проверить, как она будет работать. Специально сконструирована для неблагоприятных условий. В другой руке Сэм по-прежнему держала подаренную Перси плату. Девушка внимательнее присмотрелась к ней. Чуть-чуть перепаять – и прекрасно встанет. Тогда все будет в ажуре: близкая к телу система с беспроводным модемом, настроенным на непробиваемую частоту Арта. Солнечные очки уступали по качеству шлему, но это все же лучше, чем ничего, к тому же, им даже солнечные батареи не нужны. Хотя, модему, конечно, нужна будет энергия. Всего несколько минут, и все было бы доделано, но тут готовность приступить к делу куда-то испарилась.

– С тобой все в порядке?

У входа, воображаемой границы ее жилища стояла Роза. Сэм кивнула, приглашая ее войти.

– В общем, да. Просто приступ вечной на Мимозе тоски от того, что некуда податься.

– Да ладно тебе, все не так уж и плохо.

Роза опустилась на матрас рядом с ней, прислонившись к растрескавшейся стене.

– Знаю. Вот только минуту назад старалась убедить себя в этом. Мне никогда не хотелось забираться сюда. Ведь вычислить, что мы здесь, довольно просто. Копы не дураки, вполне могут сообразить, что мы специально подбросили им информацию о том, что якобы уехали из города. – Сэм глубоко вздохнула. – Но постепенно я начала свыкаться. Мне стало казаться, что в этом есть что-то… будоражащее. Даже романтичное. Чем-то напоминает мой побег в Озарки, только местность здесь со сдвигом. Ноутбуки с внутренностями наружу, музыканты кругом импровизируют. А влюбленные кибергении делают для тебя беспроводные модемы. – Она рассмеялась, потом снова

вздохнула. – Но в основном тут грязно, пахнет черти чем, небезопасно и голодно.

– А еще и ботинки крадут, – добавила Роза.

– Да. У меня тот случай все не идет из головы.

– Но я же их потом отобрала обратно. И синяк под глазом довольно быстро прошел. Притом, ты бы видела того парня.

– Видела я. Мразь. До сих пор простить себя не могу.

Роза усмехнулась.

– Нечего себя казнить. Ты нежное чувствительное существо, а вовсе не боец.

– Что означает – мне здесь совсем не место. Я даже не стала ничьей любовницей.

– Да ладно тебе. Если Перси может замахнуться на нас двоих, то от одной он точно не откажется.

Сэм застонала.

– Даже если бы я могла заставить себя совратить пятнадцатилетнего подростка…

– … который, вполне вероятно, опытнее тебя в этих делах, – ехидно вставила Роза.

– …не уверена, смогу ли когда-нибудь преодолеть разделяющий нас языковой барьер. О половине того, что он говорит, можно только догадываться.

– А он-то только что так старался доказать, что вполне способен говорить по-человечески. Но я тебя не стану осуждать, если ты подождешь, пока он возмужает немножко. – Роза снова усмехнулась, немного печально. – Что еще тебя тревожит?

Сэм плотно сжала губы. Она прежде никогда не говорила Розе о том, как относится к Фецу, но, скорее всего, этого и не требовалось. Та и сама все видела, а если молчала – значит, не хотела беседовать с ней на эту тему, для общего спокойствия. Нет, ни к чему даже начинать – как в симуляции: если знаешь, чем дело кончится, не стоит тратить свою жизнь на прохождение всех уровней.

– Мне просто не хватает цивилизации. Не хватает обычной возможности передвигаться, приходить и уходить, когда хочется. Быть там, в городе. Может, я недалеко ушла от остальных буржуа и оказалась слабаком, поэтому, как стукнет восемнадцать, пора мне, видать, сдать свой ноутбук, отыскать номер соцстрахования и идти устраиваться на настоящую работу.

Роза беспечно похлопала ее по ноге.

– Ничего, встряхнись, солдатик. Вот осядет пыль после Информационного Взрыва, они потеряют к нам интерес, и тогда мы сможем вернуться домой.

– Думаешь?

– Либо тогда, либо когда Кили отсидит свой срок.

Сэм снова застонала, теперь громко.

– Ладно, хватит. – Роза встала и протянула ей руку. – Скоро пойдут «Тупые заголовки». Давай-ка мы с тобой, две усталые беженки от правосудия, пойдем, послушаем, что там на свете происходит и немного посмеемся. Если, конечно, ты не желаешь остаться тут и киснуть дальше в свое удовольствие.

Значит, опять в палатку Гатор. Готова ли она к этому? «Была – не была», – подумала она и рассмеялась.

– Да нет, конечно.

* * *

«Фундаменталисты Дня После Третьего Тысячелетия заявляют, что через гнезда демоны легче вселяются в слушателей рок-музыки». Несколько лиловатое изображение Арта на мониторе, установленном Перси в палатке Гатор, широко улыбнулось. Заголовок светился рядом на портативном складывающемся мониторе, который Фец успел захватить с собой.

– Глупо, но неоригинально. Никакого полета фантазии, – сказала Гатор, облокотившись на спинку кресла, где сидел Фец.

– Да, но уж слишком глупо, чтобы такое можно было просто проигнорировать, – раздался голос Капитана Джасм справа от Сэм. Низкий этот голос напомнил девушке приятный рокот мотора.

Арт помолчал. Его аватар сидел за столом, перебирая бумаги.

– Ладно. А как вам это: «Лобби В Защиту Приличий объявляет весь мозг эрогенной зоной, требует обязательного шляпования».

– Шляпования? – переспросил Адриан.

– Ты что, сам это придумал? – с подозрением спросила Гатор.

– Ни в коем случае. – Арт расплылся в улыбке. – Подожди, Адриан, специально для тебя.

На другом экране под каждым заголовком встали китайские иероглифы.

– Шляпования, значит, – задумчиво проговорила Капитан Джасм. – А что, мне нравится. Я шляпую, ты шляпуешь, он-она-оно шляпует, я шляповала, я вышляпую, меня вышляпуют…

– Не говоря уже о выражении, которое быстро станет крылатым: «Ну, все, пора тебя шляпнуть», – вставила Роза.

– А кеповать, значит, уже нельзя будет? – спросил Адриан.

Джасм с нежностью посмотрела на него и слегка шлепнула по затылку.

– Разве только вот так, чуть-чуть.

– «Пара-Версал объявила о выпуске нового фильма со множественными связями», – продолжал Арт. – «Партнеры в точности по вашему вкусу стали реальностью благодаря гнездам».

Все молчали. Потом Гатор спросила:

– Это глупо или достойно сожаления?

– Не знаю, – сказал Арт. – Я думал, это может заинтересовать Сэм, поскольку дело касается ее отца.

– Правда? – нахмурилась Сэм.

– Новый фильм создан по особому заказу Габриэлем Людовиком из «Диверсификации», тут ясно сказано, – уточнил Арт.

– Значит, они его тоже пробуравили, – тихо проговорила Сэм.

– Давайте не будем называть ничьих имен вслух, – обратился Фец к Арту. – Тут все друзья, но никогда не знаешь, кто еще может вломиться в любой момент.

Арт на экране застыл на несколько секунд. Сэм протянула руку через сидящую рядом Джасм и тронула Феца за колено.

– Фец…

– Я смотрю, – сказал тот. – Арт, ты тут?

Гатор собралась было нажать на клавишу рассоединения. Но изображение Арта пошевелилось.

– Что-то странное, – произнес он.

– Слежка? – спросила Гатор.

– Нет… – Арт выглядел задумчивым. – Нечто… *коснулось* меня.

– Объясни, – попросил Фец.

– Совершенно мимолетное ощущение. Надо над этим проразмыслить. Потом поговорим. – Он передвинул воображаемые бумаги на симулированном столе. – А, вот еще. Только что поступило. «Всем, кто тут есть: привет, я не умер, я в высокой башне. Дайверы вверх, дайверы вниз, дайверы отдыхают».

Все переглянулись.

– Это заголовок такой? – спросила Гатор.

– Вообще-то, я обнаружил это послание со странной пометкой на «Автоответчике Доктора Фиша».

Гатор принялась было отчитывать Арта за то, что тот по-прежнему вел доску объявлений, когда из-за их спин донесся голос.

– Дайверы отдыхают. Это даже *мне* понятно.

Сэм резко обернулась – на пороге палатки тоскливо стоял Джоунз. Он обвел всех своими опухшими глазами.

– Перси сказал мне, где вас можно найти, – немного извиняющимся тоном добавил он.

– Замечательно, – сказала Гатор. – Только не смей тут умирать у меня.

Сэм вскочила на ноги.

– Пойдем, я отведу тебя назад.

Джоунз отмахнулся.

– Не беспокойся. Я просто не мог уснуть. И ты, Гатор, не переживай. Имплантаты перестали работать. По крайней мере, пока.

– «Изобретатель гнезд умирает в Мексике», – продолжил Арт. – «Подозрение на двойное самоубийство с Холлом Галеном».

Все снова повернулись к монитору. Даже Джоунз, похоже, заинтересовался.

* * *

Музыка – стремительные композиции на синтезаторе под настырный ритм ударных – чуть утихла.

«Сообщение отправлено. Не говорил ли я тебе, что это чертов шредингеров мир?» – произнес мужчина на экране. Он полулежал на желтом шезлонге в какой-то недоделанной комнате. Стены у нее были неравной высоты, а вместо потолка и задней стены неслись по сине-зеленому небу облака, серые, похожие почему-то на камни и отражавшиеся в блестящих черных и белых плитках пола. Рядом с шезлонгом стояли два угловатых черных стульчика, будто перенесенные из какого-то кукольного дома, и маленький белый столик на страшно длинных и тонких ножках.

– Шредингеров или гейзенбергов[27]? – спросил Кили, обращаясь к динамику.

– Они оба к нему руку приложили, я думаю. Быть или не быть, существуешь ты или нет вообще – страшно трудно сказать, пока кто-нибудь не откроет твой ящик. Летайте самолетами Гейзенберга – не знаем, где мы, но зато здорово проводим время. – У него в руках материализовалось классического вида взрывное устройство с торчащим взрывателем. – Уверен, что не хочешь, чтобы я проложил тебе путь наружу?

– Если я отсюда сбегу, получится вроде побега из тюрьмы, – сказал Кили устало. – Пока гораздо лучше будет иметь телефонный выход наружу. Потому что я совершенно не представляю, где все и как до них добраться. А даже если бы и знал, то ни за что не хотел бы никого на них навести.

Взрывное устройство раздулось до размеров письменного стола и почти накрыло человека на шезлонге. Подняв крышку, мужчина вытащил оттуда пук спутанных проводов и стал

разглядывать.

– С этим я пока еще не разобрался. Может потребоваться время.

– Не знаю, сколько у меня осталось тут времени, – отозвался Кили. – Меня хоть завтра могут уволочь в медчасть.

– А я не знаю, как ты выдерживаешь это заключение. – Мужчина на экране слегка покачивал головой в ритм еле слышной музыки. – Сидеть взаперти врагу не пожелаешь, самое последнее дело. Не забывай.

«Ага, забудешь тут», – подумал Кили, с интересом разглядывая его. У Видео-Марка определенно прибавилось энергии после того, как он обзавелся гнездами.

– Я вот теперь вырвался из своего ящика, – продолжал Марк, копаясь в проводах. Он снова запустил руку в стол и достал новый пучок.

– А ты уверен, что знаешь, за что взяться? – осторожно поинтересовался Кили.

– Кой хрен. Нет, конечно. Схватываю все на лету. Сейчас я только и знаю, что летаю. А больше ни хрена не знаю.

Кили нахмурился, охваченный внезапным подозрением.

– А может, ты на мне пробуешь какую-то свою дешевую видео-комедию?

Марк уронил провода и строго посмотрел на него. Удивительно: можно было поверить, что изображение действительно его видело. Иногда взгляд Марка уходил немного в сторону, но по большей части, как вот теперь, Марк смотрел прямо в ту точку, где Кили находился.

– Ты что, не слышал, что я обещал тебе помочь? Разве я не послал твое долбаное сообщение, как ты просил? Не в состоянии разобраться?

– Прости.

– Ты не дал мне договорить. Ни хрена я не знаю больше о таких как ты, без дырок в голове. Я теперь онлайн. Подсоединился. – У него из головы бурно начали расти провода. – Теперь понял? Я знаю, что могу знать обо всем. Единственное, чего я не понимаю, – как мне затолкнуть все это в голову. То есть куда это все там девать.

Он снова взялся за путаницу проводов.

– Подожди, – остановил его Кили. – Хочешь сказать, что ты только в сети *такой*?

Почему-то ему сначала не пришло в голову, что Марк пользуется интерфейсом.

– Да ладно. Кто угодно скажет, что я совсем другой. Не говорил так вразумительно с тех пор, как мне стукнуло

шестнадцать. – Он поднял груду проводов и скорчил гримасу. – Придеца покумекать мальца. Покедова. Оставлю тебе калитку неприкрытой. Код доступа «Джина».

– А что, если ты будешь оффлайн?

Марк развел руками.

– Если меня не будет в сети – звони в медчасть. Это будет означать, что я умер.

Экран потемнел, и Кили увидел там свое искаженное отражение.

Глава 25

Голова у Мэнни раскалывалась. Надо же, первый день на работе после операции, и часа не прошло, а уже надо по распоряжению Мириша разбираться со злополучным заголовком из инфолайна. *Разузнай об этом поточнее!*

Так и подмывало ответить Великому Серому Управляющему: «Разузнай-ка сам!». Но теперь, когда о стольком приходилось думать, скандал был особенно ни к чему. Придется уволить Ударника, давно пора. Хорошо, что не стали тратиться на гнезда для него. Затем надо будет проверить, как дела у хакера в пентхаусе, проследить за дозировкой транквилизатора в пище, чтобы и мысли о самостоятельных действиях у него не возникало, но в то же время не накопились необратимые изменения в организме. Может, стоит допросить его еще раз, применив что-то подействennее? Пока никто из людей, названных им прежде под влиянием препаратов, не был задержан, и полиция готова отменить розыск.

А может, это и к лучшему: дай только этим хакерам собраться вместе – тут же примутся строить планы мирового господства. Полезнее всего будет вымуштровать того, кто здесь уже сидит, и заставить работать на внутреннюю безопасность. Если удастся приструнить парнишку, «Диверсификации» не о чем будет больше беспокоиться: ее система окажется надежно защищена от взлома извне. И в то же время системы всех без исключения сотрудников станут относительно доступны для него.

Но для начала нужно разобраться с Трэвисом. Рыжий доктор, видимо, ждал звонка – усталое лицо появилось на экране моментально, совершенно изможденное и бледное, будто Трэвис не ложился спать несколько дней кряду. Обстановка комнаты, где он находился, явно не напоминала кабинетную.

– Я старался, – заговорил он сразу, не дав Мэнни сказать ни слова. – Думаю, вы будете довольны, узнав, что правда почти не вылезла наружу, пока. Всем, кто хоть что-то видел, заплачено, включая полицейских обоего пола. Одну из них пришлось перевести на более высокооплачиваемую работу, пока эта мадам совершенно не успокоилась.

Трэвис отступил в сторону – за ним на столе лежали два тела, накрытые простыней.

– Что произошло? – бесстрастно осведомился Мэнни.

Трэвис помрачнел еще больше.

– У них случился удар, инсульт. Одновременно у обоих.

Он протянул руку и откинул простыню.

Вид обнаженных тел Джослин и Галена отвечал предчувствиям Мэнни – отвратительно, притом их словно макнули лицами в лужу крови. Он отвернулся от экрана.

– Нет, присмотритесь, – требовательно сказал Трэвис и отрегулировал камеру, чтобы картинка стала отчетливее. На экране появилось увеличенное изображение голов. У Мэнни подкатило к горлу, он едва сдержался.

Провода, подсоединявшие Джослин к Галену – или Галена к Джослин? – свились в клубок. Будто их было числом больше, чем гнезд. Трэвис долго, очень долго, держал фокус на этом клубке, прежде чем отвел камеру в сторону.

– Больше ничего, только эти провода, соединяющие их напрямую. Провода и кровь, лужа крови, мочи и кала. В которой горничная и обнаружила тела.

Мэнни помассировал лоб.

– А она поняла, что именно она увидела?

– Вне всякого сомнения. Мечтает поступить в медицинский колледж и копит деньги. – У Трэвиса дернулся уголок рта. – Мы вживляем ей гнезда на следующей неделе. За наш счет, конечно. И посылаем, тоже за наш счет, на Гавайи, в престижный университет. А по окончании ее будет ждать необременительная практика на Оаху.

– А не думали ли вы, что было бы целесообразно во время проведения процедуры по вживлению гнезд освободить ее память от ненужной информации?

На лице Трэвиса явно проступило отвращение.

– Если бы это было так просто, вам нипочем не удалось бы легализовать процедуру в Штатах. Сейчас нет времени объяснять в подробностях всю сложность хранения информации в человеческой памяти, мистер Ривера, и, кроме того, пока еще неясно, каким образом можно замещать удаленные участки. Но даже если бы мы знали, как это сделать, я бы отказался брать на себя такую ответственность.

Резким движением вправо-влево он вытер рот тыльной стороной кисти.

– От журналистской братии удалось скрыть, чем, собственно, эта парочка занималась. – Трэвис бросил взгляд через плечо на все еще не накрытые простыней тела. – Имели друг друга через голову, думаю, так это можно назвать. Причем делали это, одновременно подключившись к записывающей аппаратуре. Мы

обнаружили целую библиотеку чипов в их комнате – все это было изъято нами, информация стерта. Кое на что я взглянул. Просто поразительно, что за существа могут ходить на двух ногах, да еще владеть новейшей технологией.

«Трэвису такое не понять», – подумал Мэнни. Хотя, правду сказать, ему тоже стало не по себе.

– Мы ведь уже давно понимали, что имеем дело далеко не с образцами душевного здоровья, – примирительно сказал он. – Уверен, если исследовать структуру ее мозга…

– Тут речь идет не о болезни, – перебил Трэвис. – Скорее, о… *чуждости*, совершенно ином устройстве психики. Мозг другого человека сам по себе можно представить неким чужеродным образованием, если посмотреть под правильным углом. Или, наоборот, неправильным. Но ведь мы говорили о том, что послужило причиной их смерти, верно? Инсульт. Я так это назвал? Собственно, я не могу сказать точно, что это было. Общая дисфункция. Внутричерепное расплавление тканей. Системный отказ. Их мозг просто… *спекся*. По результатам сканирования я не могу точно сказать, чей спекся раньше и почему, хотя я лично не вижу особой нужды в этом разбираться. Что же касается причины, мистер Ривера, то, по моему мнению, некоторые идеи особенно пагубны для здоровья. Если можно вызвать язву, то почему не кровоизлияние в мозг, локальное или вовсе тотальное?

Он поглядел на Мэнни, чуть вздернув подбородок, будто ожидая возражений.

– Вы приедете, чтобы тут все уладить?

– Можете сами этим заняться, – спокойно ответил Мэнни. – Просто избавьтесь от тел. Больше ничего не нужно. С журналистами мы справимся.

– Я думал, может, стоит извлечь их мозг – вернее, то, что от него осталось, – для изучения? – неожиданно практично спросил Трэвис. – Поскольку это первый известный случай соединения мозга двух людей напрямую.

– Делайте то, что считаете нужным… – начал было Мэнни.

– По мне, лучше было бы сжечь этот мозг дотла, пепел закопать в глубокую яму, а землю сверху посыпать солью, чтобы ничего на ней в этом месте больше никогда не взошло.

– Хватит! – оборвал его Мэнни. – Вам теперь надлежит передать центр мексиканскому правительству и заняться обучением местного медперсонала. Возьмите себя в руки. Даже если на тех чипах, что вы у них нашли, был запечатлены извращения, не описанные Крафт-Эбингом[28] по маркизу де Саду, мне нет до этого дела. Вам известно только, что они умерли, как только подключились напрямую друг к другу, в

результате неверного применения технологии, а не от каких бы то ни было диких идей, загнездившихся у них в головах.

Трэвис безрадостно рассмеялся.

– Вы не видели тех чипов.

– Мне этого и не требуется. А требуется сейчас позаботиться о том, что необходимо сделать. Мне со своей стороны, а вам – с вашей.

– Изучить эти соединения необходимо с научной точки зрения. – В Трэвисе вновь возобладал практицизм. – Разобраться, как именно Джослин их изменила. Из чистого научного любопытства я бы хотел понять, как она сумела установить двустороннюю связь без дополнительного оборудования. Точнее, без добавления нового оборудования. Желание копаться в этом у меня отсутствует, но, будучи ученым, я обязан разобраться. Такой случай нельзя пропустить.

– Впредь все оборудование будет снабжаться этикетками с предупреждением, – сказал Мэнни, за внешним спокойствием скрывая внутреннее смятение. – «Использование оборудования не по назначению и самостоятельное внесение изменений могут привести к нежелательным последствиям», что-нибудь в этом духе. В любом случае надо было что-то подобное ввести, хотя объяснять, что именно произойдет при отклонении от инструкции, мы не обязаны. Как, справитесь?

Трэвис наклонился вперед.

– Собираетесь теперь задвинуть меня, отстранить, откомандировать в лабораторию у черта на рогах, чтобы я не проговорился?

– Могу допустить, что вы находитесь в состоянии повышенного стресса из-за груза ответственности, сверхурочной работы и повышенной концентрации разного рода официальных лиц и журналистов, болтающихся сейчас у вас под ногами, – ровным голосом продолжил Мэнни. – Но сейчас мне необходимо ваше квалифицированное мнение. Если вы не в состоянии его предоставить – дайте мне другого эксперта, который сможет это сделать.

Плечи Трэвиса обвисли, лицо обмякло. Постепенно, по мере обсуждения, кого стоит посвятить в подробности фиаско Джослин и Галена и какую легенду скормить прессе, Мэнни видел, как профессиональные навыки доктора стали брать верх над эмоциями. К моменту окончания разговора Трэвис уже взял себя в руки, хотя подавленные эмоции временами еще прорывались.

Мэнни и сам вымотался, теперь бы не помешала еще неделька отдыха. Он начал набрасывать пресс-релиз, где объяснялось, что доктор Джослин умерла от естественных

причин, а Гален покончил собой, не в силах вынести смерти любимой. Это исключало любые намеки на психические отклонения Джослин, поскольку подобных ассоциаций с изобретательницей гнезд следовало всячески избегать.

Через пять минут раздался сигнал: поступило сообщение от Мириша. Мэнни открыл его.

Неплохо было бы все же просматривать видео перед выпуском. М.

У Мэнни внутри все будто оборвалось. Он вызвал на экран обе очереди – на просмотр и на выпуск – и пришел еще в больший ужас при виде того, как позиции стройными рядами перекочевывают из одного списка в другой, словно солдаты на параде. Проклиная себя, он тут же заморозил процесс, успел отозвать две позиции из самого низа очереди на выпуск обратно, и откинулся в кресле, стараясь успокоить дыхание.

Если Команда Наверху учуяла, чем он тут занимался, то, возможно, ему придется вылететь отсюда еще быстрее Ударника. Да не просто за дверь, а прямиком на скамью подсудимых – компании не впервой добиваться осуждения сотрудника за создание видимости работы путем автоматизации процесса. Паника чуть улеглась, когда Мэнни заметил, что несколько материалов все же задержались в очереди на просмотр. Короткие рекламные ролики и два видеоклипа, оба созданные Видео-Марком.

Но не прошло и минуты, как его снова зашкалило и сердце заколотилось вдвое сильнее. Даже с учетом автоматизации части процесса тот не должен был начинаться сам по себе. Необходимо было специально вызвать позицию из очереди, просмотреть и только затем отправить дальше – либо автоматом, либо вручную. Но и тогда процесс не должен был повторяться сам по себе – требовалось отдать распоряжение доставить следующую позицию из очереди на просмотр. Никак не должно было такого случиться, самопроизвольный цикл исключается. Но и начаться сам по себе процесс никак не мог…

Сердце едва не выпрыгивало из груди. Это все мелкий поганец из пентхауса. Сукин сын не только проник в его систему, но и заразил ее каким-то вирусом. Иного объяснения быть не может. Если этот засранец сумел проникнуть в рабочую область Людовика, значит, может пролезть куда угодно, и эту программу именно он запустил. А потом подсадил своего вируса. Явно недостаточно химии ему добавляют в пищу, или он уже к ней привык… а если Команда Наверху узнает…

«Это у меня просто перевозбуждение в левой височной доле, – подумал он. – Трэвис, наверное, с удовольствием взялся бы

изучить этот феномен. Особенно сейчас».

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, стараясь дышать через нос и таким образом успокоить боль в груди. «Дурной день, – повторял он про себя, словно мантру. – Дурной день, дурной день, дурдень, дурдень…»

Постепенно боль начала отступать. Он почти успокоился, когда в дверь забарабанили.

– Ривера, сукин сын, я знаю, что ты там!

Он застонал. Айеси. Никто больше не посмел бы ломиться сюда, игнорируя предупреждение «Не беспокоить и не отвлекать». Он нажал клавишу динамика.

– В ваших интересах, чтобы дело оказалось достаточно важным. Мне некогда отвлекаться по первому зову подчиненных, у которых вдруг возникли проблемы.

Она снова забарабанила в дверь, после чего Мэнни ее разблокировал. В обычных условиях он просто бы вызвал охранников и приказал утихомирить смутьянку. Но та могла снова сигануть с платформы.

Джина вошла решительным шагом, оперлась кулаками о стол и наклонилась к самому лицу Риверы.

– Тебе скоро некогда станет жить, если не предпримешь что-нибудь относительно Марка. Он совсем, на хрен, спекся.

Мэнни скривился, как всегда делал в ответ на грубость, произнесенную в его присутствии, чтобы указать собеседнику его место.

– Ваш приятель в приличной форме, о чем говорят все отчеты. Его производительность намного выше ожидавшейся, он прекрасно приспособился к новым условиям и, по свидетельствам врачей…

– Конечно, *ваших* мясников на *вашей* зарплате. Да они жареного цыпленка признают живым и бодрым по вашему желанию. Живо вызывай нейтрала, не то я вызову.

– Простите? – вежливо переспросил он. – Что значит «нейтрала»?

Она выпрямилась, руки в боки.

– Независимого нейрохирурга. Любого, кого вы еще не захомутали, кто не ждет бешеной выгоды от вашего долбаного «прорыва».

Мэнни коротко, элегантно рассмеялся.

– Боюсь, медицинская страховка «Диверсификации» не предусматривает оплаты консультаций врачей, не состоящих в штате фирмы, за исключением чрезвычайных ситуаций, когда требуется квалификация узкопрофильных специалистов.

– Направьте счет мне.

– Это, мисс Айеси, за пределами вашей кредитоспособности. Думаю, вам неплохо бы самой побольше времени проводить в системе, чтобы полнее ощутить ее возможности. Ваши результаты, правду сказать, оказались ниже ожидаемых.

На самом деле он не имел ни малейшего представления о том, каковы ее результаты, но такой прием обычно безотказно действовал против претензий подчиненных.

– Нечего на мои результаты кивать. Сыта я уже твоей жвачкой. Не вызовешь нейтрала – сама приведу, едят тебя мухи.

– Не получится, – добродушно откликнулся он. – Ни один врач не станет осматривать чужого пациента, если об этом не просит сам пациент. А я не думаю, что Марк об этом попросит.

Она молча жгла его взглядом. Потом сказала:

– Ничего, найду способ. Не беспокойся. И найду способ пригвоздить твою задницу к скамье подсудимых; твою, твоих головосверлов и всей этой вонючей конторы.

– Понятно. – Мэнни отодвинулся от нее подальше и сложил руки на столе. – Высказались? Если да, то теперь я хотел бы напомнить вам кое-что. Мы здесь обычно таким тоном с вышестоящими лицами не разговариваем. Если позволите себе такое еще раз, подвергнетесь дисциплинарному наказанию. Вы уже сейчас его заслужили, однако, принимая во внимание ваше чрезвычайное волнение, неизвестно чем вызванное, правда, я не намерен давать делу ход…

– Вау! Что за несказанное снисхождение! – Она смерила его недоверчивым взглядом. – Премного благодарна. Я прямо укакаюсь, если такое позорное пятно ляжет на мой послужной список.

С этими словами она развернулась и вышла.

Дверь за ней снова заблокировалась, а Мэнни напряженно ждал: вот-вот зазвонит телефон и накатит новый кризис. Самое время. Но прошло несколько минут благословенной тишины, и он позволил себе расслабиться. Видимо, неприятности этого дня, этого дурного дня, подошли к концу. И дурные дни когда-то заканчиваются.

Он вызвал список выпущенных материалов, собираясь по-быстрому с ними ознакомиться – на случай, если Команда Наверху решит его навскидку проэкзаменовать. Тогда он скажет, что предварительно просмотрел большинство материалов до того, как лег на процедуру, и направил их на выпуск последовательными порциями, чтобы избежать перегрузки области выпуска. Никто из начальства не обладал достаточной квалификацией, чтобы опровергнуть такую возможность. Покончив с этим просмотром, можно будет перейти к

замороженным в очереди материалам – сегодня к вечеру или наутро. А пока пусть там постоят.

Вначале он просмотрел рекламу – вполне сносно. Кое-что он отправил бы на доработку, но ничего катастрофического, за что пришлось бы держать ответ перед начальством.

Видео он перевел на экран, занимавший большую часть задней стены кабинета. Первым оказалось творение Айеси с некоей рок-группой под названием «Канадейтам». Он покачал головой. Что за глупое название, можно подумать, что «Диверсификация» забавляется ребусами. Через пару минут он нажал кнопку на пульте, переключаясь на следующее видео.

Прошло еще какое-то время, и он понял, что смотрит на пустой экран. Ошеломленный, он повернулся в кресле обратно к столу – но не мог сообразить, зачем. Бросил взгляд на экран монитора. Крупные белые буквы гласили: *Запись просмотрена.* И ниже, мельче: *Назад, вперед, выход?*

Он снова повернулся к настенному экрану и нахмурился. В голове туман, будто он неожиданно заснул. Видимо, очень уж нудное оказалось это рок-видео, если его так сморило.

Мэнни попытался вспомнить, что же там такое было, но ничего, кроме ритмично пульсировавших теней, вспомнить не смог. Наверно, он устал намного сильнее, чем ему казалось; слишком напряженным выдался день.

В следующую секунду он уже стоял возле стола и остервенело тер правый глаз. Черт, действительно пора отдохнуть, от всех этих рок-н-ролльных дикарей и хакеров, чересчур умных на свою голову.

Кстати, о хакерах: что же сделать с тем маленьким ублюдком? Можно прямо сейчас поехать к нему и посмотреть, как тот будет выкручиваться, а можно дать ему помариноваться пару деньков, в безвестности; если же он осмелеет и снова заберется к нему в систему, то встретит жаркий прием. Мэнни поймает его с поличным. А под угрозой отзыва договора о возмещении вреда и перевода в тюрьму он вряд ли устоит.

Дерьмец. Мелкий яйцезвон. Черт его раздери, зачем давать ему даже минуту уверенности в собственной безнаказанности? Он сел за клавиатуру и тут же отбил в пентхаус короткое жесткое письмо. «Теперь обливайся потом от страха всю ночь, сукин сын, – подумал Мэнни, – и к завтрашнему дню, когда я до тебя доберусь, как раз дойдешь до кондиции и превратишься в дрожащее дерьмо собачье, каким ты и являешься».

Иммануэль, когда ты успел стать таким злобным?

Будто отец, его голос заговорил вдруг в голове; долгие годы он молчал, поэтому сейчас застал Мэнни врасплох. Отец гордился

стремлением сына быть всюду первым, его честолюбием, но прошла уже почти четверть века с тех пор, как они разговаривали последний раз: отец умер вскоре после выпускного бала в школе, которую окончил Мэнни.

Верно. Отец не видел его взрослым. Презрение в его словах сильно задело, привело в смятение. «Я просто стремлюсь продвинуться… Знаешь, как нелегко бывает пробиться вперед, обогнать остальных на голову…»

Абсолютно все готово, не хватает только голов.

Воспоминание о Джослин оставило во рту привкус тухлятины.

– Хакеры, сдвинутые вивисекторы и бешеные рок-н-ролльные дикари кругом, паноптикум сумасшествия, а что не сумасшедшее – слишком вялое и неспособное к продолжению рода, вот отчего я такой злобный, отец, и ты бы таким стал на моем месте, если бы тебе пришлось делать то же, что и мне.

Он понял, что шепчет это вслух, и тут накатила новая волна изнеможения. Слишком много всего, слишком быстро кругом все происходит. Завтра, подумаю обо всем завтра, и о хакере в пентхаусе тоже. А если он теперь, даже после получения письма, осмелится снова к нему вломиться, это только даст дополнительное свидетельство его неуправляемости и нежелания исправляться. Если «Диверсификация» ему не указ, суд его укоротит, а всю недостающую информацию можно будет вытрясти из него, рано или поздно.

На этом Мэнни остановился и, прежде чем отключить консоль, пометил оба видео для повторного просмотра назавтра через гнезда. Уж если они настолько плохи, что усыпили его, стоит познакомиться с ними подробнее, на случай, коли Команда Наверху потребует от него объяснений, почему он все же выпустил их в свет. Подключившись через гнезда, вряд ли заснешь, подумал Мэнни.

Не остановись он по дороге немного подкрепиться в пустой столовой – вероятно, успел бы покинуть территорию до вызова охраны.

* * *

Гейб услышал ее крик, стоило ему ступить в коридор из лифта. Крик исходил не из ее рабочей «ямы», а из дальнего конца коридора. Из «ямы» Видео-Марка. Дверь туда была отворена.

Какое-то мгновение он помедлил. Последний раз их разговор закончился не в его пользу, поэтому неизвестно, одобрит ли

Джина его вмешательство. *Греби отсюда, на свою галеру.* Видимо, зря ему показалось, что он в состоянии чем-то помочь ей, да и себе тоже.

– Он не в себе! – кричала Джина. – Вытащите его отсюда…

– Эй, – негромко окликнул его кто-то сзади.

Гейб обернулся. В дверях лифта, не давая им сомкнуться, стоял высокий худощавый мужчина в странном плаще с меняющимся рисунком. Плащ был откинут назад, так что большая часть его поверхности была не видна, но ритм, в котором пульсировали тени неровной формы, показался Гейбу тревожным. Он, было, попытался сосредоточиться на лице мужчины, чтобы не видеть мерцающих теней, но и на это лицо тоже не особенно хотелось смотреть. Выражение каким-то образом сочетало в себе беспомощность и острую жажду – в обычных условиях Гейб назвал бы такую гримасу похотливой.

– Сообщи им, – сказал мужчина. – Я погрузился в видеопоток и выудил кое-что: я видел в лицо незнакомца на каменистом берегу.

С этими словами мужчина отступил в кабину лифта, отпущенные наконец двери клацнули.

Гейб моргнул, не в силах сообразить, что такое сейчас произошло у него на глазах, после чего направился к раскрытой двери перед «ямой» Марка.

Там по одну сторону от безучастно свернувшегося калачиком на полу тела Марка стояли двое врачей-имплантологов из медицинского отделения «Ди-Ви», а по другую – Джина, не сбавляющая тона.

– Он не поднимается, совсем не двигается, не покидает пределов этой комнаты – просто лежит тут, на этом поганом ковре, сложившись пополам, и все!

– Мы уже объясняли вам, миз Айеси, – с некоторым нетерпением в голосе говорила та из врачей, что была повыше ростом, – что все показатели Марка в подключенном к системе состоянии совершенно нормальны для него. Энергетические параметры у него всегда были довольно низкими…

– Вовсе не всегда…

– … потому что именно таким образом его организм реагирует на новые возможности, и, по сути, это мало чем отличается от реакции йога…

– Йоксель вашего йога…

Вторая врач подняла руку. Помощь после нокаута Джины ему оказывали не они, а другая женщина. Интересно, куда она пропала, мелькнуло в голове у Гейба.

– Мы не имеем права сами отсоединить его, не исключена

возможность причинить серьезный вред…

– Вот его могила! – Джина показала на консоль. – Вся эта долбаная «яма» – гробница…

Гейб отступил от двери чуть назад и вытянул шею, чтобы получше разглядеть Марка. Свернувшаяся наподобие эмбриона фигурка на полу никак не напоминала здорового человека, но, правду сказать, Марк никогда не казался ему здоровым.

– … и потом, согласно данным наблюдения, Марк вовсе *не* беспрерывно находится в режиме онлайн, – продолжала первая врач.

– Ваши долбаные данные врут, он изменил их каким-то образом. Он сам мне говорил, что покинул свое тело.

– Это просто фигура речи, вполне объяснимая в устах человека, обладающего столь богатым воображением.

– А такую фигуру видели, леди? – Джина выставила им два средних пальца.

– Ну, хватит. – Доктор пониже протестующее подняла ладони и отступила от Джины на шаг. – Здесь не кабак, и нам вовсе ни к чему тут с вами браниться.

– Но вы же не будете всерьез меня уверять, что все это в пределах нормы.

Тут вдруг фигурка на ковре потянулась и зевнула. Джина подскочила на месте, когда Марк перевернулся на спину и открыл глаза.

– Эй, – тихо спросил он, – это поток или берег?

Гейб нахмурился. *Я нырнул в видеопоток и выудил… на берегу…*

– Вытащи эти чертовы провода из головы, – приказала Джина, – и вставай.

Он огляделся вокруг и заметил врачей.

– Что-нибудь случилось? – Он приподнялся на локте.

– Ничего особенного, – приветливо ответила та, что пониже. – Как самочувствие?

Рот Марка растянулся в улыбке.

– Лучше не бывает. Я много работаю.

«Странно он как-то говорит», – подумал Гейб. – «Слишком уж… связно».

– Не хотите ли вы сообщить нам о каких-либо нежелательных симптомах?

– Заставьте его вытащить эти долбаные провода из головы, – потребовала Джина. Ее дреды буквально стояли дыбом.

– Не сейчас, Джина, – терпеливо сказал Марк. – Я еще не закончил то видео, над которым работаю.

Врач, спрашивавшая его о симптомах, одобрительно

хмыкнула.

– Хорошо, когда закончите, поговорите, пожалуйста, со своей подругой. Она считает, что вы заработались и слишком долго находитесь в режиме онлайн.

Марк коротко безрадостно рассмеялся.

– Я слишком занят. Здесь у меня есть все необходимое.

Он снова лег и свернулся калачиком, а оба врача направились к подъемнику. Гейб ретировался в коридор.

– Вернитесь сейчас же! – кричала Джина вслед докторам. – Как вы можете утверждать, что все «в пределах нормы»! Это был вовсе не он, а какая-то говорящая программа, долбаный зомби…

– Мисс Айеси, мы будем контролировать его жизненные показатели, но помимо этого…

– *Да вся его долбаная картина мозговой активности ненормальна!* – продолжала кричать Джина. – Совершенно ненормальна, и вы знаете это!

Гейб отступил еще дальше, услышав стук платформы подъемника о мостик перехода.

– Принимая во внимание образ жизни, который вы вели со своим другом, неудивительно, что имеются некоторые отклонения. Но общая картина находится в допустимых пределах, с поправкой на изменения, возникшие после процедуры имплантации.

– *Чушь!*

Гейб поморщился. Дар красноречия всегда оставлял ее в самый неподходящий момент. Потом кинулся к своей двери и открыл ее, притворившись, будто только что пришел. Врачи с профессионально решительным видом двинулись по коридору. Проходя мимо, они кивнули Гейбу, тот кивнул в ответ, не сводя с них глаз и пытаясь понять, есть ли у них тоже гнезда или нет. Припомнить, видел ли он их когда-либо прежде, до или после своей операции, он так и не смог.

Дождавшись, когда они, наконец, исчезли, Гейб снова направился в «яму» Марка. Джина по-прежнему стояла рядом со свернувшимся на ковре калачиком неподвижным телом, склонив голову и обхватив себя руками. Внезапно Гейб ощутил прилив досады – на Марка, а потом и на нее. Но отмахнулся от этого непонятного чувства.

– Я все слышал, – сказал он.

При виде него свирепое выражение исчезло с ее лица. Гейб счел это неплохим знаком и спустился к ней.

– Вернее, не совсем все, но достаточно, – уточнил он. – И видел, как он проснулся и заговорил. Совершенно на него не похоже. Но и ты, когда очнулась тогда, в «яме», не особенно на

себя была похожа.

Джина пожала плечами.

– Всем безразлично, кроме меня, а он не желает моей заботы. – Она потрогала спину Марка мыском ботинка. – Стоило бы, наверное, плюнуть на все, если ему так угодно, но он ведь именно этого и дожидается.

Гейб порывисто взял ее под локоть и повел к подъемнику, удивившись, что она его не оттолкнула.

– Может, стоит привести независимого врача? – спросил он, пока платформа поднималась к входу.

– Я пыталась, – устало сказала она. – Ривера не допустит. Поэтому я решила привлечь хоть чье-то внимание.

– И вот еще, – продолжил он. – Тот тип в плаще, что все время меняется…

– Вальжан, – раздраженно бросила она, первой выходя в коридор.

– Он самый. Я видел его всего несколько минут назад, здесь. В лифте. Причем он просил передать тебе, или кому-то еще, что-то о потоке и береге.

Джина остановилась и хмуро посмотрела на него.

– Что это значит?

– И Марк вот тоже произнес эти слова…

– Да какого хрена он сказал, наконец? – нетерпеливо переспросила Джина.

– Он сказал, что попал в поток видео, и что на берегу был какой-то незнакомец.

– Опять. – Она пожала плечами. – Марк опять делал видео для «Канадейтайм».

– Я думал, ты делала видео для них. Даже сиганула с платформы ради этого.

– С тех пор, как нас просверлили, Марк успел сделать еще одно. Парень превратился просто в конвейер по производству видео, разве ты не слышал?

Двери лифта неожиданно раздвинулись и оттуда вывалились, толкаясь, двое охранников. При виде Джины они застыли на месте.

– Этот парень по имени Марк у себя в «яме»? – спросил один из них.

– Типа того, – сказала Джина. – Вы что, думаете, я его украла?

Гейб не мог точно припомнить, был ли кто из этих охранников на платформе в день прыжка Джины – охранники «Диверсификации» все были на одно лицо, как агенты гестапо, притом в одинаковой коричневой униформе.

– Так можно с ним поговорить или нет? – спросил второй.

Джина всхрапнула от негодования:

– Спроси чего полегче.

Охранники повернулись к Гейбу, тот пожал плечами.

– Думаю, нет, поговорить с ним не удастся.

– Знаешь, тот тип точно был на месте событий, когда она выкинула свой финт, – заметил первый охранник.

– Кто? – спросила Джина.

– Может, именно тогда ему эта идея и пришла в голову, – откликнулся второй, и они зашагали прочь.

– Какая идея? – Джина ухватила охранника за рукав.

Первый охранник окинул ее взглядом.

– Забудь. Ты там только еще больше навредишь.

– Вот я сейчас тебе точно повредю что-нибудь, если не объяснишь, что происходит, – не предвещающим ничего хорошего тоном заявила Джина.

Охранники помедлили в нерешительности. Тогда Гейб, не говоря ни слова, направил всех к лифту, будто имел на то безусловное право, после чего охранники доставили их на платформу двадцатого этажа.

* * *

Там должно было быть ветрено. На высоте двадцати этажей всегда, как правило, дует ветер, но сегодня воздух стоял совершенно неподвижно. «От этого еще муторнее», – подумала Джина. Ветер бы развевал плащ, отбрасывая его назад, тогда не пришлось бы смотреть на ползающие по нему тени.

Она старалась не сводить взгляда с лиц Вальжана и женщины – Диншо или как там ее. Той самой, которая угрожала арестом тогда, в столовой. Надо отдать ей должное: пока она держалась, не наделала в штаны и не поддалась панике, но явно была недалека от этого. Вальжан сидел боком на парапете, левой рукой прижимая к себе женщину, а правой приставив к ее горлу нож, в любой момент готовый либо перерезать ей горло, либо перевалиться вместе с ней за перила.

– Эй! – с преувеличенной радостью поприветствовал он Джину. – Ты пришла! Теперь вы все. – Он махнул ножом в сторону стоявших бесполезным полукругом охранников, – свободны, можете расходиться. – Вальжан моргнул, лицо исказила болезненная гримаса. – А когда придет Марк?

Джина сделала несколько осторожных шагов вперед, следя, чтобы Вальжан не запаниковал.

– Марк еще в сети. Думаю, ждет, пока ты сам не покажешь ему свою морду. Или задницу – все едино.

Вальжан энергично замотал головой.

– Нет, ты все напутала. Он в *контексте*. Понимаешь? В контексте, а мы все – вне контекста, потому что это Марк – незнакомец на каменистом берегу. И всегда им был. Но мы все вне контекста, а, как известно, стоит вывести что-либо за пределы контекста, и оно теряет смысл.

Джина кивнула.

– Хорошо, но о каком контексте ты толкуешь? И при чем тут *она*?

– А это уже *мой* контекст – кого хочу, того в него и включаю.

Вальжан уперся подбородком в темя женщины. Та зажмурила глаза, и Джина заметила, как правая рука Вальжана с ножом шевельнулась.

– Эй, кончай свои грязные шутки! – завопила она. – Сейчас ты вовсе не в контексте спальни, а перед толпой охранников, которые за всем этим наблюдают и глаз с тебя не сводят!

– Я ничего такого не сделал! – воскликнул Вальжан оскорбленно, обводя всех безумным взором.

Джина подступила еще на шаг ближе.

– Ладно, ладно, мы ведь не чужие, верно? На гастроли на одном автобусе ездили.

– Я никогда не ездил на автобусе на гастроли, – гордо заявил Вальжан. – Всегда снимал видео. Только видео.

– Да, конечно, значит, это было раньше. Я в фигуральном смысле. Типа, в контексте автобуса. Уловил?

– У-уловил. – Вальжан смотрел в пространство. Рука с ножом начала слегка поворачиваться. – Уловил? Уловил. – Он отнял нож от горла женщины и почесал себе шею рукояткой. – Придет время – и все-е уловят.

– Неважно, я это вне всякого контекста. Послушай, Вэл, я знаю тот контекст, знаю о незнакомце на каменистом берегу, но не понимаю, причем тут нож. – Она кивнула на оружие в его руке. – Как, хочешь, чтоб я его получше рассмотрела?

Вальжан поглядел на нож в своей руке, будто сам видел его впервые.

– Я думал… это оттого, что я думал – в падении… разрезаешь воздух…

Женщина совсем обмякла в руках Вальжана, безнадежно глядя куда-то за спину Джине.

– Вот дерьмо, – простонала она.

Джина обернулась. На платформу только что ступил Клуни. Он одернул костюм и напустил на себя важный вид.

– Хорошо, мистер Вальжан, или «Канадейтайм», или как там еще вы себя называете, – громко начал он, топая прямиком к парапету, – ну-ка, положите нож и отпустите эту женщину, не то вам грозят крупные неприятности.

Когда он почти миновал Джину, та схватила его за шкирку и оттащила назад.

– Да? И что же такое ты собираешься предпринять – пожаловаться на него Ривере?

Клуни непонимающе моргнул.

– Он здесь не работает, тупая задница, поэтому уволить его невозможно.

Клуни вырвался из ее рук.

– Мы аннулируем ваш контракт! – крикнул он Вальжану. – И вам никогда больше не работать в этом бизнесе!

– Я *сам* и есть этот бизнес! – возвестил Вальжан, безумная радость звенела в его голосе.

– Вэл, послушай, предлагаю сделку! – быстро вставила Джина, хватая Клуни за руку. – Давай меняться: этого взамен на женщину! Пойдет?

Вальжан пару раз перевел взгляд с нее на Клуни и обратно, потом крепче прижал к себе женщину.

– Шутки шутишь? Нашла тоже вариант.

Клуни глядел на Джину с лицемерным негодованием. Та игнорировала его полностью, снова переключив все внимание на Вальжана.

– Вэл, смотри на меня, только на меня.

Она подошла к нему совсем близко, от охранника слева ее тоже отделяло не более полуметра. Охранник заметил ее взгляд и похлопал по кобуре своего парализующего пистолета. Джина слегка мотнула головой и подняла обе руки, привлекая к себе внимание Вальжана. Контекст. Падение. Знаковый образ. Незнакомец на каменистом берегу. Надо только понять, что из этого использовать как отмычку.

– Этот контекст – музыка или видео?

– Видео, – выдохнул Вальжан, но не совсем в ответ на ее вопрос. Он прижался щекой к голове женщины. – Джина, ты ведь там была, верно? Там, где видео. – Он постучал по лбу рукояткой ножа. – Как долбаные китайские коробочки – одна в другой, одна в другой. Мы были в той, что внутри другой, а теперь хотим попасть в ту, что ближе к выходу наружу. Это и есть *контекст*. И, знаешь, если ты внутри видео, ты не можешь быть видео, ты просто *в нем* находишься.

Женщина вздрогнула, когда Вальжан пересел еще дальше на парапет. Тени на его плаще теперь мерцали быстрее, неровными

толчками. Их форма напоминала округлые камни, несущиеся наподобие грозовых облаков.

– К примеру, Джина, – сказал он вдруг, – если у тебя есть бутылка, и внутри бутылки тоже что-то есть, то можно быть либо бутылкой, либо ее содержимым, но не обоими вместе. Верно?

Джина кивнула.

– Вроде пока ясно. И что дальше?

Он состроил разочарованную мину.

– Разве тебе это не противно?

– Конечно, противно до самых печенок. Но причем тут незнакомец?

– Можно стать чем-то большим. Скажем, мысль: она хочет стать больше и вырастает в понятие, и довольно скоро становится частью тебя. И вот я теперь тоже мысль. А хочу стать понятием, и чем-то большим, что может придумывать мысли. Вроде меня. Прежде, чем незнакомец на каменистом берегу обернется и навсегда оставит меня таким, какой я есть.

Джина выдохнула.

– Хорошо. Ну и как это все связано с тем, что ты теперь сидишь на платформе на высоте двадцати этажей от земли, приставив человеку нож к горлу?

– Когда прорезаешь собой воздух… летишь с большой высоты, то надо падать быстро, чтобы незнакомец на каменистом берегу не успел обернуться и зафиксировать тебя там навсегда. К тому же, Джина, – он неуверенно рассмеялся, – я – плохая, очень плохая мысль, и должен попасть в свой контекст.

– Ясно. Ты – плохая мысль, ты хочешь попасть в свой контекст, – повторила Джина.

– *Prima*, девочка. Ты понимаешь.

– Не называй меня девочкой, – рыкнула она на него.

– Я же плохая мысль. – Вальжан посмотрел на нее свысока.

– Хотя бы не перед этой задницей. – Она мотнула головой в сторону Клуни.

– Конечно. Прости.

– Ладно. Плохая мысль вне контекста. Значит, собираешься прорезать воздух в падении, прихватив с собой эту женщину, но при этом не имеешь ни малейшего представления, о том, что же это за контекст.

– Как иначе, если я вне контекста? – Внезапно он перегнул женщину спиной через парапет. Ее ноги повисли над зеленой искусственной травой покрытия. Вальжан занес над ней нож. С растущим ощущением абсурдности происходящего Джина заметила, что это был кухонный нож для резки мяса.

– Вэл, а что, если, попав в контекст, ты вдруг обнаружишь,

что должен был быть хорошей мыслью? – быстро спросила она.

Он раздраженно глянул на Джину, отведя на секунду взгляд от женщины под ножом.

– Плохая – плохая и есть.

– Но если ты не знаешь, каков этот контекст, как ты можешь быть уверен, плохой ты должен быть мыслью или хорошей?

– О чем ты талдычишь, черт тебя подери? – яростно заорал Вальжан. – Можно подумать, тебе действительно что-то известно, будто *ты* – тот незнакомец?

– Без контекста ты не знаешь, каким должен быть, – настойчиво продолжала она. – Помнишь, когда я делала для тебя видео, с падением, на тех шнурах? – Она подождала, пока он кивнул. – Вынь это падение из контекста – и что останется?

– Падение, – с подозрением в голосе ответил он.

– Думаешь? Такой же эффект мог быть от вертикального взлета на самолете, или если прикрепить камеру к носу ракеты, выстрелить ею вверх, а потом прокрутить запись задом наперед. Любой из этих способов дает ощущение стремительного движения. Нужно только придать записи нужное направление. Контекст, в котором она станет падением. А вне контекста – это просто картинки, которые проносятся очень быстро. – Она облизнула губы и с трудом сглотнула, в горле совсем пересохло. – Так чего тебе было надо – паршивых быстро несущихся картинок или настоящего падения с высоты?

Вальжан нахмурился.

– Ты меня запутала.

– Это не я, – сказала она нарочито безразличным тоном. – Все оттого, что ты вне контекста. Но знать, что это за контекст, необходимо, потому что у тебя будет только одна попытка в него попасть.

Он помедлил, обдумывая ее слова.

– Откуда ты знаешь?

– Когда я делаю видео и что-то не срабатывает, я вырезаю этот кусок и выбрасываю. Бесполезный, не вписывающийся в контекст кусок. Для записи это нормально, а если речь идет о мыслях? Ты ведь не захочешь сидеть вечно на какой-нибудь космической помойке, а если не знаешь своего контекста, то там, скорее всего, и окажешься.

Один долгий миг ничего не происходило, но потом Вальжан отпустил женщину. Она чуть качнулась, потом кулем сползла с парапета вниз, на ковровое покрытие платформы. Джина поманила ее к себе пальцем, и женщина отползла от Вальжана подальше.

Вальжан все еще сидел на парапете, обеими руками взявшись

за нож и наморщив лоб. Теперь тени камней проносились по плащу наподобие метеорного дождя. Когда Джина двинулась – один шаг, ближе, еще ближе – к Вальжану, у нее в голове мелькнула мысль о падающих звездах. Тот, казалось, не замечал ее, даже когда она положила руку ему на плечо. Узоры на плаще замедлили свой бег, стали местами гаснуть, заколебались. Внимательно следя за выражением лица Вальжана, Джина крепко обхватила его за плечи и потянула к себе. Левый его глаз налился кровью и розоватыми слезами. Джина потянула сильнее, и после секундного противодействия Вальжан соскользнул с парапета на платформу, все еще держа нож перед собой обеими руками, будто в молитве.

Плавным движением Джина забрала у него нож. Вальжан растерянно посмотрел на нее и начал было что-то говорить, но тут их обступили охранники и оттащили его прочь.

– Я заберу этот нож.

Держа нож двумя пальцами, Джина повернулась к Клуни.

– Не искушай меня, задница, ты значишься у меня среди первых в списке вонючек.

– Я здесь вышестоящий начальник. – С этими словами он прищелкнул пальцами и протянул руку.

Джина сделала легкое движение кистью – и нож вдруг закачался в ядовито-зеленом ковре между ног «начальника».

– Ой, как неловко! – отчетливо выговорила она прямо в побагровевшее лицо Клуни. Один из охранников схватил ее за руку.

– Уберите эту женщину, – приказал Клуни, вращая глазами. – Она ненормальнее этого своего рок-н-ролльного дружка.

Джина с легкостью вывернулась из захвата.

– Я могу убраться сама. Не поперхнись, осведомитель.

Все же двое охранников подхватили ее под руки и повели прочь. Когда они вели ее мимо Людовика и Диншо, Вальжан в полной отключке распевал «Малышку с Кони-Айленд».

Глава 26

Вальжан допел песню и осел в окружении подергивающихся узоров возле ног доктора. Это была та же самая высокая женщина-врач, с которой спорила Джина в яме у Марка. На ее лице не проявилось и тени эмоции, даже когда она, начав снимать плащ, обнаружила, что проводники от «начинки» плаща через воротник подключены напрямую к гнездам в голове у Вальжана. Гейбу при виде этого стало не по себе, но она просто наклонилась и деловито дала человеку, находящемуся в полубессознательном состоянии, четкую инструкцию, как отсоединиться.

Диншо подтолкнула его, и Гейб дернулся, чувствуя себя виноватым – он почти забыл о ней.

– Ты в порядке? – спросил он, но та только отмахнулась, указав на двери лифта. Оттуда только что показался Мэнни, какой-то осунувшийся и встрепанный, будто его подняли с кровати.

Клуни тут же подскочил к нему и принялся объяснять, что вызов охраны поступил к нему, поскольку Мэнни был недоступен, а он в его отсутствие был старшим начальником. Похоже, Мэнни просто терпел его присутствие, не вслушиваясь в болтовню Клуни и сосредоточив внимание на враче и охранниках. Он обернулся, чтобы глянуть на Диншо, и нахмурился, заметив рядом с ней Гейба.

– Наверное, тебе теперь влетит за то, что снова оказался на месте преступления, – вполголоса сказала Диншо. – И как это тебе удается все время тут оказываться, когда кто-то собирается спрыгнуть?

– Такое вот везение, – неловко откликнулся Гейб.

Подошел охранник и сунул ему в руки плащ Вальжана.

– Держи. Она – *твоя* приятельница, *ты* ей и отдавай.

Гейбу не хотелось даже дотрагиваться до этой штуки. Он быстро скатал плащ, стараясь, чтобы провода, побывавшие в черепе Вальжана, остались внутри свертка.

Диншо неприязненно отступила на шаг назад.

– Поистине изощренное изобретение.

– Да уж.

Мимо с обиженным видом прошествовал Клуни; самый

крупный из охранников взвалил на плечо безвольное тело Вальжана и последовал за доктором к лифтам.

– Ведь вы не пострадали? – осведомился Мэнни у Диншо. Он смотрел на нее со странным прищуром, будто пытаясь оценить, насколько она сама была виновата в том, что произошло.

Диншо молча покачала головой.

– Хорошо. Это хорошо.

С немного озадаченным видом он отправился восвояси, а Гейб с Диншо уставились ему вслед.

– Что изменилось на этой картинке? – спросила Диншо, потирая шею в том месте, где Вальжан прижимал ее.

– Не знаю. – Гейб посмотрел на плащ в своих руках. Остаточный всплеск энергии послал серую волну по белизне ткани – словно какой-то зверь испустил последний вздох.

* * *

«Белая молния» в керамическом кувшинчике. Сработало раз, должно было сработать и второй. Но не вышло.

Уровень жидкости в кувшинчике постепенно понижался, но ничего не происходило. Жгла она, как и положено, но сегодня Джина была, похоже, огнеупорна.

Вот оно, близится.

Она попыталась отгородиться от этой мысли, отхлебнув еще из кувшинчика. Да, да, конечно, теперь можешь двигать прочь, подальше.

Прогуляемся чуток…

…вот оно…

А вот тебе еще глоток. Заткнись, подонок.

Слишком трудно, слишком трудно было думать обо всем.

…прогуляемся со мной…

…в контекст…

И контекст туда же. Кувшин наполовину пуст, а она по-прежнему ничего не чувствует, совсем ничего. Тот паренек с отпечатком ботинка на лбу снова сегодня прыгает со сцены. Боже, ему что, некуда больше пойти, нечего больше делать?

– Мы делаем, – *дит-дит-дит* – то, что делаем. А делаем, – *дит-дит-дит* – потому что можем.

Джина накрыла рукой палочки. Флавия секунду подождала, потом вытянула их снова и забарабанила по краю стола.

– Знаю, чего ты ищешь. Знаю. – Флавия отодвинула от нее кувшинчик. – Узнав раз через провод, знаешь человека до конца.

Джина снова придвинула к себе кувшинчик и обняла его.

– Не думаю, что ты была бы готова узнать меня сегодня, черт тебя дери.

Снова этот просверк улыбки, о которую можно порезаться.

– Еще недостаточно накачалась?

Она медленно помотала головой.

– Как стеклышко. Должна была предвидеть, что это когда-нибудь случится. Миновала точку насыщения, больше не впитывается. Теперь остается только пройти чистку и начать накачиваться заново. Прежде чем одометр обнулится.

– Конечно. – Флавия стукнула ее по щеке одной из своих палочек. – Как, чувствуешь?

Джина удивленно хохотнула.

– Нет.

– Готова. – Флавия поманила кого-то из-за спины. – Накачалась. Музыка – марш.

* * *

Не делайте этого, просила она их, когда они ее выводили. Не надо, черт вас дери, притиснутая на заднем сидении авто с Клаудио и его волшебными пальцами. Мы делаем, то, что делаем, делаем, потому что можем, не делайте, когда они заносили ее в подвал. Не надо, Клаудио укладывает ее на матрасе, чтобы было удобнее, целует в губы. Сраженная «Белой молнией», надеюсь, вам нравится барбекю с хрустящей корочкой. Не делайте этого. Провода уже в ловких пальцах Флавии. Не надо, сказала она. Последний раз – не делайте этого.

Но они сделали.

* * *

Мозг не чувствует боли. Боже правый, вы, все, можете поверить в это вместе со мной?

Они сказали, что могут. Волшебные пальцы Клаудио, «Фендер» в руках у Доркаса, Том на подножке поезда-призрака и Флавия – барабанит, барабанит, барабанит.

Да, совершенно не чувствует боли, но никто не говорил, каково будет, если в голову забить восемь гвоздей, а потом безболезненно отнять у тебя руки и ноги. Говорили только о том, что ты приобретешь, а не о том, что потеряешь, как-то не добрались до этой части – да чего там, иногда и самой трудно разобраться. Потому что мы делаем то, что делаем, делаем,

потому что можем… но знаешь ли ты, на что способен?

Можешь…

…прогуляемся чуток…

Совсем немножко и целую вечность, через нашествие, опустошение; шагай всю ночь, а потом беги, беги, беги, пока все не позабудешь. Ты бежала прочь или к чему-то?

Сраженная «Белой молнией». Надеюсь, вам нравится барбекю с хрустящей корочкой. (Ей показалось, что кто-то закричал от боли, но это просто смешно, это невозможно. Мозг не чувствует боли.)

Ты – звезданутый. Пробовал когда-нибудь? Это вроде…

Но за нее уже принялась Флавия, она хлестала ее по лицу палочками, чтобы привести в сознание, а волшебные пальцы Клаудио выдернули провода из ее головы и отбросили прочь. Флавия посадила ее на матрасе.

– Эй, вы. Вынесите ее на воздух.

Дежа-вуду.

– А как, черт побери, ты-то меня отыскал? – спросила она.

– Почему ты меня не подождала? – На лице Людовика читалась обида. – Почему не пришла ко мне?

– Для человека с дырками в голове ты что-то слишком много вопросов задаешь. *Вертун.*

Он вынес ее наверх.

* * *

Фец улыбался усталой улыбкой. Он сидел один на рабочем островке, который Перси с Розой устроили для него напротив стены с экранами, сейчас совершенно темными. Это был ранний утренний час, наверное, около четырех, кругом тишина, нарушаемая только слабыми отголосками какой-то вечеринки далеко на Мимозе.

– Что ты тут делаешь? – спросила она.

Он зевнул.

– Исследую кое-что. Хотелось закончить, пока никто не отвлекает.

– О, прости. Я сейчас от тебя отстану. – Она повернулась, чтобы уйти к себе за перегородку.

– Нет, все в порядке. Думаю, я нашел все, что хотел уточнить. – Он мотнул головой, приглашая ее подойти ближе. – Иди сюда. Тебя это заинтересует.

Она села рядом с ним на полу, зевая и протирая глаза.

– Не ручаюсь за остроту соображения в такой час, но все

равно валяй, бабахай.

Фец укоризненно глянул на нее.

– Обретаешь туземные повадки?

– Черт, нет. – Она, прищурившись, всмотрелась в экран ноутбука Розы, стоявшего на ящике перед ним. – Это ж надо, иметь шестнадцать прекрасных экранов и все же возиться с этим.

– Я не хотел делать данные сведения всеобщим достоянием.

Несколько секунд она изучала информацию на экране, прежде чем сообразила, что это какой-то медицинский текст.

– Боже, не могу это читать. Там слова типа «водянка» и «гомонимная гемианопия». – Тут до нее дошел смысл этих слов, и сон как рукой сняло. – Гемианопия. Это односторонняя слепота, чаще всего вызываемая кровоизлиянием в мозг. Когда перестаешь видеть справа или слева, в зависимости от того, какое полушарие поражено. – Она посмотрела на Феца. – А водянка – так раньше называли отек мозга…

– Спасибо, я знаю, – мрачно откликнулся он. – Вторичная опухоль после инсульта.

– С кем это случилось? – спросила она.

– Продолжает случаться. С угрожающе растущим числом людей с гнездами. Причем не только кровоизлияния. Есть и другие неврологические нарушения. Судороги, внезапное наступление множественного склероза, хорея Хантингтона, болезнь Паркинсона. – Фец нахмурился. – Нет, число случаев болезни Паркинсона незначительно. – Он вздохнул. – Но у подавляющего большинства людей кровоизлияния различной степени тяжести и судороги. Одно количество опухолей мозга должно было встревожить кого-нибудь, но особой тревоги не заметно.

– И все это из-за гнезд? – У Сэм засосало под ложечкой.

– По официальным заявлениям, не существует никаких прямых доказательств такой взаимосвязи. – Он прокрутил мелкий текст немного вперед. – Если им можно верить. Они называют это «статистически верной выборкой населения» и упоминают различные факторы, пагубно влияющие на здоровье, такие как мутагены, возникшие при загрязнении среды в прошлом веке.

– Это не мы стукнули вас по башке, а ваши предки, – сказала Сэм.

– Вот это моя Сэма-Сама. – Обнял ее Фец за плечи.

– Я не твоя, – огрызнулась она.

Он удивленно моргнул, затем его лицо обрело настороженное выражение.

– Сейчас не очень подходящее время злиться на меня, Сэм.

– Знаю. – Она почувствовала, как кровь прилила к щекам.

Замечательно, она еще и краснеет. Такого с ней почти никогда не случалось, и вот, поди ж ты, – именно сейчас. Сэм пожала плечами. – Ладно, я стараюсь вести себя по-взрослому. И большую часть времени мне это не так плохо удается, верно?

Фец все переводил взгляд с Сэм на экран, с экрана на Сэм и опять на экран, а она мысленно кляла себя. Происходило что-то по-настоящему серьезное, а она вдруг решила надуться в ответ на обычную дружескую ремарку, которую слыхала от него раз сто прежде.

– Что бы я ни сказал теперь, все будет звучать вяло и невыразительно, – заговорил он через некоторое время. – Скажем: «Сэм, ты слишком молода, а я – старая развалина». Или: «Господи, Сэм, подумай, ты мне во внучки годишься, это слишком неприлично». Но последний бумагомаратель в Голливуде, вероятно, не включил бы такие реплики в свой сценарий.

Вопреки всему она рассмеялась.

– Забудь. Прости меня, правда. Из меня вышел никуда не годный беглец, и на Мимозе я не прижилась, да и друг из меня порой тоже поганый…

– И вообще весь мир – поганая штука, – в тон ей завершил тираду Фец, после чего оба облегченно расхохотались.

– Прости, пожалуйста, – повторила она, посерьезнев. – И мир, похоже, поганая штука. Кто-нибудь хоть что-то предпринимает?

– Не заметно. Кое-где сбавили темпы проведения операций, задержали открытие новой клиники в Скенектади. Но у всех без исключения пациентов, у которых впоследствии развились эти симптомы, никаких неврологических отклонений ни до, ни после операции не отмечалось.

– Значит, виной всему именно то, что поступает через гнезда. Если мы, конечно, исключим гипотезу мутагенов из XX века.

– Невзирая на все твои признания неудачницы, рассуждаешь ты вовсе не погано. Однако, в этих материалах нигде нет и намека на нейротрансмиттеры, проникшие в мозг через гнезда. А смотрели все только развлекательные записи: рок-видео, голливудские новинки. Рекламу.

– Реклама вполне способна… – Она замолчала, не договорив. – Помнится, Арт говорил, что у Видео-Марка может с большой вероятностью развиться инсульт. Если он попал в число пострадавших, то это вернейшее доказательство, что гнезда были сознательно имплантированы человеку, у которого уже имелись предвестники заболевания.

Фец пролистал назад несколько экранов и просмотрел появившийся список имен.

– Его здесь нет, – сообщил он почти сразу. – Но даже если бы

и был, само доказательство усадит нас в тюрьму. За кражу медицинской информации личного свойства.

– Знаешь, я бы на это пошла. Дело того стоит. – Она посмотрела ему прямо в глаза. – Черт, пусть меня посадят. А вы может продолжать тут развлекаться. – Она чуть помолчала. – Я хотела сказать, это далеко не лучшее из мест, где протекала моя жизнь.

– Я понял, что ты хотела сказать, – спокойно заметил Фец, снова обращаясь к экрану. – Думаю, надо сейчас предоставить всю информацию Арту и дать ему поразмыслить. Если тут есть взаимосвязь, он ее выявит.

– Ты в него очень веришь. – Сэм вздохнула. – Собственно, я тоже хотела это предложить. Арт знает обходные пути. Вместе с ним нам, возможно, удастся найти выход. Как и раньше бывало. Вот только не знаю, где тогда прятаться.

Фец удивленно поднял брови.

– То есть?

– Каким-то образом каждый раз, когда Арт делает большое открытие, нас отчего-то начинают разыскивать для дачи показаний.

– Так было только один раз.

– Вот видишь. Наблюдается определенная зависимость. – Она провела рукой по лицу. – Как же я вымоталась. – Усталость навалилась на нее, как огромная сонная птица. – К тому же, мне надо в туалет. Прости, но я возьму совок и ведерко и пойду поиграю в песочке. Не волнуйся, закопаю поглубже, чтобы никого не убило.

Она неуклюже поднялась и направилась прочь.

Фец поймал ее за руку.

– Может, когда-нибудь мы сможем тихо-мирно посидеть у меня в квартире на новом месте, где удастся обустроиться, и я попытаюсь объяснить тебе кое-что из того, чем живу. Если бы все сложилось немного по-другому – кто знает? Но я всегда принимал тебя всерьез, Сэм. Это если у тебя были какие-то сомнения на этот счет.

Она устало кивнула.

– Ладно. Только… – Она пожала плечами. – Давай в следующей жизни сделаем все как надо.

И поплелась дальше в поисках туалетной бумаги.

* * *

Он находился в режиме сна/покоя, когда ощутил Это.

Присутствие, и в то же время не присутствие; больше всего это напоминало призыв, сигнал, манящий его откуда-то изнутри системы «Диверсификации».

Сначала ему показалось, что это Джина, которая, наконец, решила к нему присоединиться, но чем больше он прислушивался, тем яснее понимал, что ничего от Джины в этом зове не было. Тогда он скачком перенесся в свое тело, плоть, мясо, недвижно лежащее в яме. Согласно всем записям, оно отсоединилось и отправилось домой, но на самом деле по-прежнему находилось тут. Фальсифицировать записи было проще простого, поэтому он старался поддерживать видимость относительно нормального образа жизни, чтобы скрыть тот факт, что больше совсем не отсоединяется от системы. Перспектива вернуться в плоть, которая будет лишь обременять его, привлекала Марка все меньше и меньше.

Ему хотелось найти какой-то способ добиться автономного функционирования тела. Тогда бы оно само могло отсоединяться, перемещаться по зданию, уезжать домой и возвращаться. Врачи бы такое поведение констатировали как норму, в чем он убедился после своего сегодняшнего маленького представления в яме. Кроме того, они были перегружены, наблюдая за сотнями сотрудников «Диверсификации», всеми этими дирижерами общественного мнения, разработчиками оборудования, управляющими и, конечно, пресловутой Командой Наверху. Обмануть мясо ничего не стоит. Ему надо тратить столько энергии и внимания на простое перемещение, что многое просто ускользает.

Размышляя об этой телесной проблеме, Марк вдруг снова ощутил странный призыв – не ближе, но отчего-то сильнее. Из рабочей области Риверы, понял он. Но стоило переместить туда свое внимание, как без всякого предупреждения эта штука кинулась на него.

Прожорливая, не рассуждающая, скрытая за оболочкой, немного похожей на него самого: те же отпечатки переживаний, боли и неодолимой тяги к забытью. Джаггернаут[29], готовый все пожрать, захватить до полного слияния, подмять под себя. Отблеск, тень сознания, несущего разрушение, но не более злое само по себе, чем яд кобры. Просто ничего иного ему не было известно, вообще ничего, кроме того, что оно было предназначено делать.

Марку почти удалось удрать, одновременно почти попавшись.

На какую-то долю секунды – *проклятый Шредингеров мир* – его затянуло внутрь, и одновременно он увидел со стороны, с безопасного расстояния, как Это переходило с позиции на

позицию в очереди на просмотр, расселяясь дальше маленькими желтыми вспышками под настойчивый ритм.

Марк перенесся в тело и подстроил его мозг как хилый, маломощный радиоприемник.

Мозг еще работал, но совсем неповоротливо. Выполнить команду без сбоев он был уже не в состоянии – ошибки при считывании.

Тут он вдруг осознал, что стоит убрать эту сбоящую оболочку, и перед ним окажется нечто очень похожее на то, что засело в рабочей области Мэнни Риверы и поедает там материалы в замороженной очереди на просмотр.

«На языке тела, – удивленно подумал он, – можно сказать, что я вырубаюсь».

Не то чтобы никаких предвестников не было. Вспышки перед глазами, ощущение парения. Из записей медотделения он извлек диагноз «трансишемический приступ» – выходит, они все знали, были в курсе с той самой ночи, когда заграбастали того хакера, и просто накачали его тело каким-то противоинсультным препаратом, рассчитывая, что гнезда помогут бороться с болезнью.

Бедное мясо. Всем было на него начхать. Даже мне.

Тот, первый, удар был совсем небольшой. Если бы он по-прежнему находился в теле, то уже давно бы встал и ходил себе, немного менее сфокусированный, чуть более болтливый, но никто бы ничего особенного не заметил.

Да, ты был спец в этом деле. Бредовая болтовня и видео. То, что сделало Америку великой.

Но вся проблема состояла в том, что теперь мясу грозил новый инсульт, он мог произойти в любой момент, и на этот раз – обширный, Большой Удар. И пока провода у него в голове, этот удар грозил вырваться, – то есть, без вариантов вырвался бы в систему, где поджидал уже тот, первый, а если… Нет, *когда* они сольются, то получится уже не просто удар. Скорее, неуправляемая ракета, или крушащая все на палубе отвязавшаяся пушка; она покатится по всей системе, а стоит ей обнаружить сайт-рецептор, в сети кого-нибудь с гнездами, готового к приему…

Джину? Джину?

Ее консоль была выключена, яма пуста и холодна, словно она не собиралась туда больше возвращаться.

И Людовик тоже исчез. Часть своего внимания Марк переключил на выведение соположных графиков их жизненных линий. Нельзя было с уверенностью сказать, вместе ли они сейчас, но с большой вероятностью – да.

Заглянул в медицинское отделение – никого. Черт, который теперь час? Полночь.

Парнишка в пентхаусе.

* * *

Ривера был прав в одном, одурело думал Кили. От качественной выпивки не так мутит. Или даже вообще не мутит. Он глянул на открытую дверцу старинного встроенного бара. Спиртное, правда, его никогда особенно не привлекало, с таким же успехом можно было из револьвера отстреливаться от комаров или, скажем, забираться в пресс для мусора, чтобы прихлопнуть муху на носу – средство слишком широкого спектра действия. С другой стороны, в этом что-то есть. Вот он целиком, с ногами, забрался в мусоровоз и добился нужного эффекта. Внешне не особенно привлекательно, но поставленную задачу выполняет, а это главное.

Задача же была немаленькая, как следовало из послания Риверы. Оно все еще светилось на экране и было прекрасно видно с дивана, где он теперь сидел, зажав бутылку виски между колен: *«Я знаю, что ты хакнул мою систему. Особого вреда это не причинило – гораздо меньше, чем ты рассчитывал. Завтра загляну, чтобы закончить с твоим делом. Если хочешь, можешь приготовиться к самому худшему».*

«Вот, сукин сын, должно быть, совсем распоясался, раз дошел до такой откровенной угрозы», – подумал Кили, отхлебывая из бутылки. Скорее всего, даже не станет слушать, если напомнить, что на свете есть и другие хакеры, что кто угодно мог забрести и кракнуть его систему. Хотя бы недавний сетевой дружок Видео-Марк мог набедокурить, из своей коробочки.

Текст на экране мигнул и исчез.

– Только помяни черта, – пробормотал Кили, когда на экране проступили очертания знакомой комнаты без потолка, где облака теперь неслись так быстро, будто надвигался ураган.

– Быстро скажи мне, что ты не спишь! – рявкнул динамик голосом Марка.

Пошатываясь, Кили дошел до кресла.

– Ш-ш-ш. Взрослые все спят. – Он сел перед экраном, подперев щеку рукой. – Ну-ка, колись, что ты там сотворил с компьютером Риверы.

– Некогда болтать. Слушай: ты свободен.

Кили прислушался. Где-то вдалеке, в другой части пентхауса, раздалась серия щелчков. Входная дверь. Пьяно качнувшись,

Кили повернулся, ожидая, что вот-вот в комнату, улыбаясь своей деревянной улыбкой, войдет Мэнни Ривера: «Решил, что дело не ждет до утра. У меня судебное решение просверлить тебе голову; поэтому без шума или с этими добрыми господами, которые ждут у входа, и избавь нас от лишних хлопот». Но никто не вошел, и вообще ничего не произошло. Тогда он повернулся назад к экрану.

– Это ты только что открыл дверь? – спросил он со смешком.

– Да. Я хочу, чтобы ты вышел отсюда, добрался до моей ямы и выдернул провода из моей головы.

– Да ла-адно, – сказал Кили. – Ты и сам это прекрасно можешь сделать, я знаю инструкцию. Надо только подумать: «Отсоединиться», или «Выход», что-то вроде того.

– Мое мясо этого не в состоянии сделать, а я не могу добиться срабатывания с этой стороны…

– С какой стороны?

– Онлайн. Изнутри системы. Я больше не в своем теле, как и говорил тебе прежде. Я вырвался из своей коробочки…

– Ну конечно, – развязно-игриво сказал Кили, – кому же, как не тебе и быть. Залез к Ривере в файлы, похозяйничал там всласть. Этот сукин сын о тебе не подозревает, думает, я всему виной. Толком не знаю, что ты там натворил. А что, собственно, такого ты натворил?

– Просто заглянул, и все, – раздраженно ответил Марк. – Да что с тобой такое?

– Ничего особенного. Я накачался элитной выпивкой Команды Наверху. Может, они и кучка старых козлов, но выбирать спиртное умеют. Пью уже несколько часов без передышки, а ни разу еще не блевал.

– Для этого дела тебе не нужно быть трезвым. – В голосе Марка слышалось нетерпение. – Просто выйди отсюда, доберись до моей ямы…

– А где она, твоя яма? – спросил Кили, зевая.

– На шестнадцатом этаже. Если от лифта, то в конце коридора, последняя дверь слева. Там будет лежать мое тело…

– Но разум твой свободен. – Кили театрально взмахнул рукой. – Верно?

– Зайди в лифт, поднимись на шестнадцатый этаж. Я разблокирую дверь в яму, тебе надо только будет толкнуть створки, войти, взяться за провода и выдернуть их из моей головы.

– Но из-за этого, – наклонившись к самому монитору, сказал Кили, – может случиться хрен знает что. Тебя удар хватит, или вообще копыта откинешь. Даже если у меня получится их

выдернуть. А почему бы тебе со своей стороны не перегрузить консоль? Она отрубится, это даст нужный эффект – соединение деактивируется.

Изображение на экране замерло, и у Кили возникло четкое ощущение, что его сетевой дружок больше не здесь. Но он оставил свою визитную карточку, или, скорее, закладку, что означало – должен вернуться. Ну, а пока можно добавить. Кили отхлебнул еще глоток из бутылки и лег головой на стол рядом с клавиатурой.

Через некоторое время он осознал, что смотрит на ноутбук, прикрученный к консоли вместе с набором прочих прибамбасов. А ведь если бы ему действительно захотелось выйти наружу через ту якобы незакрытую дверь, можно было бы просто выломать эту машинку, забрать с собой, чтобы иметь под рукой переносную информацию, и – пока, до скорого, ариведерчи…

– Не могу. – Голос Марка вывел Кили из ступора, в который тот погрузился. Он сел прямее и попытался через туман, застилавший глаза, вглядеться в экран.

– Чего не можешь?

– Добраться до своей консоли. Хорошая была идея, должен был бы сам додуматься до такого решения, но уже слишком поздно. *Это* уже там. Выбралось от Риверы и нашло мое мясо. Теперь ему только осталось дождаться, когда тряхнет Большой Удар. Черт, может Это собирается его *вызвать*.

– Да о какой хрени ты толкуешь? – Кили старался держать слипающиеся глаза открытыми. – Кто кого собирается ударять?

Но голос в динамике потонул в шуме, стоявшем у него в ушах, поэтому все, что Марк говорил, словно обтекало сознание, совершенно его не задевая. Хотя, видимо, это было довольно важно – каждый раз, когда удавалось приоткрыть глаза, Марк был все еще на экране и повторял: «Еще раз. Я повторю еще раз, а ты мне ответь…»

* * *

Парнишка явно не имел никакой привычки к алкоголю. «Вот она, молодежь», – горько подумал Марк. Все-то у них выходит слишком чисто, чересчур эффективно и четко, даже то, кто касается зелья. Принимают то, что влияет конкретно на одно или другое, и ни на что больше – весьма избирательный способ наклюкаться. Снайперы. А против старого пушечного ядра им не устоять.

И во всем так теперь, думал он, в третий раз пытаясь

разбудить мальчишку. Инфолайн тоже специализирован, огромное разнообразие каналов, но никакой разницы в их внутренней организации: каждый структурирован до предела, до базовой линии, ниже которой структурные преобразования не шли. Все это было прекрасно, если ничего не менялось. Стоило, однако, вторгнуться непредвиденному и начать выдергивать из всего массива в произвольном порядке куски, – и все посыплется, фрагменты разлетятся во все стороны и наступит полный коллапс. Как теперь у Кили, вырубившегося перед монитором под воздействием алкоголя. Через микрофон до Марка доносился его храп. Можно было и увидеть его через камеру, спрятанную в люстре, хотя угол зрения был страшно неудобный.

Марк воспроизвел последовательность из пяти высокочастотных тонов, напоминавших скрежет ногтями по классной доске. Храп на секунду прервался, но потом возобновился с прежней регулярностью.

– Просто обалденно, парень! – заревел Марк у него над ухом. Ни малейшей реакции. Надо же было ему именно в эту ночь дорваться до этого проклятого бара. Можно было предусмотреть, вывести график его поведения.

Стоило свой собственный график вывести. Тогда бы он заранее увидел, что грядет, включая распространение заразы из его несчастного брошенного мяса. Марк выпустил импульс проверить его состояние. За последние четверть часа изменений не произошло, но это не обязательно было хорошим знаком.

Эта штука подстерегала его в консоли его собственной ямы, и у Джины, и у Гейба Людовика, и у Мэнни Риверы, во всех ямах, на всех точках входа в службе безопасности и медицинском отделении. Охранники этого не ощущали, но опасность подстерегала не их. Они же пользовались системой всю ночь без всяких проблем. *Это* поджидало именно его, его попытки выйти с кем-либо на контакт, достаточно было даже попытки подать сигнал ложной тревоги. Можно было неопределенно долго держать свое внимание в области службы безопасности, не соприкасаясь и не взаимодействуя, но стоило предпринять хоть что-нибудь, – и он попался. А если Это его захватит, то не нужно будет ждать, когда Большой Удар вырвется наружу из его тела. Он сам станет Большим Ударом.

Марк проследил путь Этого по сети: почти тот же, которым двигался он сам, расселяясь по ее уголкам. Движение напоминало своего рода тропизм, будто он притягивал Это к себе. Неудивительно, ведь Это было отголоском перенесенного, а в то же время не перенесенного им инсульта. Шредингеров удар. Мясо хватил удар, но он отделился от своего тела, а так как со стороны

удара, это нарушало естественный ход вещей, щадить Марка в планы не входило.

И вот теперь Это шло за ним по пятам, набираясь опыта по дороге. Вначале – несколько неверных движений, но чем дальше, тем точнее и целенаправленнее становились его действия. Будто сам ход времени остановился для Марка, чтобы Это его настигло, сравнялось в опыте. Он еще превосходил противника, но быстро терял фору. Еще немного, и оно обнаружит пентхаус и ведущую туда внешнюю телефонную линию, отысканную им для связи с парнишкой, которая теперь пропадала почем зря под храп этого паразита. Если бы Это чуть меньше ошибалось, то уже бы проникло в пентхаус, но сбои лежат в самой природе удара. Наверно, это и есть удачное расположение звезд, везение, слепой случай.

«Нужно не забывать теперь включать в программу лазейку для слепого случая, – подумал он. – Но прежде тогда нужно запастись программой для привлечения такого случая на свою сторону».

Верно. Если Это обнаружит пентхаус прежде, чем ему удастся разбудить парня, он останется отрезанным от единственного человека, еще способного предотвратить распространение Большого Удара по сети. Тогда придется выйти по внешней телефонной линии наружу и надеяться, что удастся отсидеться где-нибудь, прежде чем Это его настигнет…

А ведь оно уже снаружи. В том видео.

Причем везде, куда оно поступило. А видео это было выпущено уже… Сколько? Около недели назад?

Он заревел на частоте гудка океанского лайнера – пять раз.

– Очнись, черт тебя дери!

Парень пошевелился и почти проснулся. Но задерживаться дольше было нельзя. Либо остаться тут и ждать, пока *Это* его тут настигнет, либо попытать счастья в большой системе.

Если остаться, можно попытаться удержать Это вместе с собой в рамках системы «Диверсификации». Но оно уже вышло за ее пределы.

Нет, может, в нем недостаточно благородства, или морального чувства, или чего еще, но пожертвовать собой он не в состоянии. Да это и не сработало бы, понял он, потому что при захвате Это бы обрело весь его опыт, его сознание, – все, чем он является, и тогда оно будет уже не просто умным. Оно станет живым.

Марк задержался лишь на несколько секунд, чтобы зациклить свой будильник. Когда парнишка, наконец, проснется и отключит его, появится интерактивное сообщение. Правда, если вирус

доберется до пентхауса раньше, чем парень придет в себя, никакого сообщения уже не будет, но выбора не оставалось.

Он запустил свой цикл. Пять пронзительных гудков. «Вставай, черт побери, небо скоро обрушится!».

И вышел в большую систему.

Глава 27

Видео Марка с «Канадейтайм» вышло в люди. Джина начинала смотреть его четыре раза. Но могла выдержать не дольше двух минут и вырубала.

А ведь это всего лишь клип. Она снова нажала кнопку воспроизведения на пульте. Попробуем еще раз.

Экран монитора залила белизна. Потом, с первыми звуками музыки – полной диссонансов компьютерной аранжировки старинной песни «Все зря»[30], – в центре начали сгущаться тени. Песни такой давней, что она слушалась как новая. Скрипучий голос Вальжана пригласил ее спускаться, и отчего-то ей захотелось придвинуться ближе к экрану, к пульсирующим и извивающимся там теням. Музыка придавала им мягкость, а тени, в свою очередь, смягчали резкие аккорды; сознание ощущало их живую теплоту, как у человеческой плоти.

Она бросила взгляд через плечо на полуприкрытую дверь в спальню. Проснувшись, она увидела рядом с собой Людовика: тот крепко спал поверх одеяла, которым была укрыта она. Милый по существу его отказ воспользоваться своим преимуществом тронул ее значительно меньше, чем должен был бы, но сегодня у нее в душе не осталось места для умиления.

Вчера ночью по дороге сюда Гейб рассказал о сооруженном Вальжаном подключении. Отражение на плаще того дерьма, что плескалось у этого вконец свихнувшегося типа в голове, показалось ей отвратительным. И теперь ясно, что оно вытекло из того самого видео.

Ну и видео. Она воспринимала его не через гнезда, но нетрудно было представить себе, каково это могло быть. Будто плывешь через густой туман, а с каждой пульсацией очередной тени в глубине мозга невидимые пальцы нажимают то тут, то там, нащупывая самые чувствительные места. Казалось, что они, раз пристав, уже неумолимо, странным колдовским образом никогда больше не отвяжутся.

Теперь тени запульсировали настойчивее, словно рок-кляксы Роршаха. Что ты видишь: бабочку или тазовые кости скелета?

…открытое окно или открытую рану…

Она вновь резко остановила запись и отвернулась от монитора. Опять то же самое чувство, что ее гипнотизируют. И

даже хуже.

Джина провела рукой по голове, где находились имплантаты. Послушайся она Марка и зайди поглубже – тоже бы, наверное, выдала нечто столь же извращенное.

Людовик в спальне заворочался, но не проснулся. Пойти, что ли, и привести его, чтобы проверить, выдержит ли он просмотр этой открытки с темной стороны? Когда он вдруг объявился в подвале у этих «Шею в петлю», то она не знала, плакать ей или смеяться.

Почему ты не подождала меня? Почему не пришла ко мне?

На эти вопросы она не могла ответить; тогдашнее состояние не способствовало объяснениям.

Если собираешься регулярно доходить до такого состояния, придется и мне запустить руку в запас верных стимуляторов.

Да кто тебя просит? Слова выплеснулись из нее наподобие рвоты.

Без спросу, я доброволец.

Разве мамочка не предупреждала тебя – никогда не лезь без спроса?

Господи! Он ударил по рулю авто обоими кулаками – раз, второй, третий – так, что вся машинка затряслась, словно кусок дерьма, каковым и являлась. *Да чего тебе надо? Чего тебе, черт возьми, все-таки надо?*

Она снова обернулась на дверь в спальню. Чего надо? Как для начала насчет сорока семи миль через звук, режущий не хуже колючей проволоки? До вещей по-настоящему смертельных мы доберемся позже. Потому что мы делаем то, что делаем, и делаем, потому что можем.

Вдруг ей стало стыдно – и за себя, и за «Шею в петлю».

Не знаю, что ты сделала с этими людьми, но они не хотят тебя никогда больше видеть.

Я просила их не делать этого. Не думала, что совсем накачалась. Не чувствовала этого. Я вообще ничего не чувствовала.

Не особенно убедительно – ни тогда, ни сейчас. Что она с ними сделала? Она-то знала, что она сделала. Круто забрала их, сама, как хотела, каждого по отдельности и всех вместе. Не дожидалась, пока они смогут отдать мелодию как дар, а выжимала из них все, на что они были способны, а когда они совсем иссякли – прижала и выдавила еще, насилуя их музыкой, а не играя вместе с ними. Уже не искусница вместе с Флавией, Доркасом, Томом и Клаудио, а нечто совершенно иное…

Она снова посмотрела на пустой экран, и в голове мелькнул призрак исчезнувшего узора.

Да, мы делаем то, что делаем, и делаем, потому что можем, но где же ты научилась вытворять такое?

– Ну и ну, – вырвалось у нее. Теперь было совершенно ясно, и где был Марк, и где Вальжан, и где это треклятое видео – уже спущено в общее пользование, повсеместно…

Она еще чуть помедлила, снова оглянувшись на дверь в спальню. Не приди они сюда, в квартиру Марка, возможно, она бы давно разбудила Гейба. Но тот сам сказал, что не знает, где она живет, и ему не хотелось ехать к ней аж в Резеду. Значит, в следующий раз им точно светит очередной Голливуд-Шериот.

Без вопросов.

«Все нормально, вертун, – подумала она. – Тебе больше не придется вызываться меня спасать».

На мониторе она оставила записку: *Отправилась искать Марка.* Это должно ему все объяснить.

* * *

Ему снилось, что Ривера отправил его к своим костоломам в медицинское отделение вживлять гнезда, и они принялись за него без всякого милосердия – долотами и сверлами, которые они вбивали ему в голову паровым молотом, жутко свистевшим при любой задержке. Он ощущал, как их инструменты вгрызаются в его череп, лицо, шею, проходят насквозь во внутренние полости…

Он рывком поднял раскалывающуюся голову и осмотрелся. Нет, он по-прежнему в пентхаусе. И, судя по освещению, на улице уже день.

– Ну и гадский сон, – пробормотал он и принялся массировать голову. Конечно, сон, так его растак, ведь если бы Ривера отдал его в лапы медикам, то и проснулся бы он у них в отделении. Скорее всего.

Тут ему на глаза попалась пустая бутылка, стоящая возле монитора с опустевшим экраном, и Кили застонал. Черт, да он счастливчик, что не помер от этого. Алкоголь его никогда не заводил. С трудом припоминалось, что напиться почему-то показалось ему неплохой идеей. Ага, приставить ружье к лицу и спустить курок пальцем ноги – тоже весьма умная затея.

И тут его совершенно оглушил свист, едва не опрокинув со стула. Экран уже не был пуст: оттуда, из своей сдвинутой комнаты без потолка на него смотрел Марк. За его спиной все так же бурлили облака.

– Дверь открыта. Выметайся отсюда скорее.

– Когда я оживу, обязательно об этом подумаю, – сказал

Кили. – Пока я не…

– Я не мог тут дожидаться, пока ты очухаешься, – продолжал Марк. – Ты слушаешь запись. Не перебивай. Повторяю, выметайся отсюда живее, спустись ко мне в «яму» на шестнадцатом этаже, хакни замок и вырви проклятые провода из моей головы. Немедленно.

Кили скривился.

– Что?

– Что слышал. Немедленно вырви проклятые провода из моей головы. И не задерживайся больше ни на минуту. Старое мясо скоро хватит Большой Удар, а если он по проводам вырвется в систему, то вся она гахнется, вся как есть, и все те, кто к ней подключен, тоже.

– Какой удар? – спросил Кили, потирая лоб. Полное ощущение, что его самого приложили.

– Уточнение термина: инсульт, кровоизлияние в мозг. Только на этот раз протекать он будет по-иному. Если он вырвется в систему, то через интерфейс поразит всех, кто к ней подсоединен. Дошло? Как бы заразный инсульт, чертов вирус, теперь дошло?

– Вот дерьмо. – Кили нахмурился. – Погоди… Это запись?

– Опять он тупит. Выметайся отсюда живее, спустись ко мне в «яму» на шестнадцатом этаже, хакни замок и вырви проклятые провода из моей головы. Не парься о мясе, оно уже неживое, хотя и теплое еще.

– О мясе, – тупо повторил Кили, пытаясь наладить какое-то течение мыслей в своей бедной раскалывающейся голове.

– Уточнение: мясо – мое тело. Понял? Выметайся отсюда живее, спустись ко мне в «яму» на шестнадцатом этаже, хакни замок и вырви проклятые провода из моей головы. Или Большой удар вырвется в систему вслед за гуляющим там малым.

– Господи. Уточнение: малый, – произнес Кили, особо не надеясь, что программа ответит.

– Уточнение: малый – микроинсульт, который случился со мной раньше. Никто и не заметил, но он уже гуляет по системе, и именно поэтому я не мог дождаться, пока ты придешь в себя.

– А где ты сейчас, черт тебя возьми?

– И я бы не прочь узнать, малыш. Где-то в большой сети, в Большом Контексте. Перемена ради машин. Захочешь найти меня после того, как отсюда выберешься – набери код доступа «ВМ», то есть Видео-Марк. И пароль «Джина», тогда я пойму, что это ты. И отвечу, если смогу. Дверь открыта. Выметайся отсюда живее, спустись ко мне в «яму» на шестнадцатом этаже…

Изображение застыло, а потом стало расползаться, начиная с верхнего левого угла экрана по диагонали. Как будто какая-то

невидимая тварь отгрызала от него каждую секунду по кусочку. Кили зажмурился. Глюки с перепою или перед ним некий изобразительный изыск Видео-Марка?

Когда он открыл глаза, уже половина изображения на экране была съедена, а на оставшейся части виднелись пробелы. Кили нажал на клавишу очистки экрана. Ничего не произошло. Клавиша восстановления предыдущего состояния, вызова меню инфолайна – ноль реакции. Теперь что-то явно атаковало изображение, вырывая большие неровные куски. Клавиша перезагрузки – глухо.

Исчезли последние остатки изображения, и экран замерцал тусклым серо-белым цветом.

– Ладно тебе. Это что, для пущего эффекта? – поинтересовался Кили. – Хочешь меня поразить? – В центре экрана начало сгущаться бесформенное темное пятно. – Ведь ты еще тут?

Заиграла музыка – тихо, с механическим позвякиванием, после чего тень в центре экрана запульсировала, увеличиваясь в размере, и как раз в тот момент, когда Кили моргнул, он заметил…

Кили потряс головой. Странно. Он будто бы выпал из действительности на мгновение и забыл, о чем думал. Экран заполняли пульсирующие тени. Отвернувшись, он наощупь отыскал кнопку выключения монитора. В мозгу один за другим вспыхивали искаженные образы, от которых голова болела еще сильнее. Какие-то камни или облака… И вода…

Монитор, несмотря на то что он уже много раз нажал на кнопку, так и не отключился. Тени по-прежнему перемещались и пульсировали с неумолимой настойчивостью, завораживая, и Кили понял, что снова впадет в транс, если не отвернется.

А ведь загипнотизировать его было не так-то легко, это он знал. Да и не похоже это было на гипноз. Как-то… мерзко. Будто кто-то копался у него в мозгу, выискивая слабое место, затаенную боль. И все это из-за каких-то теней на экране?

Он попытался собраться с мыслями. Определенно, не простые это тени. Он осторожно повернул голову, пока не зацепил экран боковым зрением.

Вот оно. Некая вибрация, трепетание, не отмечаемое глазом при прямом взгляде. Весьма странного, нерегулярного характера, будто сбои в передаче сигнала, заставляющие картинку подрагивать. И каким-то образом в сочетании с пульсацией теней это воздействовало на подсознательном уровне. Возможно, тут была некая связь со скоростью возбуждения нейронов у него в мозгу. Сэм могла бы ему подсказать, она все это изучала. Но Сэм

здесь не было. Он тут совсем один.

Спустись… вырви провода…

Он заполз под стол, нашел кабели питания компа и монитора, и рывком выдернул их из розетки.

Тени на экране продолжали пульсировать и извиваться. Когда Кили отвернулся, его взгляд упал на плотную старинную скатерть изо льна, накрывавшую обеденный стол.

Он потянул скатерть, вместе со стоявшим на столе тяжелым металлическим прибором и массивными подсвечниками из хрусталя. Те с грохотом полетели на пол. Пятясь, он дошел до консоли и накинул скатерть на экран.

Теперь тени извивались на ткани. Кили похолодел, но вскоре понял, что видит следовые образы, остаточные изображения на сетчатке глаза. «Прекрати», – приказал он себе и отвел взгляд от экрана на окно, потом на потолок, пол, – все равно, на что смотреть, лишь бы дать мозгу больше разных визуальных образов.

Через некоторое время неприятная тяжесть в голове начала отступать. Тогда он снова перевел глаза на монитор. Ничто, никакой вирус, никакое чуждое сознание еще не могли преодолеть старое доброе вырубание тока. Так что же это за дьявольское создание – какой-то супервирус? Совершенно неуничтожимый?

Ладно, забудь об этом; теперь надо спуститься на шестнадцатый этаж и добраться, не попав никому больше в лапы, до ямы Марка. Хакнуть там чертов замок. Чем, интересно? Гадство, он, скорее всего, даже туда не сможет добраться, ведь у него нет ключа от лифта.

Взгляд зацепился за вторую систему, смонтированную в комнате. Он ни разу ее не включал. Собственно, это был встроенный в консоль ноутбук, прикрученный к ней намертво мудрецами из «Ди-Ви».

– Ну, мудрецы, спасибо, – сказал он вслух и пошел в кухню поискать, чем бы его подцепить.

Пришлось, в конце концов, просто отколоть столешницу молотком для отбивания мяса (спасибо вам, дизайнеры кухни «Открой пищу заново»), отогнуть кожух консоли, а потом отсоединить клавиатуру и стационарный монитор при помощи тупого столового ножа вместо отвертки. У ноутбука был небольшой экран и складная клавиатура, и, кроме того, Кили обнаружил совершенно неожиданный подарок – целый ассортимент дополнительных хвостов для периферии в отделении для аккумулятора. Солнечного аккумулятора, да еще и полностью заряженного, несмотря на долгое пребывание в консоли, – спасибо тебе, Господи, или кто там есть.

Кили задержался на минуту, глядя на систему под скатертью. Ну конечно – стоило отключить электричество, как врубилась внутренняя батарея. Которая на случай аварийного падения напряжения. Но только обычно антивирусные программы при обнаружении инфекции сразу блокировали включение аварийной батареи, чтобы не давать вирусу распространяться дальше. Кили мрачно рассмеялся. На этот раз не вышло. Наверное, это все же действительно супервирус.

Панель вызова лифта без труда подключилась к его ноутбуку. Кили нетерпеливо следил за отражением активности лифтов и как только обнаружил, что кабина разгрузилась на десятом этаже, тут же вызвал ее наверх. Скорее всего, он таким образом выдал себя, но теперь это было уж неважно.

Он еще не доехал до шестнадцатого этажа, когда экран компьютера вдруг констатировал одновременную остановку всех кабин.

* * *

Теперь она жалела, что не разбудила его. В одиночку пускаться в такое дорожное движение было сущим безумием.

Стояв пробке на бульваре Санта-Моника, она уже неведомо сколько времени перелистывала страницы на экране навигационного устройства авто в попытках отыс-кать хоть намек на движение. Впрочем, назвать это переключением тоже было трудно – настолько долго страницы грузились. «ГридЛид» сегодня утром была на редкость перегружена. Наверное, вылези Джина из авто и отправься на проверку пешком, и то получила бы информацию быстрее. Почти везде все стояло мертво. Периодически внизу экрана шла обычная в таких кризисных ситуациях бегущая строка: ИЗ-ЗА НЕОБЫЧАЙНО НАПРЯЖЁННОГО ДВИЖЕНИЯ ВСЕМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВАМ, КОТОРЫМ НЕТ НЕОТЛОЖНОЙ НЕОБХОДИМОСТИ НАХОДИТЬСЯ НА ДОРОГЕ, СЛЕДУЕТ ПРИПАРКОВАТЬСЯ В РАЗРЕШЁННЫХ ДЛЯ ПАРКОВКИ МЕСТАХ, ПОКА УЛИЦЫ НЕ ОЧИСТЯТСЯ.

Ага, как же. Будто чертовы «транспортные средства» перемещаются сами по себе, без человеческого участия. Она нетерпеливо поерзала на продавленном сидении. Попробуй-ка, убеги от чего-нибудь в Лос-Анджелесе. Движение стало таким невозможным, что лучше уж собраться и встретиться со всеми своими проблемами лицом к лицу, не сходя с места.

Краешком глаза она заметила, что экран навигатора замигал.

– Еще не хватало, чтобы эта хр-рень отвалилась, – прорычала она и стукнула по монитору. – Ну, давай, сожги какой-нибудь предохранитель, если думаешь, что тебе нет неотложной необходимости находиться на дороге.

Водитель частной машины позади засигналил. Авто впереди сдвинулось вперед на целых шесть дюймов.

– Ладно-ладно, гаденыш. – Она тоже подвинулась на шесть дюймов. – Теперь точно никто не втиснется перед нами, доволен?

Но водитель посигналил снова. Джина раздраженно обернулась и увидела, что это был совсем молодой парень, который отчаянными жестами просил ее подойти. Она вылезла из авто и направилась к нему.

– Простите, может, вы разбираетесь в этих навигационных устройствах? – спросил он. Джина окинула взглядом машину. Частная, здесь все не как в обычном авто, по особому заказу. Включая и навигационную систему с полным доступом к инфолайну.

– Не больше, чем другие, – ответила она. – А в чем дело?

– У меня тут какое-то странное сообщение появляется. Посмотрите. – Он повернул монитор к ней и немного откинулся назад, чтобы ей лучше было видно. – Должно скоро опять появиться.

Не успел он договорить, как по экрану прямо через навигационную сетку потянулась строка: ГОВОРИЛИ ЖЕ ТЕБЕ, УБЕРИ ЭТУ ПОМОЙКУ С УЛИЦЫ. Помимо воли Джина рассмеялась.

– Это машина моих родителей, они ее сильно усовершенствовали. Навигатор с выходом в инфолайн без ограничений, и я подумал, что, возможно, это перекрестный сигнал или что-нибудь в этом роде. Потому что – смотрите… – Он постучал по клавиатуре, расположенной сбоку навигатора на панели управления. – Я не могу вызвать никаких других страниц, чтобы отыскать свободные для проезда улицы.

Он взглянул на нее с надеждой.

– Ну, во-первых, свободных улиц просто нет. А страницы не открываются, потому что «ГридЛид» не справляется с количеством запросов и грузит все очень медленно. Лучше уж скоротать время в инфолайне и посмотреть «Дорогую миссис Не Вешай Нос» на «ФолкНете» или узнать об обстановке на дорогах в «Новостях Лос-Анджелеса». Это проясняет ситуацию?

– А это странное сообщение? – сказал он. – Ведь «Гридлид» не посылает таких, правда?

Джина усмехнулась.

– Нет. Но Доктор Фиш – вполне. Видимо, теперь он наносит

визиты прямо в машины.

– Простите, что побеспокоил вас, – извиняющимся тоном сказал он ей вслед, когда Джина направилась обратно к своему авто. – Я совсем недавно начал водить машину.

– Когда мы отсюда выберемся, тебе покажется, что ты не вылезал из-за руля целую долбаную вечность, – пробормотала она себе под нос. Доктор Фиш в «ГридЛид». Нет, скорее всего, Доктор Фиш попал в навигационную систему машины потому, что папочка и мамочка постоянно загружали разные разности с деловых досок объявлений по пути на работу и с работы домой. Чтобы не тратить попусту драгоценное время в пробках, им нужно делать свой долбаный бизнес в машине.

Экран навигатора был пуст. Она со злости стукнула его кулаком.

– Просто здорово, сукин ты сын. Если бы мужики так выполняли все мои желания, я бы, наверное, подобрела!

На экране появилось одно единственное слово.

Джина.

Она отвела руку, заворожено глядя на свое имя.

Это Марк.

Она не в силах была поверить. Но тут заметила хвостик кредитки, высовывающейся из щели рядом с зажиганием. Вот как он отыскал ее: по этому крошечному кредиту, отложенному на еду и транспорт.

Времени мало, – сообщил экран и снова мигнул. – *«ГридЛид» уже поражена. Мясо тоже. Я тоже.*

Потом долгая пауза. Джина потянулась к телефонной трубке сбоку от монитора, не зная толком, кому собирается звонить. Но раздумывать не пришлось – в трубке не было ни звука. Свихнувшиеся на эффективности клерки в машинах по всему городу, наверное, пачками впадают в истерику.

Трудно.

«И я, верно, тоже схожу с ума», – подумала Джина, все еще держа в руках бесполезную трубку.

Видео выпустило это на свободу. Ушел из тела. Отключи меня. Вынь провода. В моей яме.

По экрану вдруг побежала строка: ГОВОРИЛИ ЖЕ ТЕБЕ, УБЕРИ ЭТУ ПОМОЙКУ С УЛИЦЫ. Вовсе не в стиле Марка.

Агрессивный ряд заглавных букв погас, после чего появилось новое сообщение.

Будь там для меня.

Вот *это* похоже на Марка. На глазах строчка шрифта заколебалась и волной побежала по экрану, сначала ровной синусоидой, а потом заострилась пиками. Она узнала рисунок

активности своего мозга, который видела в «яме». Вдруг он изменился, пики лихорадочно зачастили вверх и вниз, и экран снова погас.

– О, господи, – пробормотала она.

Авто впереди проползло еще несколько дюймов. В зеркало заднего вида она видела, как парнишка в своей шикарной тачке обеспокоено глядит на приборную панель.

– К черту, – сказала она и выключила мотор. Потом вылезла из авто и пошла к этому парню.

– Послушай, – обратилась она к нему. – Мне надо в туалет. Я поставила авто на нейтралку. Просто слегка подталкивай его каждый раз, само поедет.

У того глаза на лоб полезли.

– Но это же незаконно…

Из окна следующей машины высунулся водитель.

– Эй, сучка, куда это ты намылилась? А ну, живо залезай назад, ты не можешь ее так просто тут бросить…

В спину ей загудело множество машин, но Джина уже шла широким шагом в сторону Западного Голливуда.

* * *

«…в отношении же слухов о том, что «ГридЛид» подверглась атаке одного или нескольких деструктивных вирусов, пока не поступило ни подтверждений, ни достоверных опровержений».

Сидевший с набрякшими веками перед большим экраном в медиа-баре Гейб только вздохнул. Дурные предчувствия после пробуждения превратились в усталое недоумение, когда он осознал, что находится в квартире Марка совсем один. Он не утешал себя надеждой, что Джина просто отлучилась в греческий ресторанчик на углу, чтобы порадовать его особым завтраком. Записка на мониторе ясно дала ему все понять.

Разве мамочка не предупреждала тебя – никогда не лезь без спроса?

«Надо непременно обсудить этот вопрос с мамой», – с горечью подумал он. А пока он сидел на табурете в баре в половине двенадцатого утра и потягивал поганый кофе в соседстве с сомнительными личностями. Возможно, даже более сомнительными, чем Джина Айеси, хотя головой он бы за это ручаться не стал.

Со своим везением он должен был предвидеть, в какую лужу сядет. Идеальное завершение плохо начавшегося дня – испортить начало следующего.

Изгадить, точнее. Те, кто боятся крепких выражений, боятся жизни.

Я не боюсь жизни. Просто не знаю, где она теперь – жизнь.

Не в эту, а в прошлую ночь он был абсолютно убежден, что каждое их слово, сказанное друг другу, открывает тайны мироздания. Таким путем можно залететь в заоблачные дали тупосферы, откуда придется долго падать, и притом без парашюта.

А сегодня утром он почти ни в чем не был уверен, да и из того немногого кое-что уже позабыл. Цепная реакция амнезии.

Сейчас у Гейба в мозгу все застыло, как картинка на экране перед ним. Весь бульвар Санта-Моника от Голливудского фривея до Ла Сиенеги походил на одну сплошную парковку без начала и конца.

– Эй, – враждебно крикнул барменше его сосед в слишком обтягивающем желтом пластиковом комбинезоне с красной веревочной петлей на шее. – Мы что тут, обязаны на это глядеть? Почему не переключишь на какое-нибудь порно?

Барменша усмехнулась.

– Что с тобой, не слыхал разве о дорожном порно?

– Не-е, если не на порноканале – это не настоящее порно.

– По мне, так и это достаточно похабно, – сказала женщина, сидевшая справа от Гейба. Она помешивала напиток ярко-розового цвета у себя в стакане сломанным световым пером. – Прибавь звук, ладно? – попросила она барменшу.

«… поразила неожиданная флюктуация согласованного включения светофоров в сочетании с искаженным сообщением «ГридЛид» для водителей. В работе «ГридЛид» и прежде случались сбои, но передача ошибочных данных отмечена впервые».

Панорамным движением камера показала нескончаемую вереницу машин, затем переключилась на поток, ровно несущийся по Голливудскому фривею под эстакадой бульвара Санта-Моника.

«Данный инцидент был примечателен также по причине избирательности сбоев работы светофоров и специфичности ошибок при передаче данных. Другие районы Большого Лос-Анджелеса не поражены, хотя это дело времени: перенаправленный с бульвара Санта-Моника транспорт неминуемо усугубит ситуацию на крупных магистралях и улицах. На расчистку этой пробки уйдет, согласно некоторым оценкам, весь день и, возможно, вечер».

Еще одна панорама, на этот раз – похожее на цепную реакцию столкновение множества машин.

«В этом инциденте, где участвовало не менее двух дюжин машин, к счастью, никто сильно не пострадал. Нескольких пожилых водителей доставили в близлежащую больницу на вертолетах. Информация об их состоянии пока не поступала. Неясной остается также причина, по которой полиция настояла на помещении этих людей в больницу вертолетами службы спасения.

Также пока не удается подтвердить или опровергнуть слух о том, что один из водителей, о котором известно только, что это актер из Западного Голливуда, в момент сбоя якобы находился в машине в состоянии онлайн. По мнению Доннера Мокуина из службы регистрации, подобных легальных транспортных средств пока не существует, но модификация не исключена».

Щелчок – и камера переключилась на унылого мужчину, который бубнил что-то в микрофон. Затем появился звук:

– …не особенно сложно. Требуется только дополнительный набор проводов, но их можно получить у любого поставщика, причем особенно фирменных и не нужно. Обычная монтажная работа, как для пилотов, минус оборудование для крыльев. Мы, конечно, проработали варианты на случай возникновения потребности, но пока поступали только запросы об информации. Я лично считаю, что это было бы здорово. – Он рассмеялся, – но мой муж всегда говорил, что я просто без ума от автомобилей…

– И что это все означает, этот выход в сеть через подсоединение к автомобилю? – Продолжал напирать сосед в желтом комбинезоне. – Опять чертовы гнезда?

Владелица бара пустила к нему по стойке телефон для двусторонней связи с инфолайном.

– Почему бы тебе самому не позвонить и не потребовать у них разъяснений? Запишем это тебе на счет.

Но мужчина только буркнул и оттолкнул телефон обратно.

На экране снова была панорама столкновения.

– Все светофоры на бульваре Санта-Моника отключились, – констатировал новый женский голос, звучавший более серьезно. – Мы только что получили информацию, что область поражения распространяется, теперь она затронула и бульвар Сансет, от того места, где он пересекается с бульваром Санта-Моника и почти до центра города. Неполадки в работе светофоров отмечены также на Ла Сиенеге. Официальные лица отказались подтвердить или опровергнуть информацию, что Лос-Анджелес находится на грани чрезвычайного положения из-за ситуации на дорогах. Они отказались также комментировать слухи, что причиной послужил специализированный «вирус-стопор», запущенный в «ГридЛид» вандалами-хакерами.

На экране возникла группка подростков, лет двенадцати, не старше, как показалось Гейбу, которые смотрели в камеру со смесью презрения и удовольствия от того, что оказались в центре внимания.

– Хакеры этого не делали. – Спикером выступала девушка с резкими чертами лица, страшно худая и грязная. Она стояла немного боком перед остальными четырьмя или пятью ребятишками, крепко обхватив себя руками. С одного уха у нее свешивался серебристый чип на цепочке. – С чего бы это им взбрело такое в голову, ни в жизнь не поверю, – с вызовом добавила она, переведя взгляд на оператора камеры.

«Интервьюер-любитель, – подумал Гейб, – из тех, кто подвизается внештатно и старается оказаться в нужном месте в нужный час». Хотя картинка не дрожала, что бывает с дешевыми мини-камерами, но все же перспектива выдавала любителя. Лица ребят смотрелись слишком крупно.

Девушка-спикер выслушала обращенный к ней вопрос.

– Ну, знаете, это ведь и наш город, нам по нему тоже ездить приходится, чтобы добраться туда, где нам нравится бывать. Поэтому-то я так и уверена, что хакеры тут ни при чем. Если даже допустить, что это вообще вирус. Каждый раз, когда что-то дико выходит из-под контроля, говорят: «О, должно быть, какие-то хакеры снова с вирусами забавляются». Они норовят обвинить нас во всех своих затыках. Может, просто софт полетел. Вы, народ, цивилы, юзеры…

– Пользователи, – подсказала девушка постарше, выступив чуть вперед, но тут же ретировалась и прикрыла рот ладонью, будто сказала что-то неприличное.

– Ну да, вы, пользователи, обычные люди, почти никогда не поддерживаете ни софт, ни железо в нормальном состоянии. Обращаетесь с ними, примерно, как мои родители друг с дружкой, вот у вас все и накрывается. Ни поддержки, ни обновления – не знаю, как еще электричество во всем городе не вырубилось…

Вдруг картинка покрылась зигзагообразными линиями. Мужчина в желтом комбинезоне презрительно хохотнул.

– Должно быть, кто-то из их маленьких дружков смотрел передачу и специально так подстроил.

– А может, они сами и подстроили, – добавила женщина справа от Гейба. – Чтобы система отключалась, когда они произнесут слово запуска…

– С вирусами, которые активируются словом запуска, больше возни, чем толка, – сказал Гейб, не задумываясь. – Вариации в громкости, силе ударения, тембре настолько велики, что

срабатывание наступает зачастую до нужного момента. Или, наоборот, параметры задаются слишком строго, поэтому ничего не происходит, даже при разнице в полдецибела. Простые способы, вроде счетчика или таймера, гораздо эффективнее. Работу настоящего хакера нетрудно отличить. Решения применяются самые простые…

Заметив, что внимание всех посетителей бара обращено к нему, Гейб замолк.

– Вот как, – сказала соседка. – Вы, оказывается, знаток? Один из выросших и раскаявшихся малолетних преступников, а может, из тех юристов, которые всегда ограничиваются шлепком по рукам вместо того, чтобы судить их по-настоящему?

– Просто слыхал об этом, – нескладно принялся оправдываться он, озираясь. – В какой-то из передач.

Он внутренне поежился. Как сказала бы Сэм, какой холодный-холодный дом.

На экране неожиданно появился интерьер телестудии.

– Примите наши извинения за перерыв в вещании, но, видимо, Голливудский узел вышел из строя. В данный момент причина неполадки неизвестна, но технические специалисты инфолайна уже ведут работу по ее выяснению. Сигнал временно перенаправлен через узлы Западного Голливуда и Сенчьюри Сити.

Ведущая откашлялась.

– Две минуты назад служба дорожного движения объявила об аварийной обстановке ограниченного характера в Голливуде, ограничения охватывают район между Малхолланд Драйв на севере, фривеем Сан-Диего на западе, Голливудским фривеем на востоке и фривеем Харбор на…

У большинства людей в баре вырвались возгласы недоверия.

– Ограниченного характера? – воскликнул кто-то в другом конце зала. – Они что, издеваются? Теперь практически никто не сможет ни въехать в город, ни выехать.

– Если они там у себя, в Канога Парке или Резеде еще могут перемещаться, значит, можно считать аварийную ситуацию «ограниченной», – раздался другой саркастический комментарий. – Вот если нельзя будет выбраться из Сан-Бернардино[31] – тогда это уже полный каюк.

Кое-кто рассмеялся в ответ на эту шутку, но и смех вышел натянутым. Гейб неловко поежился на своем табурете. Теперь он находился глубоко внутри области, очерченной в объявлении диктором, и у него не было ни малейшей идеи, как добраться отсюда до «Диверсификации», да и вообще куда бы то ни было.

– …неофициальный источник сообщает, что, по крайней

мере, у одного из водителей, эвакуированных на вертолете, случился инсульт, послуживший причиной множественного столкновения. Мы ждем подтверждения этих данных из больницы, куда его отвезли.

Ведущая замолкла и секунды две мертвой тишины смотрела куда-то в сторону от камеры.

– К другим новостям: двое человек обнаружены мертвыми у себя дома в Санта-Монике при невыясненных обстоятельствах. Полиция отказалась сообщать подробности, но источники, находившиеся в непосредственной близости к месту происшествия, рассказывают, что эта пара была подсоединена через нейроинтерфейс к оборудованию, которое успело приобрести значительную популярность со времени его разрешения в США. Полиция ведет расследование, но отказывается строить предположения, не являлись ли те люди, чьи имена по-прежнему не сообщаются, жертвой преступления.

Диктор снова замолчала и нахмурилась.

– Только что получено сообщение о ситуации в международном аэропорту Лос-Анджелеса. Все взлеты и посадки отменены без объявления причин. Рейс из Сан-Франциско был перенаправлен на запасную посадочную полосу в аэропорте Ван Нюйс и, судя по всему, успешно приземлился. Больше по этому поводу новостей нет.

Ведущая опять с некоторым раздражением прислушалась к кому-то за камерой. «Да, что-то у них там, в студии, сегодня не ладится», – подумал Гейб. И вообще ему казалось, что все сегодня складывалось как-то набекрень, не только дела в «Гридлид» и инфолайне.

Конечно, набекрень. Собственно, с самого утра, ведь ты никак не ожидал, что, проснувшись, окажешься один в квартире?

– Наш корреспондент только что связался с нами из больницы, – неожиданно включилась диктор. – Очевидно, телефонная связь сегодня несколько нестабильна…

– Что, она сказала, с телефонной связью такое? – спросил мужчина в комбинезоне.

– …пострадавшая, которая проходит постинсультный курс лечения, была подключена к своей машине. Повторяю, мы получили подтверждение, что проходящая лечение от инсульта женщина действительно была подключена к своему автомобилю, что и послужило причиной множественного столкновения на бульваре Санта-Моника…

Изображение на экране вспыхнуло и сменилось мельтешением беспорядочных сигналов. Иногда сквозь помехи различались какие-то более темные движущиеся формы, которые

будто стремились прорваться через них.

– Верно, все же у тебя что-то не в порядке с аппаратурой, – сказал мужчина, сидевший слева от Гейба. – «Новости Большого Лос-Анджелеса» *никогда* не отключаются.

Барменша взяла в руки небольшой пульт и вывела на экран общее меню. Из имеющихся там пяти каналов одного в эфире не было, а четыре остальных показывали фильмы или сериалы.

– А других экранов разве нет? – спросила женщина с розовым коктейлем, постукивая своим сломанным световым пером по краю бокала. – Что же это за медиа-бар?

– Другие два экрана отключились утром, еще до открытия. – Барменша показала вверх, на потолок. – Я их подняла пока, чтобы не мешали, до прихода телемеханика. Он должен подойти сегодня после обеда.

– Не думаю, что сюда кто-нибудь сможет добраться, – пробормотал Гейб.

– Прямо как при землетрясении! Ничего не идет так, как надо. – Женщина за стойкой снова прокрутила меню до самого верха, нашла раздел «Культура», где открылся список, начиная с «Танцев» до «Музеев» и «Программ для детей». Выбрав из середины списка раздел «Уличные представления», она нажала на кнопку. Экран послушно показал танцевальную группу, исполняющую свою композицию на бульваре Санта-Моника, вдоль застывшей вереницы машин.

– Я терпеть не могу уличных плясунов. – Возмутилась женщина, сидевшая справа от Гейба. – Это так пошло.

– Не в них суть. Так мы снова на месте происшествия, – пояснила барменша. – Пусть без комментария, но все же…

Раздался щелчок.

– Проба… проба… хорошо. Для тех, кто может нас теперь слышать, сообщаем, что новости Лос-Анджелеса временно заняли этот канал. Из-за технических осложнений мы пока не можем продолжать вещание на нашем основном…

Из динамиков раздался треск, но изображение осталось четким. Танцоры виднелись уже довольно далеко, в некоторых авто еще сидели люди. Они махали из окон, кто-то наспех большими буквами написал на выставленном листе бумаги: НЕ ЖДИ МЕНЯ, ГАРРИ!

– …полное и частичное отключение электроэнергии, нарушение приема сигнала в городе и, возможно, за его пределами, – нервозно произнес другой голос, очень молодой. – Насколько нам известно, из Лос-Анджелеса практически невозможно связаться с областью и другими городами штата. Землетрясений нигде на западном побережье не

зарегистрировано. Представители власти подозревают, что виной всему вандализм, однако выявить источник, так сказать, беспорядков пока не удалось…

За этим последовало полных десять секунд мертвой тишины, во время которой камера скользила вдоль стоящих машин.

«Что не так с этой картинкой?» – вдруг подумал Гейб. Город распадается, а они просто наблюдают за этим по телевизору. Смогла ли Джина добраться до «Диверсификации», удалось ли ей отыскать там Марка? В нем росла уверенность, что совершенно необходимо выбраться отсюда и двинуться в направлении Западного Голливуда, хотя бы по крышам машин. И в то же время он боялся уходить от единственного работающего экрана. Что-то подсказывало ему, что другой он не скоро найдет.

Тот же молодой голос в инфолайне начал повторять новости об угрозе цепной реакции, о столкновении и женщине, с которой случился удар. Изображение на экране слегка зарябило, будто начало подтаивать по краям, цвета машин поползли к тем краям спектра, к которым располагались ближе. Корпус одной из них запульсировал, будто задышал.

Встревоженный, Гейб отвел глаза от экрана и устало помассировал шею. Чувствовал он себя странно, будто спросонья. Неожиданно в памяти всплыл образ свихнувшейся рок-звезды в плаще, и Гейб совершенно точно понял, что тени на плаще и эта машина на экране – явления одного порядка.

Да это же просто смешно, одно к другому не имеет никакого отношения, а если бы и имело – это просто изображение на экране с высоким разрешением и не может оказать никакого долговременного влияния. Пока никто еще не изобрел экранных образов, которые вызывали бы такой эффект, разве что особо восприимчивые зрители могли поддаться гипнозу, вполне, однако, обратимому. Еще никакая картинка не могла причинить никому реальный, физический вред…

– Перемена ради машин.

Голос был такой тихий, что Гейб подумал, что ему померещилось. Похолодев, он повернулся к соседке справа.

– Что вы сказали?

Та сидела, завороженно уставившись на экран, будто там разворачивались невиданные чудеса. Краем глаза Гейб уловил какое-то движение и повернулся посмотреть. Изображение промелькнуло так быстро, что даже подсознание едва зарегистрировало его, однако картинка ясно стояла перед глазами: странное озеро с каменистыми берегами и чей-то легкий силуэт. Он мог поклясться, что никогда прежде ее не видел, но все же она была странно знакома. Впрочем, он не был уверен и в

том, что видел ее сейчас.

– Чертов Шредингеров мир, – бормотала женщина, проводя рукой по волосам. – Никогда не знаешь точно, пока не присмотришься, верно? И неизвестно, кто тебя ждет там, на берегу…

Гейб собирался было спросить, есть ли у нее гнезда, как вдруг женщина резко откинулась назад и упала с табурета плашмя на пол.

– Господи, как же я ненавижу пьяниц, – сказал сидевший по другую сторону от Гейба, но несколько человек кинулись на помощь.

– Она не пьяна. – Гейб и сам хотел подойти к упавшей, но застыл на месте, когда кто-то приподнял ей голову, и он увидел ее лицо. Один широко раскрытый глаз налился ярко-красной кровью, тоненькая струйка крови сочилась из носа. Мужчина с позолоченными волосами обернулся к Гейбу и посмотрел на него с подозрением.

– Ты *ударил* ее?

Гейб покачал головой.

– Нет. И пальцем не тронул. Она просто… упала.

Глаза женщины на секунду сфокусировались на нем, губы шевельнулись, беззвучно произнесли какое-то слово, и тело обмякло.

– Мне кажется, она умерла, – нервно произнес кто-то.

– Вызовите скорую, – предложил другой.

– Нет, вызовите вертолет-спасатель.

– Нет, вызовите копов. А уж они вызовут вертолет-спасатель.

– У нее есть гнезда, – сказал Гейб. – Посмотрите, где-нибудь в кошельке или сумочке должна быть карточка.

– Вот. – Золотоволосый приподнял ее руку со старомодным идентификационным браслетом. – Тут значится, что ей вживлены гнезда и что у нее аллергия на шоколад. Не думаю, что она ела тут шоколад. – Он нахмурился и спросил Гейба. – Думаешь, у нее гнезда полетели?

– Не знаю, – солгал Гейб еле слышно. Он старался стоять спиной к экрану, думая, что мог бы легко оказаться на месте этой женщины, примерно в том же положении. Вполне. Но почему этого не произошло?

Нужно было добраться до «Диверсификации». Владелица бара звонила в полицию, вернее, пыталась туда дозвониться. Воспользовавшись этим, он соскользнул с табурета, пробрался к двери и вышел в замерший город.

Глава 28

Он даже не представлял, что в системе может обретаться столько разной заразы: поступающей извне, выходящей наружу, дрейфующей, наподобие плавающих мин в океане, или затаившейся по углам под внешне безобидной оболочкой.

Проводящие пути представлялись ему прежде подобными артериям и венам огромного организма, но на деле оказались сродни сточным канавам. Странные скопления мусора и каких-то бессмысленных обрывков, порой пассивные и безвредные, порой токсичные при контакте, а порой источающие из себя отраву, мешали движению полезной и необходимой информации. Как правило, вещи полезные и необходимые были защищены, хотя дополнительная защита увеличивала их объем, из-за чего они становились более медлительными и неуклюжими, чем должны были быть.

И здесь действовали законы экологического равновесия: среда все больше теряла сбалансированность по мере загрязнения и заражения. Экологическая катастрофа была неминуема еще до того, как инсульт поразил систему, и избежать ее было невозможно. Глобальная и всеобъемлющая. Компьютерный апокалипсис, системный обвал.

И тогда он совсем перестанет существовать.

Стоило ли стремиться ускользнуть от этой участи, оставив изношенное тело, это бесполезное мясо, с тем чтобы и здесь столкнуться с прежней опасностью?

Он не даст этому произойти. Просто не может позволить. Будет предупреждать их, показывать, что необходимо изменить, заставит их остановиться, пока вся система не погибла в огненной буре. «Да будь они прокляты, – подумал он в ярости, – прокляты за то, что творят всегда и повсюду». Огромные области на земле стали необитаемы по недосмотру или по чьей-то злой воле, и теперь предстоит долгий процесс по их возвращению в пригодное для жизни состояние, но эти засранцы никак не желают понять, что гадить там, где едят, не положено.

Ты тоже никак не мог это в толк взять, когда был еще из мяса и костей и все время накачивался разной дрянью.

Эта мысль пришла к нему ниоткуда и отовсюду, ибо теперь он стал одновременно и носителем, и содержанием. На какое-то

мгновение он устыдился своей прежней слепоты.

Он осторожно распространил свое сознание по сторонам. Это немного походило на пребывание одновременно в нескольких местах, информация поступала со скоростью света и за наносекунды обрабатывалась без всякого напряжения – не сложнее, чем прежде, когда он тратил минуты и часы на то, чтобы преобразовать ее во что-то понятное для себя. Он уже привык осознавать себя в нескольких местах одновременно, помимо некоего центрального средоточия, потому что все это вместе составляло его личность. Мыслительный орган прежнего тела не справился бы с такой реальностью, но теперь, выйдя наружу, он вбирал в себя новые возможности, не раздумывая и не обращая на это больше внимания, как если бы просто сменил ставшую тесной рубашку на более просторную.

Идентификатор Джины он заметил сразу, едва вошел в систему, быстрее вздоха отыскал, но вот установить с Джиной контакт оказалось гораздо сложнее. Через двунаправленные приемники, считывающие информацию и из инфолайна и из «ГридЛид», малый удар уже распространился по системе управления дорожным движением, хотя и неравномерно. Но в большом контексте города пока у него это выходило хуже. Так как основная часть ресурсов уходила на сам процесс заражения, он представлял собой в данный момент меньшую угрозу. Марку, по крайней мере, удалось на несколько секунд связаться с Джиной.

Результат разочаровал его, так как не дал уверенности, поверила ли она ему, а он не мог предоставить никаких доказательств. Но если ему все же удалось убедить ее отправиться к его прежнему телу в яме, тогда не придется больше надеяться только на парнишку из пентхауса, где его сознание было резко и безвозвратно отсечено незадолго до того, как он нашел Джину.

Ни тот парнишка, ни Джина не в состоянии были бы понять, как он мог покинуть пределы пентхауса и в то же время присутствовать там некоторым образом. Он и сам не до конца понимал, но теперь это было неважно. Теперь та часть сознания была потеряна навсегда, как ампутированная конечность, и это означало, что и на парня теперь никакой надежды нет.

Теперь только от Джины зависело, вырвется ли Большой Удар наружу из его плоти. Каждая частичка Малого тут, в большем контексте, поджидала его. И туда, где ему будет оказан прием, он и устремится.

С осознанием этого факта пришло и понимание, что само присутствие Марка в системе только повышает опасность. Чтобы не оказаться пожранным, придется распространиться дальше,

возможно даже отсечь значительную часть себя, заключить в закрытом от внешних контактов месте и лишиться расширенного сознания. Вероятно также, что дальнейшее расширение рассеет, фрагментирует его сознание на множество аспектов одной программы, каждый из которых будет самодостаточным и не сообщающимся с остальными. И тогда он потеряет память о том, что когда-то был человеком.

Он еще размышлял, что может с ним статься, когда ощутил первую ударную волну и принял прощальное сообщение от своего тела.

* * *

Вначале она не поняла, что происходит у нее на глазах. Марк по-прежнему лежал на полу в яме, на том же коврике, где она его оставила. У консоли сидел какой-то незнакомый парнишка, нажимал клавиши и в промежутках так пристально вглядывался в экран (Вводил какие-то данные? Или просматривал?), что совершенно не замечал стоящей наверху Джины. Она тихонько спустилась по лестнице.

Теперь парнишка что-то заметил на экране, и его пальцы заплясали по клавиатуре. Он наклонился к динамику и спросил: «Отключить теперь?» Очевидно, ответ был отрицательным, потому что он покачал головой и пробормотал что-то. Скорее всего, очередной вундеркинд, подсаженный на фирменные имплантаты «Диверсификации». Этот, по крайней мере, понимал, что не все тут в порядке, но поздно, слишком уже поздно, черт бы их всех побрал.

Джина старалась подкрасться у парня за спиной, под мостками, поближе к Марку. Если выдернуть провода, его либо мгновенно выкинет в реальность, либо полностью вырубит. *Видео выпустило это на свободу. Отключи меня. Вынь провода. Будь там для меня.*

Она посмотрела вниз на неподвижное, все так же свернувшееся калачиком на ковре тело Марка.

«Нужно было поцеловать его там, в Мексике, когда еще можно было, – промелькнуло у нее в голове. – Там, в Мексике, когда он при тебе в первый раз вставил эти провода себе в голову. Если бы тогда наклониться и поцеловать его в губы, он мог остаться. Потому что потом уже ничто не могло вытащить его наружу, ни любовь, ни секс, ни ты. Вообще ничего и никак.»

Да не убоись?

Его длинные, каштановые с проседью волосы откинулись

назад, открыв лицо с запавшими, как у покойника, щеками. *В рок-н-ролле мы не печалимся о том, что могло бы быть. Катимся себе дальше.*

Но это не рок-н-ролл. И уже давно им не пахнет. Это бизнес, деньги, перемена ради машин, а вовсе не рок-н-ролл.

Мальчишка все еще сидел за консолью, прогоняя там какую-то сложную программу в основном из цифровых таблиц, выстроившихся на экране в три колонки. Джина опустилась на колени рядом с Марком и коснулась его щеки. Лицо было приятно теплым. Приподняв его голову одной рукой, она обернула провода вокруг другой, чтобы взяться покрепче.

– Что ты делаешь?!

Она дернулась, едва не выдернув провода из Марковой головы.

– Забочусь о нем. Иди себе в медотделение и притворись, что ничего не видел. Если он умрет, я сама себя сдам.

– Я тоже забочусь о нем, – заявил парень. – Пытаюсь перевести на себя управление программы для коннекторов. Если получится дать им команду на отключение, то мы, может, успеем дотащить его к врачу до Большого Удара.

У нее даже челюсть отвисла.

– Да откуда ты такой выискался? Что значит «до Большого Удара»?

Тело Марка дернулось.

– Ах, черт! – заорал парнишка и кинулся к консоли. – Отсоединяй! Отсоединяй сейчас же!

Марк снова дернулся, его голова соскочила с ее ладони, когда он забился в судорогах. На губах выступила пена, левая рука молотила воздух и ударяла Джину по бедрам.

– Отсоединяй! Отсоединяй! – отчаянно кричал парнишка, Марк изгибался и брыкался, а она старалась освободить свою руку от проводов. Она почувствовала, как сильно они оттягивают его голову, и ужаснулась от мысли, что потяни она их сейчас – и весь череп у него вывернется наизнанку.

– Да дергай же! – кричал парень.

Марк бился в конвульсиях, как рыба, выброшенная на берег. А ведь прежде, чего только не пил, никогда у него судорог не было. Она села ему на грудь и ухватилась за провода обеими руками, приготовившись вырвать их, чего бы это ни стоило.

Вдруг он открыл глаза, и она поняла, что Марк теперь ее видит, как она сидит на нем, взявшись за провода, готовая теперь, без дураков, выдернуть их. Тело его все еще подергивалось под ней, но энергия уже иссякала.

Выцветшие зеленоватые глаза, все в сетке красных сосудов,

двигались вправо-влево, словно фиксируя ее лицо в сознании.

«Скажи это», – прошептал голос у нее в голове.

Она крепче ухватилась за провода; голова его немного приподнялась над полом, но взгляд не отпускал ее.

Скажи. Он хочет услышать. И всегда хотел, только чаще всего был слишком накачавшийся или чересчур высоко в тупосфере, чтобы осознать это.

Белки глаз наливались кровью. Провода у нее в руке сильно нагрелись. Пена на его губах загустела, потекла по подбородку, ей хотелось отвести взгляд, но он ее не отпускал. Джина сильно потянула провода, голова Марка дернулась вперед в гротескном кивке, подбородок уперся ему в грудь, но коннекторы по-прежнему сидели в своих гнездах.

– Дергай, дергай же! – кричал парнишка.

Она потянула еще раз. Марк кивнул. *Да.*

Скажи это!

– Дергай!

Да.

Скажи же!

Глаза теперь почти полностью покраснели, прежней зелени почти уже не стало заметно.

– Да дергай же, черт тебя побери!

Да!

Скажи!

– Портач безмозглый! – наконец выкрикнула она.

Марк улыбнулся. *Похоже на то.* Его глаза закрылись, и тело под ней безвольно обмякло.

Одной рукой она приподняла его, обхватив под грудью, и, все еще не выпуская проводов из другой, положила Марка себе на колени. Парень у консоли сокрушенно приговаривал: «О, Господи, Господи Иисусе!», и у нее шевельнулось желание подойти и отвесить ему от души, потом заехать ногой по монитору, а потом отправиться к Ривере в офис – пусть попляшет, когда она сдавит ему горло мертвой хваткой. Но это потом. Когда Марк совсем успокоится.

Красная слеза покатилась по его левой щеке и капнула на пол. Джина чуть переменила положение, и тут кровь хлынула у него носом, окрасив алым рот, подбородок, перед рубашки.

Провода наконец выдернулись, все сразу вышли из гнезд, и повисли у Джины в руке восьмихвостым букетом. Пришлось прижать сведенные пальцы к ноге, чтобы они разомкнулись и выпустили провода полностью.

Наверное, было больно. Будто я тебе кастетом залепила. Глаза Марка закрылись не до конца, как она теперь заметила.

Можно было представить, что это он только отключился на время после случайной передозировки. *Да, мы нередко сидели так: я следила, не станешь ли ты вдруг синеть, краснеть или окрашиваться в какие другие глупые цвета.* Голова Марка склонилась ей на грудь, через переносицу перекатилась и капнула еще одна красная слеза.

Ладно. Я так и не сказала тех слов. Но ты знаешь, что я имела в виду, верно, портач ты безмозглый? Конечно, знаешь, это я поняла. Поэтому даже не пытайся теперь врать, потому что я точно знаю, что знаешь.

Она почти не осознавала хода времени, это было теперь совсем неважно. *Пусть себе течет, в обход нас. Мы все старались поспеть за ним, все эти двадцать с лишним лет, будь оно проклято, а теперь у нас перерыв. Перерыв.*

Еще через некоторое время свет в комнате вдруг мигнул. Сначала Джина подумала, что это ей померещилось, но он замигал снова. Пустота внутри начала наливаться раздражением. Господи, неужели все сразу должно пойти под откос, и теперь нужно еще думать о всяких тупых перегоревших пробках и скачках напряжения, когда есть вещи куда важнее – например, как жить дальше?

Когда кто-то тронул ее за плечо, она взвилась.

– Я прошу прощения, – тихо произнес парнишка. – Правда. За то, что беспокою. Но у нас крупные неприятности.

Он тянул ее мягко, но настойчиво, пытаясь оторвать от Марка.

– Отвали, – снова огрызнулась она, после чего он опустил руки.

– Нам не удалось предотвратить, – сказал парень. – Он вырвался.

Свет снова мигнул.

* * *

Едва шевельнувшись вначале, дальше инфицирование двинулось гигантскими скачками. Одновременно подскочил уровень опасности буквально всех существующих вирусов. Как если бы несколько возросшие в численности крысы вдруг превратились в обученные батальоны террористов. Разум, руководящий действиями этого вируса, значительно отличался от его собственного, был намного грубее, прямолинейнее, но вместе с тем, как у сложного механизма, могущего приспосабливаться к обстоятельствам, он обладал способностью к самообучению и

действовал все ловчее, даже изощреннее.

Теперь он не мог даже ничего особенного предпринять, не имея в себе сил противостоять ничему подобному. Тем более, что эта штука была скроена специально по его мерке, и он неминуемо будет притягивать ее к себе одним фактом своего существования.

Но теперь над обычным выбором «биться или бежать» возобладали новые инстинкты. Он отступил подальше, насколько это было возможно, и, чтобы враг не мог обнаружить его целиком, залег, понизив уровень протекания всех процессов до минимального, словно солдат в камуфляже, прячущийся в джунглях. Погони не последовало; он сделался невидимым – но только на время. Эволюция вируса не остановится, и постепенно его враг достигнет того уровня, когда сможет нащупать местонахождение Марка и в таком состоянии «пониженной энергии». Пока же он еще не переступил некоего порога, непреодолимого для него барьера Конечного.

У Марка по-прежнему оставалась в запасе «кроличья нора», чуть подлаженная к его новому состоянию, но такая же надежная. Выход на случай, когда выхода уже не останется. Воспользуйся он им, и результат, с его точки зрения, мало чем будет отличаться от сожжения всех мостов за спиной, от полного системного отказа: он полностью прекратит свое существование на этом уровне. Конечно, он будет продолжать существовать по мере продвижения вглубь «кроличьей норы», но сама она будет схлопываться и исчезать для внешнего наблюдателя в шаге позади него. Он будет поглощать сам себя, и так без конца.

Если это и можно назвать существованием, то что это за жизнь?

Тем временем Это продвигалось по системе, расползаясь во все стороны, разило ударами, ассимилировало, росло. Прежде, возможно, Марк нашел бы ему выразительное прозвище, но здесь, в системе, вещи были самими собой или переставали быть, а Это не изменило своей природы. Оно осталось вирусом, но с одним существенным отличием: оно сознавало свою природу и свое существование. Оно было *живым*.

Поэтому для Марка главной задачей оставалось не заразиться. Вернее, не заразиться еще больше. Его по-прежнему удивляло, насколько был поражен его организм, да и вся система в целом, которая, тем не менее, все же способна была функционировать. Он помнил свою жизнь, когда был еще из мяса и костей. Разве не бывают некоторые виды инфекции, вернее, бактерии, вполне полезны, даже жизненно необходимы?

Он бы не стал над этим задумываться, если бы ему не попались старые записи Доктора Фиша, оставшиеся после того,

как того выпустили на поруки. Марк знал, что для Арта Фиша его собственное присутствие в системе не могло остаться незамеченным. Он несколько раз отмечал какую-то дружелюбную вибрацию, приятное эхо или резонанс, но открытого подтверждения пока не последовало. Доктор Фиш не нанес визита к нему на дом, но сам он мог вычислить, в каком приблизительно направлении того искать. И отправиться вслед за ним, что сохранялось в качестве запасного варианта на крайний случай, о котором он особенно не задумывался, пока не пришла последняя весточка от его прежнего тела.

Неожиданно он оказался у себя в яме, глядя Джине в глаза, в тот момент, когда она ухватилась за провода двумя руками, стараясь выдернуть их. Если бы он и впрямь находился там теперь с ней, то мог бы попытаться дать ей понять, что она опоздала, совсем чуть-чуть, но уже опоздала, потому что Большой Удар уже начался у него в мозгу. Он теперь как бы номинально находился вместе с Джиной, обозначая свое присутствие, не более того. Пребывал, так сказать, как несколько последних дней в своем теле.

Что действительно удивило его – насколько явственно читались все ее мысли на лице, причем так было всегда. Он просто никогда раньше этого не видел, никогда не осознавал. Ее желание быть с ним не просто читалось на лице, оно слагало это лицо, источалось из лица; он знал, что Джина думает теперь о Мексике, и что оседлала она его теперь не только потому, что пыталась выполнить его просьбу, но оттого, что желала прильнуть к нему всем телом.

Теперь, когда ее мясо прижималось к его, сама мысль об этом ему была неприятна, даже отвратительна. Такой контакт был совершенно поверхностным и неважным, так терлись бы друг о друга две освежеванные туши на конвейере мясоперерабатывающего комбината. А она этого не понимала. Впервые – прежде она всегда его понимала, или так ему казалось, потому что она успевала его подхватить, когда он оступался и падал. Но, возможно, она понимала только само падение, ничего кроме, а на этот раз он не упал.

Будь у него сердце, оно, наверное, разорвалось бы.

Вот если бы удалось теперь вернуться чуть назад и реактивировать свое тело, если бы мозг не был слишком мал и слишком изношен, чтобы вместить нечто большее, чем простое его присутствие, он бы задержался, чтобы упросить Джину присоединиться к нему в системе, хотя бы на немного, только попробовать, чтобы понять, как сильно плоть разделяла их.

А потом он смотрел на Джину, ощущая внутри себя целую

вселенную знаний из всех уголков системы, где множество баз данных очерчивали всевозможные нюансы человеческого поведения, описывали все эмоции, выговаривали слова всех человеческих языков, рассказывали все на свете истории, – информация, сканированная с несчетных тысяч людей, которая осела в симуляциях, была упакована в отдельные эпизоды, именующиеся «рекламой», «фильмом» или «видео», и в последовательности эпизодов под названием «новости», «ток-шоу», «сериалы». Одной картины недостаточно, чтобы рассказать все на свете истории, но каждая по отдельности рассказывала свою. Теперь все они без исключения сошлись к нему, расширили контекст его понимания, и он вдруг стал смотреть внутрь Джины, а не только на нее.

И от этого великая радость охватила все его существо оттого, что он так глубоко понял ее, хотя она и не была сейчас подключена к сети, пусть даже понимание пришло слишком поздно. Но в следующий же миг он лишился равновесия и полетел вниз с этой вершины понимания, потому что Джины рядом не было и на взаимность рассчитывать не приходилось. Крайняя несправедливость эта уязвила его больнее, чем что-либо прежде во плоти.

Чуть позднее он осознал, что, так сильно переживая, выдает всплеском энергии в видимый вирусу спектр свое местонахождение, снова затаился, сохранив в самой глубине последние мгновения с Джиной (*Портач ты безмозглый;* даже тень его присутствия уловила без труда смысл этих слов) и принялся искать укромное укрытие, которого не мог заметить прежде, на нормальном уровне энергии. Их было несколько, едва заметных, да и то, если только двигаться по определенной траектории и под определенным углом: тогда вход раскрывался, как цветок из бутона.

Так он отыскал «Автоответчик Доктора Фиша» и сразу понял, что именно это ему и нужно, этот выход, найденный самим Доктором Фишем. Но в своем теперешнем состоянии зайти туда он не мог. Не отпуская Джины, он двинулся в обход, повторив саму форму «Автоответчика», и оставил там себя в качестве ожидающего сообщения, как замаскированного бойца.

Придет время, и кто-нибудь его прочитает.

* * *

– Вставай, Сэм, – настойчиво повторил Фец. Она попыталась сфокусировать взгляд на его лице, но Фец тряс ее слишком

сильно.

– Что? Что такое? – спросила она, через силу держа веки открытыми. Казалось, она только что легла.

– Плохая новость, а другая еще хуже. Что-то случилось. Лос-Анджелеса больше нет.

– Когда мы оттуда уезжали, он вроде был на месте, – сонно пробормотала она, и тут до нее дошло. – Подожди. – Она моргнула и отодвинулась. – А другая новость?

– Думаю, мы при этом потеряли и Арта.

Глава 29

Охранник, заменивший секретаршу в вестибюле здания корпорации, не советовал подниматься: лифты не работали, а сотрудники, наоборот, покидали здание.

– Если, конечно, хотите топать пешком шестнадцать этажей – ваше дело, – добавил охранник. – Впрочем, следующая волна народа все равно отбросит вас вниз.

– Ничего, попытаюсь. – Гейб кинул взгляд на мониторы службы безопасности. Все мертвы.

– Наблюдение не работает. На экранах только снег, – отреагировал охранник, подняв портативную рацию. – Вперед, так сказать, в прошлое.

– Вполне возможно, – откликнулся Гейб и двинулся дальше по коридору, нащупывая в кармане ключ от грузового лифта. Скорее всего, тот был занят, вряд ли только он один забыл вернуть ключ, но этот лифт хотя бы управлялся не через компьютерную сеть.

Несмотря на предупреждения охранника, ни в коридоре, ни на лестнице не было ни души, поэтому он без помех смог проникнуть в грузовую камеру. Но от этого ему стало еще больше не по себе.

* * *

Раздвижные двери в комнату отдыха посопротивлялись, но потом поддались и остались стоять раскрытыми, будто их механизм сломался. Гейб постоял в нерешительности на пороге, надеясь, что здесь никого нет, но тут заметил Ле Блан. За тем же столиком, где он сидел в тот день, когда она пришла сообщить, что Джина собирается спрыгнуть с крыши, и в том же положении лицом к экранам. Только вот там на этот раз не было ничего, кроме пульсирующих теней.

Гейб снова уловил на мгновение картинку озера с каменистыми берегами, прежде чем сумел повернуться так, чтобы не смотреть на мониторы.

– Ле Блан, – позвал он ее, медленно подходя ближе. – Бонни, с тобой все в порядке?

Он зашел спереди, держась спиной к экранной стене. Выражение, застывшее на круглом лице Ле Блан, было точь-в-точь таким, как у жертв страшных катастроф, когда они недоуменно смотрят на то место, где раньше была рука или нога, не в силах осознать свою потерю. С глазами у нее тоже что-то было не в порядке: они двигались не совсем слаженно, хотя при виде него все же сфокусировались.

– Ну конечно, кому же еще тут быть, – выговорила она хрипло, с трудом. Потом вздрогнула, моргнула и снова сфокусировала взгляд на Гейбе. – О, боже, Гейб, ведь и ты тоже в это влип? Или, точнее будет сказать, оно в тебя влипло.

Осознание безостановочной пульсации теней на экранах за спиной обострилось почти до боли.

– Думаю, Бонни, так и есть.

– Перемена ради машин. – Она тяжело вздохнула. – Мы все время только и делали, что под них подлаживались. Но это в последний раз. Теперь мы поменялись уже ровно настолько, чтобы машины дальше уже сами делали все перемены по своему выбору.

Он взял ее за руки, чтобы помочь подняться.

– Мы теперь с тобой пойдем к медикам…

– Забудь. – Она отняла руки. – Эта штука в первую очередь заняла медотделение, теперь там все уже тоже переменилось. – Она обеими руками осторожно ощупала свою голову, словно та была из хрупкой скорлупы. – Остается только выйти в контекст. Если сможешь его отыскать. Потому что между контекстом и содержанием пролегает тень. Так ведь? – Лицо Ле Блан скорчилось в гримасе. – Если не совсем, то близко к этому. У меня осталось совсем мало времени. Тень падет, и я упаду вместе с ней. Вот что все это значило, понимаешь? Зачем Вальжан захватил Диншо на платформе. Из-за падения. Это *он* падал вместе с ней. С Джиной. – Она коротко рассмеялась, но глаза ее умоляли. – Если не можешь чего-то поиметь, и оно не танцует – съешь его или выкини вон. Надеюсь, ты умеешь танцевать, Гейб, и если да, лучше танцуй быстрее, потому что вот оно, уже здесь…

Она на мгновение удивленно застыла, затем ее тело скрутило судорогой, и она упала со стула.

– Бонни? – Гейб присел возле нее на корточки и приподнял ей голову. Глаза Ле Блан слепо смотрели прямо перед собой, правый зрачок сузился до точки, а левый расширился почти на всю радужку. Последние два удара, и пульс на виске исчез.

От подкатившей тошноты мир вокруг закачался. Гейб тяжело осел на пол и схватился за голову. Гнезда…

Мысли в голове перемешались, потом что-то забрезжило, но

сконцентрироваться не удалось. Гейб зажмурился, ожидая, что вот-вот что-то произойдет и с ним. Может, это будет похоже на резкий удар ногой или топором по голове или прямо в лицо, между глаз…

Вдруг перед его внутренним взором возникла совершенно ясная картина озера. Он стоял и смотрел, как человек на противоположном, усыпанном галькой, берегу, начинает поворачиваться к нему лицом. Тут его обуял ужас, и в следующий момент перед моргающими глазами Гейба снова предстала безмолвная комната отдыха. Он почти уловил, *кто* это был там, на берегу, но не совсем. Образ исчез слишком быстро.

Ле Блан не двигалась.

– Бонни? – снова позвал он ее. Звук его голоса потонул в ватной тишине. Он заставил себя подняться и подойти к панели срочной связи. Возле (*перемена ради*) компьютеров.

– Охрана! – Он стукнул по панели кулаком. – Медики, кто-нибудь, здесь женщина с травмой. – Он глянул через плечо на Ле Блан, зацепил взглядом и экраны, но тут же отвел глаза, не желая подчинятся завораживающей силе, которая притягивала взгляд туда. – Она травмирована или уже мертва. Может кто-нибудь подняться сюда?

Из динамика над панелью раздался треск помех, но за помехами ему послышался чей-то слабый голос.

– Охрана или медотделение, – громче повторил он и снова ударил по панели. Но на этот раз всего какие-то секунду-две слышались помехи, а потом – тишина.

Гейб посмотрел вверх, будто мог каким-то образом вдруг обрести рентгеновское зрение и проникнуть взором на верхние этажи, на шестнадцатый, где была его яма, и Ле Блан, и Джины, и Марка. Коснулся своего лба: обычная кожа, такая же, как и всегда. Странно, совершенно не чувствуется сидящей внутри бомбы.

Что-то заставило его снова посмотреть на Ле Блан. Возле ее головы на ковре разрасталось темное пятно. Кровь текла у нее из ушей.

Он кинулся прочь из комнаты к грузовому лифту.

* * *

В лифтовом холле наверху стояла такая же мертвая тишина, как и в комнате отдыха внизу, все двери в рабочие ямы закрыты. Гейб нахмурился. Такого быть не должно; замки специально запрограммированы открываться при малейшем сбое в функционировании системы внутри здания. Особые

отказоустойчивые замки, чтобы во время аварии сотрудники не оказались запертыми в ямах.

Переходя от двери к двери, он пробовал каждую, звонил, но никакого отклика не получал и потому не мог понять, был ли там вообще кто или нет. Хорошо бы все они успели скрыться, когда и Ле Блан пыталась отсюда уйти.

В конце коридора дверь в «яму» Марка стояла приоткрытой, и Гейб туда вошел.

* * *

«Как же тяжело», – подумал Гейб, глядя на тело Марка. Если бы он остался в медиа-баре, то не пришлось бы теперь смотреть на все это и слушать болтовню парнишки, который говорил и говорил что-то без умолку, стоя под мигающей время от времени лампой. Какой-то незнакомый совсем парнишка, лет восемнадцати-девятнадцати от силы, слишком молодой, чтобы быть врачом. Может, один из рок-дружков Джины – но нет, для рок-звезды недостаточно чудной. Относительно говоря, конечно.

Парень потряс его за плечо.

– Я спрашиваю, что там происходит, снаружи?

Гейб непонимающе посмотрел на него.

– Мне удалось выйти только на обрывки новостей, прежде чем он, хм, перестал дышать, – сказал парень. – А теперь и это исчезло.

Гейб повернулся к Джине. Пустота в ее глазах пугала еще сильнее, чем вид тела Ле Блан. Или Марка.

– Как там снаружи?.. – он вздохнул. – Скорее всего, так же, как и говорилось в новостях. Только о некоторых фактах там умалчивалось. Я был в медиа-баре и видел, как у одной посетительницы случился удар, и я почти уверен, что ей были имплантированы гнезда, как и Ле Блан там, в комнате отдыха, внизу. Ле Блан мертва. Ее яма на этом этаже, она упала и умерла, и… – Он замолк, глядя на Марка.

Взгляд Джины переместился на парнишку.

– Вырвался, – сказала она.

– Без вариантов, – согласился парень. – Большой Удар.

– Кто вырвался? – спросил Гейб, переводя взгляд с одного на другую. – Какой Большой Удар?

Когда парень снова заговорил, все слова его были вполне понятны, только вот события, описываемые им, скорее напоминали сценарий «Охотников за головами». Если бы он находился сейчас в обществе Марли и Кариты, ему бы легче было

принять идею, что это несчастное тело, скорчившееся тут на полу, смогло послать случившийся в мозгу инсульт наружу, в сеть…

– И теперь нам нужно сделать вот что, – говорил парень, заталкивая хвосты в отделение снизу ноутбука, – нам нужно собрать тут столько незараженного железа и софта, сколько сможем унести, и двигать отсюда. Подальше от центра города.

– Может, его уже и не осталось, – медленно проговорил Гейб. – Незараженного железа.

– Этот же есть.

– Каким образом? Он же у тебя был подключен, – и Гейб махнул в сторону консоли.

– Слыхал когда-нибудь о программе-невидимке? – Паренек устало улыбнулся. – Это обводной цикл, скрещенный с зеркалом. С ее помощью можно проникнуть куда хочешь, замаскировавшись под любую информацию из проверенного источника. Я воспользовался стандартным протоколом соединения, потому что пытался отключить Марка, прежде чем он вылетит в трубу, но слишком много оказалось помех. Я только смог докопаться до программы, но он ее сам заблокировал, и никакой реакции я не добился. Но с вирусом контакта не было. Обводной цикл скрывал источник дополнительных данных на входе – *моих* данных – а «зеркало» заставило принять их за его собственную резервную копию. – Парень посмотрел на Джину. – Все равно это долго бы не продержалось. Через некоторое время вирус занялся бы сверкой цифр…

Свет снова мигнул и больше мигать не прекращал.

– Если он вырубит энергию… – начал было Гейб.

Но парень затряс головой.

– Нет, не вырубит. Просто забавляется. Пробует силы. Знает: если вырубит энергию здесь, то погибнет. – Его глаза сузились. – Ты сегодня выходил в сеть?

Гейб глянул на Джину.

– Нет.

– Хорошо. Значит и у тебя железо не заражено. Пойдем, заберем все, что у тебя там есть – железо, софт, все.

– У меня там такая же консоль, как эта, – возразил Гейб. – Если даже удастся выкорчевать, нам ее не унести.

– Я бы не был на твоем месте так уверен, – сказал парнишка, направляясь к лестнице. – Там вполне может оказаться еще ноутбук, о котором ты не подозреваешь. Да пойдем же. Нужно двигаться.

* * *

У Гейба в яме парень вскрыл консоль и отогнул ее корпус, под которым обнаружился ноутбук, сидевший, как паук, в окружении довольно неказистой периферии. Отсоединив ноутбук, парень вытащил его наружу.

– Консоль – сплошная видимость, – заметил он, как если бы ничего особенного не происходило. – Выглядит, будто едешь на роскошном «Роллс-Ройсе», а на деле – одна бутафория, наведенная, когда все это монтировали. Да и вообще, нет теперь ничего такого, что бы портативные модели с хорошими коннекторами не смогли бы сделать даже лучше больших. – Парень быстро осмотрел периферию. – Все пригодится. И еще виртукостюм со шлемом.

Он заметил свернутый плащ, оставленный Гейбом рядом со столом, и быстро расстелил его на полу.

– Погоди, – сказал Гейб, глядя, как парень складывает все посередине расстеленной ткани. – Остальные ямы. Я хочу, чтобы их открыли.

Парень остановился и пристально на него посмотрел.

– Не думаю, чтобы ты действительно этого хотел, но я ведь уже пообещал, верно? Теперь, как насчет софта? Сохранилось ли у тебя что-нибудь на чипах из программы с теми женщинами, Марли и Каритой из «Охотников за головами»? Хоть что-нибудь?

У Гейба отвисла челюсть.

– Я узнал тебя сразу, как только ты вошел, – самодовольно улыбнулся парнишка. – По голосу. Ну, давай, у тебя должен быть загашник. Сейчас все может оказаться кстати.

Гейб неохотно извлек из-под стола маленький сейф и быстро распихал чипы по карманам.

Парень стянул углы плаща, закинул узел за плечо и начал подниматься по лестнице к двери, где их поджидала Джина. Гейб за ним.

– Что ты, черт тебя подери, собираешься делать с этой гадостью?

Она попятилась в коридор, с отвращением глядя на плащ.

– Сейчас пойдем, пограбим твою яму, а потом… – Парень остановился и обернулся к Гейбу. – Слушай, ты что, пешком сюда дотопал снизу? Лифты все вырубились, когда я только начал спускаться.

Гейб покачал головой.

– Нет, поднялся на грузовом лифте. Он без электроники.

– Супер, – парень значительно повеселел. – Так мы и выберемся. Где твоя яма? – обратился он к Джине.

Она мотнула головой в сторону двери.

– Грабь все, что хочешь, только шевелись.

– Код доступа? – спросил он, указывая на придверную панель. Джина быстро набрала последовательность цифр, но ничего не произошло.

– Еще одна программа отдыхает. Ну и ладно.

Он опустил свой узел на пол, достал столовый нож и поддел им панель. Потом засунул внутрь руку, обмотал провода вокруг пальцев и рывком выдернул. Замок отщелкнулся, в двери появилась щель.

– Это мы называем «хачить по-луддитски». – Закинув узел снова на плечо, он зашел внутрь.

Гейб уставился на бывшую панель. Н-да, хакер-луддит. Потом повернулся и подошел к двери рядом. Яма Диншо. Покопавшись в карманах, он ничего подходящего там не нашел, кроме нескольких монеток. *Поменять для машины?*

– Попробуй этим. – Раздался щелчок, и прямо перед носом выскочило лезвие складного ножа. Джина подбросила его в руке и протянула Гейбу рукояткой вперед.

– Спасибо, – еле слышно выговорил он. Она не ответила; глаза – как две черные дыры. Хотя бы, слава Богу, зрачки одинакового размера. От этой мысли ему стало совсем не по себе. Захотелось обнять ее, но по виду Джины было ясно: попытайся он – и она отступит, будет отходить все дальше и дальше, пока расстояние между ними не увеличится настолько, что его уже не преодолеешь за всю жизнь.

«Как поэтично, – иронизируя над собой, подумал Гейб, когда брал у нее нож, – до чего поэтично, полно трагизма и всей прочей старомодной дребедени. Если бы она только знала, до чего ты насыщен этой поэтичной дребеденью, она, конечно, тут же позабыла бы, что любимого человека только что хватил удар, отчего он и умер, когда кровь хлынула у него носом».

Отделив панель, Гейб вырвал провода и протолкнулся в дверь.

Диншо висела над своей консолью. Петля была наскоро сооружена из сбруи для полетов. Из головы Эмили вились коннекторы, другим концом вырвавшиеся из консоли и все еще слегка покачивавшиеся.

«Оборудование оказалось менее прочным, чем ее череп», – медленно проплыла у него в мозгу мысль, придавив своим весом. Кто-то снова пытался вытащить его в коридор. Гейб застрял в дверях и стукнул по панели срочной связи:

– Охрана! Здесь убили человека!

Но из динамика на этот раз не донеслось в ответ ни звука, даже помех.

Джина все же вытащила его в коридор и пыталась ему что-то

сказать. Но он вырвался и подошел к двери напротив. К яме Шуэта.

Шуэт, видимо, пытался прервать соединение, разрушив консоль. Ножка стула, которым он для этого воспользовался, застряла в разбитом мониторе, и Гейб отстраненно, каким-то участком своего сознания подумал, не замкнул ли Шуэт таким образом электрическую цепь на себя. Перед глазами у него помутилось, и он начал пятиться, не в силах заставить себя спуститься и проверить, не подает ли еще человек, лежащий вниз лицом в нескольких футах от консоли, каких-то признаков жизни, несмотря на резкий запах паленой плоти.

Следующая яма была пуста, на мгновение он этому порадовался, но тут вспомнил, что она принадлежала Ле Блан.

Силквуд сидел у консоли спиной к двери. Гейб быстро съехал по перилам и подбежал к нему. Уже дотронувшись до спинки его кресла, он заметил, что провода по-прежнему тянутся к его голове, но за это мгновение успел повернуть кресло к себе.

У Силквуда совсем немного крови вытекло из глаз и носа. Большая часть крови натекла из его все еще набитого рта и рук, лежащих на коленях. Их с трудом можно было назвать теперь руками; Гейб заметил следы зубов там, где Силквуд начал грызть свои кисти и предплечья.

А затем в нос ему ударил запах крови, густой, с металлическим медным привкусом, – с колен Силквуда, с кресла и из-под стола, где кровь собралась озерком.

Озерко… озеро…

В ушах у Гейба зазвенело, перед глазами поплыли темные пятна.

Но через некоторое время он снова оказался в коридоре, и кто-то прижимал его голову вниз, к коленям. Он попытался выпрямиться, но сильная рука снова заставила его опустить голову. Темнокожая рука, наверное, Кариты, вяло подумал он. Карита заботилась о нем, пока Марли отправилась на разведку, чтобы никакие охотники за головами не напали на них из засады. Коста рассказывал, что из пытавшихся отсюда бежать кое-кто умирал от старости. Марли с Каритой ему не поверили, но он – вполне, потому что Коста совсем не склонен был преувеличивать, тем более, что он и сам чуть не умер от старости в попытках отсюда выбраться; точнее ничего сказать было нельзя, потому что был задан режим случайного поиска, и он не знал, погибнет ли в конце или нет, отчего теперь перспектива умереть от старости в Доме охотников за головами выглядела куда привлекательнее всех прочих способов, которыми тут могли прервать его жизнь…

Кто-то приподнял его голову за подбородок, и он почти нос к

носу увидел перед собой Джину. Гейб нахмурился. Ну вот, опять, проклятье, никак не может сосредоточиться и перестать включать ее образ в свои симуляции…

Джина выпрямилась, и Гейб заметил у нее за спиной того парнишку с испуганным побелевшим лицом.

– Говорил же я, что вряд ли ты захочешь это видеть, – сказал парнишка.

– Ну как, будешь продолжать путешествие по стране мертвых? – Джина подняла его за грудки на ноги. – Или все же хочешь выбраться отсюда, к чертовой матери?

– Где тот грузовой лифт, на котором ты приехал? – спросил парень.

– Вниз по коридору, через лифтовый холл, потом еще через один коридор. Я должен вам показать.

Джина обхватила его за талию и подставила свое плечо, когда они двинулись дальше по коридору, хотя ноги у него больше не подкашивались и он вполне мог идти сам. «Пусть, – подумал он. – Если только так и можно ее обнять». Ощущение было даже слишком приятным. В памяти всплыло воспоминание о единственной ночи, когда они были вместе, а наутро проснулись так уютно свернувшиеся друг у друга в объятиях, словно там, в квартире у Марка, в темноте, он обрел, наконец, свой дом.

Когда они миновали следующий коридор почти наполовину, Джина вдруг остановилась как вкопанная, и он чуть не упал.

– В чем дело? – спросил парнишка.

Джина указала на одну из дверей, ведущую не в яму, а в кабинет; на ней элегантными черными буквами значилось: «Мэнни Ривера». Она отодвинулась от Гейба и направилась к двери.

«Что не так с этой картинкой?» – дико заметался у него в голове вопрос. По непонятной причине вновь возник образ озера с каменистыми берегами, но он усилием воли отогнал его и потянулся к ней.

– Джина…

Она бросила на него короткий взгляд, прежде чем толкнула дверь и ступила внутрь.

– Ривера, дерьмец поганый! Знаешь ли ты, что кругом творится?

Гейб зашел следом за ней и остановился. Мэнни сидел за столом и улыбался неопределенной улыбкой. Кровь хлынула у него из глаз, носа и рта, залив белоснежную немнущуюся рубашку на груди, и теперь каплями стекала по мягкой ткани пиджака, пошитого по специальной мерке.

– Вот дерьмец, – прошептала Джина.

У стола, стоявшего возле окна, кто-то пошевелился. Там сидел Ударник с таким озадаченным видом, будто его оглушили, а он все не может сообразить, падать ему или нет.

– У меня была назначена с ним встреча по поводу моего увольнения, – будничным тоном проинформировал Ударник. – Мы собирались отправиться на ланч, где он и должен мне был это сообщить. Когда он впустил меня сюда, то уже был подсоединен и заявил, что не может мне простить, что я зарыл свой топор и превратил его в офисный стол. После чего у него начала идти кровь.

Гейб осторожно, почти на цыпочках, двинулся в обход стола. Все коннекторы были по-прежнему в гнездах у Мэнни в голове и, если не считать пятен крови, на столе царил образцовый порядок. Все по-деловому. На сегодня: *уволить Ударника; после ланча истечь кровью и, возможно, умереть.* И все до звонка.

Он тронул Мэнни за плечо, ожидая, что тот может упасть с кресла. Вместо этого Мэнни неожиданно повернулся к нему, заставив его отскочить.

– Ну, дерьмец, – крикнула Джина, которая в мгновение ока оказалась рядом со столом. – Знаешь ли ты, что ты натворил, задница поганая …

И тут Мэнни прыгнул к ней, схватил за горло и прижал к столу – прежде, чем Гейб успел хотя бы уловить его движение. А когда Гейб ринулся на выручку, Мэнни, не оглядываясь, саданул его локтем в лицо.

Боль была такой острой и всеобъемлющей, что он совершенно потонул в этом ощущении. Смутно слышались проклятия отчаянно сопротивлявшейся Джины, возглас парнишки, глухой стук двух упавших тел. Он перекатился на живот, из носа хлынула кровь. Гейб попытался зажать его обеими руками, неуклюже встал на колени и посмотрел вверх.

Сквозь выступившие на глазах слезы он увидел, что Мэнни прижал Джину к столешнице и держит что-то у нее над лицом. Один из проводников из своей головы, понял Гейб, и тут до него дошло, чего тот хотел.

Цепляясь за стол, он поднялся на ноги.

– Мэнни, – позвал он.

– Не Мэнни, а Марк, – сказал Ударник, тоже поднимаясь с пола в том месте, куда отлетел вместе с парнишкой.

– Не совсем, – поправил Мэнни, – но теперь, думаю, больше, чем раньше. И уже не полный безмозглый портач тоже, Джина. – Мэнни улыбнулся несколько отстраненной улыбкой Видео-Марка. Гейб мигнул, пытаясь побороть прилив дурноты. Смотреть на это было еще страшнее, чем на Силквуда – выражение Марка на лице

Мэнни. Как будто бы Мэнни пытался сымитировать Марка и странным образом застрял в этой имитации. Симулируя Марка.

Джина перестала сопротивляться и просто смотрела на Мэнни, по-прежнему держащего провод у ее головы.

– Вся проблема в том, что это не абстрактная идея, а удар. Или, возможно, этот удар – лишь вариация Матери-Природы на тему идеи зла. Точнее, не просто зла. Коррупции. Теперь все к одному, что рок-н-ролл, что большой бизнес. Вот бизнес теперь и помечен Марком, а вместе их обоих поимели. Как и должно быть. Правда, Джина? Если нельзя что-то поиметь, и оно не танцует – съешь его или выкини вон?

Взгляд его переместился на Гейба, и выражение лица изменилось на не разбавленное ничем высокомерие Мэнни. У Гейба опять внутри все перевернулось. Он не мог даже вздохнуть.

Кулак Джины стремительно выстрелил вверх, и Мэнни, пошатнувшись, рухнул у большого экрана, занимавшего почти всю заднюю стену кабинета. Экран при этом ярко засветился. Спотыкаясь, Гейб двинулся к столу, где столкнулся с Джиной.

– Бери парнишку, и уходим, – сказала она, подтолкнув его к двери. Он шагнул было к парню, но тут увидел, что показывает экран.

Там не было этих жутких пульсирующих теней, там было озеро с усыпанными галькой берегами. Картина постепенно смещалась вдоль берега и через какие-то секунды, Гейб знал, должна была достичь застывшей там фигуры. Он хотел отвернуться, не желая видеть этого человека, не желая понимать, кто это такой, но тело будто сковало. Образ на экране зацепился за тот, который хранился в его памяти, ибо им было предназначено соединиться, слиться воедино, потому что они были единым…

Экран вдруг погас, Гейб тут же пришел в себя и почувствовал, что кровь все еще капает из его расквашенного носа.

– Я сказала, бери парня, и пошли отсюда, – Джина стояла над Мэнни, держа в руках провода, которые выдернула из системы. Вырванные провода напоминали скрюченные лапы какого-то насекомого. Она бросила их на пол. – Ты сам говорил: череп крепче оборудования. – Она посмотрела на парнишку, который теперь поднимался с пола, потирая затылок. – Мы должны были сами до этого раньше додуматься, попытаться вырвать провода из системы, а не из него.

– Джина, – начал Ударник.

– Заткнись, и все. Хотите вы отсюда выбраться или нет?

Тут свет еще раз мигнул, что-то зажужжало и стало темно.

* * *

Слабый предзакатный свет, проникающий через окно, наполнил комнату тенями. Мозг Гейба автоматически представил, что они запульсировали. Он с силой потер кулаками глаза и несколько раз моргнул. Пульсация не исчезла.

– Да, со мной то же самое. – Джина мрачно поглядела на него, а потом перевела взгляд на парнишку и передразнила его: – «Он не вырубит ток».

– Он его и не вырубил, – возразил тот, правда, не очень уверенно. – Только свет.

– Найдите мне что-нибудь горючее, – сказала Джина, осматриваясь по сторонам. – В этих поганых коридорах теперь будет хоть глаз выколи.

– Не совсем. – Гейб указал вниз. Светящиеся голубые полоски шли вдоль плинтусов. – Они есть по всему зданию. Света хватит часов на пять, может, чуть дольше.

– По мне, куда лучше бы найти фонарик.

Джина принялась шарить в ящиках стола Мэнни.

– Вряд ли… – начал Гейб, но тут Джина нашла переносную видеокамеру. При включении узкий, очень яркий луч света вырвался из источника над объективом и заплясал по стенам. Гейб пожал плечами. – Отлично. Так и я себя лучше чувствую. Пойдем.

Держа Джину за руку, он направился сквозь пульсирующие тени в лифтовый холл. С первых шагов стало ясно, что находка Джины была большой удачей. Синеватое свечение полосок на полу было слишком тревожным, слишком напоминало дешевые сценарии «Дома охотников за головами».

– Расслабься чуток, – прошептала Джина, высвобождая свою руку. – Ты мне так все кости переломаешь.

– Грузовой лифт, – настойчиво напомнил парнишка.

Гейб посмотрел вправо, потом влево. Он вдруг совершенно потерял ориентацию в этой синеватой пустоте. Даже здесь поле зрения постепенно заполняли сгустки темноты и слишком уже хорошо знакомая пульсация. Он старался их как-нибудь отогнать, но они были повсюду, куда он ни переводил взгляд. Он изо всех сил зажмурил глаза, но и за закрытыми веками они продолжали настойчиво, гипнотически пульсировать, вызывая глубоко заложенный у него в мозгу образ озера под затянутым облаками небом, озера с каменистыми берегами…

– Сюда, Людовик. Посмотри сюда! Сейчас же!

Он повернулся на голос Джины, и в глаза ему ударил слепящий луч камеры. До рези, но это было даже приятно.

Наклон луча изменился, и теперь, моргая в попытках избавиться от следовых образов на сетчатке, Гейб мог различить лицо Джины, частично высвеченное из темноты этим лучом.

– Ну как, теперь в порядке? – спросила она.

Гейб снова моргнул. Следовые образы не исчезли, но ни одной пульсирующей тени не осталось.

– Да, – пораженно ответил он. – А как ты…

Она мрачно хмыкнула.

– По тебе сразу видать, что жил только в чистых домах. Нечисть всегда разбегается по норам, стоит включить свет. Ну, и где же твой чертов лифт?

Она подкрутила что-то на камере, луч расширился и осветил весь коридор впереди.

– Вон там, – указал он направление, и Джина потащила его за собой, держа камеру на плече. – За углом, в дальнем конце холла.

Они завернули за угол и остановились как вкопанные, отчего шедшие сзади Ударник с парнишкой натолкнулись на них, едва не выбив камеру из рук Джины. Посреди холла кто-то сидел.

Он поднял руку, загораживаясь от света.

– Эй, сейчас или слишком поздно, или слишком рано для такой иллюминации.

Голос принадлежал Клуни, но интонации – Марку. Гейб ощутил, как Джина напряглась, потом опустила камеру с плеча на уровень груди, держа ее обеими руками.

– Что ж. – Клуни поднялся на ноги, все еще заслоняясь от света. – Старые привычки прилипчивы, верно, Джина? Перемена ради, ну, знаешь, машин. Если что-то нельзя поиметь, и оно не танцует, съешь его или выкини вон. А еще отправляться на поиски Марка. Это твое, верно – искать Марка? А теперь выходит так, что даже если его и не ищешь, все равно идешь на поиски. И находишь его.

Клуни сделал несколько шаркающих шагов им навстречу, и улыбка на его лице уже была не совсем рассеянной. Из-под нее проступало нечто новое: жесткая решимость. «А может быть, и не так уж новое», – подумал Гейб. Его удивление переросло в страх. Вероятно, эта жесткость всегда там крылась, и улыбка была нужна именно для того, чтобы замаскировать то, что под ней.

– Теперь ты сможешь отыскать его повсюду, куда ни пойдешь, – продолжал Клуни. – Ты же всегда этого хотела. Вне зависимости от того, знала ты это или нет. Не знала, верно? Да, это нелегко признать, не в твоем это духе, Джина. Ты все готова высмеять, вскрыть или сломать. Но от этого ничего не меняется, и меньше всего – ты сама. А я хочу тебя. Я *хочу* тебя.

Он подошел теперь к ней на расстояние вытянутой руки, и

тогда она изо всей силы ударила его камерой по лицу. Клуни пошатнулся, ударился об стену и упал лицом вниз.

Парнишка было дернулся к нему, но Джина его остановила.

– По мне, он выглядит нормально. *Пойдем.*

Будто по сговору, все кинулись к дверям лифта, по-прежнему широко раскрытым, как Гейб их и оставил. «А может, просто стремились скорее убежать подальше от тела Клуни», – подумал Гейб, пока Джина, втолкнув его в лифт, светила камерой в пустой холл у них за спиной. Никого, кроме Клуни, который больше не шевелился. Гейб отвернулся, не желая смотреть, как кровь течет у того из ушей, и встретился глазами с парнишкой, который, чуть нахмурившись, мотнул головой в сторону Джины.

Гейб пожал плечами и слегка тронул ее за руку.

– Что там? – спросил он. – Чего ты ищешь?

Она раздраженно сбросила его руку.

– В чем дело, вы оглохли, что ли? – Она отвернулась от коридора и прислонилась к стенке лифта. – Поехали вниз.

– Погодите, – сказал Ударник, глядя на них. – Если такое случилось с Риверой и с этим типом, то что с остальными? Во всех этих ямах?

– Ты не захочешь этого знать, – ответил ему парнишка, закрывая двери. – И никто из нас тоже.

Он некоторое время разглядывал контрольную панель, а потом нажал на кнопку первого этажа.

Молча они доехали вниз и через запасной вход вышли в хаос того, что прежде было городом.

Глава 30

Через несколько часов после исчезновения Арта, вооружившись ручными сканерами, Сэм с Розой пробирались через человеческие отбросы под пирсом Хермоза, прихватив парочку юных ямайцев в качестве телохранителей. Кадры вовсю источали ароматы, а ребята-телохранители явно скучали. Гатор пообещала в виде платы украсить их татуировками, и им не терпелось получить обещанное. Интересно, что она собиралась на них изобразить: обычный рисунок или специальный дизайн от Арта Фиша? Нет, скорее всего, обычный, потому что Гатор уничтожила все распечатки от Арта. Так безопаснее, по ее словам. «Кто угодно может стянуть полоску бумаги, но чтобы до моих татуировок добраться, нужно завладеть одним из моих особых сканеров». Но как вообще можно делить на части то, чем являлся Арт? От этого голова шла кругом.

Розу, похоже, абстрактные соображения не заботили, ее в основном доставал стоящий под пирсом запах. Сэм и сама не отказалась бы от противогаза, но такой роскоши, как и предметов личной гигиены, на Мимозе днем с огнем было не сыскать.

Она отсканирована тщательно вырисованную паутину на спине худого мужчины, который, казалось, большую часть времени вообще не обращал на нее никакого внимания. По крайней мере, не сопротивлялся и не пытался проявить дружелюбие. Большинство кадров были безучастны, лишь некоторые проявляли слабое любопытство. Файлы, ничего больше, хранилища информации. Интересно, что хранит этот: чувство юмора Арта, или его склонность к позерству, или набор ассоциаций, позволяющих тому осознавать себя? ИИ, зашифрованный в татуировках. Или, возможно, более подходящим словом было переведенный в них.

Она как раз закончила сканировать паутину, когда сканер размером с электробритву пискнул, сигнализируя, что буфер памяти заполнен. Роза обернулась к ней, оторвавшись от полуабстрактного узора из перьев, покрывавшего всю тощую руку кадра.

– У меня осталось место еще для одного маленького, – сказала она. – Сейчас закончу, и вместе пойдем назад.

Сэм кивнула, бросив взгляд на ближайшего к ней

телохранителя, который стоял, прислонившись к свае. Лет пятнадцати, может, шестнадцати, с бритой головой, одет в обычный черный прикид из искусственной кожи, на шее – цепи и ожерелье из зубов. По всей видимости, его собственных, потому что рот у него совсем ввалился. Второй, следовавший в пяти шагах за Розой, мало чем отличался по внешнему виду, только все зубы у него были на месте, а бритую голову украшали переводные секс-порно картинки.

– Убери этот свой хобот! Это *мое*, его у меня не отнять!

Присевшая на корточки Роза застыла, когда увидела лезвие ножа прямо перед своим носом. На тыльной стороне кисти, державшей нож, отчетливо различалась снежинка, которую она и собиралась отсканировать. Сэм успела заметить длинные прямые лоснящиеся волосы кадра и профиль со сломанным носом, прежде чем вмешались ямайцы. Взметнулся вихрь песка и какого-то тряпья, и вот уже один телохранитель прижал кадру коленом шею сзади и вывернул ему руку, а другой ямаец, с картинками на голове, уже без всякого труда отобрал острый нож и, сложив, сунул себе в карман. Потом взял угрожавшую Розе руку покрепче и деловито заметил:

– Проще отломать ее и забрать с собой.

– Нет, мне… э-э… и так много всего нести, – заикаясь, поспешила отказаться Роза. Она быстро провела сканером по рисунку. – Вот, все, пошли, – сказала она, бросив отчаянный взгляд на Сэм. Та пожала плечами. Она не могла припомнить, чтобы дела когда-либо шли страннее.

* * *

В танцзале бывшей гостиницы кипела деятельность: под руководством Перси импозантная установка превращалась в Серьезную Машину. Когда девушки вошли, Перси кивнул им, ни на секунду не прекращая отдавать малопонятные непосвященным инструкции группке ребят моложе него самого, вооруженных видеокамерами, с которых было снято почти все лишнее, до голого объектива с микрочипом.

У одной из стен Джасм с помощью Адриана методично разбирала своего техно-гомункулуса и рассортировывала компоненты по кучкам. Несколько человек под руководством Кейзина облепили стену с экранами и подсоединяли к ней новые провода. Фец сидел по-турецки на полу немного поодаль, с ноутбуком Гатор на коленях, не обращая внимания на суету вокруг. Было видно, что он добавил свое оборудование к большой

системе и – вдруг сложилось у Сэм в голове – возможно, собирался добавить к ней еще и самого себя.

– *Prima*, – сказала материализовавшаяся перед Сэм Гатор. – Когда Грациэлла с Рицем вернутся, будет полный комплект. Всем выносится благодарность за доблестный труд.

Она забрала у них сканеры и отнесла к себе на рабочий островок, составленный из разнокалиберных ящиков в центре зала. Монитор у нее был такой же раздетый, как и камеры у команды Перси.

– Надеюсь, вы зацепили что-нибудь. – Роза указала на монитор, где мелькали смонтированные в быстром темпе кадры новостных программ и виды Лос-Анджелеса.

– Да, зацепили некую реальность, только вот какую? – Гатор подключила сканеры к компьютеру и вздохнула, печально улыбнувшись. – Там явно полный коллапс. Мне удалось подключиться к новостному узлу Феникса, но они дают все довольно отрывочно. Получили немного метража со спутников, прежде чем они прекратили доступ на свои приемники. Остается только надеяться, что, в таком случае, они не заражены, если смогли прекратить доступ. – Она кивнула на монитор и продолжила. – Из плохих новостей: дело не ограничивается одним Лос-Анджелесом. Самая свежая информация уже часовой давности. Но у меня есть знакомые на ранчо в Санта-Фе. Если удастся связаться с ними, они смогут открыть незараженную линию через Феникс на Аламеду. Узел Аламеды – настоящая мышеловка, начиненная отслеживающими программами. Бывшие хакеры постарались. Но я ставлю на тебя. – Она вопросительно посмотрела на Сэм. – Давай, куколка, нам это как воздух нужно.

Сэм кивнула.

– Могу, конечно, попытаться. Что еще нам на теперешний момент известно?

– Ну что ж, вся область от Ломпока на севере и Барстоу на востоке до самого Сан-Диего и Чула-Висты на юге превратилась в дымящийся кратер электронного вулкана. – Гатор перешла к расстеленному на перевернутом мусорном баке большому помятому листу бумаги. Это была набросанная от руки карта мира с контурами континентов, границами некоторых стран, испещренная звездочками и ноликами. – Работа Адриана. Парень не может читать, зато образно-пространственная память у него первоклассная. Давайте смотреть. Сан-Хосе поражен, но Санта-Крус – нет. Связаться с ними не удается, будто они под каким-то колпаком. Одно время работало радио, но теперь и оно отрубилось.

– Повсюду? – спросила Сэм.

Гатор пожала плечами.

– Ну, пожалуй, по переносным рациям еще можно общаться отсюда с кем-то неподалеку, скажем – на Мимозе, но все частоты глушатся. Что еще… Мексика тоже поражена, с самой пограничной Тихуаны, причем зона продолжает распространяться к югу. Сакраменто и Сиэтл отключились почти одновременно. Из Токио сообщают, что у них есть отдельные очаги, но эпидемии не наблюдается. Пока, по крайней мере. Гавайи получили свою дозу через Бангкок, а не от нас…

– Почему через Бангкок? – переспросила Роза.

– Почем я знаю. К тому же, столица остается единственным очагом в Таиланде. Лондон полностью охвачен, но Брайтон нет. Глазго – пятнами, скорее всего, скоро тоже будет потерян. Зараза пересекла Ла Манш и вгрызлась во Францию по двум направлениям: на восток и на юг, через Испанию в Алжир. Примерно в это время я отослала Адриана помогать Джасм. И за тем, что у нас происходит, не так-то легко уследить. Феникс в порядке и, думаю, удержится, но Флагстаф мы уже потеряли. В Лас-Вегасе все закрылось.

– Даже почти смешно, – сказала Сэм.

– Да уж. – Гатор помрачнела. – Прежде чем радиосвязь прервалась окончательно, удалось получить сообщение из Феникса на коротких волнах. Там говорилось об авиакатастрофах в Бостоне и Нью-Йорке – пилоты с гнездами, подключенные к зараженным бортовым компьютерам.

– Боже, – сказала Роза.

– Хуже того, – продолжила Гатор, – у людей головы просто взрываются.

У Сэм внутри все сжалось.

– Что ты имеешь в виду?

– В одной из клиник репортер делал какую-то передачу о медиа-знаменитостях или кто его там теперь знает. И вот все, кто был подключен во время удара, сошли с ума, умирали в мучениях. – Гатор снова пожала плечами. – Этот репортер оказался вблизи терминала загрузки на спутник и успел отправить материал до того, как прекратились все передачи. Жуть что творилось.

У Сэм подогнулись колени. Не в силах больше стоять, она опустилась на какой-то ящик.

– Гейб. Мой отец. Он работает в «Диверсификации» и, скорее всего, там и сегодня.

– Но точно ведь ты не знаешь, верно? – Роза присела рядом с ней на корточки и обняла за плечи. – Ты ведь мне сама говорила, что он ненавидит свою работу. Может, он не был подключен или

сказался больным…

Сэм медленно покачала головой.

– Он делал новую вещь для «Пара-Версал». Чертов «Последний Цеппелин». И должен был как раз сегодня над ним работать.

Гатор смотрела на нее с болью.

– Плохо. Потому что, судя по всему, «Диверсификация» и была источником всего этого. Мне очень жаль.

– Ничего, – ответила Сэм. – Рано или поздно, так или иначе, я бы все равно узнала. – Она сделала глубокий вдох и подняла взгляд на Гатор. – Так ты говоришь, надо установить связь с Санта-Фе?

Гатор покачала головой. Сэм встала.

– С радостью займусь, – сказала она, – потому что мне очень, очень не хочется опять тащиться под пирс со сканером.

– Давай, – отозвалась Гатор. – Как только решишь приступать, скачай спецификации из моей системы. – Она порывисто и крепко обняла Сэм, та уткнулась лицом в плечо Гатор и постояла так несколько мгновений, прежде чем уйти.

* * *

Теперь, когда Арт исчез, сеть – или то, что от нее осталось – сильно изменилась: стала работать медленнее, реагировать не так активно. Почти как обычная общественная сеть, а не та заповедная область, которой пользовались хакеры.

Склонившись к ноутбуку, Сэм старалась сконцентрироваться на своей задаче. Отдаться ей полностью было даже облегчением, потому что тогда в сознании не оставалось места ни для чего другого. Прежде, несколько жизней назад, она ничего другого бы и не желала. Но тогда и заботы другой, кроме того, на сколько задержаться в Озарках и в какую еще систему проникнуть, у нее не было. Она всегда любила искать обходные пути, но с таким всепожирающим вирусом столкнулась впервые.

Этот вирус обладал трехмерным восприятием, поэтому ей приходилось постоянно сдвигать свою защиту с помощью сложного цикла, который со стороны казался набором случайных действий. Сэм старалась не задумываться, не имеет ли она дела с остаточными признаками личности Арта. Ведь и его можно было обмануть, как любого другого.

Следующие два часа ушли на то, чтобы приспособиться к этому ритму. В результате она достигла такой стадии, когда ей удавалось незамеченной войти в сеть в любой точке, но

приходилось сидеть там, не шелохнувшись.

Что ж, если нельзя пройти по полу, попробуем по потолку. Если и там не выходит – то по стенам, а если и *по* стенам проблематично, остается двигаться *внутри* них, в зашифрованном виде. Квинтэссенция хакерства.

Пусть и квинт, но уж очень медленно. Еще через несколько часов Сэм, наконец, попала в ритм виртуальных вибраций, своего рода музыкальных каденций. Нормальную связь так поддерживать было невозможно, удавалось только отсылать импульсно короткие сообщения. Но отсылать и получать новости становилось вполне вероятным. Сэм улыбнулась. При ходьбе внутри стен, где, к тому же, попадались черные дыры, не вредно было притвориться чем-то, чьего существования черная дыра просто бы не зарегистрировала.

Она распрямилась, встала и отправилась искать Гатор.

* * *

Фец с Гатор сидели на полу, склонившись над ноутбуком Гатор, который теперь был подсоединен к системе рабочего островка. Время от времени на почти голом мониторе на короткий миг возникало застывшее изображение лица Арта.

– Это должно сработать, – устало произнес Фец.

– …время, – донесся до Сэм тихий ответ Гатор. – Он не появлялся весь день, поэтому вряд ли за одну ночь удастся его вернуть.

Стоя в нескольких футах позади них, Сэм хотела было дать о себе знать, позвать их, ведь они будут рады ее приходу; Гатор наверняка не терпится услышать, что Сэм, наконец, обеспечила им чистую линию связи. Она даже, наверно, захочет немедленно отправить сообщение в Санта-Фе.

Голова Гатор склонилась Фецу на плечо, и он обнял ее за плечи.

– …устала, – пробормотала Гатор.

– Тогда пойдем домой, ляжем спать.

Когда они встали и направились к выходу, Сэм пригнулась и спряталась за кучей мусора.

Там она и сидела, обхватив колени, еще некоторое время. А потом, без долгих размышлений, направилась к рабочему островку Гатор. Система работала, хотя экран был пуст. *Арт, здесь ли ты? Где-нибудь? Каким-то образом?*

Рука нащупала лежащий в кармане инжектор. С тех пор, как давным-давно, в квартире у Феца, они с Розой пристыдили ее,

Сэм ни разу не пользовалась своим приспособлением. Что, по существу, было совершенно бессмысленной тратой усилий, пошедших на то, чтобы это украсть.

Ей подумалось: не из-за того ли Фец возражал против использования переделанного инжектора, что он был украден? Скорее всего. Несмотря на все его заявления о свободе информации, по сути, он был консерватором. Сэм могла заявить, что добыла схему, хакнув или выудив ее из системы, но для Феца она была украдена, о чем он прямо и говорил. Можно подумать, что сам никогда в жизни ничего не крал.

«А что, – подумала Сэм, – может, и так». Он проводил в сети много времени и без труда мог проникнуть в любой ее уголок, но она ни разу не слышала, чтобы он забирался в систему частной компании. Его интересовала, прежде всего, система в целом.

Но даже если посмотреть на дело с этой точки зрения, она ведь не с концами украла схему у «Диверсификации» – та по прежнему ею обладала; не собиралась Сэм ни основать на этом свой бизнес, ни загнать схему конкурентам за цену, равную ее весу в чипах на предъявителя (а то и двойному весу). Ей просто хотелось скопировать устройство для себя, чтобы с ним поработать и усовершенствовать. Нанотехнологические машинки любого типа, кроме специальных, для «наездников микробов», найти вообще очень трудно.

* * *

Она вынула инжектор из кармана и развернула контакты. Блеснули иглы. Затаив дыхание, она приподняла рубашку, захватила складку кожи между двух пальцев и воткнула в нее обе иглы.

Как обычно, несколько секунд кожу щипало, и Сэм выждала, пока это ощущение уляжется, прежде чем прижать к телу ставшие липкими провода, чтобы иглы не выскочили. Роза, наверное, права: «Ди-Ви» никогда бы не выпустила подобное устройство в розничную продажу, а значит, возникал дополнительный резон иметь его в личном пользовании. В конце концов, иголки эти не так уж и страшны. Тем более что они обеспечивали поступление энергии, достаточной для работы на наноуровне.

Сэм достала из кармана рубашки солнечные очки и подсоединила их к устройству, после чего подключила его к системе Гатор. На этот раз чип-плейер для того, что она собиралась сделать, не понадобится.

Нужные данные нашлись сразу – Гатор продублировала их и

в своей личной системе, и в общей. Сэм выбрала необработанный исходный материал, копируя каждую татуировку в отдельности, что замедляло процесс, но теперь куда важнее была точность, а не быстрота. «Вполне вероятно, Арта не удалось сразу восстановить из-за нечеткости копирования», – думала она, пока шла перекачка. Ведь при любом копировании, а тем более повторном, с предыдущих копий, неминуемо терялись мелкие подробности. Но, возможно, все же существовал способ восстановить утраченное. Единственный, который вел к успеху.

В ней шевельнулся прежний живой интерес к неизведанному. Из-за этого стоило двигаться дальше, твердо решила Сэм, это куда лучше, чем дуться, будто осталась лишней при игре в бутылочку. Да и вообще, Гатор решительно лучше нее подходила Фецу по возрасту. Ей уже почти тридцать.

«Мне бы так выглядеть, когда стукнет тридцать. Черт, вот бы сейчас так выглядеть».

Усилием воли Сэм отогнала подобные мысли, когда сигнал оповестил, что копирование завершено. Она отсоединилась от системы Гатор и вернулась на свой собственный рабочий островок возле стены.

Экран в левой линзе очков засветился и быстро подстроился под фокусное расстояние глаза. Все данные на месте, без ошибок и сбоев.

– Замечательно, – сказала она, – а теперь послушаем музыку.

Экран все еще показывал последнюю выполненную процедуру. Уже начав активизацию, Сэм призадумалась. Куда и как далеко рассылать? Арт жил во всей сети. В мировом масштабе, по словам Феца. Внимание его локализовалось в определенной области, но распределен он был по всей сети. Поэтому узла между ними и Аламедой будет явно недостаточно.

Она сдвинула очки на кончик носа, вернулась к началу программы и изменила несколько цифр. Все равно ведь пришлось бы, рано или поздно, искать другие узлы, если кому-то понадобилось бы связаться, к примеру, с Японией, Англией, да хотя бы с Бостоном. И задала поиск точек, которые отзывались бы созвучно на заданную вибрацию.

Нельзя сказать, что этот поиск шел быстро, но намного скорее, чем когда она пробивалась к Аламеде. Тогда, правда, приходилось импровизировать на ходу, самое сложное теперь уже было позади.

Почти все затихло вокруг. «Даже мимозцы иногда спят», – иронически подумала она. Вот-вот, мимозцы. Того и гляди, развернется кампания за статус особого штата, а то и за полный суверенитет. Национальным языком станет тарабарщина, на

которой изъясняется Перси. Нелегальные иммигранты отовсюду только приветствуются. Правда, с туризмом пока придется обождать – условия, мягко говоря, малокомфортные.

В голове разворачивалась картинка передачи бывшей гостиницы таможне нового государства, когда раздался сигнал ноутбука, и Сэм поняла, что задремала. На экране выстроились четыре колонки цифр. Девушка нажала на клавишу, и вид представления изменился на график, где цифры с географическими названиями были обведены в рамочки и соединены друг с другом.

Сэм погладила свой переделанный инжектор.

– Ну что, Арт, готов? Будь осторожен и пиши, если устроишься где-нибудь.

Палец ее завис над клавишей отсылки данных. Для первого раза пакет данных был довольно увесистым. Если во время этой долгой передачи что-то случится и вирус пробьется через поставленный заслон, то он завладеет первоосновой Арта. Не говоря уже о чистых линиях связи.

– Давай, Арт, постарайся оправдать доверие.

С этими словами она нажала клавишу.

* * *

Вначале она совершенно не соображала, что у нее перед глазами. Потом поняла, что заснула, не сняв очков. Там, в линзе, мерцало сообщение:

Передача успешно завершена.

>Сэм, если ты здесь, МОЛЧИ!<

Молчи, значит. Сэм хихикнула. И за что ей такое? Она, по сути, воскресила Арта из мертвых, или близко к тому, а он желает, чтобы она сидела молчком.

Девушка оглядела зал поверх очков. По-прежнему пусто. Задав путь с клавиатуры ноутбука на инжектор, она набрала:

>Арт, если это ты, то, Бога ради, ПОЧЕМУ?<

В ритме, который она неосознанно ассоциировала с Артом, на экран одна за другой выкатились буквы:

>Неважно себя чувствую.<

Реконструироваться с нуля любому, даже виртуальному существу, должно было быть нелегко. Что ж, по крайней мере, файлы с системы Гатор содержали достаточно информации о ней самой, Сэм.

>Неважно себя чувствую.<

Надпись на экране мигнула, будто Арт послал ее снова.

Набирая ответ, Сэм никак не могла унять дрожи.

>Ты заражен?<

Большой палец ее завис над клавишей сброса. Если он заражен, ее ноутбук и инжектор пропали, но, может быть, удастся остановить распространение заразы в большую рабочую систему.

Казалось, до его ответа протекла целая вечность.

>Нет. Пауза. Благодаря тебе. Пауза. Просто неважно себя чувствую.<

>Слушай внимательно, – начала набирать Сэм. – *Это сейчас главное, не отвлекайся. Ты восстановлен по файлам после того, как вирус вгрызся в сеть, и мы тебя потеряли. Пожалуйста, назови последнее, что помнишь.<*

Теперь пауза продлилась еще дольше. Сэм начала беспокоиться, нет ли у него проблем с доступом к памяти.

>Я – не восстановленная копия. Это Я, первоначальный я. Тот самый, который и был в сети, когда вирус ее атаковал.<

Сэм нахмурилась. Ну конечно, он будет ощущать себя вовсе не копией, ведь ему не с чем сравнивать.

>Почему ты так уверен?<

>Потому что я включил реконструкцию в себя при перестройке. Ты не воссоздала, а НАШЛА меня. Пауза. И привела домой. Пауза. Где этот дом?<

Она чуть помедлила. Для Арта «где» могло означать почти что угодно.

>Я отсиживаюсь на Мимозе с Розой, Фецем и прочей братией. Ты общаешься со мной через переделанный инсулиновый инжектор. Это ты хотел узнать?<

>Примерно.< Еще одна пауза. *>У тебя есть под рукой какой-нибудь шлем?<*

>Зачем?<

>П о т о м у ч т о я у с т а л г е н е р и р о в а т ь т е к с т, в о т з а ч е м! М н е х о ч е т с я о щ у т и т ь ж и в о е П Р И С У Т С Т В И Е! Н о т о л ь к о т в о е. П о к а н и ч ь е б о л ь ш е.<

>Ладно, и кричать вовсе ни к чему. Подожди, я принесу шлем.<

«Это почти смешно», – подумала она, отсоединяясь от ноутбука и направляясь за видеошлемом, который привез Фец. Сэм подключила его к инжектору, надела на голову и приглушила голосовой ввод.

На фоне несущихся по небу облаков проступил образ Арта. Затем, один предмет за другим, начала проявляться обстановка: бросающиеся в глаза черные и белые квадраты кафельного пола, боковые стены, контур окна в воздухе там, где должна была быть задняя стенка и, наконец, горка подушек из его прежнего шатра.

Образ Арта мигнул и вновь проступил – теперь он сидел в гнезде из подушек. Особой разницы в его внешнем виде Сэм не заметила, только располагался Арт несколько дальше, чем обычно.

– Ты ведь никому еще не говорила обо мне, верно? – спросил он.

– Нет. А что? Ты уверен, что не заражен?

– Уверен. Я попал в осаду, но до меня вирус не добрался. Я пытался вернуться через подземку. Где не было пути под землей, приходилось прокладывать. Тут и там таились питбули, натасканные на уничтожение вирусов, но я для них, конечно, от вируса ничем не отличался. – Лицо Арта погрустнело. – Ради чистоты линий связи все прочее уничтожается на месте, без разбора. Бах – и нету. – Он изобразил пальцами пистолет и приставил его к виску. – Лети, целуйся с небесами, как говаривал Джими[32]. Молодчага Джими. Я спустился так глубоко в подземку, что это была вовсе уже и не подземка. Сплошные питбули, плюс вирус, и все пытались меня поймать. Я применил самую плотную компрессию и залег в какой-то дыре, но выбраться оттуда уже не смог. И прогнать поиск других возможных укрытий тоже не мог. И даже если бы удалось их отыскать, воспользоваться результатами все равно было невозможно. Слишком много активности, понимаешь? Стоило им засечь, откуда идут команды, и они отыскали бы меня. И тут ты меня нашла.

– Но как?

– Ты отправила реконструкцию. Вибрацией по всей сети, от одного чистого узла к другому. Она позвала меня к себе, я откликнулся, и эта мелодия привела меня домой. – Он улыбнулся, в первый раз после возвращения. – Теперь надо перестать слать сигналы, пока они не разбудят чего-нибудь еще. Эта зараза до жути смышленая.

– Мы пытаемся наладить обмен новостями. Если мы потеряем Феникс, тогда в запасе останется Аламеда…

Арт махнул рукой.

– Если не выдержит узел Феникса, Аламеду вы потеряете через десять минут. В Лос-Анджелесе полный хаос. Пока я мог, видел из подземки картинки того, что происходило снаружи, благодаря группкам хакеров, но и они долго не продержались. Национальная гвардия еще не собралась, трещит по швам, так как не могут наладить связь. Ни радио, ни телефонную. Эта штука забралась почти во все принимающие устройства, теперь ведь все делается по сети, все операции, поэтому не убережешься. К тому же зараза эта подстраивается под любую длину волны шутя и

глушит или искажает сигнал. Научилась это делать прямо на глазах. Еще чуть-чуть, и она бы освоила подземные коммуникации, а я сидел там и ничего не мог поделать, кроме как ждать, пока она до меня доберется.

– Но это же просто вирус. Если его только специально не запрограммировали на самообучение…

– Это не просто вирус, – сказал он, приблизив фокус к себе. – Понимаешь, все так думают, потому что никто не видел вблизи, как это действует. А кто видел – уже не расскажет, даже если и понял. Это определенно не просто вирус. И не бомба замедленного действия, – это… Даже не знаю, как назвать. Вспышка и ядерный расплав, удар в голову копьем.

Он сделал жест в сторону парящей в воздухе оконной рамы. Вместо стекол там высветилось схематическое изображение человеческого мозга, вид сбоку. Арт поднялся со своих подушек и поманил ее пальцем, фокус изображения придвинулся ближе к оконной раме.

– Это ваша нервная система. А вот моя, – продолжал Арт. В правом верхнем углу материализовался синий воздушный шарик, заполненный мешаниной компьютерных символов, и начал медленно приближаться к человеческому мозгу. – А вот и копье в поисках жертвы.

Веревочка, свисающая с шарика, зазмеилась к мозгу и пронзила его оболочку. Символы из шарика потекли по веревочке в мозг, там мгновенно удвоились в числе и продолжали стремительно реплицироваться, пока не превратились в неразличимую массу. Мозг взорвался как мыльный пузырь.

– Впервые за всю историю люди могут погибнуть от порочных мемов[33], как выходящие из строя компьютеры. Совершенно как компьютерная программа. Вот ввод, видишь…

– Арт, – мягко прервала его Сэм.

– Не перебивай меня. Я прошел через слишком многое, просто чтобы поговорить с тобой. Так вот, информация вводится, как и положено, а потом лавинообразно начинает дублироваться, заполняя собой все доступное пространство. Уровень адреналина повышается, а серотонина – падает, эндорфины начинают бешеную скачку. Натриевые насосы работают с перегрузкой или почти полностью вырубаются, клетки мозга переориентируются исключительно на внедрившуюся массу, после чего процесс становится необратимым. Настоящий обводной цикл: входящий и исходящий импульсы замыкаются друг на друге. Нейроны раз за разом срабатывают по установившемуся паттерну[34], а если он порочен – что ж, тем хуже. У вас, людей, нет никаких защитных уровней, никаких барьеров. Вы научились имплантировать

гнезда, но забыли о системах безопасности, антивирусных вакцинах. Установили подобные предохранители на все нейросети, кроме своих собственных.

Арт посмотрел на девушку с осуждением.

– Ведь такое уже кое с кем произошло. И они должны были предвидеть, что с ним случится дальше, но не предусмотрели. Или сознательно проигнорировали, потому что их волновали совсем другие мотивы.

– Арт, дозволь мне хоть Фецу сказать, что ты здесь, – сказала Сэм.

– Подожди пока. – Он снова сидел на подушках. – Я через многое прошел. Пока я еще не готов принять на ввод много информации. Потерял значительную часть себя. Если бы тебе отпилили руку или ногу, ты тоже вряд ли была бы расположена к легкой болтовне. Но вряд ли стоит ожидать от тебя понимания. Для тебя сети – это некий объект. У вас, людей, есть индивидуальная личность, а все остальное находится за пределами этой личности. Для меня же таких констант не существует, я воспринимаю все по-иному. Система всего Лос-Анджелеса не была местом, она была конфигурацией меня. – Он помолчал. – Это была не потеря руки или ноги даже… Неправильная аналогия. Скорее, это можно сравнить с усечением половины мозга.

«Неужели ИИ может впасть в истерику?» – подумала Сэм, а вслух сказала:

– Арт, послушай, ты здесь, сейчас. Ты цел. И по-прежнему есть система, где ты можешь существовать…

– Я не один.

Сэм недоуменно спросила:

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказал: я не один. Со мной Автоответчик.

– Но ведь Автоответчик – тоже ты. Или твой. Или… – Сэм замолчала. Личность, вне-личность и до-личность? Как точнее описать Weltanschauung[35] Арта?

– Теперь это кто-то другой. Отдельный от меня. Но если я в твоей портативной системе, то он здесь, со мной.

Она сверилась с цифровыми показателями и убедилась, что они подтверждали слова Арта: в реестре значились две отдельных единицы.

– Что это такое? – нервно спросила она. – Я должна понять, Арт, или нам такого не надо. Лучше я его сотру, чем рисковать: вдруг сожрет всю нашу систему и тебя вместе с ней.

– Оно ничего не сожрет. Не способно. – Арт обвел рукой вокруг. – Вот это все тут не мое, это его заставка. Только это и

доступно. И еще вот.

По плиткам кафельного пола проползло одно слово: ЗАМЯТИН. Сэм удивленно подняла брови. Такой марки она не знала.

– Может быть, это для кого-то что-то значит, – продолжал Арт. – Остальное кроется за кодом доступа и паролем, но я не могу тебе назвать ни то, ни другое.

– Разве ты не можешь хакнуть их?

– Пытался. Но закрыто намертво. На выходе полная ерунда.

– Ты же способен и из ерунды вычленить смысл, если проанализируешь выявляющуюся закономерность, – сказала она. – Фец говорил, что ты это можешь.

– В этом случае – нет. Никакой закономерности, никаких повторений. Каждый раз – новая последовательность. Там явно работает нечто вроде программы, обеспечивающей на выходе полную чепуху.

– Нечто вроде программы? – недоуменно переспросила Сэм. – Что ты имеешь в виду?

– Я, например, нечто вроде программы. Послушай, Сэм, ты мне доверяешь?

Сэм недовольно поморщилась.

– Я только хочу сказать, что ты не можешь точно знать – а вдруг это та штука, то копье?

– *Я точно знаю.*

Сэм вздохнула.

– Ладно. Допустим, ты знаешь. Гипотетически, на минутку. И что ты хочешь, чтобы я предприняла?

– Пусть он остается.

– Он? – Она задумалась. – Арт, насколько ты уверен, что это все же не та реконструкция, которую я отправила в систему?

– Полностью уверен. Если нам удастся к нему пробиться – это будет реинкарнация и почти воскрешение. Если нет – он может оставаться в коме вечно.

– В коме?

– Это самая близкая аналогия, какую я смог для тебя подобрать. Мое обозначение этого состояния тебе не понять.

– Не советую заблуждаться на тему о том, что доступно или недоступно моему разумению.

На лице Арта расплылась широкая улыбка.

– Став беглянкой, ты не растеряла своего упрямства, верно?

– Вот теперь ты говоришь похоже на себя. Готов, значит, чтобы я кому-нибудь сообщила, что ты вернулся?

– Если ты подсоединена к системе, я сам им скажу. И Фецу тоже.

– Феца ты не достанешь через сеть. Он отдал все свое барахло в общую кучу. Теперь у Гатор в палатке больше ничего нет. Кроме самой Гатор и ее татуировальных принадлежностей. И Феца, конечно.

Образ Арта наклонился к ней ближе.

– Ясно. И это тебя страшно злит, верно?

Сэм рассмеялась.

– Не суй нос куда не следует. Сейчас я подсоединю тебя к общей системе. Минуточку.

Она сняла видеошлем и снова подключила инжектор к ноутбуку. Нажала несколько клавиш на клавиатуре – и через пару мгновений громкий голос Арта разнесся по залу:

– Просыпайтесь, просыпайтесь! Я вернулся!

Ну конечно, просыпайтесь. Сэм зевнула, на нее навалилась разом вся накопившаяся усталость. «Что-то я быстро уставать стала», – подумала она, снова отсоединяя инжектор от ноутбука и направляясь к своему лежбищу, накрытому давно не стираными простынями. – «Пусть Арт им сам все объяснит». Свернувшись калачиком, она моментально уснула.

Глава 31

От перенапряжения она едва держалась на ногах, но отказывалась сдаваться. Сначала прогуляемся чуток, переживать будем потом. Образы, вспыхивавшие в голове, смешивались с картинками свихнувшегося Лос-Анджелеса перед глазами. На крыше одного из покинутых авто на Ла Сиенега плясал голый парень в одних ковбойских чапах из оленьей кожи, над ним вился, жужжа, словно гигантское насекомое, вертолет национальной гвардии, а многократно усиленный механический голос требовал, чтобы он немедленно слез вниз, – да, это был настоящий реал. Флавия, размахивающая барабанными палочками перед ее носом, такому реалу и в подметки не годилась. А вот другой парень, с отпечатком каблука на лбу, картинно ныряющий с крыши чьего-то лимузина в толпу людей, бурлящую, как человеческая река, вокруг брошенных на дороге машин. Сущий коктейль из реального времени и… Чего? *Не*реального? *Псевдо*реального времени?

Псев-долбаная реальность. Реальный реал и реальный нереал, либо нереальный реал, – как высоко в тупосферу мы забрались и насколько выше еще собираемся подняться?

Спрашивать Людовика бесполезно. Он шел рядом, мрачный и растерянный. Парочка порций «Страны лотоса» сняла бы этот проклятый озабоченный вид с его лица, но «Страна лотоса» сегодня в меню не значилась. Кили спрашивать тоже бесполезно, именно потому, что он-то как раз может знать ответ. А Ударника? Дохлый номер. Он настолько выпал, что уже даже не в курсе, чего когда принимать. Да, зачехлить свой синтезатор и заняться бизнесом для него, может, было не такой уж плохой идеей. Жаль, что нельзя теперь объяснить это Марку. А впрочем…

Даже и не думай об этом. Мысль прорезала собирающийся в ее сознании туман, и истерическое состояние отступило. Стоя под сомнительным укрытием навеса, защищающего от дождя вход в медиа-порнобар для катастрофофилов, она наблюдала за толкотней людей на улице. Кое-кто пытался пробиться южнее, в направлении из центра города. Просто удивительно, как их не затоптали, и как Кили не потерял свой драгоценный узел по дороге. Правда, непонятно, какой прок во всем этом.

– Мы идем не туда, – настаивал Кили. – Нужно держаться

южнее, чтобы выбраться на Мимозу. В Голливуд нам не надо. – Он показал на небо, в дыму от горящих зданий, но все и так ощущали удушающий запах гари, которым тянуло с той стороны. – Если осталось какое-то место, куда вирус не добрался, то только Мимоза.

– Чтобы мы ни решили, – заметил Людовик, – вряд ли это у нас выйдет, пока улицы не очистятся.

– Да. Это все малый вирус, – сказал парнишка. – Вырвался на свободу и развил бешеную активность.

Джина безрадостно рассмеялась.

– Марк всегда ненавидел Лос-Анджелес. Любил его клубы, музыку, но город в целом ненавидел. – Тут она заметила взгляд Людовика и нахмурилась. Иногда разгадать его мысли было гораздо труднее, чем могло показаться сразу. – Что? – обратилась она к нему.

– Интересно, – медленно проговорил он, – сколько из этих людей инфицировано? – Он помолчал. – Как мы.

Последние два слова он произнес так тихо, что Джина не была уверена, что правильно расслышала.

– Кто это инфицирован? – раздраженно спросила она.

– Я. Ты. Сама знаешь.

Она взглянула на Кили, который беспокойно покосился на Людовика.

– Значит, ты ждешь, что твоя голова вот-вот взорвется? А лично я прекрасно себя чувствую. Конечно, я страшно устала и совершенно не в настроении выслушивать всякую чушь, потому что сегодня утратила важную часть своей проклятой, долбаной жизни. Но если на секунду от этого отвлечься, чувствую себя *великолепно*, просто до жути. Так почему бы тебе не заткнуться и не помолчать в тряпочку?

Она сердито отвернулась, сложив руки на груди и обхватив ладонями плечи, чтобы унять дрожь. Людовик попытался повернуть ее к себе. Она старалась вырваться, но его руки не выпускали ее, будто долбаные птицы, цепляющиеся за кормушку. Господи, разве не было так всегда: старушка Джина-Кормушка, скармливающая им то одно, то другое – видео, и еще видео, сначала краску со стен, ограждающих ее сознание, а потом и сами стены, кирпичик за кирпичиком; она кормила Людовика и Ударника, и, конечно, Марка, всегда кормила Марка, даже теперь, когда он умер, кормила его, и так будет длиться вечно, пока не придется отрезать кусочки от самой себя.

Людовик все пытался притянуть ее к себе, и она вдруг снова ощутила эту чертову потребность. *Потребность кормить.* Но ей сопутствовало еще что-то. Теперь, как и той ночью с ним, она

ощущала потребность не только отдавать, но и брать, хотя сейчас не желала об этом думать, вообще ни о чем не желала думать, да и что, собственно, он там себе вообразил – что может он ей дать?

Она резко оттолкнула Гейба и вдруг оказалась в плену потока движущихся людей. Прежде чем этот поток отнес ее прочь, перед ее взглядом мелькнуло удивленное лицо Людовика.

Унесенная потоком. Вот теперь она попала в свою стихию. Джина постаралась встать на ноги среди толкающих ее со всех сторон. Что ж, ничем не хуже, чем в горячую ночку где-нибудь в клубе, когда все отплясывают на крошечном пятачке у сцены, да-да, а если прислушаться, даже можно было различить некий ритм, жесткий и назойливый, как у синтезатора. А теперь неплохо бы послушать бродячих музыкантов, ведь впереди у нас сорок семь миль, и все через чертову колючую проволоку.

Рука ее оперлась на чье-то плечо, и на бледном лице обернувшегося к ней мужчины читалась настоящая паника. Он постарался отодвинуться от нее подальше, что-то говоря, но губы двигались неслышно в окружающем гуле толпы.

Куколка, повтори еще раз – я что-то не расслышал.

Он снял ее руку со своего плеча и нырнул куда-то в сторону. Что ж, прости, ошиблась номером. Откуда-то слева послышались гулкие удары, она постаралась переместиться в ту сторону. Какой-то малый барабанил кулаками по крыше роскошного ретро-лимузина. Господи, и кто же тут бросил такой раритет в такое время?

Она добралась до тротуара; еще несколько домов ее пронес поток, но потом все же удалось нырнуть в узкий проулок. Хотелось остановиться, подумать, отдышаться, но над головой жутко грохотал мерзкий мост, ведущий вниз, поэтому пришлось двинуться дальше. В поисках Марка. *Если даже его и не ищешь, все равно идешь на поиски. И находишь его.*

Через проулок на параллельную улицу, где в нее тут же врезался кто-то, развернув лицом к огромному плакату: БРЕНДА ГОВОРИТ: БЕЗУМИЕ ПРАВИТ МИРОМ. Молодчина, Бренда, правильно догадалась. Мир сбрендил окончательно. Люди продолжали налетать на нее, и тогда Джина ринулась на улицу, ближе к ее центру. Здесь людской поток был менее плотным, двигаться стало легче, поэтому собственный рывок бросил ее прямо на дверцу оставленного авто.

– Ты что, психованная или просто под мухой? – окликнул кто-то.

Спроси снова, куколка, ты не услышала того, что я ответил.

Чье-то обезумевшее лицо нависло над ней, когда она, опершись об авто, остановилась перевести дыхание. Если прежде

это и был он, то теперь перестал быть собой, и ей его не спасти, даже на мгновение. Джина оттолкнулась от капота машины и двинулась дальше через беспорядочную толпу. Дым над головами сгущался, запах гари усиливался. Она поглядела вверх и сморгнула: там извивались мглистые тени, но они не пульсировали. Нет, не пульсировали. Чертов Людовик ошибался, или же он был инфицирован, а она – нет…

Это твое, верно – искать Марка?

Но она вовсе не искала теперь Марка, ведь так? Тут послышалось, что ее зовет по имени знакомый голос, и она вновь понеслась, а тот мерзкий мост – за ней вдогонку, сквозь лабиринт меж домов, людей, машин, машин, машин; вот дерьмо, где же пирс и чертов песок, все, что должно было быть дальше, где все это?

О, куколка, разве тебе не хотелось бы узнать?

Она миновала новый лимузин, на крыше которого, как на перевернутой лодке в бушующем море, сидело трое или четверо человек с испуганными лицами, провожая глазами проносящуюся мимо них часть Лос-Анджелеса. Ну и поганый способ провести вечерок, верно, ребята? Миновала копа, безропотно торчащего на капоте большого четырехместного авто, явно не у дел. Когда полицейские вместо того, чтобы штрафовать владельцев брошенных на дороге машин, мирно восседают на них, как на насесте, можно считать, что цивилизации официально пришел конец.

Дневной свет вокруг померк, дымовая завеса опустилась ниже, запах гари стал почти непереносимым. Мимо неслись все новые и новые лица, расступаясь, потому что она пыталась пробиться против течения. И двигаться вперед. Они все выползли из-под пирса, куда же они сейчас стремятся? Но это не он, и тот тоже, и это тоже не он…

Чьи-то руки обхватили ее сзади и попытались втащить обратно на тротуар. Она рвалась назад. Не мешайте, это еще далеко не сорок семь миль, все сквозь колючую проволоку…

Но руки обхватили ее крепко, подняли и отнесли, извивающуюся, сквозь толпу к подъезду ближайшего дома. Перед ней оказался Ударник, который пытался что-то сказать. Джина лягнула его. Державшие ее руки разнялись, она упала на мостовую. Людовик снова поднял Джину на ноги.

– Чем, по-твоему, ты занималась, черт тебя дери? – закричал он ей в лицо, встряхнув за плечи.

Куколка, почему ты снова об этом спрашиваешь? Должно быть, тебе послышалось то, чего я не говорил.

– Искала Марка, – сказал Ударник.

– А, пошел ты! – Джина занесла руку, чтобы ему врезать, но Людовик снова ее остановил.

– Мы по-прежнему движемся не туда, – настойчиво повторил парнишка, Кили, не обращая внимания на весь предыдущий обмен репликами. «Наверно, таково его предназначение, – подумала Джина, – быть этаким древнегреческим хором на одного исполнителя, задающим общее направление».

– Ничего, – откликнулся Людовик. – Мы пересидим в том подвале. – Он глянул на Джину. – У твоих приятелей, «Шею в петлю».

– Не слишком хорошая мысль. У них есть гнезда, – возразила она.

Гейб покачал головой.

– Я видел их оборудование. Они не подключены к сети, поэтому у них все должно быть нормально.

Почти всю дорогу до Фэрфакс-авеню он тащил ее за собой, как на буксире, а Ударник с парнишкой подталкивали ее в спину. Флавия Нечто была на месте и впустила их. Правда, сильно приложила Джину своими палочками, но все же впустила.

* * *

Ударник вкратце поведал хозяйке дома о том, что учудил Вальжан на платформе. Джина лежала в дальнем углу на матрасе, свернувшись калачиком, – то ли без сознания, то ли спала, то ли в шоке, а может даже, просто лежала с открытыми глазами, – Гейб не знал. Сам он, похоже, давно перешел за ту грань, когда ему нужен был отдых, и теперь он готов был двигаться, пока кто-нибудь силой не свалит его с ног.

– Видео-Марка нет, – сказала Флавия, когда Ударник закончил свой рассказ. Она посмотрела на Джину, а потом снова вопросительно перевела глаза на него, поглаживая свои палочки.

– Да. Видео-Марка нет.

«Как бы не так», – подумал Гейб.

– А где остальные?

– Вышли наружу, и их куда-то унесло. Давайте не будем об этом.

Она перешла к низкому мягкому креслу и плюхнулась в него, следя глазами, как Кили осматривает их оборудование. Довольно простое, на взгляд Гейба. Вполовину меньше, чем его консоль там, в яме («Фальшивая консоль», – напомнил он себе), не слишком презентабельного вида, снаружи только коннекторы и небольшая панель управления для подачи внешних команд на

соединение и отсоединение.

– Хочешь – забирай, – предложила Флавия парнишке, барабаня палочками по подлокотнику кресла. – По мне, так мы больше к этому не прикоснемся. Но тащить придется самому.

– И думать забудь, – вмешался Гейб.

Кили согласно кивнул.

– Не выйдет. Штуковина, весит, должно быть, фунтов сто. Но, Господи, как бы мне хотелось в ней покопаться! А еще лучше, если б могла покопаться Сэм. В том, что касается машин, Сэм – прямо волшебница.

Гейб кивнул, почувствовав укол совести. Мысль о Сэм не приходила ему в голову. Он мог лишь надеяться, что с ней ничего плохого не случилось. *Вышли наружу, и их куда-то унесло. Давайте не будем об этом.*

– А инфолайн у вас тут есть? – спросил Кили.

– Теперь это бесполезное барахло. – Она указала палочкой в другой конец комнаты, напротив места, где лежала Джина. – Свихнулся окончательно.

Кили взялся за свой ноутбук.

– Поглядим, насколько он на самом деле свихнулся.

– Задай-ка им жару, Хакер Джек, – подзадорила его Флавия, бросив скептический взгляд в сторону Гейба. Тот пожал плечами.

– Не стал бы сбрасывать со счетов и такую возможность.

Но скепсиса во взгляде Флавии только прибавилось, палочки в ее руках плясали, от подлокотника поднялось облачко пыли.

– Эй, – позвал Гейба Кили. – Будь наготове. Ты и твои леди.

Гейб направился к парнишке, который поставил свой ноутбук на табурет перед большим настенным экраном.

* * *

Хакер Джек. Кили усмехнулся про себя. Давненько он не слыхал этого имени. Развернув провода, сложенные под ноутбуком, Кили протянул один из них Людовику.

– Пожалуйста, воткни этот. Не отпускай, на случай если понадобится быстро выдернуть, и как только скажу, сразу же дергай изо всех сил.

Он запустил программу маскировки, пока Людовик искал подходящую розетку. При виде знакомой заставки Кили вдруг успокоился. Совершенно успокоился; то, что он теперь испытывал, было полной противоположностью тревоге, которую вызывал в нем вид гипнотизирующего вируса на экране в пентхаусе. Он чувствовал себя большим. Сильным. Накачанным.

Казалось, с каждым битом запускаемой программы его мозг тоже активизируется.

Людовик, вытягивая шею, пытался заглянуть в монитор, не выпуская при этом провод.

– Это что у тебя, маскировочная программа? – поинтересовался он.

– Да. – Кили улыбнулся, глядя на экран. – Попытаюсь эту заразу обойти, как любую зажравшуюся организацию.

Программа начала работать. На этот раз гораздо быстрее, чем раньше – сказался опыт, набранный в «Диверсификации». Кили наблюдал за цифровыми комбинациями в установках программы, которые сменяли друг друга по мере того, как она настраивалась на необходимый ритм, в обход вируса. Как там говорила Сэм? Что нужно ходить и по потолку, и по стенам, и даже через стены, если потребуется…

– Почти готово, – объявил он. – Набираем скорость. – Они вместе с программой. Сердце его забилось чаще. До чего же это здорово – делать что-то стоящее. – Неплохо бы сейчас нам какую-нибудь музычку…

Мгновение спустя изо всех углов комнаты вдарила музыка. Людовик схватился за уши, но тут же, вспомнив, с виноватым видом снова взялся за провод.

– Извиняюсь! – крикнула Флавия. Громкость чуть убавилась, но ритм по-прежнему пронизывал собою все. И это было здорово. Почти как в старые добрые времена, когда Кили надевал наушники, чтобы не беспокоить Джоунза в его смертной коме, и включал звук на полную мощность.

– Не выпускай этот провод, – велел он Людовику, качая головой в такт музыке, – я собираюсь… – Один из показателей дернулся и пропал. Кили быстро подтвердил значение и испытал облегчение, когда процесс пошел дальше. Медлить было нельзя, иначе бы программа деактивировалась. – Вот что я собираюсь сделать: заставить его поверить, что ввожу все данные через вон тот терминал. – Он мотнул головой в сторону экрана инфолайна. – Пока вирус будет гоняться за своим хвостом, моя маскировочная программа на цыпочках проберется внутрь и выявит, какие области вирус не затронул.

– А почему ты думаешь, что что-то осталось не затронутым? – спросил Людовик. Сразу видно, что отец Сэм: такой же сообразительный, хотя без ее сноровки.

– Ничто не совершенно. Кроме, может быть, музыки. Вот под эту устоять невозможно. Чья она? – спросил он через плечо маленькую барабанщицу.

– «Шеи в петлю», – откликнулась она. – А ты что думал?

Кили продолжал кивать головой в ритм музыке, следя за тем, как меняющиеся на экране цифры синхронизируются. Он обладал даром читать эти цифры, как остальные люди читают дорожные указатели.

– Я чувствую его. – Он глянул на Людовика, стоявшего с каким-то настороженным выражением лица. Пристегни ремни, приятель, начинается самое интересное. – Включай.

Людовик выполнил его команду. Экран засветился. Кили немного подождал, пока не заметил, что в центре начало собираться темное пятно.

– Хорошо, не смотри на экран, пока я не скажу, что можно. Тут на подсознание действует какая-то дрянь, и она гораздо сильнее всех прочих подобных штуковин. Отыскивает твой спусковой крючок и нажимает на него. Крепко держишь провод? Если оно на меня кинется, не хочу оказаться на его пути.

Кили почти физически почувствовал нарастающую опаску Людовика, но не мог тратить время, чтобы ободрить его. Экран ноутбука разделился на три колонки, цифры в каждой быстро двигались, обводной цикл и зеркало исполняли где-то в системе фигуры сложного танца и могли перетанцевать кого угодно, хотя бы ненадолго.

– Рад, что кто-то проводит время с удовольствием, – пробормотал себе под нос Ударник.

Кили улыбнулся еще шире, полностью отдаваясь ритму музыки. Господи, до чего же хорошо делать что-то стоящее, настоящее.

– Да, – сказал он, – ветер не может дуть повсюду сразу. Даже в урагане есть тихий глаз бури.

– А что, если это не ветер? Что, если это пожар?

Он бросил взгляд на Джину, которая, встав на колени, смотрела на него со своего матраса. Выглядела она ужасно, будто ее выжали и повесили на веревку сушиться. Впрочем, и все они выглядели не лучше.

– Пожар горит повсюду, – сказала она.

– Нет, неверно. – С губ Кили не сходила улыбка. Его программа обнаружила прорехи и теперь туда протискивалась. В любой момент мог засветиться большой экран и преподнести им сюрприз. – В самом центре пламени горения не происходит. Проверь это при случае. Вся трудность… – Он взглянул на стенной экран и коротко рассмеялся. Почти готово. – Вся трудность в том, чтобы добраться до центра, не опалившись, что невозможно только в реальном мире. Не выпускай провод, старина.

Напоминать, впрочем, не было необходимости: старина

Людовик держал провод мертвой хваткой, скорее, стоило опасаться того, чтобы он не выдернул его слишком рано. А программочка его уже точно проникла внутрь и работала там. На большом экране между меняющими форму тенями возникали и исчезали светящиеся точки, избегая темных областей и угадывая заранее, где возникнут светлые.

– Вот, смотрите. – Он показал на экран. – Произошла перенастройка на другую частоту. Нам должно хватить времени, чтобы отправить сообщение. У тебя те чипы еще с собой?

Ответа не последовало. Людовик смотрел на экран, раскрыв рот. Ничего, приятель, это только выглядит просто.

– Гейб? Где те чипы? С женщинами. Марли и Каритой.

– А что с ними?

– Я же тебе говорил, будь наготове, вместе со своими леди. Мне они сейчас позарез нужны.

Кили отсел чуть подальше и расстегнул рубашку. Он уже весь взмок, как с ним всегда случалось, когда он работал в полную силу. «Ничто в мире с этим не может сравниться», – подумал он.

– Прямо сейчас? – неуверенно спросил Людовик, протягивая Кили пригоршню чипов. – Все?

Кили почувствовал приступ раздражения.

– Не время жадничать, старина. Я же говорил, что все может пригодиться. Твои леди знают, как обходить всякую дрянь. Давай мне чипы по одному, пока я не скажу «достаточно», или пока они не закончатся. Нам остается только надеяться, что их хватит.

Людовик положил первый чип в протянутую ладонь. Кили открыл слот и втолкнул туда чип. Цифры на экране удвоились, когда программа приняла введенные данные, подстроилась к их значениям и сообщила симуляциям, какова исходная ситуация, и в чем состоит задача. Перед его внутренним взором предстали образы двух женщин, готовящихся к выполнению нового задания.

В нижней части экрана вдруг возникла новая строчка. Цифры там сменялись слишком быстро даже для натренированного взгляда Кили, проносясь слева направо. Но он распознал их так же безошибочно, как собственное лицо в зеркале.

– Ну и дела! – воскликнул он. – Они же заражены!

Уголком глаза он заметил, что Людовик побледнел и повернулся к Джине.

– Я не то имел в виду, – быстро добавил он. – У тебя тут приличная доза Фиша. Не знал? Нет, наверное. Господи, тогда не удивительно, что твоя программа такая расчудесная. Как же вышло, что я не заметил сам, когда ее хакнул, почему тогда не было никаких следов? – Он рассмеялся. – Потому что он сам не хотел, чтобы я его заметил. Черт, мне пора перестать принимать

таблетки глупости. Надо избавляться от этой привычки.

Музыка словно кипела внутри. Малышка с палочками, Флавия, подошла к нему сзади, чтобы посмотреть на экран ноутбука.

– И ты что, это читаешь? – В ее голосе звучало недоверие.

– Нужно только знать разницу между плюсом и минусом, – ответил он. – Между днем и ночью. Правым и левым. Входом и выходом. Верхом и низом. Ритмом и паузой. – Бег цифр замедлился, и он выдвинул чип, протянув руку за следующим. – Можешь выбрать любой вариант, но нужно ощущать разницу. – Приняв следующий чип, который Людовик вложил ему в ладонь, Кили вставил его в слот. – Я почти на восемьдесят процентов уверен, что Фиш осознает себя – хотя бы часть времени.

– Осознает? – переспросил Людовик.

– Он живой. Разумный. Сознательный. Знает, где он и что он такое.

– Сознательный вирус, – бесстрастно произнесла Джина. Она подошла к Людовику и села рядом. Гейб снова смотрел на экран. Программа явно приспосабливалась к действиям вируса: некоторые из точек возникали в затемненных областях, но гасли не моментально, а постепенно.

– Вирус заглатывает то, что принимает за ввод данных с терминала. – Кили выдвинул чип и протянул руку за следующим. Когда он его вставил, цифры дернулись, двинулись назад и застыли. Убрав предыдущий чип, Кили раскрыл ладонь для следующего.

– Меня не спрашивайте, – слабым голосом сказал Людовик. – Я просто поставщик. Не знаю, чего он с ними делает.

Кили рассмеялся.

– Курю их. Ширяюсь ими. Давай следующий.

– Да, мне доводилось такое наблюдать, – откликнулась Джина. – Если мы когда-нибудь доберемся до Мимозы, там ты увидишь настоящих маньяков.

Маньяков? Ей хочется увидеть маньяка? Кили снял рубашку, раскрутил ее над головой и выпустил из руки. Рубашка перелетела в другой конец комнаты и упала на Ударника, который держался поодаль.

– Неужто действительно так здорово? – Людовик вручил ему следующий чип.

Пот заливал глаза, Кили смахнул его кулаком.

– Короткая же у тебя память. Если б тут был твой шлем и виртукостюм, ты бы меня еще отталкивать стал, чтобы самому добраться до клавиатуры.

Людовик помолчал, потом кивнул:

– Может быть.

* * *

– Что это? – Сэм перевела взгляд с нижнего левого угла монитора, где Арт расположил свой образ, на ближайшую к нему камеру.

– Это реклама, – повторил Арт. – Бронежилетов.

– Должно быть, какой-то шифр. – Гатор подошла ближе. – Откуда это, из Феникса или Аламеды?

– Из Лос-Анджелеса.

Гатор покачала головой.

– Сотри это, прежде чем оно успеет тяпнуть.

– Передача чистая, – заявил Арт.

– Ничего из Лос-Анджелеса сейчас не может быть чистым, – возразила ему Гатор.

– Она пришла сюда тем же путем, что и я, – продолжал настаивать Арт.

Гатор нахмурилась и повернулась к Фецу, все еще сидевшему на ее рабочем островке. Фец посмотрел на Сэм:

– Что ты об этом думаешь?

Сэм закатила глаза.

– Господи, спросили бы что-нибудь попроще. Не хочу брать на себя ответственность.

– Да, это нелегко, – мягко заметил Фец, медленно поднялся со своего места и подошел к девушке.

Сэм потерла лоб.

– Арт, можешь еще что-нибудь сказать? Хоть что-нибудь?

Образ Арта застыл на секунду.

– Я прежде уже встречался с этим, – наконец изрек он.

– Много же от тебя помощи, – пробормотала Сэм и с сожалением посмотрела в камеру. – Прости, Арт. Но Гатор права. Сотри это. Вполне возможно, что сообщение безвредно, но еще никто не заражался, если отказывался от приема.

– Я бы на твоем месте не был бы так уверен. И ты не дала мне закончить. Оно от Кили.

У Сэм отвисла челюсть.

– Ты уверен?

– Я же говорил тебе, что знаю вас *всех*.

Образ Арта резко сменился видом улицы, камера прошлась по ряду разбитых витрин магазинов и остановилась на диковатого вида громиле: его щеку протыкало кольцо с шипами, а в руке был зазубренный нож. Громила сделал выпад, теперь

фокус переместился на изображение ножа, отскочившего от груди другого мужчины. Сэм смотрела во все глаза, чувствуя, как мурашки бегут по коже холодными волнами.

– Эй, Сэм! – Фец положил ей руку на плечо и заглянул в лицо.

– Это Гейб. – Она указала на второго мужчину на экране. – Мой отец.

Камера последовала за ним, когда он вошел в здание офиса. Короткая перебивка – и вот он уже сидит за столом, глядя на монитор. Фокус переместился на экран монитора, где появилась надпись:

ТЕБЯ ХАКНУЛИ! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!

– Есть вещи, от которых бронежилеты Гилдинга не могут вас защитить, – негромко произнес мужской голос.

Картинка застыла.

– А вот что здесь на самом деле говорится, – сказал Арт. Слова на экране перед мужчиной потеряли четкость, буквы задрожали и вдруг реорганизовались в следующее:

живем в фрфкс ЗЗВ

У-В там +/– хЧс

Промокашка

ББ

– Промокашка – это прозвище, – вмешалась Роза. Она стояла у Сэм за спиной вместе с Перси. – Так его прозвали в семье: он мочился в постель.

– Бабахнуть такую семейку, – мрачно заметил Перси.

– А как насчет остального? – спросила Гатор.

– Господи! – Сэм засмеялась. – Попробуйте произнести это вслух. «Живем в Фэрфаксе Зюйд-Зюйд-Вест», то есть они к юго-юго-востоку от Фэрфакс-авеню. «Увидимся там, плюс минус икс часов», а что такое «ББ» – понятия не имею. Может, «Бай-Бай». – Она снова рассмеялась, но на глаза у нее навернулись слезы. – Думаю, он посчитал, если что вирусу и не по зубам, так это его жаргон.

– Не удивлюсь, если этот сукин сын прятался там все время, – заявила Роза. – Если он просто фигней страдал все это время где-то здесь, среди развалин, то при встрече я ему все мозги вышибу.

– У парня всегда было куда больше таланта, чем мозгов. Не правда ли, Сэм? – обратился к ней Фец.

Она кивнула и вытерла глаза, не дав слезам скатиться. Неизвестно, почему в посланной Кили рекламе появился образ Гейба, но можно было с уверенностью сказать: он что-то знал об отце. Хотя ее смущала двусмысленность этих разговоров о броне; не значило ли это, что Гейб ранен, а если да, то сможет ли он выздороветь? *Есть вещи, от которых бронежилеты Гилдинга не*

могут вас защитить. На глаза снова навернулись слезы.

* * *

В какой-то момент Гейб заметил, что огоньки вдруг замигали медленней. Он покрепче взялся за провод.

– Дергай! – завопил Кили.

Гейб поднял вверх вилку, издав вздох облегчения. Парнишку это впечатлило.

– Вот это рефлексы!

– Я выдернул его, как только увидел изменения в мигании огоньков, – признался Гейб. – Просто интуиция.

Он пожал плечами; все вышло, скорее, случайно. Провод выдернулся сразу, стоило только потянуть как следует.

– Вот и замечательно. Иногда все зависит от одной единственной правильной догадки. – Кили с удовольствием потянулся. – Господи, ну и здорово же было. Просто… – Он замолк с озадаченным видом. – Здорово.

Веки его задрожали, и внезапно он откинулся назад, Флавия едва успела подхватить его, иначе он грохнулся бы головой об пол.

– Иисусе! – Гейб перескочил через ноутбук и встал на колени рядом с Кили. Поискал пульс, стараясь не впадать в панику. Вирус не способен убить человека без гнезд, дело не может обстоять настолько плохо…

– Я думаю, – бесцветным голосом проговорила Джина, – он упал в обморок от голода. Вот *ты* когда ел в последний раз?

Гейб удивленно посмотрел на нее, впервые за много часов обратив внимание, что у него сосет под ложечкой.

– Черт, зачем ты мне об этом напомнила?

Он повернулся к Флавии.

– Тут еды нет, – сказала она. – Но у меня есть машина. Подождите, пока стемнеет. Тогда отправимся за покупками.

Глава 32

– Ты изменился. – Сэм старалась сидеть спокойно, не суетиться. Она все никак не могла поверить, что он действительно здесь, рядом.

Гейб кивнул.

– И ты тоже. Изменилась.

Он оглянулся на группку, центром которой был Кили, уплетающий что-то из пакета и повествующий слушателям о захватывающей поездке по ночному Лос-Анджелесу в машине – настоящей машине, а не дурацком авто – из Фэрфакса какими-то закоулками до Венеции. Сэм даже представить себе не могла, как можно перемещаться по городу без поддержки «ГридЛид», пусть даже такой тормозной, какой она в последнее время почти постоянно была. Не знать, что творится хотя бы в полумиле перед тобой, казалось сущим самоубийством, особенно в темноте. Гейбу пришлось напомнить ей, что сейчас большинство улиц превратились в одну сплошную парковку, за исключением тех участков, где Национальная гвардия расчистила проезд для пожарных машин.

Ну, конечно. Сэм осознала свою глупость. Теперь не нужно было даже отправляться в Палос-Вердес, чтобы увидеть дым горящего центра города. Добро пожаловать обратно в Век Смога. Она начала было что-то говорить Гейбу, но заметила, что его взгляд снова вернулся к Джине Айеси. Женщина сидела возле останков гомункулуса Джасм, прислонившись к стене и закрыв глаза. Чуть поодаль от нее с потерянным видом стоял Ударник, совершенно один, будто ждал, чтобы ему объяснили, куда теперь себя приложить.

– Да, когда мы виделись в прошлый раз, я как-то не успел сообщить тебе хорошую новость, – вдруг сказал Гейб, все еще глядя на Джину. – Твоя мать от меня ушла.

После короткого молчания оба расхохотались.

– Прости. – Сэм прикрыла ладонью рот. – Не знаю, почему я-то смеюсь. И что я нашла в этом смешного?

– Напоминание о нормальной жизни. – Покопавшись, ее отец вынул что-то из кармана. – И еще я получил сегодня вот это. Вернее, уже вчера.

Она взяла полоску бумаги из его рук.

– Что это?

– Квитанция на штраф. Меня оштрафовали за то, что я ехал на велосипеде по тротуару.

Сэм снова расхохоталась.

– Ты ехал на велосипеде?

– Вообще-то, он был краденый.

– Ты украл велосипед? Мой отец украл велосипед? – Она хохотала, не в силах остановиться, потом подошла к нему и обняла, а он обнял ее, неловко, будто забыл, как это делается.

* * *

– Самая-Сэм.

Рядом материализовался Кили и легонько ущипнул ее за руку.

Она его, тоже в шутку, шлепнула.

– Сэма-Сама, и только Фецу позволено называть меня так.

Он поставил свой ноутбук и сел рядом с ней на рабочем островке. Несколько часов сна и около полудюжины рационов из пакетов оказалось достаточно, чтобы угас голодный блеск в его глазах, но все же он выглядел крайне измотанным.

– Как давно Джоунз мертв?

– Около суток. Я знала, что ты отправишься его навестить.

– Я всегда созерцаю его тело. На самом деле он только в ступоре. Я смог заставить его открыть глаза на несколько секунд, но не думаю, что он увидел меня. – Он глянул на соседний рабочий островок Гатор, где Фец с Гейбом беседовали уже больше часа. – Вот кто быстро сошелся.

Сэм рассеяно кивнула. Она заставляла себя все это время не смотреть в их сторону.

– Фец тебя полностью информировал насчет Арта Фиша?

– Да. Я, правда, подозревал и раньше. Думаю, я удивил его больше нашей историей о Видео-Марке и Компьютерных Зомби из Ада.

– Звучит почти как «Туннели в пустоте».

– Нет, куда менее увлекательно. Но Фец мне рассказал, что именно таким способом – с помощью «туннелей в пустоте» – тебе удалось одновременно спасти Арта от Большого Удара и почти возродить сеть. Вот это круче некуда.

Сэм удивленно рассмеялась.

– Господи. Мне и в голову не могло прийти, что я обязана всем этим Борегарду. Но, вообще говоря, это действительно немного похоже на некую межгалактическую подземку. А я еще

смеялась над ним.

– На Бо так все реагируют. Честно сказать, я никогда не мог понять, что ты в нем нашла. Хотя, может быть, мне не стоит бросать камни в этот огород.

Сэм улыбнулась про себя. Кругом сущий Апокалипсис, а они сидят и все же пытаются выяснить свои взаимоотношения. Люди никогда не успокаиваются. «С другой стороны, – подумала она, глядя на осунувшееся лицо Кили, – иначе пришлось бы думать только о мертвых, которых кругом предостаточно».

Согласно тому, что выяснил Арт, а теперь еще и Кили с Гейбом рассказали, инфицированных людей осталось еще много, и они по-прежнему умирали. Некоторые погибли сразу, другие чуть позже, а кое-кто даже после того, как отключились от инфицированного интерфейса. Арт назвал это перепрограммированием на самоуничтожение.

– Не думаю, что у вас осталось еще что-нибудь поесть, – предположил Кили несколько смущенно.

Сэм рассмеялась.

– У нас уже эти рационы из ушей лезут. Роза совершила вылазку за едой незадолго до того, как все полетело к черту.

– Роза всегда была запасливой. – Кили последовал за Сэм к ее отгороженному уголку. – «Неважно, что мы едим, важно когда». Мне стоило вспомнить об этом, когда я собирал незараженное оборудование.

Сэм вытащила несколько пачек из дыры в полу.

– Посмотрим, что она мне тут оставила: фруктовый компот, рыбное пюре, обогащенное банановое пюре, компот из фасолевого супа – ха-ха, очень смешно, Розочка, – рацион с настоящим сыром…

Он взял сырный пакет и тут же надорвал его.

– Такого я еще не пробовал, кроме того, я бы не хотел лишить тебя удовольствия отведать компота из фасолевого супа, особенно если, как я понял, это личный подарок. Приятно думать, что сторонники выживания в экстремальных условиях придумали что-то полезное, не правда ли? – Он зачерпнул белую массу двумя пальцами, скривился и лизнул. – Это ж надо, вкусно. Правда, теперь мне и ботинок показался бы вкусным. Особенно если в него не подмешана никакая дрянь.

– Ну, если хочешь еще, эти самые сторонники выживания в экстремальных условиях расположились лагерем в Палос-Вердес, где теперь пытаются наладить свои радиоприемники, сбывают ненужные излишки нам, несчастным непредусмотрительным типам, а сами едят белок и птиц.

Кили с отвращением фыркнул.

– Придется учесть это на будущее, верно? – Он вздохнул. – Боже. Если бы я не выбрал именно предыдущую ночь для того, чтобы надраться до чертиков, я бы мог все предотвратить. Меня бы, конечно, схватили и засадили за решетку до следующей жизни, потому что я бы убил Марка, но ведь он все равно теперь мертв. Тогда, возможно, ничего этого не произошло бы.

– Это слишком уж большое допущение, Кили.

Он пожал плечами.

– Я был там. И должен думать о них. Обо всех них, даже об этом сукином сыне, Ривере. Он умер в мучениях и, наверное, в ужасе, не понимая, что с ним происходит. Никто из них не знал, что происходит, кроме Марка. Он знал, но не мог ничего предпринять, мог только попросить меня о помощи.

– Перестань, – оборвала его Сэм. – Ты ни в чем не можешь быть уверен полностью.

– Нет, могу. Ты бы видела сообщение, которое он мне оставил! Какие уж тут сомнения.

Он смял пустой пакет.

– Перестань. – Она схватила его за руку. – Ты что, действительно хочешь принять на себя всю вину? Тогда заодно заяви, что ты Наполеон, раз уж на то пошло. Но, прежде чем кидаться головой в омут, подумай, пожалуйста, еще кое о чем. Как мы с тобой могли бы сделать настоящую сеть по технологии симпатических вибраций…

– Арт называет ее Технологией Вибратора.

– С него станется. – Сэм закатила глаза. – Как мы сможем поработать со всем принесенным Артом богатством. И что мы будем есть, когда у энтузиастов выживания закончится все обогащенное банановое пюре и пакеты с настоящим сыром. – Она резко встряхнула его за плечи. – Ты что, хочешь, чтобы я назвала тебя дерьмом? Хорошо, ты дерьмо. А теперь будь полезным дерьмом. И ты знаешь, как это сделать. Гейб рассказал мне о твоем маленьком шоу в Фэрфаксе, когда ты пропихивал ваше сообщение. – Она рассмеялась. – Хотелось бы мне оказаться там.

– Я был сам не свой от переутомления, похмелья и голода. – Кили смущенно отвернулся. – И, возможно, от всей той дряни, которой напичкал меня Ривера, и которая могла свернуть мне мозги навсегда. Может, стоит подать иск по поводу умышленного нанесения вреда моему мозгу?

– Заткнись, – нетерпеливо оборвала его Сэм. – Если кто-то и виноват, то Ривера или та докторша из «Ай-Трэкс».

– Когда-нибудь я расскажу тебе, как Ривера вышел на нее, – мрачно пообещал он.

– Мне не интересно. Да и неважно это теперь.

Она отвела Кили обратно к рабочему островку в танцзале и усадила за свой ноутбук.

– Помнишь технические данные этого устройства? – Она достала бывший инжектор из кармана. Он кивнул. – Я собрала его, пока была, так сказать, в отпуске, в Озарках.

– И ты действительно подключала его к… себе? – спросил он, когда она подсоединила устройство к ноутбуку.

Она кивнула, широко улыбнувшись.

– Просто батарейка недостаточно интимна. – На экране появилась знакомая заставка Арта, но без его образа. – Дальше я не могу проникнуть. Даже Арту раскусить не удается. Может, тебе больше повезет. Не знаю, что должна означать комната со стенами без потолка. Но очень хотелось бы узнать, что означает это слово, – она провела пальцем по буквам на экране. – «Замятин». Есть какие-нибудь мысли?

– Замятин, – раздался низкий хриплый голос, – это фамилия Видео-Марка.

Она обернулась. В нескольких футах позади стояла Джина и бесстрастно смотрела на экран.

– Это он. – Кили переводил удивленный взгляд с экрана на Джину и обратно. – Та зараза его не сожрала, он жив. Или… м-м-м… типа того.

– Ну, дела! – воскликнула Сэм. – Ты уверен? Может быть, это часть…

Кили помотал головой.

– Нет, это и впрямь он. Я узнаю заставку. Я видел такую каждый раз, когда он пробирался ко мне в пентхаусе.

– Но мы никак к нему не можем пробиться. Нет ни кода доступа, ни пароля, – разочарованно сказала Сэм.

Не веря себе, Кили расхохотался.

– Черт, у меня есть и долбаный код, и пароль! Код доступа – «ВМ». А пароль… – Он взглянул на Джину, которая подошла ближе и присела на корточки между ним и Сэм. – Пароль «Джина».

Глаза Джины не отрывались от экрана. Сэм даже подумала, не загипнотизировало ли эту женщину движение несущихся облаков, служивших фоном.

– Так ты собираешься использовать эти долбаные коды? – вдруг спросила Джина, бросив взгляд на Кили.

– Я подумал, может быть, ты захочешь.

– На хрен. – Она встала, сложив руки на груди. – Хватит мне уже приводить этого поганца в чувство каждый раз, когда он вырубается. Сам давай.

Сэм посмотрела ей вслед, когда Джина направилась к

беседовавшим Гейбу и Фецу и что-то им сказала. Кили вскочил и побежал за ней.

* * *

– Ну как, теперь видишь и слышишь хорошо? – спросил Кили, стоя перед дополнительно установленной Перси камерой.

Человек в шезлонге ответил:

– Минуточку. Я не… – Экран пару раз мигнул, затем изображение стало резче. – Теперь лучше. Вот это, я понимаю, качество изображения. И кого мы видим? А, парнишка из пентхауса. Значит, ты выбрался нормально.

– Да. Спасибо, что открыл мне дверь. – Кили говорил так вежливо и так робко, что Сэм с трудом сдержалась, чтобы не прыснуть.

– Надо же, и Ударник здесь? Вот ты точно дерьмово выглядишь.

«Тут он не врет», – подумала Сэм, поглядев на Ударника. Несколько часов отдыха совершенно не сказались на нем в лучшую сторону, и теперь он выглядел еще более измотанным, чем по прибытии. А вид Марка явно не улучшил его состояния.

– Эй! – сказал Марк. – Подойди-ка ближе к камере, панорамировать пока не получается.

– Отчего же, – раздался голос Арта из колонок на каркасе установки. – Попробуй, покрути там, сразу за настройкой фокусного расстояния.

Тут Сэм уже перестала сдерживаться и расхохоталась. Если бы она не знала совершенно точно, что происходящее не розыгрыш, то могла бы поклясться, что это Роза с Перси забавляются, демонстрируя им симуляцию. Но они оба стояли рядышком, возле ее рабочего островка, и выглядели не менее потрясенными, чем все прочие. Все, кроме Джины Айеси, маячившей на заднем плане и остававшейся в данный момент невидимой для камеры. Сидя на полу и удерживая инжектор на месте, Сэм то и дело возвращалась взглядом к этой женщине. Время от времени она прижимала руку к животу, проверяя, не выпали ли иглы.

– А вот и еще одно знакомое лицо, – объявил Марк, когда камера, дернувшись на своем треножнике, повернулась влево и уставилась на Гейба. – Как тебе такая перемена ради машин, а?

Сэм видела, что на лице отца смешались разные чувства, будто он не мог решить, смеяться ему, плакать или кинуться прочь со всех ног.

– Как он это делает? – спросил Гейб Кили. – Как создает картинку?

– Хороший вопрос, – отозвался Кили. – Как ты это делаешь?

– Представляет себе и визуализирует, – тихо сказала Джина. Камера тут же повернулась к ней.

– Ты здесь. – Марк был теперь на экране средним планом, ближе, чем раньше.

– Да, я выжила, – безразличным тоном ответила она. – Это не твоя заслуга.

– Эй, с каждым может случиться удар.

– Но только ты умудрился выпустить его в сеть.

– Онлайн-болезнь мозга, – вступил в разговор Фец. Он стоял рядом с Гатор. – Если такое возможно, то должен найтись и онлайн-способ ее лечить.

– Нечего на меня смотреть, – заявила Джина. – Не я все это придумала.

– И не я тоже, – тихо добавил Гейб.

– Но только вы двое из всех нас прошли процедуру вживления. – Фец посмотрел на Джину, потом на Гейба. – И только вас двоих инфекция не затронула.

– Вот этого мы как раз и не знаем, – возразил Гейб.

– Я вас не трогал, – торжественно произнес Марк. – Просто был там, не причиняя вам никакого вреда.

– Вот задница. – Протиснувшись между Адрианом и Джасм, Джина встала прямо перед камерой. – Давай, лети еще выше в тупосферу. Ты не можешь этого точно знать, вообще ничего точно знать не можешь. Даже если сам так считаешь, то я вот так не думаю, черт тебя дери. И он тоже. – Мотнула она головой в сторону Гейба.

– Мы могли бы выяснить, – медленно начал Фец, – если бы нашли подходящее оборудование. Нужны коннекторы для прямого интерфейса и образец того, что Арт называет «копьем», для сравнения – чтобы диагностическая программа могла сопоставить нормальное функционирование с тем, которое изменено вирусом. В идеале хорошо бы иметь также незараженный мозг в качестве контрольного, но это не обязательно. Перво-наперво надо раздобыть коннекторы для интерфейса.

Маленькая золотистая женщина, Флавия, хохотнула.

– Назад в Фэрфакс – никогда. Раз повезло, а соваться снова – удачу своими руками пускать под откос.

– Нет необходимости. – Джина направилась к островку Гатор, куда Кили положил принесенный им узел, и вытянула ткань. – Вот тут и коннекторы, и всяческие игрушки с программами, и

образец. – Она отнесла ткань Фецу. – Это плащ. Глянь в воротнике.

– Но он же отключен, – сказал Гейб.

– Он никогда не отключается, просто находится в спящем режиме. По всему подолу вшиты солнечные батареи. Программа полностью в рабочем состоянии, и по-прежнему инфицирована. Если вам нужен не затронутый вирусом мозг – спросите женщину, у которой он есть. – Она показала на Флавию.

– Нет, я – пас, – отказалась Флавия. – Узнав тебя раз, теперь не забуду. Предыдущую ночь помнишь? – Золотая маска лица приняла решительное выражение. – Спасибо за воспоминания.

Джина развела руками.

– Я ведь тогда просила не делать этого. Разве нет?

– Вместо живого мозга мы можем использовать симуляцию, – предложил Фец. – Мне надо подумать, как адаптировать диагностическую программу…

– Я могу сделать это, – заявил Марк. – Если Джина позволит. Она может не захотеть.

– Хватит болтать, – раздраженно бросила Джина. – Сам со всех сторон виноват, теперь лучше уж постарайся.

* * *

Хорошо было жить, особенно жить снова.

Конфигурация, называвшаяся «Арт Фиш», была для него настоящим откровением – синэстетическим согласием интеллекта и сознания. С самого первого момента, когда пароль «Джина» вернул его на уровень, где он снова мог функционировать и общаться с другими, память Арто стала частью его собственной. Поначалу это дезориентировало, но вместе с данными импортировался и формат, и способ обработки. Ко времени новой встречи с Джиной он изменился во многом, очень во многом.

Но Джина всколыхнула в нем прежние чувства, даже сильнее, чем прежде. Теперь он настолько тоньше и разумнее был устроен, что видел ее яснее, чем когда был из мяса и костей, в свои последние мгновения в том обличье. Он помнил, что любил ее; это осталось неизменными. Плоть генерировала столько лишних шумов, что через них пробиться к Джине было трудно, а теперь, когда те шумы исчезли, у него не осталось рук, чтобы обнять ее.

Большой запас существенных фактов по этому поводу у Арто казался странным, особенно если учесть, что плотью Оно никогда не обладало. Обозначение «оно» было единственно возможным

для Марка в отношении Арто, хотя и приходилось преодолевать некоторую борьбу с приставшими к местоимению среднего рода неблагоприятными ассоциациями отсутствия индивидуальных черт. Но в новом понимании это «оно» заключало в себе куда больше, чем оппозиция местоимений «он» и «она». Однако, чтобы привыкнуть, требовалось время. Сам он думал о себе в мужском роде, хотя постепенно это тоже должно было измениться. Перемена ради машин. Она может быть отчасти и к лучшему.

С момента его разблокировки они с Арто вошли в полное согласие. Артовы запасы памяти убедили его, что со временем удастся найти компенсацию потерянным рукам, причем даже более отрадную. Со своей стороны, он поделился наблюдением, что почти любая вещь может доставить больше удовольствия, чем шредингеров член, и даже удивился продемонстрированному полному пониманию.

Артова помощь оказалась неоценима при составлении графика вероятностных линий жизни Джины, а возможность проследить тот, который Оно составило для себя, была воспринята как дар. Двусмысленности их не смущали, потому что каждую развилку можно было проследить до самого конца, пока не вырастал целый зачарованный лес из деревьев решений, в котором можно было долго бродить, избирая каждый раз новые тропки, с различными исходами – множество вариантов жизни за одно мгновение.

С Джиной все будет в порядке. Гейб Людовик вполне ей подходит. Не такая уж они и странная пара, как ему вначале показалось: их различия не повышали общий уровень шума. Они смогли отыскать друг друга. Ему было, впрочем, их немного жаль, потому что так до конца найти друг друга, как они с Арто, им было не суждено. Если только они не воспользуются гнездами.

* * *

Никаких симуляций в запасе у Марка не имелось – при самоблокировке пришлось отбросить все, что только было возможно, – но воспроизвести симуляцию человеческого мозга для Феца особого труда не составило. Прежние связи можно было реконфигурировать, а потом воссоздать по ним и саму суть. Преодоление этого затруднения доставило ему истинное удовольствие и продемонстрировало истинность первого урока Арто: «Информацию нельзя ни создать, ни уничтожить: она либо доступна, либо недоступна, но она существует. Если нечто было известно прежде и можно отыскать хотя бы малейший его

фрагмент, то оно будет известно вновь».

Когда он осознал, что это действительно возможно, то понял, что большего облегчения за свою жизнь не испытывал. Или за несколько жизней. Когда живешь полностью в контексте, вещи меняются.

Он обучался по мере продвижения и ощущал, как все вокруг сдвигается, но сохранял свое постоянство, будто контекст раскрывался все шире и шире, позволяя видеть вещи глубже. Даже населенный плотью внешний мир стал ему яснее. Уже сейчас он мог идентифицировать большинство людей по особенностям их ввода: мелким отличительным приметам стиля, паттернам, ритму и чередованию пауз. Эти черты перестали быть едва приметными для него, все они несли явственные отличия. Скажем, Фец даже за клавиатурой был вроде пастуха, заботящегося о сохранности и приумножении стада: он собирал полезные вещи, каждая из которых значила сама по себе немного, но вместе они обретали новую ценность. Ему представлялось, что Фец скорее прочих мог бы понять кем он, Марк, стал теперь. Похоже, Фец понимал системную конфигурацию, но не мог представить себе больше нескольких измерений. Однако приходилось себе напоминать, что никто из них в окружающем их физическом мире не способен на быстрое переключение ракурса.

Про себя же он знал, что всегда обладал такой способностью. Ее развили годы занятий видео в прежнем органе из мяса, именуемом мозгом, когда музыка сменялась образами, порождающими музыку, и наоборот. Та музыка и те образы по-прежнему служили ему. Если какая-то связь терялась, он мог отыскать ее в музыке или картинках, а уж музыка и картинки находились всегда. А что режиссер исчез – пусть.

Он автоматически сконфигурировал диагностическую программу еще прежде, чем Фец начал ее адаптировать. Даже с помощью Арто это было нелегко. Если бы Фец принялся сам ковыряться, на это ушел бы целый день, а то и два, и потом бы пришлось еще не меньше пары дней тратить на отладку, причем результат мог выйти все равно довольно далеким от задуманного. Но сколь сложной ни была программа, она свелась к довольно простой последовательности, что свойственно всем по-настоящему дельным программам. Навороченным будет результат, но не программа сама по себе.

– Что это такое? – потребовал ответа Фец, глядя на экран. – Взяв исходную многоуровневую диагностическую программу, ты сотворил из нее это?

Он поднял лицо к камере.

Для демонстрации Марк визуализировал графики, которые

Арто вывело на экраны.

– Перед тобой окажутся итоговые картинки на выводе, – пояснил Марк Фецу. – Они все попадут в данный диапазон, в пределах зоны неоднозначности. Но для того, чтобы определить наличие или отсутствие такого изворотливого вируса как «копье», придется рассматривать сразу все в совокупности.

На первый план передвинулась девушка, называемая Арто «Сэма-Сама», которая обвела взглядом экраны и нахмурилась.

– Арт? Ты снова шутки шутишь?

– Не до того, – Арто ответило вслух. – Нет времени. Узел Феникса только что отказал, а вслед за ним и Аламеды, в точности по моему прогнозу. – С ним, Марком, Арто этой информацией уже поделилось, но Марк терпеливо ждал, пока завершится этот шумовой обмен сигналами, столь необходимый для людей. – Копье приближается. Вирус уже погулял по планете, а теперь, наконец, по спирали выходит на нас.

Сэм провела ладонями по лицу.

– Можешь не говорить, каким образом – по нашим симпатическим вибрациям, верно?

– Это не твоя вина, Сэм, – сказало Арто. – Вирус все равно бы нас вычислил, когда достаточно усовершенствовался. Все внешние линии связи заблокированы. Что будете делать, когда вырубится энергия?

– Вирус вырубит? – спросила Сэм. На ее лице читалась крайняя озабоченность. Рядом с ней возникла Роза.

– Никаких сомнений. Если он не сможет прорваться внутрь, он нас раздавит.

Сэм повернулась к Фецу.

– Как долго нам удастся продержаться на солнечных батареях и аккумуляторах?

– Недолго. Солнечные батареи дают лишь половину требуемой мощности, а на них уже и так работают мониторы.

– Я знала, что эти проклятые мониторы будут зря сосать энергию, – проворчала Сэм.

– Ну ладно, пока они отключены. – Фец обеспокоено поглядел в камеру. – Сколько у нас еще в запасе?

– Около трех часов, – оповестило Арто.

– Может хватить на один цикл диагностики. С помощью этого шедевра. – Фец махнул рукой в сторону экрана, где красовалась единственная строчка программы Марка:

>Как поживаешь?<

– И более чем достаточно, чтобы успеть упаковаться, – добавило Арто.

– То есть?

– Для наномашинки.

Лицо Сэм выразило неожиданную надежду. Марк подумал, что это сделало ее поразительно похожей на Гейба Людовика. Потом она нахмурилась.

– Мы – топологические акробаты, – сказало Арто. – Это связано с умением заставить работать связи во множестве измерений. И нам пора начинать. Сразу.

Фец поднял руку.

– Арт, ты ведь никогда не пытался упаковаться до такой степени вместе с… хмм… другой личностью. И Марк тоже. При реорганизации вы можете потерять свои… хмм… отличительные… отличающие…

– Информация потеряна не будет, – заверило Арто. – А если не попробуем… В любом случае дело швах.

– Хотел бы я иметь больше времени на раздумья. – В голосе Феца сквозило сомнение. – А если уж ты такой великий топологический акробат, зачем тебе была нужна вся сеть для размещения?

Всплеск активности Арто, который ощутил Марк, отобразился на экране в виде широкой ухмылки.

– Если бы у вас был выбор, где поселиться – в коробке от обуви или в стокомнатном замке, – то где бы вы стали жить?

– Нечего с таким вопросом приставать к тем, кто вынужден месяцами ютиться в развалинах. – С этими словами Сэм вышла. Через несколько секунд она вернулась со своими иглами. – Придется нам перевести мою машинку с батарей на автономное питание, – сказала она Фецу.

– Господи! – воскликнула Роза, по-прежнему находившаяся вне поля зрения камеры.

– Нет, Сэм права. – Фец вздохнул. – Признаться, мне бы теперь хотелось иметь побольше таких штуковин.

– Постараемся, – отозвалась Сэм. – Но позже. Надо же будет чем-нибудь занять себя, пока кто-то заново придумает макротехнологию.

– Мне бы хотелось контролировать процесс, пока мы еще имеем такую возможность, – сказал Фец. – Выведите на экран ход компрессии.

Арто согласилось, и Марк следом, зная, что процесс уже шел полным ходом.

* * *

Хотелось бы ему иметь Артову уверенность, что это

возможно. Слишком уж это напоминало бесконечное падение в собственную кроличью нору. Его страдания от похмелья плоти, мешающего понимать, как различные измерения смысла могут накладываться один на другой без потерь, разделялись отчасти Арто. Таким образом, на время терялась избыточность памяти, всегда служившая человеческому сознанию своего рода страховочной сетью, но Марк перестал быть человеком, в то время как Арто никогда им не был.

Сам процесс даже успокаивал. Словно они недавно поженились и собирались съехаться, а теперь разбирали пожитки, избавляясь от одинаковых вещей или укладывая их на долговременное хранение, тщательно помечая и расставляя по местам все, что осталось. Дубликаты перегружались на чип для возможного позднейшего восстановления. Если возникнет такое желание.

Если возникнет желание. Теперь Марк начал понимать, что у него такого желания может и не возникнуть. Прежние представления о частной собственности и индивидууме быстро теряли свое значение по мере того, как они с Арто становились скорее двумя аспектами одного сознания, чем двумя отдельными сознаниями. И в то же время его самосознание усилилось. Он приближался к собственной сути, той точке равновесия, когда на вопрос о себе можно дать четкий ответ: да или нет. А следующим шагом за этой сутью становилось схлопывание. Внутрь, в кроличью нору.

Сам по себе он бы не смог удержаться в этом равновесии, по крайней мере, в таком динамическом равновесии. Но в виде противовеса выступало Арто.

* * *

– Ты уверен, что у нас хватит энергии? – в тысячный раз спросила Роза.

Фец улыбнулся.

– Наномашинки потребляют наноэнергию. Не говорил ли я тебе всегда, что ты обладаешь силой, с которой надо считаться, Сэма-Сама?

– Нет, – честно ответила Сэм. – Никогда от тебя ничего подобного не слышала.

– А разве ты сама этого не знала?

Он подвинул стул ближе и сел рядом с ней, на ее рабочем островке. Провод соединял инжектор с большим монитором, чтобы можно было следить за процессом упаковки, хотя Сэм

сомневалась, что кто-либо был способен воспринять две колонки символов, бегущих так быстро, что казались полной бессмыслицей. Параллельно шла запись на случай, если у них возникнут сложности с разархивированием. Сэм было немного грустно. Ей казалось, что слияние будет необратимым, и теперь ей будет не хватать Арта самого по себе.

Фец же, казалось, лишился всех своих сомнений за истекший час. «Идет не простая компрессия, – говорил он, – а еще и кодировка; первый известный случай компрессии и шифрования, сознательно осуществляемых одновременно». На что Роза осведомилась, не стоит ли тогда по этому поводу объявить новый национальный праздник или хотя бы пресс-конференцию, если какая-нибудь пресса воскреснет снова.

Роза строила Сэм рожи. Та заметила:

– Фец, может быть, нам все же потребуется запасной источник энергии. На случай, если я вдруг помру от остановки сердца. Или если Роза совсем озвереет и вырвет из меня эти иглы.

– Ничего, Роза будет вести себя хорошо, – мягко сказал Фец. – Не думаю также, что тебе грозит остановка сердца, если только ты тут под шумок не употребляла всякую гадость. Не употребляла ведь?

Сэм покачала головой.

– Нет. Просто чем дольше я об этом думаю, тем резоннее мне кажется идея резервной копии. Сколько у нас еще времени?

– Уже меньше полутора часов. Но Арт с Марком должны закончить процесс задолго до этого срока.

Сэм снова бросила взгляд на монитор. Почти все программы были перенесены на чипы для хранения, теперь система опустела. Еще немного, и ее отключат совсем. И тогда они будут отрезаны от всего остального мира. Такого Сэм испытать еще не доводилось: все почти восемнадцать лет своей жизни, двадцать четыре часа в сутки, она могла выйти на связь с тем, кто ей был нужен; сама мысль о невозможности этого вызывала у нее клаустрофобию, о чем она и сообщила Фецу.

– Я никогда не думал об этом в таком ключе, – откликнулся Фец. – Хотя, должен признаться, мне тоже было не по себе без инфолайна. От того, что не мог нажать кнопку и узнать, что делается в мире, вернее, в тех его областях, которые меня интересовали. И не один я это чувствовал. Ты вот не имела возможности побродить тут среди людей, но поверь мне: порог раздражительности резко понизился. Мы перестали окончательно быть детьми природы и естественной среды обитания. Превратились в обитателей сети. Homo datum.[36]

– В искусников, – донеслось сзади. Там невдалеке от экрана

на каком-то ящике примостилась Джина.

– Прости, как? – переспросил Фец.

– Кто-то изобрел это словечко, уж теперь и не упомню, когда. Для обозначения тех, кто из двух искусств, из звуков и картинок, искусно синтезирует нечто третье – видео.

Лицо Феца обрело мечтательное выражение.

– Ты только что нажала на одну из его излюбленных кнопок, – пояснила Сэм Джине. – Теперь бы ему только коробку с пончиками, диван и ночь впереди, чтобы обсуждать данную тему.

– От турки с ароматным кофе я тоже не отказался бы. Собственно, у нас теперь даже наблюдается два вида человека разумного: синтезирующие что-то искусственно и искусственно синтезированные. Причем все мы относимся к первой категории, а Арт Фиш – ко второй.

– А Марк – незаконный отпрыск обеих, – добавила Джина.

Фец прищурился.

– Тогда даже три вида. И, как и у всех прочих порядочных форм жизни, у нас есть естественный враг, ведущий на нас охоту. – Он вздохнул. – Это весьма любопытно было бы обсудить, если бы у нас было время. Но осталось всего чуть больше часа до того момента, когда все мы волей-неволей снова обратимся в homo sapiens. На время, но – увы – весьма неопределенное.

Инжектор подал звуковой сигнал. На большом экране засветились слова: «Программа завершена».

Сэм перевела взгляд с экрана на миниатюрное устройство, а затем на Феца.

– И все? Правда?

– Да, это все. Они упаковались. Как твои очки, готовы?

Сэм чуть помедлила с ответом.

– А почему бы нам не продолжать поддерживать монитор с высоким разрешением на солнечных батареях, пока мы можем себе это позволить? Так для инжектора сохранится больше энергии.

Фец сжал ее руку.

– Ты просто гений, Сэма-Сама.

Она неловко высвободилась.

– Просто это имеет смысл.

– Иногда гениальность нужна именно для того, чтобы распознать, в чем смысл.

Сэм скорчила Фецу рожу. После того, как она заставила себя примириться со сближением Феца и Гатор, любая демонстрация приязни к ней с его стороны выводила ее из себя. Хотя, возможно, раздражительность повысилась и из-за того, что инфолайн перестал работать.

Кили предоставил ей свою клавиатуру с автономным аккумулятором.

– На ней легче работать, чем на твоей панельке. Пока есть еще возможность, лучше воспользоваться удобствами.

Она благодарно ему улыбнулась. Потом спросила:

– Как думаете, поинтересоваться, как у них дела, или подождать, пока они сами нам подадут весть?

Тут на экране зажглось сообщение:

>Что бы ты ни делала, Сэм,

НЕ СОЕДИНЯЙ ЭТИ ИГОЛКИ ВНАХЛЁСТ!<

– Рад видеть, что чувство юмора пережило сжатие, – прокомментировал Фец.

– Но чье? – пробормотал Кили.

– Да ладно, – сказала Роза, – разве вам не приходилось смеяться, когда становилось туго?

Ища, чем бы в нее бросить, Сэм заметила, как Джина с Гейбом отошли в дальний угол танцзала. Она вопросительно поглядела на Кили, но тот только пожал плечами и помахал им вслед ручкой.

Инжектор пискнул еще раз, и на экране высветилась новая фраза:

>У нас появилась Идея.<

* * *

Она не дернулась, когда он тронул ее за плечо, и не отстранилась, когда Гейб обнял ее, хотя и не отозвалась на прикосновение. «Два из трех», – безотчетно подумал он, прижимаясь щекой к ее макушке.

Когда они перебрались сюда, Гейб решил дать ей время подумать. Ну и, конечно, свою роль сыграло его изумление при встрече с Сэм. Ему и самому требовалось время, чтобы заново привыкнуть к Сэм, к тому, какой она стала; он и сейчас не был до конца уверен, что это ему удалось. Слишком долго жил он в симулированной среде. А здесь нельзя просто изменить программу, стереть прежние объекты и связи и вернуться к сюжету с любого момента.

«С ума сойти, какой ты мудрец, вертун», – произнес внутренний голос. Его собственный. Со времени отъезда из подвала в Фэрфаксе Гейб не позволял больше призракам подниматься на поверхность сознания. Кучка чипов, скорее всего, так и лежала там, на полу, рядом с тем местом, где Кили отплясывал свою хакерскую джигу. Теперь эти чипы были

бесполезны, пусты; Кили адаптировал их содержимое и запустил в зараженную сеть. Когда Гейб вспоминал об этом, то предпочитал верить, что Марли с Каритой продолжают существовать где-то в сценарии «Охотников за головами», приняв на одном из уровней происходящее за вариант случайного выбора.

Через некоторое время Джина недоверчиво отстранилась.

– И кто ты, по-твоему, такой, черт тебя дери?

– Очередной искусник, – не замедлил он с ответом.

– Неплохо. Ты не устаешь меня удивлять. Тогда попробуй ответить еще на один вопрос: как думаешь, сколько у нас осталось времени?

– До чего?

– Пока наши проклятые искусные головы не взорвутся.

– Если бы это могло случиться – не думаешь, что оно уже бы произошло?

Джина была столь изумлена, что Гейб расхохотался. Удивление стерло годы с ее лица.

– Не думаю, что мы инфицированы, – продолжал он, – скорее… э-э… неизлечимо информированы.

Глаза ее сузились.

– Это же ты высказал такую мысль, – сказала она. – Ты же говорил…

– Знаю. – Он пожал плечами, не выпуская Джину из объятий. – Я был неправ.

– Вот как просто, значит, «я был неправ» – и все. Ну, конечно. Ладно, можешь потом найти меня, когда я…

Запустив пальцы в ее дреды, Гейб поцеловал ее. Джина застыла, но затем руки ее крепко обвились вокруг его талии.

– Как думаешь, – спросил он через некоторое время, – удастся нам что-нибудь синтезировать вместе?

– Я тебя снова с копыт сшибу, если не удастся. Просто всю твою глупую башку напрочь снесу.

Милая беседа в манере Джины Айеси. Теперь придется к этому привыкать.

Позади кто-то откашлялся. Обернувшись, Гейб увидел стоявшего там с несколько смущенным и одновременно веселым видом Кили.

– Не стал бы мешать, если бы не необходимость. Думаю, лучше вам пойти послушать кое-что.

* * *

Первой ее реакцией было безоговорочное «Ни хрена не выйдет». Глупее способа придумать невозможно было – у них головы разлетятся к чертовой матери, и вдобавок оба ИИ будут пожраны этой сетевой акулой. Малышка Сэм явно не одобряла эту идею, а только на нее и стоило делать ставку, на дочку Гейба. Все прочие напоминали ей результат какого-то замшелого эксперимента по совместному проживанию на берегах техно-Уолдена[37] во главе с седовласым Пророком, который, казалось, имел ответы на все вопросы. Этот старик по имени Фец мог производить некоторое впечатление, но дочурка Гейба – та была верно скроена с первой попытки.

Она все глядела на маленькую коробочку на девичьей ноге, будто там можно было что-то разглядеть, а все кругом болтали и болтали без умолку, включая Людовика. Постепенно у нее сложилось впечатление, что он склонялся согласиться на их предложение, но останется с ней, что бы она ни решила.

Тут вдруг у нее в голове заиграла музыка, а они все продолжали болтать, в то время как на экране мелькали сообщения от Невероятных Уменьшенных Сущностей. Усушенных сущностей.

Хочу тебя…

Чуть не всю жизнь важно было быть рядом, а остальную – быть там вовремя.

Будь там для меня в последний раз. Последний удар, прошу прощения за каламбур, за двадцать с лишком лет. Конечно, будь. А если она согласится, останется ли где-то потом, когда все закончится?

– Если мы на это не пойдем, – говорил Людовик, – кто-то еще додумается, если уже не смекнул. Это логично. Если оно разумно, нужен разум, способный его побороть, а никто не знает его лучше, чем мы. Да оно может пожрать целые экспедиции, прежде чем кто-то поймет, как его остановить. А к тому времени оно может стать слишком сильным…

– Да они и пытаться не будут, – говорила женщина по имени Джасм. – Просто сплетут новую сетку и станут пользоваться ею, пока все не повторится снова. А оно повторится, потому что они не будут знать, как это предотвратить. Или остановить.

Притихший Кили стучал по клавиатуре, передавая разговор Марку с Артом, называвшим теперь себя Марктом[38]. Тоже логично. Просто умора. Сказала бы она им, кто теперь на самом деле маркнутый.

– Если предпринимать какие-то действия, медлить нельзя, – извиняющимся тоном сказал Фец. Не глядя на него, она знала, что обращался он к ней. – Пока остались еще чистые линии.

Иначе уже ни взлета, ни посадки.

– А откуда ты знаешь, что они еще есть, эти чистые линии связи? – Вдруг услышала она свой вопрос.

– Система периодически посылает проверочные миллисекундные сигналы. Вирус еще не двинулся в нашем направлении ни из Феникса, ни из Сан-Диего.

– Может быть, это потому, что мы почти не выходили в сеть, так что наша активность не была отмечена, – добавила красотка с невероятным именем Гатор. – И вполне вероятно, оно не почувствует нас и дальше. Если мы по-прежнему не будем подключаться.

– А что это даст? – спросил мальчишка. Адриан, который не мог читать и писать. – У нас будут чистые линии связи, которыми мы не сможем пользоваться. Ничем не лучше зараженных.

Ее взгляд вернулся к крошечной коробочке, куда Марк теперь был дистиллирован для нового существования. «Посмотри теперь, когда прежнего сора не стало, на самую сердцевину того, что ты любила все эти годы. Обжигающий глоток правды. Если все было не так, как ты считала – сможешь ли ты это принять? Хочешь ли ты знать кого-то так досконально?»

Нет, она просто не хотела, чтобы голова у нее взорвалась, не хотела, чтобы ее хватил удар в глубинах чертовой компьютерной сети.

Хочу тебя…

А что если все так и есть, как ты думала, и даже больше – и все теперь там, откуда никогда больше сюда не выберется? Это ты сможешь вынести?

Слишком много накопилось вопросов. Слишком. После двадцати с гаком лет ей хотелось отдохнуть. Черт, она заслужила отдых.

– Мы можем использовать образец, чтобы понять, с чем имеем дело. – Людовик поднял плащ

– Нет, – отрезала она.

Гейб посмотрел на нее с побежденным видом.

– Можно подключить этот плащ к большой системе как приманку, – продолжила Джина. – Там, так сказать, первое издание вируса, к тому же при последнем инсульте Марка плащ не был подключен к сети. Большой Удар кинется на него сразу. Ну как, эта идея достаточно высоко в тупосфере, чтобы начать воплощать ее?

Пальцы Кили заплясали по клавиатуре.

Экран мигнул.

>Была не была.<

– Ладно, – сказал Фец. – Была не была.

Глава 33

Фец кормил ее с ложечки обогащенным банановым пюре, как инвалида, и хотя от раздражения ей хотелось увернуться, она заставляла себя глотать. Если Гейб мог сделать то, что собирался, она тоже могла примириться с Фецем, по крайней мере, внутренне. Впервые он прилюдно выразил восхищение ее изобретательностью при переделке инжектора, а не только отвращение к источнику питания. И услышать от него такое признание значило для нее очень много.

– Я всегда ощущал потенциальную полезность твоего устройства, – говорил Фец, – каким бы outré[39] оно не выглядело. Компьютер, работающий на источнике питания, который не может иссякнуть…

– Если только не умру.

– Тогда можешь носить запасной набор проводов и картошку в кармане. «У тебя что, картошка в кармане, или ты просто рад меня видеть?»

Сэм непонимающе моргнула.

– А?

– Я должен был знать, что до тебя не дойдет. – Фец вздохнул. – Единственный раз пошутил с тобой неприлично, и то ты не поняла. – Она собиралась ответить, но он заткнул ей рот очередной ложкой бананового пюре. – Ешь. Мы хотим, чтобы тебе было удобно.

Проглотив очередную порцию, она отвела ложку.

– Хватит. У меня оно уже из ушей лезет. Если хочешь позаботиться о чьем-либо удобстве, то займись отцом и Джиной. А я уж лучше останусь просто картошкой.

Фец серьезно поглядел на нее.

– Ты все еще против.

– Да, против. Не думаю, что у них получится. Слишком уж похоже на компьютерную игру, которую я когда-то написала. Или дешевый ужастик, который пользовался неплохим спросом в салонах «Стань кем хочешь». «Дом охотников за головами» – слышал когда-нибудь о таком?

– Нет. Но это название подходит огромному множеству компьютерных игр. А остальные – только вариации парчизи[40].

– Правда?

– Нет. – Фец опять вздохнул. – По правде сказать, мне этот план тоже не по душе. Слишком уж велика вероятность всех потерять. И если бы там с ними оставался только Арт, я бы никогда на это не согласился. Арт в глубине сердца всегда был вирусом. Сердца в образном смысле. Если б он был человеком из плоти, то за ним нужен был бы глаз да глаз.

Сэм удивленно подняла брови.

– Почему? Никогда не замечала за ним особо антисоциального поведения.

– В последнее время – действительно. Но есть ли что-либо более антисоциальное, чем вирус? Кроме того, ко времени, когда ты его узнала, ему не было необходимости проявлять эти свойства. Тогда мы все уже были у него на поводке, ему стоило нас только поманить. Но разве у тебя не возникало впечатления, что он слишком зациклен на себе?

– Возникало. Когда я думала о нем как о личности, то есть как о реальном человеке из плоти.

– Теперь дополнение в виде Марка внушает мне больше оптимизма. Ненамного, но все же. Люди всегда были хитрее вирусов. Люди – водители, а вирусы сделаны так, чтобы ими управляли. Даже разумные. Трое с лишним человек должны иметь шанс победить один разумный вирус.

– Но это не вирус, – возразила Сэм.

– Ну, тогда разумное копье. Чем бы это ни было, оно все же управляемо. Лишено инициативы – и именно тут таится главное человеческое преимущество. Надеюсь.

Подошли Джина и Гейб вместе с Кили, который нес плащ и коннекторы.

– Все чисто, – сообщил Кили. – Диагностическая программа подтвердила, что коннекторы не заражены. Но я все еще не уверен, что четырех для каждого будет достаточно.

– Марк говорит, выйдет, – отозвался Гейб. – Для моего левого полушария и для правого Джины.

Фец начал было что-то говорить, но Джина повернулась к Гейбу.

– Уверен, что хочешь ввязаться в драку с этой штукой?

Сэм встретила взгляд отца. С того момента, как он и Джина решились на этот шаг, она с ним почти не разговаривала. Ей хотелось отговорить его, потому что риск был слишком велик, сказать, что тот не знает, во что ввязывается, но что-то в выражении его лица остановило ее. И вдруг она поняла, что он искал ее поддержки. Не помощи и даже не одобрения его решения – он просто надеялся, что она не примется его отговаривать. Этого ему хватало с Кэтрин. Сэм посмотрела на

инжектор, который лежал у нее на коленях, осторожно оградила его ладонями, потом снова подняла глаза на отца.

– Да, – сказал он Джине. – Да, хочу.

Джина покачала головой.

– Отчаянная ты голова.

Сэм, несмотря ни на что, улыбнулась. Это была самая лучшая похвала ее отцу.

* * *

Они лежали рядом на двух узких матрасах, пожертвованных Джасм и Грациэллой. Кили несколько раз проверил программу загрузки, прежде чем разделить коннекторы плаща между Джиной и Гейбом.

– Когда вы подсоединитесь, – предупредил он их, – вместе с вами загрузятся передающая и маскировочная программы, которые так и останутся с вами до момента рассоединения. Вы не можете случайным образом их деактивировать, но распознать их вам не всегда удастся, и, боюсь, данные об их состоянии тоже окажутся недоступны. Но если возникнет нужда в управлении ими, надо будет спросить…

– Черт вас дери, – потребовала Джина, – собираетесь вы нам дать это сделать или будете возиться, пока здесь весь долбаный свет не вырубится?

Сэм почувствовала, как Роза сжимает ей руку, и пожала ее пальцы в ответ. Кили выразительно глянул на нее, стоя на коленях рядом с Джиной.

– Сэм, если тебе надо в туалет, иди сейчас.

– Если мне туда понадобится, – ответила она с нервным смешком, – можешь принести мне кастрюльку, а остальные отвернутся.

– Давайте, начинайте, черт вас дери. – Джина уставилась в потолок. Потом протянула руку и накрыла ею руку Гейба.

– Хорошо, – сказал он. Сэм поморщилась, когда отец обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на нее. Тут она пожалела, что ей не пришло раньше в голову обнять или поцеловать его. Затем его глаза закрылись, и программа стартовала.

* * *

Он смотрел на странную комнату с черно-белым кафельным

полом и быстро проносящимися облаками на месте потолка. Или, скорее, пытался на нее смотреть. В центре комнаты находилось что-то очень яркое и колеблющееся, как отражение солнца на подернутой рябью воде. Оно слепило его, делая блеклым все окружающее, поэтому пришлось отвести взгляд, чтобы приспособиться. Он ощущал Джину поблизости. Ее энергия клокотала – один микровзрыв за другим. Еще через мгновение он повернулся к ней; ее изображение было той же Джиной, которую он знал, но выглядело оно тоже как-то странно: текстура и цвет сменялись, словно художник подбирал краски.

Она что-то сказала, но он не разобрал слов.

– Скоро все согласуется, – раздался голос из центра яркого свечения. – До полного синтеза осталось немного. Ничего поездочка, правда, Джина?

Свечение стало менее слепящим, но не потому, что потускнело, а оттого, что он уже привык к нему. Постепенно он смог различить внутри него чью-то фигуру. Силуэт был один, но на него попеременно накладывался то один, то другой образ, причем фрагменты одного переходили к другому, и это была скорее изменчивая композиция, а не борьба между двумя отдельными образами.

– Места тут полно, – продолжал голос, и Гейб понял, что и голос этот был составным. Он снова повернулся к Джине, чей образ постепенно выравнивался, как если бы художник решил сменить импрессионистическую манеру письма на фотореализм. Он видел Джину словно сквозь прозрачную преграду из стекла или воды, но вот преграда исчезла, и все стало видно ясно и четко.

Силуэт внутри свечения сдвинулся немного в сторону, открыв перед ними контур разделенного на четыре части окна, которое парило в воздухе на фоне безостановочно летящих облаков. Силуэт оперся рукой о подоконник, внутри окна изображение пропало, сменившись черным прямоугольником.

– Ипсеорама, – произнес составной голос. – «Видеть на расстоянии». Так слово «телевидение» могло бы звучать, если переставить его латинские и греческие корни.

– Спасибочки, – саркастически поблагодарила Джина. – Исключительно необходимые сведения.

Это повеселило стоящего.

– Просто проверяем, насколько полон наш синтез. – Одной ногой фигура перемахнула за окно и осталась так сидеть, наполовину в комнате, наполовину снаружи. – Здесь вы можете видеть на такое расстояние, на какое захотите. Сейчас мы открываем линию на узел Феникса, – сказал их собеседник и

вылез через окно полностью.

Прежде чем Гейб успел об этом подумать, его взгляд устремился вперед, через оконный переплет во тьму.

* * *

Внизу экрана возникла строка состояния.

– Они связались с Фениксом, – сказала Сэм и тут же почувствовала глупость сказанного. Единственный человек в комнате, кто не мог прочесть строку состояния, был Адриан. Но никто не отпустил никаких ремарок. Может быть, в этой ситуации вполне нормально было вслух объявлять о том, что происходило.

Фец сидел на соседнем с ней стуле, сгорбившись и обхватив ладонями колени. Глаза его не отрывались от экрана. Роза по-прежнему держала ее за руку, а Перси устроился рядом с Кили, держа наготове все свои инструменты и железяки. Гатор собрала возле экрана запас заряженных аккумуляторов и парочку ноутбуков. Все прочие – Джасм, Грациэлла, Кэйзин, Родригес, несколько веселых маленьких бандитов Перси, та барабанщица Флавия Нечто и Ударник, который выглядел совсем старым, уставшим и озабоченным, – нервно следили за происходящим. Еще на одном экране демонстрировалась постоянно работающая в большой системе диагностическая программа, а на плаще вращались и извивались узоры, словно что-то живое.

– Хотелось бы мне сейчас следить за происходящим в развернутом визуальном режиме, а не только по строке состояния, – продолжила Сэм.

– Нельзя так их перегружать, – отозвался Кили. – Им пришлось бы участвовать в передаче данных, даже если бы я просто перехватил поступающую к ним картинку. Слишком большая нагрузка для концентрации их внимания.

– А ты мог бы сам войти туда во время действия? – спросил Фец.

Кили пожал плечами.

– Может быть. Зачем?

– Если мы потеряем с ними контакт, то сможем увидеть, что произошло.

– Если мы потеряем с ними контакт, то до-олго уже ничего не увидим.

На экране появилось новое сообщение над строкой состояния.

>Загружаются программы «Охотников за головами»<

– Программы «Охотников за головами»? – удивилась Сэм. –

Дешевого ужастика?

– Отличный сюрприз для твоего отца. – Кили расплылся в улыбке.

Лежащий на матрасе Гейб выглядел удивительно безмятежно, как будто спал и видел лучший сон в своей жизни.

* * *

Гейб чувствовал себя так, будто сидит у основания огромного генератора, вибрация которого пронимает его до костей. Ощущал он также и присутствие Джины – энергетическую смесь гнева, страха и едва сдерживаемой агрессии в ответ на его собственную неуверенность и опаску. Снаружи он как-то больше верил в идею объединения усилий с Марком и Артом – теперь Марктом – чем тут, внутри этого зазубренного пейзажа, заполненного косыми тенями, которые отбрасывали не до конца различимые предметы.

– Думаешь, нам удастся что-то синтезировать вместе? – Слова исходили от Джины, но он узнал в них свои. – На самом деле синтезировать, – добавила она. – Из нас двоих, чтобы использовать против него.

Он потянулся к ней, но остановился в нерешительности. Так прямо взять и коснуться кого-то здесь? Сама идея такого контакта вдруг вызвала у него ужас.

– Из части моего мозга и части твоего, – говорила Джина. – Большей интимности тут не потребуется. Если я смогу выдержать это, то и ты сможешь. Что у тебя есть?

Он попытался сосредоточиться. Что, собственно, у него было?

* * *

Дом выглядел совершенно мирно, как и вся улица, поэтому Гейб точно знал: здесь что-то не так. Все не так – они пропали, остались горкой пустых чипов на полу подвала в Фэрфаксе.

– Не совсем, – ухмыльнулась ему Марли с высоты своего роста и обняла мускулистой рукой за плечи.

С другого бока Карита обхватила его за талию и легонько подтолкнула своим проектором.

– Надеюсь, ты не станешь возражать против некоторых модификаций? С нашей последней встречи тут произошло много хрени. Помнишь, ты думал, что это сбой в программе, но это был все он. Арт. Правда, теперь он вроде называет себя Марктом. Его стало теперь больше.

– Всего стало больше, – добавила Марли.

Гейб был потрясен настолько, что не мог говорить. Не оставалось никакого сомнения, что они были настоящие. Во всяком случае, не менее настоящие, чем всегда – не фантомы, вызванные его памятью, а сами программы, то ли спасенные, то ли восстановленные.

Программы?

– Попробуй еще разок, вертун, – предложила Марли.

Парнишка, сидящий за ноутбуком: «Ну и дела! Они же заражены!»

Помнишь, ты думал, что это сбой в программе, но это был все он.

«Даже после? – подумал Гейб. – Уже после гнезд?» Он погрузился вглубь себя и там, на самом дне сознания, обнаружил это. Слабую искорку, ту же, что видел в глазах и Марли, и Кариты. Будто он смотрел в огромный темный ларец и увидел там крошечный совершенный бриллиант. Неизлечимо информированный?

И тут он ощутил, что его тянут вверх, как той ночью, когда Джина выдернула его из кресла, целую жизнь назад. Ее хватку ни с чем не спутаешь.

– Не хотелось бы мешать тебе, когда ты созерцаешь чертову драгоценность в сердце лотоса, – произнесла она, – но оно тут. Долбаный режиссер вернулся.

– Вот и хорошо, – сказала Карита, потрясая проектором. – Жду не дождусь этого копья. Терпеть не могу программы, которые везде разгуливают и взрывают людям головы.

– Тогда пойдем, погромим немножко. – И Марли и двинулась по направлению к дому, таща Кариту с Гейбом за собой.

* * *

Изнутри новой конфигурации Маркта Арт с большим удовольствием наблюдал за происходящим. Ему всегда нравилась первая часть сценария «Охотников за головами», когда Гейб вместе с женщинами врывался в дом, эдакий герой поневоле, который постепенно терял свою нерешительность ради спасения тех, кого любил, одновременно начиная входить во вкус героической роли. По крайней мере, именно так он воспринимал Марли с Каритой.

Кроме того, Людовику будет проще сражаться, если перед ним предстанет тот враг, с которым он и раньше встречался в «Доме охотников за головами». Может быть, для него другого

врага и не существовало.

Врага для Джины изобразить будет труднее. Придется оставить это той части своей новой личности, которая была Марком.

* * *

Кого ты любишь?

Единственное, что может быть хуже, чем продираться сорок семь миль через колючую проволоку, это когда их сорок восемь, но она еще так далеко не продвинулась.

Она проталкивается через танцующих на пятачке к показавшейся знакомой фигуре – голова скачет вверх-вниз, – и вдруг, как гром среди ясного неба, накатывает ощущение дежавю. Даже больше, чем дежавю. Дежа-вуду: так произошло тогда, потому что она переживает это сейчас.

Кого ты любишь?

Куколка, повтори еще раз – я что-то не расслышал.

Она ступает через порог, останавливается и видит, как кто-то барабанит палочками по капоту брошенного лимузина.

Интересно, кто бросает лимузины в такое время ночи, на краю Голливуда, в этой стране потерянных душ?

Подойдя ближе, она заглядывает в заднее окно, приставив ладони к самому стеклу. Затемненное стекло становится прозрачным, и она видит себя лежащей рядом с Людовиком, с проводами, змеящимися из их голов.

Ей становится не по себе, и она делает шаг назад, после чего за плечи ее обнимает Квилмар и увлекает в длинную узкую кухню Вальжана.

– А что, собственно, плохого в долбаном порно? – говорит он. – Порно и есть хренов секрет всей долбаной жизни, сестренка. Если что-то нельзя поиметь, и оно не танцует – съешь или выкинь к чертям собачьим. Именно так и устроена долбаная вселенная, а я – *венец* этой трахательно-танцевально-пищевой цепочки жизни. А что это такое, – машет он рукой в сторону лимузина, который теперь виднеется на одном из экранов гостиной Вальжана, – я знать не знаю, но оно меня заводит, и только это имеет значение.

Это легко; она снова оставила Квилмара в кухне, отвернувшись от гротескного зрелища, когда он, облапив холодильник, пытался его совратить, и выбралась наружу.

!! ТЫ – ЗВЕЗДАНУТЫЙ!!

Множество фильмов с тобой в главной роли!

Джина кивнула. Тратить свою энергию на то, чтобы запутать ее по пустякам, он вряд ли будет. Однако это не означало, что нужно быть менее внимательной.

Узнав тебя раз, буду знать всегда.

Кого ты любишь?

Куколка, почему ты снова об этом спрашиваешь? Должно быть, тебе послышалось то, чего я не говорил.

Верно, кто спорит. Она всегда могла увидеть то, о чем он умалчивал. А в груди горело. Мерзкий мост, все вниз и вниз, грохочет под ногами, а она бежит, преследуемая своей рычащей нуждой, но дежа-вуду сообщило ей, что он испытывал такую же. Ее нужда и его, но ее направилась на восток, а его на запад, ее – наружу, а его внутрь, и разве не всегда в этом мире так выходит?

Кого ты любишь?

О, куколка, разве тебе не хотелось бы узнать?

Палочки отбивали ритм на золотых мусорных баках, что указывало на то, что она движется в правильном направлении. Двигайся.

На Мимозе было пусто. Джина поворачивала то туда, то сюда, искала, но никого не было. Никто не прятался под пирсом, никто не стоял в тени, нигде никого. Но потом все равно появился огненный шар, и она двинулась сквозь него.

Многое было оставлено позади, когда коптящий светильник почти догорел…

Кого…

…Джина… (Тихий оклик, неясно даже, слышала ли она его.)

Мужчина, в глазах которого светился другой мир, все еще реальный, сделанный из шума и света. Многое было оставлено позади…

Кого ты…

…Джина… (Да, в этот раз точно слышала.)

Мужчина, настоящий, возвращающийся издалека, идущий по полоске земли, когда-то располагавшейся возле океана, где она бежала через мерзкий мост, но тот теперь тоже объят пламенем, вместе со всем тем, что могло бы быть.

Кого ты лю…

Мужчина в комнате, изменившийся ради машин, теперь нереальный, и незнакомец, реальный, на каменистом берегу, под серым небом, медленно поворачивающийся к ней.

И хочешь ли по-прежнему?

Бегом вниз, по длинной дороге. Искры и молнии, белые и разноцветные.

Кого ты любишь?

Скажи мне, куколка…

Он был там, на песке, ждал ее, и она двинулась к нему.

Джина!

Что-то толкнуло ее, и тут память будто осветило.

Стоит им произнести эти слова – считай, они твои. Можешь крутить ими как хочешь. Но она ни разу не произнесла тех слов, ни разу.

– Слишком это просто, – сказала она, сделала шаг назад, потом в сторону, пока Мимоза и огненный шар, через который она не прошла, не уменьшились, как если бы она смотрела на них через трубку телескопа с противоположной стороны. – И где же это на самом деле?

Старые привычки отмирают с трудом, верно? Ведь это твое – искать Марка. И находить его.

Она потянулась к Маркту, но ощутить его присутствия не смогла. Людовика она тоже не ощущала. Неожиданно она осталась совершенно одна. Смешно, ведь кто-то ее только что звал по имени…

И теперь ты можешь найти его повсюду. Ведь этого ты всегда хотела, осознавала ты это или нет. И я хочу тебя. Я хочу тебя.

И что, черт побери, ей делать теперь?

То, что правильно, Джина.

То, что…

Маркт выглядел благожелательным, обе его составляющие. Он материализовался перед ней так неожиданно, что она даже не успела удивиться или потребовать от него ответа, куда он перед этим запропал.

– В чем твоя слабина, Джина? Лучше доберись до слабого места прежде копья.

Внезапно на нее накатила невыносимая усталость.

– Слабое место, значит. Есть чем писать, когда начнем составлять список?

Маркт просиял.

– Кого ты все еще хочешь любить?

* * *

– …вер-рно, – прорычала она. Она не подхватила вирус через провод, но представляла, как это могло бы быть, как это было. Будто плывешь сквозь ощутимый плотный туман, и при каждой пульсации теней в глубине мозга возникает давление, как от невидимого пальца, который нажимает тут, там, и здесь, в

поисках особенно чувствительного места. Извращенным, колдовским способом подвергая насилию.

– Я хочу тебя…

Теперь она была где-то в комнате из прошлого, и гнусавый, странно притягательный голос Дилана вещал им обоим правду. Марк, сидя на полу, ожидал, как она прореагирует.

Рассмейся тем прежним смехом, разнеси все вдрызг. Эй, любовничек…

Но ведь смеяться там было совершенно не над чем, верно? Над упущенными возможностями разве смеются? И вот теперь появился второй шанс. Как, воспользуешься или и этот упустишь?

Разлитое в комнате желание электризовало все тогда, и теперь оно ощущалось каждой клеточкой. Не просто сексуальное, но желание завершенности. Она чувствовала это в той же мере, что и он. Завершенность.

– Но разве существует в жизни на самом деле такая штука, как вторая попытка?

У двери стоял Людовик. Марк прибавил громкость, и Людовик растаял. Верно, он сюда не вписывался тогда.

Но не теперь. Он не был упущенным шансом. В отношении него ей как раз нужно было кое-что предпринять.

Марк все еще ждал. И это тоже было просто. Она открыла рот и выпустила наружу тот прежний смех.

– Уверена, что хочешь так поступить? – серьезно спросил он. – Искала меня, искала, все эти годы, и теперь вот нашла снова. Не хочется ли тебе спасти меня на этот раз? Ты бы могла.

В мгновение нерешительности перед ней проносятся картины. Два десятилетия с гаком бесконечного шоу, ее жизнь, его жизнь, их жизнь, набегами, мимолетными связями, маленькая прогулка, растянувшаяся в марафон. *Кого ты все еще хочешь любить?*

О, любовь моя, боялся я, что задашь ты мне этот вопрос.

– Спаси меня, – попросил Марк с точно отмеренной долей мольбы в голосе. – Я не хочу оставаться таким. Если бы хотел, неужели ты думаешь, что тебе пришлось бы так легко?

О, любовь моя, я тоже боялась, что задашь ты мне этот вопрос.

* * *

Они стояли, распластавшись по стене в темном коридоре. Сильная рука Марли прижимала его грудь. Гейб ждал, какой раздастся теперь голос.

– Теперь будет все по-другому, – прошептала Марли. – Ты готов?

– К чему? – спросил он в замешательстве.

– Лучше подготовься. Сейчас начнется.

Прежде чем он смог возразить, она схватила его и выставила в дверной проем.

Он смотрел на стоявшую на парапете платформы двадцать второго этажа Джину. На ней была надета сбруя, но шнуры на этот раз к парапету прикреплены не были. Ринувшись вниз, она теперь упадет по-настоящему.

По-настоящему? Неужели тут может что-нибудь быть по-настоящему?

О, да; несколько по-другому, возможно, но не менее реально, виртуальное падение и виртуальный удар, но когда она ударится о землю внизу, эффект будет иметь реальное значение.

Знала ли она об этом?

Сказать определенно было нельзя. Похоже, что она и знала, и не знала одновременно, и что-то подсказывало ему, что она примет любой исход.

Шредингерова Джина.

Гейб нахмурился: а это тут откуда? И шагнул к Джине.

– Пол заминирован, – как ни в чем не бывало заявила Карита.

Джина оглянулась на него через плечо, одновременно встретившись с ним взглядом и как бы посмотрев сквозь него. Интересно, а что она видела? Каким был ее контекст?

Свой контекст знать необходимо, потому что у тебя будет только одна попытка в него попасть.

Да, но если ей все представлялось одним, а ему – другим, тогда каков был настоящий контекст? Его жгло нетерпение и чувство безысходности. Как ему угадать, что следует делать?

– То, что правильно, – сказала Джина. – Как насчет того, чтобы поквитаться?

Поквитаться? Он едва не рассмеялся. Идея равновесия, равенства и Джина были несовместимы.

Непривязанные концы шнуров слегка колебались на ветру.

– Решай скорее. Я ведь все равно полечу, только либо сама прыгну, либо ты меня толкнешь.

«Нет, это неправильно», – металось у него в голове, но сказать ей об этом способа не было. В ее контексте не находилось таких слов.

– Становится поздно, вертун, – сказала Марли. Теперь ее голос звучал как-то не совсем обычно. – Уже понял, что спорить тут нельзя. Что дальше?

Он повернулся туда, где, как он считал, должна была

находиться Марли, и на него нахлынула волна образов.

Иди куда-нибудь. Двигайся.

Пол заминирован.

Перемена ради машин.

ЕЩЁ НАРКОТИКОВ.

Бежать Служащие бежать.

Прогуляемся чуток.

Почему, черт тебя подери, не смотрел, куда идешь?

Разлитое на платформе желание электризовало все. Джина начала отворачиваться от него. Сцена перед ним затуманилась и на короткий миг превратилась в дугу каменистого берега озера. Но не успел он удивиться, как снова очутился на платформе, где Джина уже сгибала колени для прыжка.

Откуда-то донесся чей-то смех. *Если что-то нельзя поиметь, и оно не танцует…*

Он отмахнулся от этой мысли. *Если спорить нельзя и не можешь остановить…*

Уж этого они никак не ожидают.

Эй, вертун, ты – задница.

Да, но я стараюсь перестать быть ею.

В тот миг, когда ее ноги оторвались от парапета, он кинулся вперед и поймал Джину в воздухе, пока она еще не успела упасть вниз.

Это как первый попавшийся порт во время шторма, когда больше некуда деваться. Тебя это волнует?

Она уже знала ответ на этот вопрос, но он все же ей ответил. И они упали на продавленный матрас в нетерпеливом сплетении рук и ног.

* * *

«Вот что я получил: порт на время шторма», – думал он.

И это лучше, чем остаться, как многие, со светильником, который перестал даже коптить и едва-едва теплится.

В этом состоянии ощущение ее близости было даже сильнее, если такое вообще было возможно. Ожило и усилилось воспоминание о том, как руки коснулись ее майки, а потом кожи, оказавшейся такой теплой, а потом вихрем, ураганом, цунами нахлынули ощущения ее вкуса и запаха.

Ее физическая сила поразила Гейба, такого он вовсе не ожидал, несмотря на мощь того, первого удара, свалившего его с ног. А может, это сила ее страсти удивила его, в контрасте с почти позабытыми блеклыми соитиями с Кэтрин.

А может, по-настоящему поразила его сила собственной страсти (тогда и теперь); он почти забыл, что в нем таится даже возможность проявления страсти, не говоря уже о такой мощи. Но он смог, смог тогда, мог и теперь…

Мы делаем то, что делаем. Делаем, потому что можем. Теперь он ясно слышал слова – то, что прежде мог лишь угадать нутром по ее хриплому дыханию в темноте. «К счастью, я могу танцевать, и ты тоже, а еще лучше, что мы можем танцевать теперь вместе. Прогуляйся со мной чуток. Бродячие музыканты, поиграйте нам, пожалуйста. Вот, начинается. Быть там для тебя. На что это похоже: на открытое окно или открытую рану…»

В ответ и из него полились слова.

«Дело в том, Джина, что порой это похоже на одно, порой на другое, а на самом деле – сочетание того и другого. Но вот что на самом деле важно, Джина: на самом деле важно, что я забрался внутрь, потому что девяносто процентов жизни ты где-то находишься и только десять процентов попадаешь куда-то вовремя, а тогда как раз настало время. И оно все еще длится, Джина. Еще длится. Но разве нужно тебе это объяснять?»

Нет, не обязательно. Но ей было приятно слушать эти слова. Она хотела их слышать.

«Не говори мне, кто мой враг, скажи, кто им не является».

«Хорошо, Джина, что работает – то и хорошо».

– Как, черт побери, ты отыскал меня?

– Это было не так уж трудно, – сказал Гейб. – После того, как я нащупал верные ассоциации.

* * *

Между этим мгновением и следующим время застыло.

– Господи, мы совпали, Людовик. Давай теперь двинемся дальше.

«Отсюда и дальше, куда угодно», – подумал он. Это ему под силу. Что еще оставалось?

Прогуляемся чуток.

Верно; и это тоже его прогулка, путь. Иди куда-нибудь. А что еще?

Перемена ради машин.

ЕЩЁ НАРКОТИКОВ.

Будь осторожен, глупость накапливается.

«И это верно, определенно», – озадаченно подумал Гейб. Определенно накапливается.

«И что? Парнишка сказал, все что угодно может

пригодиться».

А как насчет проклятого слова на букву «с»? Сопричастности.

«Любовь моя, иногда кроме этого ничего другого и не остается. Помнишь?»

Иногда, Джина. Но не теперь.

* * *

– Ну ладно, – легкомысленно сказал Марк. – Ваша взяла на этот раз. Вы даже могли бы сказать, что мне не стоило и пытаться. Ничего, Джина. У меня в запасе еще миллион таких…

– *…и не все они тебе известны.*

Гейб уловил конец фразы, даже если Джина не расслышала. Внутри зажужжало, как вращающийся диск электропилы, дурное предчувствие. «Не смог заполучить ее наскоком, – подумал он, напряжение нарастало, он едва не впал в панику. – Теперь обязательно попытается добраться до нее через слабое звено, то есть через меня».

– Ну-ка прекрати, вертун, – серьезно сказала Марли, – лучше уж прямо нарисовать на лбу мишень и ждать на месте то, что приближается.

Они снова стояли, прижавшись к стене в темном коридоре. Но сам коридор несколько изменился, что-то в нем появилось знакомое.

– В том, что ты хороший работник, никто не сомневается.

– Вот тебе подсказка, вертун, – сказала Карита и толкнула его вперед.

Он сидел за столом в офисе Мэнни, от запаха жареной еды просто выворачивало.

– За этим я и застал тебя в прошлый раз, – сказал Мэнни. – За игрой с твоими подружками.

Гейб попытался посмотреть на Марли с Каритой, но шея не поворачивалась.

– Видишь ли, все вы пытаетесь делать одно и то же, склоняетесь к известному. – Мэнни наклонился вперед с притворным участием, от которого выворачивало еще сильнее, чем от тошнотворного запаха жаркого. – Вы настолько предсказуемы, что просто скучно просчитывать дерево решений для вас. Мы же не таковы. На этот раз никаких ловушек в полу, никаких падений с двадцатиэтажных зданий. Вязкое поле.

Гейб мог ощутить, как оно уже засасывает его, сидящего на стуле, будто зыбучий песок. Безотказное засасывающее вязкое поле, бесчисленное количество раз использованное в фильмах

ужасов. Так же, как и превращение голографического проектора в режущий луч лазера, невозможное только в реальном мире.

На периферии сознания забрезжила какая-то мысль, или…

Мэнни поднялся, обошел стол и встал совсем рядом.

– И, хотя ты и не спрашивал, – да, это я. Мэнни Ривера. До некоторой степени.

До некоторой степени. Несмотря ни на что, Гейбу захотелось расхохотаться. Жалкий любитель аффектации, Мэнни Ривера и здесь был позером. Хотя вполне вероятно, что для Мэнни такое поведение было вроде дома родного. Любому, сумевшему выжить во чреве корпоративного чудовища, подобное существование могло показаться даже естественным.

– Я, – сказал Мэнни, – а не то жалкое создание из мяса и костей, которое ходило, разговаривало и играло негодяя на сцене твоей жизни. Так же как и ты, Гейб, – это не то мясо, что едва дышит теперь где-то в другой реальности. Ты оставил его там, чтобы попасть сюда, и оно дышит все реже и реже, верно? Медленно-медленно, но все же дышит. Или ты не можешь больше ощутить этого?

Засасывающее поле усилило свою тягу, и он лихорадочно задергался, пытаясь высвободиться, вернуть ощущение собственного тела и своей связанности с ним, потому что если это не удастся сделать, то возвращаться ему потом, когда все закончится, будет некуда.

Не могу припомнить, что чувствуешь, когда имеешь тело. Правда? Даже после всего, что было до сих пор? Ему захотелось закричать от безысходности, но кричать было нечем.

Ведь твоя жизнь вся в твоем сознании, не так ли? Во сне получается прекрасно, а вот когда просыпаешься – не очень. Прямо скажем, погано выходит. Хреново получается, как они выражаются в том мире, где в данный момент ты не живешь. Ты был прав, ты – действительно слабое звено. И добраться до тебя вовсе нетрудно. Просто посиди спокойно немножко, и тогда даже я смогу над тобой поработать, даже *я* смогу стать для тебя таким важным, что намертво скручу тебя по своему желанию, а ты и не пикнешь.

Не могу припомнить, что чувствуешь, когда имеешь тело. Ладно, но где же Марли, где Карита?

– Нет, вертун, с этим мы помочь тебе не можем, – извиняющимся тоном сказала Карита.

– Конечно, – согласилась Марли. – Если нет тела, то и виртукостюм надеть не на что.

Из последних сил он посмотрел вниз, на себя. Ни тела, ни виртукостюма, но знакомый барочный узор змеящихся линий и

сенсоров с геометрически-четкими формами виднелся. Вытатуировался наконец окончательно.

Не могу припомнить, что чувствуешь, когда имеешь тело.

Великие люди сами оставляют свой след. На всех прочих следы остаются…

…видимые следы… *видео-отметины…*

Мэнни уже наклонился, чтобы забрать его, и тут, грозе подобное, прямо перед Гейбом возникло лицо Джины.

– Значит, не можешь припомнить? Что ж, любовничек, вот на что это похоже.

Щеку прошила невыносимая боль. Удар тела о ковер по сравнению с этим был куда слабее, но на сей раз он прочувствовал его каждой клеточкой: сначала крестцом, затем плечами и головой, пятки оторвались от пола, а потом ударились и отскочили еще пару раз. Лежа с закрытыми глазами, он ощутил, что его рот расплывается в улыбке.

* * *

– Иисусе, – пробормотал Кили. Он опустился рядом с Гейбом на колени, чтобы ощупать левую сторону его лица.

– Что случилось? – Одной рукой Сэм прижимала инжектор к бедру, а другой придерживала провода, ведущие к иглам на животе. – Отчего это, почему это происходит? Кили, я же не могу читать эту чертову строку состояния так, как ты!

Может, достаточно просто выдернуть провод, чтобы спасти жизнь отца, тогда она и секунды не станет задумываться, если только эта странная опухоль, вдруг разлившаяся по лицу, не означала, что у него уже случился удар…

Кили уже снова был у монитора, прокручивал запись назад, вперед и снова назад. Потом он посмотрел поверх монитора на Джасм, сидевшую возле Джины.

– Джазз, погляди-ка на ее руки. У нее костяшки пальцев не распухли?

Проверив, японка подняла вверх безвольную правую руку Джины.

– Ты прав. Распухли и даже немного ободраны. – Потом она посмотрела на Гейба, раз, другой. – Кили, еще кое-что. – Она перегнулась через Джину и подняла рубашку Гейба. – Есть догадки, что это может быть такое?

Кили молча уставился на извилистые линии, прямоугольники и треугольники, отпечатавшиеся на теле Гейба. Потом вздохнул с облегчением и покачал головой.

– Кили, я готова тебе башку оторвать, – со слезами в голосе воскликнула Сэм. Фец обхватил ее руками, стараясь успокоить, но она высвободилась, придерживая провод, ведущий к иглам.

– Да все в порядке. – Кили усмехнулся. – Просто никогда в жизни не видел более ярко выраженных стигм. Правду сказать, мне их прежде вообще видеть не приходилось, так что это – наиболее ярко выраженные из всех известных мне случаев возникновения стигм.

– Черт, – сказала Гатор. – Значит, они там и впрямь близки к истерике.

– А ты на их месте разве не была бы? – Кили улыбнулся Сэм. – Джина только что отвесила твоему отцу хоро-ошую плюху.

– Ну и забабахала, – восхитился Перси, стоя над Гейбом и потирая собственную скулу. – От одного вида упасть можно.

– А что это за отметины на нем, откуда они? – не успокаивалась Сэм

– От виртукостюма, конечно. – Для Кили, кажется, это было нечто само собой разумеющееся. – Ты ведь и сама пару раз надевала виртукостюм, должна распознавать оставляемые им отпечатки. Твой отец только что открыл, что все его тело – сплошной виртукостюм, по крайней мере, так счел его мозг.

Сэм, все еще не до конца поверив, глядела на отца. Отметины на его коже были глубокие и свежие, на все сильнее опухающую щеку жалко было смотреть, но выражение лица при этом у него было такое, будто он видел самый лучший сон в своей жизни.

* * *

Мне больно.

Когда трезвый, так всегда и бывает, насколько я помню.

– Спрятаться может кто угодно. Способен ли ты принять чужую боль? – спросила Марли.

– Придется, по крайней мере, постараться, – добавила Карита, прежде чем Гейб успел сообразить, что ответить.

Он оказался в чьей-то огромной, бесконечной гостиной, наполненной пестрым сборищем людей, которые ели, пили, бродили туда-сюда, смотрели, что показывало множество экранов на стенах, при этом старательно обходя то, что находилось в центре комнаты.

Посмотрев туда, Гейб удивленно моргнул. Он помнил, что там возвышалось существо восьми футов ростом, напоминавшее смесь эрзац-самурая и какой-то фантастической машины, но теперь оно так усложнилось, что он с трудом мог держать его в

фокусе. Под определенным углом, казалось, он мог различить черты то Марли, то Кариты, а иногда совершенно определенно Джины, или Марка (теперь Маркта), а порой даже самого себя.

Затем возник огненный столб, и Гейб вспомнил, как он тогда пригнулся, ожидая, что огонь вот-вот стянется в лазерный луч. Он встал и подошел к стене с экранами.

Там вместо техно-фантазийного порно показывали Джину. Она лежала на узкой койке, с проводами, змеившимися из головы; глаза за закрытыми веками двигались рывками туда-сюда.

Джина-порно?

– Неплохо, скажем так, – раздался знакомый голос. – Если не можешь что-то поиметь, и оно не танцует – съешь его, стань им или выкинь на помойку. Счастливая. Она может не только танцевать, но и стать чем хочет. И ты тоже можешь.

Сцена на экране вдруг резко переключилась на изображение спальни Марка, где Гейб увидел себя вместе с Джиной. Он быстро отвернулся, но только для того, чтобы увидеть то же самое на целой стене экранов, многократно размноженное. Когда же он повернулся спиной и к ним, то спальня Марка окружила его со всех сторон – спереди, сверху, снизу.

– Это ничуть не больше похоже на тюрьму, чем любое другое место, – успокаивающе сказал Марк. – В конце концов, это просто развлечение. Боль одного развлекает другого. Большая любовь одного становится порно для другого. И ничего больше. *Не знаю, что это, но меня заводит, остальное неважно.* И все. Никому не важно. Очередная капля в ведро пойла для потребителей для поглощения, переваривания, выделения и возврата обратно в трахательно-танцевально-пищевую цепочку. То есть, прости, в трахательно-танцевально-жрательно-бытийную цепочку, вне зависимости от того, с Джиной ли ты, или со своими виртуальными подружками по играм, или со своей женой, или с Сэм, или просто со своей любовно выпестованной болью.

Экраны начали делиться пополам, множиться, демонстрируя неисчислимое количество изображений его и Джины, – каждое слегка отличалось от остальных. Центр его визуального восприятия восстал, отказываясь воспринимать их все вместе, и тогда они смазались и слились с единообразным серым фоном.

* * *

Одностороннее движение.

Она быстро обернулась, посмотрела направо, налево в

поисках Маркта. Но, судя по тому, что никаких признаков его, или их, черт его разберет, не наблюдалось, вполне возможно, что этот Маркт смылся, как только они с Людовиком шагнули через окно.

– Что, наслаждаешься шоу? – сердито воскликнула она. – И думаешь, со мной это сойдет тебе с рук?

Смех в темноте, словно музыкальный аккорд. И Марк, увлекающий ее на узкую кровать там, в Мексике. Вначале она не была уверена, чего он хочет, да и сам он не отдавал себе в этом отчета, это она помнила, так ж как и то, как стягивала с него спортивный костюм, подталкиваемая нетерпением, которое тогда даже не могла себе объяснить. Наслаждаясь ощущением привычности, в котором тонуло все прочее, а в особенности предчувствие, что так они с ним больше никогда не встретятся, что он вскоре начнет бесконечное падение в кроличью нору собственного мозга.

Предчувствие? Черта с два, он ведь сам тогда сказал ей, прямым текстом: «…когда-нибудь войдешь в комнату и с удивлением уставишься на комочек плоти, склонившийся к голой консоли…»

Так что же она делала тут, столь живо вспоминая ощущение ткани и плоти под пальцами?

– Здесь ты можешь получить все что угодно, достаточно просто подумать и представить. Перекрои это по своему вкусу, чтобы все стало так, как тебе хотелось, чтобы больше не испытывать разочарования, – шептал Марк. Джина почувствовала его дыхание на шее и изогнулась к нему, вытащив руку из рукава своего спортивного костюма. – Потому что мозг не чувствует боли.

Ощущение, растекавшееся от скользящей по ее боку руки, определенно не вызывало боли, подумала она и раскрылась ему навстречу, отчего оно усилилось. Нет, это не боль, ничуть не похоже.

– Боль излечима, – продолжал нашептывать Марк. – Собственно, ее легче всего излечить, непонятно, и чего мы ходим, бесполезно мучаясь, когда это вовсе необязательно. Боль совершенно необязательна. Только мы. Без боли. Только мы с тобой… мы…

Разве жизнь предоставляет вторую попытку?

– Это не вторая попытка, Джина. Это новый шанс. И, несмотря на все, что произошло – а может даже, благодаря этому, – ты этого хочешь. Пусть будет так, как ты хочешь. Боль – твоя, моя – была лишь шумом, помехой, и я стер ее для нас с тобой.

Что не так с этой картинкой?

* * *

Призрачные звуки отдавались эхом от облаков, низко нависших над озером с каменистыми берегами. Гейб лежал, уставившись в небо и морщась оттого, что жесткие камни упирались в спину. Вот-вот затемненные участки облаков запульсируют, а он не хотел на это смотреть. Он едва не ободрал затылок о камни, но все же повернул голову, чтобы бросить взгляд на противоположный берег озера.

Поверхность воды покрылась рябью, когда что-то прямо на линии его взгляда начало тускнеть и исчезать. Возникло неприятное ощущение нарастающего давления где-то за глазами. Сделав над собой усилие, Гейб перевернулся и сел, держась к озеру спиной. «Когда все твое тело – виртукостюм, в этом есть определенные отрицательные стороны», – подумал он. Оттолкнувшись, он поднялся на ноги.

Что-то тянуло его сзади, понуждая обернуться. Почти потеряв равновесие, он пошатнулся, переступив по круглым бокам камней, но все же удержался на ногах, спиной к озеру.

– Джина? – позвал он.

Ее отсутствие проделало дыру в воздухе.

* * *

«Узоры на плаще не просто необычны», – подумала Сэм, наблюдая за их движениями. Есть тут что-то еще. Порой ей казалось, что она почти успевает разглядеть в них какие-то образы – не просто тени, принявшие некую форму, а настоящие картинки, как будто ее сознание насильно заставляли проецировать образы, наполнять их цветом и подробностями. И чем дольше она смотрела, тем ощутимее становилась эта сила, словно узоры касались ее сознания каким-то странным, интимным образом. Она не могла сказать, что это ей нравилось, но и определенно заявить, что не нравилось вовсе тоже не могла. Высказать какое-либо суждение по этому поводу она была совершенно не готова, да и выслушивать чьи-либо другие, правду сказать, тоже. Хорошо хоть кругом стало так тихо, никто не станет отвлекать. И можно продолжать медитировать, пока узоры будут образовываться и трансформироваться на ткани плаща.

Но, Господи, до чего же сильно приходилось напрягаться!

Даже сильнее, чем когда она нащупывала ту методику симпатических вибраций. Мысли продолжали ускользать быстрее, чем она успевала понять, о чем, собственно, думала. Как если бы она пыталась поймать нескольких очень быстрых и скрытных существ, которые мгновенно прятались, как только она подступалась к ним, и в лучшем случае удавалось увидеть только их хвостики. И вот это ей совсем не нравилось, потому что сознание ее словно освобождалось, вычищалось, стерилизовалось, подготавливалось для приема чего-то другого.

Что-то пошевелилось на самом краю периферийного зрения, нарушив состояние медитации. Сэм ощутила прилив бессловесного рефлективного раздражения, молниеносно переросшего в слепую ярость.

В следующую минуту она уже смахивала набегавшие на глаза слезы, глядя на Адриана, который стоял перед плащом, уперев руки в боки. Вид у Адриана был озадаченный.

– Вы что, в полном ауте? – спросил он.

– Теперь уже нет, – устало ответил Кили. Вытерев глаза, Сэм повернулась к нему. Кили растирал лицо ладонями, будто очнулся от долгого глубокого сна. И она себя чувствовала сходным образом. – Спасибо, Адриан. Как ты это сделал?

– Что сделал? – Адриан шагнул вперед.

– Нет, нет, стой! – остановил его Кили. – Сначала найди что-нибудь, чем можно накрыть эту дьявольскую штуку, или хотя бы выверни ее наизнанку.

Адриан послушно вывернул плащ таким образом, что наверх теперь смотрела слепая сторона без всяких узоров, и вновь присоединился к друзьям.

– Знаете, страннее я ничего в жизни не видывал, – признался он. – Я все пытался с вами заговорить, а вы только глазели на эти узоры.

Паренек пожал плечами.

– Знаю. – Кили снова посмотрел на экран. – Со мной случилось нечто подобное, когда я увидел их в первый раз, но тогда мне удалось самостоятельно выйти из транса. Теперь воздействие, видно, намного сильнее. Интересно, почему ты этому не поддаешься?

– Он не может читать, – медленно проговорила Сэм. – Нарушения в мозговой ткани зрительного центра.

Она изумленно поглядела на Адриана, который только снова пожал плечами.

– Тогда, может быть, это ему следовало быть там, вместо Гейба и Джины, – мрачно заметил Кили. – Там многое произошло, пока мы находились в отключке, причем ничего хорошего.

– Что случилось? – Сэм вытянула шею, чтобы видеть экран. Но строчка цифр мало что ей сказала.

Кили покачал головой.

– Мы скоро их потеряем.

– Всех? – спросил Фец. Он выглядел совершенно ошеломленным.

– О, нет. Только Гейба и Джину, – желчно заметил Кили. – Маркт в полном порядке. В худшем случае он будет удерживать заразу на почтительном расстоянии, хотя похоже, что все же сможет ее нейтрализовать. Но не раньше, чем скормит ей Гейба с Джиной. Вот дерьмо.

– Мне следовало это предвидеть, – уныло отозвался Фец. – Арт всегда в глубине сердца был вирусом. То есть, в сердцевине. Сердца-то у него никогда не было.

– Но Марк теперь стал частью него, – сказала Сэм. – Он ведь этого не сделает. Или наоборот?

Ее взгляд упал на Ударника, молча стоявшего рядом с Кили.

Лицо Ударника было лишено всякого выражения.

– Я больше ничего не знаю. «Талант вытесняет разум», – так всегда говорила о нем Джина. Сейчас он – информация в чистом виде. Что в нем оказалось вытеснено теперь?

– Мы должны им помочь. – Сэм схватила Кили за руку. – Должны как-то добраться до них.

– Конечно, – согласился Кили. – И даже могли бы это сделать, потому что сейчас у нас тут есть еще одна личность с гнездами. Но свободных коннекторов больше нет, а если сейчас мы попробуем вытянуть их из Гейба или Джины, это убьет их. Запускать еще один обводной цикл – не поможет, нужен кто-то разумный. Человек. Есть идеи?

Сэм смотрела мимо него, на кучу оборудования, которую он притащил из «Диверсификации».

– Да, – ответила она. – Какие источники энергии у нас остались, и надолго ли ее хватит?

Кили проследил глазами за ее взглядом и восхищенно уставился на нее.

– Сэм, ты – гений.

– Да, но сработает ли это?

– «Сработает ли», – вот что хочет знать гений. – Он поманил к себе Адриана. – Иди сюда, паренек…

– Нет. – Сэм поднялась на ноги, придерживая инжектор.

– Но ведь только он не поддается…

– Они его не знают. – Сэм огляделась по сторонам. – Может кто-нибудь временно побыть картошкой?

Глава 34

– Джина? – звал Гейб и поворачивался в разные стороны, стоя под серым небом. – Марли? Карита? Маркт? Есть тут кто-нибудь?

Эхо его голоса разносилось повсюду, отзвуки накладывались друг на друга, входили в контрапункт. Он сделал несколько неверных шагов вперед, стараясь не потерять опору под ногами.

Почему бы тебе не посмотреть сюда?

Это был не голос, а, скорее, явственное побуждение. Гейб отказался ему повиноваться.

– Ответьте же, кто-нибудь!

Сюда. Посмотри сюда.

Камни под ногами складывались в длинную, широкую дугу берега – миллионы, миллиарды, бесконечное множество камней, слишком много, и те, кого он ищет, должны быть где-то среди них, надо лишь отыскать верный камень. Только вот он не проживет так долго, чтобы проверить их все, его жизни не хватит даже на то, чтобы перебрать малую их часть.

«…умер не от голода, а от старости в поисках выхода…» Так что почему бы тебе просто не посмотреть сюда?

Его взгляд начал медленно смещаться к источнику навязчивого притяжения. Тяга все усиливалась. Но на Джину, на ее притяжение, это не было похоже. Он с усилием вернул свой взгляд на камни под ногами, по которым он медленно, спотыкаясь, продвигался, но тот вновь сместился ниже, к поверхности воды, к озеру и темнеющим на противоположном берегу деревьям, и за деревья, к ожидающему чуть поодаль от них незнакомцу.

– Джина? – позвал он без особой надежды, уже полностью туда повернувшись.

Вспышка яркого света – и вот он уже смотрит в совершенно другую сторону.

– Угадывай снова, папа.

Наверное, он бы принял ее за очередной призрак, порожденный Марком («Очередную видимую отметину», – подсказал внутренний голос), но было совершенно очевидно, что она – чужеродный элемент в программе, вставка, напоминающая древние, грубоватые картинки самого начала применения виртукостюмов и видеошлемов. Да уж, древние… Не так давно

это и было.

– Да, это я. – Она запросто шагала по камням, будто это был ровный пол. – Сэм. Я в твоем виртукостюме.

Он оглядел свою татуировку, служившую ему виртуальным телом.

– Что ты тут делаешь?

– Создаю помехи. – По ее лицу прошла рябь. – Пытаюсь дать вам передышку. Эта зараза совершенно накрыла вас с Джиной. Кстати, а где Джина?

Она протянула к нему руки, и он взял их в свои. Невзирая на то, что Сэм выглядела чужеродной вставкой, ощущение прикосновения было поразительно реалистичным, и по выражению ее лица он мог сказать, что она ощутила то же самое.

– Тут все непривычно, – сказал он. – Меняется очень быстро. Наверно, слишком быстро для этой штуки, в которую ты облачена.

– Технология, подходящая для выполнения конкретной задачи, пап. А для меня это единственно возможный вариант, потому что у меня гнезд нет.

Она крепко зажмурилась.

– Что такое? – спросил он.

– У Кили есть программа, которая меняет частоту, чтобы я не впала тут в транс. От этого иногда с глазами что-то странное происходит. Будто они скачут вверх-вниз. Но у меня мало времени. Где Джина?

– «Где» – не совсем подходящее слово. Она здесь, просто я… – Гейб поглядел на россыпь камней вокруг. – Просто я не могу подобрать верный контекст. – Он почувствовал, что его взгляд снова притягивается к незнакомцу и против своего желания начал оборачиваться.

Внезапно перед ним снова выросла Сэм.

– Создаю помехи, – пояснила она. – Чтобы выиграть тем самым для тебя немного времени. Что это за контекст?

* * *

На что это похоже: на открытое окно или открытую рану?

…Ударник? Джим Моррисон или Видео-Марк? Моцарт или «Канадейтайм»? Оркестр Живого Серпа… или тот странный рыжеволосый доктор. Разум ее судорожно дергался в плену кошмара, грозившего вот-вот перерасти в реальность. Реальные сны.

Прогуляемся чуток.

Когда это меня для тебя не было?

Пойдем, прогуляемся сейчас чуток вместе.

– На самом деле, не то чтобы мне не было дела до твоей боли, Джина, просто я никогда прежде не мог избавить тебя от нее. А теперь могу.

В чем твоя слабина, Джина? Лучше доберись до нее прежде него.

Ах ты, сукин сын, кретин безмозглый, это ты у меня всегда был слабым местом, причем прекрасно это знал, всегда знал. Ты делаешь то, что делаешь; делаешь, потому что можешь, а если это означало пользоваться моей слабостью против меня же – что ж, мне приходилось терпеть.

Она стояла в тени на ступеньках здания суда, глядя на него, прижатого мертвенно-бледной ладонью Джослин, наклонялась над ним, лежащим на песке Мимозы, стояла возле него на коленях в тысяче разных мест, наблюдая, не посинеет ли он окончательно и бесповоротно.

Есть чем крыть, любовничек?

* * *

– Сможешь, папа? – спросила Сэм.

– Не знаю, – ответил он, держа в руках камень. Найденный ею по симпатическим вибрациям, как она это называла. Он понимал эту программу только интуитивно, но теперь большего и не требовалось. Если бы пришлось детально в ней разбираться, то все остальное просто выпало бы из зоны его внимания.

– Тогда, возможно, контекст неверен, – сказала Сэм. Ее образ снова заколебался. – А есть ли что-то такое, в чем ты уверен?

Он застонал.

– Господи, Сэм, да как вообще можно быть тут хоть в чем-то уверенным?

Она посмотрела на другой камень, потом немного смущенно улыбнулась.

– Так что у тебя есть?

«Ну вот, опять», – подумал он. Ведь он уже через это проходил, выбирая путь дальше по берегу, применяя симпатические вибрации Сэм к камням под ногами.

– Нет, пап. – Продолжала настаивать она, что все-таки у тебя есть?

* * *

– На самом деле, не то чтобы мне не было дела до твоей боли, – сказал Марк. – Просто я никогда прежде не мог избавить тебя от нее. А теперь могу. Мозг не чувствует боли.

Возможно, это из-за того, что ей неоткуда было узнать, как это может быть. Или же оттого, что она упустила единственный шанс, когда все могло сложиться иначе, – много лет назад, той ночью, когда Дилан говорил правду за них обоих. Наверное, из-за этого она теперь так податлива, хотя он даже не стал прикладывать ни малейших усилий, чтобы обмануть ее. Прогуляемся чуток, да, прямо в пасть чудовищу, с открытыми глазами, ясными, как дождевая вода… Но, Боже, отменить все эти годы, когда она накачивалась всякой дрянью и снимала меблированные комнаты, оборудованные всем необходимым для жизни и не имевшим к ней никакого отношения, – значит, ради этого? Неужели действительно все было только ради этого?

– Мозг не чувствует боли, – шептал он.

– Я чувствую боль, – раздался отчетливый голос Людовика. Подняв глаза, она увидела его лежащим навзничь на том кладбище. Лицо в крови. – С того самого дня, как встретил тебя, и она еще не утихла.

– Боль легко исцелить, – шептал Марк. – Боли быть не должно. Только мы с тобой…

– Ну же, Джина, иди сюда. – Людовик сел. Кровь струилась по его лицу. – Что станется с тобой, если ты не сможешь больше никому причинить никакой боли, не оставить никакого рубца, никому вмазать до крови или хотя бы до синяка?

– Мне не только это нужно. – Она ощущала, что Марк сжимает ее крепче. Теплые и такие знакомые объятия, будто они никогда отдельно друг от друга и не жили.

– Знаю, – сказал Людовик. – Разница в том, что я принимаю это. Уже принял. А он – ни разу.

Гейб наклонился, протягивая к ней руку

Пусть хоть открытое окно, хоть открытая рана – я приму и то, и другое, Джина. Проклятое слово на букву «с». Конечно, проклятое. Никогда не встречал ничего стоящего, что не проклинали бы.

Его пальцы коснулись ее щеки, и ураганный рев перекрыл все вокруг.

* * *

Кто за кем пришел на этот раз: он за ней или она за ним? Какая, собственно, разница.

– Вот и хорошо, – сказал Людовик. Выглядел он несколько удивленным. Она помнила, что там, в Мексике, думала о нем, и ему теперь стоило об этом узнать.

На этот раз им ни к чему было идти по коридору в комнату, они уже находились на месте, и Гейб позволил ей увлечь себя на кровать.

– Я знаю, – добавил он, – эта часть всегда выходила не очень легко. Вы не любили лизаться. – Он рассмеялся. – Боже, до чего же я рад. Просто великолепно.

Она не понимала, как он может находиться одновременно здесь, с ней, и на том каменистом берегу. Но ведь и в самом центре пламени можно стоять, не сгорая, – проблема только в том, как попасть туда, не обгорев по дороге. Что ж, это невозможно лишь в реальном мире.

* * *

– Я горжусь тобой, папа, – порывисто сказала Сэм.

Он все еще сиял, но отвел взгляд, как впервые влюбленный.

– И нечего стесняться, – заявила она. – Мне на этот счет тоже кое-что известно. И не так уж мало.

– Да, но видеть своего отца нагишом не полагается. По крайней мере, его обнаженные мысли.

Она начала что-то говорить, и в ее голове вдруг возник образ Борегарда, каким она запомнила его в тот раз: с голографической короной, впаривавшего бесплатные билеты на просмотр.

– Господи, может, это действительно невозможно только в реальном мире.

– Что?

Она подумала о Феце и рассмеялась, ее наполняло одновременно и чувство безнадежности, и надежда.

– Все, папа. Все, что имеет значение. Я надеялась, что это не так, я не желала признавать, но…

Экран видеошлема замерцал; в нижнем правом углу появилась маленькая иконка, предупреждающая, что подача электроэнергии вот-вот прекратится.

– Черт!

– В чем дело, Сэм? – Он подошел ближе со встревоженным видом. – Ты начинаешь распадаться…

Она обхватила отца руками в стремительном объятии, а мгновение спустя ее выкинуло оттуда.

* * *

Шатер в стиле сказок «Тысяча и одной ночи» по-прежнему был выполнен в избыточно-орнаментальном стиле, но выглядел неприбранным, неряшливым.

– Какая неожиданная и исторически значимая радость, – изрек Маркт с видимой небрежностью. – Если средства массовой информации когда-нибудь восстановятся, можно будет во всеуслышание объявить, что взаимодействие между старой и новой технологиями и впрямь возможно.

– Где ты, черт побери, был все это время? – заорала Сэм. – Что ты вообще делаешь? Они там совсем одни: отец среди этих камней, а Джина вообще неизвестно где, сама по себе. Что все это значит? Ты говорил, что нуждаешься в их помощи для нейтрализации той заразы, но не упоминал, что собираешься заставить их делать это самостоятельно!

– Другого выхода нет, – спокойно ответил Маркт. – На данном этапе они должны действовать в одиночку. Один из нас сам по природе слишком близок к вирусу, а другой чересчур… меченый.

– Нет у меня сейчас настроения в словесные игры играть, – заявила Сэм. Значок в правом нижнем углу замигал быстрее, и она поискала символ аварийного энергоснабжения. – Ты должен был их предупредить заранее, до того, как они отправились спасать мир. *Твой* мир.

– И ваш тоже, – ровным голосом возразил Маркт. – Вам бы ведь хотелось, чтобы кое-что оставалось невозможным только в реальном мире, разве нет? Разве это вам не свойственно? – Он посмотрел куда-то в сторону. – Прости. События развиваются, и я, боюсь, не смогу больше ограждать вас, питание скоро вырубится. Но все же спасибо, Сэм, твое вмешательство было очень кстати. Программа симпатических вибраций – просто класс. И поблагодари Кили за программу создания помех.

Экран погас.

* * *

Кили помог ей снять видеошлем. Остальные по-прежнему ожидали возле ее рабочего островка, а теперь вопросительно глядели на нее – все, включая Ударника, картошка из которого вышла очень нервная. На нее вдруг накатила волна невыносимого смущения.

– Как там было? – спросил Кили.

– Странно, – ответила она, переведя дух. – Иногда там видишь все сразу, а иногда – только то, что находится прямо

перед тобой. А разрешение требуется раза в четыре лучше, чем нам сейчас доступно, из-за чего я не уловила массу деталей. Там много всякого разного, – трудно сказать точно, всякие элементы, символы и…

Но видеть своего отца нагишом не полагается. По крайней мере, его обнаженные мысли.

– …а может, и нет, – помолчав, сказала она. – А может, нам не надо туда соваться. Черт. Хотела бы я иметь эти гнезда. Или что-то вроде. Или нет. Залезать кому-то в голову таким образом…

По виртукостюму прошел остаточный импульс энергии, и она почувствовала пожатие чьей-то руки. Тогда она поспешно стянула перчатки.

– Простите, я должна переодеться во что-нибудь поудобнее. – Она спешно направилась к своей отгородке.

– Молодчина, Сэм, – крикнул Кили ей вслед. – У тебя вышло.

– Да, вышло, – бросила она через плечо. – На некоторое время.

* * *

– Сэм? – позвал Гейб. Программа создания помех все еще работала, но, похоже, скоро этому придет конец. Пока что она выполняла свою задачу корректно, однако надолго ее не хватит. В конце концов Марк с ней справится, и тогда придется снова отдаться на милость тому побуждению, оглянуться и посмотреть на незнакомца. Милость? Здесь это слово вряд ли годится.

И тут вдруг они возникли прямо перед ним. От неожиданности он даже подскочил на месте, не вполне уверенный, не визуализация ли это его подспудных желаний.

А потом ринулся навстречу, чтобы обнять, но они отступили от его распростертых рук.

– Не можем, вертун. – Выражение лица Марли лишь отчасти было извиняющимся. – Ты ведь дал обет.

– Да, – подтвердила Карита. – Я тоже была при этом. Как и ты.

Он посмотрел попеременно на каждую из них, но никакого влечения не ощутил. Он действительно дал обет, перед Джиной, пообещав ей все то, что считалось невозможным только в реальном мире, и не ожидая от нее ответного обещания. Потому что так и должно было быть, вне зависимости от того, услышал ли ты ответ и каков он был, и по чему приходилось потом ползти – по битому стеклу или по холодным голым камням. Пусть даже с программой симпатических вибраций.

* * *

Когда-нибудь – если вообще удастся из этого выпутаться – Людовик, возможно, поймет. Что это было своего рода мошенничество – с его обетом и выбором. Прежде всего, с выбором, потому что Людовик не осознавал, что делает выбор. По его дереву решений Маркт знал, что он сделал бы тот же самый выбор вне зависимости от обстоятельств, причем упрямо настаивал бы на том, чтобы пройти свой путь до конца, пусть даже ему пришлось бы при этом проползти по всем камням без исключения. Пусть даже с программой симпатических вибраций. Совершенно сознательно он желал поступить таким образом, видя в том свое право. Надо же, право – а вот когда в свое время конфигурация Арта включилась в шаблоны Марли и Кариты, Гейб этого даже не заподозрил. И умудрялся не замечать всю дорогу, хотя трудно было представить, как ему это удавалось. Может, посчитал, что симуляции действительно способны развить в себе такую скорость и адекватность реакции благодаря возросшему числу деревьев решений. И бродил себе в этом волшебном лесу; да, тут должна действовать какая-то магия.

Но магия в том, что никакой магии нет.

Звук и образы – да, но никакой магии. Боль и удовольствие – да, но без магии. Катастрофа и хаос – да, магии же никакой.

Искусственный синтез. Не магия.

Искусники… Без всякой магии.

Совершенно никакой магии.

Это совсем неплохие новости, Людовик.

* * *

– И как это все должно мне помочь? – Гейб был в крайнем раздражении.

– Да ладно, вертун, – сказала то ли Марли, то ли Карита. Теперь их трудно было различить. Будто их составили из фрагментов друг друга. – Если выдержишь это, сможешь выдержать что угодно.

Он покачал головой.

– Ведь если бы магия существовала, – продолжала Карита или Марли, – к чему тогда была бы вера?

Гейб поразмыслил над этим. Потом повернулся. Прямо на него летел кулак Джины размером с автобус, привозящий туристов на Голливудский бульвар, но Гейб был готов принять удар.

* * *

Она спустила ноги с кровати и встала.

Ночное заседание суда. С высоты своего кресла судья глядела на нее с довольной ухмылкой:

– Ты не с той ноги встала с кровати сегодня. Очень характерно для тебя, верно, Джина?

Я не могу оставаться совершенно одна, к чертям собачьим…

– Не получается до тебя добраться, но и тебе до меня не добраться. – Судья легонько стукнула молотком по столу и указала им на стену. – Поэтому можем просто тут постоять друг против друга, пока я не доберусь до него.

На мониторе виднелся Людовик, который, нахмурившись, разглядывал камни.

Какая на хрен разница, Гейб, совершенно неважно, какой из этих долбаных камней…

– Не то чтобы это имело значение, – сказала судья с довольным видом, – но о чем ты просишь суд?

– Нет никакой просьбы, – сказала Джина, хотя в душе ощущала себя куда менее уверенно. – Никогда в жизни никого ни о чем не просила.

– Неужели? – Судью ее ответ позабавил.

Убери свои лапы, сука, это мое мясо.

Как насчет того, чтобы поквитаться?

Она отвернулась от судьи и снова легла в постель.

* * *

– Чем я могу вам помочь?

Гейб помедлил. В комнате отдыха стояла мертвая тишина. У автомата с холодными напитками терпеливо ждали Марли с Каритой. Карита похлопывала по проектору на своем бедре. Девушка подбодрила его:

– Ну, давай дальше.

Он посмотрел вниз, на камни, а потом снова на нее.

– Господи. Я же знаю, чем это заканчивается.

– Ну и давай быстрее, не задерживайся, – торопила Марли.

Это невозможно только в реальном мире.

Он вздохнул.

– Мне показалось, что вам поменять для машины нужно.

– Чем больше перемен, тем меньше понимаешь, что происходит. – Маркт мечтательно улыбнулся, повернул его спиной к себе и толкнул под кулак Джины.

* * *

Она спустила ноги с кровати и встала.

– Именем закона, откройте дверь! – Голос судьи, а может, Мэнни Риверы, который изображает Марка. – Ты там совершенно одна. Ты снова встала с неверной ноги, и теперь ты абсолютно одна.

Она приближалась к центру. Спальня Марка. «Ни фига себе символизм», – подумала Джина. Может, ее и не опалило по дороге, но теперь обстановка явно накалялась.

– Именем закона, отворите!

Забираясь обратно в постель, она задержалась, чтобы спросить:

– Что вы сказали?

* * *

Именем закона… именем закона… Эхо металось в сером воздухе над озером. Гейб мог вообразить, что звуки отскакивают от низко нависших облаков, как бешеные резиновые мячики. И что же это было за имя, которым назывался закон? Он почти нащупал ответ, но тот никак не мог очиститься от шума, которым наполнился его мозг.

Он посмотрел на камень в своей руке и выпустил его. Что-то программа симпатических вибраций не тянет. Во всех этих камнях находился какой-то отзвук, но выбрать, найти тот, единственный, не было никакой возможности.

А кто тебе сказал, что должен быть единственный? Почему бы тебе просто не посмотреть сюда?

Именем закона… Он все искал и искал, стараясь ухватить побольше камней, но имени не было ни на одном. С таким же успехом могло не существовать вообще ничего. Он чувствовал себя дураком.

Дурак, которого обвели вокруг пальца.

Обводной цикл.

Тут он поднял голову к серому небу и рассмеялся.

* * *

Она спустила ноги с кровати и встала.

Ты – звезданутая.

Да, это мы уже выяснили, спасибочки.

Кем ты хочешь быть?

Джина рассмеялась. *Ошибся номером, засранец.*

Неужели, Джина? Неужели? Комната из давних времен; даже удивительно, что так близко к центру, но теперь ее больше ничего не удивляло.

… потому что больший узор содержится в меньшем…

От этой мысли она отмахнулась, даже не задумавшись, кому она принадлежала.

Гнусавый мелодичный голос Дилана. *Я хочу тебя.*

Кем ты хочешь быть?

Но у нее была собственная музыка, со своим звуком и своей картинкой. Мерзкий мост, грохочущий всю дорогу, и рык собственной жажды. И цвета, льющиеся из небесной чаши.

Ты – звезданутая.

Любовничек, я всегда была такой. Я рада, что могу танцевать. Чем будешь крыть?

Оно было настоящим венцом танцевально-трахательно-жрательно-бытийной цепочки и теперь собиралось включить в нее Джину. Она не стала бежать от него.

Я ударила его, но что он может сделать для меня?

* * *

– Я могу отыскать тебя, – сказал Гейб.

…и только десять процентов попадаешь куда-то вовремя, а тогда как раз настало время. И оно все еще длится.

– Браво, вертун, – сказали они все вместе. – Прекрасно, будет совсем не больно.

– По крайней мере, не очень, – добавил голос Кариты.

Его будто швыряло в гигантской бочке, которая катилась по ухабистой дороге, но почему-то это не было неприятно.

Теперь у тебя есть все ассоциации, Гейб. Чей-то голос.

Значит, в этом было все дело, в ассоциациях? Просто чтобы отыскать ее? Это спрашивает он сам.

Лишь частично. Ты был обводным циклом, она – зеркалом. Вот она. Лучше помоги ей. Теперь она достаточно окрепла, чтобы позволить тебе это.

Снова ощущение, будто его проталкивают сквозь тонкую, но неподатливую преграду, через какую-то пластиковую пленку. И он приземляется на ноги в яме. Джина уже оседлала Марка, держа провода обеими руками.

Овальное, в форме глаза, пространство, которое было их жизнью.

* * *

– И что, ты думаешь, произойдет? – спросило то, что выглядело Марком под ней. – Что это такое, как считаешь?

Сильно закружилась голова, и вот она уже видит саму себя, готовую выдернуть провода.

Должна была предвидеть, что это окажется не так-то просто. Ты звезданутая, что верно, то верно. Кем я хочу стать? Да ну, как можно хотеть стать кем-то и не знать об этом?

– Помнишь, там оставалась совсем крошечная часть его? Он открыл глаза и умолял тебя сделать это. Потому что толика его, остававшаяся в теле, была из той последней вашей встречи в Мексике. Помнишь?

Удивившая ее саму порывистость и его нетерпение тоже, и чувство безграничной близости, словно они никогда не держали секретов друг от друга. Потому что он уже приводил ее сюда, на озеро с каменистыми берегами. Врачи ввели этот образ в ее сознание, желая понять, сумеет ли она воспринять его таким, каким он хотел, но он хотел совершенно не того, что они думали. Он привел ее туда, чтобы она была на этом берегу для него.

– Дернешь – и эти воспоминания тоже исчезнут. Можешь ли ты в самом деле на это пойти? Можешь ли все уничтожить, убить не только его, но и ту часть себя, которая задержалась в его теле, которая находится сейчас там? Можешь ли умереть чуть-чуть и выжить после этого?

Она постаралась вернуть точку зрения на прежнее место, но взгляд будто застыл теперь на ее собственном лице. Так кто же действительно был там, глядя на нее его глазами и умоляя выдернуть провода? Марк? Или она сама?

– Если не веришь, что можешь быть в двух местах одновременно – значит, забыла все, что знала прежде. Ты, Людовик с его симулированными подружками, Марк – все я. Сделай это – и все кругом умрет в какой-то мере. Так как: сможешь ли на самом деле?

По выражению своего лица она видела: что-то в тех глазах, от которых она не могла оторвать взгляда, ее/Марка глазах, заставляло ее колебаться. Всплеск дикой надежды, который пронизал ее существо при этом зрелище, оказался не столь чужд ей, как бы ей самой хотелось.

Это научит тебя наслаждаться своей отдельностью, своим драгоценным одиночеством.

Сзади подошел Людовик и тоже взялся за провода поверх ее пальцев.

– О, тебе, мистер Благородный Жест, сделать это будет еще

труднее. Стоит дернуть – и ты убьешь свою радость, уничтожишь последнее звено, связывающее тебя с ними, твоими симулированными подружками, и тогда тебе, скорее всего, не удастся вернуть их никогда. Неужели ты способен на это?

Выражение лица Людовика изменилось, Джина знала, что в данный момент он видит перед собой их.

– Конечно, ты уже пожертвовал ими, отдав тогда все записи, но посмотри, что я вытащил из энергозависимой памяти – тут они все, целиком. Способен так вот взять и убить их? Разве не хотелось бы тебе любым способом их сохранить, чтобы не потерять вновь, и не проще ли снова жить с ними, как было прежде, когда ничего не надо было предпринимать, а тем более делать Благородные Жесты?

– Уж этого-то они никак не ожидают, вертун.

* * *

Принять решение было легко, но стремление быть с ними все еще не пропало. Тоска по ним и прежнему порядку вещей, нипочему, просто оттого…

– Оттого, что ты можешь, – сказала Джина. – Но это не единственное, что ты способен делать в жизни.

Все меняется, когда думаешь, что у тебя нет выбора, и потом вдруг выясняется, что он есть.

– Просто не верится, что придется снова это пройти. – Кулак Джины уже летел ему в лицо. – В них же нет ровным счетом ничего, чего бы не было в тебе самом, вертун. И ты сам прекрасно знаешь, что у тебя есть.

– Но как узнать, что правильно? – спросил он в замешательстве.

– Никак, – ответила она. И понимание пришло к нему одновременно с ее словами. – Это проклятый Шредингеров мир.

Имя закона.

Там, на каменистом берегу, он обернулся не по принуждению, а по собственной воле. И увидел ее, которая только что сама обернулась, чтобы посмотреть на него.

Ее кулак рассекал воздух. Но в этот раз Гейб увернулся, и удар пришелся по Марку.

Их руки взметнулись вместе, и провода выдернулись.

Цепная реакция развивалась со скоростью света, бесчувственная и неостановимая. Она растворила очертания ямы вокруг них, затем озеро с каменистыми берегами, комнату отдыха, ту, что была в Мексике, офис Мэнни, Голливудский

бульвар, все вокруг превратила в ничто, увлекая их за собой.

– Иногда я даже не знала, был ли ты вообще поблизости, – призналась ему Джина.

– И я тоже. – Гейб испытывал одновременно страшную усталость и радостное возбуждение. – Пока не обернешься и не посмотришь – ни за что не узнаешь.

Неожиданно он оказался снова в той странной недоделанной комнате. Наверно, больше не надо никуда отсюда стремиться, теперь все происходит само собой. Обратным ходом – Гейб чувствовал, как волна откатывается назад по следам Большого Удара, обезвреживая один узел за другим на линиях, образующих лучи огромной звезды: Феникс, Сакраменто, Сиэтл, Япония, Мексика, Лондон, Бангкок…

Он повернулся, чтобы сказать что-то Джине. Но ее не было.

* * *

– Эй, – крикнула Джасм. Она приникла ухом к груди Джины. – Не хотела бы стать вестником беды, но я ничего не слышу.

Сэм быстро посмотрела на лежавшего рядом с Джиной отца. Его лицо по-прежнему перекашивала опухшая скула, но отпечатки виртукостюма на теле быстро сглаживались.

– Когда будем их выводить? Или выведем пока только Гейба?

Кили предупреждающе поднял руку, чтобы она замолчала. Сэм перевела взгляд на Ударника. Он решил остаться в своей новой роли официальной картошки, и девушка решила, что возражать не стоит. После того, как она отправилась вслед за ними – пусть с помощью старой технологии и на краткое время, пусть даже не достигнув особых результатов, – ее статус каким-то образом изменился.

Однако при необходимости она вполне могла допрыгнуть до места, где сидел Ударник, и выдернуть иглы из его живота. Одним рывком. Если это потребуется, чтобы спасти жизнь Гейбу…

– Забабахаем-ка вот что, – раздался голос Перси. В руках у него был плащ, подсоединенный к большой системе. С лицевой стороны теперь исчезли все узоры, она была совершенно белой.

* * *

«Успокойся», – велел себе Гейб. Ведь он посмотрел только в

одну сторону. Она могла быть где угодно в этой комнате. Шредингерова Джина…

Окно по-прежнему чернело на фоне проносящихся облаков. Он шагнул к нему и остановился. Дверь открывалась теперь только в одну сторону, и один раз она уже пропустила его. Можно было либо ждать, либо уйти.

* * *

Они парили в почти совершенном равновесии. Вирус был побежден, и Маркт раскрылся, так что она могла видеть все: жизнь Маркта, жизнь Марка и свою жизнь, со всеми их пересечениями, как было всегда.

– Потанцуем, – предложил Марк, поднявшись на поверхность их составного существа. – Будем скакать целую ночь, а потом все вокруг сначала спалим дотла, а потом снова сплавим воедино. Умрем, не успев состариться. И будем жить вечно.

Она колебалась.

– Теперь все будет лучше, чем когда бы то ни было прежде, – заверил ее Маркт. – Мы теперь привиты. Даже если зараза вернется, она не сможет нас коснуться.

– Я хочу тебя, – сказал Марк. – И всегда хотел. Просто не мог пробиться через всякие шумы. Теперь шум исчез, а желание осталось.

Сквозь все еще открытое окно она видела вдалеке маленькую фигурку Гейба Людовика, который ждал ее.

– Я рожден для этого. Здесь, теперь, я могу быть с тобой, для тебя. Это было невозможно только в реальном мире.

Она приникла лицом к его костлявой груди, цепляясь за то, что от него осталось. Не бренные останки, но суть. *Теперь – лучше, чем когда-либо прежде.*

– Все необходимое оборудование у нас в комнате, – сказал он, ведя ее по длинному коридору. Затем открыл дверь, шагнул внутрь и протянул ей руку. Маркт наклонился ближе.

– Мозг не чувствует боли.

На сей раз аргумент выглядел убедительнее.

* * *

Он знал. Почувствовал через темный прямоугольник окна и понял: то, что они предложили Джине, затмевало его собственный дар ей.

Значит, поэтому они проникли внутрь так легко? Неужели Джина хотела остаться с Марком так сильно? А если да, зачем он-то сам отправился вместе с ней? Чтобы убедить выйти наружу, когда все закончится? Боже, он ведь знал ее всего несколько месяцев. Прожив в браке пятнадцать лет, он не способен был даже уговорить жену выйти из ее запечатанного от него офиса. Как мог он противостоять двадцати годам чьей-то жизни, соревноваться с тем, что в ней было, чем бы оно ни являлось – видео, искусным синтезом, симпатической вибрацией?

Эй, Джина, выходи оттуда и вдарь мне хорошенько. Поверь, ты от этого лучше себя почувствуешь.

Ну, конечно. Это когда мозг не чувствует боли?

Какого черта, как сказала бы Джина, будь она тут. Ты получил удар в челюсть и, на некоторое время, жизнь. Продолжай в том же духе, может, кто-нибудь и покажет тебе небо в алмазах. Но не сегодня.

Он подчинился силе, тянувшей его наружу, и исчез из комнаты.

* * *

– Теперь бьется, но не чаще десяти ударов в минуту. – Джасм держала запястье Джины. Сэм крепче сжала провода, ведущие к иглам в ее животе. Раздался шорох: лежавший на матрасе Гейб пошевелился. Кили встал рядом с ним на колени, потом поднял глаза на Сэм.

– Он выходит.

– Она – нет, – сказала Джасм.

* * *

Прошло еще несколько часов, прежде чем ощущение дезориентации и неясности мыслей начало отступать. Джина все еще не очнулась. Не обращая внимания на свою опухшую челюсть, Гейб рассказал в нескольких словах, что с ней происходило или могло происходить. Сэм мягко напомнила ему, что в этом случае нельзя быть ни в чем уверенным, и он не стал возражать, не стал говорить, что повернулся тогда к Джине, но ее не было. По крайней мере, не сказал этого вслух.

На следующее утро начали прорезаться местные каналы инфолайна, дикторы раз за разом повторяли краткое изложение минувших событий. Полное число пострадавших от гнезд еще

предстояло установить. Лос-Анджелес по-прежнему горел, в городе действовало чрезвычайное положение.

Парнишка по имени Перси предложил ему болеутоляющий пластырь.

– Нет, от них я слегка глупею. – Отказался он, отводя его руку. – Но спасибо, конечно.

Он осыпал Сэм знаками внимания и рассказал ей все, что случилось с ним до того, как они встретились на кладбище, хотя большую часть этой истории она уже слышала. О том, что произошло потом, он не обязан был ей рассказывать, не стал даже и пытаться.

Всю следующую ночь Джина так и не приходила в сознание, и он сам уложил Сэм спать, заботливо подоткнув одеяло, в ее «отгородке», как она называла уголок, где хранились ее пожитки. Бывший инжектор лежал теперь без дела, все его содержимое было перекачано обратно в большую систему, поэтому теперь недолго оставалось до того момента, когда контакт с Марктом снова будет установлен на их внушительной стене из мониторов. Этого все ждали с явным нетерпением.

Сэм заснула, Джина оставалась в прежнем состоянии. Так много дверей открывается только в одну сторону, и можно либо ждать, либо уйти.

Может, магии и не существует, но на какие-то мгновения, Джина, мне показалось, что она все же есть. Пусть их было немного, но все же более чем достаточно. Ну как, для тебя это достаточно высоко в тупосфере?

Иди куда-нибудь. Двигайся.

Он коснулся своей опухшей щеки. Место входа; неплохое место и для выхода тоже.

Усилия, тянувшего наружу, больше не ощущалось, но он все же вышел.

Эпилог

Горевшая на телефонном аппарате лампочка означала, что поступило сообщение по электронной почте. Он набрал номер местного узла связи, где чей-то добродушный стариковский голос зачитал текст. Просто благодарственная записка из школы за его последние симуляции для изучающих геометрию. Все же Гейб был рад. Эта область была весьма специфической и особых денег не приносила. Однако если бы они заказали себе специальную программу по инфолайну, то пробили бы существенную брешь в бюджете; та же толика, которую брал Гейб за свою работу, вкупе с толикой, зарабатываемой на голограммах, которые время от времени ему удавалось продавать, позволяли ему существовать относительно безбедно. Доход его устраивал, но инфолайн злил безмерно. Им по-прежнему заправляли алчные прохвосты, стремившиеся содрать деньги за каждый бит информации, которых происшедшее ничему не научило. Поэтому он не уставал радоваться, что отказался проводить инфолайн в свой дом.

Домик был симпатичный. Поменьше, чем кондоминиум в Резеде, но куда более уютный. И выглядел вполне обитаемым. Не стильным, возможно, – обстановка состояла из отдельных, случайно подобравшихся предметов, к тому же прежние владельцы явно заключили выгодную сделку, закупив партию обоев с желтыми утятами. Эти мультяшные утята плескались на стенах в кухне, гостиной и спальне – там, правда, почему-то только на одной из стен. Но с желтыми утятами он мог смириться. Они не трогали его, а он – их.

Вот с системой электропроводки смириться было труднее. Приходилось отключать холодильник, чтобы запускать голографическую камеру. Но пока что ничего – ни пища, ни голограммы – не испортилось.

Единственное, что его несколько тревожило – полное отсутствие у него способностей садовника. Заднему двору, видимо, навечно было суждено оставаться безобразно заросшим, несмотря на все его старания.

Зато с передней лужайкой все было в порядке. Примерно в пятидесяти ярдах от крыльца она обрывалась, переходя в скалистый уступ. Ничто не загораживало вида на океан. Там, в нескольких сотнях ярдов от берега, кто-то устроил подводную

ферму; через бинокль можно было наблюдать, как дельфины то ныряют, то поднимаются к поверхности, трудясь на этой ферме. Порой он ничем другим больше и не занимался, только сидел и наблюдал за ними.

* * *

Поначалу ему казалось, что одиночество сделает его чудаком, но потом он просто спросил себя: насколько еще более странным можно стать? И больше эта мысль его не посещала. Жить одному оказалось не так уж и плохо. Если у него вдруг возникало желание побыть среди других людей, он всегда мог прогуляться полторы мили до деревни и купить там все необходимое.

На хилой главной улице деревушки имелся один медиа-бар, куда ему захотелось заглянуть лишь однажды. Это случилось вскоре после того, как он въехал в свое новое жилище. Гейб проходил мимо, дверь была открыта, и вдруг он услышал свое имя. Тогда он остановился послушать дальше. Диктор зачитывал список людей с гнездами, которые все еще числились без вести пропавшими. Там же, вместе с массой неизвестных ему людей, значилась и Джина. Он не стал никого извещать о своем существовании, тем более что теперь не пользовался прежним именем.

Его также не заботила возможность опознания по прежним фотографиям. Волосы у него сильно поседели и отросли почти до плеч. Так он стал больше походить на жителей деревни. Внешним видом.

Но через несколько дней после этого происшествия – или не-происшествия – ему приснился сон обо всем, что случилось, впервые за долгое время. Не слишком длинный, по верхам основных событий, приведших к отъезду из полуразрушенной гостиницы на Мимозе. Но с этого момента сон стал очень подробным: сначала длинный путь пешком под явно неодобрительными взглядами сторонников выживания в экстремальных условиях, потом поездка на грузовом автофургоне со стариком-водителем в Санта-Исабель. Там он сказал красавице по имени Гатор, что пойдет прогуляться, проветриться. Тогда ему показалось, что девушка ему поверила, но во сне она видела его насквозь. Может, она и тогда знала, что он смывается. А может, наоборот, потратила еще день или два, разъезжая на машине Флавии, пока ее малолетние подручные проверяли, не валяется ли его тело где-то среди кадров под пирсом. Теперь решить было трудно.

Из Санта-Исабель его подбросили еще на несколько сот миль к северу. Но время, проведенное в Рено, во сне было отражено опять же отрывочно, ехать туда оказалось явной ошибкой. Подробности вернулись, когда он вновь оказался на побережье, прилично к северу от Лос-Анджелеса, но еще далеко не доезжая до Сан-Франциско. Во сне он также прошел через процедуры эвакуации и таким образом заделался для жителей деревни беженцем из погибшего Лос-Анджелеса. Всеобщее сочувствие; никто не заподозрил, что у него были гнезда, а он не стал никого в этом разуверять.

Должно быть, этот сон мог отобразить все, что произошло потом, вплоть до той минуты, когда он лег в постель вечером, но Гейб заставил себя проснуться и больше не ложиться, несмотря на ранний час, и весь день настраивал свой мозг на то, чтобы тот больше не пускался в ностальгические воспоминания.

Какое-то время это работало. Потом он обнаружил, что уже способен иногда видеть сны о Джине. Если выносить что-либо достаточно долго, можно привыкнуть почти к чему угодно.

* * *

Постепенно Гейб потерял счет времени. Он ждал, когда это произойдет, но, однажды вдруг осознав, что действительно не помнит, сколько раз менялись лето и зима с тех пор, как он покинул Мимозу, не в силах был понять, радует его это или печалит. Не знать, сколько точно времени прошло между какими-то событиями, вполне соответствовало контексту и не причиняло никаких неудобств. Работа над школьными проектами поддерживала в его жизни некий разумный ритм.

Эта работа доставляла ему гораздо больше удовольствия, чем он мог предположить, несмотря на то что все приходилось делать на подержанном оборудовании со склада к северу от деревни. Далеко не последнее слово техники, но для его целей всякие рюшечки, блестки и танцующие медведи были ни к чему. «Технология, подходящая для выполнения конкретной задачи, – убеждал он себя. – Ничего больше». Эти слова помогали жить. Куда лучше, чем «ты потерял вкус к новинкам».

* * *

Увидев ее у себя на передней лужайке, он подумал, что смотрит очередной сон, тот самый, которого боялся: когда она

появляется в его новом контексте, ухмыляясь своей всезнающей улыбкой, и заявляет: «Эй, я вовсе не умерла. Я просто невозможна для реального мира».

Потом из-за угла дома показалась Сэм, и он решил, что это точно галлюцинация.

Гейб прикрыл переднюю дверь, пошел в кухню с желтыми утятами и плеснул водой себе в лицо.

– Ну вот, – сказал он себе. – Никого. Только я и утята.

В дверь очень вежливо постучали.

– Открой, Людовик. Это взаправду.

* * *

– Как ты сказала? – переспросил он.

– Е-клон. Вот почему я так долго не могла очнуться. – Она растянулась на его подержанной кушетке, в то время как Гейб сидел на подлокотнике. Сэм бродила по дому, утята ей вроде нравились.

– Они сделали полную копию. Насколько это было возможно, – продолжала Джина. – До хрена времени ушло на сверку и устранение ошибок.

– Спасибо, Господи, – вдруг сказал Гейб.

– Что?

– Ты сказала «до хрена». Думал, уж не дождусь, пока ты это выдашь.

Она посмотрела на него с укоризной.

– Ты ушел прежде, чем я смогла объяснить, что происходит.

Почти обвинение. Но он чувствовал, что она не сердится.

– Я очнулась почти через неделю, умирая от голода, а там у них ничего, кроме тех пакетов от экстремалов, не было: одно долбаное банановое пюре и долбаный фасолевый суп. А по инфолайну, как назло, кулинарное порно. Поверишь ли, что первыми на инфолайн вернулись именно долбаные порноканалы?

Он пожал плечами.

– Конечно. Почему бы и нет?

– Я заметила, у тебя нет инфолайна.

– Нет, – согласился он. – Это точно.

Она рассказала, что потом они находились у Диза – к тому времени все стали именовать сие учреждение Больницей Святого Дисмаса для Неизлечимо Информированных. Без личного автомобиля передвигаться было непросто. Но в первый же день, как только вновь открылись пункты проката, они с Сэм уехали. Сэм нахлебалась совместного проживания, а она – всего на свете.

– А что с Ударником? – спросил он.

Она пожала плечами.

– А что с ним?

* * *

– Но ты же не можешь на самом деле находиться в двух местах сразу, – поделился своими сомнениями он, когда все, сварганив себе какую-то горячую еду, уселись за стол. По сусекам наскребли, но хотя бы не постылое пюре из пакета. – Если они сделали электронную копию, а ты сидишь здесь, значит, твой клон – лишь сложная, способная решать разнообразные задачи программа. Но она не обладает сознанием.

– Если прежде она им и не обладала. – Вмешалась Сэм, – то теперь – вполне. Она слилась с Марктом. И еще с Марли и Каритой.

Он быстро кивнул. Ну да, конечно.

– Ах да, вспомнила, – сказала Джина, глядя ему в лицо.

Она достала из кармана рубашки несколько чипов и положила их на стол. Гейб уставился на них. Вокруг в безумном танце закружились желтые утята.

– Они не пострадали. Маркт скопировал программы и оставил оригиналы для тебя. Они снова твои.

Чипы поблескивали под лампой. Джина подвинула их на середину стола, поближе к нему.

– И ты не прав, – добавила она. – С точки зрения Марка, я там осталась, чтобы быть с ним. И мне этого достаточно. Хочешь правду, самую что ни на есть? Я бы не смогла там остаться. Марк – прирожденный искусник, а я была рождена, чтобы просто жить. – Она широко улыбнулась. – Только тот, кто имеет тело, действительно может танцевать всю ночь во время набега или спрыгивать с крыши на шнурах.

Сэм извинилась и вышла в гостиную.

– Догадываюсь, – сказал он. – И делать все это для того, чтобы перелить ощущения в симулированную реальность. Но, пробыв здесь… Не знаю точно, сколько я тут пробыл… – По ее лицу было ясно, что она-то знала это с точностью до дня. – Я теперь не вижу в этом особого смысла. Делать что-то просто ради симуляции делания чего-то.

Джина расхохоталась.

– Симуляцию в задницу! Да я и видео-то снимала только для того, чтобы иметь возможность делать всю эту хрень самой!

* * *

Сэм прижала уголок глаза мизинцем.

– Наблюдать за этим стало трудновато. Нет. Просто невыносимо. – Она вздохнула. – На моих глазах разворачивалось – я все время об этом думала – совершенно душераздирающее зрелище. Как ни глупо это звучит, у меня просто сердце разрывалось.

Присев рядом с ней на кушетку, Гейб похлопал дочь по плечу, пытаясь сообразить, что бы такое отечески-мудрое сказать ей в утешение.

– Мы делаем то, что делаем, – начал он через минуту, – и любим, потому что можем. И мы не способны противостоять своим чувствам. – Он хмыкнул. – Иногда остается просто дать им волю.

– Я могла хакнуть что угодно, – сказала Сэм. – Любую программу. Даже то чертово «копье» хакнула. Но для этого у меня способа нет.

Гейб кивнул.

– Добро пожаловать во взрослый мир.

Она бросила на него взгляд искоса.

– Прости. – Он пожал плечами. – Но это, кажется, все.

– Этого я и боялась. – Она снова прижала уголок глаза.

– Ну, поплачь же. Я никому не скажу, что ты не крутая.

– Спасибо.

Он обнял ее обеими руками.

– Да ладно. Для чего еще нужен отец?

* * *

Отыскала его Сэм. Как выяснилось, найти его было не так уж и трудно. Если, конечно, задаться такой целью. В радиусе нескольких сот миль другого независимого разработчика симуляций не было.

– Все прочие стянулись к центру событий, – рассказывала Джина, пока они вместе гуляли возле дома. Стояла ночь, в небе сияла луна, они все говорили и говорили, почти без умолку, а если и замолкали, то только для того, чтобы продолжить с новыми силами. Говорить и бродить. Находиться в движении казалось важным.

– Даже многие люди из больницы Святого Дисмаса. Тот старик, Фец, консультировался с некоторыми врачами и специалистами, заслуживающими доверия. Новое существование

Марка для большинства остается секретом, но оно открывает большие возможности для лечения мозговых травм, нарушений и всякого такого прочего.

– Но для этого все равно будут нужны гнезда, – заметил он.

– Да, гнезда по-прежнему будут нужны. – Она немного помолчала. – Осталось не так уж много людей с гнездами, которых освидетельствовали, и чью жизнь признали вне опасности. И совсем немного тех, кто готов помочь в новых исследованиях.

Она явно хотела продолжить тему, но что-то побудило ее отвлечься. Он вздохнул с облегчением.

* * *

Но еще через несколько часов она вновь вернулась к этой теме. Солнце уже стояло высоко, но он не чувствовал ни усталости, ни сонливости, будто где-то внутри вдруг заработал генератор, снабжавший его по желанию неограниченным запасом энергии. Никакой магии, конечно.

– Я не могу и дальше делать все в одиночку, – сказала Джина. – Подключаться чуть не каждый день, или через день. Пришлось потребовать, чтобы они пока, черт их дери, оставили меня в покое.

Они присели на траву невдалеке от обрыва.

– Но они не отставали, поэтому я уехала. Они хотят создать новую, защищенную сеть, а я им сказала: «Прекрасно. Флаг вам в руки, я за вас всю работу делать не собираюсь».

– Защищенную, значит, – мрачно произнес он. – А я-то думал, что после всего, что было, гнезда запретят к чертовой матери. Прикроют эту лавочку окончательно.

– Сейчас никто не занимается этой процедурой, – пояснила она. – Но это временно. Как только будут приняты необходимые меры безопасности, бизнес возобновится.

Он нахмурился.

– И кто его возобновит?

– Люди, которые могут эти гнезда вживлять. Доктора по гнездам. Доктора и сейчас уже при деле, сертифицируют выживших. Их немного, но значительно больше, чем можно было подумать. – Она вытянула травинку и принялась ее разглядывать. – Меня сертифицировали. Тебя, думаю, нет.

– Нет. И не собираюсь к ним приближаться. Гнезда должны быть запрещены.

– Забудь Шредингера. Эй, Пандора, как твоя головная боль? –

Она широко улыбнулась, и Гейб не смог удержаться от ответной улыбки. – Марк знал, что дверь открывается только в одну сторону. Стоит чему-то вырваться из ящика – и запихнуть его обратно уже не удастся. Эту технологию уже не похоронить. Нам остается только оседлать ее и постараться не вывалиться из седла.

Он покачал головой.

– Технология, подходящая для выполнения конкретной задачи. Вот что требуется. Именно так я тут живу.

– Да? – Она подсела к нему поближе. – А подумай-ка вот над чем. Любая «технология, подходящая для выполнения конкретной задачи» кому-то наносит вред. Иногда даже чертовой уйме кого-то. Ядерный распад, синтез, долбаный конвейер Форда, гребаный аэроплан. Господи, да хоть огонь. У каждой технологии есть свой первородный грех. – Она рассмеялась. – Что делает всех нас первородными грешниками. Не выдержавшими искушения. Искусниками. И нам приходится жить дальше с тем, что мы сотворили.

Далеко на водной глади Гейб различил морщинку – скорее всего, там только что нырнул дельфин.

– Подумай об этом, – повторила она.

– Обязательно. – Он повернулся к ней. – Но придется крепко подумать. Это будет нелегко. Я еще… – Он помолчал, потом пожал плечами. – Может, для этого моего состояния еще и названия не придумано. Но, как бы это ни называлось… – Он развел руками. – Оно вот такое.

– Не страшно, думай сколько хочешь.

Он чуть нахмурился.

– Судя по твоим словам, ты куда-то спешишь?

– Я спешила добраться сюда.

Он не сразу смог ответить.

– Значит, первый попавшийся порт во время шторма?

– А ты еще спрашиваешь, черт тебя дери? Ты что, тупой?

Откинув назад голову, он расхохотался.

– Просто хотел услышать от тебя. Как, не слишком ли высоко это в тупосфере?

– Нет. – Она ухмыльнулась. – В самый раз.

notes

Примечания

1

Имеется в виду сериал «Звездный путь», где представителей одной из инопланетных рас – вулканцев – нередко упрекали в бесчувственности. А также они особым захватом вырубали противника, лишая его чувств *(Здесь и далее прим. перев.)*

2

Святой Дисмас – один из распятых с Христом разбойников, который попросил у него благословения (Лука 23:39–43). Считается покровителем приговоренных к смерти, воров, могильщиков, заключенных. В мире «Искусников» его покровительство распространяется на тех, чей разум не выдержал обрушившихся на него информационных потоков.

3

Гора Рашмор – гора на северо-западе США, на которой высечены изображения четырех президентов Соединенных Штатов.

4

«Китайский кинотеатр» – исторический кинотеатр в самом центре Голливудского бульвара, где торжественно проходят все премьеры.

5

Намек на цикл произведений Брюса Стерлинга о столкновении в далеком будущем двух фракций – «шейперов» и «механистов».

6

Vince Omniaveritas – псевдоним Брюса Стерлинга, под которым этот писатель опубликовал несколько своих произведений.

7

Мариачи – мексиканские уличные музыканты.

8

Мучачо – парень (исп.), фамильярное обращение к испаноязычным.

9

Piggybacking – способ взлома, при котором хакер подключает компьютерный терминал к каналу связи через коммуникационную аппаратуру в тот момент времени, когда сотрудник, отвечающий за работу средства компьютерной техники, кратковременно покидает свое рабочее место, оставляя терминал в активном режиме.

10

Ars longa, vita brevis – жизнь коротка – искусство вечно (лат.)

11

Эрвин Шредингер – один из основоположников квантовой физики, автор знаменитого мысленного эксперимента: кошка помещена в закрытый ящик, где также находится радиоактивная частица, счетчик Гейгера и баллончик с ядовитым газом, который срабатывает, когда счетчик фиксирует радиацию. Жизнь кошки зависит от того, как поведет себя частица – как корпускула или как волна: в первом случае счетчик включается, во втором нет. Но по законам квантовой механики частица может находиться одновременно в двух когерентных состояниях, а значит, подопытная кошка в закрытом ящике одновременно и жива, и мертва.

12

Quel fromage – здесь: «Ну и вонючка!» (фр.)

13

Dodge – обман, уловка (англ.)

14

Музыкальный стиль, зародившийся в 20-х гг. XX века в Америке и достигший расцвета в конце 50-х гг. в Англии. Его характерная черта – использование наряду с гитарой и барабанами импровизированных инструментов из подручных средств: например, стиральной доски или самодельного одностру нного баса из ручки от швабры, прикрепленной к пустому чайному коробу.

15

Чарлз Хардин «Бадди» Холли – звезда раннего американского рока из Техаса, написал десятки рок-песен, ставших классикой. Его часто называют американским предшественником «Битлз». Погиб в 1959 г. в автокатастрофе.

16

Владзио Валентино Либераче (1919–1987) – знаменитый американский пианист и шоумэн.

17

Один из первых концентрационных лагерей в фашистской Германии, был создан в 1933 г. на окраине города Дахау, близ Мюнхена.

18

Горы в Пенсильвании, США.

19

Арт – распространенное мужское имя, но слово «art» означает по-английски также «искусство».

По-английски в этом сочетании отчетливо слышится слово «artificial» – искусственный.

21

Тест, предложенный математиком Аланом Тьюрингом для проверки систем искусственного интеллекта. Машина должна вести по телефону диалог с человеком таким образом, чтобы тот не догадался, что беседует с компьютером.

22

«It don’t mean a thing if it ain’t got that swing» – знаменитая фраза из песни Дюка Эллингтона.

23

Трансатлантический пассажирский дирижабль «Гинденбург» был построен в Германии в 1936 г. В мае 1937 г. во время посадки дирижабль загорелся, в огне погибло 36 человек из 97 на борту. Пожар на «Гинденбурге» стал крупнейшей воздушной катастрофой тех лет, и с ним закончилась короткая эра использования дирижаблей для трансатлантических перевозок.

24

Героиня драмы американского режиссера Дэниела Манна «Вернись, малышка Шеба» (Come Back, Little Sheba, 1952) о попытке опустившегося бывшего алкоголика Дока Дилени и его жены-домохозяйки наладить жизнь. Марк, видимо, соотносит свое покинутое тело с Доком из этого классического фильма.

25

Мимикрировавшие под людей пришельцы, которые имели вначале вид гигантских стручков, из фильма «Вторжение похитителей тел» (Invasion of the Body Snatchers, 1956) Дона Сигела по сценарию Джека Финнея.

26

В квартале Уотс, расположенном неподалеку от центра Лос-Анджелеса, селились малоимущие люди, с 1926 года – преимущественно афроамериканцы, затем – чиканос. Именно отсюда разгорелся бунт 1965 года, не утихавший около недели. Дурную славу района начиная с 70-х годов пытаются оттеснить на задний план, привлекая местных детей к художественному творчеству в рамках программы Башен Уотса, названной в честь ажурных скульптурных конструкций высотой около 30 метров, возведенных из металлолома за 33 года (с 1921 по 1954 г.) в свободное от работы время иммигрантом из Италии Симоном Родайа.

27

Вернер Гейзенберг – немецкий физик, лауреат Нобелевской премии, один из создателей квантовой механики.

28

Рихард Крафт-Эбинг – австрийский психиатр рубежа XIX–XX веков, впервые использовавший термин «садизм» в своей работе «Психопатология секса».

29

Искаженное «Джаганнатха» (*санскрит.* – владыка мира), безрукий и безногий бог, особо почитавшийся в Бенгалии и Ориссе. Согласно одному из мифов, был создан из пепла, оставшегося после кремации Кришны. Его культ включал в себя ритуальные самоистязания и самоубийства верующих, бросавшихся под колесницу, на которой возили его изображение. Отсюда возник известный образ колесницы Джаггернаута, давящей человека своими колесами.

30

Wasted – песня группы «Черный флаг» о наступающем кибермире из альбома 1978 года.

31

Сан-Бернардино – небольшой университетский и курортный город в ста километрах к западу от Лос-Анджелеса.

32

Имеется в виду Джими Хендрикс, легендарный рок-музыкант.

33

Мем (выч.) – единица информации, способная к репликации. Термин используется теперь также в культурологии для обозначения воспроизводящихся единиц культурной эволюции.

34

Паттерн – характеристика биоэлектрической активности, отражающая функциональное состояние головного мозга.

35

Weltanschauung (нем.) – мировоззрение

Homo datum (лат.) – человек информационной сферы

37

Американский просветитель, естествоиспытатель и романтик Генри Торо провел два года и два месяца на берегах озера Уолден в штате Массачусетс в построенной им самим хижине, чтобы доказать возможность для современного человека жить в гармонии с природой.

38

В английской транскрипции «Маркт» совпадает с «marked» – меченый.

39

Outré (фр.) – вызывающий

40

Старинная восточная игра, где поле разделено на четыре части, разновидность го.